

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Сибирское отделение
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
Дальневосточное отделение
Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока

NOMADIC EMPIRES OF EURASIA

features of historical dynamics

Moscow
Nauka — Vostochnaya Literatura
2019

КОЧЕВЫЕ ИМПЕРИИ ЕВРАЗИИ

особенности исторической динамики

Москва
Наука — Восточная литература
2019

УДК 94
ББК 63.3(0)
К75

*Монография выполнена и опубликована при финансовой поддержке
гранта Правительства Российской Федерации № 14.W03.31.0016
«Динамика народов и империй в истории Внутренней Азии»*

Ответственные редакторы
акад. РАН Б.В. Базаров, чл.-корр. РАН Н.Н. Крадин

Рецензенты
д.и.н., проф. А.А. Тишкин, д.и.н., проф. А.В. Харинский

Кочевые империи Евразии : особенности исторической динамики / отв. ред. Б.В. Базаров, Н.Н. Крадин ; Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН ; Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. — М.: Наука — Вост. лит., 2019. — 503 с. — ISBN 978-5-02-039849-8
DOI 10.30792/978-5-02-039849-8-2019

В течение более чем двух с лишним тысяч лет на территории Евразии возникали особые политические образования — кочевые империи, которые сыграли важную роль в истории Старого Света. В книге последовательно излагаются особенности экономики, общественной структуры, институтов власти, административно-политического устройства 17 кочевых и полукочевых крупных держав от скифов до джунгар и маньчжуров. Делается вывод о наличии определенной преемственности и постепенного усложнения степных держав, их увеличивающейся интеграции с оседло-городскими цивилизациями.

For more than two thousand years, the large polities have emerged on the territory of Eurasia — nomadic empires, which played an important role in the history of the Old World. The features of the economy, social structure, power institutions, administrative-political structure of 17 nomadic and semi-nomadic major powers from Scythians to Dzungars and Manchurians are consistently described. It is concluded that there is a continuity and complication of the steppe polities, increasing integration between settled civilizations and steppe societies.

- © Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, 2019
- © Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, 2019
- © Редакционно-издательское оформление. Наука — Восточная литература, 2019

ISBN 978-5-02-039849-8

Предисловие

В течение почти двух тысяч лет в евразийских степях доминировали кочевые империи — крупные политии, созданные скотоводами. Фактически это было время расцвета степных обществ, «золотой век» номадизма. Соседние земледельческо-городские общества описывают кочевников как воинственных варваров, основными занятиями которых были набеги на оседлые государства и войны между собой. На самом деле жизнедеятельность империй номадов была более сложной: помимо внешних источников существования важное место отводилось использованию внутренних ресурсов, включая земледелие, активно развивалось градостроительство. Номады не только заимствовали изобретения у своих оседлых соседей и активно распространяли их по ойкумене, но и сами внесли важный вклад в историю человечества в связи с domestikацией, появлением колесниц и верховой езды, распространением бронзолитейного производства в Старом Свете, изобретением стремян, созданием тяжелой кавалерии, распространением индоевропейских и тюркских языков и т.д.

Цель настоящей книги — проследить историческую динамику кочевых империй начиная с классической древности вплоть до рубежа раннего Нового времени, когда, по образному замечанию Ф. Броделя (1986: 112), «порох и пушки одержали верх над их быстротой». В советский период в большинстве работ данный вопрос рассматривался с марксистских позиций в рамках так называемой дискуссии о «кочевом феодализме» (подробнее см.: Крадин 1992; Васютин, Дашковский 2009). Предполагалось, что общества древних кочевников были первобытными или раннерабовладельческими (в трактовке ряда исследователей довоенного времени), тогда как у средневековых и более поздних номадов был феодализм. При этом реальные факты нередко пытались втиснуть в прокрустово ложе догматических схем. Так, крупные империи кочевников (киданей, монголов и др.) интерпретировались как «раннефеодальные», тогда как общества номадов нового времени (казахов, киргизов, туркмен) относили к развитому феодализму.

В этом контексте большое значение имела критика однолинейного прогрессивизма в работах тех исследователей, которые подчеркивали, что кочевники не вписываются в схему сменяющих друг друга формаций и правильнее было бы говорить об определенных пределах их развития, преобладании циклических тенденций. Важное значение для понимания природы номадизма имели концепции «предклассового» (Марков 1976) и «раннеклассового» (Хазанов 1975) общества у кочевников. В их работах уделялось особое внимание проблеме цикличности социальных процессов в обществах кочевников, подчеркивались важные структурные отличия обществ номадов от оседло-земледельческих цивилизаций. Впоследствии эти идеи были развиты в концепциях «кочевой цивилизации» (Масанов 1995) и особого пути социальной эволюции кочевых империй (Крадин 1992; 2002).

Вместе с тем нельзя отрицать определенную, подчас принципиально важную динамику кочевых обществ. Одни стороны жизнедеятельности обществ номадов претерпели глубокие изменения с эпохи древности, другие остались почти неизменными. Задача этой работы — показать характер динамики различных экономических, социальных и культурных процессов и институтов в древних и средневековых кочевых империях Центральной Азии.

Хронологические рамки книги — от момента формирования первых квазиимперских политий и ранних кочевых империй до рубежа Нового времени, когда эпоха доминирования кочевников завершилась модернизацией и созданием капиталистической мир-системы. Основные географические границы исследования — территория Внутренней Азии, где было расположено большинство степных империй. Однако для комплексного изучения рассматриваемой темы было важно сравнить державы номадов Внутренней Азии с империями и квазиимперскими конфедерациями двух других регионов евразийских степей — Средней Азией и аридными зонами Восточной Европы. Мы рассматриваем степную Евразию как единый мир, в котором крупнейшие аграрные цивилизации Старого Света (Китай, Индия, Средняя Азия, Ближний Восток) были связаны сетью торговых, политических, престижных и информационных коммуникаций. Здесь уместно напомнить важную мысль В. Либермана о необходимости рассматривать данный регион как целостное историко-географическое пространство (есть соблазн назвать его Внутренней Евразией) в противовес окраинным регионам с обеих сторон Старого Света с большой ролью для последних морских коммуникаций (Lieberman 2009: 92–116).

В то же самое время применительно к степным пространствам Евразии необходимо учитывать разделение на различные части — Западную и Восточную Евразию (Голден 1993; Golden 2011b), пояс степных прерий от Паннонии до Маньчжурии и расположенную к югу от него зону пустынь и оазисов (Fletcher 1986), как и выделение восточноевропейских степей, Средней или, как сейчас говорят, Центральной Азии, а также Хартленда номадизма — Центральной/Внутренней Азии (Drompp 1989). Последняя классификация соответствует современным представлениям географов о районировании евразийских степей (Чибилёв 2016: 36–38).

Для древних и средневековых кочевников Восточной Европы, которые занимали территорию длинного степного языка, протянувшегося от Паннонии до Каспия, и соседствовали с Византией/Турцией, Русью/Россией, частично с Южной и Восточной Европой (Болгария, Венгрия, Польша, Литва и др.), было характерно создание средних квазиимперских конфедераций (печенеги, половцы, татарские ханства позднего средневековья и т.д.) либо государств с кочевой элитой (Аварский каганат, Болгария, Венгрия). Большие империи, подобные Гуннской державе или Золотой Орде, здесь редкость, расстояния между кочевниками и оседлым населением невелики. Степные территории приемлемы как для скотоводства, так и для земледелия (Гаврилюк 1999).

Срединная часть аридных зон Евразии, условно называемая Средней Азией, начинается от Приуралья и простирается по территории Северного Казахстана вплоть до Синцзяна (Восточного Туркестана). К югу от них расположены горные и полупустынные зоны. Поскольку в регионе не было больших оседло-городских империй, кочевники были интегрированы в сложные вождества, конфедерации и квазигосударственные образования. Кочевники соседствовали бок о бок с земледельческими государствами, занимавшими оазисы (как, например, Семиречье или Жетысу). Здесь были распространены полукочевое и отгонное скотоводство, сенокосение, зачатки земледелия (Жданко 1968).

Несмотря на существующее здесь деление на оседлый Мавераннахр и кочевой Могулистан, земледельческое и степное население представляло собой части единой экономической системы, которые взаимно дополняли друг друга. Данное обстоятельство предполагало поиск взаимоприемлемых стратегий взаимодействия для обеих сторон. Поэтому в различных политических объединениях в данном регионе (тюргеша, кимаки, огузы, кара-кидани и др.) городские общины сосуществовали с племенными институтами кочевников-скотоводов (Кумекоев 1972; Пиков 1989; Байпаков 2012–2016; Golden 2013).

Отчасти можно согласиться с мнением К.Чан, которая рассматривает древние политии региона как своего рода полупериферию между двумя империями — Китайской и Хуннской. Эти степные образования заполняли политический вакуум в биполярной системе мира, они обеспечивали торговые обмены в обоих направлениях, являлись поставщиками экзотических престижных товаров. Автор справедливо полагает, что политическая система данных политий сильно отличалась от модели Хуннской империи (Chang 2012).

В Восточной Евразии сложилась биполярная региональная структура между Севером (кочевые империи) и Югом (Китай) (Lattimore 1940; Jagchid, Symons 1989; Barfield 1992; 2001; Крадин 2002; 2007). Если не считать Ордосского фронта, на который претендовали обе стороны, в данном регионе развитие земледелия было возможно во Внутренней Монголии. В собственно монгольских степях и в Забайкалье земледелие могло существовать лишь там, где среднегодовые осадки могли достигать 200–400 мм и где существовала развитая речная сеть.

К работе над книгой были привлечены ведущие специалисты в данной области, которые на основе изучения широкого круга источников и современной ли-

тературы старались дать представление о той или иной империи. К сожалению, нам не удалось найти авторов по всем крупным политиям кочевников Евразии в древности и средневековье, поэтому вне нашего анализа оказались авары, кимаки, кара-кидани. Не были включены главы по истории древних и средневековых обществ Средней Азии. Вероятно, следовало бы посвятить отдельные разделы всем наследникам Монгольской империи — Чагатаидам, ильханам, квазиимперским образованиям, возникшим после распада Золотой Орды. Однако невозможно объять необъятное, работа над книгой и так затянулась. Надеемся, что ее издание будет способствовать активизации изучения империй Великой степи и внесет свой вклад в обсуждение дискуссионных вопросов этой актуальной и важной темы.

Б.В. Базаров, Н.Н. Крадин

Глава 1

ВВЕДЕНИЕ В ПРОБЛЕМАТИКУ

Как написано в одном из обзоров, посвященных проблеме кочевого хозяйства, «кочевники-скотоводы всегда притягивали внимание антропологов» (Dyson-Hadson, Dyson-Hadson 1980: 15). Дополнительно следует добавить, что мир кочевников одновременно и притягивал, и пугал жителей оседлых государств и их интеллектуалов. Не случайно мемом степной цивилизации стал кентавр — загадочное существо, получеловек-полулошадь.

Существует обширная литература, посвященная империям кочевников. По всей видимости, первой такой работой было сочинение хранителя древностей Сорбонны Ж. де Гиня «Общая история гуннов, тюрков, монголов и прочих западных татар» (de Guignes 1756–1758), с которого можно отсчитывать начало европейского кочевниковедения. Впоследствии политическая история кочевых империй рассматривалась многими корифеями исторической науки, среди которых выделяется Р. Груссе с его не раз переиздававшейся книгой «Степные империи» (Grousset 1970).

Что представляли собой эти империи кочевников, исследователи не особенно задумывались. Возможно, ближе всех к пониманию природы крупных кочевых политий подошел В.В. Радлов. По его мнению, терминологический аппарат современной ему (европейской) науки слабо отражал природу степных сообществ. Здесь были свои правила и законы. Так, неравенство между богатыми и бедными скотоводами выражалось не в собственности на пастбища, а в том, что они кочевали быстрее и дальше, могли контролировать больше пространства. Власть степных вождей основывалась на внешних источниках (защита от опасных врагов, организация походов для получения доходов). Как только выгода пропадала, созданные ханами объединения распадались (Радлов 1989: 250, 340–341, 345).

По большому счету только с формированием советской марксистской науки в XX столетии изучение структуры империй кочевников в кочевниковедении вышло на первый план. Данная проблематика обсуждалась в ходе так называемой дискуссии о «кочевом феодализме». Историографии этой дискуссии посвящено большое количество исследований, в том числе и целая серия специальных работ (Коган 1981; Халиль 1983; Попов 1986; Gellner 1988; Марков 1989; 1998; Крадин 1987; 1992; Масанов 1995; Васютин, Дашковский 2009; и др.). В самой дискуссии можно выделить три больших периода. Для **первого** из них (1920-е — начало 1930-х годов) была характерна относительная свобода выбора различных подходов — от отрицания классовой природы обществ кочевников до признания «племенного государства» и наличия у кочевников классов. **Второй** период (1934 — середина 1960-х годов) — время господства теории «кочевого феодализма» от момента ее создания до дискуссии о «патриархально-феодальных отношениях»; в этот период сложилось мнение, что так называемые «ранние» кочевники (до середины I тысячелетия н.э.) обычно рассматривались как догосударственные, раннеклассовые или раннефеодальные общества, а формирование зрелой государственности в феодальной форме произошло в период существования «поздних» кочевников — в эпоху средневековья. Наконец, **третий** период (середина 1960-х — начало 1990-х годов) начался с момента возрождения дискуссии об «азиатском» способе производства и продолжался до конца советской эпохи. Данный период характеризуется выработкой новых подходов, аргументированной критикой теории феодализма у кочевников. Постепенно сформировались четыре основные точки зрения на характер социального строя кочевников: 1) *предклассовое* общество; 2) *раннее государство*; 3) разные варианты *феодализма*; 4) особый *номадный*, или *экзополитарный*, способ производства. В той или иной степени данные точки зрения были характерны и для зарубежного марксистского кочевниковедения.

К сожалению, в постсоветский период данная проблематика, как и теоретические исследования в отечественном кочевниковедении вообще стали непопулярными. В более широком контексте можно констатировать, что нашу историческую науку, археологию и антропологию захлестнула волна эмпиризма (при этом даже не постмодернизма). Ежегодно выходит огромное количество работ с введением в научный оборот фактического материала. Иногда появляются интересные обобщения, которые можно отнести к теориям «среднего уровня». Однако концептуальных, систематизирующих работ отечественных исследователей чрезвычайно мало. Возможно, одна из главных причин этого состоит в разочаровании ученых в марксизме, в нежелании создавать себе новых кумиров. Не исключено, что это отчасти может быть объяснимо общим кризисным состоянием научной сферы в нашей стране, бесконечным переформатированием структуры исследовательского труда и скудным финансированием.

Так или иначе, в первые «постмарксистские» десятилетия дискуссия велась достаточно вяло, и лидерство в изучении данной проблематики постепенно перешло к исследователям зарубежных стран. Наряду с этим продолжал обсуждаться вопрос, какому уровню сложности соответствовали кочевые империи.

Одни авторы придерживались мнения о *предгосударственном* характере обществ кочевников (Скрынникова 1997; Крадин, Скрынникова 2006; и др.), другие писали о складывании у кочевников *ранней государственности* (Трепавлов 1993; Кляшторный, Савинов 1994; Кычанов 1997; 2010; Кляшторный, Султанов 2000; Кляшторный 2012а; Тишин 2015; и др.). Определенную полемику вызвал вопрос, что является базисом специфичности кочевничества — внутренняя природа скотоводства, являющаяся основой так называемого *номадного* способа производства (Масанов 1995; Калиновская 1996; Марков 1998), или же особенности внешней адаптации *ксенократических* «кочевых империй» к земледельческим цивилизациям (Крадин 1992; 2002; и др.). При этом в отечественную науку стали активно внедряться новые методологические подходы — теория *вождества* и *раннего государства*, *мир-системный анализ* и др. Их использование в кочевниковедении уже дало определенные результаты (Koryakova 1996; Крадин, Бондаренко, 2002; Базаров, Крадин, Скрынникова 2004–2008; Koryakova, Epimakhov 2007; Васютин, Дашковский 2009; Васютин 2010; 2011а; 2017; Вдовченков 2016а; 2018; Петров 2016; и др.). К обсуждению таких дефиниций, как «кочевая империя» (Крадин 2001; Васютин 2010; Пиков 2010; Rogers 2012) и «суперсложное вождество» (Maekawa 2006; Scheidel 2010; 2011; Di Cosmo 2011; Шираиси 2015; Kim 2017), подключились и зарубежные исследователи.

В то же время в условиях преодоления формационного монизма после 1991 г. в постсоциалистических странах появились публикации, в которых делалась попытка рассмотреть кочевничество с точки зрения *цивилизационного* подхода (Буровский 1995; Enkhtuvshin 2003; Пиков 2009). Моя критическая аргументация на этот счет осталась неизменной (Kradin 2018а): термин «цивилизация» очень многозначен, и, чтобы избежать путаницы, целесообразно было бы оставить его для описания локальных цивилизаций (культур, «суперэтносов» и др.). При этом неразрешимым остается вопрос о выделении так называемого «генетического кода» цивилизации кочевников. Дело в том, что кочевники и скотоводы никогда не осознавали себя как единую общность, противостоящую другим. Гиксос и хунн, средневековый араб и монгол, нуэр из Судана и оленевод Арктики относились не только к разным народам, но и входили в разные культурные пространства. При этом одни кочевнические общества могли составлять ядро существующей цивилизации (например, арабы), другие — входить в состав «варварской» периферии какой-то цивилизации (гиксосы до завоевания Египта), третьи — вообще оказаться практически вне цивилизационных процессов вплоть до начала периода колониализма (нуэры, чукчи).

По этой причине более перспективным представляется рассмотрение в рамках цивилизационного подхода отдельных и крупных этнокультурных общностей кочевников, локализованных в определенных географических зонах. С данной точки зрения, например, подобным ареалом был Аравийский полуостров, где зародилась арабская цивилизация. Можно говорить как о единой цивилизации и о Внутренней Азии (Пэрлээ 1978). Для последней были выделены такие признаки, как деление на крылья, десятичная система, представления о власти, обря-

ды интронизации, любовь к скачкам и верблужьим бегам, особое мировоззрение и пр. В этом же русле следует рассматривать проблему монгольской цивилизации (Железняков 2016; и др.). Особо дискутируемым в последнее время является вопрос о том, насколько правомерно выделять особую золотоордынскую цивилизацию (Кульпин 2004; 2008; Крамаровский 2005; Миргалиев 2014; и др.). Впрочем, этот термин уже настолько прочно вошел в научный дискурс, что даже появилось периодическое издание с одноименным названием.

Так или иначе, важно вовремя остановиться: выделение все новых и новых цивилизаций кочевых народов не должно быть бесконечным. Здесь необходимо не перейти грань разумного. С одной стороны, количество цивилизаций не может быть равным числу этнических общностей. С другой стороны, если выделять особые, отличные одна от другой цивилизации, то каждой выделяемой цивилизации должен соответствовать набор особых, отличительных черт — ее так называемый генетический код. Об этом создатели «новых» цивилизаций обычно забывают.

В зарубежном западном кочевниковедении наибольшее внимание вызвала дискуссия по поводу соотношения внутренних и внешних факторов развития обществ кочевников. Сторонники первой точки зрения, которую можно условно назвать теорией автономности, полагают, что кочевники могли самостоятельно прийти к государству; их противники, придерживающиеся теории внешней зависимости (или просто зависимости), отстаивают мнение, что кочевники не нуждались в государственности, а возникновение империй кочевников было опосредовано характером их отношений с соседними оседло-городскими обществами.

Теория зависимости восходит к знаменитой книге О. Латтимора о культурной экологии и адаптации кочевников около китайской границы (Lattimore 1940). Латтимор показал зависимость кочевников от природной среды и соседних оседло-земледельческих обществ. По его мнению, это детерминировало социальную организацию и обусловило преобладание в степном мире циклических тенденций над эволюционными.

Данные идеи получили развитие в работах других исследователей. А.М. Хазанов показал, что внутренняя экологическая и экономическая адаптация кочевников была далеко не полной, ее дополняла адаптация кочевничества к «Внешнему миру», которая могла реализовываться в различных стратегиях — от обычной меновой торговли до взимания с земледельцев дани или завоевания оседлых обществ (Khazanov 1984). Эти выводы пересекаются с результатами исследований С. Джагчида, согласно которому кочевникам трудно было существовать без продукции оседлого общества. В то же время земледельцы, экономика которых была более стабильной, не имели особого стимула торговать с кочевниками. Поэтому нападения кочевников на земледельцев были вызваны экономическими причинами. При этом кочевники, как правило, стремились вести войны без поглощения чужой территории (Jagchid, Symons 1989; Jagchid 1991).

Д. Сайнор также подчеркивал важность торговли для кочевников из-за ограниченности их хозяйства, утверждая при этом, что завоевание всегда было для

них началом конца — малочисленные кочевники растворялись среди покоренного населения. Впрочем, они не особенно стремились к седентеризации, презирали земледельцев и оседлый образ жизни (Sinor 1990a: 7–13). Не очень сильно отличается от этого концепция Дж. Скэффа, по мнению которого империя кочевников основывалась на патрон-клиентских отношениях. Империя состояла из племен и кланов и базировалась на перераспределении дани и подарков, получаемых от соседей. Власть хана имела персональный характер, большое значение для поддержания власти играла дружина (Skaff 2012). С.Штарк также придерживается мнения, что контроль над торговыми путями и перераспределением товаров имел важное значение для власти в степных империях (Stark 2008).

По мнению П. Голдена, нет вообще ни одного государства кочевников, которое бы возникло вследствие действия внутренних факторов (Голден 2004: 111–112). Мобильность кочевников давала им большое военное преимущество, но в то же время являлась потенциальным фактором сепаратизма. Главную роль в создании государства должен был сыграть внешний катализатор, обусловленный необходимостью доступа к продукции аграрно-городского общества. При этом для кочевников Западной Евразии не было характерно формирование государственности, за исключением тех случаев, когда они завоевывали земледельческое общество и переселялись на его территорию. В Восточной Евразии их империи больше соответствовали уровню раннего государства, однако с сильной ролью институтов родства, сохранением племенных институтов, всеобщей вооруженностью народа, мобильностью населения и ресурсов (Golden 1992; 2001; 2011).

В наши дни наиболее авторитетным сторонником теории «автономности» является Н. Ди Космо. По его мнению, концепция происхождения степных империй, диктуемая ограниченностью пасторальной экономики, изначально ошибочна, поскольку кочевники в той или иной степени были знакомы с земледелием (Di Cosmo 1999: 12, прим. 38). В то же самое время появление кочевых держав было бы неверно рассматривать как «эволюционный» процесс. Это, скорее, процесс постепенного кумулятивного накопления политического опыта (там же: 38). Отправной точкой является структурный кризис внутри племенного общества, который приводил к его милитаризации, созданию постоянных воинских подразделений и специальных дружин, усилению власти военных вождей. С появлением харизматического лидера складывались предпосылки для зарождения государственности. Централизация власти вела к территориальной экспансии и росту доходов, появлению правительственного аппарата (Di Cosmo 1999: 15–26; 2002: 167–186).

В. Ханичерч является сторонником той точки зрения, что кочевники могли создавать государственность без влияния со стороны земледельческих цивилизаций. Он аргументирует это прежде всего тем, что на территории монгольских степей еще до централизации Китая существовало множество политий различной степени сложности, которые оставили после себя огромные монументальные сооружения. Другой его аргумент заключается в изучении ряда локальных сообществ хуннской эпохи на территории Монголии, которые показывают наличие

стабильной мирной жизнедеятельности, присутствие земледелия, металлургии, гончарства на протяжении длительного времени. Говоря об этом, он последовательно разбирает аргументацию сторонников всех разных точек зрения и стремится склонить читателя на свою сторону (Honeychurch 2013; 2014; 2015).

Нельзя не согласиться с тем, что эта действительно масштабная попытка описания повседневной жизни локальных групп кочевников хунну с приведением большого числа параллелей из более ранних исторических периодов, номадов этнографического времени и даже современных скотоводов основана на длительных полевых исследованиях. Вместе с тем масштабные керексуры, плиточные, фигурные и прочие могилы вполне соответствуют монументальным сооружениям среднемасштабных обществ — вождествам разной степени сложности, гетерархическим конфедерациям, но не государствам.

Кроме того, необходимо иметь в виду, что история Хуннской империи состояла из разных периодов — внутренних конфликтов, войн с соседями и стабильного мирного сосуществования с ними. Как небольшие хронологические отрезки могут фиксироваться в археологических материалах, это серьезный вопрос. Кочевники на территории Монголии, несомненно, были в меньшей степени вовлечены в военное противостояние с китайскими династиями, поскольку граница находилась южнее. Наконец, при всей симпатии к богато насыщенной новыми фактами и идеями книге В. Ханичерча в ней нет ответа на главный вопрос, почему до объединения Китая в степи не возникло ни одной империи кочевников, и только после создания династий Цинь и Хань в политической истории кочевников евразийских степей начался новый этап.

В то же время следует признать, что современные знания об империях номадов не позволяют оценивать их как «варварские» общества. Исследованиями последних десятилетий доказано, что в степных полициях были земледелие, собственное ремесло, настоящие города, монументальные погребальные сооружения, письменность, развитые формы религии, гибридные формы управления оседлыми и кочевыми народами и т.д. (Wright 2019). Все это свидетельствует о том, что номады создавали сложные полиции с развитой материальной культурой, а также оригинальным мировоззрением и системой ценностей.

В ряде работ конца XX в. было высказано мнение о принципиальной значимости идеологии в формировании кочевых империй. Говоря о причинах этого, Е.Кюрзат-Алерс отмечает нестабильность скотоводства и его экстенсивный характер, низкую плотность населения и высокую мобильность номадов, а также возможность откочевки в случае давления. Поскольку при нестабильной скотоводческой экономике накопление прибавочного продукта было ограничено, формирование политических институтов у кочевников должно было основываться на иных принципах, нежели у земледельцев. В случае степных обществ наиболее важным была монополия со стороны вождей на ритуальную сферу, формирование культов войны, поклонения Небу, предкам (Kürsat-Ahlers 1994; 1996).

По мнению И. Тоган, поскольку из-за угрозы *джута* (дзута) богатство скотоводов в виде скота было эфемерным, имущественное неравенство не могло

играть у них существенной роли. В основе общественной структуры лежала идеология — концепция Неба (*Tenggri*) и священной харизмы (*qut*). Важное значение для консолидации племен имела редистрибуция. Социальные и политические институты кочевников были гибкими. Основой общества являлась пирамидальная сегментарная система линиджей. Время от времени лидирующие позиции занимали одни кланы, потом их сменяли другие. Периодически эгалитарная общественная структура сменялась централизованной имперской иерархией, обычно через некоторое время срабатывали центробежные силы и наступала трайбализация, ведущая к автономии частей империи. За ней шла детрайбализация с усилением военных институтов и формированием универсальных идеологических концепций. Далее включались механизмы ретрайбализации, и цикл начинался снова (Togan 1998).

Оценивая перспективы бесконечных дебатов относительно соотношения внешних и внутренних факторов, Н. Ди Космо высказал мнение, что в современном кочевниковедении существуют три устойчивых заблуждения (Di Cosmo 2015). Первое касается жесткого противопоставления мира кочевников миру оседлого населения. С его точки зрения, кочевники были знакомы с земледелием с глубокой древности. С этим трудно спорить, поскольку кочевники в той или иной степени практиковали зачаточные формы земледелия, чему есть немалое подтверждение в археологических и этнографических данных. Ключевой вопрос тут в размерах, в которых земледелие было распространено в степных обществах. Понятно, что эти масштабы не были сопоставимы с экономикой оседло-земледельческих государств, хотя, конечно, недооценивать того значения, которое земледельческие продукты имели в рационе населения степи, действительно не следует.

Второе заблуждение, согласно Ди Космо, касается концепции Т. Барфилда о синхронности процессов взлета и упадка кочевых империй и соседних земледельческих цивилизаций. Тут также трудно не согласиться с критикой. Действительно, образование Сяньбийской имперской конфедерации, тюркских и Уйгурского каганатов никак не соотносится с периодами расцвета китайских династий. Третье заблуждение касается распространенных стереотипов о кочевниках, которые присутствуют в описаниях древних хронистов от Геродота до Сыма Цяня. Действительно, они похожи, однако это не означает, что они написаны под копирку. Безусловно современные исследователи должны уметь отделять *седентаристский* (*ориенталистский*) дискурс жителя оседлого общества от достоверной информации. Вместе с тем это не означает, что все написанное древними историками лишено смысла. Рассмотрение истории хунну показывает, что за время существования этой степной империи количество набегов кочевников на Китай превышало число ответных рейдов китайцев в степь в несколько раз (Крадин 2002: 134).

Рассматривая особенности развития степных политий, К. Беквис в своей книге «Империи Шелкового пути» пришел к выводу, что кочевники получали все необходимые ресурсы за счет торговли или налогообложения, а так называемых «чистых» кочевников никогда не было. По его мнению, население степи всегда

занималось земледелием и ремеслом и обеспечивало себя самостоятельно. Более того, нарративные источники весьма тенденциозны, когда изображают номадов как воинственных и агрессивных варваров. Автор полагает, что это навязчивый миф, сформированный в оседлой среде. Конечно, кочевники хорошо стреляли из лука и владели искусством верховой езды, однако они не были более жестокими, чем их южные соседи (с последним трудно спорить). В то же самое время степняки были уязвимы с экологической точки зрения (поскольку джуты могли легко уничтожить их запасы) и представляли легкую добычу для соседей (поскольку у них не было хорошо укрепленных городов и они многократно уступали в численности населения). Описав все это, Беквис пытается доказать, что виновниками конфликтов между степными и равнинными народами в большей степени выступали оседло-городские империи, которые стремились к внешней экспансии и покорению своих соседей (Beckwith 2009).

На наш взгляд, многие из аргументов Беквиса не выдерживают никакой критики. Он полагает, что пехота сильнее кавалерии и что партизанская тактика наскоков степняков была «оружием слабых». На самом деле между 550 и 1350 гг., т.е. после изобретения стремя и жесткого седла, тяжелая кавалерия господствовала на полях сражений. Более того, при отсутствии непрерывных фронтов конница всегда имеет преимущество в мобильности. Тактика номадов — это не партизанщина, а «гибридная война», которая лучше всего соответствовала условиям больших открытых степных и лесостепных пространств, дававших тактический простор для кавалерии.

Говоря о наличии у кочевников земледелия и городов, Беквис забывает сопоставить масштабы и привести конкретные факты. Зачатки земледелия у номадов были, но насколько они удовлетворяли потребности в углеводах — это вопрос. Рассуждая об урбанизации, нужно иметь в виду, что у хунну, например, на нынешний момент известен только один настоящий город (Иволгинское городище в Бурятии) и несколько поселений, а остальные полтора десятка городищ городами не являются (Крадин и др. 2017). Если учесть, что в империи хунну жило около миллиона человек (Крадин 2002: 79), это ничтожно мало. В Ханьской империи, например, по археологическим данным даже на северных границах, смежных с хунну, фиксируется многоуровневая иерархия поселений и городов разных рангов и размеров (Bo, Shelach 2014).

Проблема не в том, имели или не имели кочевники земледелие. Кочевники могут существовать без аграрных обществ, они даже могут создавать комплексные общества (пазырыкцы, тагарцы, плиточники и др.). Однако нет ни одной кочевой империи, которая бы возникла раньше соседних оседло-земледельческих империй, и это, с нашей точки зрения, является главным доводом в пользу того, что существует реальная взаимосвязь между централизацией в степи и в оседлом мире.

В современной гуманитарной науке господствует постмодернизм. С легкой руки философов Ж. Делеза и Ф. Гваттари термин «номадология» был заимствован у специалистов по обществам кочевников и фактически переосмыслен, став

своеобразным манифестом, идеологией протеста против тотальной власти государства модерна (Deleuze, Guattari 2010). Постепенно идеи получили достаточно широкое распространение в гуманитарном дискурсе (см., например: Ушакин 2012). Одновременно в западной археологии и антропологии стали появляться работы, которые с постмодернистских позиций отвергали устоявшиеся теории исторического процесса и социокультурной эволюции. Особенно многочисленными были нападки на теорию *вождества* (Yoffee 2005; Pauketat 2007; Routledge 2014).

Постмодернизм проник и в ряды профессиональных кочевниковедов. Образцом постмодернистского дискурса стала книга кембриджского антрополога Д. Снита «Безголовое государство». Еще в конце 1990-х годов он был далек от данной тематики и без всяких колебаний считал возможным использовать применительно к кочевникам термин «феодализм», заимствовав его у ведущих монгольских историков (Humphrey, Sneath 1999: 219). Однако на кембриджском симпозиуме 2004 г., посвященном изучению институтов власти во Внутренней Азии, он анонсировал свой новый подход и чуть позже опубликовал монографию и серию других работ на эту тему (Sneath 2007; 2009; 2013; и др.).

Книга пронизана духом антиэволюционизма. Автор активно выступает против «колониальной» теории «эгалитарных кочевников», которая, по его мнению, была создана, чтобы показать отсталость степных обществ. Именно поэтому колониальные антропологи пользовались для описания политической системы номадов терминами *род* и *племя* (более поздние еще придумали термин *вождество*). При чтении книги создается ощущение глобального заговора антропологов развитых стран против бедных «племен». Снит признает наличие у монгольских кочевников стратификации, пытается сконструировать концепцию «аристократического общества» у кочевников, для которой он придумал собственную дефиницию — «безголовое государство» (возможно, это функционалистский ремейк «акефального общества» Э. Эванса-Причарда).

Монография вызвала восторженные отзывы в постмодернистской литературе, однако была весьма критически воспринята ведущими кочевниковедами¹. Ключевая претензия — даже не в неудачном термине (можно только поиронизировать, примеряя дефиницию «безголового» государства, например, к империи Чингис-хана), а в антиисторизме, систематическом искажении фактов и чужих концепций, огульном приписывании более ранним исследователям ошибок, которых они не совершали.

Приведу только один пример. Снит считает автором дефиниции «племя» классика эволюционизма Л. Моргана. Между тем данный термин, восходящий к латинскому слову *tribus*, был известен в английском языке задолго до Моргана.

¹ Среди рецензентов можно назвать П. Голдена (Journal of Asian Studies. Vol. 68. 2009, No. 1: 293–296), Т. Барфилда (Comparative Studies in Society and History. 2009, No. 4: 942–943), А.М. Хазанова (Social Evolution and History. 2010, No. 2: 206–208) и др. На отзыв П. Голдена Снит отреагировал полемическим откликом (Journal of Asian Studies. Vol. 69. 2010, No. 2: 658–660), на который Голден дал аргументированный ответ (там же: 660–663). Журнал «Ab Imperio» (2009, № 4: 80–175) посвятил концепции Д. Снита специальную подборку статей.

Истоки русского варианта *племя* в древнем языке славян. Похожие слова есть в чешском, польском, хорватском и других славянских языках. А. Левшин, книгу которого Снит цитирует и критикует, опубликовал свой труд о номадах Средней Азии в 1832 г., т.е. за несколько десятилетий до появления «Древнего общества» Моргана (1877 г.), где были сформулированы основные принципы эволюционизма. Иными словами, получается, что Левшин использовал понятие «племя» не только до появления эволюционизма, но и до складывания социальной антропологии как науки.

В ходе обсуждения концепции Д. Снита на страницах журнала «Ab Imperio» (2009, № 4) многие из авторов высказались о ней критически. Так, С.Н. Абашин (с. 110–117) отметил эклектизм построений Снита, который постоянно смешивает научный и колониальный дискурс. Абашин хорошо раскрывает это на обсуждаемом Снитом примере. Такая позиция, по мнению, Абашина, «несвободна от идеологических интересов» (с. 113). Было отмечено слабое представление исследователя о советской школе (в своем ответе Снит отверг это обвинение, говоря, что он рассматривал главным образом западную антропологию). По словам С.Н. Абашина, Снит одним росчерком пера записал всех советских исследователей в число колониальных ученых, тогда как в рамках советской науки были различные течения — ортодоксы, ревизионисты, национальные школы и др. Еще более забавными выглядят пассажи о разработке теории этноса в первой половине XX в. и объединение в один ряд непримиримых оппонентов — Ю.В. Бромлея и Л.Н. Гумилева (с. 114–116).

Отчасти перекликается с мнением Абашина и позиция Л. Мунх-Эрдэнэ. Симпатизируя пафосу рецензируемого автора, монгольский историк отмечает, что вместо одного мифа (о племенных кочевниках) Снит создает другой — о безголовом аристократическом государстве (с. 135–143). В этом с ним согласен С.В. Глебов (с. 158–163), высказавший опасение, что идея аристократического государства может стать популярной у этнонационалистов. Глебов также акцентировал внимание на том, что Д. Снит модернизирует взгляды колониальных администраторов.

Более значимым, чем критика концепции Снита, представляется рассмотрение того, как общества скотоводов и кочевников вписываются в популярные сейчас среди антропологов и археологов билинейные схемы. В последние 10–15 лет многие исследователи пишут о двух разных стратегиях в процессе культурной эволюции. Первая из них, *иерархическая* или *сетевая*, основана на вертикали власти и централизации. Для нее характерны концентрация богатства у элиты, наличие сетей зависимости и патроната, отражение социальной дифференциации в погребальной обрядности, контроль элиты над торговлей престижными предметами потребления, развитие ремесла для потребностей верхов, наличие культов вождей, их предков, отражение статусов и иерархии в идеологической системе и архитектуре. Для второй стратегии, *гетерархической* или *корпоративной*, характерны большее распределение богатства и власти, более умеренное накопление, сегментарная социальная организация, экономические усилия общества

для решения коллективных целей (производство пищи, строительство фортификационных сооружений, храмов и т.п.), универсализирующая космология, религиозные культы и обряды. Архитектура подчеркивает стандартизированный образ жизни.

Данный подход примерно в одно время, но на разных исторических материалах и в разной терминологии разрабатывался на материалах Ближнего Востока, Средней Азии и Кавказа, Западной Европы и Нового Света (Berezkin 1995; 2000; Korotayev 1995; Crumley 1995; 2001; Blanton et al. 1996; Bondarenko, Korotayev 2000; Kradin et al. 2000; Haas 2001; Grinin et al. 2004; Bondarenko 2006; Kristiansen 1998; Earle, Kristiansen 2010; Price, Feinman 2010; Carneiro, Grinin, Korotayev 2017; Chacon, Mendoza 2017; etc.). Исследователи пришли к выводу, что параллельно с созданием **иерархических** обществ (вожеств и государств) существовала другая линия социальной эволюции — **неиерархические** общества. Следовательно, социальная эволюция является **многолинейной**.

Резонно задать вопрос: в какой степени эти теории можно применить для обществ кочевников-скотоводов? Очевидно, что империи кочевников представляли политику с развитой иерархией. Например, в Хуннской империи (209 г. до н.э. — 48 г. н.э.) фиксируется много разных вариантов погребальной обрядности, которые показывают развитую дифференциацию рангов и статусов (Kradin 2005). При этом в элитных (так называемых *террасных*) курганах концентрируются местные и импортные престижные товары. Элита контролирует их производство, импорт и распределение. Статусы и иерархия отражены в идеологической системе, а также в погребальной архитектуре (Brosseder 2011).

Совсем иную ситуацию мы видим при анализе погребений культуры плиточных могил (Цыбиктаров 1998) в Монголии и Забайкалье (приблизительно 1000–300 гг. до н.э.). Она была распространена до времени хунну. Исследование погребений данной культуры показывает наличие не более трех-четырех социальных рангов, между которыми не было резких границ. Различные социальные группы имели одинаковый (или почти идентичный) доступ к ресурсам (пастбищам и животным), резкое социальное неравенство не сформировалось. Экономические усилия общества были направлены на решение коллективных целей, общих религиозных культов и обрядов. Наверное, для данной культуры были характерны универсальная космология и стандартизированный образ жизни. Скорее всего, культура могил представляет собой так называемое общество среднего масштаба, которое можно назвать *гетерархией* (Kradin 2019).

Вследствие этого, *гетерархию* и *иерархию* у пасторальных кочевников можно рассматривать не только как два полюса организации системы власти, но и как два уровня сложности политической централизации. На уровне слабой власти лидеров кочевники могут быть структурированы в *гетерархическое* общество, которое могло быть близко описанию *племенного* общества Э. Эванса-Причарда (Evans-Pritchard 1940). По мере усиления персональной власти данное объединение может быть переконфигурировано в иерархическое *вожество*. Возможно множество комбинаций и дихотомии гетерархических и иерархических политик

у кочевников на надплеменном уровне. Группа гетерархических племен может быть объединена в акефальную политику или слабое вождество. В свою очередь, простые вождества могут быть структурированы в сложное вождество или в гетерархическую конфедерацию вождеств. Примером последней может быть конфедерация «восьми владений» у киданей в доимперский период (Крадин, Ивлиев 2014).

Скорее всего, подобные формирования были нестабильны и в зависимости от разных обстоятельств могли изменяться как по количеству сегментов, так и по характеру внутренних связей. Нередко дихотомия *гетерархия–иерархия* зависела от различных факторов, в том числе от индивидуальных качеств политических лидеров. При удачливом харизматическом вожде, например, могла быть выстроена иерархия сложного вождества, однако после его смерти она могла трансформироваться в гетерархическую конфедерацию вождеств.

Понять, как могли соотноситься *гетерархия* и *иерархия* в доисторических обществах кочевников-скотоводов, позволяют компаративные данные. Многочисленные этноисторические исследования подтверждают существование двух форм сетей коммуникаций и социальной организации у пасторальных номадов. У африканских скотоводов были горизонтальные реципрокные сети брачных компенсаций, обмен животными для групповых коммуникаций, для поддержки пострадавших в периоды кризисов и голода (Evans-Pritchard 1940; Gulliver 1955; Spencer 1973; Goldschmidt 1974). На Ближнем Востоке и в Средней Азии были более распространены иерархические патрон-клиентские отношения, при которых богатые скотоводы обеспечивали ресурсами малоимущих и неимущих (Barth 1961; Black-Michaud 1972; Irons 1975; 1994; Beck 1980; Bradburd 1989).

Конечно, реципрокация встречается не только в Африке (Irons 1975; Cooper 1993), а патрон-клиентские отношения известны африканским скотоводам, например масаям (Little 1985; Ensminger, 1992). Важно помнить, что богатые домохозяйства более стабильны и являются источником сетей неравенства, тогда как больше рисков потерять стадо имеется у бедных (Bradburd 1982; Fratkin and Roth 1990; Roth 1996). При этом мобильность препятствует установлению среди скотоводов развитой иерархии, поскольку от жестокого вождя всегда можно откочевать на другую территорию. Доступ к оружию каждого мужчины также способствует развитию независимого поведения номадов. В целом же, кочевой образ жизни больше соответствует децентрализации и гетерархии, чем объединению и созданию иерархии.

Стимулом к консолидации и формированию внутренней иерархии является наличие оседлых соседей. Борьба за доступ к нескотоводческим ресурсам вынуждает номадов объединяться. Что бы ни говорили историки, специализирующиеся по Внутренней Азии, антропологи давно подметили, что вероятность создания эгалитарных и децентрализованных обществ присутствует в отдаленных от цивилизации регионах, а вождества и конфедерации появляются там, где по соседству есть оседлые аграрные поселения и города, рынки и власть (Irons 1979; Salzman 2002: 253–254). Именно поэтому конфедерации номадов с внутренней

иерархией возникают в тех регионах, где есть конфронтация с оседлыми народами (Khazanov 1984; Fletcher 1986; Beck 1986; Barfield 1989; Golden 1992; Крадин 1992; 2002; и др.). Следовательно, *гетерархия* и *иерархия* среди кочевников — это не два разных вектора эволюционных процессов, а скорее два поля притяжения социальных коммуникаций. Первая характерна для скотоводческих обществ, которые не имеют развитых контактов с аграрными обществами. Второй вариант встречается у тех кочевников-скотоводов, которые имеют постоянные коммуникации с оседлыми народами. При этом, чем выше масштаб сложности оседлого аграрного общества, тем более сложным должна быть конфедерация номадов. Для коммуникаций с небольшими оазисами достаточно конфедерации племен или вождей, но для взаимодействия с аграрной цивилизацией необходима кочевая империя.

При этом важно не забывать, что оседлые и кочевые народы имеют разные ценности и стратегии выживания. Как совершенно справедливо заметил Ж. Легран (Legrand 2011), для оседлых обществ характерно стремление к «накоплению» в широком смысле слова и стабильному существованию, но для номадов ограниченная ресурсная база, нестабильность, циклические флуктуации являются ключевыми факторами их существования. Степнякам более важен внеэкономический обмен, а также получение тех продуктов, которые невозможно было произвести при кочевом образе жизни. «Сердцевиной» этой системы выступают дисперсный способ существования номадов и их постоянные сезонные перемещения со скотом. Такие характеристики выглядят непривычными для оседлых жителей, они отталкивают и пугают их. Именно это служит причиной негативного, отрицательного восприятия кочевников.

В терминах оседлого общества трудно проследить логику кочевого мира. Следовательно, возникают разные представления о границе. Для земледельцев и горожан — это барьер, отделяющий их от «чужих», от потенциальных врагов. Для номадов граница — это зона взаимодействия с окружающим миром. Так, контакты и обмены с соседними оседлыми народами переходят в сферу политики. Торговля соседствует с грабежом и войной, которые могут стать регулярной деятельностью (своего рода «односторонним обменом»), хотя чаще являются методом принуждения с целью открытия или возобновления обменов.

Ключевой момент, по мнению Леграна, это дисперсия, по причине которой каждое скотоводческое хозяйство представляет собой самостоятельную единицу, способную удовлетворить все свои нужды. Если для оседлого общества характерно постепенное разделение труда и специализация, то здесь необходимы другие качества — своего рода универсализм, вследствие чего для жителей степи характерно развитие самых разнообразных навыков, комплексных знаний и способностей, которые позволяют им самостоятельно выживать в сложных экологических условиях (Legrand 2011; Легран 2019).

Природно-климатические условия Внутренней Азии

Несмотря на различия в уровне развития материальной и духовной культуры народов, населяющих или населявших в прошлом огромные территории евразийских степей, в их социально-политическом устройстве, роли в мировой истории и т.п., существуют важные общие черты, в той или иной степени детерминированные особенностями природной среды. Исходя из этого, прежде всего кратко охарактеризуем естественно-историческую канву, на которой происходили зарождение и формирование кочевых народов, их взаимодействие друг с другом и с оседлым миром, выработка хозяйственно-бытовых традиций и обычаев. Поскольку основные политические процессы в Великой степи проходили в ее восточной части, которая именуется Внутренней, или Центральной, Азией, основное внимание будет уделено описанию именно этой части аридной зоны Евразии.

Природа Внутренней Азии достаточно полно освещена в научной литературе. Отечественные географы и ученые других специальностей плодотворно исследовали этот регион со второй половины XIX в. В 1925–1953 гг. работала Монгольская комиссия АН СССР, целью которой было планомерное и всестороннее изучение Монголии (Юсупова 2006). Организовывались систематические полевые исследования, охватившие практически всю территорию Монголии и смежные территории СССР. В трудах советских ученых описаны геологическое строение, рельеф, гидрография, климат, почвы, растительный и животный мир внутренних областей Азии¹. Естественно-научное изучение Внутренней Азии актив-

¹ Из множества работ, не утративших своего научного значения, упомянем лишь некоторые (Мурзаев 1948; 1952; Юнатов 1950; Цаценкин, Юнатов 1951; Беспалов 1951; Обручев 1951; Банников 1953; Овдиенко 1954; Синицын 1959).

но продолжается вплоть до наших дней силами российских, монгольских, китайских, японских, европейских и североамериканских специалистов. Большой вклад в познание природы Монголии вносит Совместная российско-монгольская комплексная биологическая экспедиция РАН и АНМ, действующая с 1970 г.².

Степной пояс Евразии протянулся с запада на восток на тысячи километров от Венгрии до Желтого моря. Его естественными границами служат лесная зона на севере и пустыни на юге. Характерной чертой этого пояса является аридность климата, неблагоприятная для древесной растительности, но допускающая хорошее развитие травяного покрова, преимущественно из ксерофитных (засухоустойчивых) злаков, которые служат основным кормом для скота. Западная часть этого пояса охватывает украинские и южнорусские степи и Казахстан. В настоящее время здесь почти не осталось ландшафтов, не измененных более или менее глубоко хозяйственной деятельностью человека. Внутренняя Азия представляет собой восточную часть этого пояса, где в силу исторических причин природа сохранилась существенно лучше.

В российской научной традиции Внутренняя Азия называется Центральной Азией. Это не случайно, поскольку она располагается в центре азиатского материка и высоко поднята над уровнем моря: ее средняя высота составляет около 1500 м. На большей части региона преобладают средневысотные и низкие горы с мягкими очертаниями, мелкосопочники и высокие равнины. Главнейшие горные системы — Монгольский и Гобийский Алтай, Большой Хинган, Хангай, Хэнтэй. Высшей точкой является гора Куйтен-Уул (4373 м) на границе Монголии и Республики Алтай РФ. Одна из наиболее почитаемых ныне в Монголии горных вершин — Отгон-Тэнгэр-Уул в Хангае — достигает 4021 м. Наименьшей высотой над уровнем моря отличаются равнины на востоке Монголии (от 530 до 1000 м).

Климат этой части Азии резко континентальный, с сильными колебаниями годовых и суточных температур. Для большей части региона характерны суровая продолжительная зима, прохладная весна с сильными ветрами, короткое жаркое лето и сравнительно комфортная осень. Зимой над северо-западом Монголии устанавливается центр мощного монголо-сибирского антициклона, обеспечивающего ясную, морозную, безветренную погоду с температурой -15 – -20°C и ниже. Абсолютный минимум температуры был зафиксирован в Убсунурской котловине и составлял -50°C . Разрушение этого антициклона весной способствует усилению ветра. Летом жара может превышать $+40^{\circ}\text{C}$. Годовая амплитуда крайних значений температур для Монголии достигает $86,4^{\circ}\text{C}$. Осадки выпадают преимущественно летом, в июле-августе, благодаря приходу муссона с Тихого океана. При этом выпадение осадков по территории Внутренней Азии очень неравномерное: большая их часть орошает горы на севере и востоке, где в год выпадает до 300–400 мм осадков, тогда как гобийские равнины почти не получают влаги. Атмосферному влагопереносу препятствуют горные системы (Береснева 2006).

² Каталог трудов экспедиции до 2000 г. см.: (Дорофеюк, Гунин 2000); период 1995–2018 гг. охвачен в каталоге (Дорофеюк, Гунин 2019).

Резкое усиление аридности, т.е. засушливости, с севера на юг служит причиной очень неравномерного развития речной сети, сосредоточенной в северной части региона и принадлежащей к бассейнам Северного Ледовитого и Тихого океанов. Крупнейшей речной системой является Селенга с притоками, несущая воды в озеро Байкал. Менее значительны Онон, Керулен, реки бессточного бассейна Котловины Больших озер — Тэс, Завхан, Ховд и др.

Состав горных пород наряду с особенностями рельефа и климата обуславливает широкое распространение щебнистых поверхностных отложений. Пески наиболее широко представлены на юге региона — в пустыне Алашань, Ордосе и других районах Внутренней Монголии, а также в Джунгарии, в меньшей степени — на западе Монголии (Котловина Больших озер). Характерны почвы легкого механического состава — суглинки и супеси, со значительным участием щебня и гальки, чаще всего не отличающиеся высоким плодородием. Как правило, почвенный покров имеет небольшую мощность и неустойчив к водной и ветровой эрозии, поэтому распашка и перевыпас легко приводят к деградации почв, утрате ими плодородия, а местами и к полному уничтожению.

Недостаточность увлажнения, сильные температурные колебания, зимние холода и бедность почв предопределили господство во Внутренней Азии степной растительности. Степи различаются по составу видов-доминантов, продуктивности, устойчивости к пастбищным нагрузкам и другим показателям. В прошлом большое распространение имели ковыльные и луковые степи, но сейчас, вследствие многолетнего нерационального выпаса скота, на пастбищах разрастаются малопоедаемые или совсем не поедаемые, сорные и даже ядовитые для домашних животных растения, как, например, эфедра китайская (*Ephedra sinica*, монг. *дээргэн*).

Степь — парадоксальное явление природы. С одной стороны, это естественная природная среда, сформировавшаяся задолго до человека и без его участия, с другой — ее можно расценивать как особый культурный ландшафт, исторически самый обширный на нашей планете. Степь представляется «Диким полем» лишь на первый взгляд. В последние годы специалисты говорят о «духовной оседлости» кочевников, понимая под этим их связь с родовыми землями. Степная зона Евразии весьма насыщена памятниками прошлого: курганами, каменными изваяниями, стелами, наскальными изображениями и т.п., создающими у ее жителей чувство сопричастности к деяниям славных предков. Эти артефакты оживляют и «очеловечивают» ландшафт, служат маркерами кочевий и надежными ориентирами. Степь для ее исконного обитателя является таким же эталоном окружающей среды, как лес для таежного охотника или «царство стекла и бетона» для горожанина. Поэтому номады вольно или невольно пытались воссоздавать на захваченных землях аналог той природной обстановки, в которой они привыкли жить. Так было в Восточном Иране и Северном Китае в XIII в.

Природные условия степей предопределили кочевое скотоводство в качестве ведущего хозяйственно-культурного типа, присущего различным обитавшим здесь народам. По мнению целого ряда исследователей, кочевое скотоводство

дает пример наиболее экологически сбалансированного способа природопользования, а образ жизни кочевника может служить едва ли не идеалом взаимодействия человека и природы. Действительно, изучение традиционных систем жизнеобеспечения кочевого населения Евразии, а также экологических последствий природопользования позволяет прийти к заключению о высокой экологичности, или экофильности, материальной культуры кочевников, ее адаптивной стратегии по отношению к окружающей среде. Эти традиции показывают отношение людей к природе степей скорее как к культурному, чем дикому ландшафту. Выражение «Степь — родной дом для кочевника» больше, чем простая метафора. Степи уже в течение тысячелетий обжиты и изменены хозяйственной деятельностью человека. Более того, само их существование ныне оказывается от него в сильной зависимости. Хорошо известно, что для нормального существования степной растительности необходима определенная пастбищная нагрузка. Прекращение выпаса отрицательно сказывается на состоянии растительного покрова. Недовыпас, как и перевыпас, ведет к его деградации. Прежде нагрузку создавали стада диких копытных животных, но в историческое время их сильно потеснили домашние стада. Теперь когда ареалы диких животных сильно сократились и едва ли могут быть восстановлены, именно они поддерживают в степи экологическое равновесие.

Участки степей всегда имели своих хозяев. Это не аналог раздела охотничьих угодий между охотниками или морских побережий — между собирателями даров моря. Кочевое скотоводство хотя и считается экстенсивным видом природопользования, стоит, тем не менее, ближе к интенсивному хозяйству, так как требует заметно большего преобразующего вклада. Выступая против его трактовки как экстенсивного, известный монголовед А.С. Железняков говорит о создании монголами за прошедшие века уникального ландшафта, по культурной ценности сопоставимого с «достижениями самых передовых цивилизаций» (Железняков 1992: 89).

Разумеется, традиционное скотоводство степей утрачивает экологический смысл, если количество скота превысит возможности ландшафта, но этому всегда препятствовал и даже сегодня препятствует *дзут* — стихийное бедствие, иногда приводящее к гибели сотен тысяч и даже миллионов голов скота³. Различают белый дзут, когда из-за обилия снега или образования наста животные не могут добраться до подножного корма и погибают от голода, и черный дзут, когда снега нет совсем и скот гибнет от жажды. Бороться с этим бедствием трудно, и оно по-прежнему выступает в качестве одного из регуляторов численности стад, однако если в наши дни урон от него терпит экономика, то в прошлом последствия могли быть гораздо серьезнее. Далее мы поговорим об этом явлении более подробно.

Леса в изучаемом регионе приурочены к горным системам и состоят из небольшого количества древесных пород: лиственницей сибирской, сосной обыкновенной.

³ Например, из-за сильнейшего дзута в 2000–2002 гг. в Монголии погибло более 10 млн. голов скота, или почти 30% поголовья (Грайворонский 2007: 24).

новенной, сосной сибирской (кедром), березой плосколистной, пихтой сибирской и осиной. Сплошные лесные массивы типичны для гор на севере Монголии. Южнее протекает граница бореального лесного пояса, представляющая собой чередование изолированных лесных островков и степных ландшафтов. Трудности обсеменения вкупе с засушливым климатом, лесными пожарами, вырубками и выпасом скота отодвигают южную границу лесов на север. Под погибшими лесами быстро тает вечная мерзлота — естественный запас влаги. Человеческое вмешательство в условиях аридизации климата способствует смене лесов на степи, а степей — на полупустыни и пустыни. На юге распространены саксауловые леса.

Животный мир Внутренней Азии богат и своеобразен. В прошлом просторы степей населяли дикие копытные — кулан, джейран, дзерен, лошадь Пржевальского, однако теперь их численность значительно сократилась вследствие охоты и вытеснения домашним скотом. Типичным обитателем степей является тарбаган (сибирский сурок). Он также служит объектом охотничьего промысла, дающим мясо и мех, из-за чего численность этого животного уменьшается. В тайге водятся медведь, лось, волк, лиса и другие звери. Северные реки богаты ценными породами рыб: тайменем, хариусом, ленком.

Своеобразие природы Внутренней Азии проявляется в резкой пространственной и временной контрастности всех компонентов природной среды. Регион охватывает преобладающую часть зонального спектра ландшафтов умеренного пояса Евразии — от типичной тайги на севере до экстрааридных пустынь на юго-западе — и отличается очень большим природным разнообразием и особой сложностью пространственной структуры природных комплексов. Исключительно велико здесь разнообразие экосистем, причем градиенты изменения их различных параметров бывают иногда столь круты, что лишь немногие километры отделяют таежные сообщества от пустынных (Востокова и др. 1995). В этом плане особый интерес представляет Убсунурская котловина, лежащая на границе Монголии и Тувы и заслужившая эпитет «модель биосферы» благодаря чрезвычайной насыщенности разнообразными природными комплексами, представляющими почти все природные зоны Земли, кроме тропических дождевых лесов и морских сообществ.

Сложность и пестрота экосистемного покрова Внутренней Азии усиливаются ее сложным орографическим строением. Из-за горного рельефа разные типы экосистем сменяются, подчиняясь не только зональным закономерностям, т.е. следуя изменениям тепла и солнечной радиации в широтном направлении, но и высотнопоясным по мере увеличения высоты местности. В горах Хангая, Хэнтэя, Прихубсугуля, Монгольского Алтая выделяется до шести высотных поясов: гляциально-нивальный, тундровый, криогенно-лугово-степной, лесной (насчитывающий несколько подпоясов), лесостепной и степной. Нередко северные склоны гор покрыты лесом, а южные заняты степью. Разнообразие природных сообществ расширяло и расширяет возможности местного населения для более полного и разностороннего использования ресурсов окружающей среды.

По обоснованному мнению специалистов-экологов, Великая степь принадлежит к числу регионов, которые по степени своеобразия и сохранности своего природного наследия способны внести принципиально важный вклад в сбережение экологического благополучия нашей планеты (Гунин и др. 1998). Из-за слабой заселенности Внутренней Азии человеком, малой плотности населения, преимущественно экстенсивного метода ведения хозяйства, а также специфической традиционной экофильной культуры обитавших здесь монгольских и тюркских народов природа до наших дней пребывает в относительно слабоизмененном состоянии. Здесь сохранились уникальные экосистемы и редчайшие виды животных и растений.

Вместе с тем в течение XX в. давление человека на природу неуклонно возрастало и здесь. Вся евразийская степь оказалась вовлеченной в сферу коренных социально-экономических преобразований. Был взят курс на оседание кочевников, переустройство их материальной и духовной культуры, внедрение новых технологий животноводства, изменение структуры стада, а местами и на распашку. Все это имело не только позитивные, но и негативные последствия. Особенно усилился антропогенный пресс после 1990 г., когда кардинальные реформы как в России, так и в Монголии переориентировали экономику на рыночные рельсы, а в социальном плане произошел стихийный поворот к созданию «общества потребления» по типу Запада. Это требует привлечения все новых и новых ресурсов, что уже привело к локальным экологическим кризисам. Не менее пагубно сказывается на состоянии природы отход от традиционных норм и правил ведения кочевого хозяйства.

Природная среда и кочевой образ жизни

Опираясь на данные письменных источников, ученые постулировали, что государства Внутренней Азии имели сходные географические границы (Кычанов 1997: 75). Надо полагать, это далеко не случайно. Природно-климатические условия, определяющие кочевой образ жизни, здесь почти однотипны, за вычетом неизбежных для такой большой территории отклонений. Однако возникавшие в степи империи поглощали и окружающие земли как с кочевым, так и с оседлым населением, и порой выходили далеко за пределы Великой степи. При этом из всех номадов Евразии только насельники восточной части степного пояса, т.е. собственно Внутренней Азии, создавали более или менее долговечные империи. В сущности, сама географическая среда облегчала там централизацию власти, так как не создавала труднопреодолимых барьеров в виде высоких горных хребтов, широких рек и обширных безводных пустынь.

Окружающая людей среда Внутренней Азии сильно ограничивает выбор ими форм ведения хозяйства. В сущности, в исторически обозримый промежуток времени здесь не было альтернативы кочевому скотоводству, которое уже несколько тысячелетий является основой жизнеобеспечения различных народов, населявших эту территорию, хотя в качестве подсобных промыслов практически

всегда существовали земледелие, охота, собирательство и даже рыболовство. Поэтому естественно-исторический базис существования общества во Внутренней Азии составляет степь, дающая возможность пасти скот — по существу, единственное богатство кочевых народов. Кочевание представляло собой специфическую технологию, а отнюдь не «скитания за своим скотом в поисках воды и травы», как это всегда изображалось средневековыми китайскими историографами. От строгого соблюдения этой технологии зависела сохранность как стада, так и пастбищ с водопоями, поэтому каждый степной суверен в числе приоритетных мероприятий производил раздел водно-пастбищных угодий между своими подданными. В этом сегодняшние ученые видят «экологичность» кочевого образа жизни, оставляющего за собой почти не измененный ландшафт.

Традиционно кочевники стремились иметь в своем хозяйстве пять видов скота: лошадей, овец, коз, коров и верблюдов — и получать специфическую пользу от каждого из них. Так, верблюды использовались в качестве транспортного средства, а верблюдицы, кроме того, давали молоко. От коров кроме мяса, молока и шкур получали своеобразный ценный продукт — аргал (навоз), незаменимое в степи топливо. Лошади обеспечивали кочевников средствами передвижения в любой сезон, а из кобыльего молока приготавливали слабоалкогольный напиток — айраг. Козы и овцы давали мясо, молоко, шкуры, шерсть для изготовления войлока, а также служили своего рода «валютой» в торговле. Кроме того, последовательный выпас разных пород скота на одних и тех же пастбищах позволял более полно использовать скудные ресурсы, особенно в трудные зимние месяцы: «Технология выпаса в кочевом животноводстве была своеобразной и рациональной. Например, в снежные зимы на пастбища сначала пускали лошадей, которые разбивали и разрывали твердый покров снега; за лошадьми шел рогатый скот, который не мог разгрести снег копытами, и съедал верхушки трав. Хорошо выбивали ветошь и овцы. Если же снег на пастбищах был настолько глубок, что рогатый скот не мог достать ветошь, пастухи прогоняли табун лошадей сплошной плотной массой и лишь затем выпускали крупный рогатый скот» (Намжилова, Тулохонов 2000: 62).

Приспособленность к природным условиям, следование им позволяет кочевнику обходиться без больших трудозатрат и тем более без капиталовложений: трава вырастает сама, пользуясь энергией солнца; нужно лишь рассчитать емкость пастбищ и не допускать перевыпаса. Выход конечной продукции при таком экологичном способе хозяйствования, скорее всего, будет ниже, чем на современном животноводческом комплексе-станции. Это, помимо прочего, может объясняться общим свойством естественных либо приближенных к ним искусственных экосистем: живые организмы генетически запрограммированы не на максимальную производительность, т.е. простое наращивание биомассы, а на некоторый ее оптимальный уровень, находящийся в балансе с ресурсами среды. Если по какой-либо причине, а как правило, такой причиной является человек, произойдет крен в сторону увеличения производительности, наличествующие ресурсы иссякают, приводя к сокращению численности их потребителей (в данном примере — скота), т.е. попросту к его падежу от бескормицы, эпизо-

отии или нехватки пресной воды, вслед за чем на пороге голода оказывается и человек.

Кочевая экономика производила крайне ограниченный ассортимент вещей, едва ли не целиком шедший на покрытие внутренних нужд. Вовне в качестве как товара, так и дани уходили скот и его шкуры, а также мех пушных зверей. Торговля между кочевыми народами если и существовала, то в форме бартера, но гораздо чаще практиковался грабеж. Вообще, «хищные» наклонности кочевников, их склонность к грабительским набегам, угону чужого скота и т.п. легко объяснить экологическими причинами: степные, а особенно полупустынные и пустынные антропогеоценозы, которые широко распространены во Внутренней Азии, не предоставляют достаточного количества энергии (калорий) верхнему звену так называемых экологических пирамид — человеческим коллективам, и недостатку приходится восполнять путем искусственного «вливания» в указанные антропогеоценозы как пищи, так и ее возможного эквивалента — драгоценностей, одежды и т.д. Такой тип поведения был свойствен не только жителям Монголии, но и кочевникам Северной Африки, Аравии, Тибета. Степняки почти непрерывно с древности и до своего подчинения маньчжурам терзали север Китая набегами, и это была своего рода технология выживания, так как им хронически не хватало важнейших средств существования: зерна, тканей, изделий из металла. Недостающее выменивалось или отнималось у оседлых народов, которые часто предпочитали откупаться, вместо того чтобы напрягать силы в пограничных стычках с мобильными конными отрядами кочевников. Даже торговля между китайцами и степняками нередко была замаскированным откупом, ибо за пригнанный кочевниками скот, причем нередко весьма низкого качества, на приграничных рынках китайские чиновники давали двойную и даже еще более высокую цену. Китаю такая торговля приносила лишь убытки, но зато позволяла воздействовать на беспокойных соседей и всегда служила не столько экономическим, сколько внешнеполитическим целям. Степняки незамедлительно реагировали на закрытие рынков новыми нападениями на города и деревни. В некоторых случаях доходило и до захвата территорий. В то же время «южные варвары», находившиеся в совершенно других природно-климатических условиях, не досаждали Срединному государству постоянными набегами и тем более не посягали на китайские земли.

Особенности природной среды и основанного на них хозяйства накладывали определенный отпечаток на политогенез кочевников. Очень точно замечено, что «с экологической точки зрения кочевники не нуждались в государстве» (Крадин, Скрынникова 2006: 118). В периоды мирной жизни в степях не было внутренней потребности в лидере, который мог бы объединить под своей властью различные роды и племена. Нужда в нем возникала лишь тогда, когда организовывался вооруженный набег на соседей или надо было сплотиться против общего врага. В этих случаях собранием «кочевой аристократии» избирался хан — предводитель воинской дружины или, что нередко было одно и то же, шайки грабителей (Владимирцов 1934: 80). Чтобы не потерять власть, хан должен был почти непре-

рывно воевать и, что крайне важно, воевать успешно, захватывать богатые трофеи, а затем справедливо и щедро (порой даже чересчур щедро) одаривать своих подчиненных. Военная и дипломатическая удача позволяла видеть в таком предводителе личность, наделенную особым даром Неба (благая небесная сила, или харизма). Идея небесного избранничества укрепляла притязания такого индивида на выполнение властных функций в кочевом обществе. Покорив соседние народы, он обращал взоры и на своих оседлых соседей.

В принципе, степь не дает объективного стимула к возникновению городов как несовместимых с кочевым образом жизни. Город требует значительного притока продуктов питания. В сельскохозяйственных районах эта проблема решается в первую очередь за счет местных ресурсов, так как в пригородах обитает сельское население, сеющее хлеб, выращивающее овощи и технические культуры. В условиях степи обеспечение горожан пищей быстро приводит к стравливанию пастбищ вокруг города (именно это и происходит в окрестностях населенных пунктов современной Монголии), а на возможности растениеводства особенно рассчитывать не приходится ввиду неблагоприятного климата.

Предпосылкой к возникновению во Внутренней Азии городских поселений практически всегда была централизация власти. Они сильно зависели от снабжения извне: с завоеванных земель в степные города свозились запасы пищи, напитки и т.д. Перебои в снабжении, вызванные военными или политическими неурядицами, быстро приводили к дороговизне и голоду. Например, с этой трудностью столкнулись жители Каракорума в 1260–1264 гг., т.е. в годы борьбы за престол братьев Хубилая и Аригбуги. Если степная экономика не автаркична сама по себе, то это тем более верно в отношении появлявшихся в степи экономических «узлов» — городов.

Кто же были горожане древней и средневековой Внутренней Азии? В основном, видимо, иноплеменники: пленные или иммигрировавшие ремесленники и земледельцы, купцы, служители различных культов, а из своих — потерявшие по каким-то причинам скот, обнищавшие и, возможно, деградировавшие люди. Хорошо известно, что натура кочевника восстает против оседлого образа жизни, который считается презренным и недостойным свободного человека. По доброй воле мало кто из кочевников соглашался променять вольную степь на пашню⁴.

Согласно подсчетам С.В. Данилова, во Внутренней Азии известно более 20 памятников городской культуры хунну, свыше 10 — уйгуров, более 20 — киданей и более 30 городищ времен Монгольской империи. На территории Внутренней Монголии открыты городища, вероятно принадлежавшие сяньбийцам, а в местности Унгету (Монголия) найдены остатки предположительно жуаньжуаньского (жужаньского) города (Данилов 2005: 182). Учитывая огромные пространства Внутренней Азии и ее длительную, богатую событиями историю, указанное число городов, конечно, незначительно. Степное градостроительство выглядит еще скромнее с учетом того факта, что оседлые поселения почти всегда имели ма-

⁴ Психологические аспекты седентеризации на примере кочевников западного сектора евразийских степей замечательно показаны в работе Г.Н. Симакова (2001).

ленькие размеры и не были многолюдными. Заметным исключением был Каракорум. Он был заложен в 1220 г. по приказу Чингис-хана, но активно застраивался уже при его сыне и преемнике на великоханском престоле Угедэе. Город включал резиденцию хагана и дворцы монгольских царевичей, храмы разных конфессий, ремесленные кварталы и торговые места, а также довольно обширные сельскохозяйственные пригороды с развитой ирригационной сетью. В эпоху существования основанной монголами империи Юань обе имперские столицы — Дадун и Шандун — располагались на юге, в Китае.

Вскоре после падения монгольского владычества в Китае Каракорум пришел в упадок, в 1380 г. был разрушен китайскими войсками и уже не возродился в статусе государственного центра. Монголия опять стала кочевой. Ханские и нойонские ставки тоже не имели постоянных мест, исключая, пожалуй, крепость Цогт Хунтайджи (1581–1636) в долине Толы и ставку правителя тумэтов Алтан-хана (1507–1582), построившего по наущению своих советников — китайских перебежчиков город Хух-Хото, ныне являющийся центром Автономного района Внутренняя Монголия. Так продолжалось до XVIII в., когда в результате захватнических устремлений империи Цин на монгольской земле возникли укрепленные маньчжурские гарнизоны Ховд (1718), Байдараг (1719), Улиастай (1733) и крепость на Орхоне (1735), положившие начало новому этапу урбанизации Внутренней Азии. Нынешний Улан-Батор развился из буддийского монастыря Их-хурэ, который первоначально не был стационарным и кочевал по долине Толы (Майдар 1971: 121–130).

Природная среда служила кочевникам защитой от китайской экспансии. За всю многовековую историю Китая так и не удалось утвердить в степях свою власть. Это до некоторой степени смогли осуществить лишь кочевники кидани и более успешно, хотя и позже, маньчжуры. Степь практически непригодна для земледелия и поэтому не представляла для китайцев интерес, как, впрочем, и китайский агроландшафт был бесполезен для кочевников. Естественным рубежом между Поднебесной и степью была полоса пустынь (кит. Шамо), не вполне точно называемая Гоби. Китайские карательные экспедиции нечасто достигали в степях успеха. Медлительные обозы тормозили продвижение армий, среди тяглового скота начинался падеж. Даже удачные военные походы могли обернуться катастрофой, так как измотанной в боях армии еще предстоял долгий обратный путь через каменистые или песчаные пустыни. Вне сомнения, природный фактор сильно отразился на северной политике Китая, стратеги которого предпочитали натравливать одних «варваров» на других, вместо того чтобы изнурять свои силы в погонях за номадами по бескрайним степям.

Кочевой образ жизни степных народов был за века хорошо приспособлен к бедной ресурсами, хрупкой и суровой природной среде. Кардинально менять хозяйство можно лишь путем привлечения больших дополнительных средств, и в истории этого региона иногда складывалась благоприятная для этого ситуация, правда ограниченная по времени и охвату населения, после чего очень быстро все возвращалось к исходному состоянию. Какую роль при этом играл климат?

Климат и история

Попытки связать ритмы кочевой культуры Внутренней Азии с климатическими изменениями предпринимаются уже давно (Грумм-Гржимайло 1926: 519–523). На первый взгляд кажется логичным, что ухудшение климатических условий, например аридизация (иссушение) или значительное похолодание, вызывающие сокращение кормовой базы скота (а трава степей — почти единственный источник корма для стад кочевников), ведет к угрозе голода и заставляет людей выселяться в более благоприятные районы на границе с оседлым миром, где происходят вооруженные столкновения, в которых победителями нередко оказываются пришельцы. Если в такой исторический момент в степи оказывался сильный и удачливый лидер, способный сплотить кочевников и направить их на путь завоеваний, начиналась глубокая военная экспансия — как правило, на земли Северного Китая. Степь наступала на пашню, кочевой уклад жизни вытеснял оседлое земледелие. Однако в реальности было иначе.

В благоприятной природной среде умножаются стада, позволяющие прокормить больше людей — потенциальных воинов. Табуны лошадей предоставляют армии необходимое средство передвижения, ибо пеших солдат степь практически не знала. Кроме того, скот дает возможность выменивать у земледельцев и ремесленников продукты их труда, часть которых, например железо, превращается затем в вооружение. При наличии достаточного количества пищи народонаселение возрастает, растет его сопротивляемость болезням и враждебным факторам окружающей среды, увеличивается продолжительность жизни. Рост населения, в свою очередь, требует дальнейшего умножения скота, и в конце концов все удобные для кочевания места оказываются занятыми. Одним из выходов из такой ситуации является война, в первую очередь с враждебными кочевыми народами, у которых можно отнять не только скот, но и землю. Атаковать земледельческие государства в этом случае дляномада бесперспективно: захваченные территории чаще всего оказываются малопригодными для привычного ему кочевового скотоводства. Другое дело — грабеж и вымогательство «подарков». Кроме того, «лишние» люди могли отправиться в далекий поход по степному поясу, конфигурация которого диктовала одно генеральное направление — с востока на запад. Понятно, что добровольно покинуть обжитые кочевья и пуститься за сотни и тысячи километров мало кому хотелось. Уходили либо те, кому враги угрожали смертью или подчинением, либо те, кто, подобно монголам Чингис-хана, был связан жесткой дисциплиной, за нарушение которой также ждала смерть. В обоих случаях демографическая ситуация во Внутренней Азии нормализовалась⁵.

Много внимания поиску связей между климатическими изменениями и периодическими «выплесками» кочевых народов за пределы их коренного место-

⁵ Кажется совершенно очевидным, что военные действия в XIII в. уносили жизни многих монголов и это должно было привести к обезлюдению территории самой Монголии. Однако это было не совсем так: как правило, впереди себя монголы гнали отряды, составленные из подчинившихся им народов или из захваченного в плен мирного населения. По этой причине убыль монголов в войнах была не столь значительной, как можно было ожидать.

обитания уделял Л.Н. Гумилев, считавший, что кочевников толкало на военные походы на оседлых соседей не ухудшение, а напротив, улучшение природно-климатических условий, когда за спинами воинов оставались богатые степи и тучные стада: «Неоднократно делались попытки объяснить завоевательные походы Атиллы и Чингис-хана ухудшением природных условий в степи. Они не дали результатов. Мы считаем, что и не могли дать. Успешные внешние войны кочевников и вторжения в Китай, Иран или Европу совершали не скопища голодных людей, искавших пристанища, а дисциплинированные, обученные отряды, опиравшиеся на богатый тыл. Поэтому эти события, как правило, совпадали с улучшением климата в степи. Ухудшение же было причиной выселения кочевников мелкими группами, обычно оседавшими на степных окраинах» (Гумилев 1966: 85). Данная точка зрения находит как своих сторонников, так и противников. Нам кажется весьма существенным замечание Ю.Н. Рериха, что ни гипотетическое прогрессирующее иссушение Средней Азии (этот термин ученый понимал в расширенном значении), ни изменения климата не влияли на ход исторических событий (Рерих 2004: 31–32), хотя отрицать воздействие климатического фактора на исторические судьбы кочевых народов едва ли верно.

Откуда проистекали те различия в образе жизни, которые мы наблюдаем при сравнении некоторых кочевых народов, в разное время населявших одни и те же земли? Природная среда за последние пять-шесть с половиной тысячелетий изменялась здесь сравнительно мало, сохраняя тренд к постепенному усилению континентальности (Рудая и др. 2008: 11–12), при этом зональные границы между лесом и степью, степью и полупустыней и т.д. смещались в широтном направлении незначительно, и монгольские степи по-прежнему могли служить хорошими пастбищами для многотысячных стад. Более заметные изменения происходили лишь в горных массивах, где границы ландшафтов сдвигались по вертикали. На этом сравнительно однообразном природно-климатическом фоне народы иногда заметно различались по своим адаптивным стратегиям и способам жизнеобеспечения. Несмотря на то что в основе существования практически всех этносов Внутренней Азии лежало кочевое скотоводство, в разные эпохи большое значение могли приобретать другие источники материальных благ: земледелие, торговля и др. Если империи хунну, жуаньжуаней или восточных тюрков можно считать типичными кочевыми политиями, то одно из сяньбийских объединений — тоба смогло основать прочное оседлое государство на севере Китая, уйгуры еще в свою бытность в Монголии довольно активно занимались градостроительством, торговлей и земледелием, а монголы при Чингис-хане и его преемниках создали огромную империю, включавшую разные природные зоны с разнотипным населением, которое вело самое разнообразное хозяйство.

Попытки найти объяснение миграций или смены хозяйственно-культурного типа в среднесрочных изменениях климата, на наш взгляд, недостаточно результативны. Известно, что миграция кочевников в северные провинции Поднебесной была вызвана другими причинами и началась задолго до засухи в степях, предполагаемой Л.Н. Гумилевым, который, в частности, писал: «Таким образом,

мы можем объяснить обезлюдение северных степей в III в. н.э. сокращением пастбищных угодий и считать III в. н.э. кульминацией процесса усыхания» (Гумилев 1993: 290). Это суждение было скептически воспринято китаеоведами. Так, В.С. Таскин возразил, что «выдвинутая Л.Н. Гумилевым гипотеза опровергается данными письменных памятников, которые определенно связывают переселение кочевников не с процессом усыхания степей, а с политикой, проводившейся китайским двором» (Таскин 1990: 11). Политика эта заключалась в следующем. Если прежде правители китайских царств стремились отгородиться от кочевников, в том числе посредством постройки Великой стены, то уже при Ранней Хань они начали переселять изъявивших покорность номадов на свою территорию с целью создания из них заслона против «диких» кочевых народов. Количество переселенцев представляло собой внушительную силу, по поводу чего некоторые чиновники высказывали императору беспокойство, сравнивая проникших в глубь Китая кочевников с болезнью внутренних органов. Эти чиновники были по своему правы. Известно, что после падения Поздней Хань и периода Троецарствия север Китая стал ареной непрекращающейся борьбы различных кочевых народов, из-за чего этот период вошел в историю под названием «Шестнадцать царств пяти северных племен» (304–439 гг.).

Еще менее реально объяснять простым действием природных факторов усиление Уйгурского каганата, как и расцвет в нем земледелия и урбанизации (разумеется, в масштабах, несравнимых с оседлым миром). Судя по реконструкции климата, выполненной китайским ученым Чжу Кэчжэнем (см.: Крюков и др. 1987: 91, 93), в уйгурское время температурный режим на востоке Азии был более благоприятным, чем в последующие эпохи. Однако проблема заключается в том, что продуктивность степей, от которых в конечном счете зависит благополучие кочевого государства, определяется не только среднегодовой температурой, но и количеством осадков, а также, что еще более важно, их распределением по сезонам, а таких данных в распоряжении ученых нет. Если повышение температуры сопровождается увеличением влагообеспеченности, степь расцветает, если нет — она может превратиться в пустыню. Увеличение зимних осадков повышает опасность белого дзута. Истинной причиной укрепления Уйгурского каганата послужило благоприятное сочетание внутренних и внешних факторов: во-первых, слабость танского Китая, вынужденного снабжать уйгуров евразийской «валютой» средневековья — шелком, и, во-вторых, значительное культурное влияние согдийцев. Шелк нужно было где-то хранить, прежде чем он попадет в западные страны, для чего и создавались укрепленные поселения на пути его транспортировки. Земледелием каганат был обязан прежде всего оседлым согдийцам и, возможно, попавшим на его территорию китайцам, а не самим уйгурам, «вдруг решившим» оставить кочевничество и стать огородниками.

Наконец, формирование имперской идеологии монголов при Чингис-хане и распространение монгольской власти на гигантские пространства невозможно понять в рамках климатических колебаний или каких-то других изменений природной среды, тем более что уровень научных знаний еще не позволяет реконст-

руировать климат той эпохи целостно и непротиворечиво. В то же время мы располагаем уникальной возможностью довольно подробно рассмотреть климат Внутренней Азии XIII в. благодаря многочисленным записям иностранцев, побывавших там. Погодно-климатические особенности этого периода привлекают закономерный интерес в связи с возникновением сильного, агрессивного централизованного государства. Опираясь на письменные источники и данные естественных наук, привлекая математические расчеты и моделируя климатические процессы, исследователи пытаются выяснить, существовала ли какая-либо связь между усилением монголов и климатическими изменениями.

Г. Дженкинс объясняет причину монгольских завоеваний XIII в. неуклонным и крутым падением среднегодовой температуры в Монголии в 1175–1260 гг., причем, по его данным, около 1200 г. оно было беспрецедентным и, несомненно, оказало глубокое воздействие на кочевую скотоводческую экономику (Jenkins 1974: 220, 225). Эта точка зрения приобрела широкую известность. В ее пользу говорят результаты исследования В.В. Клименко (Клименко 2003), согласно которым на рубеже XII–XIII вв. среднегодовая температура в Евразии резко понизилась, на протяжении XIII в. она оставалась относительно ровной, а в начале XIV в. произошло еще одно похолодание, самое мощное за предшествующие 4,5 тыс. лет. Оно затронуло и Китай. По мнению В.В. Клименко, возникновение государства Чингис-хана совпало с «очень резким, почти катастрофическим глобальным похолоданием» начала XIII в. На востоке Монголии в это время могла быть интенсивная засуха. Согласно концепции этого автора, глобальные похолодания в истории человечества сопровождались массовыми переселениями народов, возникновением и укреплением государств (Клименко 1998), что подтверждается и в случае монголов: холодная климатическая фаза сопровождалась консолидацией, грандиозными завоевательными походами и созданием в Китае монгольской национальной династии, однако в период некоторого потепления волна кочевников отхлынула назад, в родные степи, из-за чего «правление Юань оказалось недолгим и в полном соответствии с климатическим циклом завершилось в эпоху кратковременного потепления конца XIV в.». Успеху монгольских войск в Китае могли способствовать эпохальные климатические изменения, благодаря которым привыкшие к холодному климату номады могли легче адаптироваться к непривычным условиям Юга (Крюков и др. 1987: 94).

Эти взгляды разделяются не всеми исследователями. «Уж так ли суров и неблагоприятен был климат страны, если племя монголов в XII в. как никогда усиленно множилось и социально развивалось?» — задает резонный вопрос Е.И. Кычанов (Кычанов 1980: 148). О роли климатических изменений в последующих исторических событиях на территории Евразии скептически отозвался и Л. Квентин: «Хотя это и не исключено, но весьма сомнительно, чтобы народ, ослабленный враждебными климатическими условиями, был способен создать крупнейшую мировую империю» (Kwanten 1979: 106). При этом сам факт падения температур в указанный период может быть поставлен под вопрос. Например, международная группа специалистов, реконструировавшая динамику кли-

мата Монголии по данным дендрохронологии, пришла к прямо противоположным выводам: завоевательные кампании монголов могли быть облегчены потеплением, имевшим место в первой половине XIII в. (D'Arrigo et al. 2000: 14). Таким образом, проблема еще далека от окончательного разрешения. Кроме того, климатическая цикличность в степях имеет более сложный характер, чем показано выше. Установлено, что влажные и сухие периоды на территории нынешней Монголии чередуются каждые 250–550 лет, а внутривековая периодичность изменения климата составляет 70–80 лет и меньше (Динесман и др. 1989: 199). Несмотря на то что погодные колебания оказывали и оказывают очень серьезное воздействие на кочевую экономику и быт скотоводов, исследователи уже не раз отмечали, что краткосрочные изменения (колебания) климата недостаточны, чтобы вызвать кардинальные перестройки в кочевом обществе, например, стимулировать создание государства из протогосударственных образований. Посмотрим, что говорили о монгольском климате современники.

Заметки о прежнем климате Монголии и его аномалиях разбросаны по текстам средневековых историков и запискам путешественников XIII–XIV вв., причем, как кажется, чаще говорится о необычных холодах, чем о потеплении. Например, приводя рассказы о необыкновенной щедрости хагана Угедэя (1229–1241), Рашид ад-Дин отмечает очень холодный климат окрестностей столицы Монгольской империи Каракорума, не только не позволявший вплоть до правления Угедэя заниматься там земледелием, но даже непереносимый для таких деревьев и кустарников, как ива и миндаль⁶. Хаган якобы давал золотые *балыши* по числу выращенных там деревьев и овощей (Рашид ад-Дин 1960: 53–54). Впрочем, подобные утверждения едва ли близки к истине; если климат и препятствовал развитию растительности, то причина скорее коренилась в засушливости, а не в похолодании в этих местах. Но в указанное персидским историком время климат мог стать несколько более влажным, на что, как нам представляется, в источниках содержатся некоторые намеки, о которых речь впереди. Кроме того, в районе Каракорума селились земледельцы, обладавшие опытом орошения засушливых земель. В результате земля стала приносить урожаи. В принципе эти места уже осваивались под пашню в эпоху древнетюркских каганатов, там существовала ирригационная сеть, но впоследствии она была заброшена. Говоря же о климате всей Монголии, Рашид ад-Дин подчеркивает два обстоятельства: «чрезмерный холод», особенно в местности Баргуджин-Токум (ее нередко отождествляют с забайкальским Баргузином), и частые грозы, которых монголы очень опасались (Рашид ад-Дин 1952а: 157).

Папский легат Иоанн де Плано Карпини, посетивший Монголию в 1245–1246 гг., один из разделов своей «Истории монгалов» посвятил описанию монгольского климата: «Воздух в этой земле распределен удивительно. Именно среди лета, когда в других странах обычно бывает наивысшая теплота, там бывают сильные громы и молнии, которые убивают очень многих людей. В то же время там

⁶ В Монголии растет весьма морозостойкий миндаль черешковый (*Amygdalus pedunculata* Pall.), иногда образующий разреженные заросли по южным склонам гор. Он также отличается высокой засухоустойчивостью.

падают в изобилии снега. Бывают там также столь сильные бури с весьма холодными ветрами, что иногда люди едва с затруднением могут ездить верхом. Отсюда, когда мы были в Орде (так называются у них становища императора и вельмож), то от силы ветра лежали распростертые на земле и вследствие обилия пыли отнюдь не могли смотреть. В этой земле также зимою никогда не бывает дождя, а летом идет он часто и так мало, что едва может иногда смочить пыль и корни трав. Падает там также часто очень крупный град. Отсюда в то время, когда был избран император (Гуюк. — *Авт.*) и должен был воссесть на царском престоле, в бытность нашу при дворе выпал столь сильный град, что, когда он внезапно растаял, как мы узнали вполне достоверно, более 160 человек утонуло там же, при дворе, а имущества и жилищ было снесено еще больше. Там бывает также летом внезапно сильный зной и неожиданно страшнейший холод. Зимою же в одной части выпадают сильнейшие снега, а в другой — неглубокие» (Плано Карпини 1997: 32).

Даосский учитель Чан Чунь, совершивший в 1221–1224 гг. путешествие в Среднюю Азию, где в то время находилась ставка Чингис-хана, по пути отметил летний холод и выпадение сильного града в Монголии (Си Ю Цзи 1995: 301). Другой китаец, Чжан Дэхой, побывавший в Монголии несколько позже, обратил внимание на то, что в августе просо и пшеница стояли увядшие. Земледельцы сказали ему, что уже трижды был иней (Палладий 1867: 584). Конечно, нет ничего удивительного в том, что жителям Срединного государства монгольский климат казался непривычно холодным. Практически все путешественники, дипломаты, пленники, кого судьба забрасывала из Китая в монгольские (или тюркские, сяньбийские, хуннские) кочевья, солидарны в такой его оценке, и было бы странно, если бы это было иначе. Однако еще одно упоминание града⁷ лишний раз заставляет думать, что в XIII в. погода в Монголии (во всяком случае, летняя) отличалась большей переменчивостью, чем сегодня. Грозы, ливни, град, неожиданные снегопады случаются там и в наши дни, однако сложно называть град типичным признаком летней погоды этой страны. Например, по данным метеостанции г. Дзун-Мод (Центральный аймак) за 1986–2007 гг., град фиксировался в среднем один-два раза в год, и лишь в виде исключения это число возрастало до шести.

Посол Южной Сун Пэн Дая, побывавший в Монголии в 1233 г., охарактеризовал ее климат следующим образом: «У них климат холодный. [Здесь] не различаются четыре времени и восемь сезонов года (например, в „Пробуждении насекомых“ не было гроз). В четвертую луну и в восьмую луну часто идет снег. Погода меняется мало (в зависимости от времени года). *За последнее время* (курсив мой. — *Авт.*) к северу от заставы Цзюйюньгуань, например в Гуаньшань, Цзиньляньчуань и других местах, падает снег даже и в шестую луну» (Пэн Да-я, Сюй Тин 1960: 137)⁸. Здесь нам кажется особенно интересной последняя фраза, возможно, говорящая об изменении климата, которое происходило буквально на глазах.

⁷ По-видимому, этот тип осадков составлял предмет беспокойства и для самих монголов. Обо-жествленного эпического Гэсэр-хана они просили о защите от града (Heissig 1980: 94).

⁸ Н.Ц. Мункуев предположительно локализует названные сунским послом местности в нынешнем Автономном районе Внутренняя Монголия, КНР. Сезон «Пробуждение насекомых» начинается около 5 марта (Пэн Да-я, Сюй Тин 1960: 151).

Спустя чуть больше века, в 1337 г., по указу юаньского императора Тогон-Тэмура (1333–1368) в Монголии было прекращено казенное земледелие на том основании, что «в Северной пустыне очень холодно» (Чулууны Далай 1983: 95). Ухудшение климата в этот период, возможно, действительно имело место (Крюков и др. 1987: 91–93). Вместе с тем, по-видимому, следует также принять во внимание точку зрения Ч. Далай, связавшего этот указ с началом антимонгольского повстанческого движения в Китае, поскольку, как он указывает, тогда земледелием на территории Монголии занимались китайские военнопоселенцы, представлявшие потенциальную угрозу (Чулууны Далай 1983: 95).

Сами монголы, естественно, в те годы замечок о климате своей страны не писали, но разговоры об изменении климата среди них тоже велись. Так, Ц. де Бридия в своей «Истории Татар» пишет о Монголии со слов Бенедикта Поляка — спутника и переводчика Плано Карпини: «Климат [ее] крайне переменчив, и это, вероятно, из-за чередования гор и равнин. [Эта земля] изобилует сильнейшими ветрами. Бывают там также молнии, громы и грозы, и [к тому же] вне сезона, ибо говорили они братьям, что *несколько лет тому назад климат у них начал удивительным образом меняться* (курсив мой. — Авт.). Поэтому часто кажется, что вблизи земли тучи словно сражаются с тучами, и рассказывали они дальше, что незадолго до приезда [наших] братьев к ним сошел огонь с небес и уничтожил лошадей многие тысячи и скота со всеми рабами, пасущими [его], за исключением немногих. А когда братья присутствовали на [церемонии] избрания кана, то есть императора, выпал такой сильный град, что после его внезапного таяния утонуло более ста шестидесяти человек, и [поток] далеко унес вещи вместе с жилищами» (Христианский мир 2002: 114–115). Эта цитата более емкая, чем заимствованная у Плано Карпини. В ней содержатся по крайней мере три пласта информации. Во-первых, сказанное о переменчивости погоды и сильнейших ветрах характеризует резко континентальный климат Монголии и не имеет отношения к его изменениям как таковым. Во-вторых, указывается на изменение климата за последние годы, и за этим сообщением могли стоять реальные сдвиги климатических процессов. Упоминание туч наводит на мысль о более мощном влиянии тихоокеанского муссона, несущего во Внутреннюю Азию насыщенные влагой воздушные массы. В наши дни именно он орошает территорию Монголии летом. Наконец, в-третьих, наряду с естественно-научными сведениями здесь, видимо, имеется и политический подтекст, подмеченный А.Г. Юрченко: «Итак, некто поведал францисканцам о небесном огне [молнии], испепелившем табуны лошадей незадолго до интронизации Гуюка... Самое же интересное в этих сведениях — их связь с несчастьем, случившимся в день восшествия Гуюка на престол... Информатор францисканцев, скорее всего, был человек из окружения Бату-хана, и целью его было бросить тень на фигуру вновь избранного хана. Соперничество между Бату-ханом и Гуюком — известный факт. Сведения о небесном огне намекают на неприятие нового хана со стороны священного Неба» (Юрченко 2002: 178)⁹. Действительно, во Внутренней

⁹ Однако ни Джувейни, ни Рашид ад-Дин не говорят о каких-либо необычных происшествиях, случившихся как во время церемонии избрания Гуюка хаганом, так и в продолжение его правления.

Азии не только верили в зависимость природных явлений от легитимности верховного правителя, но и использовали стихийные бедствия как предлог для устранения неугодного суверена, о чем мы еще будем говорить ниже.

Итак, исторические источники позволяют предполагать похолодание, имевшее место в первой половине XIII в. Оно могло начаться и раньше, но было описано лишь тогда, когда монгольские степи по вполне понятным причинам оказались в центре внимания многих народов, обладавших письменностью и традициями летописания. Нельзя исключать и другую причину климатических перемен: наступившую приблизительно в рассматриваемую эпоху нестабильность климатических процессов, делавшую возможным прорывы переохлажденного воздуха летом, из-за чего возникали шквальные ветры и шли сильные ливни с грозами и градом, а в некоторых местностях наблюдались снегопады. Похолодание сопровождалось увеличением количества осадков (Иванов, Васильев 1995: 205).

Оборотная сторона политических событий — их воздействие на природные процессы и явления. Проиллюстрируем этот тезис опять же на примере Монголии XII–XIII вв., по которой имеется достаточно много историографической и естественно-научной информации. Как правило, исследователей интересуют политические, экономические, военные и тому подобные аспекты объединения Монголии и возникновения Монгольской империи, а не экологические. Между тем политические события в степях не могли не отразиться на состоянии природной среды, которая, как хорошо известно, отличается здесь повышенной чувствительностью к антропогенному воздействию вследствие сложных ландшафтно-климатических условий. В свою очередь, и это также бесспорно, деградация природы, прежде всего степной растительности, подрывает основы жизнеобеспечения кочевнического общества и порой делает его жертвой соседей.

Для Монголии как животноводческой страны принципиально важны продуктивность и сохранность пастбищ, зависящие, с одной стороны, от климатических колебаний, а с другой — от характера пастбищных нагрузок. В случае несбалансированности последних происходит дигрессия пастбищ. Существуют методики обнаружения дигрессионных проявлений по состоянию растительности, в частности на основе анализа состава доминирующих видов и видов-индикаторов. Одним из таких индикаторов является горец узколистный (*Polygonum angustifolium* Pall.). Это растение позволяет не только оценивать современное состояние монгольских пастбищ, но и определять, каким оно было в прошлом. Обнаружение в почве или озерных отложениях его пыльцы указывает на неблагоприятные тренды динамики растительности под воздействием перевыпаса. В сухих степях Монголии 900–600 лет назад в пыльцевом фоне доля пыльцы этого растения возросла до 2%, тогда как в более древних спектрах попадают лишь единичные пыльцевые зерна. Для сравнения, сейчас их доля равна примерно 10%, что находится в соответствии с общим неотрегулированным состоянием пастбищного землепользования Монголии в условиях перехода страны к рыночной экономике. Первое зафиксированное увеличение доли горца узколистного в пыльцевых спектрах приходится на период становления и расцвета монгольского централизован-

ного государства (Динесман и др. 1989: 205; Князев 1990: 24–25). Что же могло вызвать депрессию именно в это время?

Известно, что во второй половине XII в. монголы испытывали недостаток в скоте, в связи с чем правители чжурчжэньской империи Цзинь посылали в Монголию скот, дабы задобрить кочевников (Воробьев 1975: 330). Поэтому перевыпас в тот период едва ли мог иметь место, хотя некоторые исследователи, например А.М. Хазанов, предполагают наличие дисбаланса между продуктивностью пастбищ, поголовьем скота и численностью населения, вследствие чего монгольское общество пребывало тогда в «стрессовом состоянии» (Хазанов 2000: 372). Иную картину можно было наблюдать в начале XIII в.: благодаря успешным рейдам монголов под предводительством Чингис-хана и его полководцев монгольские кочевья наполнились стадами, пригнанными как с территории враждебных племен татар, меркитов, найманов, так и с пастбищ Северного Китая и государства тангутов Си Ся. Например, не вызывает сомнения имеющаяся в «Сокровенном сказании» информация, что тангутский император откупился поставкой множества верблюдов: «Собрал со своих Тангутов столько верблюдов, что с трудом их доставили к нам» (Козин 1941: § 249). Согласно степному обычаю, добычу делили между участниками военных походов. Раздел пастбищных угодий был произведен Чингис-ханом в 1206 г. Возможно, количество скота превышало экологическую емкость пастбищ, вследствие чего и началась их деградация, выявляемая ныне методами споро-пыльцевого анализа. Здесь же уместно заметить, что ситуация могла быть намного хуже, если бы великий хан по каким-то причинам промедлил с разделом кочевий между своими подданными. В этом случае пастбищные нагрузки могли приобрести хаотический характер, и степи вскоре оказались бы потравлены скотом, а водные источники загрязнились и иссякли. Сын Чингис-хана Угедэй, правивший Монгольской империей в 1229–1241 гг., пошел еще дальше, запланировав широкомасштабные работы по созданию в засушливых районах Монголии сети колодцев (Козин 1941: § 281). К сожалению, не известно, осуществил ли он этот замысел.

Кроме пастбищных нагрузок значительное влияние на природу оказывает земледелие, коренным образом изменяющее растительный и почвенный покров. В аридных условиях Внутренней Азии почвы очень неустойчивы к распашке и быстро подвергаются ветровой и водной эрозии. Земледелие существовало здесь с глубокой древности, но было ограничено долинами рек и немногими плодородными межгорными котловинами. Чаще всего создание кочевых империй стимулировало земледелие, а в периоды их распада оно почти забывалось. Усиление монголов и успешные завоевания способствовали созданию центров оседлости на территории самой Монголии, в которых развивалось орошаемое земледелие. Хорошо известны пашни близ Каракорума, земледельческая колония Чинкая и т.д. Следы древней распашки сохранились в некоторых районах Монголии и Тувы, но ее узкая локализация и сравнительно невысокий уровень агротехники не вызвали серьезных экологических последствий. Кроме того, степная растительность со временем восстанавливается на заброшенных земледельческих

удобьях. В Монголии самовосстановление залежей происходит, в зависимости от ландшафтно-экологических условий, за 20–50 лет (Лим и др. 1990: 44).

Благодаря источникам мы можем предположить, какой хотел видеть Монголию сам Чингис-хан. Укоряя Алтана, одного из борджигинов, поставивших его ханом в 1189 г., он произнес краткую речь, которую можно назвать программной: «Я провозглашен именно потому, что вы отказались. Почему я не отклонил от себя предложение, так это потому, что я не хотел, чтобы издавна обитаемая страна поросла дикою травой и чтобы сломившиеся деревья преграждали тележный путь. В том заключались мои душевные желания» (Старинное китайское сказание 1877: 173). Эти слова перекликаются с изложенным у Рашид ад-Дина: «Мои старания и намерения в отношении стрелков и стражей, чернеющих, словно дремучий лес, супруг, невесток и дочерей, алеющих и сверкающих, словно огонь, таковы: усладить их уста сладостью сахара [своего] благоволения и украсить их с головы до ног тканными золотом одеждами, посадить их на идущих покойным ходом мерин, напоить их чистой и вкусной водой, пожаловать для их скота хорошие травяные пастбища, повелеть убрать с больших дорог и трактов, являющихся общественными путями, валежник и мусор и все, что [может причинить] вред, и не допустить, чтобы росли колючки и были сухие растения» (Рашид ад-Дин 1952б: 263). Однако в соответствующем месте «Сокровенного сказания» этот монолог отсутствует (Козин 1941: § 179).

Природный фактор не ограничивается климатом. Определенную роль в жизни кочевых обществ и в их политической истории играло обладание стратегически важными природными ресурсами, в частности полезными ископаемыми, и умение их добывать и перерабатывать, превращая в оружие, предметы экспорта или иную полезную продукцию.

Пожалуй, наибольшее значение имели руды и самородные металлы: золото, серебро, медь, железо и некоторые другие. Известно, что древние тюрки, до того как стать гегемонами Внутренней Азии, плавил на Алтае железо для своих сюзеренов — жуаньжуаней. Многие исследователи склоняются к мысли, что приобретенные тюрками навыки вкупе с накопленным железом и изделиями из него, в первую очередь оружием, значительно усилили их экономический и военный потенциал. Это позволило тюркам в 546 г. разбить теле, что, видимо, дало им уверенность в своих силах, а вслед за тем разгромить и жуаньжуаней (552–555). Через короткое время их власть уже простиралась от Хингана до Азовского моря. Конечно, военные успехи тюрков нельзя объяснять одной лишь металлургией, но свою роль в возникновении Тюркского каганата она, по-видимому, сыграла. Подобным образом, мы не можем исключить вероятность того, что обитавшие на Аргуни монголоязычные племена шивэй, которые положили начало возвышению собственно монголов и занятию ими халхаских степей, в какой-то мере были обязаны своими успехами умению извлекать из земных недр и обрабатывать металл. Когда основатель киданьского государства Абаоцзи в 907 г. присоединил земли шивэй, искусных в изготовлении изделий из железа и меди, в его владениях начались добыча руды и плавка металла (Wittfogel, Feng 1949: 150). Развитая металлургия ран-

них монголов также подтверждается, на наш взгляд, известной легендой о расплавлении ими горы в местности Эргунэ-Кун, которую обычно отождествляют с Аргунью (Рашид ад-Дин 1952а: 154).

Однажды в качестве природного дара, который помог повернуть ход истории, послужила обыкновенная пищевая соль. Уже упоминавшийся нами Абао-цзи, задумав по совету своей жены погубить вождей, стоявших на его пути к единоличной власти над киданями, сказал им: «У меня есть соленое озеро, из которого вы едите [соль]. Но, хотя племена знают преимущества употребления соли, вы не осознаете, что у этой соли есть хозяин. Разве это справедливо? Вы должны отблагодарить меня» (Wittfogel, Feng 1949: 142). Те сочли его слова разумными и устроили пир. Когда вожди напились допьяна, из засады появились воины Абао-цзи и убили их всех. Таким способом соперники были устранены, и в первом месяце 907 г. Абаоцзи объявил себя императором.

Кочевники издавна предпринимали попытки поставить природные стихии себе на службу. Среди тюркских народов широкое распространение получила магия, нацеленная на изменение погоды в желаемом направлении. Согласно традиции, воздействовать на погоду можно было с помощью особого «камня дождя» («яда таш») (Малов 1947; Анисеева 2002; Дробышев 2018). Судя по многочисленным описаниям, он представлял собой желчный камень, извлекаемый из внутренностей скота (гораздо реже — горный хрусталь или другой минерал). Считалось, что обладание им повышает авторитет династии. У огузов он стал символом сакральной верховной власти (Кляшторный 2006: 509). Имеется довольно много сведений об использовании «камня дождя» в военных целях. Тюрки верили, что посредством определенных, достаточно простых манипуляций знаток-*ядачи* мог вызвать жестокое ненастье над войском противника. Первые четкие указания на магические операции с погодой относятся к эпохе Жуань-жуаньского каганата (402–555): «В их владении умеют, используя колдовство, приносить жертвы Небу и вызывать ветер со снегом. [В результате] впереди ясное солнце, а сзади грязевые потоки воды. В связи с этим, когда они терпят поражение, их невозможно догнать. Если они прибегают к этому способу в Срединном государстве, то делается пасмурно, но снег не идет. На вопрос о причине этого они говорят, что в [Срединном государстве] тепло» (Материалы 1984: 290). В этом описании не уточняется, применяли ли жуаньжуани камень, но производившийся эффект абсолютно точно соответствует тому, что известно из других источников, где говорится о «яда таш». Упоминается подобное волшебство и в «Сокровенном сказании» в описании битвы при урочище Койтен: «Тут оказалось, что эти самые Буирух и Худуха могут волшебством вызывать ненастье. Принялись они за свое волшебство, но ненастье-то обернулось наоборот и разразилось над ними самими ливнем и ураганом. Стали они тут сами, спотыкаясь и скользя, валиться в пропасти. И рассыпались все кто куда, говоря: „Видно, мы прогневали небеса“» (Козин 1941: § 143)¹⁰. Мы не знаем, применялся ли камень в данном случае, но важно не это. Заслуживают внимания сами горе-колдуны —

¹⁰ Также см. (Рашид ад-Дин 1952б: 121–122). «Алтан тобчи» излагает этот эпизод без каких-либо дополнительных деталей (Лубсан Данзан 1973: 113).

хан найманов Буирух и ойрат Худуха, носивший титул *беки*. «Сокровенное сказание» называет творцами ненастья именно их, а не шаманов. Вообще, кем были у разных тюркских и монгольских народов специалисты-*ядачи* — шаманами или нет, до сих пор точно не установлено; мы склонны отрицать наличие у них особых шаманских способностей уже на том основании, что работа с «камнем дождя» не требовала впадения в транс и вступления в прямой контакт с духами. А причина неудачи Буируха и Худухи, по-видимому, не вызывала сомнения у безвестного автора летописи, ибо они попытались повернуть силы Неба против того, кому оно само и покровительствовало, — против Чингис-хана¹¹. Возможно, это редкий случай в своем роде, когда колдовство над погодой не только не достигло желаемого результата, но и привело его исполнителей к катастрофе. «Камень дождя» использовали также в мирной жизни, когда надо было вызвать дождь или умерить зной при переходе через пустыню.

Стихийные бедствия

Для малонаселенной Внутренней Азии, где практически нет городов, землетрясения почти не представляют опасность. Извержения вулканов в историческое время здесь неизвестны. Не так, как в земледельческих государствах, опасны и засухи, хотя, повторяясь несколько лет подряд, они способны основательно подорвать кочевую экономику. Нашествия саранчи сами по себе тоже не приводят к катастрофическим последствиям, но тяжесть от них усиливается во время засух¹². Тайфуны не достигают внутренних областей континента. Лесные пожары были, скорее, позитивным явлением, освобождая новые земли, на которых вместо восстановления леса могла сформироваться пригодная для пастбищного использования степь. Что действительно представляло для кочевников серьезную угрозу на всем протяжении существования кочевничества, так это дзут — массовый падеж скота, в результате которого вчерашний владелец тысячных стад мог оказаться нищим. Влияние этого бедствия на политические процессы в степях не вызывает сомнения. Например, считается, что страшный дзут 581–583 гг. и вызванный им голод в кочевьях древних тюрков внесли весомый вклад в кризис Первого Тюркского каганата (Кляшторный 2003: 94), сильные снегопады ослабили Уйгурский каганат, ставший в 840 г. жертвой кыргызов (Mackerras 1968: 124), а особо суровая зима 1263/64 г. ускорила падение соперника Хубилая Ариг-буги (Rossabi 1988: 60). Подобных примеров можно привести много. Вместе с тем возвышение и гибель великих степных империй едва ли можно объяснить только действием климатического фактора; зависимость здесь более сложная. Насколько значительным было влияние стихии?

¹¹ Ср. (Бакаева 2003: 78).

¹² Засуха в первой половине 40-х годов I в. могла внести весомый вклад в раскол империи хунну на Южную и Северную конфедерации, случившийся в 48 г.: «Между тем сюнну несколько лет подряд страдали от засухи и саранчи, земля на несколько тысяч ли лежала голая, травы и деревья засохли, люди и скот голодали и болели, большинство их умерли или пали» (Материалы 1973: 70).

Как волки нападают на ослабленного оленя, так и кочевые народы охотно набрасывались на обессилившего по тем или иным причинам соседа, особенно если имели основание относиться к нему враждебно. Обладая достаточной мощностью и выбрав подходящий момент, они могли сокрушить кочевую империю. Однако, если сами соседи недостаточно сильны, империя способна в короткий срок восстановить экономический и военный потенциал. Так, подсчитано, что природные катаклизмы обрушивались на хунну в среднем один раз в десять лет (Крадин 2002: 34). Конечно, это не значит, что их полития каждый раз оказывалась на грани гибели: тяжесть этих бедствий была неодинакова, и некоторые из них могли пройти почти бесследно, но иные серьезно подтачивали основы Хуннской державы.

Неоднократно цитируется следующее сообщение «Истории Ранней династии Хань» о катастрофе, постигшей хунну зимой 72 г. до н.э.: шаньюй Хулугу «лично во главе 10 тыс. всадников напал на усуней, захватил большое количество старых и малых и хотел уже возвращаться обратно. В это время пошел сильный снег, причем высота снежного покрова, выпавшего за день, превысила 1 *чжан*¹³. Люди и скот замерзли от холода, из каждого десятка назад возвратился один человек и уцелела одна голова скота. Пользуясь слабостью сюнну, динлины напали на них с севера, ухуани вторглись в их земли с востока, а усунь — с запада. Эти три владения уничтожили десятки тысяч человек, захватили несколько десятков тысяч лошадей и очень много рогатого скота и овец. Кроме того, от голода у сюнну умерло из каждого десятка три человека, а из каждого десятка скота пало пять голов. Сюнну совсем обессилили, все зависимые от них владения отложились, и они уже не в состоянии были совершать грабительские набеги» (Материалы 1973: 28). Картина, прямо скажем, безрадостная, тем не менее это бедствие не вызвало гибели кочевой империи.

В принципе, рассказ даже о сильнейшем дзуте или другом катастрофическом явлении не должен обязательно настраивать нас на поиск сообщения в следующих строчках о каких-то серьезных социальных потрясениях. Как правило, стихия не могла охватить всю территорию, населенную теми же хунну, или тюрками, или монголами. Это маловероятно по нескольким причинам. Во-первых, кочевые империи охватывали весьма значительные территории, слишком большие, чтобы какой-либо враждебный климатический фактор (экстремально низкие или, напротив, высокие температуры, сильная засуха, мощные снегопады, штормовой ветер и т.п.) мог повсеместно достичь своих критических проявлений. Во-вторых, нельзя забывать, что земная поверхность во Внутренней Азии очень сложно устроена вследствие имевшего место в прошлые геологические эпохи горообразования. Однородные, ровные участки земли здесь редки. Поверхность расчленена горными системами, которые усложняют и специфически видоизменяют влияние климатических факторов. Разные склоны гор получают неравные количества солнечного тепла и осадков, по-разному взаимодействуют с ветрами, усиливая

¹³ *Чжан* — мера длины, в описываемую эпоху равная 2,3 м (Боровкова 2001: 257). Трудно представить снежный покров такой мощности, тем более выпавший всего за один день.

их или ослабляя, вследствие чего пригодные для жизни людей межгорные котловины и долины перерезающих горные цепи рек имеют неодинаковый микроклимат, даже находясь на расстоянии всего лишь нескольких километров друг от друга. Пока в одной такой котловине идет сильнейший ливень, по соседству может ярко светить солнце. В-третьих, большая протяженность Внутренней Азии с севера на юг и, как следствие, разный прогрев земной поверхности исключают одинаковое по силе и форме воздействие даже мощных атмосферных фронтов, захватывающих тысячи километров. Поэтому вероятность единовременных природных катаклизмов в масштабах целой кочевой империи не очень велика.

Однако как же быть с многочисленными сообщениями источников о катастрофических падежах скота, в результате которых номады слабели настолько, что легко становились жертвами соседей? Здесь нет противоречия. Дело в том, что по-настоящему эффективно бить кочевников в их привычных местах обитания могли только другие кочевники. Тактика степной войны подразумевает высокую мобильность воинов, использование кавалерии. Оседлые недруги, прежде всего Китай, предпочитали «подавлять варваров руками варваров», нанося одни этнические или политические группировки на другие, что приносило существенно бóльшую отдачу по сравнению с карательными экспедициями в глубь «северной пустыни». После бурной эпохи ханьского императора У-ди (141–87 гг. до н.э.) стало очевидно, что выгоднее разлагать кочевой мир заманчивыми обещаниями и богатыми подарками, чем пытаться поставить его на колени, используя лишь военную силу. История сохранила массу свидетельств активности китайской дипломатии в степях Внутренней Азии. Но представляется вполне очевидным, что разгромить ослабевшее от природных катаклизмов кочевое государство могло только другое объединение кочевников, не пострадавшее от того же самого удара стихии. Это могло быть какое-либо из подчиненных племен или соперничающий клан.

Далеко не всякий даже очень тяжелый удар стихии оказывался для кочевников фатальным. Думается, он должен был прийти не по какой угодно части территории, занятой кочевым государством, а по его политическому центру, являвшемуся в то же время и центром экономическим, а также сакральным, — туда, где паслись стада предводителя степняков и где находилась его ставка. В большинстве случаев можно предполагать в качестве такого центра юго-восточные отроги Хангая, где в широкой долине Орхона располагались ставки древнетюркских, уйгурских и монгольских правителей, а также, вероятно, и более ранних кочевников — хунну и жуаньжуаней. Эту местность не без основания считают ключом ко всей Внутренней Азии: отсюда удобно контролировать кочевые народы и торговые пути, совершать военные походы в Китай и Западный край. Ее потеря могла фактически знаменовать падение империи, и такие случаи в истории известны, хотя трактуются по-разному.

Сильный дзут лишает номадов пищи и боевых лошадей, ослабляет экономически и физически, может сделать их практически беззащитными. Но этого еще не достаточно для агрессии со стороны соседей. Причины для развязывания вой-

ны складываются не вдруг, этнополитические противоречия должны достичь некоего критического напряжения, после чего враг только ждет подходящего случая. Таким образом, дзут или эпидемия — отнюдь не обязательная причина для нападения, однако удобная возможность расправиться с нежелательным соседом, разграбить то, что еще сохранилось, а если повезет, то и захватить в степях власть. Возможно, именно так развивались события в первой половине IX в., приведшие к падению Уйгурского каганата. Главной ударной силой послужили полчища енисейских кыргызов, с которыми уйгуры вели длительную позиционную войну. Кыргызы имели основания ненавидеть уйгуров хотя бы за учиненный теми в 795 г. жестокий разгром кыргызских стойбищ. В долину Орхона они пришли в 840 г. не по собственному почину, а по приглашению мятежного уйгурского полководца Кюлюг-бага-тархана из племени эдизов, совместно с которым захватили и разрушили уйгурскую столицу Орду-Балык, а затем совершили несколько походов в глубь Внутренней Азии. Накануне этих событий в каганате случились эпидемии и сильный дзут: «В тот год был голод, а вслед за ним открылась моровая язва и выпали глубокие снега, от чего пало много овец и лошадей» (Бичурин 1950: 334; Малявкин 1974: 27). Можно полагать, что, если бы не предательство Кюлюг-бага-тархана, уйгурское государство оправилось бы после постигшей его катастрофы и просуществовало бы еще какое-то время. Очевидно, время для нападения было выбрано правильно.

Положение усугубляется еще одним важным обстоятельством, обусловленным менталитетом жителей Внутренней и Восточной Азии. Правитель, «допустивший» в своих владениях разгул стихии, мог потерять право на власть, так как в неблагоприятных природных явлениях люди видели признак недовольства Неба. Для Внутренней Азии, как и для Восточной, было актуальным тесное переплетение понятий о верховной власти и природной гармонии. Верховный правитель кочевого социума рождался и занимал престол по воле Вечного Неба, он воплощал «мировую ось» и служил передатчиком на подвластные ему земли благотворной силы Неба. Расширяя границы государства, он тем самым раздвигал рубежи упорядоченного пространства, где благоденствуют дикая природа и люди со своими стадами. Небо отрицательно реагировало на нарушение миропорядка, в частности на узурпирование трона или провозглашение императором человека, не наделенного этой благой силой. Реакция могла выражаться в волнениях народа, нашествиях врагов, сбое природно-климатических циклов и т.п.¹⁴. Все это предвосхищалось неблагоприятными знаменами. Поэтому стихийные бедствия, нежелательные сами по себе, могли, кроме того, послужить поводом для мятежа или, в более мягком варианте, требования замены правителя другим, в ком угадывалось наличие харизмы. Как отмечалось выше, оппозиция Гуюку не преми-

¹⁴ Аналогичных взглядов придерживались древние жители Индии. Временное отсутствие царя либо его греховность считались причиной засух, голода, болезней, войн. Обладая особой творческой силой уга- и воплощая дхарму, легитимный индийский монарх являлся наряду с брахманами регулятором метеорологических и прочих природных процессов, а также посредником между силами природы и общества. Считалось, что под его властью народ благоденствовал, а громовержец Индра своевременно давал дождь (Gonda 1966: 6–13).

нула разыграть «климатическую» карту. После его смерти правление Монгольской империей перешло в руки потомков Толуя.

Кочевое хозяйство сравнительно быстро восстанавливается после нанесенных дзутом потерь. Прежде всего, необходимо учитывать, что скотовод ориентируется не на оптимальное в данных ландшафтных условиях поголовье, а на максимальное, создавая, таким образом, резерв на случай эпизоотии или гибели от погодных аномалий (Ямсков 1991). Какое-то количество животных должно пережить катастрофу и дать потомство. Например, монгольская овца быстро восстанавливается после зимней бескормицы и отличается плодовитостью (105 ягнят на 100 самок), а именно она является «разменной монетой» кочевой экономики и основным источником мяса.

В случае потери своих стад кочевники могли в какой-то мере компенсировать сократившуюся белковую диету охотой на диких животных, а также включать в свой рацион птицу, рыбу и даже озерных моллюсков. О родоначальнике племени куралас Мисар-Улуке рассказывали, что он весной собирал на берегу озера ракушки, чтобы изжарить их и съесть (Рашид ад-Дин 1952а: 164–165).

Наконец, учитывая мозаичное воздействие стихии, можно полагать, что общество в целом страдало от стихийных бедствий не настолько сильно, как представляется при прочтении китайских летописей. Интересно, что в «Сокровенном сказании монголов» о дзутах не сказано ни слова — но ведь не потому, что их в ту пору не было!¹⁵ Случаясь с определенной периодичностью, связанной, в частности, с циклами солнечной активности (замечено, что обычно дзуты случаются в год Зайца), они, по-видимому, воспринимались самими кочевниками без особого трагизма, как данность. Общество было к ним адаптировано и, вероятно, сравнительно легко справлялось с последствиями слабых и средних по силе дзутов.

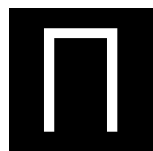
Итак, можно заключить, что к настоящему времени наука не располагает неопровержимыми доказательствами прямой связи создания и крушения кочевых империй с климатическими изменениями во Внутренней Азии. Роль природно-климатического фактора была, конечно, существенной, но не определяющей. Ни в коей мере его не умаляя, мы полагаем, однако, что важнейший стимул развития кочевых империй и главная причина различий между ними заключались в социально-политической эволюции кочевых обществ, причем не самих по себе, а в тесной связи с оседлым миром, в первую очередь с Китаем. Природа задавала определенные, достаточно жесткие рамки, в которых могли существовать и развиваться кочевники, но отклонения от некоей усредненной модели экономики типичного кочевого общества могут объясняться скорее социальными, чем природными причинами. Природа могла ослабить степную политику и сделать ее жертвой соседей или заставить на время изменить внешнюю политику, но она не позволяла скотоводам в массовом порядке превращаться в земледельцев или торговцев и не понуждала их к этому. Климат мог являться катализатором социальных процессов, но, как правило, не их причиной.

¹⁵ Так, мемориальная надпись тюркского Бильге-кагана сохранила память о подобном событии: «Во время моей зимовки в Магы Кургане (в крепости Магы Амгы), на сороковом году моей жизни, случился падёж скота» (Малов 1959: 21).

Глава 3

СКИФСКАЯ ДЕРЖАВА

Экономика

После возвращения скифов из закавказских походов постепенно происходит стабилизация их основного ареала обитания в степях Северного Причерноморья на пространстве между Днестром и Доном. Экологические условия региона в эпоху древности и средневековья были оптимальны для кочевого скотоводства, тогда как земледелие при существовавших тогда технологиях не имело перспектив сколько-нибудь значительного развития.

Степи Северного Причерноморья представлены множеством типов пастбищ с общим уровнем продуктивности, вполне достаточным для стабильного функционирования кочевого скотоводческого хозяйства. Как полагают специалисты, в VI–V вв. до н.э. преобладали волосоносно-пырейно-узколистомятликовые пастбища, наиболее продуктивные при умеренном выпасе. Именно в области пастбищ этого типа, сохранившихся до настоящего времени, сконцентрирована основная масса памятников, ассоциируемых со скифами (Гаврилюк 1995: 22).

Исторические источники в целом описывают скифов как типичных кочевников-скотоводов. По словам Псевдо-Гиппократата («О воздухе, водах и местностях», 25), «называются они кочевниками потому, что у них нет домов, а живут они в кибитках, из которых наименьшие бывают четырехколесные, а другие шестиколесные, они кругом закрыты войлоком и устроены подобно домам, один — с двумя, а другие — с тремя отделениями, они непроницаемы ни для воды, ни для света, ни для ветров. В эти повозки запрягают по две или по три пары безрогих волов. В таких кибитках помещаются женщины, а мужчины ездят верхом на лошадях. На одном месте они остаются столько времени, пока хватает травы для стад, а когда ее не хватит, переходят в другую местность. Сами они едят вареное мясо, пьют кобылье молоко и едят иппаку. Таков образ жизни и обычай скифов».

Аналогичным образом описывает занятия скифов и Геродот, хотя картина хозяйственных укладов степной Скифии, представленная им, далека от однозначности. Наряду с доминирующими в скифском племенном объединении царскими скифами он выделяет скифов-кочевников, а также две группы земледельческого населения: скифов-земледельцев (*georgeoi*) и скифов-пахарей (*aroteres*), — локализуя каждую из них на определенных территориях. Однако длительные попытки археологов обнаружить в степи памятники земледельческих культур в Геродотовой эпохе так и не увенчались успехом. Поэтому сегодня значительная часть исследователей согласна с мнением известного советского ираниста В.И. Абаева, что упоминание о «скифах-земледельцах» — результат лингвистического недоразумения (Абаев 1981). Что касается «скифов-пахарей», то, скорее всего, под ними подразумевались какие-то группы населения лесостепи, о чем будет сказано чуть ниже.

В развитии кочевого скотоводства степной Скифии исследователи склонны выделять два основных этапа (Гаврилюк 1995). На первом, датируемом VI–V вв. до н.э., в составе стада преобладали лошади и мелкий рогатый скот, а сам характер кочевания носил более подвижный характер. Экстенсивное кочевое скотоводство в данный период в значительной мере отражало хозяйственные особенности длительного военно-миграционного состояния скифских племен конца VIII — VII в. до н.э. Кроме того, где бы ни находилась историческая прародина скифов (а данный вопрос до сих пор является предметом ожесточенных дискуссий), экологические условия там, вероятнее всего, были хуже, чем в Северном Причерноморье, из-за чего видовой состав стада был представлен наиболее выносливыми и неприхотливыми животными. И очевидно, что на ранних этапах стабилизации скифского степного ареала скотоводческое хозяйство сохраняло свою прежнюю структуру.

Значительная доля конского поголовья в стаде была достаточно закономерна для начального этапа пребывания скифов в Северном Причерноморье. В условиях постоянных миграций, сопровождавшихся частыми военными действиями, роль лошади как транспортного и боевого средства была исключительно велика. Кроме того, данные письменных источников, находящие значительное подтверждение в археологическом материале, свидетельствуют о высоком значении лошади в сакральной сфере. Согласно Геродоту (IV, 72), лошадь была наиболее популярной жертвой, приносимой скифами богам, и при погребении царей совершались массовые конские жертвоприношения, а сами царские захоронения окружались чучелами лошадей.

Большое значение в скотоводческом хозяйстве скифов на ранних этапах имели овцы, что также полностью укладывается в логику миграционного и постмиграционного периода. Овцы отличаются большой выносливостью и годятся, в том числе, для дальних перекочевков, гораздо лучше крупного рогатого скота переносят разнообразные природные бедствия. Одним из главных достоинств овец является их кормовая «всеядность». Можно не сомневаться, что в скифском кочевом хозяйстве, еще сохранявшем в VI–V вв. до н.э. значительную подвиж-

ность и остававшемся слабо дифференцированным, именно овцы были главным источником получения мяса, молока и шерсти.

В качестве главного упряжного животного, использовавшегося для передвижения скифских повозок, в источниках упоминаются волы и быки. Однако, судя по содержанию в захоронениях остеологического материала, количество крупного рогатого скота было весьма незначительным. Перекочевки носили преимущественно меридиональный характер по линии «поймы рек — степные пастбища». Материальная культура раннего периода не отличается богатством и разнообразием, влияние античной культуры практически не прослеживается.

Данные археологии позволяют проследить изменения в хозяйстве, которые приходятся на начало второго этапа скифской истории — конец V — IV в. до н.э. В составе стада на первое место выходит крупный рогатый скот, применительно к которому уже можно говорить о породности. Произошедшие изменения в структуре кочевого скотоводства можно объяснить стабилизацией ареала расселения и кочевания скифов, а также хорошей кормовой базой региона. Закономерным результатом произошедших изменений должно было стать сокращение маршрутов перекочевок, а в тенденции — развитие полукочевых форм хозяйства, поскольку, как уже говорилось, крупный рогатый скот не способен к длительным кочевкам. В результате маршруты перекочевок меняются с меридиональных на широтные и от водораздела к пойме (Гаврилюк 2005: 116–117). Впрочем, значение этой тенденции не следует преувеличивать, тем более нет оснований вслед за некоторыми авторами рассматривать данный этап кочевого хозяйства как более «прогрессивный». Как показывают этнографические данные, например по скотоводам Восточной Африки, разведение крупного рогатого скота может сочетаться с весьма архаичными социально-экономическими отношениями (Калиновская 1989).

В V–IV вв. до н.э. в стаде по-прежнему была высока роль конского поголовья, поскольку лошадь сохраняла свое военное, престижное и отчасти транспортное значение, а благодаря своей способности к тебенёвке играла большую роль в сохранении всего стада в зимнее время. Разведение овец и коз на позднем этапе по-прежнему практиковалось, но в заметно меньших масштабах. На поздних этапах эволюции скифского кочевого хозяйства в составе стада появляются ослы, которые, судя по сообщениям письменных источников, в период архаики не были известны скифам (Гаврилюк 1995: 63–64).

Таким образом, на позднем этапе скифского нomaдизма в Северном Причерноморье происходит заметная дифференциация как собственно скотоводческого хозяйства за счет освоения новых видов скота, так и экономики Скифии в целом. По мнению некоторых авторов, на этом этапе можно говорить о выделении двух хозяйственно-культурных типов: кочевых скотоводов открытой степи и полукочевых скотоводов подпойменных районов (там же: 75–81).

В V в. до н.э. отмечается появление стационарных поселений в пойме Днепра (следует отметить, что Немировское поселение возникает еще в эпоху архаики). Среди них своими размерами и богатством материала выделяются Каменское и Белозерское городища. Роли и функции городищ в Скифии остаются в значи-

тельной степени дискуссионными. Не вызывает сомнения, например, их определенное торгово-экономическое значение (Граков 1954: 115–140, 145–151), однако распространенная точка зрения на них как масштабные по своим размерам политико-административные центры скифских царей представляется малообоснованной. Так, высказанная в свое время Б.Н. Граковым точка зрения на Каменское городище как на своеобразную «столицу» скифского царства, получившая поначалу широкую поддержку, стала оспариваться уже в 80-х годах XX в. (Ильинская, Тереножкин 1983: 188), тогда же серьезные возражения были высказаны и против оценки городища как крупного металлургического центра (Ольговский 1987: 51–52).

Как показала в своих последних публикациях Н.А. Гаврилюк, Каменское городище — это не политический центр Скифии, а конгломерат нескольких разновременных поселков, рассредоточенных на площади 12 кв. км. Значение его определяется тем, что в этом месте была одна из главных переправ через Днепр. В то же время роль этого памятника исследователями была преувеличена, и рассматривать его как ставку скифского царя не представляется возможным.

Как в крупных городищах, так и в небольших селищах прослеживаются признаки роста объемов земледельческой продукции в структуре потребления. Постепенно развивается и местное земледелие. Основными возделываемыми культурами, судя по археологическим находкам, были пшеница-однозернянка, ячмень плёнчатый, просо обыкновенное, конопля. Отпечатки пшеницы найдены на керамических сосудах. Основными культурами, возделываемыми в степи, были наиболее засухоустойчивые ячмень и просо, игравшие большую роль и в развитии коневодства (Гаврилюк 1995: 28–29).

Материалы городищ убедительно свидетельствуют о значительном развитии домашнего ремесла, а также об интенсивной торговле с античными полисами Северного Причерноморья. Скифо-эллинская торговля растет на протяжении всего V в. до н.э., а в IV–III вв. до н.э. приобретает значительные масштабы. Этому, как считается, способствовало установление скифами контроля над торговыми путями, по которым в греческие города Причерноморья, предположительно из лесостепных районов, поступал хлеб. Кроме того, предметами транзитной торговли были мед и воск. К собственно скифским товарам, поступавшим на античные рынки, можно отнести шкуры. Свидетельства античных авторов о большом числе рабов, поступавших из Скифии, позволяют предположить важную роль работорговли в структуре скифского экспорта. Основными предметами импорта, поступавшими в этот период в степь из античных центров, были вино и разнообразные ремесленные изделия — столовая и лаковая посуда, металлические и стеклянные украшения, оружие, предметы роскоши.

Развитие оседло-земледельческого и даже урбанистического (точнее, протоурбанистического) уклада на территории Степной Скифии вместе с тем не может свидетельствовать о глубокой трансформации социально-экономической системы и тем более о прохождении скифским кочевым обществом неких, будто бы закономерных «стадий». Подобные взгляды, опирающиеся на концепцию С.А. Плет-

невой (Плетнева 1982), хотя и разделяются многими археологами, не имеют под собой твердых фактических оснований. Этническая атрибуция городищ и селищ носит во многом гипотетический характер, особенно с учетом свидетельств Геродота о народах скифского культурного облика, ведущих при этом оседлый образ жизни. Неясно также, насколько появление стационарных посёлков было связано с оседанием собственно скифов. Как показывает история кочевых народов, появление очагов земледелия в степи не всегда было связано с седентеризацией самих кочевников (Крадин 2001: 79–86). И в данном случае это могло быть следствием целенаправленного перемещения каких-то зависимых групп населения, включая военнопленных, а также миграцией населения лесостепи. То же можно сказать и о городищах, генезис и политическая история которых нам неизвестны.

Но что важнее всего, этнографические материалы убедительно свидетельствуют об исключительной живучести кочевого уклада в экологически подходящих условиях. Оседание части обедневших номадов вовсе не означало тотального кризиса кочевого хозяйства и было во многом процессом естественным. Из-за сложного комплекса социокультурных причин кочевники, как правило, держались за свой привычный образ жизни даже тогда, когда к седентеризации их толкали экономические обстоятельства или принудительные меры властей. На протяжении длительного исторического периода в Северном Причерноморье неоднократно возникали оседло-земледельческие оазисы, которые ничуть не меняли преобладающего хозяйственно-культурного типа и даже скорее поддерживали его, обеспечивая номадов критически необходимыми им продуктами земледелия. При этом в ходе войн и миграций подобные оазисы часто исчезали, тогда как кочевое скотоводство успешно преобладало вплоть до нового времени. Поэтому можно утверждать, что на большей части территории степной Скифии, несмотря на все фиксируемые археологией изменения в хозяйственно-экономической сфере, вплоть до III в. до н.э. преобладал хозяйственно-культурный тип скотоводов-кочевников степей и полупустынь.

Попытка выявить численность населения степной Скифии принадлежит Н.А. Гаврилюк (Гаврилюк 2005: 114–115). Модель постоянного увеличения численности населения Скифии (с 40 тыс. в VII в. до 600 тыс. в IV в.) не может быть, конечно, принята. Здесь не учитывается роль местного населения до прихода скифов, затем колебания численности, связанные с эпидемиями, эпизоотиями, климатическими изменениями, войнами, предполагаемой миграцией конца VI в. до н.э. и т.п.

Вопрос о характере хозяйственно-культурного типа скифских племен в VII–III вв. до н.э. теснейшим образом переплетается с проблемой этнических границ. В науке уже давно идет дискуссия о том, можно ли считать население лесостепи частью исторической Скифии, и если можно, то какова его этническая атрибуция? Ведь вне зависимости от того, было ли господство скифов в лесостепи прямым или осуществлялось в форме некоей гегемонии, «протектората» воинственных и мобильных кочевников над разрозненными оседло-земледельческими поселениями, это не делало обитателей последних этническими скифами.

В то же время и этногеографические границы, обозначенные в произведениях античных авторов, не могут служить надежными ориентирами из-за характерного смешения этнических и политических (потестарных) критериев. Для одних авторов (или их информаторов) все подчинявшиеся скифским правителям народы были «скифами», даже если их зависимость выражалась в уплате дани. Для других — собственно скифами могли считаться только кочевые племена, составлявшие ядро Скифской державы. Подобную претензию, отмечает Геродот (IV, 20), в частности, выражали царские скифы. Что характерно, собственная картина этнической структуры скифов отличалась известной нечеткостью и противоречивостью, достаточно типичной для кочевников.

В зависимости от того, считать или нет население лесостепи скифами, следует решать вопрос о характере скифского хозяйственно-культурного типа. В первом случае приходится говорить о двух хозяйственно-культурных типах в рамках одного этносоциального организма, поскольку в лесостепной зоне Северного Причерноморья в рассматриваемую эпоху, безусловно, преобладал оседло-земледельческий уклад (Степи 1989: 116–117). Исследования А.П. Медведева на материалах лесостепного Дона позволяют говорить о двух группах населения и сочетании двух хозяйственно-культурных типов (Медведев 1999: 24–25, 31–36). Существует зримая разница между материалами курганных могильников и городищ. Если в первых мы видим культуру военно-аристократической верхушки, ведущей полукочевой образ жизни, то культура городищ и поселений того же времени свидетельствует о хозяйственно-культурном типе оседлых лесостепных земледельцев и скотоводов. Очевидна политическая зависимость оседлого населения лесостепи, обслуживающего интересы военной страты, в том числе поставками необходимого количества корма для стада в зимний период. В связи с этим важен следующий вывод А.П. Медведева: «Чем глубже кочевья кочевников заходили в лесостепь, тем больше они нуждались в хозяйственной интеграции с оседлым населением городищ в силу объективных особенностей природно-климатических условий этой зоны» (Медведев 1999: 27). Таким образом, при наличии двух хозяйственно-культурных типов прослеживается зависимость кочевников от ресурсной базы оседлого населения.

Этнокультурная история

Народ, появившийся в европейских степях в VII в. до н.э. или даже в конце VIII в. до н.э. (Балахванцев 2012), стал известен своими походами в Переднюю Азию, а затем установил свое господство в степях Восточной Европы — сначала на Северном Кавказе, затем в Северном Причерноморье. Скифы сменили киммерийцев, тоже упоминаемых в качестве участников переднеазиатских походов. В Северном Причерноморье скифы обитают до III в. до н.э., когда их господству приходит конец. Далее их историю связывают с территориями Нижнего Поднепровья и Крыма, а также с устьем Дуная (на эти территории распространяется название Малая Скифия).

Схема скифской истории, известная по данным античных авторов и эпиграфики, существенно дополнена археологическими источниками. Традиционное представление о скифах, сформированное в работах Б.Н. Гракова, А.П. Смирнова и других авторов, сейчас подвергается существенной корректировке с точки зрения новых данных. Исследования последних десятилетий позволили прийти к выводу о том, что археологически ранние скифы и киммерийцы неотличимы друг от друга (Иванчик 2001: 55–57). Связываемые прежде с киммерийцами новочеркасские древности относят к более раннему периоду (А.И. Иванчик датирует их X–IX вв. до н.э., самое позднее — второй половиной VIII в. до н.э., однако далеко не все коллеги с ним солидарны [см., например: Скаков, Эрлих 2005]). Начало скифского господства в степях Восточной Европы относится к VII в. Вопрос о том, откуда появились ранние скифы, — один из самых дискуссионных. Он тесно связан с проблемой происхождения скифского звериного стиля, и на него нет однозначного ответа.

В конце 1980-х годов ученые выдвинули гипотезу о появлении нового населения в Скифии в результате миграции последней трети VI в., т.е. создания Геродотовой Скифии, или Скифии классического периода, новой волной кочевников с востока (Виноградов, Марченко 1991; Алексеев 2003; Гречко 2012). Исследователи при этом опираются на данные археологических исследований, которые позволяют говорить о двух скифских культурах, при этом смешанных памятников двух культур А.Ю. Алексеев в степной зоне не находит (Алексеев 2003: 182). С.А. Яценко, исходя из анализа скифского костюма, поддержал этот вывод (Яценко 2006: 306–307).

Эта миграция становится подтверждением нестабильности степной зоны и постоянных волн кочевников с востока. Истоки миграции — это отдельный вопрос. Исследовав скифский костюм, С.А. Яценко пришел к выводу, что близкие аналогии ему встречаются в восточной части Центральной Азии. Мигранты смешались с местным населением архаической Скифии, что обусловило культурную преемственность обеих Скифий, хотя письменная традиция и не заметила этих перемен (Алексеев 2003: 187–189). Следует обратить внимание на то, что «ранние» скифы тяготели к лесостепным и предгорным районам, в то время как сменившие их «поздние» скифы были классическими кочевниками. Таким образом, мы видим, что они могли занимать разные экологические ниши и их занятия несколько отличались.

Еще одна проблема — это обстоятельства и факторы гибели Скифии в III в. до н.э. Существует несколько причин, которые принимаются специалистами: набеги сарматов с востока и кельтов — с запада, внутренний кризис и последовавший упадок, демографические причины, аридизация степной зоны¹. Долгое время в качестве главной причины гибели Скифии рассматривались сарматские набеги и миграции (Смирнов 1982). Однако С.В. Полин показал в своей монографии (1992), что сарматские памятники появляются в Северном Причерноморье только с середины II в. до н.э. Возникла так называемая проблема III в. до н.э. — отсутствие (или критически малое количество) археологических памятников на

¹ Работы почвоведов показывают аридизацию климата в этот период (Демкин и др. 2012: 171).

протяжении III в. до н.э. во всей степной зоне западной части Евразии. Удовлетворительное объяснение этому феномену еще не дано². В настоящее время принята точка зрения, согласно которой упадок и гибель европейской Скифии являются следствием целого комплекса причин.

Континуитет Скифии и Малой Скифии в Крыму — это отдельная проблема, поскольку их культурная связь далеко не очевидна. Разрыв между памятниками более чем в столетие и культурные различия не позволяют видеть в крымской Скифии простое продолжение предыдущей Скифии. Правда, раскопки последних лет заполняют лакуну III в. до н.э. Отдельно следует упомянуть Тираспольские курганы и могильник у с. Глиное, которые относятся ко второй половине III в. до н.э. (Тельнов, Четвериков, Синика 2012; 2017). Итоги исследования городища Ак-Кая (Вишенное) позволили Ю.П. Зайцеву предположить, что эта крепость была столицей варварского мира Крыма в III — начале II в. до н.э. (Зайцев 2013: 500). В дальнейшем скифская столица переместилась в гораздо более известный Неаполь Скифский, связанный с дальнейшим существованием крымской Скифии (Крымская Скифия 2017: 166–182).

Археологические памятники показывают, что население Скифии, по-видимому, сместилось на юг — в Крым, Нижнее Поднепровье и Северо-Западное Причерноморье, где их жизнь проходила в непосредственной близости от античных центров и где их культура значительно трансформировалась, в том числе под влиянием греков, фракийцев, сарматов. Однако анализ дальнейшей эволюции скифского общества не входит в наши задачи.

Социальная организация

Одной из существенных проблем, связанных с определением основных социальных категорий скифского общества, являются нечеткость и противоречивость понятий, которыми пользовались античные авторы. Известные нам термины античных источников с большей или меньшей степенью уверенности можно группировать в зависимости от их порядкового значения. Однако четкая идентификация таких понятий, как «племя», «род», «клан» и т.п., допускаемая некоторыми исследователями, представляется невозможной. Расплывчатость социальной терминологии отмечалась даже в рамках произведений одного автора, что в принципе естественно для донаучной нарративной традиции. И уж тем более нет понятийного единства в произведениях разных историков античной эпохи.

В то же время следует иметь в виду крайнюю нечеткость терминов, обозначавших объединения различного уровня и принципа группирования, свойственную абсолютному большинству кочевых обществ Евразии в различные исторические эпохи. Нет никаких оснований полагать, что в скифском кочевом обществе ситуация обстояла иначе.

² Данной проблеме посвящен специальный номер журнала «Stratum plus» (2016, № 3) с красноречивым подзаголовком: «Третий до... потерянное столетие».

Семья. Сведения письменных источников о характере семьи у скифов исключительно скудны. Свидетельства Геродота, а также рассказ Лукиана о скифе Абавхе, который пришел в Ольвию с семьей, которая кроме него состояла из жены и детей, как бы говорят о преобладании малой семьи. Порядок наследования верховной власти позволил А.М. Хазанову предположить, что этот тип семьи мог быть характерным даже для царского рода, тогда как высшим сословиям у кочевников в целом исторически была присуща устойчивость большесемейных коллективов (Хазанов 1975: 56).

К сходным выводам подталкивают и археологические данные. Несмотря на отмечаемые сложности в интерпретации исследованных захоронений для реконструкции форм и характера семьи, материалы крупных могильников, состоящих преимущественно из обособленных небольших захоронений, дают дополнительные аргументы в пользу относительно небольшого размера скифских семей (Хазанов 1975: 57–62; Медведев 2003: 105). Скорее всего, в VI–III вв. до н.э., когда основная масса скифов вела кочевой образ жизни, их семьи по своим масштабам не выходили за рамки нуклеарных. В то же время анализ археологического материала, относимого специалистами к периоду седентеризации скифов, показывает на территории Крыма явную тенденцию к увеличению семейно-родственных коллективов.

Брачные традиции скифов характеризовались сохранением некоторых архаических норм. В частности, предание о царе Скиле, изложенное Геродотом (IV, 78), свидетельствует о бытовании левирата, по крайней мере в аристократической среде. Точно также ряд прямых и косвенных данных говорит о распространенности элитарной полигинии. Кроме жен представители скифской верхушки держали наложниц, о чем недвусмысленно свидетельствуют античные авторы. Погребения скифских царей (а также, судя по находкам в могильниках, крупных аристократов) сопровождалось сопогребением наложниц, призванных сопровождать своих господ в загробном мире.

Если говорить о положении женщин в скифском обществе, то, с одной стороны, его нельзя однозначно определить как равное с мужским, с другой — нет оснований говорить о крайне низком статусе женщин. В античной традиции было принято противопоставлять скифов савроматам, которых называли «женоуправляемыми» (см., например: Псевдо-Скилак Перипл, 70). Вместе с тем следует иметь в виду, что в данном отношении савроматы, скорее всего, представляли собой исключительный случай, почему на их фоне скифское общество и выглядит более патриархальным. Этнографические данные по многочисленным кочевым обществам Евразии убедительно свидетельствуют, что положение женщин у них было в целом выше, чем у оседлых соседей. У скифов, безусловно, существовало четкое разделение мужских и женских занятий, что фиксируется содержанием погребального инвентаря захоронений (Бунятян 1985: 65–68). В то же время оно не носило табуирующего характера, в пользу чего свидетельствуют, в частности, женские захоронения с оружием. В отдельных массивах на их долю приходится до 29% всех женских погребений, и при этом не прослеживается

сколько-нибудь заметной корреляции между богатством могилы и наличием оружия (Бунятян 1985: 70). Половозрастной анализ погребений позволил Е.П. Бунятян выступить против представлений о зависимом положении скифских женщин: «Внутренняя топография камеры и положение останков погребенных свидетельствуют о равном положении женщины и мужчины» (Бунятян 1982: 184).

Оружие в скифских женских комплексах — это интересный феномен, который дает повод в очередной раз поговорить о так называемых амазонках. Мифологические представления греков накладывались на странные для греков этнографические реалии кочевников, порождая как в массовых представлениях, так и в специальной литературе причудливый образ амазонок. Е.Е. Фиалко так пишет об этом: «В поисках ответа на вопрос о реальности существования института амазонок у скифов археологические источники пусть не прямо, но подтверждают в определенной степени более раннюю письменную традицию» (Фиалко 2005: 247).

В последнее время были изданы работы, посвященные этому интересному феномену (Чернышев 2007; Богаченко 2017). Женщины у скифов действительно могли принимать участие в боях — кочевой быт приводит к необходимости взяться за оружие. Однако нет никаких оснований называть их амазонками, а наличие оружия в женских погребениях следует рассматривать в максимально широком культурном и социальном контексте (Богаченко 2017: 220). При этом необходимо отметить, что некоторые исследователи не видят разницы между письменными источниками (отражающими часто именно мифологические представления греков) и археологическим материалом (комплексы женщин с оружием в скифской культуре). Вследствие этого существование так называемых амазонок ими не доказывается, а постулируется, что следует из изложенного ниже тезиса: «Антропологические исследования не дали каких-либо сведений о росте и физической силе амазонок» (Фиалко 2005: 246) — или названия работы того же автора, «Погребения амазонок из могильника Мамай-Гора» (Фиалко 2010).

Генеалогические структуры. В настоящее время в отечественной науке для обозначения различных структур, основанных на принципе родства, используются термины «род», «клан», «линидж» и т.п. При этом сколько-нибудь общепринятая иерархия понятий отсутствует. Положение осложняется тем, что целый ряд исследователей, чьи научные интересы далеки от социальной и политической антропологии, продолжают ориентироваться на устаревшие теоретические модели советской версии марксизма, постулирующие существование в первобытности «родового строя», который отождествляется с первичной формацией и разлагается при переходе к классовому обществу. Между тем неадекватность этой схемы, восходящей к работам Ф. Энгельса (Энгельс 1934), историческому и этнографическому материалу стала очевидной для многих еще во второй половине XX в. (Кабо 1986; Бутинов 1968; Коротаев, Оболонков 1989) и признавалась даже марксистскими исследователями первобытности (Семенов 1993: 52–53).

В отношении скифов в этом плане источники не дают сколько-нибудь четкой картины. В нескольких сообщениях античных авторов фигурирует абстрактный круг родственников, которые участвуют в подготовке и проведении похорон

умершего скифа, как у Геродота (IV, 26), и выступают совместно в поход в целях осуществления мести за обиду, нанесенную сородичу, как у Лукиана (Токсарис 47, 48). Кроме того, Геродот (IV, 65) упоминает довольно специфический скифский обычай, согласно которому конфликты между родственниками решались вооруженным поединком перед лицом царя. Размеры этих родственных групп могут быть реконструированы только гипотетически. Кроме того, нет уверенности в том, что различные функции выполняли родственные группы одного порядка. Археологические данные по заупокойным тризнам рядовых скотоводов скифской эпохи указывают на небольшое число их участников (Граков 1962: 82), хотя, согласно Геродоту (IV, 73), активную роль в заупокойных мероприятиях наряду с родственниками играли друзья покойного. Согласно сообщению Лукиана (Токсарис, 48), скиф Арсаком из родственников и добровольцев сумел собрать отряд в 25 тыс. человек. Как бы ни была эта цифра преувеличена, она показывает, что родственные связи позволяли привлечь значительное количество людей.

Несмотря на то что приведенные свидетельства не позволяют сколько-нибудь полно реконструировать родо-племенную структуру скифского общества, они, как представляется, дают достаточные основания предполагать большую роль отношений родства и структур, построенных на их основе. Именно родство в рассмотренных случаях выступает главным консолидирующим принципом в деле взаимопомощи. Исходя из этого, с высокой долей уверенности можно предположить, что проявления солидарности в коллективах, основанных на родственных связях (не важно, реальных или фиктивных), не исчерпывались описанными случаями, а сам принцип родства выступал конституирующим для всех или по крайней мере основных уровней социальной организации скифов. Вопреки высказывавшимся сомнениям (Грантовский 1985: 141–142), скифское кочевое общество в этом отношении существенно не отличалось от большинства изученных обществ евразийских кочевников (Марков 1976; Крадин 1992; Хазанов 2002).

В пользу ключевой роли отношений, основанных на родстве, свидетельствует описанный Лукианом (Токсарис, 37) обычай побратимства. Согласно источнику, он сопровождался обрядом символического «смешивания крови» и означал установление особо тесных, подлинно братских отношений между участниками, число которых не должно было быть более трех. В данном случае мы имеем дело не с действительным, а с «договорным» родством, что как раз подтверждает его конституирующее значение. Как показывают историко-этнографические наблюдения, обычаи побратимства имели наибольшее значение в обществах, где родственные связи продолжали играть доминирующую роль.

Высшими уровнями социальной организации, сочетающими генеалогический и политический принцип, принято считать «номы» и «этноты» античных авторов. Поскольку «ном» при описании других народов чаще обозначал административную или даже административно-территориальную единицу, то многие исследователи были склонны видеть в скифских номах племена, а в этносах — соб-

ственно этнические общности (Елагина 1963; Хазанов 1975: 112, 119–120). Однако такое противопоставление едва ли правомерно в отношении кочевых скифов. Многочисленные исторические примеры свидетельствуют, что, с одной стороны, племенные структуры номадов традиционно несли в себе черты этнических общностей (самосознание, диалектные и культурные особенности), а с другой — этногенез у кочевников чаще всего имел незавершенный характер из-за значительной динамичности элементов этносоциальной системы.

Весьма вероятно, что за геродотовскими номами и этносами скрываются одни и те же структурные элементы, которые лишь обозначаются по-разному в зависимости от затрагиваемого аспекта. Всего Геродот упоминает о шести «этносах», проживающих на территории Скифии. На юго-западе, вблизи Ольвии помещаются каллипиды (καλλιπίδαί), или эллино-скифы, по соседству с ними — алазоны (Ἀλάζωνες); эти два народа вместе с соседствующими с ними скифами-пахарями занимаются земледелием, чем, по замечанию историка, отличаются от прочих скифов (Геродот IV, 17). За рекой Борисфен (Днепр) располагаются скифы-земледельцы, к востоку от них — скифы-кочевники (Σκύθαι νομάδες), а еще восточнее — царские скифы (Σκύθαι βασιλεῖοι). Последние занимали доминирующее положение в скифской этносоциальной общности: «Эти скифы считают прочих скифов себе подвластными» (Геродот IV, 20). В другой части «Истории» Геродота упоминается седьмой «этнос» — герры, проживающие в местности на окраине владений царских скифов, на территории которой находились могилы скифских царей.

Насколько данное деление можно считать собственно этническим, вопрос достаточно спорный. Обращает на себя внимание смешение при выделении основных скифских общностей разных критериев — хозяйственных, культурных, словесных и территориальных. При этом нельзя отрицать, что все перечисленные факторы могли выступать в роли этнодифференцирующих.

Скифские этногонические легенды, дошедшие в пересказе античных авторов, не добавляют ясности в картину этногенеза и актуального этнического деления Скифии. Согласно первой из приведенных Геродотом легенд, скифским предком был Таргитай, трое сыновей которого — Липоксай, Арпоксай и Колаксай — дали начало скифским племенам. «Так вот, от Липоксаиса, как говорят, произошло скифское племя, называемое авхатами, от среднего брата — племя катиаров и траспиев, а от младшего из братьев — царя — племя паралатов» (Геродот IV, 6). Далее сообщается, как обретший священные реликвии и признанный за это первым среди братьев Колаксай разделил страну на три части, что положило начало трем скифским царствам (Геродот IV, 7).

Более поздние античные авторы оставили в своих трудах разнообразные этнические наименования, относящиеся к населению Северного Причерноморья. Отчасти они совпадают с Геродотовыми, что можно объяснить как смешением сведений из разновременных источников, так и реальными изменениями этнической картины региона из-за уже отмеченной неустойчивости этнических общностей кочевников.

Социальная стратификация

Свидетельства античных авторов позволяют судить о заметном социальном расслоении в скифском обществе, что в полной мере подтверждается и археологическими материалами. В качестве основных факторов стратификации выступали сословный, имущественный и этнический.

О существовании у скифов общественного неравенства сохранилось немало свидетельств античных авторов. Наиболее высокое положение в обществе занимали представители царского рода, образовывавшие, согласно Лукиану (Токсарис 1), господствующую социальную прослойку. Родословные, приведенные Геродотом, позволяют предположить относительную стабильность правящей династии, которая, скорее всего, позволила оформиться царскому роду в достаточно обособленную прослойку. Вместе с тем относить возникновение династии скифских царей уже ко времени закавказских походов, как это делал А.М. Хазанов, источники не дают достаточных оснований (Хазанов 1975: 192).

Вероятной причиной превращения царского рода в самостоятельное сословие можно считать отсутствие жестких правил наследования власти, которая, как явствует из источников, не всегда переходила напрямую от отца к сыну (Геродот IV, 78). Можно предположить, что высшая власть в государстве скифов, как и в других протогосударственных образованиях кочевников, считалась принадлежащей царскому роду в целом, а не узкой группе наследников по прямой линии.

Существование достаточно широкого круга лиц «царского достоинства» отчасти подтверждается археологически. Количество выявленных и большей частью исследованных курганов, благодаря своим размерам и богатству интерпретируемых как царские, как не раз отмечалось, по своему количеству превышают вероятное число верховных царей Скифии. Разумеется, данный факт может быть объяснен разными причинами, например принадлежностью части погребений высшей аристократии или представителям царской семьи. Однако лично нам более вероятной причиной относительной многочисленности царских курганов представляется отмеченная Геродотом практика совместного правления трех царей (Геродот IV, 120). Такая трактовка материала, предполагающая разделение высшей политической власти среди круга лиц, также позволяет объяснить выделение царского рода в особую страту.

Из данных источников невозможно установить, принадлежали ли к царскому роду представители следующего за царским уровня власти, обозначаемые как «правители округов» (Геродот IV, 66). Употребление в произведениях античных авторов терминов «басилевс» или «рекс» по отношению к скифским вождям разного уровня может свидетельствовать как в пользу данного предположения, так и против него.

У современных исследователей не вызывает сомнения существование скифской аристократии за пределами царского рода. Целый ряд античных авторов указывают на высокую роль у скифов людей знатного происхождения, обладавших значительными богатствами. О «знатных» и «знатнейших» сообщают Геро-

дот и Лукиан. В сочинении последнего (Токсарис 1) приводится переводной термин «пилофоры» (букв. «колпаконосцы»), который, судя по всему, обозначал аристократию. Ряд авторов склонны понимать под этим термином жречество, однако как контекст источника, так и имеющиеся сведения о культовой организации скифов и ее служителях позволяют усомниться в этом. В качестве другого термина, обозначающего скифскую аристократию, некоторые исследователи также склонны видеть «скептухов» (греческое обозначение неких обладателей скипетров), упомянутых в декрете в честь Протогена (Артамонов 1948: 70; Елагина 1962: 96). Но поскольку отождествление саев, о которых идет речь в памятнике, с собственно скифами достаточно дискуссионно, то и актуальность данного понятия в отношении скифов остается под вопросом³.

Судя по свидетельствам письменных источников, подкрепляемых археологическими находками, высокое общественное положение было теснейшим образом связано с воинской функцией. Анализ погребений указывает на высокую престижность предметов вооружения, количество и ассортимент которых, как правило, совпадали с общим богатством погребения (Бунятян 1981: 82–83). Следует также отметить, что социальную верхушку можно выявить и по другим признакам — по структуре погребальной конструкции, наличию жертвоприношений, произведениям искусства, выполненным в скифском зверином стиле (Мозолевский 1978; Ольховский 1997: 93).

Скифскую аристократию иногда подразделяют на родо-племенную и служилую. К первой относят старейшин, упомянутых Лукианом как знатоков обычного права и носителей судебной функции, и вождей-номархов. Однако источники не позволяют ответить на вопрос о характере власти вождей племенных подразделений. Были ли это местные династии, генеалогически не связанные с царским родом, или, наоборот, соответствующий уровень власти заполнялся представителями правящего царского рода? Что касается существования у скифов какой-то служилой знати, то на этот счет нет никаких данных источников. Интерпретация А.М. Хазановым окружения царя Скила как дружины, в рядах которой присутствовали некие служилые предводители, была аргументированно раскритикована Э.А. Грантовским (Хазанов 1975: 186–187; Грантовский 1980: 146–147).

Трудно сказать, насколько скифская аристократия, не связанная с царским родом, конституировалась в сословном отношении. Подтверждением данной тенденции служит выделение категорий престижных предметов, атрибутирующих высокий статус, что отчасти прослеживается археологически (Хазанов 1975: 180; Бунятян 1981). Однако по археологическим находкам невозможно установить, было ли связано обладание подобными предметами с наследственным или приобретенным положением. Более убедительным признаком выделения сословия потомственной аристократии может считаться несовпадение между имущественным положением и «благородством по происхождению». Анализ ряда по-

³ Следует обратить внимание, что С.В. Кулланда выступил в поддержку скифской принадлежности саев (Кулланда 2016: 84), в то время как А.И. Иванчик отнес их к сарматам (Иванчик 2009: 83–84).

гребальных памятников позволил предположить возможность, хотя и редкую, заметного расхождения данных параметров, поскольку ряд погребений с довольно значительной курганной насыпью отличаются сравнительной бедностью инвентаря (Бунятян 1981: 82–83), что можно считать признаком существования сословных привилегий, напрямую не связанных богатством. Вместе с тем расхождение между богатством и статусом не могло быть слишком большим. Как явствует из сообщения Пиндара, не имевший повозки скиф считался неуважаемым.

В то же время ряд исследователей были склонны оценивать сословное расчленение скифского общества как кастовое (Грантовский 1960; Раевский 2006: 178–196; Кулланда 2018: 78–91). Данное представление основывалось на концепции Ж. Дюмезиля о троичности социальных делений у индоевропейских народов, которое понималось сторонниками такой оценки одновременно и как универсальность неких «индоиранских каст». При этом само понимание ими касты и кастовой стратификации очевидным образом отличается от принятого в науке (и особенно в индологии). Такие признаки собственно кастовой дифференциации, как строжайшая эндогамия, иерархия сакральных статусов и обусловленная ими мелочная регламентация взаимного поведения каст, значительные отличия в религиозной и бытовой сфере, пронизывающей все кастовое общество (Куценков 1983; Дюмезиль 1990; Кудрявцев 1992; Успенская 2010), не прослеживаются у скифов ни по письменным источникам, ни по данным археологии. Высказанные соображения о лингвистических и культурных параллелях носят в целом косвенный характер. Наличие же престижных предметов, связанных с воинской функцией, на что обращал внимание Д.С. Раевский, также не может служить критерием разделения общества именно на касты. В противном случае пришлось бы признать универсальность кастового деления в докапиталистических обществах.

В качестве отдельного сословия (или даже касты) многие исследователи выделяют скифское жречество (Яценко 1959: 113; Тереножкин 1966: 39–40; Грантовский 1960: 6–7 и сл.; Хазанов 1975: 168–178; Бессонова 1983: 58–59; Раевский 2006: 90–94). Несмотря на популярность данного представления, у него нет, на наш взгляд, достаточно твердого основания. В археологической литературе существует традиция использовать определенный набор признаков для атрибуции погребений как жреческих (Медведев 1999: 91–98), однако в большинстве случаев это является данью традиции и свидетельствует о приверженности довольно плоским схемам (например, рассмотрение в качестве признака жреческого погребения деревянной чаши).

Геродот приводит немало сведений о скифской религии и обрядах (Геродот IV, 59–64). При этом бросается в глаза исключительная простота культовой практики и организации: «У скифов не в обычае воздвигать кумиры, алтари и храмы богам, кроме Ареса» (Геродот IV, 59). При этом святилища в честь скифского Ареса представляли собой огромные кучи хвороста, на вершине которых устраивались алтарные площадки, в которые втыкался железный меч (Геродот IV, 62). Именно этому божеству совершались наиболее обильные жертвоприношения, включая человеческие. Однако ни в связи с единственными культовыми

сооружениями в Скифии, ни в связи с проводящимися там наиболее пышными ритуалами не упоминаются какие-либо культовые служители. В случае существования у скифов мощной жреческой прослойки (касты), генетически восходящей к индоиранским корням, наличие священнослужителей при подобных святилищах было бы неизбежным.

Жертвоприношения прочим божествам, согласно Геродоту, носили еще менее церемониальный характер. Жертвующий во время праздника совершал ритуальный убой животного, выкрикивая при этом имя бога, которому посвящалась жертва. В том, что в данном ритуале принимал участие жрец, как это выглядит в переводе Г.А. Стратановского, сомневались даже сторонники наличия жречества у скифов (Бессонова 1983: 58).

Существование в скифском обществе жрецов выводится главным образом из сведений Геродота и Псевдо-Гиппократов о гадалках-энареях. Способности последних были напрямую связаны с «женской болезнью», которой они страдали по воле божества. Согласно Геродоту, этим божеством считалась Афродита (Аримаспа). Феномен «сакральной андрогинности» хорошо известен у многих евразийских народов и тесно связан с шаманскими практиками (Богораз 1939: 130–136; Максимов 1997). Тот факт, что источником этого «дара-проклятия» выступала конкретная богиня, еще не превращал энареев в жрецов ее культа. Такие главные признаки собственно жреческого статуса, как монополия на сакральное посредничество (или по меньшей мере отправление важнейших ритуалов), контроль над культовыми объектами, обеспечивающими божественное присутствие (эпифанию), и участие в общественно значимых регулярных ритуалах, источниками не зафиксированы. И напротив, такие признаки, как амбивалентность статуса энареев и способ обретения ими дара, позволяют видеть в них носителей шаманской функции (Петров 2016: 70–109).

Примечательно, что энареи, согласно Геродоту, были всего лишь одной из «корпораций» гадалелей. В отношении прочих, не отличавшихся столь экзотическими признаками, ничего не говорится о связи с конкретными божествами, зато подробно рассказывается о жестокой казни гадалелей, чьи прозрения по поводу виновников болезни царя были признаны ложными (Геродот IV, 68–69).

Как полагает большинство исследователей, основную массу скифского общества составляли лично свободные скифы, обладающие достаточной хозяйственной самостоятельностью. Согласно Лукиану, данная прослойка носила красноречивое наименование «восьминогие», означавшее обладание парой волов и, надо полагать, кибиткой, которую везли волы. Таким образом, возможно, подчеркивался самодостаточный характер кочевого домохозяйства. Статистические подсчеты, проведенные на основании археологических данных, убедительно показывают как абсолютное численное преобладание у скифов данного социального слоя, так и его свободный статус. Надежным подтверждением последнего служит присутствующее в захоронениях оружие. В то же время очевидно, что внутри слоя незнатных свободных существовала заметная имущественная дифференциация, нашедшая отражение в различном богатстве погребального инвентаря

(Бунятян 1985: 78–99). Как и в большинстве кочевых обществ Евразии, масса рядовых скотоводов была основой войска, что обеспечивало достаточно высокий статус всем лично свободным полноправным скифам. В диалоге Лукиана «Токсарис» описывается ситуация, когда рядовой скиф Арсаком, оскорбленный боспорским царем, собрал целое войско из своих приверженцев и фактически развязал войну. Даже если считать эту историю литературным преувеличением, она, скорее всего, отражает наиболее существенные черты положения рядовых скифов.

Низшую прослойку скифского общества составляли рабы. Характер рабства у скифов, скорее всего, принципиально не отличался от присущего большинству кочевых народов Евразии. Численность рабов была сравнительно небольшой, их труд имел ограниченное применение и в основной сфере хозяйства, скотоводстве, вероятно, вообще не использовался. Особый интерес представляет сообщение Геродота (IV, 2) о специально ослепляемых рабах, которые занимались исключительно взбалтыванием кобыльего молока. В литературе неоднократно высказывались сомнения в достоверности как этого рассказа в целом, так и отдельных его пассажей. В частности, отрицалось поголовное ослепление всех рабов (Грантовский 180: 148–150). В то же время нельзя не согласиться с соображениями А.М. Хазанова, что сюжет о слепых рабах отражает такие характерные для рабовладения кочевников тенденции, как отсутствие возможностей для эффективной эксплуатации и общую неразвитость рабовладельческих отношений (Хазанов 1975: 133). Незначительное число лиц рабского статуса подтверждается и археологически (Бунятян 1981: 94).

Несмотря на многократно отмеченные специалистами объективные препятствия для развития рабовладельческих отношений у кочевников (Хазанов 1975; Крадин 1992; и др.) и, казалось бы, подтверждающие этот тезис в отношении скифов данные источников, рабовладельческая концепция, зародившаяся в специфических общественно-политических условиях СССР 30-х годов XX в., дожила до наших дней (Толстов 1934; Смирнов 1934; Юшков 1961; Тереножкин 1966; Грантовский 1980; Гуляев 2006: 240). Нельзя не отметить, что рабовладельческая концепция в скифологии с самого момента ее выдвижения С.П. Толстовым носила голословный характер и в дальнейшем представляла собой в основном перекличку мнений, а не систему аргументов. В ее поддержку в лучшем случае выдвигались косвенные соображения, в то время как противоречившие ей обширные этнографические данные обходились молчанием. Единственное обращение к данным этнографии, предпринятое А.И. Тереножкиным, носило откровенно некорректный характер (Тереножкин 1966: 40–41). Свои аргументы этот исследователь построил на тенденциозно истолкованных данных полупопулярного очерка советского историка М.П. Вяткина (Вяткин 1947). В работе последнего, написанной в духе предельно вульгаризированного марксизма, абсолютизирующего классовую борьбу как едва ли не суть исторического процесса, описывалась ситуация, когда в распоряжении одного из казахских племенных объединений XVIII в. скопилось большое число пленников, согласно местным традициям приравнивавшихся к рабам. Сам факт, что в различные исторические эпохи кочевни-

ки рассматривали полон как весьма ценный трофей, никогда не отрицался исследователями. Однако ценность его обуславливалась не потребностью кочевого хозяйства в рабочих руках, а возможностью продажи на рынках или получения выкупа. Дальнейшие выводы самого М.П. Вяткина о «большом» количестве рабов в хозяйстве казахов строятся не на фактах, а на «единственно верных идеологических установках».

Стоит отметить, что, по мнению ряда авторов, именно рабы были основным товаром, продаваемым скифами на рынках северопричерноморских полисов. Высокая потребность античного мира в «живом товаре» стимулировала скифские набеги на сопредельные лесостепные территории (Гаврилюк 1999: 275–278).

Мужские союзы у скифов. В настоящее время появляется все больше осторожных замечаний и предположений о том, что у скифов могли существовать мужские союзы или другие подобные организации с аналогичными функциями (молодежные союзы, возрастные классы). Следует отметить некоторую терминологическую неопределенность в вопросе классификации половозрастных институтов и близость ряда используемых понятий. Хотя «мужские объединения», «молодежные союзы», «возрастные классы», «тайные союзы» означают не одно и то же, тем не менее генетически между собой они связаны.

У античных авторов есть данные, предполагающие существование у скифов мужских и молодежных союзов. Обращает на себя внимание в связи с этим сообщение Геродота (IV, 111–116) о происхождении племени савроматов, в котором говорится о группе молодежи, живущей вдали от племени и занимающейся охотой и разбоем. Помпей Трог в своем сочинении «История Филиппа», написанном на рубеже нашей эры, тоже достаточно определенно сообщает о подобном явлении (Юстин II, 4, 1–3).

А.И. Иванчик, рассмотрев самые ранние свидетельства о скифах, в том числе ассирийские, предположил существование у них молодежных союзов (Иванчик 1988; 2005: 169–189). Члены этих союзов назывались псами. Это вполне соответствует тому, что мы знаем о членах молодежных союзов разных народов: их часто называли волками или собаками, подчеркивая их особый статус. Против этой идеи как спорной высказался С.Р. Тохтасев (2008: 203), особенно упиравший на проблемность сопоставлений реалий осетинской этнографии и скифского мира. Наоборот, С.В. Кулланда (2008: 210) поддержал идею существования возрастных объединений и мужских союзов у разных народов древности, используя для этого лингвистический материал.

Обращают на себя внимание упомянутые Геродотом (IV, 73) друзья, играющие у скифов важную роль на похоронах: «Когда же умирают все прочие скифы (т.е. не цари. — *Авт.*), то ближайшие родственники кладут тело на повозку и возят по всей округе к друзьям. Все друзья принимают покойника и устраивают сопровождающим угощение, причем подносят и покойнику отведать тех же яств, что и остальным». А.М. Хазанов пришел к выводу, что здесь имеются в виду не побратимы, а более широкий круг людей (1975: 102). Рассматривая вопрос о друзьях, Э.А. Грантовский сделал важное замечание: «На самом деле институт

„друзей“ у предков скифов существовал за много столетий до скифской эпохи» (Грантовский 1981: 76). О функционировании этих возрастных групп, курсировавших на границах, где они жили охотой и разбоями, о заселении новых земель молодежью известно по Геродоту, Помпею Трогу, Лукиану и другим античным авторам: «В скифологии эта сторона социальной жизни обычно не затрагивается, но она важна также для суждения о характере скифского общества и происхождении его институтов (тут явно иранских и индоевропейских)» (Грантовский 1980: 131–132). Отметив это, исследователь, однако, не сделал следующего шага и не сказал о молодежных союзах у скифов. Между тем участие возрастных классов в погребальных ритуалах — известный этнографический факт (Снесарев 1963: 77). Молодежные объединения Средней Азии, известные по этнографическим источникам, назывались по-разному, но одним из самых известных наименований было джура («друзья») — группа сверстников.

Полиен в своем рассказе о сарматской царице Амаге, напавшей на скифов в Крыму, сообщает: «Амага же, ворвавшись со своим отрядом во дворец, убила царя и бывших с ним родственников и друзей» (Полиен VIII, 56). Упоминание друзей в данном контексте может подразумевать не просто окружение царя, а особый институт, в том числе имеющий отношение к возрастным классам. Эволюция возрастного класса в направлении особой группы знати показывает нам пример социальных категорий «парна» и гетерий (Тревер 1947). Интересно сопоставить друзей скифского царя и лимигантов — одну из сарматских группировок на Среднем Дунае в IV в. н.э. Существует предположение, что название «лимиганты» — это «союзы друзей, дружественные» (Вдовченков 2013: 186).

Открытым остается вопрос об археологических источниках в изучении этого явления. Неоднозначность археологических свидетельств и сложность интерпретации данных не позволяют надеяться на скорое решение вопроса. Один из возможных путей поиска — анализ погребального обряда с целью определения времени перехода из одного статуса в другой. Письменные источники, хотя и не содержат целостной характеристики инициации у скифов, свидетельствуют об отдельных существенных элементах посвячительных обрядов (питье крови первого убитого врага, испытания сыновей Таргитая с поясом и т.п.).

Эволюция мужских союзов могла привести к их постепенному отмиранию и замещению новыми социальными формами, о чем могут напоминать только пережитки инициационных испытаний и ритуалов. Другой вариант — это превращение их в особую форму организации знати, а также тайные союзы или промысловые артели.

Начальный этап политической истории

Временем выхода скифов на историческую сцену считается VII в. до н.э. Именно тогда, как полагают, они вытесняют исконных обитателей Северного Причерноморья — киммерийцев, преследование которых послужило началом

закавказских походов и скифской экспансии в Передней Азии. Несмотря на расхождения относительно прародин и путей миграции скифов, большинство античных авторов свидетельствуют о проникновении скифов на Ближний Восток. Данный факт сегодня можно считать твердо установленным, поскольку он подтверждается как ассирийскими источниками, так и данными археологии (Дьяконов, 1956: 245–246; Халилов 1971).

Пребывание скифов в Передней Азии, сопровождавшееся набегами и войнами с Мидией, скорее всего, пришлось на период 626–616 гг. до н.э. (Иванчик 2005: 243, 246). Мнения о характере политической организации скифов в этот период разнятся. Широко распространена точка зрения, что уже тогда скифы создали на захваченных территориях протогосударственное образование во главе с наследственными царями, или Первое Скифское царство, по терминологии А.М. Хазанова (Хазанов 1975: 219–225). Данное представление основано на том, что в запросах ассирийского царя скифский предводитель Партатуа (Прототий) назван «царем страны Ишкуз», за которого правитель Ассирии был готов выдать свою дочь ради достижения военного союза.

В то же время ряд исследователей выражают сомнения в наличии стабильного ареала господства скифов в Передней Азии (либо Закавказье) и тем более в существовании там каких-либо государственных образований (Халилов 1971; Медведская 1994: 126–127; Иванчик 2005: 246). В пользу этой точки зрения говорит и относительная скудость археологического материала, ассоциируемого со скифами, отсутствие упоминаний о прямом подчинении скифами местных обитателей, да и сам характер событий, связанных с пребыванием скифов в регионе.

Данные источников представляют масштабную картину скифских грабежей и набегов, однако не позволяют уверенно судить, какого рода этносоциальная реальность скрывалась за туманным понятием «страна Ишкуз». На основании сведений Геродота трудно допустить существование географически локализованной «страны скифов» в Закавказье. Как утверждал историк, «скифы распространили свое владычество по всей Азии». Вместе с тем, как явствует из дальнейшего описания, речь здесь идет о грабежах и взимании дани: «28 лет владывались скифы в Азии и своей наглостью и бесчинством привели все там в полное расстройство. Ведь, помимо того что они собирали с каждого народа установленную дань, скифы еще разъезжали по стране и грабили все, что попадалось. Тогда Киаксар и мидяне пригласили однажды множество скифов в гости, напоили их допьяна и перебили» (Геродот I, 106).

Из приведенного отрывка также трудно сделать вывод о существовании у скифов в тот период сколько-нибудь упорядоченной иерархии. Похоже, наследственные скифские «цари» не обладали достаточной властью, чтобы пресекать случаи прямого разбоя со стороны рядовых воинов. Слабость верховной власти подтверждает и сюжет с истреблением «множества скифов», даже если видеть здесь уничтожение военных предводителей, как это часто трактовалось советскими исследователями (Хазанов 1975: 223).

Все прочие доводы в пользу существования в Закавказье скифского царства носят гипотетический характер. Современными исследователями ставится под сомнение длительность пребывания скифов в регионе, на чем во многом строились рассуждения о стабильной скифской политике, а выводы А.М. Хазанова о будто бы имевшей место трансформации титула скифского предводителя из вождя в царя были убедительно опровергнуты Э.А. Грантовским (1980: 135).

Военные неудачи в Передней Азии заставили скифов мигрировать на территорию своего первоначального расселения, которая, как убедительно показали М.Н. Погребова и Д.С. Раевский, находилась не на территории «Геродотовой Скифии», а в Предкавказье (Погребова, Раевский 1992). Если следовать утвердившейся сегодня точке зрения, в переднеазиатских походах участвовали не все племенные группы, которым было суждено влиться в состав будущего скифского царства в Северном Причерноморье. Именно поэтому, в частности, реэмиграция части скифов из Передней Азии положила начало важному этапу этнической и политической консолидации родственных племен ираноязычных кочевников.

Ряд античных авторов, начиная с Геродота, передают легенду о возвращении скифов на родину, согласно которой в отсутствие мужей скифские женщины сошлись с рабами и прижили от них детей, которые и оказали вооруженное сопротивление возвращающимся скифам. Не добившись успеха в вооруженных схватках, скифы осознают, что перед ними потомки рабов, которых следует усмирить плетями, что они с успехом и делают.

Несмотря на то что, по мнению антиковедов, фабула этого сюжета имеет явно эллинское происхождение, за ним, скорее всего, стоят некоторые исторические события. Наиболее вероятным видится насильственное подчинение протоскифских племен Предкавказья более воинственными и сплоченными группами, вернувшимися из ближневосточных походов. В пользу этого говорит существование доминирующей группы царских скифов, «почитающих всех прочих скифов своими рабами». Представление о зависимых группах как о потомках рабов, в то же время находящихся в кровном родстве (пусть и по женской линии) с «истинными скифами» и поэтому достойных носить их имя, полностью соответствует идеологии генеалогического неравенства, типичной для иерархических объединений кочевников. В основе последней как раз традиционно выступал принцип генеалогического единства, дополняемый представлением об определенной неполноценности зависимых групп. Распространенным приемом также было сочинение унижительных родословных для неполноправных групп (Першиц 1961). Для некоторых исследователей подобный путь этногенеза царских скифов представлялся самоочевидным (Мачинский 1971: 32–33).

Можно не сомневаться, что, как и у прочих кочевников евразийских степей, решающим фактором политогенеза стало подчинение как скотоводческих, так и (что еще существеннее) земледельческих народов одной из племенных группировок. Насколько жестким было господство царских скифов над теми группами обитателей лесостепи, которые, будучи включены в скифское объединение, получили наименование скифов-пахарей, сказать трудно. Однако все имеющиеся

историко-этнографические данные убедительно свидетельствуют, что доминирование кочевников над земледельцами с неизбежностью предполагает получение с последних дани продуктами земледелия, столь необходимыминомадам. Данные археологии убедительно свидетельствуют, что до конца V в. основная часть ремесленных изделий, обнаруженных в степной Скифии, поступала из лесостепи (Шрамко 1971: 95). Исходя из факта доминирования царских скифов над оседлыми, можно предположить, что по крайней мере часть этих изделий поступала в степь в качестве дани.

Скифы в Северном Причерноморье

Процесс складывания иерархической структуры причерноморской Скифии, скорее всего, не был единовременным, как это может показаться на основании легенды об усмирении рабов. Если, следуя гипотезе М.Н. Погребовой и Д.С. Равевского, считать ареалом сложения первичной скифской общности степи Предкавказья, то вряд ли дальнейшее продвижение скифов в Северное Причерноморье было мирным. Хронология образования Скифской державы в том виде, в котором она была засвидетельствована Геродотом, не может быть достоверно реконструирована по источникам. Очевидно лишь, что к моменту вторжения в Скифию персидского царя Дария (ок. 512 г. до н.э.) этот процесс был в целом завершен.

Согласно Геродоту (IV, 1), Дарий предпринял карательный поход против скифов в отместку за их вторжение в Малую Азию. С этой целью он вторгся в их страну с западного направления, однако скифы, уклоняясь от прямого столкновения, сделали ставку на изматывание противника, что едва не привело к прямому разгрому персов. Последние были вынуждены бесславно отступить. В ходе противостояния с Дарием скифам удалось также наказать все племена, отказавшиеся выступить на их стороне. По всей видимости, успех в столкновении со столь мощным противником, которым была Персидская держава, способствовал усилению скифской гегемонии по отношению как к соседним народам, так и к подчиненным племенам.

О том, как протекал политогенез, приведший к сложению скифского «царства» в том виде, в котором его описывают Геродот и более поздние источники, у нас нет сколько-нибудь достоверных сведений. В описании же «отца истории» Скифия выступает как достаточно сложное иерархическое объединение, в котором структура управления включает в себя несколько уровней, а система стратификации «правитель–подданные» дополняется суперстратификацией, основанной на коллективном доминировании царских скифов.

Высшая власть в Скифской державе принадлежит царю, полномочия которого на первый взгляд представляются как близкие к деспотическим, на чем настаивали некоторые авторы (Граков 1954: 171). Согласно Геродоту (IV, 72), каждый свободный скиф обязан служить царю, если тот ему укажет, и это считается

великим почетом. Царю принадлежит право распределения добычи в соответствии с заслугами воинов (Геродот IV, 64). Из рассказа о скифо-персидской войне также явствует, что царь выступал в роли главнокомандующего.

Власть царя имеет сакральный характер. Ее происхождение легенда связывала с обретением священных золотых предметов (плуга, ярма, секиры и чаши) Колаксаем, которые хранятся как величайшие реликвии (Геродот IV, 5, 7). Люди, заподозренные в ложной клятве богами царского очага, подлежат казни (Геродот IV, 68). Смерть царя сопровождается всеобщим трауром, когда тело покойного провозят по всей территории царства, а все подданные обязаны в знак скорби наносить себе определенные раны и увечья (Геродот IV, 71–72). Похороны царя сопровождаются крупными человеческими жертвоприношениями, причем сопребению подлежат лица довольно высокого статуса — члены его свиты (Грантовский 1980: 130–131).

Впрочем, некоторые пассажи Геродота заставляют усомниться в безусловном могуществе царской власти. В ходе войны с персами практически наравне с верховным царем Иданфирсом выступают двое царей, возглавлявших два полуавтономных царства в составе Скифии. Таким образом, даже в условиях боевых действий, требующих жесткого единоначалия, более актуальной оказалась триединая политическая структура Скифии. При описании боевых действий Геродот в основном употребляет безличное понятие «скифы», мало что сообщая о решениях и приказах правителей. Поскольку действия скифов в этом конфликте носили преимущественно партизанский характер, такое обозначение можно считать неслучайным. В то же время сам характер словоупотребления «скифы» в данном контексте позволил некоторым исследователям настаивать на реальности народного собрания у скифов (Грантовский 1980: 147).

Об эффективной власти царя в мирное время, связанной с текущим управлением, в скифском рассказе Геродота практически ничего не сообщается. В упоминавшемся сюжете о поединке между родственниками царь выступает в достаточно пассивной роли арбитра (Геродот IV, 65). Сам по себе факт умолчания можно было бы не принимать в расчет, если бы весь комплекс источников, а также сравнительно-исторический материал давал бы почву для уверенного предположения, что указанные выше черты царской власти с неизбежностью предполагают ее эффективность во всех аспектах. Однако данные, накопленные исторической и этнографической наукой, особенно в отношении кочевых обществ, как раз позволяют усомниться в этом.

Характерной чертой позднепотестарных систем была сакрализация власти правителя, воплощенная в его личности, что далеко не всегда означало ее реальную эффективность. Более того, высокий уровень сакрализации, как правило, порождал феномен «живой реликвии», когда возвеличенный до божественного состояния правитель вообще утрачивал какую-либо реальную власть (Токарев 1958; Бондаренко 1995; 2005; Классен 2005: 196–199). Однако и там, где правитель сохранял заметный объем реальных полномочий, его формально высокий сакральный статус мог значительно превышать масштаб его «светской» власти.

И при этом, что важно, высокая сакральность придавала власти значительную амбивалентность, когда сверхъестественные возможности ее носителя грозили обернуться против него же самым трагическим образом. Из сведений источников можно предположить, что царская власть в Скифии имела аналогичную природу.

Основание для такого предположения дают два приведенных Геродотом сюжета, описывающие убийство царей-святотатцев. В первом из них (IV, 76) рассказывается о царе Анахарсисе (личность которого большинством исследователей признается вымышленной), убитом родным братом Савлием за отправление чужеземного культа. Далее (IV, 80) рассказывается о царе Скиле, который, пристрастившись к эллинским обычаям, принял участие в эллинских вакхических обрядах. Узнавшие об этом скифы подняли восстание, в результате чего Скил был вынужден бежать во Фракию. Однако простого низложения царя оказалось недостаточно: новый царь Октамасад под угрозой военной интервенции заставил фракийцев выдать ему Скила на расправу.

Необходимость убийства царей, на наш взгляд, была обусловлена самой сакральной природой их власти, проистекавшей из связи с божествами-покровителями Скифии. Обращение же к культовым практикам чуждых богов означало разрыв этой связи, жизненно важной для всего социума. Более того, наделенный в силу своего положения монополией сакрального посредничества царь отныне создавал непреодолимую помеху для восстановления этой связи и, возможно, становился опасным источником скверны. Поэтому только физическое устранение царя-вероотступника могло вернуть милость скифских богов, гарантирующую благополучие социума.

Таким образом, культ царской власти у скифов, предполагавший значительные материальные затраты и человеческие жертвоприношения, а также строгие защитные меры царской личности, одновременно допускал практику цареубийства за нарушение табу. Можно предположить, что высокое значение сакральных аспектов царской власти своей оборотной стороной имело ограниченность светских полномочий царя (или царей). О сакральной природе скифского царя говорит интерпретация Д.С. Раевским значения каменных антропоморфных изваяний Скифии, которые, с точки зрения исследователя, устанавливались «по случаю смерти царя (вождя) и были призваны устранить причиненное ею нарушение космической и социальной стабильности» (Раевский 2006: 431).

Властная иерархия Скифии не исчерпывалась царским уровнем. В качестве промежуточного слоя управленцев у Геродота называются «номархи» — «правители округов». Попытки выделить территории таких округов по археологическим материалам V — начала III в. до н.э. предпринимались неоднократно (см., например: Тереножкин, Мозолевский 1988: 187–194). Заслуживает внимания недавняя статья Ю.В. Болтрика, изучившего концентрацию в степной Скифии крупных курганов и престижных артефактов — золотых парадных горитов, ножен мечей, конских налобников и т.п. Помимо главного (нижнеднепровского) ядра с самыми большими курганами ученый выделил региональные центры в

устье Дона, в нижнем течении р. Молочная, в Среднем Побужье и Западном Крыму (Болтрик 2013: 201).

Относительно объема полномочий «номархов», порядка их назначения и даже характера подвластных им «номов» (гео- или демосоциального) нам ничего не известно. Одни скифологи видели в них племенных вождей, другие — царских наместников в территориальных подразделениях скифского царства (Хазанов 1975: 114; Грантовский 1980: 142). Единственная функция номарха, о которой сообщает Геродот (IV, 66), это организация ежегодного торжественного угощения вином отличившихся воинов. Можно согласиться с гипотезой А.М. Хазанова относительно военных полномочий номархов, однако его выводы по поводу судебной и фискальной функций требуют дополнительных доказательств (Хазанов 1975: 183–184). Относительной судебной полномочий у представителей низового уровня власти сообщается у Лукиана, который говорит (Анахарсис, 11) о наказаниях, налагаемых старейшинами. Однако в этих старейшинах исследователи довольно единодушно видят патриархальных лидеров родо-племенных единиц. Конечно, можно допустить, что сфера властных полномочий скифских правителей различного ранга воспроизводилась на всех уровнях, но для обоснования этой гипотезы источники не дают достаточных данных.

Тем не менее сведения Геродота о царской власти и наличии подчиненных ей уровней власти позволяют многим исследователям говорить о существовании по меньшей мере раннего (раннеклассового) государства уже в V в. до н.э. Данной трактовке противоречат сведения Лукиана, которые, впрочем, сторонники упомянутой точки зрения ставят под сомнение (Хазанов 1975: 22).

В диалоге «Токсарис, или Дружба» Лукиан от имени скифа Токсариса рисует картину обычного для скифов вооруженного насилия, не сдерживаемого центральной властью (Токсарис, 36). Автор рассказывает о частых столкновениях среди скифов, а также о разбойничьих набегах, совершаемых на сопредельные государства по инициативе отдельных лиц (Токсарис, 49). Центральным сюжетом рассказа является сбор войска по инициативе частного лица, которое, как специально подчеркивается, даже не принадлежало к скифской аристократии (Токсарис 45). В результате собирается довольно внушительная армия, готовая вести боевые действия против Боспорского царства (Токсарис, 47–48), и по итогам военного столкновения боспорцы соглашаются платить скифам двойную дань (Токсарис 55).

Вне зависимости от того, стоит ли считать сведения Лукиана литературными преувеличениями, нет оснований полагать, что они противоречат рассказу Геродота. Наличие в кочевнических объединениях многоуровневой иерархии, способной в случае общей угрозы выполнять мобилизационные и командные функции, вполне могло сочетаться с высокой конфликтностью между отдельными племенными подразделениями в более мирное время, равно как и с практикой ведения ими войн без оглядки на центральную власть, на свой страх и риск. Подобная картина, в частности, наблюдалась у пуштунов (Рейснер 1954: 138–139;

Темирханов 1984: 23, 25, 42, 44). Разумеется, говорить о какой-либо государственности у скифов, даже ранней, в подобном случае нельзя.

Признаки государственной организации иногда видят в существовании у скифских царей особой группы слуг (либо помощников) — ферапонтов. Однако, даже если считать их не прислугой, а своеобразной почетной свитой скифского царя, в пользу чего Э.А. Грантовским были высказаны убедительные соображения, нет оснований видеть в них руководителей неких отраслевых органов в рамках внутренней ролевой специализации. Иначе придется признать существование в Скифии центрального аппарата власти, превосходящего по своей сложности аналогичные структуры древневосточных монархий.

Скифия в IV в. до н.э.

Многие авторы, сомневавшиеся в оценке скифских царств Геродотовой эпохи как государств, полагали, что уровня государственности скифы достигли при могущественном царе Атее (Граков 1971). Для сторонников же более раннего возникновения государства у скифов держава Атея виделась пиком развития скифской государственности.

В пользу представления о «скифском великодержавии» в IV в. до н.э. традиционно приводится свидетельство Страбона (VII, 3, 18), писавшего, что «Атей... как кажется, господствовал над большинством здешних варваров». Кроме того, основанием для рассуждений о развитии государственности служат монеты, отчеканенные для Атея (Анохин 1965). Однако основной источник сведений об Атее — рассказ римского историка Помпея Трога, переданный византийским автором Юстином, — изображает этого скифского царя отнюдь не владыкой великой державы. Так, военное столкновение с истриянами оказалось для него столь критичным, что он вынужден был обратиться за помощью к Филиппу Македонскому, обещая в награду сделать последнего наследником царства. Причиной же его следующего конфликта, на этот раз с самим Филиппом, стал невыплаченный долг. Согласно данным источников, в сражении 339 г. до н.э. с Филиппом Атей потерпел поражение и погиб.

Несмотря на популярность идеи скифской гегемонии в период царствования Атея, сомнения на этот счет высказывались и продолжают высказываться. Историк-антиковед Д.П. Каллистов посвятил целую статью разбору процитированного пассажа Страбона и пришел к выводу о крайней неуверенности античного автора в достоверности своих слов (Каллистов 1969). Обращалось внимание на то, что все сведения об Атее, кроме этого замечания автора «Географии», относятся к нижнедунайской области. Анализ контекста данного свидетельства позволил В.П. Яйленко предположить, что Атей был правителем только царских скифов (Яйленко 2006: 157–161).

От себя можем добавить, что формула Страбона «как кажется... над большинством» достаточно точно выражает суть власти кочевого предводителя над

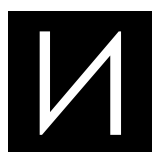
окружающей племенной периферией, не подкрепленную прочными институциональными механизмами, существовавшими в крупных кочевых империях. За «господством» Атея над основной массой племен Северного Причерноморья, скорее всего, скрывалась система навязанных неравноправных союзов (если вообще не символическое подданство отдельных вождей), которые утратили какое-либо значение при возникновении серьезной внешней угрозы. В пользу этого предположения говорит сам характер военных действий в ходе скифо-македонского конфликта 339 г. до н.э. Несмотря на то что Атей явно опасался Филиппа как противника, он не стал прибегать к тактике, доказавшей свою успешность в ходе скифо-персидской войны, а предпочел дать генеральное сражение на своей территории. Весьма вероятно, что объясняется это не героизмом и уверенностью в собственных силах скифского царя, а отсутствием необходимого пространства для манёвра (Петров 2016: 131–138).

О последующей истории скифских племен Северного Причерноморья известно сравнительно немного. Античные авторы сообщают о разгроме скифами македонского полководца Зопириона при осаде Ольвии в 331 г. до н.э., но сделать из этого сообщения вывод о характере их политической организации невозможно. Примерно в середине III в. до н.э. скифы были разгромлены вторгшимися с востока сарматами, после чего значительная их часть мигрировала в Крым, где начался новый этап их истории, характеризовавшийся постепенным переходом от номадизма к оседлости.

Если оценивать стадийно-типологический характер скифского царства (царств) V–III вв. до н.э., то, с нашей точки зрения, нет достаточных оснований видеть в них ранние государства. Наличие сакрализованной власти скифских царей без таких ключевых признаков, как регулярная система сбора налогов и хотя бы простейший бюрократический аппарат, не является достаточным основанием для подобной оценки. Кроме того, отсутствие не то что монополии, но сколь угодно эффективного контроля со стороны верховной власти над применением силы внутри социума и военной активностью вне его не позволяет, по нашему мнению, говорить даже о начале перехода к государственности, поскольку уже для сложных вожеств был в целом характерен более высокий уровень властного контроля и принуждения. Потестарная организация кочевой Скифии может быть оценена как сложное вожество или же альтернативная ему форма социальной организации того же стадийного уровня.

Глава 4

ИМПЕРИЯ ХУННУ

Имеющиеся описания империи Хунну (209 г. до н.э. — 98 г. н.э.) обычно характеризуют ее как «простую» и свободную конфедерацию, зависящую от внутреннего и внешнего принуждения и склонную к распаду (de Crespigny 1984; Yu 1986; Barfield 1989). При этом китайские записи содержат информацию о «ядре» и «крыльях» политической структуры степной империи, а при исследовании этих повествований все в большей мере выявляются стандартные программы летописцев империи Хань, которые давали разумное объяснение тому, что было (хотя и мало) известно о северных соседях, позволяя построить предполагаемое всеобъемлющее понимание их общества (Di Cosmo 2002: 294–297). Еще в начале XX столетия выдающийся ученый Р. Груссе признавал, что в исторических источниках, исходящих из сообществ за пределами степей, наряду с пространными сообщениями о конфликтах и столкновениях с кочевыми группами Внутренней Азии «содержится слишком мало сведений» о внутренних механизмах степных обществ и их политических системах (Grousset 1970: xxiv). Таким образом, в предполагаемой простой природе общественно-политической системы хунну следует видеть в большей мере отражение китайского взгляда на нее, направленного на то, чтобы дать рациональное объяснение сущности степных хунну и посредством этого контролировать их. На мой взгляд, структура Хуннской империи должна рассматриваться как комплексная матрица локальных общественных и всеохватных имперских политических устройств, взаимодействие между которыми создало переменчивую и гибкую общественно-политическую систему, которая игнорирует категорические модели и требует повышенного внимания к нюансам и изменениям последовательных приближений.

Чтобы лучше понять общественно-политическую систему Хуннской империи, мы должны выйти за пределы общепринятых исторических свидетельств, вклю-

чив в их число альтернативные тексты и, что гораздо важнее, постоянно увеличивающиеся археологические данные (Brosseder 2011). Для этого мы должны поверить данные исторических источников сведениями археологии, причем сделать это так, чтобы не отвергать первые полностью, но и не принимать их целиком (Patterson 2000; Laurence 2004; Isayev 2006). Это даст возможность вывести традиционную тематику особенностей кочевых сообществ и политий на уровень «новых контекстов понимания» (Andrén 1998). Вместо представления кочевой империи Хунну вне рамок реальных государств и империй (см.: Eisenstadt 1963) или как содержащую в своей сути необъяснимые «загадки» (см., напр.: Erikson et al. 2010) более правильным было бы утверждать, что хунну представляют собой феномен политики, характерный для кочевых обществ (Honeychurch 2013). Этот феномен должен рассматриваться как более сложный и динамичный, чем казалось многим ранее. Для его характеристики мною будут использованы как исторические, так и археологические свидетельства, что позволит выяснить структуру и стратегии органов власти, источники и системы могущества в империи Хунну.

В исторических и археологических исследованиях актуальные вопросы генезиса степной империи Хунну привлекают равное внимание. Наиболее конструктивные исследования общественно-политического развития в эпоху древности, рассматривавшие теории зависимости в отношении возникновения кочевых империй, подобных империи Хунну (см., напр.: Barfield 1981; 1989), выделяли институты хунну как происходящие из степных политических традиций (Di Cosmo 2011) и внутренней общественно-политической динамики Внутренней Азии (Honeychurch 2013). Из данных исследований кочевых империй следует, что отношения между номадами Внутренней Азии и земледельческими цивилизациями не были одним из вариантов зависимости степных сообществ от получения извне средств к существованию. Следует, скорее, говорить об усиливающейся зависимости политического аппарата степной империи от внешних источников престижных товаров и излишков богатств, что, в свою очередь, создавало подчиненное положение местных вождей надрегиональным элитам, контролировавшим доступ к внешним сетям обмена. Кроме того, источники внешних ресурсов располагались не только в соседней цивилизации Китая. Подобные ресурсы могли быть получены из государств, расположившихся в оазисах на Великом шелковом пути, от групп лесостепной зоны Южной Сибири и даже из отдаленных сообществ Персии и Средиземноморья.

В этой главе будет показано, что пристрастие элитных групп хунну к иностранным товарам не было определяющим условием формирования степной империи. Оно сформировалось как целостное явление позже возникновения империи Хунну и существенно трансформировалось с течением времени. Поэтому я поддерживаю более гибкий подход к социально-политической системе кочевой империи, согласно которому процессы развития могли идти по-разному и варьироваться в течение продолжительного времени (Marcus 1998).

Природа общественно-политической системы хунну широко обсуждалась многими исследователями, большинство из которых согласны с тем, что она пред-

ставляла собой имперскую политику (Di Cosmo 2011; Kradin 2011; Scheidel 2011; см. также: Goldstone, Haldon 2009). Далее речь пойдет, в первую очередь, о рангах надрегиональной элиты, которая представляла собой имперскую аристократию, и агентах идентичности и контроля в империи Хунну. Затем будут продемонстрированы фундаментальные характеристики общественного строя хунну с включением косвенных данных китайских династических хроник, документов пограничных территорий, а также постоянно увеличивающихся археологических материалов, которые дают больше информации к пониманию локальных степных сообществ в империи Хунну. Наконец, будут показаны социальные и культурные изменения, которые произошли с момента возникновения империи Хунну до рубежа тысячелетий включительно. Рассмотрение подобной динамики позволяет понять, как различные стратегии соединялись и изменялись в пределах общественно-политических систем хунну.

Имперская аристократия и провинциальные элиты

Кочевые империи Внутренней Азии исторически ставили в тупик чужеземных хронистов, поскольку они не вписывались в идеологические доктрины, разработанные внутри земледельческих цивилизаций. Политическая структура хунну более или менее подробно изложена китайскими историками в небольшом количестве параграфов «Ши цзи» (110: 2890–2891) и «Хань шу» (94А: 3751). Большинство титулов хунну переданы в китайских терминах или с использованием китайских эквивалентов (Psarras 2003: 127). Вероятнее всего, именно из-за этого данное описание являлось идеализированным вариантом, отличным от реально функционировавшей политической системы и ее составляющих (Xie 1969). Тем не менее здесь указаны некоторые важные социальные институты и политические лидеры, которые присутствовали в империи Хунну. Так как в различных работах давались подробные сводки высших рангов Хуннской державы (Xie 1969; Крадин 1996; Di Cosmo 2002; Giele 2011a; Miller 2014), здесь можно ограничиться кратким описанием и сокращенной схемой китайских хроник, касающихся иерархии империи Хунну (табл. 1), и вместо этого уделить больше внимания объяснению ключевых структурных аспектов общественно-политической системы.

В повествовании о так называемых 24 Великих вождах (*ванах*, королях), которые составляли высший правящий эшелон империи Хунну, имеется дифференциация между «знатными кланами» (*гуйцзу*) и «великими кланами» (*дацзу*) (см.: Хань шу 94В: 3707–3708). Отсюда следует не только признание более крупных кланов в противоположность более мелким, но также и дифференциация конкретных знатных кланов от других сильных кланов. Возможно, что объявление нескольких центральных линиджей (*ини*) «государственными кланами» (*дацзу*) в политической традиции хунну (Хоу Хань шу 89: 2944–2945) обеспечивает истинное различие, утверждающее определенные линиджи, в числе которых выделялись единственный королевский линидж Люаньди и три линиджа брачных партнеров, возвышающиеся над всеми другими и приравненные к высшей власти.

Таблица

Иерархическая система империи Хунну

(赛犁孤塗)單于 Шаньюй		
24 Великих вождя	二十四長	Десятичная система
Левые/правые ваны <i>туци</i>	左右屠耆王	
Левые/правые ваны <i>лули</i>	左右谷蠡王	
Левые/правые Великие полководцы	左右大將	
Левые/правые Великие военачальники	左右大都尉	
Левые/правые Великие <i>данху</i>	左右大當戶	Вожди десятитысячники 萬長(萬騎)
Левые/правые <i>гуду хоу</i>	左右骨都侯	Тысячники 千長 Сотники 百長 Десятники 仕長
Подчиненные меньшие ваны	裨小王	
Управляющие территорией	相封, начальники 都尉	
<i>Данху</i> 當戶, <i>цзюйцзюй</i> 且渠		

Представители этих линиджей составляли высокопоставленную родовую знать (*гуйчжун*) хунну и теоретически обладали правами наследия высших должностей Великих вождей и верховного правителя — *шаньюя*. При этом шаньюй не был самовластным правителем, по крайней мере в том смысле, как в китайской имперской традиции. Он выбирался вождями королевского линиджа из числа сыновей, братьев и дядей предыдущего шаньюя и, таким образом, ставился во главе «коллективной верховной власти» (ср.: Golden 1992). Кроме того, он не находился во главе всепроникающей сети аристократов или чиновников под его контролем. Даже попытки, предпринятые шаньюем, чтобы вступить в конфликт с преемниками на местах, встречали сопротивление (Хань шу 94А: 3790). Вместо этого консорциум надрегиональных «королей» и других аристократов империи, которые вроде бы контролировались шаньюем, назначал, в свою очередь, региональных и местных вождей, а также контролировал свой собственный электорат и территории в пределах степной империи. Об этих вождях в «Ши цзи» сказано так (пер. Р.В. Вяткина и А.М. Карапетянца): «Каждый располагает своим участком земли, где кочует [со своими стадами], в поисках травы и воды» (Сыма Цянь 2002: 329).

Эта практика владения выделенной территорией может коррелироваться с выделением пастбищных территорий и миграционных маршрутов под руководством локальных вождей, подобных тем, что были засвидетельствованы в средневековой Внутренней Азии (Drompp 1991: 105) и Монголии в начале XX столетия (Симуков 1933; Fernández-Giménez 1999) и даже среди локальных территориальных формирований в современное постсоциалистическое время (Murphy 2014).

Зависимые владения функционировали как корпоративные общества территориального характера. Несмотря на то что они изначально не были основаны на родстве, они часто контролировались линиджем и были патримониальными по своей природе. Их можно рассматривать как традиционные, фундаментальные ячейки степных обществ Внутренней Азии, на которых строились кочевые политии (Atwood 2013). Таким образом, оказалось, что Великие вожди хунну осуществляли относительно автономное управление независимыми территориями (Di Cosmo 2002: 177). Они выступали в качестве дополнительных элементов имперской власти в провинциальных районах и составляли костяк изменчивой и гибкой общественно-политической системы, существующей над локальными общественными институтами.

Хотя официальных государственных чиновников в кочевой империи Хунну не было, однако определенные институты власти в хуннском обществе существовали. Они содействовали управлению составными частями империи. Данные политические институты, происходившие не из китайского или других иностранных обществ, но по большей части из степных традиций (Di Cosmo 2011), легли в основу последующих кочевых империй Внутренней Азии.

Первым из таких институтов была военная десятичная система общественно-политической организации, описываемая в терминах системы, которая должна была применяться при мобилизации вооруженных сил и приписке простого народа к отдельным вождям. Однако даже формальное описание иерархии хунну выявляет различие между фактическим количеством сил, возглавляемых конкретным вождем, и официальным титулом *десятитысячника* — например, вождь 10 тыс. мог командовать намного меньшим или намного большим числом всадников, чем указанное. Поэтому мы должны рассматривать деления десятичной системы с недоверием, поскольку они были, вероятнее всего, скорее административными, чем функционально военными.

Вторым основным институтом было деление знати на левое и правое крыло, которые предположительно соответствовали восточным и западным землям. Ученые пытались следовать этой левой/правой практике по отношению к делению археологических памятников на восточные, центральные и западные части страны хунну, однако археологические материалы Монголии, Южной Сибири и Северного Китая не подтвердили наличие подобного четко выраженного тройного деления (Holotová-Szinek 2011). Как и китайское описание политической иерархии хунну, данные конфигурации являются стандартными реконструкциями, не отражая высокой сложности пространственных структур, которые могли не соответствовать идеализированной схеме.

Хотя в китайских отчетах левые/правые деления приравниваются к точным территориальным разграничениям востока и запада¹, в действительности они, вне

¹ Следует отметить, что восточные и западные территории, зафиксированные в китайских хрониках, представляют собой только ссылки на территории и группы, которые граничили с империей Хань. Более значительные территории монгольской степи в китайских хрониках о восточных и западных административных районах в расчет не принимаются.

всякого сомнения, выходили за рамки простого пространственного деления страны хунну и, вполне вероятно, способствовали социальным делениям политических рангов ниже шаньюя (ср.: Drompp 1991). Региональные вожди, не входившие в официальную имперскую иерархию (см. ниже), также, по-видимому, были включены в систему левого и правого крыла (Хань шу 94В: 3797, 3842). Таким образом, подобно военной десятичной системе организации, практика левого/правого деления являлась административным институтом деления населения и территории.

В дополнение к изложенному выше существует необходимость исследовать нижестоящих вождей и лидеров среднего уровня империи Хунну (Di Cosmo 2011: 43; Kradin 2011: 90–93). Провинциальные представители и сотрудничество между локальными и надлокальными группировками знати часто являются наиболее структурирующими механизмами общественно-политических систем (Brumfiel, Fox 1994; Stark, Chase 2012). В то время как формальное описание субрегиональных частей иерархии хунну отсутствует, мелкие и разбросанные ссылки помогают выявить менее известные уровни степного политического устройства (Miller 2014).

Упоминание об уделах и мелких вождях («младших зависимых *ванах*») служит подтверждением тому, что подобные социальные акторы и практики в империи Хунну существовали. Тот, кого китайские летописцы называли «королем» (*ваном*. — *Ред.*), у хунну был эквивалентен «большому человеку» (*дажэнь*) или «военному вождю» (*цзюшуай*), по-видимому на любом уровне военной десятичной системы. Широкое использование этого термина применительно к другим вождям, кроме так называемых *Великих вождей*, свидетельствует о наличии влиятельных вождей вне внутренней имперской аристократии, однако же в пределах политического устройства. Наименование «знаменитый ван» (*мин ван*) является самым выразительным указанием на существование могущественных вождей вне иерархии имперской аристократии. В «Хань шу» (гл. 8: 262; гл. 70: 3012) об этом сказано так:

«Знаменитый ван — так называли вождей, которые были известны огромной славой и отличались от различных мелких вождей».

«Знаменитый ван — это аристократия разных вождей. [Они] принимают на себя обязательства, принимая выдаваемые им мандаты и выполняя обязанности».

Многие из наименований «вождей» хунну и других вождей, не относящихся к Великим вождям, соответствуют предводителям «племени» (*було*) и/или «государства» (*го*) (Сыма Цянь 2010: 27–46). По всей видимости, логично предположить, что данные лидеры представляли зависимые владения, включенные в империю Хунну. Главные имперские наследные линиджи были, несомненно, влиятельными региональными кланами, которые занимали важное положение в надплеменной степной политике и сохранили свой статус в условиях нестабильно-

сти и изменений. В то же время некоторые из степных групп, чтобы сохранить себя, сочли необходимым подчиниться иностранным режимам, будь то китайцы из империи Хань на юге или усунь на западе.

Документы, обнаруженные в пограничных ханьских гарнизонах, свидетельствуют о наличии перебежчиков из числа хунну, размещенных на пастбищах вдоль северной границы империи (Giele 2011b: 61–62). В этих источниках упоминается о вождях, имеющих подчиненных численностью в несколько сотен, и о группах подчиненных воинов численностью менее сотни (Giele 2011b: 53), которые, по всей вероятности, были частью небольших сообществ низших уровней десятичной системы. Большинство подчиненных вождей, зафиксированных в династических хрониках как контролирующие от 500 до двух тысяч хозяйств, могут быть грубо приравнены к вождям, которые ранее относились к категории сотников и тысячников, т.е. к вождям, перечисляемым среди средних рангов военно-политического устройства хунну.

Вполне закономерно, что китайских придворных летописцев и чиновников весьма интересовали политические амбиции знати степной империи и их влияние на пограничье империи Хань. На основании информации, разбросанной в придворных хрониках и пограничных документах, можно подобрать факты о перманентном присутствии там могущественных вождей, которых китайские хронисты отнесли к таким категориям, как «наследственные вожди» и «пограничные вожди», а также о постоянном присутствии вождей среднего и низшего уровня, ранжируемых от тысячников и сотников до более мелких десятников. Повышенное внимание источников к таким лицам свидетельствует о той роли, которую лидеры всех уровней (кроме высшего имперского) играли не только в провоцировании политических кризисов, но и в стимулировании политических процессов.

Исторические реконструкции политических процессов в степях в значительной степени ограничивались статичными описаниями политики хунну, в которых переданы внезапное появление и начальный период степной гегемонии с последующими военными поражениями и угасанием аристократии в I в. до н.э., что привело к постепенному упадку (Yu 1990; Christian 1998: 200–203; Golden 2011: 31). Однако археологические материалы свидетельствуют о существовании в степях в это и последующее время могущественной сплоченной политики. Сопоставив находки монументальных гробниц и экзотических престижных товаров с I в. до н.э. до I в. н.э. с историческими описаниями, которые отображают упадок державы Хунну в данный период, ученые получили головоломку: археологические источники доказывают существование на заключительном этапе хуннской эпохи могущественной степной власти, тогда как нарративные рисуют картину безвозвратного политического упадка степных обществ (Erickson et al. 2010: 147).

Обстоятельный анализ дошедших до наших дней китайских письменных источников демонстрирует катастрофический упадок хуннского общества в I в. до н.э. В то же время археологические материалы показывают возрождение могущества хунну в степях, которое длилось на протяжении I в. н.э. Есть мнение,

что повышенные инвестиции в демонстрацию могущества, наблюдаемые в наличии претенциозных гробниц и престижных товаров, были результатом усиления конкуренции между надрегиональными и региональными элитами на раннем этапе истории империи Хунну, которая завершилась раздвоением элиты (см.: Falkenhausen 2006: 365) и дальнейшим возвышением правящих элементов степной державы. Таким образом, изменения в материальной культуре и общественно-политических институтах в Хуннской империи можно понять с помощью расширенного рассмотрения политических агентов как среди имперских родственников, так и других категорий элит.

Большое число названий локальных племен или владений (таких, как *лоу-фань*, *бойянь* и *пулэй*), сохранившихся в китайских хрониках, подтверждает существование региональных образований, покоренных хунну и формально включенных в их империю. Позднее подобные названия появляются снова как локальные владения, нарушившие лояльность или оспаривавшие власть империи Хунну, с теми же самыми четко выраженными региональными отличительными особенностями, как и прежде. Хотя очевидно, что главы таких образований сохраняли власть над своими собственными территориями и/или населением, однако их нельзя назвать неконтролируемыми руководителями составных частей степной державы. Контролируемые из центра вожди империи и их вооруженные отряды, несомненно, представляли силовые структуры, а комплексные надрегиональные сети обмена скотом и материальными ценностями, как и выделение пастбищ, могли инициировать зависимость локальных групп и владений от данных надлокальных институтов.

Даже несмотря на то, что некоторые ученые предполагали способность кочевых групп в степной империи «голосовать ногами» и считали составляющие группы кочевых проблемной слабостью так называемых кочевых конфедераций (de Crespigny 1984: 179–180; Doyle 1986; Barfield 1989; Goldstone, Haldon 2009: 6; Turchin 2009: 194), такие случаи рассматривались как редкие и необычные. Перегоны скота на пастбищные угодья других племен или через них действительно могли приводить к разрушительным конфликтам, однако подобные конфликты обычно происходили в отсутствие, а не при наличии стабильных надрегиональных органов власти, которые выступали в качестве посредников при возникновении напряженности вследствие миграций за пределами обычных схем движения (Murphy 2011). Локальные вожди, несомненно, осознавали возможные негативные последствия масштабных миграций в отдаленные захваченные земли, и миграции больших групп происходили, вероятно, только при таких экологических, экономических или политических обстоятельствах, в которых вероятная потеря людей и скота не превышала разумного риска.

Реальный деструктивный кризис хуннской политики связан был не столько с разделением на отдельные части, сколько с оспариванием компетенций основных имперских линиджей могущественными провинциальными группами. Китайские источники фиксируют подъем, происходивший с начала и до середины I в. до н.э., после затяжной войны с китайцами, с возвышением так называемых

некоролевских вождей (т.е. не входящих в имперскую родовую генеалогию. — *Ред.*) в политических и военных областях, которые обычно ограничивались центральной верховной элитой. «Знаменитые *ваны*» хунну, судя по «Хань шу» (64В), появляются впервые как мощные политические игроки в конце II в. до н.э., когда они начали подчиняться Хань. Некоторые из этих *некоролевских* вождей, отмечается в «Хань шу» (94А), представляли собой возможную угрозу *ванам* из числа 24 Великих вождей, а некоторые, напротив, оказались среди ближайшего окружения шаньюя, где раньше могли быть только члены имперской родовой знати.

Со временем оказалось, что подобные высокие социальные позиции не всегда доставались знатным *ванам*, а приобретались, по всей вероятности, благодаря близким связям с различными членами имперской знати, которые соперничали друг с другом. Тем не менее знатные вожди, не входившие в род шаньюя, продолжали пользоваться его расположением и привилегиями своего положения, а также считаться претендентами на верховный пост. При перевороте, за которым последовало поражение шаньюя Уяньцзюйди, некоролевские вожди не только обеспечивали основную поддержку претендентам на верховную власть, но и начали предъявлять собственные претензии, предвещая, таким образом, беспрецедентный кризис центральных имперских кланов.

Все предыдущие раздоры, связанные с борьбой за пост шаньюя, инициировались членами королевского линиджа, но к 50 г. до н.э. претензии на верховное управление степной империей высказали провинциальные вожди, иногда даже формировавшие союзы между собой, чтобы способствовать достижению своих целей. Огромная конкуренция для правящих верховных кланов, создаваемая ими, сигнализировала о кульминационной точке изменений в политической динамике внутри империи.

Таким образом, это было не расширение королевского линиджа через браки и производство потомства (Golden 2011: 109–111). Возникла совсем другая ситуация, когда могущественные некоролевские группы и их вожди, возглавлявшие авторитетные и значимые группировки, стали занимать высокостатусные позиции, подобно королевскому линиджу, и даже предъявлять претензии на высшую должность в управлении, что представляло «болезни роста» политики.

Политика Хань в отношении правящей и других элитных групп хунну отражена в хрониках только косвенно. Китайцы пытались использовать конфликтную ситуацию между верховной степной знатью и региональными вождями в своих целях. При этом китайские стратегии в отношении хунну изменялись, но те, в которых отразилось стремление раздуть пожар раскола, высвечивают напряженность между высшим эшелонem и провинциальными политическими элитами степной империи. Наиболее известной и часто применяемой политикой в отношении хунну был «мир, основанный на родстве» (*хэцинь*), хотя Di Cosmo (2002: 215 sq.) подчеркивает концептуальное недопонимание политической системы хунну со стороны Хань как основной источник неэффективной политики в обеспечении долгосрочного мира. По его мнению, применение китайцами стратегии задаривания

двора шаньюя хунну подарками не гарантировало, что все провинциальные группы, особенно жившие вдоль китайской границы, могли прекратить набеги на ханьские населенные пункты, так как у шаньюя хунну не было столь же эффективных форм контроля над своими владениями, как у императора Хань — над его подданными.

Предлагались и другие стратегии для решения проблемы хунну, такие как «пять приманок и три средства» (*у эр сань бяо*) путем оказания помощи второстепенным степным вождям и переманивания их на сторону Хань. Эта дипломатическая тактика рекомендовала вручение подарков, от изысканно украшенных предметов одежды до декорированных легких колясок, не шаньюю, а провинциальным вождям хунну, которые приходили к границе, а также устройство пиршеств с мясом и вином — все это с такой степенью щедрости, которая подчеркивала бы авторитет этих степных правителей (Синь шу 4: 136–137). Такое обращение к правомочным правителям теоретически могло подрывать власть шаньюя и разрушать систему политической и военной поддержки для степных правителей (Синь шу 4: 138).

Многочисленные исследования истории хунну трактовали ситуацию I в. до н.э. как кризисную и интерпретировали этот период как время необратимого разрушения, которое перешло в фазу перманентного распада, продолжавшегося до II в. (Yu 1990: 141–142; Sneath 2007: 23). Однако поздний период империи Хунну характеризовался возрождением степи, но не ее капитуляцией (Bielenstein 1967: 90–92; Psarras 2004: 41). Возможно, это был один из великих социальных, культурных и политических периодов трансформации, которые плохо отражены в исторических источниках, однако хорошо зафиксированы в археологических материалах.

Переосмысливая данное поворотное событие, целесообразно предложить новую периодизацию политической истории хунну как деление на два периода: раннехуннский (209–58 гг. до н.э.) и позднехуннский (47 г. до н.э. — 98 г. н.э.), между которыми пролегло десятилетие политических и военных кризисов. Вместо того чтобы рассматривать империю Хунну как некое стабильное в течение четырех веков образование (см., напр.: Ganbaatar 2011), мы должны признать общественно-политические «опасности» (Cioffi-Revilla et al. 2011), конфликты или кризисы и их результаты как важные факторы в реструктуризации политий в процессе их существования (Schwartz, Nichols 2006). Поскольку такие кризисы в империях часто приводят к преобразованию социальных и культурных институтов, а также реформированию политических систем (Morris 2006), мы должны начать рассматривать «истории жизни» империй, которые обращены к изменениям стратегий центральной, региональной и локальной элит, через посредство хода изменений общественных, экономических и политических условий (Stark, Chance 2012). Растущий объем археологических материалов, подтверждающих феномен хунну, обеспечивает самый богатый источник для изучения таких событий.

Политические культуры и политическая экономия

В прошлом некоторые историки (McGovern 1939) выделяли в империи Хунну отчетливые раннюю и позднюю фазы, и критический анализ исторических документов отражает такое разделение, относящееся к I в. до н.э. Несмотря на то что общеимперская аристократическая иерархия Хуннской степной державы, по-видимому, не изменилась с раннего периода (Сыма Цянь 2002: 328–329) до позднего этапа (Хань Шу 94А: 3751), практика наследования титула шаньюя через принудительно применяемую передачу власти от брата к брату стала более жестко контролироваться после 50 г. до н.э., когда шаньюй Хуханье смог укрепить империю и оставить власть своим сыновьям.

Новое территориальное образование южных хунну, которое отделилось от степной империи во время конфликта примерно в 50 г. н.э. и было расположено вдоль границы империи Хань, сохранило общую структуру степной политической иерархии и ее пять категорий Великих вождей (Хоу Хань шу 89: 2944–2945). Из нововведений следует отметить добавление к «аристократическому сословию» четвертого брачного линиджа Цюлинь, а также деление на четыре и шесть родов. Оно существовало в политике южных хунну (у северных хунну тоже. — *Ред.*), но не упоминается в повествованиях «Ши цзи» или «Хань шу» о политических традициях хунну. Теоретически это может быть объяснимо недостаточно достоверными сведениями о социально-политических системах хунну, имевшимися у ханьских информаторов при дворе южных хунну и/или смешением с более поздними данными о хуннских группах Северного Китая, которые существовали перед составлением «Хоу Хань шу» в V н.э. По-видимому, новые титулы *жичжэу*, *вэньюйту* и *вэньюйцзянь* в повествовании «Хоу Хань шу» о северных хунну точно совпадают с упомянутыми выше *Великими полководцами*, *Великими военачальниками* и *Великими данху* в политической иерархии степной империи Хунну, являясь, вполне возможно, просто номенклатурами хунну для тех же самых рангов, которые ранее описывались в китайских терминах (см.: Miller 2015).

Относительное забвение китайских исторических документов, касающихся внутренних механизмов степной империи во время позднехуннского периода, делает трудным подтверждение или выявление в нарративных источниках подобных изменений. В то же время археологические данные позволяют не только показать наличие двух периодов в хуннской истории, но и лучше понять и осмыслить характер социальных, экономических и культурных изменений, которые происходили в степной империи в позднехуннский период.

Археологические материалы иллюстрируют хронологические отличия со значительными сдвигами в политической организации, а также наличие социальной дифференциации в обществе хунну. Несмотря на то что большинство обнаруженных памятников относятся к позднему этапу истории хунну, изучение всей совокупности археологических материалов раннего и позднего периодов показывает, что общие структуры одинаковы. В позднем железном веке вооружение и орнаментация отдельных геометрических и анималистических стилей распро-

странились по степям Внутренней Азии и, в конечном счете, материализовали панрегиональный набор так называемой степной идентичности. К концу I тысячелетия до н.э. расширение взаимодействия между степными народами Внутренней Азии привело к трансформации совокупности статусных вещей в единую систему надрегиональной материальной культуры. Согласно письменным источникам, в это время в степи во главе могущественного государства стоял харизматический лидер, который смог переформатировать политические институты степных кочевников и сформировать мощную властную структуру, распространившую контроль над всей Внутренней Азией (Di Cosmo 2002), что дало ему основания утверждать, будто все владения в пределах этих территорий относились к «хунну» (Сыма Цянь 2002: 333).

Когда в течение III–II вв. до н.э. надрегиональные элиты создали расширенную иерархическую сеть и установили контроль над степью, по всем регионам Внутренней Азии распространилась единая керамическая традиция, а также система престижных предметов (в первую очередь орнаментированные пояса). Усиление взаимодействия между кочевыми культурами способствовало расширению потоков товаров и идей, которые определили универсальный стиль материальной культуры. Стала формироваться и общая надрегиональная политическая культура возникающей степной политики.

Материализация унифицированной надрегиональной культуры, несомненно, поощрялась и использовалась объединяющимися в рамках государства фракциями элиты, которые стимулировали межрегиональное взаимодействие в своих собственных интересах (Dalton 1975; Renfrew, Cherry 1986; Hayden, Schulting 1997). Хуннская элита культивировала систему символов «явной принадлежности», что стало средством межгрупповой коммуникации и даже совместных действий (ср.: Schortman 1989), что также свидетельствовало о формировании надрегиональной политической культуры зарождающейся степной политики.

«Высокая культура» власти (Baines, Yoffee 1998), выражающаяся в последовательной системе престижной личностной символики, распространилась по всем регионам Внутренней Азии, которые, согласно нарративным источникам, оказались под контролем империи Хунну, что позволяет надежно приписывать данную материальную культуру политике хунну и всем уровням ее элитных фракций. Самыми важными компонентами этой политической культуры престижа были широкие кольца, а также орнаментированные пояса, на которые в ранний период истории хунну нашивались большие прямоугольные пластины (Broseder 2011). Они делались либо из толстого камня с использованием на пластинах линейных геометрических узоров, либо в виде ажурных бронзовых блях с орнаментами в виде замысловатых завитков, с геометрическими узорами или сценами с хищными животными. Пояса украшались также множеством бус, бронзовыми орнаментами и раковинами каури (настоящими и имитациями), а иногда и китайскими бронзовыми монетами.

В то время как каменные пластины с геометрическими узорами и обычай ажурной орнаментации поясов в конце I тысячелетия до н.э. распространились по

всей Центральной Евразии, элиты регионов в пределах Внутренней Азии украшали себя идентичными бронзовыми украшениями с изображениями лошадей, волков, быков или коров, пантер и даже грифонов. Они представляли собой не просто сходную систему декора и мотивов степного стиля, но, скорее, универсализирующий набор предметов, служивших в качестве портативных, приметных и убедительных свидетельств принадлежности к интегральной сети межрегиональных элит (Schortman 1989; DeMarrais et al. 1996). Не имея данных для установления конкретной местности формирования стилей и обычаев, которые распространялись в периферийных группах, мы можем предполагать наличие широкой сферы взаимодействия (Caldwell 1964; Dalton 1975), в которой конкурентные взаимоотношения и попытки легитимации привели к созданию культуры надрегиональной элиты с идентичным набором амуниции (Renfrew, Cherry 1986; Baines, Yoffee 1998; Parkinson, Galaty 2010: 16–17).

Несмотря на однородную природу престижных предметов и керамических традиций, в погребальной обрядности и ритуальной сфере, по-видимому, продолжали существовать отличия. Так, помещение в могилу при совершении погребения голов, копыт и других фрагментов домашних животных быстро распространилось по степным районам Внутренней Азии. При этом их размещение в могиле, конструктивные особенности погребальных камер, а также ориентация и обработка тела погребенного значительно различались. Погребения в таком северо-западном регионе хунну, как Терезин, представляли собой в основном совокупность небольших каменных ящиков со скорченными костяками. Могильники на дальнем юге, вблизи границ с китайскими государствами, подобные Даодуньцзы, являли собой главным образом простые ямы с приступками для размещения подношений животных и сосудов и боковыми нишами для покойников. Захоронения в степях Центральной Монголии и Забайкалья, напротив, совершались в глубоких ямах, в которых умершие лежали вытянуто на спине в прямоугольных гробах, рядом с которыми или внутри их находят остатки сопроводительной тризны. Таким образом, в то время, как комплексы престижных товаров облегчали символическое вовлечение местных лидеров в унифицированную систему политической власти (Cohen 1981; Renfrew, Cherry 1986; Schortman et al. 2001; Quast 2009), под внешней оболочкой политической культуры хунну устойчиво сохранялись местные практики локальных различий.

Подобная «синтетическая и приспособляющаяся» политическая культура могла первоначально удовлетворять интересам всей степной империи (Honeychurch, Amartuvshin 2006: 276). Однако по мере нарастания в I в. до н.э. внутренних политических кризисов произошли значительные социальные и культурные изменения, которые затронули как высшие ранги империи, так и простое население. Все большее число периферийных групп переставали быть лояльными хуннской политике, а провинциальные кланы и местные вожди, не принадлежащие к рангам признанной имперской степной аристократии, бросали вызов центральным линиджам и стремились оказывать влияние на верховную власть (Miller 2014). Таким образом, потенциал последующей фракционной конкуренции в

крупном политическом образовании (Brumfiel, Fox 1994) вынудил надрегиональные элиты хунну на рубеже тысячелетий инициировать радикальные изменения в престижных системах и ритуальных практиках.

Вследствие этого локальные варианты погребальной обрядности были унифицированы и заменены более стандартизованными, а престижные символы приобрели особое значение в контексте связей с регионами за пределами степей Внутренней Азии, которые контролировались высшими группами хуннской элиты. Экзотические товары, получаемые извне, обнаруживались в различных районах Внутренней Азии уже в эпоху раннего железного века и даже в период формирования Хуннской империи в виде эпизодических находок шелка, зеркал и, чаще всего, китайских монет. Сети обмена на дальние расстояния явно присутствовали еще до нашей эры, но материалы, указывающие на это, ограничивались в основном элитными погребениями. Лишь в конце I в. до н.э. разнообразные экзотические товары как бы внезапно распространились по всей Евразии (Brosse-der 2015) и стали играть более заметную роль в культурных обменах во Внутренней Азии. На рубеже тысячелетий межрегиональные обмены достигли новых масштабов широты и интенсивности во всей Евразии, что было эквивалентно процессу глобализации, описанной Р. Аппадурай (Appadurai 1990), а в престижных стилях материальной культуры хунну во Внутренней Азии стал проявляться все больший акцент на экзотику.

К концу I тысячелетия до н.э. практика сооружения могил в форме прямоугольных глубоких ям с деревянными (иногда каменными) гробами, с вытянутыми на спине костяками и северной ориентацией, первоначально характерная для Монголии и Забайкалья, получила повсеместное распространение во всех регионах Внутренней Азии, где находилась полиция хунну. В дополнение к этим сравнительно стандартным погребениям с кольцевыми каменными кладками неожиданно появляются могильники с большими квадратными насыпями, под которыми находят сложные каменные конструкции с примыкающими трапециевидными дромосами, глубокими ступенчатыми ямами и деревянными срубами, в которых помещены гробы из деревянных досок. Эти масштабные сооружения объединяли разные монументальные традиции погребальной обрядности Китая, Монголии и Южной Сибири и, по всей вероятности, предназначались для высшего эшелона хуннской элиты (Kononov 2008; Brosse-der 2009). Политическая культура империи Хунну трансформировалась в нечто более конформационное и ограниченное.

Одновременно с этими радикальными и согласованными изменениями в ритуальной сфере системы престижа хунну стали все больше тяготеть к далекой экзотике, чем к исключительно степным проявлениям символики власти. Геометрические узоры, мотивы борьбы животных и бронзовые ажурные приемы раннехуннской эпохи уступили место фантастическим чужеземным фигурам и мотивам, размещавшимся рядом со степными, а в качестве материала стали использоваться железные пластины, покрытые золотой или серебряной фольгой, иногда украшенной инкрустациями из драгоценных камней.

Сравнительно редкие находки декоративных блях с изображением лошадей свидетельствуют о создании гибридных предметов, в которых степные темы и технологии изготовления смешивались с иностранными стилистическими и технологическими традициями (Miller, Brosseder 2013). Коллекции бус в элитных могильниках, все чаще изготавливаемых из стекла с вкраплениями золота, разноцветного стекла, фаянса и инкрустируемых бирюзовым золотом, свидетельствуют об усилении обмена с Западной Евразией (Brosseder 2007). В числе тканей, найденных в монументальных гробницах, имеются китайские узорчатые шелка, войлочные ковры в степном стиле и гобелены в греко-бактрийском стиле из Центральной Евразии (Тревер, 1932; Полосьмак и др. 2011). Китайские элементы составляли большую часть импорта: лакированные чашечки и чаши, захороненные вместе с сосудами для хранения и приготовления пищи хуннского типа, а также зеркала и фрагменты шелка Хань, характерные для всех рангов погребений хунну. Даже в таких могилах южной элиты сюнну, как Сигупань (Yikezhaomeng 1980), обнаружены личные украшения, выполненные в смешанной технике, в том числе изображения оленей и лошадей, исполненные в степной манере, а также китайские изображения драконов и танцоров в длинных одеждах на позолоченных железных пряжках, агатовые бусы и нефритовые подвески.

Крайне важно отметить, что наличие иностранного импорта в хуннском обществе не свидетельствовало о зависимости степных сообществ Внутренней Азии от внешних источников существования (Di Cosmo 1994). Важное значение внерегиональных источников власти и престижа для правящего политического слоя имели «финансы богатства» (D'Altroy, Earle 1985)². Растущее потребление идей и предметов, которыми обмениваются во всем мире, поощрялось и использовалось высшими эшелонами Хуннской державы точно так же, как это было и в империи Хань (Bang 2009). Таким образом, экзотические материальные включения в собраниях сюнну не стали механизмами межрегиональной социокультурной интеграции с Восточной или Центральной Азией, но, скорее, являлись инструментами внутрорегиональной социальной иерархизации и сплоченности в степной империи. Кроме того, эти изменения демонстрируют не эру аккумуляции (с Китаем) и дезинтеграции в степях Внутренней Азии. Правильнее было бы говорить о фазе «реформации/переформирования» (Morris 2006), которая породила новую эру политического господства в степях и новый вид степной империи.

² Согласно цитируемой здесь точке зрения Т. Эрла, «финансы богатства», в отличие от «обычных» финансов, представляют собой совокупность предметов, которые обычно не имеют утилитарного значения (ценные вещи, изделия из благородных металлов, драгоценности, первобытные деньги, монеты и др.). Они могут быть получены посредством редистрибуции, внешнего обмена или же созданы трудом ремесленников, обеспечивающих потребности элиты. — *Ред.*

Заключение: сложная и динамичная кочевая империя

Природа общественно-политической системы хуннской политики все еще остается предметом дискуссии, тем не менее мы определенно можем рассматривать ее как имперское образование (Di Cosmo 2011; Kradin 2011; Scheidel 2011). Для кочевых империй, подобных Хуннской, ярлык племени был признан сомнительным (Sneath 2007), а отнесение к образованиям, меньшим, чем государства, но большим, чем вождества, в равной степени является неудобным (Kradin 2011; см. также: Pauketat 2007). Поэтому мы должны освободить исследования от типологических ограничений, если хотим более полно понять структуру и стратегии общественно-политической системы хунну и то, как она изменялась в период существования империи.

Кочевая империя Хунну не была константой, как полагают специалисты по моделированию (Turchin 2009; Cioffi-Revilla et al. 2011), но при этом не являлась и слабой конфедерацией, которая постоянно уменьшалась и разрушалась, как часто предполагали историки (Yu 1967; Sneath 2007; Golden 2011). Это была динамичная и развивающаяся политика, переживавшая периоды подъема и упадка (Marcus 1998), а также критические точки реформирования и переформирования (Morris 2006). Может показаться заманчивым говорить об этих фазах развития империи Хунну с точки зрения отдельных категорий политических систем или источников власти, поскольку изменения не были такими значимыми, как с периода позднего бронзового века до раннего железного века и вплоть до позднего железного века, когда Хуннская держава возникла в степях Внутренней Азии.

Имея в виду популярное в последние десятилетия в политической экономии и социально-политических исследованиях деление на *сетевую* и *корпоративную* стратегии (Blanton et al. 1996), применяемое для описания политики хунну (напр.: Di Cosmo 2013: 37–38), можно говорить об изменениях в политических стратегиях внутри Хуннской империи, скорее, с точки зрения различных преобразований *сетевой* структуры. Престижная система власти, которая является центральной и свидетельствует о *сетевой* политической структуре (Blanton et al. 1996: 5), формировала социально-политические отношения на протяжении всего периода существования степной империи. С течением времени менялись только товары и варианты данной престижной системы. Кроме того, в погребальной обрядности прослеживается акцент на индивидуализм и иерархические различия. В поздний период истории хунну масштабы претенциозных инвестиций в захоронения элиты и монументальных практик стали смотреться еще более впечатляюще. С этой точки зрения правильным было бы сказать, что переход от *корпоративных* к *сетевым* стратегиям или от *гетерархических* к *иерархическим* социально-политическим конфигурациям (Crumley 1995) произошел гораздо раньше, еще в дохуннское время. С точки зрения долговременных изменений (*longue durée*) сетевые или гетерархические структуры были характерны для позднего бронзового века — культур керексуров или оленных камней (Wright 2014).

Важно при этом иметь в виду, что *корпоративные* и *сетевые* стратегии не должны рассматриваться как категории взаимоисключающие или обозначающие различные политические конфигурации, они, скорее, являются эвристическими конструкциями, которые могут помочь в анализе конкретных политических систем, а также стратегий и источников легитимности и авторитета (Blanton et al. 1996). Институты корпоративной власти в уделах *ванов* и практика коллективной поддержки шаньюев внутри правящей родственной группы сосуществовали в Хуннской империи с многоуровневой иерархической структурой, стратегией ограничения доступа к высокостатусным социальным позициям, престижным товарам и т.д.

Аналогично можно было бы использовать применительно к хунну категории «территориальное государство» или «империя доминирования» (Mann 1986), поскольку военные завоевания, в результате которых была создана степная империя, несомненно, были первоочередным источником принуждения. В то же самое время кочевое общество хунну было основано на скотоводстве и механизмах территориального контроля над пастбищами. Так или иначе, мы должны не рассуждать о том, была хуннская полития территориальным государством либо конфедерацией доминирования, но обратить пристальное внимание на то, как она функционировала (Smith 2003). Иными словами, более важным представляется осмыслить, какие политические стратегии и источники власти у хунну могли быть использованы, как они трансформировались, расширялись или заменялись с течением времени.

Несмотря на то что в исторических и археологических источниках нет полной информации по интересующему нас вопросу, тем не менее можно выявить существенные изменения в политических стратегиях от раннего до позднего этапа империи Хунну. Поскольку межрегиональная конкуренция и сотрудничество между группами людей, равных по статусу, значительно возросли (см.: Caldwell 1964; Dalton 1975; Renfrew, Cherry 1986; Hayden, Schulting 1997), развилась однородная «высокая культура» власти и престижа, в которой участвовали представители надрегиональной сети элит различных степных групп Внутренней Азии (Baines, Yoffee 1998). Эти новые выражения сплоченности, безусловно, послужили прочной основой для расширения межрегиональных связей во время образования империи Хунну в конце I тысячелетия до н.э. Местные лидеры и провинциальные группы в надрегиональной степной политии все чаще бросали вызов центральной власти в условиях внешних и внутренних кризисов I в. до н.э. Данная фракционная конкуренция стимулировала поиск и развитие новых политических стратегий и структур (Brumfiel, Fox 1994).

Радикальные преобразования происходили в престижной системе и политической экономии хунну, что подтверждается созданием новых и более претензионных одеяний и монументальных престижных конструкций, которым уделяли большее внимание в связи с расширяющимися сетями глобальных обменов (Miller, Brosseder 2017). В то самое время, когда экзотические импортные товары все больше определяли «финансы богатства» Хуннской империи, новые террасные

гробницы и изменения материальных составных элементов политической культуры хунну породили разделение элиты (Falkenhausen 2006: 365). Это возвысило правящие группы империи и количественно и качественно, обособив их от провинциальных элит политики (Miller 2014).

В целом как исторические, так и археологические данные демонстрируют чрезвычайно сложную и динамичную природу степной империи Хунну, которая не была чем-то застывшим на протяжении всей своей истории. В раннехуннский период взаимодействие между областями Внутренней Азии привело к распространению однородной керамической традиции, престижных товаров и формированию надрегиональной идентичности.

Целые серии престижных товаров и керамических изделий производились в единой стилистической традиции и были повсеместно распространены в разных районах Внутренней Азии. Это больше напоминает систему взаимопроникающей материальной культуры в контексте модели взаимодействия равноуровневых политий (*peer-polity interaction*. — *Ред.*), сформулированной К. Ренфрю (Renfrew, Cherry 1986), или сфер взаимодействия (Caldwell 1964; Hayden, Schulting 1997), где межгрупповая конкуренция приводила локальные образования к использованию эквивалентных наборов материальных выражений престижа, которые, в свою очередь, позволяли формировать социально унифицированные системы идентичности и межрегиональной интеграции. Однако в позднехуннский период, когда связи между Внутренней Азией и окружающими регионами расширились, культурные элементы, получаемые из-за пределов Внутренней Азии, стали высоко котируются. Данные изменения в системе престижа сопровождались сменой символики власти, созданием новых идентичностей, которые становились более связанными, согласованными и иерархически выстроенными во всем хуннском обществе. Стандартизированные ритуальные арены еще больше интегрировали социально-политическую «сеть» империи. В то время как террасные элитные гробницы возвышали надрегиональную аристократию хунну над локальной элитой, их распределение по всей Внутренней Азии демонстрировало устойчивый *корпоративный* характер имперской власти в степной державе.

Глава 5

САРМАТЫ

Происхождение сарматов. Наиболее достоверные сведения о сарматах относятся к III в. до н.э. Их история, особенно в ранний период, крайне скудно освещена письменными источниками. Одним из наиболее ранних упоминаний сарматов в этих источниках следует считать географическое название «Сарматия», зафиксированное в сочинении Теофраста «О водах», написанном на рубеже IV–III вв. до н.э. или, скорее всего, в самом начале III в. до н.э. Судя по лаконичному сообщению Теофраста (фрагм. 172), Сарматия должна была располагаться по соседству со Скифией, т.е., учитывая античную письменную традицию, занимать земли в непосредственной близости от Танаиса (Дона). Примерно век спустя Деметрий, в передаче Псевдо-Скимна, также помещает сарматов у Танаиса, причем на его левом (азиатском) берегу, указывая, что они занимали пространство в 2000 стадий, но не сообщая, в каком направлении.

Весьма интересные сведения по рассматриваемому вопросу дает эпиграфический материал. В конце прошлого века Ю.Г. Виноградовым была предпринята попытка нового прочтения эллинистического декрета о «несении Диониса», обнаруженного в 1906 г. в Херсонесе и датированного В.В. Латышевым III в. до н.э. В варианте перевода декрета, принадлежащем Ю.Г. Виноградову, упоминаются «полчища сарматов», готовые вторгнуться на территорию Крыма. Ю.Г. Виноградов уточнил дату этого декрета, определив ее в пределах первой четверти III в. до н.э., не исключая и более узкой даты — 280 г. до н.э. (Виноградов 1997: 104–124). Таким образом, сарматы уже в это время были известны населению античных городов, по крайней мере Северо-Восточного Причерноморья, причем и Крым был в зоне их досягаемости.

Более спорным, как мне представляется, является мнение об упоминании сарматов в сочинениях античных авторов IV в. до н.э. Впервые это мнение, осно-

ванное на анализе источников перипла Псевдо-Скимна, автора II–I вв. до н.э., было высказано М.И. Ростовцевым. Этот ученый не без оснований считал одним из основных информаторов Псевдо-Скимна в описании Северного Причерноморья Эфора и поэтому предположил, что именно у этого историка могли быть заимствованы сведения о сарматах, содержащиеся у Псевдо-Скимна. Однако сами рассуждения М.И. Ростовцева о наследии Эфора позволяют усомниться в наличии в его «Истории» новых оригинальных этнографических сведений о восточных районах Северного Причерноморья. Дело в том, что М.И. Ростовцев отмечал сильную зависимость Эфора от Геродота. Вот несколько его высказываний на этот счет: «...там, где мы имеем несомненно эфоровскую традицию, мы сейчас же замечаем тесную связь с Геродотом»; «тесная связь Эфора с Геродотом позволяет, может быть, думать, что для северного побережья Черного моря Эфор вообще удовлетворился Геродотом...» (Ростовцев 1925: 28, 29). При такой зависимости Эфора от Геродота навряд ли информация о сарматах могла быть получена им от Геродота, поскольку последний таковой, как мы знаем, не располагал.

Существует мнение о появлении названия «Сарматия» в сочинениях Гераклида Понтийского (390–310 гг. до н.э.). Однако подлинный текст Гераклида не сохранился; ссылающийся на него Антигон Каристский (III до н.э.) пишет со ссылкой также на Каллимаха (310–235 гг. до н.э.), что якобы в Сарматии есть озеро с дурным запахом, которое не может перелететь ни одна птица. Это озеро некоторые исследователи отождествляют с Сивашом (Мачинский 1971: 45, 46). Многоступенчатая передача информации в античной литературной традиции зачастую чревата поздними вставками. Мы не можем абсолютно исключать возможность того, что географическое название «Сарматия», приписываемое Гераклиду, на деле принадлежит самому Антигону Каристскому, тем более что два автора I в. до н.э., Исигон Некейский и Сотион, пересказывая тот же фрагмент из сочинения Гераклида, говорят не о Сарматии, а о «земле савроматов», где это озеро находилось.

К IV в. до н.э. относится сохранившаяся в некоторых источниках информация о сирматах. Это сообщение Эвдокса в передаче более позднего автора Стефана Византийского, который упоминает сирматов, живших вблизи Танаиса, а также упоминание сирматов в перипле Псевдо-Скилака, где они более определенно помещаются между Танаисом и скифами, т.е. на правобережье Дона. Существует мнение, что упоминание Эвдоксом сирматов относится к времени около 370 — 365 гг. до н.э., т.е. к первой половине IV в. до н.э. (Мачинский 1971: 44). При этом соотношение этнонимов «сирматы» и «сарматы» из письменных источников не ясно, хотя очевидно, что первый из них появляется раньше второго: этноним «сирматы» фиксируется с первой половины IV в. до н.э., а «сарматы» более или менее убедительно — с III в. до н.э. Кроме того, в письменных источниках мы практически не находим никаких версий относительно происхождения сарматов. Античные авторы обычно отождествляли сарматов с их предшественниками савроматами, считая, что в происхождении последних существенную роль сыграли скифы.

В работах археологов происхождение сарматов тесно связано с Южным Приуральем. В IV в. до н.э. здесь завершается формирование прохоровской культуры, за которой закрепился статус раннесарматской. В Южном Приуралье в V–IV вв. до н.э. сформировалось достаточно мощное объединение кочевников. Об этом свидетельствуют крупные курганные могильники, часто содержащие курганы больших размеров, раскопки которых, несмотря на ограбление, дали уникальные находки, являющиеся произведениями искусства, в большинстве своем выполненными из золота (The Golden Deer 2000; Яблонский 2008а: 17–334; 2008б: 41–78). Видимо, политическим центром этого объединения был бассейн Илека, левого притока Урала, где располагались такие известные курганные могильники, как Филипповка, Тара-Бутак, Мечет-Сай, Пятимары и др.

По одной из концепций последнего времени, прохоровская культура начинает формироваться в Южном Зауралье еще в конце VI — V в. до н.э. в результате взаимодействия различных этнических компонентов: местного, представленного бобровско-тасмолинской культурой; саков Юго-Восточного Приаралья; скифов восточноевропейских степей и лесостепи; кочевников Северного и Северо-Западного Китая. В конце V — начале IV в. до н.э. в результате наступившей в Южном Зауралье аридизации происходит переселение кочевников из этих мест в степные районы Южного Приуралья. Новый приток кочевников на Южный Урал пришелся на последнюю четверть IV в. до н.э. и был вызван дестабилизацией обстановки на южных границах расселения кочевников в связи с вторжением в Среднюю Азию Александра Македонского (Таиров, Гуцалов 2006: 321–341).

Отдельные положения этой концепции в настоящее время могут существовать на уровне научных гипотез. Особенно это касается участия в процессе формирования прохоровской культуры на его начальной стадии европейских скифов и кочевников, пришедших в Южное Зауралье от границ Китая. По крайней мере эти версии требуют дальнейшего углубленного исследования. Бесспорным является факт разнокомпонентной этнической основы формирования прохоровской культуры. Антропологические данные свидетельствуют о сложности генетических процессов в это время в Южном Приуралье (Яблонский 2006: 360, 361).

В IV в. до н.э. по ряду причин политического, демографического и экологического характера начинается миграция южноуральских кочевников в другие районы (Таиров 2003: 31, 50). Одним из наиболее изученных направлений этой миграции является западное и юго-западное, в сторону Волги и Дона, а также Северного Кавказа. Другое направление было ориентировано на юг, в Среднюю Азию.

Продвижение южноуральских кочевников в районы Поволжья и Подонья носило военный характер. Местное население Волго-Донского региона, вероятно, частично было инкорпорировано в состав нового объединения, в котором ведущие позиции занимали южноуральские кочевники. Об этом, в частности, свидетельствует влияние новых традиций южноуральского происхождения на местное население, отразившееся в погребальной обрядности (Клепиков 2002: 125–140; Скрипкин 2009а: 171–192).

Наличие памятников с элементами прохоровской культуры в саратовском и волгоградском Заволжье позволяет утверждать, что продвижение сюда южноуральских кочевников началось еще в первой половине IV в. до н.э. В середине этого века появление новых кочевников с востока начинает ощущаться на Нижнем Дону и в Прикубанье, где оно фиксируется как погребальными памятниками, так и дестабилизацией ситуации, выразившейся в возведении оборонительных сооружений на Елизаветовском городище в дельте Дона и на правобережных метотских городищах на Кубани (Виноградов и др. 1997: 93–103; Марченко 1996: 117, 118).

Появление новых кочевников с востока на Нижнем Дону по времени практически совпадает с фиксацией в античных источниках этнонима «сирматы». На Кубани кочевников того же круга, оставивших погребальные памятники с элементами прохоровской культуры, исследователи обычно отождествляют с сираками. С III в. до н.э. наблюдается нивелировка прохоровской культуры на большой территории — от Нижнего Поволжья до Южного Урала, где памятники названной культуры становятся практически неразличимы.

Существует мнение, что этноним «сирматы» — это неточно переданное первыми информаторами название «сарматы» (Максименко 2003: 30, 31). Однако тот факт, что этноним «сирматы» встречается у нескольких независимых авторов (кроме упоминавшихся Эвдокса и Псевдо-Скилака еще у Плиния), свидетельствует о значительной его устойчивости (Туаллагов 1999: 26–31). Так или иначе, но, видимо, с сирматами связано становление сарматского этноса в Волго-Донском регионе. По крайней мере с сирматами может отождествляться начальный этап утверждения здесь южноуральских кочевников, для которого в археологическом материале характерно сочетание раннепрохоровских и савроматских культурных элементов. С III в. до н.э., с отмеченной унификацией прохоровской культуры, исчезновением традиций савроматской культуры и наступившей стабилизацией в Волго-Донском регионе, начинают упоминаться сарматы. Можно предположить, что ранее в рамках крупного южноуральского объединения кочевников, гетерогенность которого подтверждается антропологическими исследованиями, находились отдельные подразделения кочевников, имевшие свои собственные названия. В начавшейся миграции первые их группировки, достигшие Дона и Кубани, носили близкие по звучанию названия: сирматы и сираки. Таких переселений могло быть несколько. С наступившей стабилизацией в III в. до н.э. в волго-донских степях, видимо, оформляется кочевое объединение, в котором стали доминировать кочевники с самоназванием «сарматы».

Расселение сарматов. Античная письменная традиция чаще всего помещала ранних сарматов, как и их предшественников савроматов, у Танаиса и Меотиды. Как уже отмечалось, наиболее предпочтительным из существующих мнений о времени появления области с названием «Сарматия» является то, которое относит это событие к рубежу IV–III вв. до н.э. или к самому началу III в. до н.э. При этом одно из первых упоминаний о Сарматии у Теофраста приведено без какой-либо конкретной ее локализации, из контекста его сочинения следует

лишь, что эта область должна располагаться рядом со Скифией. Поскольку античные авторы савроматские и сарматские земли помещают у Танаиса или к востоку от него, то, надо полагать, там же должна была располагаться и Сарматия Теофраста. Кроме того, у Теофраста Скифия и Сарматия упоминаются как равноценные области. В античной литературе сложилось представление о Скифии как об обширной стране, протянувшейся от Истра (Дуная) до Танаиса (Дона). Можно вспомнить рассуждение Геродота о ее территории, напоминающей квадрат со сторонами в 20 дней пути каждая. Видимо, и Сарматии не следует воспринимать как небольшую область, непосредственно примыкающую к Меотиде и Танаису. Привязка савроматов и ранних сарматов античными авторами только к этим местам была вызвана тем, что они долгое время не имели никакого представления о территориях к востоку от Дона. Танаис, вплоть до Страбона, воспринимался только как западный рубеж обитания сначала савроматов, а затем и сарматов. Да и Страбон, живший более чем на четыре века позже Геродота, не знал Волги — самой крупной реки Восточной Европы.

Достаточно определенно границы Сарматии, разделив ее на Европейскую и Азиатскую, называет в середине II в. Клавдий Птолемей. Восточная граница Азиатской Сарматии должна определять восточные рубежи Сарматии в целом в представлении античной географии. Азиатская Сарматия, по Птолемею, занимала территорию, ограниченную с запада Танаисом, восточным побережьем Меотийского и частью Понтийского морей. С востока граница Азиатской Сарматии проходила по западному побережью Каспийского моря, затем по Волге до ее изгиба южнее нынешнего Волгограда (по предположению В.В. Латышева, район Енотаевки Астраханской области), а затем на некотором расстоянии к востоку от Волги вдоль меридиана на север до неизвестной земли. Южная граница Азиатской Сарматии проходила между Черным и Каспийским морями через Колхиду, Иберию и Албанию. Северных пределов Азиатской Сарматии Птолемей не указывал (Скрипкин 1995: 84–87). Есть все основания полагать, что такое представление Птолемея о восточных территориях Сарматии, в данном случае Азиатской Сарматии, опиралось на предшествующую античную традицию.

С границами Азиатской Сарматии Птолемея практически совпадает первая часть северных районов Азии по Страбону, писавшему за полтора века до Птолемея. Западная ее граница проходила по Танаису, Меотиде и по части побережья Евксинского Понта, восточная — по Каспийскому морю. Каспийское море в его северной части Страбон (XI. VI, 1) считал заливом северного океана. Этот своеобразный пролив теоретически можно принять за Волгу. Сарматов Страбон упоминает как живущих между Танаисом и узкой северной частью Каспийского моря. По общему мнению исследователей, сведения Страбона этой части его труда восходят к трудам авторов III–I вв. до н.э. (Ростовцев 1925: 34, 35, 41, 42; Виноградов 1975: 36–43). С противоположной стороны узкой части Каспийского моря он помещает «восточных скифов» (Страбон, XI, VI, 1). Птолемей также отмечал, что Азиатская Сарматия с востока граничит со Скифией.

Владения савроматов, с которыми античная традиция отождествляла сарматов, также практически совпадают с территорией, очерченной Птолемеем для Азиатской Сарматии (Скрипкин 2009б: 355–358; 2009в: 29–39).

Таким образом, ретроспективное рассмотрение сведений о Сарматии, от Геродота до Клавдия Птолемея, позволяет утверждать, что территория междуречья Волги и Дона и, вероятно, Заволжье соответствовали ранней Сарматии античных источников. Южное Приуралье, где произошло становление прохоровской культуры, отождествляемой с ранними сарматами, находилось, согласно сведениям античных авторов, за пределами Сарматии. Страбон к востоку от «входа в Каспийское море» помещал даев (XI, 7, 1). Анализ соответствующего текста Страбона позволяет разместить даев в Южном Приуралье. Вероятно, даи стояли во главе объединения кочевников этого района, из которого выделились сарматы, освоившие земли до Дона.

С III в. до н.э. сарматы осваивают степные районы Северного Кавказа, вступая в контакты с местным населением предгорных и горных районов, сохранявшим традиции кобанской культуры (Абрамова 1993: 97–106; Керевов 1988: 88–138; Ковалевская 2005: 67–72).

Начавшаяся еще в IV в. до н.э., в связи с появлением сирматов к западу от Дона, дестабилизация политической ситуации в Северном Причерноморье на территории, которая по данным Геродота ранее принадлежала скифам, получила свое дальнейшее развитие в III в. до н.э. В начале III в. до н.э. происходит запустение Скифии, исчезают «царские» курганы, прекращают использоваться старые родовые кладбища. На 70–60-е годы III в. до н.э. приходится гибель эллинских и варварских поселений от Дона до Побужья и Поднестровья. Выявлены одновременные разрушения городищ среднедонской культуры в лесостепной зоне между Доном и Днестром. Большинство исследователей связывают эти события с масштабной военной акцией сарматов (Щукин 1994: 83–87; Виноградов и др. 1997: 93–103; Медведев 1999: 145–152).

Не исключено, что сарматы нанесли несколько ударов по Скифии. Первый из них, на рубеже IV–III вв. или в самом начале III в. до н.э., был направлен непосредственно против скифов и не затрагивал оседлого эллинского и варварского населения. Повторный удар в конце первой — начале второй трети III в. до н.э. сарматы наносят уже по оседлому населению Северного Причерноморья, в результате чего на большой территории от низовий Дона до Поднестровья одновременно гибнет большинство торгово-ремесленных и сельскохозяйственных поселений греков и варваров. Эти события могут быть сопоставлены с упоминанием Диодора о тотальном опустошении Скифии савроматами, поскольку в его время сарматов отождествляли с савроматами (Виноградов и др. 1997: 7, 18).

Не совсем ясно, каким образом сарматы осваивали территорию бывшей Скифии. Логично было бы предположить, что после исчезновения в Северном Причерноморье скифских курганов здесь без существенного хронологического разрыва должны были появиться погребальные памятники победителей-сарматов. Однако сарматские подкурганные захоронения появляются здесь лишь через зна-

чительный промежуток времени, не ранее II в. до н.э. (Полин 1992: 124–146; Симоненко 1993: 104–112). Исходя из этого, можно предположить, что сарматы осваивали территорию Северного Причерноморья постепенно, при этом вначале она могла использоваться в качестве кочевий, в то время как их родовые кладбища продолжали оставаться к востоку от Дона (Шукин 1994: 86, 87; Клепиков, Скрипкин 1997: 31). Вот почему в сообщении о нападении савроматов на скифов, принадлежащем Диодору Сицилийскому, речь идет не о захвате их земель, а об их опустошении, поголовном истреблении населения и превращении большей части их страны в пустыню (II, 43, 7).

М.Б. Шукин считал, что кажущееся отсутствие в Северном Причерноморье сарматских памятников, датируемых III в. до н.э., может объясняться неразработанностью скифо-сарматской хронологии. Он не исключал возможность датировать этим временем ряд погребений с элементами прохоровской культуры, обнаруженных в рассматриваемом районе. На их большое количество, как он отмечал, не стоит рассчитывать, поскольку периоды кризисов и политической неустойчивости обычно отмечаются «археологической пустотой» (Шукин 1994: 86). Относительно недавно была высказана точка зрения о принадлежности сарматам так называемой Тираспольской курганной группы в Северо-Западном Причерноморье, датируемой с середины III в. до н.э. по середину II в. до н.э. (Дзиговский 2003: 49–64). Существует и другая версия, обосновывающая принадлежность Тираспольских курганов скифам, переселившимся на Нижний Днестр с Нижнего Дуная (Бруяко 2005–2009: 340).

Со II в. до н.э. сарматские погребения уже достаточно широко представлены на значительной территории, ранее принадлежавшей скифам. На конец прошлого века таких погребений было известно более семи десятков (Симоненко 1999: 2). В основном они были обнаружены между Доном и Днепром, хотя отдельные сарматские захоронения этого времени известны и на правобережье Днепра. Такая археологическая ситуация свидетельствует о том, что сарматы основательно закрепили за собой эту территорию, поскольку начали сооружать здесь свои родовые кладбища.

Днепр в течение длительного времени оставался западной границей земель, постоянно закрепленных за сарматами. Об этом, в частности, свидетельствует карта Марка Агриппы, составленная в середине I в. до н.э. и определяющая Днепр как западную границу Сарматии (Подосинов 1988: 39–40). Основательно сарматы начинают осваивать земли к западу от Днепра вплоть до Дуная с I в. Однако, судя по целому ряду сведений, сарматы и раньше появлялись в разных районах Северо-Западного Причерноморья. Страбон упоминает о вынужденном переселении гетов и трибаллов за Дунай в связи с опасностью со стороны других народов, среди которых упоминаются и савроматы. Это событие датируется временем правления понтийского царя Митридата VI Евпатора. Флор упоминает сарматов к югу от Дуная в 76 г. до н.э. (Дзиговский 2003: 68–69). В 16 г. до н.э. Гай Луций отгеснил сарматов от Дуная (Симоненко 1993: 111). М.Б. Шукин, оценивая политическую ситуацию в Северном Причерноморье, полагал, что

основательный сдвиг сарматов на запад от Днепра мог произойти между 18 и 60–70 гг. н.э. (Шукин 2005: 62, 63).

В освоении сарматами новых земель наблюдалась определенная цикличность, которая инициировалась миграционными импульсами с востока. В результате миграций в Южное Приуралье в IV в. до н.э. кочевников из Южного Зауралья, Средней Азии и более восточных районов отдельная южноуральская группировка или группировки кочевников расширяют свою территорию на запад до Дона. Дальше в западном направлении они только дестабилизируют политическую ситуацию, нанося удары по Скифии и населенным пунктам Северного Причерноморья.

Во II в. до н.э. на значительном евразийском степном пространстве происходят крупномасштабные миграционные процессы, существенно изменившие этническую карту многих регионов — от западных границ Китая до Северного Причерноморья. Эти миграции спровоцировали хунну, основавшие в конце III в. до н.э. мощную кочевую империю, проводившую агрессивную политику по отношению к своим соседям. Изгнав со своих земель юэчжей, а затем и усуней, хунну спровоцировали подвижку сако-массагетского мира Средней Азии, приведшую к падению Греко-Бактрийского царства. Эти события оказали влияние и на этнический состав населения степей Восточной Европы. Здесь появляются новые названия отдельных кочевых объединений, а в материальной культуре распространяются вещи, обнаруживающие далекие восточные аналогии. Для погребальных памятников становится характерной северная ориентировка погребенных, не типичная для Волго-Донского региона в это время. В Северном Причерноморье она становится господствующей. Все эти факты свидетельствуют о притоке с востока в восточноевропейские степи нового кочевого населения (Шукин 1994: 137–140; Скрипкин 2000а: 17–40). Увеличение кочевого населения Сарматии привело во II в. до н.э. к окончательному освоению сарматами территории между Доном и Днепром. Области, расположенные западнее Днепра, до рубежа эр в основном были объектами их военных акций.

Заселение сарматами областей между Днепром и Дунаем по времени практически совпадает с появлением на восточных рубежах Сарматии новых кочевников — аланов. С их приходом начинается сдвиг ранее обосновавшихся в волгодонских и северопричерноморских степях сарматских объединений к границам Римской империи по Дунаю (Шукин 1994: 210–211).

Таким образом, население Сарматии периодически пополнялось за счет обширной области, располагавшейся к востоку от Волги и Каспийского моря и в античной географической литературе именовавшейся Азиатской Скифией. Неисчерпаемый людской ресурс этой области обеспечивал постоянную заселенность Сарматии. Уход различных сарматских группировок из Азиатской Сарматии на запад никогда не приводил к ее запустению (Skripkin 1994: 279–284).

Не исключено, что первоначально сарматами называлась лишь одна группировка кочевников, но в более позднее время этот этноним стал использоваться

античными авторами как собирательный для различных кочевых объединений, обитавших на территории Азиатской и Европейской Сарматии. Деметрий Каллатийский (III–II вв. до н.э.), в передаче Псевдо-Скимна, говорил о сарматах, живущих за Танаисом в Азии (Азиатской Сарматии). Протяженность их территории он определял в 2000 стадий — это примерно 370–390 км. Если это расстояние исчислять от Дона на восток, то в зону обитания этих сарматов войдет и Поволжье. Через незначительный промежуток времени сарматов как отдельное подразделение упоминает Полибий. В связи с заключением мирного договора в 179 г. до н.э. рядом понтийских государств упоминается царь европейских сарматов Гатал. Исследователи спорят о конкретном месте расположения сарматов Гатала. Более предпочтительным кажется мнение об их обитании к западу от Дона, который по наиболее распространенной в античное время версии считался границей между Европой и Азией (Скрипкин 2000б: 341–347). Были ли сарматы, упомянутые Деметрием и Полибием, одним политическим объединением или разными — ответить трудно. Специальное уточнение Полибием, что Гатал был царем европейских сарматов, наводит на мысль о том, что были еще и азиатские сарматы.

Новая этнокарта расселения сарматов, которая принадлежит Страбону, сложилась, видимо, после миграций II в. до н.э. В пределах Азиатской Сарматии (между Меотидой и Каспийским морем), границы которой позже очертил Птолемей, Страбон поместил сираков и аорсов, которые, по его мнению, являлись изгнанниками из племен, «живущих выше», причем аорсы обитали севернее сираков. Аорсов Страбон подразделяет на две самостоятельные группировки: аорсов, живущих «по течению Танаиса», и верхних аорсов, владеющих «большой частью побережья Каспийского моря» (XI, V, 8). Если соотнести это расселение с современной картой, то сираки должны были занимать Прикубанье и Восточное Приазовье, аорсы — левобережье Нижнего Дона, а верхние аорсы — северо-западные районы Прикаспия и Нижнее Поволжье.

Между Доном и Днепром Страбон помещал роксоланов (II, V, 7; VII, III, 17). Из его сообщения следует, что роксоланы занимали этот район уже во II в. до н.э. Между Днепром и Дунаем Страбон упоминает языгских сарматов и царских сарматов (VII, III, 17). Территории, занимаемые вышеназванными сарматскими группировками, не были постоянными. По данным Плиния Старшего, автора I в., происходит их смещение на запад. По его данным, языги уже помещаются на Среднем Дунае, в то время как территорию от Дуная на север и вдоль Черного моря занимают аорсы, роксоланы и аланы (Естественная история, IV, 80). Аланы раньше, видимо, занимали более восточные территории. Так, Иосиф Флавий помещал их «вокруг Танаиса и Меотийского озера» (Иудейская война, VII, 7, 4). Уход аорсов и продвижение роксоланов к Дунаю объясняется приходом в восточноевропейские степи в I в. новой группировки кочевников. С этого времени здесь в погребальных памятниках выявляется целый пласт восточных инноваций, находящихся параллели в древностях Алтая, Китая, Средней Азии (Щукин 1994: 207, 208), что свидетельствует об их, возможно, центральноазиатской прародине.

Исследователи в большинстве своем отождествляют вновь появившихся кочевников с аланами.

Таким образом, сарматы с IV в. до н.э. по I в. н.э. освоили огромную территорию от Приуралья до Дуная и стали значимой политической силой на северо-восточных рубежах античного мира.

Политическая организация сарматов. Письменные источники содержат весьма скудную информацию на этот счет. Особенно это касается ранних периодов истории сарматов. Нам практически ничего не известно об их политической организации во время завоевания ими Скифии и освоения регионов Северного Кавказа. Неизвестно, осуществлялись эти акции одним или несколькими самостоятельными подразделениями. Существует мнение, поддерживаемое рядом исследователей, что в конфликте за власть в Боспорском царстве в конце IV в. до н.э. приняли участие сираки, относимые к числу сарматских народов (Десятчиков 1977: 45–47; Марченко 1996: 113–115). Об этом конфликте сообщает Диодор Сицилийский, согласно которому после смерти боспорского царя Перисада разгорелась борьба за власть между его сыновьями Сатиром и Евмелом. Тот и другой привлекли союзников: Сатир — скифов, Евмел — фракийцев во главе с Арифарном. В указании здесь фракийцев исследователи усмотрели явное несоответствие, считая непонятной их причастность к военным действиям, происходившим на Кубани; к тому же имя царя Арифарн, по их мнению, явно свидетельствовало о его иранском происхождении. В связи с этим было высказано предположение, что здесь допущена ошибка переписчиками. В настоящее время наиболее приемлемой считается конъектура «сираки» вместо «фракийцы». Арифарн, сообщает историк, привел с собой 20 тыс. конников и 22 тыс. пехотинцев, и военные действия закончились победой Евмела. Если Арифарн действительно являлся царем сираков, то остается непонятным, какую часть сарматского мира в то время он представлял. Скорее всего, это была, видимо, та группировка кочевников, которая с середины IV в. до н.э. пыталась установить свой контроль в Прикубанье (Марченко 1996: 115, 116). В Подонье в это же время, видимо, обособилась другая группировка кочевников, именуемая в письменных источниках сирматами.

Следует отметить, что со времени бурных событий эпохи Митридата VI Евпатора, когда сарматы стали часто использоваться в конфликтах между различными противоборствующими сторонами и когда стали появляться разнообразные сведения о них, они никогда не выступали как единое политическое целое. До нас дошли имена сарматских царей: Арифарн, Сайтофарн, Гатал, Абеак, Спадин, Эвнон, Фарзой, Инисмей, царица Амага и некоторые другие. Это были как сарматские предводители, которые жили в разное время, так и те, кто возглавлял различные сарматские объединения в одно и то же время. Так, когда боспорский правитель Фарнак, сын Митридата VI, в 48 г. до н.э. решил отвоевать у римлян владения своего отца в Малой Азии, он привлек к этому мероприятию воинские контингенты сарматов — сираков, аорсов и верхних аорсов. Страбон, который описал это событие, отмечал, что царь сираков Абеак выставил 20 тыс. всадни-

ков, царь аорсов Спадин — 200 тыс., а верхние аорсы еще больше, так как владели более обширной областью (XI, V, 8). Имя царя верхних аорсов не называется, но его наличие подразумевается. В этом случае самостоятельные сарматские группировки со своими царями выступили консолидированно в качестве наемников в армии царя Боспора.

Но были случаи, когда кочевники, обитавшие на территории Сарматии, выступали друг против друга, являясь союзниками разных противоборствующих сил. Одним из примеров являются события сирако-аорской войны 49 г., изложенные Корнелием Тацитом (Анналы, XII, 15–21). В это время на Боспоре разгорелся очередной конфликт за власть между братьями Митридатом и Котисом. Митридат VIII, потомок понтийских Митридатов, являясь правителем Боспорского царства, придерживался антиримской политики и был с помощью римлян низложен с престола. Он вынужден был бежать в азиатскую часть Боспора, где стал создавать коалицию, с помощью которой рассчитывал вернуть власть над царством. Правителем же на Боспоре в это время был Котис, поддерживаемый римлянами. На стороне Митридата выступили сираки во главе с царем Зорсином, Котис и римляне привлекли на свою сторону аорсов, которых возглавлял царь Эвнон. Все эти события, сопровождавшиеся кровопролитными эпизодами, закончились победой Котиса и его союзников, а Митридат в конечном счете был выдан римлянам.

Тот же Тацит сообщает еще об одном инциденте, произошедшем в 35 г. в Закавказье, в котором также приняли участие сарматы, выступавшие за разные воюющие стороны (Анналы, VI, 31–33). Речь в данном случае идет о противостоянии Рима и Парфии, в которое были втянуты и другие государства — Армения, Иберия и Албания. В один из периодов обострения ситуации в этом районе иберы нападали на Армению, что вызвало негативную реакцию Парфии. После этого иберийский правитель Фарасман обратился за помощью к сарматам. Те, по словам Тацита, приняв подарки от обеих сторон, по обычаю своего племени решили оказать помощь и тем и другим. Сарматы, которые пришли на помощь иберам, были пропущены ими через кавказские горные проходы. Сарматы же, шедшие на помощь парфянам и Армении, не смогли воспользоваться этими проходами, поскольку иберы закрыли их. Участие сарматов в решающем сражении на стороне иберов определило его исход, парфяне потерпели поражение.

В этом эпизоде присутствует еще один интересный момент. Тацит отметил, что во главе обеих сарматских группировок, направляющихся в Закавказье, стояли скептухи. Тациту было известно, что во главе сарматских объединений стояли цари, это следует из его описания сирако-аорской войны 49 г. Не исключено, что в закавказском походе участвовали представители именно этих сарматских группировок, впоследствии втянутых в боспорский конфликт. В таком случае скептухи, стоявшие рангом ниже царей, могли возглавлять более мелкие кочевнические подразделения, входившие в состав племенных сарматских объединений, известных по письменным источникам. О статусе скептухов сообщает Страбон, который, описывая народы побережья Черного моря и упоминая, в частности, генио-

хов, отмечает, что «управляют ими так называемые „скептухи“, а эти последние сами подвластны тиранам и царям» (XI, II, 13). Наличие скептухов в сарматских объединениях сираков, аорсов, а возможно, и алан позволяет характеризовать их политическую организацию в каждом случае как сложное вождество, объединяющее несколько простых вождеств, во главе которых как раз и стояли скептухи, подчиняющиеся общему вождю, именуемому в источниках царем (Крадин 2007: 112).

Эти примеры показывают, что сарматский мир не был единым, он состоял из ряда самостоятельных этнополитических группировок, скорее всего, представляющих племенные союзы не выше «квазиимперского» уровня (Крадин 2007: 118). Для создания крупного политического объединения уровня «имперской конфедерации» (Барфилд 2009: 43), включающего большую часть сарматских подразделений, не было по крайней мере одного из двух главных условий, которые в специальной литературе формулируются следующим образом: возникновение государственности у кочевников предполагает достаточно большие численность и экономический потенциал подчиненного населения; степень централизации кочевников прямо пропорциональна величине соседней земледельческой цивилизации (Хазанов 2002: 364; Крадин 2000: 319). Итак, что же представлял собой цивилизованный мир, с которым в течение ряда веков соседствовали сарматы?

Античные полисы Северного Причерноморья являлись небольшими государственными образованиями, и даже Боспорское царство по экономическим и политическим возможностям не могло идти ни в какое сравнение, например, с Ханьской империей, к тому же оно по крайней мере со времен Августа находилось в зависимости от Рима (Зубарь 1998). С Закавказьем, где располагался ряд государств, сарматы непосредственно не граничили. Между ним и сарматами находился Северный Кавказ, горные и предгорные районы которого населяли многие местные народы несарматского происхождения, упоминаемые античными авторами. Существующие в Закавказье небольшие государства Иберия, Армения и Албания с I в. до н.э. были втянуты в военное противостояние сначала Рима и Понтийского царства, а затем в затянувшийся конфликт Рима с Парфией. Основными игроками на политической арене этого региона были Рим, Понтийское царство и Парфия. Об установлении сарматами контроля в это время над хотя бы одним из закавказских государств не могло быть и речи, этого не позволили бы сделать основные претенденты на гегемонию в этом районе. Об этом свидетельствует развернувшаяся с большим размахом подготовка Нероном кавказского похода, когда усилилось давление северных кочевников на Закавказье (Лысенко 2002: 95–116).

Во многих районах, где сарматы проявляли свою активность, особенно в первые века н.э., они сталкивались с интересами Рима, будь то Закавказье, Северное Причерноморье или Подунавье. Успешно противостоять интересам римлян и осуществлять свою гегемонию в течение длительного времени над отдельными государствами сарматские объединения не могли.

После победы Рима над понтийским царем Митридатом VI практически все государства Северного и Северо-Западного Причерноморья в разной степени попали в политическую зависимость от римлян. Оказание военной помощи этим государствам рассматривалось Римом как защита подступов к своим границам. Греческое население Северного Причерноморья, испытывавшее нарастающее давление сарматов, являлось естественным союзником Рима. Римская же администрация проводила свою традиционную политику, создавая в своем приграничье дружественные государства и с их помощью сдерживая противника еще на подступах к своим границам. Рим внимательно следил за событиями в Северном Причерноморье, поскольку оттуда исходила реальная угроза стабильности на его границах в Подунавье. Когда в третьей четверти I в. осложнилась ситуация в Крыму в связи с усилившимся проникновением на полуостров сарматов и возникновением реальной угрозы Херсонесу, Рим пришел городу на помощь. Наместник римской провинции Мёзия Плавтий Сильван оказал военную помощь Херсонесу, и угроза была устранена (Зубарь 1998: 44–51).

Интересны в этом плане наблюдения, сделанные Л.С. Клейном на основе археологического материала. Он обратил внимание на особенности распространения дорогой римской металлической посуды в восточноевропейских степях и ее сосредоточении во второй половине I — начале II в. в сарматских курганах Дона и Кубани. В отдельных случаях это были наборы парадной серебряной посуды, являвшиеся сервизами. По мнению Л.С. Клейна, такая посуда могла быть дипломатическими дарами римской администрации сарматским предводителям. Суть римской дипломатии заключалась в необходимости ослабления давления кочевников в двух важных для Рима районах: Закавказье и Подунавье. Подобная реконструкция может свидетельствовать об интересе Рима к глубинным районам варварской периферии с целью создания лояльных себе кочевнических группировок, которые могли «оказать сдерживающее воздействие на врагов Рима» (Клейн 1979: 204–221). Такая политика Рима не способствовала процессам консолидации сарматов.

Большой интерес вызывает обнаруженный в 1984 г. в Крыму у Мангупа эпиграфический документ, представляющий собой фрагмент мраморной плиты с текстом декрета, предположительно ольвийского происхождения. В декрете речь идет о тяжелом экономическом и политическом положении, в которое попала предполагаемая Ольвия, и о том, что чествуемый ею гражданин на свои средства сумел добыть продовольствие, а также совершить посольства в римскую провинцию Мёзия и к «величайшим царям Аорсии» (Виноградов 1994: 151–170). В декрете упоминается также посольство к некоему Умабию, но из-за испорченности текста неясно, имел ли он отношение к царям Аорсии. Ю.Г. Виноградов датировал события, упоминаемые в декрете, 60-ми годами I в.

Ранее исследователями была установлена сарматская принадлежность царей Фарзоя и Инисмея, известных по нумизматическому материалу. Монеты с именами этих царей чеканились в Ольвии в период с 50-х по начало 80-х годов I в. (Карышковский 1982: 72–76; Симоненко, Лобай 1991: 67–71). А.В. Симоненко на

основании сходства тамг, изображенных на монетах, пришел к выводу о родственных отношениях между двумя царями, полагая, что Инисмей являлся сыном Фарзоя. Ю.Г. Виноградов предположил, что Фарзой и Инисмей были царями Аорсии, упомянутой в Мангупском декрете, и осуществляли протекторат над Ольвией, являясь, в свою очередь, вассалами Рима.

Если сейчас сарматская принадлежность Фарзоя и Инисмея доказана достаточно убедительно, то в отношении того, какую группировку сарматов они возглавляли, существуют разные мнения. Одни из них полагают, что это были аорсы (Симоненко 1992: 158–162; 1993: 148–162; Виноградов 1994: 167–169), другие — аланы (Скрипкин 1996: 160–169; Дзиговский 2003: 87–103). В данном случае не важно, царями аорсов или аланов были названные выше правители, главное, что они возглавляли одно из подразделений, традиционно относимых к сарматам.

Выпуск в течение многих лет античным полисом монет Фарзоя, а затем и Инисмея предполагал какую-то форму зависимости этого полиса от варварских правителей. В данном случае речь, видимо, не идет о захвате власти и прямом управлении Ольвией этими царями, поскольку на монетах кроме царского титула имелись и монограммы архонтов города, что свидетельствует о сохранении полисного управления. Вероятно, с одной стороны, Ольвия, находясь в это время в окружении сарматов, была для них притягательным объектом эксплуатации, с другой — самим ольвиополитам, видимо, было выгодно номинально признать Фарзоя своим царем на условиях оказания им покровительства городу (Симоненко, Лобай 1991: 86).

Что же представляла собой Аорсия, каким был ее политический статус? В источнике на этот счет нет никакой информации, трудно даже определить точное местонахождение этого царства (Щукин 1995: 177). Некоторые исследователи видят в Аорсии раннегосударственное образование (Симоненко, Лобай 1991: 85; Зубарь 1998: 46). Сомнения насчет существования единого сарматского царства Аорсии, предположительно располагавшегося во второй половине I в. между Днестром и Дунаем, возникают в связи с организацией посольства чествуемым ольвиополитом сразу к нескольким ее царям. Если бы Аорсия была каким-то единым государственным образованием, то править в ней должен был в конкретный момент, о котором идет речь в декрете из Мангупа, один царь. Поскольку же в декрете речь идет о посольстве сразу к нескольким «величайшим царям Аорсии», то она не могла представлять собой единое целое в политическом отношении. При такой трактовке Аорсия должна, видимо, восприниматься как географическая область, в пределах которой располагалось несколько сарматских объединений, имевших своих правителей. Видимо, так воспринималась реальность того времени и жителями Ольвии, тем более что другие источники, в частности сочинения римских авторов, такого государственного образования, граничащего с империей по Дунаю, не знают. Показательный пример этому — данные Плиния Старшего, относящиеся к рассматриваемому времени. На территории предполагаемой Аорсии, от Дуная вдоль побережья Черного моря, он помещает целый ряд сарматских народов, в их числе гамаксобиев или аорсов, аланов и роксоланов,

которые, надо полагать, были самостоятельны в политическом отношении (Естественная история, IV, 80).

Этническая ситуация у границ Римской империи к северу и северо-западу от Дуная с момента появления здесь сарматов была достаточно пестрой. Кроме различных сарматских группировок в этом регионе обитали даки, свебы, геты, бастарны. Письменные источники свидетельствуют о том, что все эти народы во взаимоотношениях с Римом проявляли самостоятельность или, особенно в военных целях, создавали временные объединения. Так, Корнелий Тацит, повествуя о сложном периоде в истории Римского государства, связанном с гражданской войной 69–70 гг. и обострением ситуации на его границах, в том числе в Подунавье, упоминает о «племенах сарматов и свебов, объединяющихся против нас»; о сарматских языгах, правящих местными племенами; о сарматах, совместно с даками нападавших на Мёзию (История, I, 2; IV, 54). Сарматские объединения, действовавшие в этом районе (языги, роксоланы, аорсы), скорее всего, в политическом отношении представляли собой сложные вожества, включающие в основном родственные племена. В количественном отношении они могли состоять из нескольких десятков тысяч человек. Относительно сарматов мы не располагаем какими-либо демографическими данными, может быть за исключением тех случаев, когда источники упоминают о количестве войска отдельных сарматских объединений. Правда, трудно определить, насколько реальны цифры, приводимые античными авторами. Как правило, они их завышают: так, в приведенном выше рассказе Страбона о походе Фарнака в Малую Азию речь идет о представлении войск для данного мероприятия сираками, аорсами и верхними аорсами. Сираки выделили 20 тыс. всадников, аорсы — 200 тыс., а верхние аорсы еще больше. Из сообщения Страбона создается впечатление, что каждое из упомянутых объединений выставило все свое воинство, потому что во главе каждого стояли цари, и, кроме того, количество войска определялось размерами территории, занимаемой этими объединениями. Если исходить из принятого соотношения «один воин от пяти человек», то численность всего сиракского населения должна была составлять 100 тыс., что близко к реальности. Численность же войска аорсов и верхних аорсов явно завышена, поскольку аорсов в этом случае должно было быть около 1 млн человек, а верхних аорсов — и того больше.

Согласно Страбону, аорсы занимали территорию Подонья, причем, видимо, в основном его левобережья, поскольку между Доном и Днепром, по его же данным, в это время обитали роксоланы. Верхние аорсы жили в Северном Прикаспии и, видимо, в Нижнем Поволжье. Далее к востоку обитали даи. Таким образом, верхним аорсам принадлежала территория, которую гораздо позже займут калмыки. Образ жизни, специфика хозяйства сарматов и калмыков были достаточно близкими (Хазанов 1974: 213–219).

Численность калмыцкого населения, занимавшего прикаспийские районы и Нижнее Поволжье в течение XVII–XVIII вв., до ухода в 1771 г. значительной его части в Джунгарию, колебалась от 220 тыс. до 320 тыс. Эти данные опираются на многочисленные письменные свидетельства и переписи калмыцкого населения

(Колесник 1997: 37; 2003: 228–243). Данные калмыцкой демографии, по моему мнению, могут являться определенной проекцией для оценки численности кочевого населения региона в сарматское время.

Территория же аорсов, живших в Подонье, была гораздо меньше той, которую занимали верхние аорсы и позже калмыки, следовательно, их численность была значительно меньшей по сравнению с калмыками. Таким образом, вопреки мнению Страбона, аорсы и верхние аорсы не могли выставить столь внушительные воинские контингенты, которые он называл.

Упомянутые Тацитом объединения сарматов и других народов для выполнения военных акций в Подунавье могли составлять так называемые «ситуационные вождества» (Хазанов 2002: 370), которые не являлись долговременными, поскольку служили определенным целям и после их реализации могли распадаться.

В I в. в восточноевропейских степях появляются аланы, обозначившие свое присутствие здесь участием в военных акциях в основных конфликтных районах: Закавказье и Подунавье. Аммиан Марцеллин об аланах говорит следующее: «...они мало-помалу постоянными победами изнурили соседние народы и распространили на них название своей народности, подобно персам» (Деяния, XXXI, 2, 13).

Античные авторы с момента знакомства с аланами наделяли их эпитетами: «вечно воинственные», «могущественные». Аммиан Марцеллин отмечал, что с целью грабежа аланы доходят до Меотийского болота, Киммерийского Боспора и даже Армении и Мидии. У них нет ни храмов, ни святилищ, поклоняются они воткнутому в землю мечу, благоговейно, как Марсу (Деяния, XXXI, 2, 22–23). В связи с постоянной угрозой вторжения аланов в Закавказье правитель Каппадокии Флавий Арриан написал сочинение под названием «Диспозиция против алан».

Истоки этногенеза алан связаны с Центральной Азией, с юэчжами и усунями китайских источников. События, которые привели к поражению последних от хунну, и уход их в Среднюю Азию существенно повлияли на этнические процессы в этом регионе. Видимо, в Средней Азии и происходило формирование основного ядра аланов с последующим появлением их в восточноевропейских степях (Скрипкин 1990: 198–216; Габуев 1999: 79–118; Гутнов 2001: 53–104).

Подчинили ли аланы сарматские объединения, обитавшие ранее в степных районах Восточной Европы? Создается впечатление, что по крайней мере во второй половине I в. основные сарматские подразделения сохраняют свою независимость и упоминаются наряду с аланами. Например, Плиний, последовательно располагая разные народы к северу от Истра, аланов помещает между аорсами и роксоланами.

Обращает на себя внимание оперативность, с какой аланы появляются в достаточно удаленных одно от другого местах. В 72 г. они отметились вторжением в Закавказье (в близкое время, как отмечалось, Плиний упоминает алан в Подунавье). В 135 г. они нападают на Мидию, Армению и Каппадокию, а через некоторое время участвуют в Маркоманских войнах уже на Среднем Дунае. В связи

с этим появилась версия о том, что аланы — это не конкретный народ, а надплеменная организация, представляющая собой межплеменную орду, хорошо организованную в военном отношении, подчиняющуюся строгой дисциплине и нормам, характерным для родового общества. Такая орда может существовать за счет эксплуатации в какой-либо форме земледельческого населения (Наглер, Чипирова 1985: 87–91). Об аланах как надплеменной социальной организации писал и М.Б. Щукин. Свой взгляд на эту проблему он сформулировал следующим образом: ранние аланы, вероятно, еще не были особым народом или племенем в полном смысле этих понятий. Они могли представлять собой дружину аристократов, воинов-профессионалов. Это мог быть «своего рода „рыцарский орден“, имеющий родственные связи с аристократическими родами самых разных более стабильных кочевнических объединений от Гиндукуша до Дуная» (Щукин 1992: 119). Интернациональный характер организации аланов, по мнению М.Б. Щукина, делает безуспешными попытки убедительно выделить аланские археологические памятники по какой-либо совокупности признаков. Археологически они также неуловимы, как тюркюты в составе Тюркского или хазары в составе Хазарского каганата. Авторитет аланов способствовал впоследствии установлению их власти над различными сарматскими группировками, что приводит к вытеснению самого названия «сарматы» и замены его названием «аланы».

Эта версия получила развитие и в работах других авторов. Так, А.А. Туаллагов считал, что наименование «аланы» закрепилось за правящей верхушкой или кланом «азиатских скифов», представители которых были потомственными воинами и власть которых была сакрализована в соответствии с традициями иранского кочевого мира (Туаллагов 1997: 147–152).

Военизированные дружины из варварского населения, так называемые федераты или союзники, часто привлекались поздней Римской империей за регулярную плату для охраны своих границ. Такие воинские подразделения могли появиться и раньше. В этом отношении особый интерес представляют материалы «Золотого кладбища» на Кубани, которое датируется второй половиной I — II в. и было оставлено, по одной из версий, аланами. Большая его часть — это мужские захоронения, сопровождающиеся различным вооружением: мечами, кинжалами, копьями, наконечниками стрел, железными секирами. Во многих из них были обнаружены защитные доспехи, представленные панцирями и кольчугой. Обращают на себя внимание обилие и богатство других категорий вещей: одежды, расшитой золотыми бляшками, в сочетании с гривнами, браслетами, перстнями, поясными пряжками, выполненными в зверином стиле; импортной металлической посуды; деталей конской упряжи.

Характер археологического материала «Золотого кладбища» позволяет предположить, что оно оставлено воинами, принадлежащими к определенному роду войск — тяжеловооруженной коннице, так называемым катафрактариям. По данным письменных источников, катафрактарии вербовались из аристократической верхушки общества (Гущина, Засецкая 1994: 37, 38).

Причастность Рима к воинскому контингенту «Золотого кладбища» подтверждается наличием в погребениях большого количества бронзовой и серебряной посуды южноиталийского производства и других вещей, происходящих как непосредственно из Рима, так и из западных и восточных его провинций. При этом в ряде случаев была обнаружена посуда, которая входила в амуницию римских легионеров. В одном погребении было найдено бронзовое навершие в виде головы кабана, являющееся знаком римского штандарта. Обилие этих вещей позволило автору раскопок данного памятника Н.И. Веселовскому прийти к выводу о том, что он принадлежал «отуземившимся» римлянам. Однако и обряд погребения, и типы вооружения, и вещи, выполненные в зверином стиле, свидетельствуют о том, что на «Золотом кладбище» погребено варварское население сарматского круга (Гущина, Засецкая 1994: 38).

Время, предшествующее появлению «Золотого кладбища», и период его существования ознаменованы большой активностью сарматов на Северном Кавказе и в Северном Причерноморье. Рим использовал все возможности для ослабления давления сарматов на своих границах. В отдельных районах он действовал через своих вассалов. В рассматриваемом регионе Рим для этих целей использовал Боспорское царство, которое снабжал необходимыми средствами для выплаты наемным войскам, формируемым из варваров, и подкупа предводителей племенной верхушки.

История развития социально-политических структур кочевого мира евразийских степей не была одинаковой в пределах всего обширного евразийского степного пояса. Этот процесс зависел от многих слагаемых, в ряду которых важное место занимала политическая ситуация в конкретном регионе. На крайнем востоке степного пояса кочевому миру противостояло одно достаточно сильное государство — Китай, ставший единым в 221 г. до н.э. Это способствовало консолидации кочевников и образованию к северу от Китая империи хунну, являвшейся классическим вариантом типичной кочевой империи (Крадин 2007: 119). Видимо, теми же условиями объясняется появление на границах Китая в более позднее время Тюркского каганата и Монгольского государства.

В среднеазиатском регионе географические условия диктовали иное. Здесь кочевое население во многих случаях обитало чересполосно с земледельческими государственными образованиями, что приводило к оседанию части кочевников на землю. Мы не знаем ни одного случая, чтобы в Средней Азии на местной основе сформировалась кочевая империя, подобная хуннской. Зато здесь с очевидностью проявилась другая тенденция. Кочевники сыграли важную роль в образовании таких крупных держав древнего мира, как Парфянское и Кушанское государства, правящие династии которых были связаны с кочевым миром. Однако сами эти государства не являлись кочевыми державами.

В восточноевропейских степях, являвшихся основной территорией обитания сарматов, сложилась особая ситуация. Сарматы здесь столкнулись с целым рядом государств, имевших различный политический вес и преследовавших свои политические интересы, в достижении которых они ориентировались на разные коче-

вые объединения. Зачастую это приводило к военным столкновениям между отдельными сарматскими объединениями. Политика подкупа государствами Северного Причерноморья отдельных сарматских группировок, в данный момент соседствующих с ними, или признание в рамках договора каких-либо обязательств перед соседями-кочевниками не способствовали образованию на большей части восточноевропейского степного пространства единого сарматского объединения на долгосрочной основе.

Другим мощным фактором, не способствующим объединительным тенденциям сарматов, был Рим, проводивший политику сдерживания сарматского влияния на подступах к своим границам. С момента разгрома Понтийского царства и включения в свой состав территорий, прилежащих к Черному морю, Рим внимательно следил за событиями в глубинных степных районах и зачастую предпринимал упредительные меры, если видел опасность своим границам или своим союзникам.

Глава 6

ГУННСКАЯ ДЕРЖАВА

Неоднократно отмечалось, что жителей оседлых государств обычно удивляли быстрые взлеты и падения крупных и могущественных кочевых конфедераций, поскольку они не понимали нестабильной природы кочевых политий (Barfield 1993: 3; Kradin 2008: 147). Номады очень чувствительны к изменениям и, следовательно, легко адаптируются к такой новой ситуации, как стремительное формирование более крупного объединения или его распад. Исходя из этого, в случае изменений в кочевых политиях, особенно при возникновении суперсложного вожества, всегда требуется внешнее воздействие. Это происходит, в основном когда нomaды достаточно долго взаимодействуют с более организованными оседлыми обществами (Khazanov 1984: 147, 162, 164, 165, 168, 228–231, особенно 150, 151; Barfield 1989: 7; Kradin 2008: 120–121)¹.

Нет сомнений в том, что группы гуннов, когда они прибыли и обосновались на Нижнем Дунае и в Причерноморье в IV–V вв., имели дело не только с местным оседлым населением, но также с администрацией Римской империи. В связи с этим мы можем признать, что в данном случае у этих групп существовали определенные предпосылки для формирования суперсложного вожества.

К исследованию возможного возникновения у гуннов суперсложного вожества подталкивает тот факт, что появление этого феномена непосредственно связано с завоеванием (как правило, оседлых территорий), хотя, конечно, отнюдь не каждое завоевание приводило к возникновению суперсложного вожества или кочевого государства (Khazanov 1984: 229, 233; Kradin 2006: 15; 2008: 120). Ученые полагают, что покорение и завоевание оседлых сельскохозяйственных и го-

¹ Важно упомянуть идею Т. Барфилда, который пишет, что возникновение кочевого государства никогда не было ответом на внутренние потребности, но всегда было связано с влиянием внешних факторов.

родских обществ являются специфическим проявлением внешних факторов, которые вместе с внутренними особенностями, главным образом дифференциацией, могут привести к возникновению централизованной государственной власти у номадов². Иными словами, не только внешние (в частности, длительное завоевание), но и внутренние изменения, происходящие среди разбросанных, но временно объединенных групп скотоводов, могли привести к возможному возникновению кочевого государства.

Исходя из всего этого, нам необходимо исследовать социальное неравенство у гуннов. При этом надо помнить, что развитие сильной общественной дифференциации у номадов ограничено и предполагает использование внешних ресурсов, а именно земледельческого сектора. Следовательно, необходимо оценить, существовали ли подобные компоненты среди групп гуннов в такой степени, чтобы поддержать возможное возникновение у них суперсложного вожества (Kradin 2008: 113–122; ср.: Khazanov 1984: 163–165, 232, 233).

Тот факт, что, когда номады образуют более крупные и существующие в течение более длительных периодов конфедерации, но значимых изменений в их жизни не происходит, часто воспринимается как дилемма. Объяснений может быть два: утверждать, что либо государство существует и племенная субструктура является просто пустой оболочкой, либо что племенная структура существует, но никогда не образует настоящего государства (Barfield 1989: 5). Соответственно, чтобы разрешить проблему неприменимости терминологии оседлых обществ к истории пасторальных номадов, было введено понятие «суперсложное вожество» (Kradin 2005: 166, 165; 2006: 15; 2008: 114; 2009: 42).

Термин «суперсложное вожество» относится к такому состоянию общества, когда много групп номадов объединяются в более крупную единицу или конфедерацию, но некоторые особенности, характерные для государства, в частности большое количество специальных чиновников в государственном аппарате, отсутствуют (Kradin 2005: 115). У суперсложного вожества выделяются следующие главные признаки. Во-первых, когда группы номадов образуют союз или конфедерацию, объединение групп внутри конфедерации основывается на племенных связях. Во-вторых, номадная элита в суперсложном вожестве выполняет функции, которые связывают военную и гражданскую администрацию на более высоком уровне, тогда как рядовые номады формируют основные силы войска. В-третьих, власть верховного лидера, стоящего во главе конфедерации, базируется на его способности организовывать военные кампании и перераспределять материальные ценности, получаемые от торговли, дани и набегов на соседние государства (Kradin 2002: 383; 2009: 42). Все перечисленные элементы присутствовали у гуннов в первой половине V в., в частности в 440-е годы, когда верховным лидером конфедерации был Атила. Чтобы решить, действительно ли суперсложное вожество возникало между объединенными группами гуннов,

² А.М. Хазанов отмечает, что рост социальной дифференциации мог произойти в ходе экспансии или в результате успешной экспансии. Хотя такая ситуация может иметь место, она сама по себе не приводит к возникновению кочевого государства (Khazanov 1984: 228, 229).

я считаю необходимым рассмотреть каждый из этих элементов по отдельности, поскольку перечисленные свойства имеют некоторые дополнительные характеристики (Kradin 2005: 149; 2008: 114–116).

Суперсложное вожжество состоит из ряда объединенных групп, которые вместе образуют конфедерацию, ее численность может достигать нескольких десятков тысяч человек (Kradin 2008: 148). Было подсчитано, что конфедерация могла включать более 15 тыс. гуннов, а многие местные группы варваров могли состоять приблизительно из 50 тыс. человек (Heather 2005: 328, 330; ср.: Thompson 2000: 51–56). Группы объединялись вместе на основе племенных связей, и между группами существовала политическая иерархия. Кроме того, при этом формируются центр и группы (общины, племена и т.д.), зависящие от него (Barfield 1993: 148–150; Kradin 2005: 153, 154; 2008: 148). Весьма вероятно, что племенные связи и политические иерархии регулировали то, как группы гуннов и местные варвары объединялись в конфедерацию, о чем могут свидетельствовать сведения, приводимые Приском³.

Приск пишет, что Аттила, который в качестве верховного военачальника возглавлял союзнические группы гуннов и местных варваров в 40-е годы V в. (Jordanes, *Getica*, XLIX: 254; Priscus, fr. 2, fr. 24.1 in Blockley 1983: 224–227, 379, 316–319), послал своего старшего сына управлять акатирами⁴, которые были, по-видимому, группами кочевников, ставшими подданными Аттилы только несколькими годами ранее, и это могло означать политическую иерархию между группами (Priscus, fr. 11.2 in Blockley 1983: 274, 275, 386, 383). Кроме того, я утверждаю, что это указывает на то, что существует центр, от которого другие группы зависят и с которым они связаны. Иными словами, если Аттила и группы, близкие к нему, решали сделать что-либо, предполагалось, что другие должны были последовать за ними. Замечания Приска по поводу связи между Аттилой и акатирами также подразумевают, что политическая иерархия могла существовать между племенными группами, которые были частью конфедерации. Приск так пишет об акатирах, подчинившихся Аттиле:

«У этого народа было много начальников по племенам и кланам; император Феодосий послал им дары, для того чтобы они единодушно отказались от союза с Аттилой и предпочли мир с римлянами. Посланник раздал дары каждому из вождей не по рангу, в результате чего Куридах, старший по власти,

³ Приск — историк и дипломат, который служил при дворе императоров Восточной Римской империи Феодосия II и Маркиана. В 449 г. он посетил гуннов в составе посольства, отправленного Феодосием II для урегулирования разногласий с Аттилой.

⁴ По моему мнению, причина того, что сын Аттилы управлял акатирами, проистекает, скорее всего, из того факта, что Аттиле требовался кто-либо, кому он поручил бы присматривать за группой, с которой он имел конфликт. Если это так, то мы можем считать, что должность сына Аттилы означает не столько существование племенной политической иерархии, сколько право победителя управлять побежденной стороной, чтобы поддерживать мирную ситуацию. Даже если дело обстояло именно так, рассказ Приска об акатирах показывает, что у них существовала иерархия между группами или членами групп; одним словом, некоторые правители акатиров имели более высокое положение, чем другие.

получил дары вторым и, будучи обиженным и лишенным причитающихся ему почестей, призвал Аттилу против своих соратников-вождей. Аттила без промедления послал большое войско, одних перебил, других заставил подчиниться. Затем он пригласил Куридаха отпраздновать победу. Но тот, заподозрив злой умысел, ответил, что трудно человеку явиться перед лицом бога: „Если невозможно прямо смотреть на солнечный диск, как можно без вреда лицезреть величайшего из богов?“ Таким образом, Куридах остался со своим народом и сохранил свою власть, тогда как весь остальной народ акатирский подчинился Аттиле» (Priscus, fr. 11.2 in Blockley 1983: 258, 259).

В этом описании замечания Приска относительно «ранга», «почестей» и «старшинства по должности» между вождями групп дают веские основания предполагать, что племенная структура существовала не только на верхнем, но и на локальном уровне групп кочевников, которых можно считать гуннами (Barfield 1993: 148). Я полагаю, что даже среди акатиров некоторые группы или линиджи были более значимы, чем другие, и следовательно, создавалась иерархия, в которой одни вожди считались выше других (Priscus, fr. 11.2 в Blockley 1983: 266, 267). Я также считаю, что отказ Куридаха разделить лавры победы с Аттилой мог означать, что он должен был оказаться под владычеством Аттилы, если бы принял Аттилу как партнера. Если это так, то мы могли бы ожидать, что политическая иерархия доминировала среди групп в конфедерации и что Аттила происходил из рода, который занимал самое высокое положение. Это могло бы означать, что у гуннов в 40-е годы V в. могло развиваться суперсложное вождество. Однако все еще остается место для контраргументов: мы не должны исключать возможность того, что характеристика Куридахом Аттилы как своего высшего правителя (коль скоро Куридах привел сравнение Аттилы с солнцем) основывалась на общей родовой иерархии и не имела ничего общего с возможным возникновением суперсложного вождества.

Если представить, что племена формировали иерархическую структуру, характерную для евразийских кочевников, то, для того чтобы говорить о суперсложном вождестве, необходимо наличие верховного правителя и элиты, дабы обеспечивать единство (Kradin 2008: 114–116). Верховный военный руководитель должен иметь лояльную элиту для помощи ему на высших уровнях управления, и она была сформирована лицами, которые были связаны с верховным военным руководителем не только клановыми отношениями, но и личными связями. Кроме того, кочевая элита выполняла функции на высших уровнях военной и гражданской администрации, тогда как простые кочевники составляли основную массу армии (Kradin 2008: 114; 2009: 42). Вообще говоря, комментарии Приска об Аттиле позволяют предполагать, что подобная форма устройства гуннского общества в 440-х годах могла иметь место (Schmauder 2009: 157–159).

Когда Приск в 449 г. посетил гуннов как член делегации, отправленной Феодосием II к Аттиле, он принял участие в вечернем приеме, на котором также присутствовал дядя Аттилы Озбарсий (Priscus, fr. 14 in Blockley 1983: 290, 291). Ко-

роче говоря, это означает, что вокруг Аттилы группировались не только его надежные сторонники (Priscus, fr. 11, fr. 14 in Blockley 1983: 244, 245, 288–293), но и родственники, которые также его поддерживали. Кроме того, замечание Приска о том, что в 449 г. вдова Бледы (Priscus, fr. 2 and fr. 9.4 in Blockley 1983: 224–227, 379, 240, 241; Prosper Tiro, Ep. Chron., I, 480: 1353 in Maenchen-Helfen 1973: 85; Kelly 2008: 88; Heather 2005: 362; Thomspson 2000: 85, 97; Maenchen-Helfen 1973: 84, 103–106; Homeyer 1951: 78, 234; Schreiber 1976: 87; Bona 1991: 61; Wirth 1999: 65)⁵ управляла деревней (Priscus, fr. 11.2 in Blockley 1983: 260–261), в то время как Аттила был у власти, подразумевает, что Аттила не препятствовал членам своей разросшейся семьи занимать ответственные должности и даровал им важные назначения или высоко ценимые посты. В «имперской конфедерации» евразийских скотоводов, которая аналогична по сути суперсложному вождеству (Barfield 1993: 150; ср.: Kradin 2008: 114–116; 2009: 42), верховный правитель имел «имперских назначенцев», которые часто являлись членами имперского рода. Упоминание должности вдовы Бледы означает, что у гуннов это действительно имело место.

В числе «избранных» (logades)⁶ Приск упоминает не только родственников Аттилы⁷. Напротив, многие из «избранных», судя по всему, были друзьями или близкими партнерами Аттилы, что подразумевает использование Приском для «избранных» термина «друзья» (Priscus, fr. 11.1, fr. 11.2 in Blockley 1983: 244, 245, 266, 267; ср.: Maenchen-Helfen 1973: 193). О существовании «избранных» обычно говорят, чтобы указать на принципиальные изменения у гуннов (Heather 2005: 325, 326; Thompson 2000: 178, 179, 181–183, 192; Heather 2000: 230, 231; Kelly 2008: 113; ср.: Wirth 1999: 52, 138, 139; Stickler 2007: 80; Altheim 1951: 104, 105; 1962: 4, 281–286; Harmatta 1951: 139, 141; 1952: 299, 300), и в том числе о возникновении такой структуры, которая, как утверждается, является характерной и для имперской конфедерации, и для суперсложного вождества (Barfield 1993: 150; ср.: Kradin 2008: 114–116; 2009: 42).

В подобной структуре имеются три уровня организации власти. Самый высший уровень — имперский правитель, который является верховным руководителем всех объединенных групп в конфедерации. Второй уровень образуют имперские наместники, которые не обязательно должны быть родственниками верховного правителя, однако выбираются верховным правителем, чтобы действовать как его самые близкие партнеры и поддерживать контакты с объединенными племенами и вождями племен (Barfield 1993: 162). Наконец, третий уровень вождей состоит из местных племен. В то время как на самом высшем уровне верхов-

⁵ Бледа был братом Аттилы, умершим примерно в 444 г. Перед смертью Бледа и Аттила вместе управляли группами гуннов и местных варваров.

⁶ Данный термин, по сути, означает элиту общества, но переводится разными терминами (Maenchen-Helfen 1973: 192–195; Kim 2016: 83, 84; Pohl 2018: 240, 241). В этой главе, чтобы быть ближе к стилю источника, используется перевод «избранные». — *Ред.*

⁷ Поскольку среди евразийских кочевников было общепринято, что близкие родственники и надежные сторонники действуют совместно с верховным лидером, ситуация в конце 440-х годов не обязательно свидетельствует о возникновении суперсложного вождества.

ный правитель имеет большое влияние на тех, кто составляет второй уровень, наместники второго уровня не имеют аналогичного влияния на племена кочевников. Более того, на третьем и так называемом локальном уровне племенная структура оставалась неизменной при правлении вождей, власть которых базировалась на поддержке со стороны их соплеменников, а не на имперском назначении (Barfield 1989: 8).

Нет уверенности в том, означает ли термин «избранные» существование имперской конфедерации или суперсложного вожества у гуннов в 40-х годах V в., поскольку неизвестно, имелись ли в то время некоторые определяющие элементы, хотя некоторые из них могли присутствовать. Во всяком случае, нельзя согласиться с общим утверждением, что существование «избранных» могло означать статус Атилы как владыки, который поставил свою власть выше обычных пределов степного правителя и создал свой собственный двор и придворных, которые были преданы исключительно только ему, а не своим кланам (Heather 2000: 230, 231; 2005: 325–326; Kelly 2008: 113; Thompson 2000: 179, 181–183; ср.: Altheim 1951: 104, 105; 1962: 4, 281–286; 1951: 139, 141; 1952: 299, 300; Wirth 1999: 52, 138, 139; Stickler 2007: 80). Кроме того, утверждается, что это усиление правителя предвещало возникновение феодализма у гуннов и что положение богатого высшего класса укрепились до такой степени, что принадлежность к нему гарантировала могущественное ведущее положение в обществе гуннов (Altheim 1951: 104, 105; 1962: 4, 281–286; Harmatta 1951: 139, 141; 1952: 299, 300; Khazanov 1984: 157, 161; Thompson 2000: 178, 179, 181, 192). У меня есть сомнения принимать подобные утверждения по двум причинам.

Во-первых, Приск рассказывает нам, что один из «избранных», Онегесий, по-прежнему поддерживал хорошие контакты с членами своего клана, т.е. был, судя по всему, лоялен не только Атиле, но и группам, из состава которых он выделился (Priscus, fr. 11.2 in Blockley 1983: 266, 267). Приск также сообщает, что другой из «избранных», Берих, управлял многими деревнями (Priscus, fr. 14 in Blockley 1983: 292, 293). Таким образом, речь идет о том, что «избранные» не являлись имперскими назначенцами, которые должны были служить только верховному правителю (Thompson 2000: 181, 182). Во-вторых, короткие комментарии Приска о задачах «избранных» указывают на то, что причина, по которой они упоминаются как имеющие тесные отношения с Атилой, была связана не с их богатством, но с военной помощью, которую они оказывали Атиле. Более того, поскольку обязанности и даже сами имена «избранных» говорят об их причастности к военному руководству, я могла бы утверждать, что «избранные» являлись военачальниками своих собственных групп, а не имперскими назначенцами (Thompson 2000: 183; Heather in Thompson 2000: 231; Stickler 2007: 79, 80), т.е. скорее партнерами Атилы как верховного военачальника. Поэтому я согласна с точкой зрения, согласно которой «избранные» были военной элитой, состоящей из военачальников гуннов и местных варваров в конфедерации (Stickler 2007: 80).

Очевидно, что функции и ответственность военачальников в результате постоянных битв и переговоров с римлянами возрастали, и они могли потребовать поддержки на местном уровне. Более того, это могло привести к необходимости военачальников взаимодействовать с Атилиой на более постоянной основе, включая распределение обязанностей при выполнении таких текущих задач, как участие в переговорах о заключении мирных договоров с римлянами и поддержание контактов на низовом уровне с целью планирования новых набегов и вторжений. По этой причине я полагаю, что в числе «избранных» могли быть военачальники, которые выбирались не гуннами, а локальными политиями варваров, например готов, из собственного числа, чтобы возглавлять их в военное время (Priscus, fr. 11.2 in Blockley 1983: 250, 251). Я также согласна с теми, кто утверждает, что положение «избранных» могло быть подобно положению «капитанов» в описании Созомена касательно гуннского военачальника Улдина в 409 г. (Sozomen Hist. ecc., IX, 5:2; Maenchen-Helfen 1973: 193, 65–67; Thompson 2000: 38, 182; Heather 2000: 231; Wirth 1999: 35). Это означает, что «избранные» могли играть важную роль в масштабах конфедерации, поскольку они были военачальниками, а не только лидерами своих собственных кланов или племен (Thompson 2000: 182, ср.: Pohl 2003: 579, 580, 592)⁸. Это подтверждается заметками Приска о знаменитом воине Эдеконе («Эдекон, скиф, который совершал выдающиеся подвиги в войне») и об Онегесие как военачальнике крупных войск, подобном другим «избранным» («они командовали очень большим числом людей») (Priscus, fr. 11.2 in Blockley 1983: 250, 251, 268, 269). Поскольку Приск также сравнивает других «избранных» с Эдеконом, кажется очевидным, что «избранные», как правило, были военачальниками (Priscus, fr. 11.1 in Blockley 1983: 242, 243; ср.: Thompson 2000: 181, 182; Stickler 2007: 79, 80).

Приск сообщает, что Эдекон «был одним из задушевных друзей Атилы и что ему наряду с другими, выбранными из числа знатных лиц, было поручено охранять Атилу (он пояснил, что в назначенные дни каждый из них по очереди охранял Атилу с оружием в руках)»; это дает основание полагать, что высшее руководство у гуннов было в руках военачальников, среди которых Атила занимал верховное положение (Priscus, fr. 11.2 in Blockley 1983: 244, 245; ср.: Thompson 2000: 181; Stickler 2007: 80). Тот факт, что Приск не упоминает каких-либо различий в функциях «избранных», может подтверждать эту интерпретацию. Единственная разница среди «избранных», которую упоминает Приск, состоит в том, что Онегесий «по власти среди скифов уступал только Атиле» (Priscus, fr. 11.2 in Blockley 1983: 264, 265), хотя Приск сообщает также, будто Скотта утверждал, что он был «авторитетом для Атилы» и мог говорить и действовать «до Атилы на равных правах с его братом [Онегесием]» (Priscus, fr. 11.2 in Blockley 1983: 254, 255). В связи с этим возможно, что все «избранные» занимали, по существу, одно и то же положение по отношению к Атиле и, скорее всего, также в своих собственных группах (все они были военачальниками в своих

⁸ Исследование империи аваров, приведенное В. Полем (2003), указывает на похожую ситуацию.

группах), тогда как между Онегесием и Атилиой существовала самая тесная связь (Priscus, fr. 11.2 in Blockley 1983: 266, 267)⁹.

Еще одним подтверждением того, что отношения между «избранными» и Атилиой находились в рамках военной организации, является сообщение Приска, что Скотта и Онегесий были твердыми приверженцами Атилы и отказались предать его (Priscus, fr. 11.2 in Blockley 1983: 250, 251, 274, 275). Это могло быть связано с обязательством соблюдения преданности между воинами и верховным военачальником, которое было общепринятым среди евразийских скотоводов-кочевников (Barfield 1989: 26). Следует отметить, что даже имена «избранных» можно связать с их военными навыками, поскольку изучение этимологии этих имен говорит об их связи с военной доблестью, командными качествами и преданностью. В связи с этим я могла бы утверждать, что военное искусство высоко ценилось у групп гуннов и местных варваров, которые образовывали конфедерацию. Очевидно, что военные навыки и статус руководства войсками были важны в жизни тех, кто стоял во главе конфедерации, а именно Атилы и «избранных». Другой вопрос, говорит ли деятельность «избранных» о том, что они были ответственны не только за военные, но и за некоторые другие мероприятия в жизни суперсложного вожества, например за организацию вербовки в войска, в том числе на самом высшем уровне, за участие в переговорах и поддержание контактов с местными группами от имени Атилы (Barfield 1993: 150; ср.: Kradin 2008: 114–116; 2009: 42). Этот вопрос будет рассмотрен далее.

Самые важные функциональные задачи в большой конфедерации евразийских кочевников были связаны с воинскими обязанностями и переговорами (Barfield 1993: 149–151; Kradin 2005: 155–256; 2008: 114). Что касается гуннов в 440-х годах, то основными задачами «избранных» было, по всей вероятности, оказание помощи Атиле в поддержании хороших отношений с Римской империей. По существу, это означало участие в переговорах, заключении мирных договоров или решении спорных вопросов (Thompson 2000: 181; Stickler 2007: 80; Barfield 1989: 8).

Хроники Приска показывают, что отношения, в которые вступали римляне и «избранные», касались прежде всего разрешения спорных вопросов и переговоров в соответствии с распоряжениями, отданными им Атилиой (Priscus, fr. 11.2, fr. 11.1, fr. 14 in Blockley 1983: 250, 251, 242–245, 272, 273, 288–291, 254, 255). Верховные лидеры евразийских номадов обычно привлекали к участию в переговорах с соседними оседлыми обществами своих сторонников, поскольку они были не в состоянии делать всё сами. Подобные переговоры обычно подразумевали дарение подарков (Barfield 1989: 8; 1993: 149–151, 157; Thompson 2000: 181). Таким образом, привлечение к переговорам своих приближенных было для верховного правителя способом поощрить их, а те, в свою очередь, могли рассчитывать получить за свою поддержку преференции от правителя. По-видимому, нечто подобное должно было иметь место у гуннов, поскольку Приск утвер-

⁹ По сообщению Приска, «для того чтобы угодить жене близкого друга [Онегесия], он, [Атилла], ел, сидя на своей лошади».

ждает, что Атила не раз посылал делегации ко двору Феодосия II, чтобы получить богатые подарки, которые также доставались «избранным» (Priscus, fr. 10, fr. 11.2, fr. 14 in Blockley 1983: 240–243, 246–249, 254–257, 272, 273, 292, 293). Однако повествования Приска о пирах, которые Атила устраивал для самых важных членов конфедерации, означают также, что этот правитель чувствовал себя обязанным отблагодарить тех, кто действовал в тесном контакте с ним, помогая ему управлять конфедерацией (Priscus, fr. 13.1, fr. 14 in Blockley 1983: 282–287, 288–293).

В еще одной заметке Приска, которая относится к «избранным», проявляющим заботу об обязанностях, являющихся общей задачей самых близких компаньонов верховного правителя в суперсложном вожестве, говорится о заинтересованности Атилы в отправке одного из «избранных», Онегесия, для урегулирования конфликта с одной из групп, которая входила в конфедерацию (Priscus, fr. 11.2 in Blockley 1983: 258, 259, 266, 267; Barfield 1993: 150). Само наличие этого факта означает, что «избранные» выполняли функции посредников между верховным правителем и вождями местных племен (Kradin 2009: 42; Barfield 1989: 8; 1993: 150). Кроме того, история Приска о том, как его и его спутника Максимиана попросили встретиться с некоторыми из самых важных членов клана Онегесия, подразумевает, что «избранные» ощущали необходимость создавать и поддерживать контакты между теми, кто действовал не только на самых высших уровнях конфедерации, но и на местном уровне (Priscus, fr. 11.2 in Blockley 1983: 266, 267). Вместе с тем наличие у Онегесия хороших отношений с членами его клана могло также означать, что суперсложное вожество у гуннов еще не возникло, а военачальники, стоявшие во главе более крупных групп, были обязаны своим положением и авторитетом не верховному военачальнику, а тем кланам, которые поддерживали их в руководстве войсками.

Подобная дилемма касается еще двух записей Приска. В одной из них он упоминает, что «избранные» обсуждали способ исполнения одного из распоряжений Атилы, касающегося писем, которые необходимо было отправить Феодосию II: «Вскоре он, [Онегесий], с избранными людьми принял решение относительно желаний Атилы» (Priscus, fr. 14 in Blockley 1983: 288, 289). Здесь решения «избранных» могли относиться к их административным обязанностям. При этом если решения «избранных» имели даже незначительные расхождения с планом или распоряжениями Атилы, то это могло означать, что, хотя «избранные» и находились под верховным военным управлением Атилы, тем не менее верховный правитель вовсе не был таким всесильным, чтобы его ближайший партнер не мог повлиять на процесс принятия им решений (Heather in Thompson 2000: 230, 231; ср.: Stickler 2007: 80). Более того, Атила мог зависеть от других, особенно от одобрения его сторонниками предпринимаемых им действий (Priscus, fr. 14 in Blockley 1983: 288, 289; ср.: Thompson 2000: 179). В конечном счете, как известно, вожди евразийских пасторальных групп прислушивались к мнениям других, особенно старейшин, при принятии решений, чтобы избежать превышения своих полномочий (Kradin 2008: 149). Если привязать способ обсуждения

«избранными» решений Аттилы к этой практике общинного принятия решений, станет ясно, что правитель должен был действовать в кочевом обществе. Эта цитата из Приска позволяет предположить, что Аттила не освобождался от всех племенных обязательств и что племенные общества устанавливали ограничения на личную власть любого правителя (Thompson 2000: 179).

Имеется еще одна заметка Приска, которая может либо подтвердить, либо опровергнуть предположение, что деятельность «избранных» может быть свидетельством существования у гуннов суперсложного вожества. В этой заметке Приск рассказывает о том, что Аттила рекомендовал «избранным» дарить подарки римским посланникам. С одной стороны, можно утверждать, что Аттила достиг такого авторитета, что мог потребовать от своих ближайших сторонников делать все необходимое, что было в его интересах. С другой стороны, наверняка Аттила хотел, чтобы все представители групп, входящих в конфедерацию, вручали подарки от своих групп римлянам (Priscus, fr. 14 in Blockley 1983: 292, 293)¹⁰.

Перечисление задач, решением которых, по мнению Приска, занимались «избранные», позволяет предположить, что суперсложное вожество у гуннов в 440-е годы могло получить развитие. Это означает, что «избранные» были элитой, которая выполняла функции высших чинов военной и гражданской администрации, тогда как рядовые номады составляли основную часть армии. Кроме того, они могли быть связаны с правителем личными контактами и, исходя из этого, могли формировать управленческий аппарат суперсложного вожества (Kradin 2008: 114). Однако имеется ряд неясных моментов, которые не дают возможности сделать окончательные выводы по этому вопросу. Речь идет, в частности, о таком ключевом элементе суперсложного вожества, как наличие у верховного правителя официальных помощников, целью которых является выполнение специальных заданий (Kradin 2008: 114; 2009: 42; ср.: Barfield 1993: 149, 150). В частности, должны были существовать официальные лица, которые выполняли судебные функции и решали юридические вопросы (Kradin 2008: 115). Очевидно, что все «избранные» занимали подобное положение, однако утверждать, что они действовали как официальные лица, ответственные за конкретные задачи, я не могу, как нет сведений и о том, что кто-либо из них мог быть ответственным за решение правовых вопросов (Thompson 2000: 183; Heather in Thompson 2000: 231). Приск приводит только краткое упоминание о способе, которым Аттила разрешал споры (Priscus, fr. 11.2 in Blockley 1983: 276, 277). Он заслушивал стороны, а затем выносил решение. Это указывает на то, что гунны не имели письменного свода законов, который является признаком раннего государства (Kradin 2005: 149, 159; 2008: 115).

Что касается существования в гуннском обществе социальной дифференциации, являющейся характерным признаком суперсложного вожества, то необхо-

¹⁰ Цитата из Приска: «Аттила приказал каждому из своих приближенных проявить дружелюбие к Максиминому (послу, присланному Феодосием II. — *Авт.*) и послать подарки, и каждый из них, включая Бериха, отправил в дар коня».

димо проделать анализ длинных генеалогических списков, чтобы определить, существовала ли тенденция к отделению эндогамной элиты от простолюдинов (Kradin 2008: 114). Короткая ссылка Приска на благородное происхождение Аттилы и его родственников, намеки на «скифское величие», упоминания «членов царствующего дома» и «прислуживающих при царице лиц знатного происхождения», сообщения об «аристократии» дают основания полагать, что у гуннов могли существовать генеалогический порядок и классификация своего рода (Priscus, fr. 11.2, fr. 13, fr. 13.2, fr. 15.2 in Blockley 1983: 226–279, 284–287, 296, 297; ср.: Wirth 199, 137–140, 52, 65–67; Barfield 1989: 7, 8). Вместе с тем толкование текстов Приска не может быть однозначным. К сожалению, мы испытываем недостаток в убедительных и наглядных доказательствах относительно генеалогического порядка и ранжирования у гуннов, что предполагает осторожность в выводах.

По той же причине мы не можем утверждать, была ли социальная стратификация следствием ограниченного доступа к ключевым ресурсам внутри групп, которые формировали конфедерацию в 440-е годы. Это могло означать существование суперсложного вождества на определенном уровне (Kradin 2005: 148). Это также справедливо для получения дохода административной элитой и должно было бы базироваться на эксплуатации подданных и вознаграждениях, получаемых из центра (Kradin 2008: 114, 115). Однако каких-либо записей поздних римских авторов, которые могли бы свидетельствовать о том, что все это имелося у гуннов, у нас нет.

Примерно то же самое можно сказать относительно того, что элита могла получать подарки от рядовых скотоводов (Kradin 2008: 114, 115) или что существовала система, предполагающая взимание налогов или дани, или истребование доли прибавочного продукта и использование принудительного труда, — современники гуннов просто не оставили нам описания подобных общественных отношений (Priscus, fr. 11.2, fr. 14 in Blockley 1983: 264–269, 288, 289, 292, 293; Kradin 2008: 114, 115; Thompson 2000: 182)¹¹. Вообще говоря, ни один из вождей гуннов не мог разбогатеть благодаря своему положению — приобретение богатства всегда зависело от его собственной деятельности (Priscus, fr. 11.2 in Blockley 1983: 268, 269)¹². Что касается существования у гуннов рабов, то в записях Приска отмечается, что гунны хотели их приобрести, но в первую очередь ради того, чтобы заработать на них деньги, например посредством их продажи или использования в качестве воинов для захвата трофеев (Priscus, fr. 2, fr. 9.3, fr. 11.2, fr. 14 in Blockley 1983: 226, 227, 268, 269, 292, 293).

¹¹ В хрониках Приска есть сообщение о том, что гунны пользовались услугами рабов, полученных в качестве военной добычи. Однако тот факт, что рабы, имевшиеся у гуннов, могли заслужить свободу, свидетельствует о том, что гунны не использовали принудительный труд для приобретения богатства и что использование рабов было только временным.

¹² Приск упоминает, что вожди крупных подразделений могли предпочитать получать пленников, поскольку этих пленников, по всей вероятности, римляне выкупали за большие деньги. Это свидетельствует о том, что даже те, кто среди гуннов занимал высокое положение, должны были сами накапливать свое богатство, а не получать пленников просто так.

Существует еще несколько обстоятельств, которые свидетельствуют против того, что у гуннов во времена Атилы существовало суперсложное вожжество. Первым и наиболее значимым качеством верховного правителя в суперсложном вожестве является руководство войсками. Власть верховного вождя во главе конфедерации основывается по большому счету на способности вождя организовывать военные кампании, перераспределять материальные ценности, полученные от торговли, дани и набегов на соседние страны (Kradin 2002: 383; 2005: 158; 2009: 42), и управлять международными и военными делами (Barfield 1993: 149, 151). В сообщениях современников Атилы подчеркивается, что он прилагал все усилия, чтобы завоевать трофеи и богатство для своих сторонников (Priscus, fr. 9.3 in Blockley 1983: 236, 237), и что причины, по которым он организовывал набеги и нападения на Римскую империю, были следующими.

Во-первых, он знал, что от него ожидали получения материальных ценностей, поскольку это было его основной обязанностью (Thompson 2000: 187–189; ср.: Kradin 2005: 154, 158). Во-вторых, набеги могли бы сделать его сторонников довольными его руководством, поскольку их результатом было получение трофеев, рабов на продажу и подарков как платы за сохранение мира (Priscus, fr. 2, fr. 9.1, fr. 9.3, fr. 11.2 in Blockley 1983: 226, 227, 234–241, 268, 269; Kelly 2008: 113; Thompson 2000: 189; Heather 2005: 327). Приск сообщает, что мирные договоры с гуннами всегда включали соглашение о выкупе, который гунны могли получить от римлян за плененных римских солдат (Priscus, fr. 2, fr. 9.3 in Blockley 1983: 226, 227, 236, 237). Кроме того, Приск отмечает, что Атила требовал, чтобы Восточная Римская империя, чтобы поддерживать мир, осуществляла платежи не только ему, но и другим группам: «Они (Восточная Римская империя) были вынуждены платить дань не только скифам, но и другим варварам, соседствующим с Римской империей» (Priscus, fr. 9.3 in Blockley 1983: 236, 237).

Иными словами, Атила, очевидно, мог перераспределять материальные ценности, получаемые в результате получения дани и набегов на соседние страны, между группами, которые находились под его руководством. Аналогичная ситуация была с торговлей, поскольку мирные договоры с римлянами также включали соглашения по рынкам (Priscus, fr. 2, fr. 6.1, fr. 11.1 in Blockley 1983: 226, 227, 230, 231, 242, 243). Наконец, у нас есть сообщение Приска о том, что Атила объяснил Феодосию II, что не сможет удержать свои войска от широкомасштабного набега на дунайские приграничные районы Восточной Римской империи, если император не заплатит обещанные платежи за мир. Это показывает, что Атила зависел от гуннского войска (Priscus, fr. 9.1 in Blockley 1983: 234, 235). Более того, если Атила не смог бы организовать прибыльные военные мероприятия, он бы потерял свое положение лидера конфедерации (Barfield 1989: 7, 8; Thompson 2000: 189; Kelly 2008: 113; ср.: Kradin 2005: 158).

Все перечисленное выше показывает, что положение Атилы было целиком основано на его роли верховного военачальника. Такие функции типичны для предводителей евразийских кочевников вообще, они также имеют значение для обсуждения вопроса, можно ли считать гуннов времен Атилы суперсложным

вождеством. Несомненно, то, что Атила контролировал внешнеполитические и военные вопросы, было характерно для верховного вождя в суперсложном вожестве (Kradin 2005: 154–156, 158; 2009: 42; ср.: Barfield 1993: 149–151). Он поддерживал контакты с римлянами не только потому, что ему было необходимо обсуждать постоянные конфликты и договоры о мире, но также по причине своих личных интересов. Приск сообщает, что Атила и его брат Бледа получили в подарок переводчика Аэция, военного магистра из Западной Римской империи (Priscus, fr. 11.2, fr. 14 in Blockley 1983: 253, 254, 262, 263, 290, 291). Более того, если верить Приску, Аэций послал к гуннам в качестве заложника своего сына, чтобы обеспечить дружеские отношения между гуннами и Западной Римской империей (Priscus, fr. 11.2 in Blockley 1983: 256, 257). Атила, по-видимому, был также заинтересован в расширении контактов с римлянами посредством браков, поскольку, согласно Приску, потребовал от послов Восточной Римской империи найти в их государстве богатую даму, которая могла бы выйти замуж за переводчика Аттилы (Priscus, fr. 14 in Blockley 1983: 290, 291; Wirth 1999: 139). Наконец, утверждалось также, что сам Атила мог быть заинтересован в заключении брака с Гонорией, сестрой императора Валентиниана (Priscus, fr. 17, fr. 20.1, fr. 20.3 in Blockley 1983: 300, 301, 304–309).

Вместе с тем в гуннском обществе отсутствовал ряд черт, которые должны были быть в суперсложном вожестве, однако не упоминаются в качестве таковых ни одним из позднеримских авторов. Во-первых, никто из античных хронистов не упоминает, мог ли Атила принять на себя ответственность за редистрибуцию прибавочного продукта и материальных ресурсов (Kradin 2008: 148). Единственной зацепкой, которую можно было бы интерпретировать как признак этого, является комментарий Приска о том, что гунны время от времени совершали набеги на местные германские группы (Priscus, fr. 49 in Blockley 1983: 356, 357). Однако это никоим образом не отличается от общепринятого обычая кочевников, периодически нападавших на оседлые народы.

Во-вторых, у гуннов или племен, входивших в их конфедерацию, отсутствовал такой признак, как общая идеология, общие культы и ритуалы (Kradin 2008: 148). Нужно отметить, что рассказы Приска о вечерних пирах Аттилы и способе поднятия кубков в качестве приветствия каждому участнику, как и наличие фиксированных мест, касаются только общего приветствия и не должны интерпретироваться как существование ритуала (Priscus, fr. 13.1 in Blockley 1983: 282–287). С одной стороны, в ритуале принимало участие лишь небольшое количество людей, с другой — Приск упоминает обычную манеру поднятия кубков как элемент радушного отношения «скифов» к гостям (Priscus, fr. 14 in Blockley 1983: 290, 291; ср.: Thompson 2000: 182). Поэтому я считаю, что заметки Приска о вечерних пирах говорят только о том, что каждая культура имеет свой собственный обычай приветствовать гостей. Еще один способ приветствия описан, когда приехавшего в деревню Аттилу приветствовала группа девушек, гуляющих под скрывающими их большими тонкими покрывалами (Priscus, fr. 11.2 in Blockley 1983: 264, 265, 260–263). Приск, кстати, сообщает, что обычай предлагать жен-

щин существовал у гуннов как знак гостеприимства, поскольку, когда ему и его спутнику пришлось переночевать в деревне, во главе которой была жена Бледы, им предложили женщин.

Приветствие могло быть способом радушного приема знаменитого и высоко ценимого воина. Еще одной причиной теплого приветствия мог быть тот факт, что Онегесий, ближайший друг Атилы, жил в деревне, а благодаря дружбе с женой Онегесия, которая также пришла встретить Атилу, мог быть организован достойный прием. Даже если заметки Приска могли подразумевать существование общих культов или ритуалов, мы, однако, не можем сказать с уверенностью, что это были именно ритуалы, характерные для суперсложного вожества. Иной вопрос, что римляне могли не иметь соответствующей информации, поскольку они не присутствовали на подобных мероприятиях.

То же самое можно утверждать на основании археологического материала. Единственными находками, которые можно трактовать как имеющие отношение к культовым практикам, являются большие бронзовые котлы, обычные для евразийских скотоводов (Wirth 1999: 133, 134; Stickler 2007: 11; Bona 1991: 140–147; Maenchen-Helfen 1973: 306–337; Werner 1956: 57–61; Schmauder 2009: 103–106). Чаще всего считается, что котлы использовались для ритуальных целей (Wirth 1999: 133; Stickler 2007: 11; *ср.*: Werner 1956: 60; Bona 1991: 140–142; Schmauder 2009: 105, 106), однако мы можем только догадываться о цели таких ритуалов и о том, кто участвовал в них. Кроме того, некоторые ученые утверждают, что котлы могли быть просто посудой для приготовления пищи (Maenchen-Helfen 1973: 326, 327; Kelly 2008: 24; *ср.*: Werner 1956: 60; Bona 1991: 140–142; Schmauder 2009: 105, 106). По этим причинам я считаю, что лучше не говорить ничего определенного относительно роли котлов, особенно в связи с существованием у гуннов в 40-х годах V в. суперсложного вожества

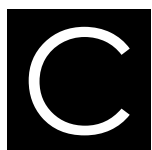
Я прихожу к выводу, что, если мы рассматриваем немногие свойства, которые можно отнести к общим культам и ритуалам у гуннов в 440-е годы, их просто слишком мало, чтобы говорить о суперсложном вожестве. То же самое можно сказать о сакральном характере власти и наличии теократии, которые перечисляются как характеристики суперсложного вожества (Kradin 2008: 148). Сомнительно, чтобы рассказ Приска о том, как гунны нашли меч Ареса и как этот меч был принят в качестве божьего одобрения власти Атилы, мог достоверно информировать нас о верованиях гуннов или выражать сакральный характер власти Атилы. Я могу даже предположить, что этот рассказ был просто придуман Приском (Priscus fr. 12.1, fr. 12.2 in Blockley 1983: 280–283). Подобным же образом я считаю, что рассказы, которые подробно излагают, как Атила доверился мнению шаманов о том, что его младший сын сможет продолжить победы своего отца, имеют мало общего с действительностью (Priscus fr. 13.1, fr. 13.3 in Blockley 1983: 284, 285, 288, 289). Даже если они являются правдой, то служить доказательством сакрального характера правителя у гуннов вряд ли могут. То же следует в отношении утверждений, что один из двух вождей гуннов во главе конфедерации, Руа (Ругила) и Октар или Бледа или Атила, мог иметь статус

мирского лидера, а другой — статус религиозного или сакрального предводителя (Jordanes, *Getica*, XXXV: 180; Priscus fr. 2 and 11.3 in Blockley 1983: 224, 225, 379, 280, 281; Werner 1956: 70–72; Bona 1991: 50; Berman 2000: 166–172; Kradin 2003: 82; Khazanov 2003: 43; Skrynnikova 2003: 135–146). В целом же никаких признаков наличия теократии у групп, которые сформировали конфедерацию под руководством Атиллы в 40-х годах V в., не существует.

Исходя из всего изложенного, можно утверждать, что вся деятельность конфедерации, о которой мы знаем, имела военный характер. Это подтверждает вывод о том, что еще во времена Атиллы конфедерация основывалась на непостоянном союзе групп или племен, которые были заинтересованы в совершении набегов с целью обогащения. Поскольку многие черты (хотя и не все), которые могли подразумевать существование суперсложного вожества, у гуннов и местных варваров, составлявших конфедерацию, отсутствуют, мы должны перестать говорить о наличии у них суперсложного вожества, не говоря уже о государстве или империи. Скорее всего, конфедерация групп гуннов и местных варваров была непостоянным объединением, которое могло трансформироваться в суперсложное вожество. Однако этого не случилось, поскольку всего через два года после смерти Атиллы, примерно в 453 г., союз групп гуннов и других местных варваров исчез. Иными словами, гуннская конфедерация снова распалась на множество малых групп, продолжавших вести кочевую жизнь, основу которой составляли скотоводство и торговля (Jordanes, *Getica*, L: 30–35; Priscus fr. 46 in Blockley 1983: 352, 353, 394; Wirth 1999: 113–116; Maenchen-Helfen 1973: 144, 150–152, 156–159, 161, 162, 164, 166, 167; Thompson 2000: 168–174; Kelly 2008: 210).

Глава 7

СЯНЬБИЙСКАЯ ДЕРЖАВА

сяньби, или сяньбийцы, — общее название различных кочевых племен, относимых китайскими источниками к этнической группе дунху. Термин «дунху» известен в Китае с периода Чжаньго (453–221 гг. до н.э.). После поражений от китайских войск, а затем от шаньюя хунну Маодуня в 209 г. до н.э. дунху покинули свои прежние кочевья на территории современной Монголии и отодвинулись в бассейн верхнего Амура. История этих племен весьма показательна, поскольку некоторые из них прошли путь от настоящих кочевников-скотоводов до оседлых земледельцев, воспринявших достижения китайской культуры и фактически полностью забывших свои степные обычаи.

Считается, что сяньби получили свое название от одноименной горы¹ в верховьях Амура², где они обитали по соседству с ухуанями — другим сяньбийским племенем, хотя и не создавшим собственной государственности, но тоже удостоившимся отдельного внимания китайских историографов. Оттуда сяньбийские племена продвинулись на юг и, начиная с годов правления ханьского императора Гуанью (25–58), стали совершать грабительские набеги на пограничные территории Китая вместе с хунну. В 48 г. шаньюй южных хунну признал власть Хань и уже на следующий год впервые прислал собственных послов. Китайцы постарались использовать сяньби в борьбе с непокорными северными хунну. В течение ряда лет сяньбийские вожди приходили с отрубленными головами врагов для

¹ Возможно, название горы Сяньби означало «гора, предвещающая счастье» или «счастливая гора» (Таскин, 1980: 61).

² Альтернативная локализация этой горы — территория Внутренней Монголии, в пользу чего может говорить отождествление В.С. Таскиным р. Жаолэ из «Хоу Хань шу» с р. Шара-Мурэн, на берегах которой сяньбийцы устраивали праздники и пиры (Комиссаров 1996: 24–28). Этого же мнения придерживался Г.Е. Грумм-Гржимайло (1926: 141).

получения наград. С 54 г. они стали получать от китайских императоров титулы *ванов* и *хоу*, защищая северную границу империи.

После того как в 91 г. шаньюй северных хунну был разбит, сяньбийцы заняли его земли. Имя сяньби приняло 100 тыс. юрт хунну, т.е. не менее полумиллиона человек. Даже если данная цифра, как справедливо считают ученые, сильно преувеличена китайским историографом, участие хунну в сложении сяньбийской народности весьма существенно, что затрудняет поиск собственно сяньбийских черт. С этого времени политика сяньби в отношении южного соседа резко изменилась — заняв в степях место воинственных хунну, они сами превратились в неуправляемую силу и начали систематические нападения на Китай. Доставалось не только китайским крестьянам, сяньби обрушивались и на своих кочевых соседей — хунну и ухуаней, на что те отвечали набегами. Ханьский двор, в свою очередь, охотно использовал ухуаней в борьбе с сяньби.

Н.Н. Крадин подсчитал, что с 97 по 178 г., т.е. за 80 лет, сяньби нападали на Китай как минимум раз в три года, как правило осенью и зимой (Крадин 1994: 30). Причину столь высокой интенсивности набегов указывает Т. Барфилд: более жесткая, чем у хунну, политика сяньби в отношении Китая была следствием раздробленности их политической структуры, в результате чего для сяньбийских племенных вождей самой желанной целью был доход от грабительских набегов, а не получение выплат посредством заключения договоров. Поэтому, например, около 167 г. сяньби не согласились на заключение выгодного мирного соглашения с Китаем, от чего никогда не отказались бы хунну (Барфилд 2009: 151). Рынки для торговли с ними были открыты в годы правления под девизом Юн-чу (107–113) (Кычанов 1997: 55).

Уже в конце II в. на территории современной Монголии насчитывалось свыше 50 отдельных сяньбийских кочевий. О наиболее крупных из них — ухуань, сяньби, цифу, туфа, шивэй, кумоси, кидань, туюйхунь, жуаньжуань, мужун (мун) — сохранились сведения в китайских исторических сочинениях. Факт расселения сяньби среди других монголоязычных племен может говорить в пользу их отнесения к одному из них (Материалы 1984: 56). В IV–VI вв. сяньби основали на севере Китая несколько царств, большинство из которых отличалось недолговечностью: Раннее Янь (333–370), Позднее Янь (384–409), Южное Лян (397–414), Южное Янь (398–410), Северное Янь (409–436), а также династии Северная Вэй (386–534) и Западная Вэй (535–557).

Ряд монгольских ученых склонны ставить знак равенства между хунну и сяньби, относя тех и других к протомонголам и, таким образом, решая вопрос о языковой принадлежности хунну в пользу монгольского языка. Так, Г. Сухэбаатар на страницах своей монографии, посвященной сяньби, утверждает, что ядро хунну и сяньби составлял один этнос; что знаменитый шаньюй Маодунь (Модэ) — то же лицо, что и первый предводитель тобасцев Мао; что сам этноним «тоба» может происходить от монгольского «дов» (холм, курган), причем автор находит в этом признаки тотемизма; что тобасцы были монголами и т.д. (Сухбаатар 2001)³.

³ См. также: (Сухбаатар 1975: 12–16).

Очевидно, основным занятием сяньби было кочевое скотоводство, на втором месте стояла охота. Автор «Истории Поздней Хань» Фань Е (398–445) перечислил животных, которые не обитали на китайских землях, но встречались на сяньбийских: дикая лошадь, дикая овца (аргали), соболь, белка, лисица, а также зверь *цзяо-дуаньню*, из рогов которого делали луки. Видовая принадлежность *цзяо-дуаньню* неизвестна. Одни китайские авторы сравнивали его с кабаном, другие с быком. Охотничья добыча не только использовалась на месте, но и вывозилась за рубеж. По крайней мере какая-то часть мехов отправлялась в Китай, где из них шили шубы (Материалы 1984: 70).

Однако разведение скота и охота не всегда покрывали потребности сяньби. Подобная ситуация рано или поздно складывается в любом кочевом обществе и обуславливается, как правило, не столько ростом населения, сколько катастрофическими природными явлениями, так как кочевое хозяйство очень сильно зависит от капризов погоды. В суровые зимы в степях порой гибнут миллионы голов скота. Впрочем, иногда на передний план действительно выходят демографические проблемы. Так было после гражданской войны I в. до н.э., когда часть хунну откочевала на юг, где жизнь была спокойнее и, видимо, сытнее, чем на севере. Для природы приток кочевников не прошел бесследно: в 48 г. до н.э. китайские послы увидели, что численность подданных шаньюя Хуханье увеличилась и они стали лучше жить, но близ границы исчезла дикая фауна (Материалы 1973: 37). На аналогичную причину указывает китайский источник и в случае сяньби, однако здесь приводится дополнительная, чрезвычайно интересная информация, каким путем их вождь Таньшихуай (141–181)⁴ нашел выход из создавшегося положения. Он привлек дополнительный источник питания, нетрадиционный для кочевников, — рыбу, причем для ее ловли ему потребовалось захватить людей в соседнем владении: «Численность сяньбийцев увеличивалась с каждым днем, скотоводство и охота уже не могли удовлетворить их потребностей в пище, поэтому Таньшихуай выехал осмотреть свои земли. Он увидел р. Ухоуцин⁵, тянувшуюся на несколько сотен ли. Там, где были заводы, встречалось много рыбы, но ловить ее сяньбийцы не умели. Услышав, что жители владения Вожэнь искусны в ловле рыбы сетями, Таньшихуай напал на востоке на это владение, захватил более 1000 семей и переселил их на берега р. (Ухоу)цин, приказав ловить рыбу, чтобы восполнить недостаток в пище» (Материалы 1984: 80).

Несомненно, Таньшихуай относился к разряду таких харизматических лидеров, как Модэ, Шэлунь или Чингис-хан — талантливых политиков и полководцев, основателей могущественных кочевых империй. Легенда приписывает ему небесное происхождение: он якобы был зачат от градины, упавшей в рот его матери. Фань Е рассказывает об этом человеке следующее:

⁴ О нем см.: (Gardiner, Crespigny 1977: 1–44).

⁵ Эту реку отождествляют с современной р. Лаохахэ (Материалы 1984: 322).

«Его отец Тоулухоу в прошлом три года служил в войсках *сюнну*, а его жена, оставшаяся дома, родила сына. Когда Тоулухоу вернулся, это удивило его, и он хотел убить ребенка. Однако жена сказала, что как-то днем, идя по дороге, она услышала удар грома. Когда она подняла голову, чтобы посмотреть на небо, ей в рот упала градинка, которую она проглотила, после чего забеременела и через десять месяцев родила сына. Этого ребенка, (сказала жена), несомненно, ждет необыкновенное (будущее), поэтому его следует вырастить и посмотреть, что его ожидает. Тоулухоу не послушал жену и выбросил младенца. Тогда жена тайно попросила домашних подобрать и вырастить ребенка, которому она дала прозвище Таньшихуай.

В возрасте 14–15 лет Таньшихуай уже отличался смелостью, физической силой и умом. Как-то старейшина другого кочевья похитил у родителей его матери крупный рогатый скот и овец. Таньшихуай один на коне погнался за похитителями, напал на них, и никто, куда бы он ни устремлялся, не мог противостать ему. Он отбил весь угнанный скот, после чего напуганные члены его кочевья подчинились ему. Затем он ввел предусмотренные законом правила для решения дел между правыми и виноватыми, причем никто не смел нарушать их. В результате его избрали старейшиной.

Таньшихуай учредил ставку на р. Чочоу, у горы Таньхань, в 300 с лишним *ли* к северу от Гаолю, и, поскольку у него было очень сильное войско, все старейшины восточных и западных кочевий подчинились ему. Благодаря этому на юге он грабил земли вдоль укрепленной линии, на севере отразил *динлинов*, на востоке заставил отступить (владение) Фууй, на западе напал на *усуней* и овладел всеми бывшими сюннускими землями, которые тянулись с востока на запад более чем на 14 тыс. *ли* и были пересечены горами, реками, изобиловали пресными и солеными озерами» (Материалы 1984: 75).

Постоянные набеги заставили Китай предпринять попытку умиротворить Таньшихуая, пойдя тем же путем, что и в случае взаимоотношений с хунну, т.е. заключения договора о мире, основанного на родстве (*хэцинь*). Это было очень выгодное для кочевников предложение, отчего хунну всегда старались получить его, однако сяньби повели себя иначе: «Вскоре двор, который все время беспокоили *сяньбийцы*, но с которыми он не мог справиться, отправил посла с печатью и шнуром пожаловать Таньшихуая титул *вана*, желая заключить с ним договор о мире, основанный на родстве, но Таньшихуай не согласился принять титул и стал пуще прежнего заниматься набегами и грабежами» (Материалы 1984: 76).

Таньшихуай умер в расцвете лет, и ему наследовал его сын Хэлянь. В отличие от отца, Хэлянь не отличался какими-либо талантами, был беспутен, алчен и несправедлив, что повлекло за собой мятеж его подданных. Он погиб от пущенной из самострела стрелы во время нападения на округ Бэйди. Его сын Цяньмань был слишком молод, поэтому власть перешла в руки Куйтоу — сына старшего брата Хэляня. Когда Цяньмань подрос, он вступил с Куйтоу в борьбу. Междо-

усобица привела к тому, что «народ рассеялся». По общему мнению историков, централизованная власть у сяньби зависела от личных качеств вождя и с его смертью переставала существовать. Именно так произошло после смерти Таньшихуая. Единого политического организма в степях больше не существовало, пока не появился другой прирожденный лидер — Кэбинен (?–235), старейшина одного из небольших сяньбийских родов, кочевавших поблизости от укрепленной линии. Покончив с политическими противниками, он возглавил кочевников. По своему характеру Кэбинен походил на Таньшихуая, был мужественным, щедрым, беспристрастным в судебных решениях, из-за чего народ и выдвинул его как правителя. Кэбинен давал прибежище китайским перебежчикам и научился от них письменности и изготовлению оружия. В управлении своим народом он подражал китайским порядкам. В частности, при выезде и возвращении с охоты выставлялись знамена, а удары барабана служили охотникам сигналами двигаться вперед или назад (Материалы 1984: 324). В связи с этим можно предположить, что у сяньби, как и у прочих насельников Центральной Азии, охота была излюбленным развлечением кочевой знати и простых воинов и одновременно служила для тренировки войска. В пользу этого предположения говорит факт проведения большой облавы на зверя при Илу (307–315), одном из предводителей тоба. В 312 г. Илу наголову разбил китайское войско под предводительством Лю Ио, после чего «произвел большую облаву в горах Шеу-ян-шань. От кож и мяса горы казались кровавыми» (Бичурин 1950а: 170). Цитированное вряд ли является преувеличением. Облавные охоты кочевников имели достаточно жестокий характер, даже несмотря на зафиксированный, например, у монголов обычай выпускать некоторую часть животных из облавного кольца на волю после массового избиения их сородичей. Поступали ли подобным образом сяньби, мы не знаем.

В отношениях с Китаем Кэбинен проявлял определенную гибкость и временами доставлял подношения, но сделать его своей марионеткой ханьский двор не смог, поэтому в 235 г. в степь был послан убийца, устранивший опасного кочевго вождя.

Железо сяньби нелегально получали из Китая. По-видимому, они были умелыми оружейниками или, во всяком случае, располагали пленными ремесленниками. Их вооружение существенно превосходило оружие и доспехи хунну, что в определенной степени обеспечило сяньби гегемонию в Центральной Азии (Худяков 2004: 654–656; Худяков, Юй Су-Хуа 2005: 7–18; Бобров, Худяков 2005: 80–200). Они были способны выставлять большие воинские контингенты. Так, под началом Таньшихуая, согласно китайским источникам, было до 100 тыс. воинов, которых китайцы считали физически крепкими и более сообразительными, чем воинов хунну.

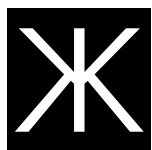
Городов сяньби не строили — для этого не существовало необходимых экономических предпосылок. Во всяком случае, археологам до сих пор не известно ни одного городища сяньбийского времени в Восточной Азии. Ставка Таньшихуая на р. Чочоу вряд ли была стационарной, тем более что Таньшихуай не возводил там себе дворец, как полагал Л.Н. Гумилев. Эта ставка кроме выполнения

административно-политических, редиистрибутивных и торгово-ремесленных функций должна была играть роль культурно-идеологического центра (Крадин 1994: 32). В населенных пунктах, находившихся на территории сяньбийской державы, селили пленных китайцев, которых заставляли обрабатывать землю, взимая в качестве дани часть произведенной ими продукции. Аналогично обстояло дело с ремесленниками (Крадин 1994: 33).

Период доминирования сяньби в монгольских степях иногда считают временем регресса. «Судя по данным археологии, при сяньби в Центральной Азии наблюдаются упадок культуры и общественный регресс по сравнению с предшествующим им государством гуннов». Замирает жизнь в городах и оседлых поселениях, сокращается ремесленное производство и земледелие (Кызласов 1992: 28). Кочевая культура сяньби по сравнению с культурой хунну представляется порою «примитивной» (Гумилев 1994: 29). Не вдаваясь в дискуссию по данному вопросу, отметим, что потомки кочевых сяньби пошли по пути прогресса намного дальше, чем южные хунну. В отличие от последних, тоже создававших в Северном Китае государственные образования (впрочем, эфемерные), одно из крупных сяньбийских племен — тоба — положило начало империи, просуществовавшей полтора столетия и объединившей под своей властью значительную территорию с многочисленным полиэтническим населением. Для той эпохи, получившей название «Шестнадцать царств пяти северных племен» (304–439), созданная тобасцами империя Северная Вэй, несомненно, может считаться «долгожителем». В течение достаточно долгого времени она противостояла Южному Китаю, захватить который, однако, так и не смогла. Вероятно, своим долгим существованием Северная Вэй была в определенной степени обязана не представлявшему для нее серьезной угрозы Югу, и в то же время консолидация Северного Китая под властью тобасцев могла послужить стимулом к усилению существовавшего в 402–555 гг. Жуаньжуаньского (Жужаньского) каганата (Барфилд 2002: 75 и сл.).

Глава 8

ЖУЖАНЬСКИЙ КАГАНАТ

ужани (или жуаньжуани), как и сяньби, считаются ответвлением дунху, которых обычно относят к монголоязычным народам. Вместе с тем их этногенез столь тесно переплетен с тюркским, что, возможно, ставить вопрос об этнической принадлежности этого народа, сложившегося на основе различных этнических субстратов и представлявшего собой конгломерат племен, не вполне корректно. Так или иначе, по версии «Вэй шу», начало этнониму «жоужань», позже замененному императором Северной Вэй Тоба Тао на близкое по звучанию уничижительное «жуаньжуань», что означает «пресмыкающийся, подобно насекомому» (Материалы 1984: 399), положил Мугулюй¹ — бывший раб, под предводительством которого собрались выходцы из разных племен, в основном изгои и искатели вольной жизни, а последующее расширение жуаньжуаньских владений сопровождалось включением разноэтничного населения, как сяньбийского, так и тюркского. По крайней мере почитание жуаньжуанями востока как будто должно указывать на их принадлежность к тюркам (монголоязычные племена почитали юг). Можно предположить, что сам Мугулюй и его соратники возвысились в чуждой этнической среде и, очевидно, на чужой земле. Поскольку они пристали к гаоцзюйскому кочевью Шуньтулинь, то могли впитать какие-то черты хуннуской культуры. Но какова была их национальная принадлежность, точно неизвестно. Возможно, прав С.Г. Кляшторный, предположивший на основе изучения одного из эпизодов, изложенных в «Бэй ши», что основатель династии был сородичем монголоязычных тобасцев (табгачей), правивших в то время Северным Китаем. Оторвавшись от своего племени, Мугулюй возглавил отряд степной вольницы, обозначавшийся в IV в. словом **nönör*, которое ныне передается в русском языке как *нукер*. Именно оно могло представлять собой транскрипцию этнонима «жоу-

¹ О попытке расшифровки его имени см. (Boodberg 1939: 230 и сл.; Материалы 1984: 398–399).

жань». Династийный род Юйцзюлюй принял это имя — Нёкёр, которое на страницах китайских хроник стало названием государства (Кляшторный, Савинов 2005: 55–59). Во всяком случае, жуаньжуани были наследниками культурной традиции Центральной Азии и создали кочевую империю, простиравшуюся на тысячи километров от Яньци (Карашара) на западе до Чаосянь (Кореи) на востоке и от амурской тайги на севере до южной окраины пустыни Гоби.

Отличавшийся решительностью и смелостью сын Мугулюя Цзюйлухуй подчинил кочевье Шуньтулинь, к которому его отец присоединился с сотней товарищей, и стал служить Северной Вэй. Он ежегодно приносил дань: домашний скот, лошадей, шкуры лисиц и соболей (Материалы 1984: 267). Здесь любопытно упоминание соболя. Это типично таежный зверь, а жуаньжуани захватили земли вплоть до тайги лишь при знаменитом кагане Шэлуэ (402–410). Не может ли отсюда следовать, что это кочевье уже на заре своей истории имело торговые или даннические связи с народами, жившими на севере современной Монголии и промышлявшими соболя в горах Хангая или Хэнтэя? В последующие годы (477, 508, 515) к северовэйскому двору иногда посылались соболя шубы (Материалы 1984: 277, 279, 290). В связи с этим заслуживает внимания замечание, что имя одного из потомков Шэлуэ — Булужэня могло быть китайской транскрипцией слова «булгачин», в котором пропущена буква «г». По-монгольски булгачинами называли промысловиков, специализировавшихся на добыче соболя. Поэтому, заключает автор данного замечания Ц. Хандсурэн, «этот человек либо был знаменитым соболятником, либо происходил из семейства, промышляющего соболями» (Хандсурэн 1993: 72).

Образ жизни жуаньжуаней емко охарактеризован в гл. 35 «Вэй шу»: «Земля жуаней Мэбэй (северный край Гоби) — высокая и прохладная, нет гнуса, пастбища и водопой лучшие. Летом они живут в северных краях, пасут скот, стада держат отдельно и сеют злаки. Осенью со своими стадами они собираются воедино и, уходя от холодов, кочуют к теплой земле на юг для грабежа» (там же: 94). Хозяйственный цикл кочевников представлен здесь в основных чертах. Благополучие жуаньжуаней зиждилось на наличии скота, выпас которого осуществлялся в процессе перекочевки. Осенняя откочевка к югу не была простым спасением от холодов, а совмещалась с грабительскими набегами на оседлое земледельческое население Северного Китая. Как известно, кочевое хозяйство зависит от связей с внешним оседлым миром. Зерно, ткани, ремесленные изделия, железо, украшения и т.д. кочевники были вынуждены выменивать у обитателей деревень и городов, но, поскольку торговля с «северными варварами» издревле была важным инструментом имперской политики Китая, она находилась под контролем государства и не всегда поощрялась, и тогда кочевники брали себе необходимые товары силой. Источники подтверждают, что жуаньжуани поступали точно так же и выбирали для набегов то же время года, что и другие северные племена различных эпох, — осень, когда боевые кони были «в теле».

По-видимому, история Центральной Азии не знает ни одного крупного народа, тем более создателя империи, который не прибегал бы к земледелию хотя бы

в качестве подсобного и второстепенного способа жизнеобеспечения. Поэтому есть основания подозревать его наличие и у жуаньжуаней, о чем говорится в приведенной цитате, но они едва ли достигли в нем больших успехов. Так, в 429 г. властями Северной Вэй была сделана попытка поселить несколько сотен жуаньжуаней близ пограничной стены, чтобы они там занимались земледелием, но результаты этого предприятия неизвестны (Воробьев 1994: 302). В 522 г. каган Анагуй (519/521–552) просил у северовэйского двора предоставить ему просо для посева. Император Су-цзун послал 10 тыс. *даней* (около 600 т) зерна. Однако на следующий год голод у жуаньжуаней не только не был преодолен, но даже усилился, и они пересекли укрепленную линию и занялись грабежами (Материалы 1984: 286), на основании чего некоторые историки полагают, что просо было ими просто-напросто съедено, а не пошло на посев.

Важной отраслью экономики каганата была выплавка железа, но занимались ею, как хорошо известно, не сами жуаньжуани, а подчиненные им тюрки. После разгрома тобасцами в 439 г. Северной Лян тюрки рода Ашина попросили у жуаньжуаней убежища, и те поселили их на Алтае, где они были обязаны добывать руду и отправлять железные изделия своим сюзеренам. Именно эти тюрки сыграли впоследствии решающую роль в ликвидации жуаньжуаньской гегемонии в Центральной Азии. «Шэлунь заслужил прозвище могущественного и процветающего. Он занялся скотоводством, переходя с места на место в зависимости от наличия воды и травы» (Материалы 1984: 269).

С восшествием Шэлуна на престол в 402 г. начинается история Жужаньского каганата. Он первым принял титул «каган» вместо бытовавшего прежде, еще с эпохи хунну, титула «шаньюй», который с этого времени вышел из употребления. По мнению известного филолога А.М. Щербака, титул «каган» (др.-тюрк. *qaγan*, ср.-монг. *haxan*), означающий «верховный правитель», «государь», едва ли имеет тюркское или монгольское происхождение. Подобным же образом широко употреблявшееся в Центральной Азии слово «хатун» (*qatun*, «женщина знатного происхождения», «госпожа») не тюркское и не монгольское; Г. Дёрфер считает его жуаньжуаньским (Щербак 1997: 132, 137). Иначе к решению этого вопроса подходит В.С. Таскин, согласно мнению которого титул «каган» принадлежит к древнемонгольской традиции, и как указывал японский исследователь Сиратори, он уже существовал либо в конце Поздней Хань (25–220), либо в период Троецарствия (220–280). Однако, подобно хунну, сяньбийские вожди титуловались шаньюями, а не каганами. Лишь смена этнической доминанты в Центральной Азии и усиление монголоязычных племен позволили последним принять свой, монгольский титул «каган» вместо тюркского «шаньюй», и первым, кто это сделал, был Шэлунь (Таскин 1986: 213–218). После него этот титул стал наследственным, хотя дважды в истории каганата сам народ избирал кагана (Датаня в 414 г. и Нагая в 492 г.). Формально каганы считались данниками Северной Вэй и предоставляли ей лошадей, шубы и т.д., что, впрочем, не мешало им вводить собственные девизы правления как независимым властелинам. За 57 лет, с 464 по 520 г., сменилось пять девизов правления (Воробьев 1994: 300).

Шэлунь установил военные законы, согласно которым тысяча человек составляли отряд, а сто человек составляли знамя. Тот, кто первым врывается в ряды противника, получает пленных и добычу, а трусов убивали, бросая в голову камни. Начальники и вожди первоначально подсчитывали количество воинов, используя овечий помет, но впоследствии жуаньжуани научились делать записи с помощью зарубок на дереве (Материалы 1984: 269).

Шэлунь имел постоянную ставку к северу от округов Дуньхуан и Чжанье, на реке Жолошуй, которая, возможно, соответствует нынешнему Эдзин-голу. В низовьях этой реки есть пересыхающее озеро Гашунь-нур, возле которого, вероятно, он и обосновался (Боровкова 1992: 62). Е.И. Кычанов полагает, что Жолошуй — это, возможно, река Халха, т.е. Халхин-гол (Кычанов 1997: 75). Однако постоянное расположение каганской ставки в определенном месте еще не говорит о начале седентеризации кочевников. Собственно, к этому не было и не могло быть серьезных оснований. Автор «Истории династии Сун» Шэнь Юэ писал о жуаньжуанях, что «у них нет городов, обнесенных внутренними и внешними стенами, и они занимаются скотоводством, переходя с места на место в поисках воды и травы. Жилищем служат войлочные палатки, которые переносятся туда, где они останавливаются. В их землях мрачные горы, на которых в разгар лета скапливается снег, а равнины тянутся на несколько тысяч *ли* (им не видно конца), как бы ни напрягали зрение. В степях нет зеленой травы, климат холодный, лошади и крупный рогатый скот жуют сухую траву и лижут снег, но от природы жирны и крепки» (Материалы 1984: 289).

Между 502 и 519 гг. жуаньжуани впервые построили обнесенный внешними и внутренними стенами город — Мумочэн (там же: 290). Местонахождение его до сих пор не установлено. Цинский историк Дин Цян писал о ставке Шэлуня, очевидно перепутав ее с Мумочэном: «Жужаньские места находятся в окрестности старого гуннского города, а этот город находится к северу от реки Тамир во владениях Сайн-нойон-хана» (Хандсурэн 1993: 79). А.В. Тиваненко считает, что, овладев в результате побед всеми «древними святыми местами Центральной Азии (Отюкен)», которые почитались многими тюрко-монгольскими народами, жуаньжуани приобрели еще большее политическое влияние в регионе. Мумочэн следует искать на территории современного Архангайского аймака (Монголия). Выбор этого места был не случаен: где-то в тех краях некогда располагалась столица державы хунну — город Лунчэн, где находились главнейшие святыни хунну, не утратившие своего значения и при господстве жуаньжуаней. Поэтому карательные походы войск Северной Вэй против последних заканчивались именно на Хангае: враги старались нанести удар по политическому и сакральному центру каганата (Тиваненко 1994: 63, 75). Итак, на сегодня пока есть только предположения.

Религией жуаньжуаней считается шаманизм. Ярким примером, подтверждающим это мнение, является скандальная история кагана Чоуну (508–519), которого долгое время дурачила шаманка, получившая над ним большую власть (Материалы 1984: 279–280). Отличались ли шаманские представления жуань-

жуаней от верований других кочевых народов Центральной Азии, сказать трудно, как и затруднительно предполагать, из чего складывался их сакральный комплекс в Мумочэне, если он там действительно существовал. По мнению известного исследователя шаманизма бурят Т.И. Михайлова, религия жуаньжуаней «представляла собой дальнейшее развитие религиозной системы предшествовавших племен и народов — хунну и сяньби» (Михайлов 1980: 131). К сожалению, ученый не привел аргументов в доказательство этого развития.

Тот же Чоуну в 511 г. передал через буддийского монаха Хун-сюаня украшенную жемчугом статую Будды в дар императору Северной Вэй Юань Кэ (499–515) (Материалы 1984: 279). На основании этого факта подчас возникают предположения о бытовании у жуаньжуаней буддизма или по меньшей мере о его принятии жуаньжуаньской верхушкой. Последнее представляется более вероятным, хотя доказательства этого также недостаточно убедительны. Так, около 475 г. у жуаньжуаней якобы находился зуб Будды и другие реликвии, привезенные из Индии, а в 552 г. по территории каганата проществовал североиндийский монах Наренда-Яма с шестью товарищами (Сухбаатар 1978: 67–68).

Есть мнение, что именно жуаньжуани первыми в Центральной Азии адаптировали древнеиндийскую традицию «двух правлений», согласно которой монарх управляет в соответствии с буддийским учением и оказывает ему всемерное покровительство, а находящийся при суверене буддийский патриарх благословляет светскую власть силой своего духовного авторитета. Между 420–450 гг. Фа Ай, *шрамана* из Лунси, был назначен государственным наставником благодаря своим познаниям в сутрах, шастрах и астрологии. Ему пожаловали 3000 дворов (там же: 67). Однако маловероятно, чтобы это назначение заметно изменило духовный климат каганата в целом. Проводя аналогию с монгольской династией Юань, где традиция «двух правлений» последовательно осуществлялась начиная с хагана Хубилая, мы будем вынуждены признать весьма слабое распространение буддизма в империи; имеется достаточно свидетельств, что рядовые монголы оставались шаманистами. Скорее всего, подобным образом обстояло дело и у жуаньжуаней. Не вполне ясен вопрос о пожаловании дворами в кочевом государстве. Согласно своему высокому статусу, Фа Ай должен был находиться при особе кагана, который если и имел постоянную ставку, то едва ли окруженную таким количеством дворов. Видимо, владение монарха располагалось не в степях.

В те же самые годы звание Небесного наставника государства в соседней Северной Вэй получил даосский отшельник Коу Цяньчжи. Вообще, возникает вопрос, не было ли предполагаемое усиление позиций буддизма при дворе жуаньжуаньского кагана реакцией на гонения приверженцев этого учения у южного соседа, где император Тоба Тао (423–452) издал ряд эдиктов, направленных на ликвидацию сангхи и даже физическое истребление буддийских монахов. Беглецы могли находить хороший прием на севере как достаточно надежные союзники и оказывать на кочевников, прежде всего, конечно, на их верхушку, культурное влияние. Возможно, они даже сформировали более или менее мощный социальный слой, способствовали укреплению контактов жуаньжуаньской знати с буд-

дийскими общинами Западного края и воздействовали на кагана, чем и объясняется в конечном счете введение принципа «двух правлений».

Подобно остальным населявшим Центральную Азию народам, у жуаньжуаней известен культ Неба, в тесной связи с которым находился харизматический лидер. Неудачливого кагана Доулуня, своей жестокостью побудившего уйгурского вождя Афучжило откочевать в 487 г. с сотней тысяч юрт и не сумевшего их вернуть, народ убил и вместо него поставил его дядю Нагая, так как люди были убеждены, что ему помогает само Небо. Нагай не соглашался стать каганом, но народ показал Нагаю трупы Доулуня и его матери, после чего он возглавил каганат (Материалы 1984: 278). Понятие о связи легитимного суверена с верховной сущностью картины мира кочевников — Вечным Небом — четко прослеживается у хунну, древних тюрков, киданей, монголов. Жуаньжуани вряд ли должны были являться исключением.

На примере Жужаньского каганата можно видеть действие свойственной Центральной Азии закономерности, когда степные империи возникали практически одновременно с укреплением централизованной власти в Китае. Действительно, государственность жуаньжуаней формировалась синхронно становлению империи Северная Вэй, которая, напомним, тоже была «варварской», поскольку ее основали кочевники тоба. Жуаньжуани и тобасцы практически одновременно ввели девизы годов правления и приняли верховные титулы с пространными эпитетами (Кычанов 1987: 112–113). Но субординация двух государств следовала традиционной китайской политической доктрине. В роли «Срединного государства» оказалась Северная Вэй, а «варварами», соответственно, были жуаньжуани. Они тревожили пограничные земли империи частыми набегами в надежде добыть «подарков» и торговых привилегий. Тобасцы, сами в прошлом кочевники, еще не утратившие навыков степной войны, сначала довольно успешно воевали с жуаньжуанями, используя стратегию, подобную ведению облавной охоты в степи. Они направляли войска по нескольким дорогам, чтобы окружить их и разгромить. Дойдя до южной окраины Гоби, они оставляли обоз, легкая кавалерия быстро пересекала пустыню и проходила стремительным рейдом по кочевьям неприятеля. Жуаньжуани порой не успевали укрыть свой скот, и он доставался победителям. Источники сообщают о случаях захвата миллиона голов скота. Особенно запомнился современникам поход 429 г., в результате которого было убито несколько сотен жуаньжуаньских старейшин, народ рассеялся, прячась в горных долинах, а скот разбрелся по степи, оставшись без присмотра (Материалы 1984: 273). Очевидно, тобасцы хорошо понимали, что полностью уничтожить кочевников невозможно, и использовали против них испытанный метод для их ослабления, организуя хотя бы одно крупное вторжение в их земли на протяжении жизни одного поколения. На восстановление сил жуаньжуаням требовалось не менее 10–20 лет. Пленных кочевников поселяли в гарнизонах на границе (Барфилд 2009: 203–204).

С течением времени процесс китаизации Северной Вэй привел к тому, что империя перешла к пассивной обороне своих северных рубежей. Она все больше

стала полагаться на укрепленную линию и отказалась от карательных походов в глубь жуаньжуаньских кочевий. Так, вторжение номадов в 504 г. в северные области Шаньси не вызвало ответного похода северовэйской армии; вместо этого один из тобаских генералов убеждал двор, что только постройкой укреплений можно оградить китайских крестьян от набегов варваров, «одетых в шерсть и пьющих кровь» (Jenner 1981: 81)². Дюжина гарнизонов создавала основу линии, протянувшейся дугой от Дуньхуана до района севернее Пекина. Сектор этой линии, который прикрывал Пинчэн и округ Дай, получил название «Шесть гарнизонов». Гарнизоны предотвращали возможность вторгшимся кочевникам откармливать своих лошадей на хороших пастбищах к югу от Гоби. Они контролировали сеть меньших укрепленных пунктов, а в случае нападения «варваров» должны были служить базами для контратак. Основу воинского контингента составляли тобасцы, но на границе служили также гаогюйцы, китайцы и представители других национальностей (Graff 2002: 98–99).

После переноса столицы в Лоян шесть северных наместничеств в районе Великой стены, где первоначально расселялись тобасцы, превратились в глухую окраину. Там постепенно накапливалось недовольство действиями центра. Гарнизонная элита была исключена из формальной системы рангов империи и не имела перспектив продвижения по службе. Она попала в разряд «гарнизонных семей» наряду с другими членами местных сообществ, в том числе потомками осужденных. Это явилось тяжелым ударом для людей, привыкших гордиться своим происхождением из «хороших семей» (там же: 99–100). Гарнизоны имели орошаемые земли для самообеспечения, но их фактически присваивали командующие и их штабы. В самом начале VI в. из-за повторяющихся засух здесь случился голод. Хуже всего было падение престижа службы на северной границе, которое произошло вследствие принятия северовэйским двором конфуцианской практики посылать на окраины осужденных преступников. Не случайно именно здесь в 523 г. вспыхнул военный мятеж, подорвавший могущество империи и в конце концов приведший ее к распаду на Восточную Вэй (534–550) и Западную Вэй (535–557), которые сразу вступили друг с другом в кровопролитную войну (Крюков, Малявин, Софронов 1979: 34; Jenner 1981: 82). Все эти события непосредственно влияли на ситуацию в Жужаньском каганате.

Номадизм не благоприятствует развитию науки и искусства, ограничивает он и ремесленное производство. Хотя памятники культуры жуаньжуаней считаются пока не обнаруженными, некоторые ученые полагают, что в каганате были достигнуты значительные успехи в медицине, астрономии, кузнечном деле и пр. (Сэр-Оджав 1971: 17). Высказана точка зрения, что распространение согдийской письменности среди монгольских народов приходится именно на время существования Жужаньского государства (Чулуунбаатар 2000: 11), хотя не менее обоснованной представляется версия о более позднем ее появлении. У жуань-

² Возможно, слова о том, что жуаньжуани пьют кровь, отнюдь не метафора. Известен обычай кочевников во время военных походов питаться кровью заводных лошадей, когда не было других возможностей утолить голод.

жуаней у первых среди кочевников Центральной Азии сложился институт дарханства (Сухбаатар 1978: 67), впоследствии известный у древних тюрков, уйгуров, монголов, казахов и других народов. Присваивать звание дархана было прерогативой кагана. Оно присуждалось за особые отличия перед каганом и избавляло от налогообложения, от наказания до девяти проступков и давало ряд других привилегий.

Л.Р. Кызласов охарактеризовал эволюцию жуаньжуаньского общества в следующих словах: «От кочевого скотоводства к оседлости и земледелию, от кошомной юрты к домостроительству и монументальной архитектуре, от кочевого аймака к городам и от невежества к знаниям, к созданию собственной письменности, развитию буддийской науки и самобытной культуры» (Кызласов 1992: 32). То, что развитие науки, пусть и в рамках буддийского вероучения, как и создание письменности — показатели прогресса, не вызывает сомнений. Однако считать за поступательное развитие общества переход от кочевого образа жизни к оседлому и от скотоводства к земледелию, на наш взгляд, есть меньше оснований, так как эти, по Л.Р. Кызласову, показатели отсталости суть просто способы адаптации к определенной природной среде.

Еще один показательный пример адаптации кочевников можно обнаружить в «Бэй ши», где повествуется о неудачном визите правителя хуннуского владения Юебань к кагану Датаню: «Владелец был в дружеских связях с жужаньцами. Однажды он с несколькими тысячами человек вступил в жужаньские земли, желая увидеться с Датанем. По вступлении в пределы его еще не проехал ста ли, как увидел, что мужчины не моют платья, не связывают волос, не умывают рук, женщины языком облизывают посуду. Он обратился к своим вельможам и сказал: „Вы смеетесь надо мною, что я предпринял путешествие в это собачье государство“. И так он поскакал обратно в свои владения. Датань послал конницу в погоню за ним, но не догнали. С этого времени они сделались врагами и несколько раз ходили друг на друга войною» (Бичурин 1950б: 259). Этот рассказ, возможно, первым в истории Центральной Азии раскрывает такую этнографическую деталь, как личная гигиена номадов (The Cambridge history 1990: 293), показавшуюся правителю Юебань далекой от приемлемых стандартов: в его владении, согласно тому же источнику, люди умывались трижды в день и лишь после умывания принимались за еду (Бичурин 1950б: 259). Позже сходные нелестные характеристики будут даны монголам (Мэн-да бэй-лу 1975: 75). Однако в пренебрежении кочевников водными процедурами не следует искать признаков «варварства» или доведенного до крайности пиетета перед чистотой рек и озер своей родины. Это всего лишь приспособленность к жизни в условиях, где вода не всегда доступна в достаточном количестве. Кожа кочевника, как и, допустим, обитателя тундры, хорошо адаптирована к отсутствию водных процедур и надежно защищает его от проникновения инфекции.

Природа не только кормила и снабжала людей необходимым сырьем, она могла быть и оружием — надо лишь уметь им пользоваться. По-видимому, в степях жуаньжуани были одними из первых, с кем связывается умение применять

в военных кампаниях магию, воздействующую на погоду: «В их владении умеют, используя колдовство, приносить жертвы Небу и вызывать ветер со снегом. [В результате] впереди ясное солнце, а сзади грязевые потоки воды. В связи с этим, когда они терпят поражение, их невозможно догнать. Если они прибегают к этому способу в Срединном государстве, то делается пасмурно, но снег не идет. На вопрос о причине этого они говорят, что в [Срединном государстве] тепло» (Материалы 1984: 290). Любопытно, что некоторые враги жуаньжуаней тоже использовали этот метод, причем весьма успешно. Во владении Юебань были люди, вызывавшие во время набегов жуаньжуаней продолжительный дождь, буран и даже наводнение. При этом могло погибнуть до трети личного состава армии интервентов (Бичурин 1950б: 260). Позже у различных тюркских народов подобный прием ведения военных действий был зафиксирован неоднократно. Для вызывания непогоды использовался так называемый «камень дождя» (*яда, джада*). Применяли ли камень жуаньжуани или им был известен другой способ вызывания дождя, неизвестно.

Жуаньжуани не стали оседлыми хлеборобами — жителями деревень и городов с процветающей культурой. Они так и остались вплоть до падения своей державы в 555 г. кочевниками, «бродящими за скотом в поисках воды и травы». Но внутри каганата действительно вызревали силы, нацеленные на смену традиционного образа жизни и приобщение к китайской культуре. Знаковой фигурой был уже упоминавшийся каган Анагуй, при котором находился китайский перебежчик Шуньюй Тань — консультант по проведению некоторых реформ, чья роль, по мнению Н.Н. Крадина, аналогична роли Чжунхан Юе при хуннском Лаошан-шаньюе или Елюй Чуцая при монгольском хагане Угедзе (Крадин 2000: 89–90). При каганском дворе был сформирован аппарат управления, включавший такие должности, как *мофу*, *сылифа*, *сыцзинь*, *тудоудэн*. Две последние были впоследствии заимствованы тюрками и известны соответственно как *иркин* и *эльтебер* (Кычанов 1997: 77). Анагуй мог планировать создание кочевнико-земледельческого государства по образцу других «варварских» династий того времени и даже на некоторое время перебрался в столицу Северной Вэй — Лоян.

Когда в 519 г. власть в каганате захватил Поломынь, Анагуй пришел просить помощи у Северной Вэй. Заслуживает внимания его мотивировка: «Анагуй просил поставить его перед троном императора, что император и приказал сделать. Совершив двойной поклон и встав на колени, Анагуй сказал: „Предки вашего слуги ведут происхождение от великой династии Вэй“. Император приказал ответить: „Мы хорошо знаем об этом“. Анагуй встал с колен и продолжал: „Предки вашего слуги пасли скот, отыскивая хорошую траву, а затем поселились на землях к северу от пустыни“» (Материалы 1984: 273). Этот диалог подтверждает вывод Т. Барфилда о том, что северовэйские императоры рассматривали жуаньжуаней не как чужеземцев, а как подобную себе, но менее развитую культуру (Барфилд 2009: 201). Анагуй получил при дворе Северной Вэй поддержку, так как империя надеялась таким способом подорвать единство каганата. Однако, добившись желаемого и вернув себе власть, он уже в 523 г. вторгся в пределы

Северной Вэй и захватил богатую добычу. В 533 г. он сватал при дворе Северной Вэй невесту для своего сына, но династия пала, и он породнился с двором Западной Вэй. Затем Анагуй нашел общий язык с правителями Восточной Вэй, с 541 г. предоставлял туда дань, а в 546 г. выдал за императора свою дочь. С этого времени «вдоль укрепленной линии Восточной Вэй воцарилось спокойствие» (Материалы 1984: 299).

В 552 г. Анагуй был разбит восставшими тюрками и покончил с собой, а в 555 г. остатки жуаньжуаней — более тысячи семей во главе с их предводителем бежали в Гуаньчжун в землях Западной Вэй. Тюрки просили истребить их, и император Гун-ди по совету императрицы связал свыше 3000 жуаньжуаней и передал их тюркам, а те отрубили всем головы, кроме юношей до 16 лет (там же: 295).

Неудача, постигшая жуаньжуаней в социально-экономическом развитии, могла вытекать из особенностей их взаимоотношений с Северной Вэй. Тобасцы долго не позволяли безнаказанно разорять свои земли и, не забыв еще свое кочевое прошлое, отвечали на набеги кочевников жестокими и успешными карательными походами, а не откупом и задабриванием, как чаще всего поступали императоры китайских династий. Поэтому жуаньжуани не смогли наладить выкачивание материальных благ с Юга и не включились в выгодный материальный обмен с западными странами. Видимо, в этом причина отсутствия у них градостроительства и крайне слабого земледелия. Они могли рассчитывать только на ресурсы своих степей.

На основании изложенного выше может показаться, что жуаньжуани не оставили после себя почти никакого наследия. Блестящая культура древних тюрков совершенно затмила скромные достижения Жужаньского каганата, а его население растворилось в тюркской среде, превратившись из господ в холопов, или мигрировало на запад, где стало известно под именем аваров. Действительно ли это так, однако, утверждать трудно. Неполнота сведений по истории и культуре каганата создает искаженную и обедненную деталями картину. Возможно, будущие исследования существенно ее дополнят. Во всяком случае, маловероятно, чтобы кочевая империя исчезла бесследно. Интересна гипотеза Б.Р. Зориктуева, что род чино, который, как известно, сыграл одну из решающих ролей в этногенезе монголов, был жуаньжуаньским. В начале второй половины I тысячелетия н.э. эти предки монголов переселились в горную долину Эргүнэ-Кун (Зориктуев 2003: 29).

Вехи истории династии

В 1-м месяце 386 г. предводитель сяньбийцев¹ Тоба Гуй при поддержке союзных племен принял в кочевой ставке Нючуань титул правителя царства Дай (Дай-ван). Через месяц он вернулся в свою столицу — г. Шэнлэ, а в 4-м месяце принял новый, еще более громкий титул «Вэй-ван» (правитель Вэй). Так было положено начало первой в китайской истории «иноземной» династии Северная Вэй (386–534), более века правившей половиной Китая.

В 398 г. Гуй перенес столицу в г. Пинчэн, разгромил мужунское царство Позднее Янь (384–409), провозгласил себя императором и вторгся в земли Китая, чтобы «усмирить Срединную равнину». В ходе завоеваний трех северовэйских императоров к 439 г. сяньбийцам удалось объединить весь Северный Китай и, положив конец междоусобной эпохе Шестнадцати царств, открыть эпоху так называемых Южных и Северных династий, или Наньбэйчао (Крюков и др. 1979: 25–29, 33–34).

К Северным династиям относятся: Северная Вэй (北魏; 386–534), Восточная Вэй (東魏; 534–550), Западная Вэй (西魏; 535–556), Северная Ци (北齊; 550–577), Северная Чжоу (北周; 557–581). Южные династии следующие: (Лю) Сун (劉宋; 420–479), Ци (齊; 479–502), Лян (梁; 502–557), Поздняя Лян (後梁; 555–587), Чэнь (陳; 557–589).

Становление северовэйской империи было сопряжено со многими сложными процессами и преобразованиями, в том числе со знаменитыми китаизаторскими

¹ Родиной сяньбийцев считают окрестности горы Сяньбишань и пещеры Гасяньтун во Внутренней Монголии. С 386 г. позиции лидера в племенном союзе сяньбийцев возвратил себе род Тоба.

«реформами Сяовэнь-ди» конца V в., одним из главных моментов которых был перенос в 494 г. столицы с северных окраин в центр Китая, в г. Лоян. К 528 г. в результате глубокого кризиса, вызванного дворцовыми переворотами и участвовавшими после 523 г. мятежами на севере империи, правящая династия утратила реальную власть и существовала лишь номинально. Особенно опасным был мятеж под руководством Гэжуна. В 528 г. сяньбийский племенной вождь Эрчжу Жун с трудом его подавил. В том же году он вступил в Лоян, казнил императрицу Ху и более двух тысяч сановников, после чего посадил на трон своего ставленника. В 532 г. соратник Эрчжу Жуна, сяньбиец Гао Хуань, истребил род своего покровителя и возвел на престол одного из немногих уцелевших принцев из династийного клана — Юань Сю. В 534 г. государство было разделено между Гао Хуанем и Юйвэнь Таем на два: Западное Вэй со столицей в г. Чаньань и Восточное Вэй со столицей в г. Е. Таким образом династия Северная Вэй прекратила свое существование, а борьба за власть на севере Китая разгорелась с новой силой и завершилась лишь в 581 г. созданием империи Суй (581–618). В 589 г. войска Суй форсировали р. Янцзы и уничтожили последнюю Южную династию Чэнь (555–589). Тем самым был положен конец четырехвековому «распаду великих сил Поднебесной» (Крюков и др. 1979: 34–36).

Полуторавековая история государства Северное Вэй справедливо соотносится с эпохой коренных для формирующегося китайского общества социально-экономических, политических и этнокультурных перемен (Крюков и др. 1979: 273). Появление единой империи после 200 лет смуты, войн и распада создало благоприятные условия для дальнейшего развития всех вошедших в ее состав племен и народов. Политическое объединение севера Китая способствовало усилению межэтнического взаимодействия, в ходе которого каждый из этнических компонентов империи претерпевал небывалые изменения.

О быстроте и масштабах этих изменений свидетельствовали глубокие сдвиги в этнической идентичности правивших тоба-сяньбийцев. Например, основатель северовэйской династии Тоба Гуи (Тай-цзу, Даоу-ди, 386–409) полагал, что у тоба-сяньбийцев исконные «государственные обычаи просты и безыскусны, страсти и желания малы», что «нельзя приобщать их к хитрости и коварству, обучать их ловкости и выгоде», якобы присущим китайцам. Но спустя 80 лет его праправнук Тоба Хун (Сяовэнь-ди, 471–499) выступал уже ярким противником старины, опасаясь, что в случае сохранения сяньбийских обычаев «через несколько поколений отпрыски И и Ло (сяньбийцы из Лояна. — *Авт.*) вновь превратятся в людей с распущенными волосами», т.е. варваров.

Специфика государственного развития в ту эпоху определялась множеством факторов, среди которых едва ли не наиболее значимыми были крайняя этническая разнородность населения, иноземное происхождение правящих тобийцев, их относительная малочисленность, социально-экономическая и культурная отсталость и т.п. Все эти особенности предопределили важнейшую роль этнического фактора в государственном строительстве и управлении северовэйской империи.

Государственное строительство в период становления династии

Чтобы восполнить нехватку людских ресурсов в столичном округе и ослабить сопротивление в покоренных землях, Тоба Гуй активно применял практику принудительных переселений. В 1-м месяце 398 г. он переселил на север 360 тыс. китайцев, мужунов, гаоли и прочих инородцев, а также свыше 100 тыс. мастеров «ста ремесел». В итоге население в районе Пинчэна выросло до 1,5 млн человек (Ли 2000: 353). Во 2-м месяце того же года вышел указ о подушном наделении «нового люда» скотом и полями. Кроме ремесленников среди переселенцев были тысячи членов семей чиновников, местных элит и мелких служащих. В 7-м месяце, согласно «Вэй шу» (ВШ, гл. 31–34: 2849–2850), Гуй перенес столицу в Пинчэн, в 8-м месяце был выделен пояс царских уделов в пригородах и земли (аймаки) восьми племен в загородном поясе столичного округа.

Попутно с обустройством столичного округа велось и создание новых государственных структур. В 11-м месяце была введена система чинов, званий и рангов, установлены законы, образцы музыки и ритуалов, созданы астрологические приборы и т.д. Проведением всех этих мероприятий, как сказано в «Вэй шу» (ВШ, гл. 33, 41–42: 621), руководил сановник-китаец Цуй Сюаньбо.

Перенос столицы, ввод административно-территориального деления и системы чинов, установление законов и прочие нововведения были лишь частными моментами тех общих глубинных процессов, суть которых заключалась в смене всей социально-политической структуры и бытовавших в тоба-сяньбийском племенном союзе отношений. Создание нового государства потребовало упразднения прежней структуры владений и племен, перехода от демократическому к авторитарному наследственному правлению, отказа от кочевого образа жизни в пользу оседлого земледельческого и т.д.

Одним из первых и важнейших средств, предпринятых для коренной перестройки государства и общества, стала политика «ропуска всех племен, раздела земли и оседлого поселения». В рамках этой политики были выделены упомянутые выше царские уделы и земли восьми племен в пределах столичного округа. Надзор за царскими уделами вели «великие мужи восьми племен» (*ба бу дайфу*), они же «постоянные наместники восьми царств» (*ба го чаниши*). Управлением восемью аймаками в окрестностях столицы ведали «командующие восьми племен» (*ба бу шуай*) из числа бывших вождей (ВШ, гл. 113: 2849–2850; Чжан 2003: 270–271; Ли 2000: 54–55, 59). Главы аймаков назначались правителем и уже не всегда выбирались из вождей племен, о чем говорит тот факт, что одним из управлявших аймаками «восьми князей» (*ба гун*) был в свое время китаец Цуй Сюаньбо (Тан 1955: 209).

Все восемь аймаков имели четкие границы. Приписанное к ним население частично сохраняло кочевой уклад, но было резко ограничено в свободе перекочевок и оказалось в положении рядовых податных, обязанных уже не просто приносить ежегодную дань, а нести бремя общих налогов и податей. Особое по-

ложение в этой системе занимали сами тоба-сяньбийцы и близкие к ним племена, которые составляли костяк армии и освобождались от налогов и повинностей во время службы, когда вели внешние военные действия и оказывали силовую поддержку внутренним реформам (Ли 2000: 58).

Вместе с тем роспуску племен и прикреплению к земле подверглись не все кочевники. Некоторые дальние или слабо контролируемые племена, например *гаоцзюй*, «по причине грубой и жестокой породы не несли повинности и подати, почему [им] и позволили выделиться в отдельное племя» (ВШ: 2309).

Сложный процесс роспуска племен, предполагавший коренную перестройку социальных связей и образа жизни кочевников, включал серию комплексных мер и не мог быть единовременной акцией. Он велся поэтапно, по мере покорения соседних племен, с 386 по 398 г. и включал минимум три волны переселений (Ли 2000: 38–39, 57–58). Из-за неблагоприятных обстоятельств первые две волны были очень недолгими, имели локальный характер и свелись к небольшим перемещениям тактического плана. Лишь упомянутое третье переселение, начатое в 398 г., обрело массовые масштабы. К этому времени Тоба Гуй уже одолел своих главных соперников и имел силы для принуждения подвластных племен к выполнению своих указов. К тому времени население столичной области сильно обновилось за счет китайских переселенцев, а местная система племен, уже не отвечавшая требованиям, приходила в упадок. Все это позволило Тоба Гую почти без помех распустить большую часть «всех племен в четырех сторонах», превратив их верхушку в чиновников и подданных — выражаясь языком «Вэй шу» (ВШ: 1812, 3014), перевести «всех их правителей и вождей в обычных податных» (Ли 2000: 52–53).

Наряду с административно-территориальными, социальными и экономическими переменами Гуй предпринял ряд важных политико-идеологических мер для обоснования законности новой династии. В 396 г. он ввел новую эру летоисчисления, получившую недвусмысленное название «Хуан-ши» («Имперское начало», 396–398). В 6-м месяце 398 г., говорит «Вэй шу» (ВШ, гл. 32–33), вышел указ «для уведомления Поднебесной» о принятии в качестве «наименования государства» прежнего удельного названия Вэй. В 12-м месяце Гуй принес жертвы Небу и Земле, принял императорскую печать и воссел на трон императора, пожаловав посмертные храмовые имена прежним правителям из рода Тоба. В 399 г. он начал службы в родовых храмах, чем утвердил официальную генеалогию предков-«императоров» (ВШ, гл. 33–36: 2734–2735). В 400 г. Гуй сделал императрицей свою бездетную жену из рода Мужун. Наконец, к 409 г. он изменил порядок наследования престола, отказавшись от традиционного лестничного принципа (от старшего брата к младшему и от дяди к племяннику) в пользу примогенитуры (от отца к старшему сыну) по китайскому образцу.

Смена принципа престолонаследия играла особую роль в новых условиях, так как отражала смену характера власти и имела прямое влияние на судьбы правящей династии и всей империи. Как известно, передача власти самому старшему, опытному и дееспособному лидеру, закрепленная обычаями лестничного наследования и левирата/сорората, являлась ключевым условием выживания для

многих древних кочевников, включая сяньбийцев. Переход от дуальных к многосторонним брачным союзам, когда исконный консортный род сталкивался с внешней конкуренцией и угрозой потерять статус главного партнера правящего рода, приводил к появлению экстренных механизмов для сохранения статус-кво, особенно в вопросах наследования власти. К числу таких механизмов, защищавших передачу власти-имущества в рамках исконной системы предписанных браков, относился известный сяньбийский обычай умерщвления матери наследника престола, направленный против женщин из непредписанных «внешних» родов (Golovachev 2002; Головачев 2002).

Традиционный порядок престолонаследия у тоба-сяньбийцев находился также в прямой зависимости от замкнутой системы предписанных брачных связей между несколькими родами². Но, по мере расширения связей с внешним миром, «ропуска племен» и исчезновения монополии на браки с правящим родом Тоба, этот порядок и обеспечивавшие его механизмы неизбежно утрачивали исконные силу и смысл. Более того, с созданием Северного Вэй лестничное наследование и предписанные браки стали противоречить личным династийным планам императора. Чтобы нейтрализовать влияние сяньбийской знати, прежде всего членов главного межродового тандема Тоба-Хэлань, Тоба Гуй, как уже говорилось, в 400 г. объявил императрицей не имевшую детей свою супругу из дальнего рода Мужун, а в 409 г. сделал наследником престола своего старшего сына Тоба Сы, рожденного от «внешней» супруги из рода Лю.

Чтобы эти решения обрели наибольшую легитимность в глазах кочевой знати, Тоба Гуй реализовал их в полном внешнем соответствии с сяньбийскими «древними обычаями». Так, его супруга из рода Мужун сначала успешно прошла испытание особым ритуалом отливки золотой статуэтки (Головачев 2002: 16–17), и лишь потом вышел официальный указ о ее назначении императрицей. Выбор едва повзрослевшего Тоба Сы в наследники престола был подкреплён умерщвлением его матери. Вероятно, лишь внезапная смерть самого Тоба Гуя от рук заговорщиков из рода Хэлань помешала ему довести дело до конца и закрепить свою волю в официальном указе.

О личных мотивах Тоба Гуя свидетельствует его беседа с наследником, в которой император сослался на необходимость оградить власть наследника от влияния родственников по матери. Но легитимность своих действий он счел нужным обосновать не авторитетом сяньбийских обычаев, защищавших интересы правящих родов, а неожиданной ссылкой на пример ханьского императора У-ди³ (Го-

² Сначала — дуально-симметричных браков между родами Хэлань и Тоба, позднее — асимметричных браков между родами Хэлань, Тоба, Лю и др. (Головачев 2002: 6–10).

³ «Вэй шу» сообщает (ВИШ, гл. 49): «Император [Тоба Сы] был искренен в сыновней преданности, скорбел и плакал [по матери], не в силах превозмочь себя. [В конце концов] Тай-цзу разгневался на это. Вернувшись во дворец, император [Тоба Сы] горевал безутешно, день и ночь плакал навзрыд. Узнав об этом, Тай-цзу вновь призвал его. Император хотел явиться, [но] приближенные сказали: „Почтительный сын служит своему отцу. Если [грозит] малое наказание, то [стоит его] принять. [Но] если [грозит] большое наказание, [то стоит] избежать его. Ныне Его Величество [Тай-цзу] преисполнен гневом. [Если] явиться, [последствий], пожалуй, не предугадать. [Могут] свергнуть

ловачев 2002: 17). Несмотря на явную искусственность отсылки к прецеденту из китайской истории, все акции Тоба Гуя, включая убийство супруги Лю, загадочную смерть императрицы Мужун и попытку убийства супруги Хэлань (второй жены Тоба Гуя, матери его второго сына Тоба Шао), были неизменно направлены на достижение одной главной цели — утверждение нового порядка престолонаследия по китайскому образцу.

Данный принцип престолонаследия реально возобладал после 409 г. и не нарушался до 528 г., т.е. почти до гибели династии. Но ликвидация Тоба Гуем системы предписанных браков не привела к исчезновению практики матрисуицида и попыток возродить лестничное наследование в Северном Вэй после 409 г. Уже в совсем иных государственных условиях эти древние обычаи внезапно «оживали» и активно применялись в политической борьбе всеми партиями, добивавшимися контроля над правителями династии. В частности, вкупе с воссозданной с середины V в. системой «суррогатных» предписанных браков⁴ обычай матрисуицида послужил мощным орудием в руках нескольких императриц-регентш, узурпировавших власть и заправлявших всеми государственными делами в Северном Вэй, в общей сложности около полувека (Golovachev 2002: 32–34; Головачев 2002: 19–20).

Этнический состав, положение народов и принципы управления

Население северовэйской империи представляло собой сложный конгломерат, включавший около 10 основных этнических элементов, среди которых тобасяньбийцы составляли чуть более четверти, или около 29%⁵. Все эти этносы были чрезвычайно разнородны, отличаясь один от другого по численности, уровню этногенеза и общественного развития, образу жизни, а также по культурной, языковой и расовой принадлежности. В этих условиях перед новыми правителями встала сложнейшая задача выбора наиболее эффективных принципов управления покоренными народами империи, независимо от их различий, при условии

императора [Тоба Сы] в непоправимое [положение]. Лучше уж удалиться, выждать, пока гнев [Тайцзу] рассеется. А явиться [никогда] не будет поздно“. Император [Тоба Сы] перепугался и последовал этому [совету]. И тогда, [якобы] отправившись в путешествие, бежал за пределы [дворца]».

⁴ Наличие системы «суррогатных» предписанных браков стало явным на рубеже 480-х годов, когда император Тоба Хун (Сяовэнь-ди, 471–499) достиг брачного возраста. Жены и наложницы Хуна выбирались из рода Фэн, из которого вышла сама регентша — императрица-бабка Вэнь Мин. Род Фэн стал главным брачным партнером Тоба, имитируя в «суррогатном» виде древнюю систему симметричных дуальных браков. Поставляя дому Тоба императриц и первых наложниц, род Фэн, в свою очередь, получал в жены тобийских принцесс. После смерти Вэнь Мин в 490 г. ситуация мало изменилась, так как на смену Фэн пришел новый доминирующий консортный клан Гао (Holmgren 1995: 110; Golovachev 2002: 32–34).

⁵ По подсчетам В. Эберхарда, основанным на материалах династийных историй, численное соотношение 10 основных этнических элементов в Северном Вэй было следующим: китайцы (56%), тоба (25%), сяньбийцы (4%), сюнну (8%), тибетцы (5%), мань, монголы (кидани и учжи), корейцы, туркестанцы (и индийцы), юэжжи — 2% (Eberhard 1949: 10).

сохранения военно-политического господства тоба-сяньбийцев. Теоретически эта задача могла решаться двумя путями и иметь двойственные последствия.

1. Закрепление этнической иерархии, жесткое противопоставление правящего и покоренных этносов, их обособленное существование и внутриэтническая консолидация. Государственная политика в этом случае в отношении тоба-сяньбийцев обрела этноохранительный характер, а в отношении прочих этносов — сегрегационный, дискриминирующий и репрессивный характер.

2. Межэтническая интеграция (социальная, политическая, культурная, идеологическая и т.д.), выравнивание (сближение) уровней общественно-экономического и культурного развития, что в тех условиях было равнозначно «синизации» (китаизации) тобийцев.

В реальной практике государственного управления Северного Вэй использовались, отчасти сосуществуя, оба указанных подхода. Первый из них преобладал в период становления и накануне распада Северного Вэй, в то время как второй, постепенно усиливаясь, возобладал в последней трети V — начале VI в. При этом, независимо от выбора методов и личных симпатий, правителям Северного Вэй приходилось ставить интересы империи выше интересов любой из этнических групп. Соответственно, их политика носила дифференцированный характер и ориентировалась на три основные этнические группы: правящих тоба-сяньбийцев, покоренных китайцев и прочие инородные этносы.

Политика в отношении тоба-сяньбийцев

После вторжения в Китай и образования империи тоба-сяньбийцы заняли высшее место в новой этнополитической иерархии. Сохранение и упрочение их господствующего статуса было одной из главных задач с первых лет существования династии. В свою очередь, успех имперской политики зависел от тех немногих реальных преимуществ (военная мощь, мобильность и высокая консолидация), которые сделали возможным победы тоба-сяньбийцев. Поэтому наряду с попытками ограничить мощь и влияние кочевой знати правители династии прилагали все усилия для поддержания боеспособности и этнического единства своих соплеменников.

Однако консолидация правящего этноса осложнялась крупными социально-политическими переменами. Демонтаж племенного строя привел не только к разрыву традиционных связей между знатными и простыми кочевниками, но и к активной внутренней перегруппировке тоба-сяньбийской знати. Этот разрыв проявлялся как в экономических противоречиях между крупными кочевыми лидерами и землевладельцами, так и в политическом соперничестве между независимой военно-кочевой верхушкой и новой служилой знатью, кровно заинтересованной в усилении централизованной власти государства.

Перевод тоба-сяньбийцев из племенных групп в чисто армейские формирования позволил центральной власти резко ограничить влияние племенной знати

на местах. Отдельных вождей призывали ко двору как военачальников и, по сути, заложников двора, отрывая их от сородичей, земли и ресурсов, необходимых для самостоятельных действий. Такие перемены не обходились без открытых бунтов и столкновений, однако мятежи непокорных вождей жестоко пресекались и в целом не могли помешать постепенному усилению центральной государственной власти (Eberhard 1949: 140).

Снижение роли племенной знати и создание новой системы управления в масштабах империи делали неизбежным приток опытных китайских бюрократов из служилого сословия. Усиление власти императоров сопровождалось ростом китайского влияния в правящей верхушке Северного Вэй. Поэтому отношение к китайцам и китайской культуре было еще одним важным фактором, влиявшим на этническую консолидацию тоба-сяньбийцев. Консервативная кочевая знать не без оснований усматривала в китайской культуре прямую угрозу для «степных традиций» и активно боролась против своих же соплеменников, стремившихся к резкому сближению с китайцами.

В этих условиях мощным средством консолидации и упрочения власти династии была имперская идеология, в том числе и конфессиональная политика. Оказавшись во главе государства, тоба-сяньбийская верхушка вскоре поняла, что традиционный шаманизм не годится на роль общеимперской религии (Eberhard 1949: 80–81, 147). Поэтому она обратилась к конфуцианству, даосизму и буддизму, взяв из них элементы, наиболее близкие исконным языческим воззрениям тоба-сяньбийцев, но при этом часто дополняя, переосмысливая и даже подменяя «китайскую» религиозную обрядность шаманскими ритуалами и символами. Например, устроенная в 405 г. Тоба Гуем дворцовая церемония императорских жертвоприношений Небу, как сказано в «Вэй шу» (ВШ: 2735, 2736), проходила с участием шаманок, присутствие которых не имело ничего общего с конфуцианскими обрядами китайцев (Головачев 1990а: 28–29).

Несмотря на резкую смену образа жизни, в ранний период истории Северного Вэй тоба-сяньбийцы все еще сохраняли приверженность многим исконным элементам кочевой культуры. Даже утратив свой изначальный смысл, эти элементы нередко продолжали существовать как символы этнокультурной специфики правящего этноса. По мере усиления китаизации восприятие этих элементов как символов материальной и духовной культуры тоба-сяньбийцев даже усиливалось. Чем большим было приобщение к китайской культуре, тем яснее правители династии сознавали и величину дистанции, разделявшей сяньбийцев и китайцев, и свою неготовность быстро преодолеть эту дистанцию. Угроза культурной ассимиляции и утраты политического господства толкала правителей Северного Вэй к ограничению китайского влияния и культивированию преимуществ своей традиционной культуры. Их настойчивые усилия в этом направлении позволяют говорить об особой этноохранительной политике, проводившейся в отношении тоба-сяньбийцев вплоть до времен императора Тоба Тао (423–452), т.е. до середины V в. Примером нетерпимости к отходу от исконных обычаев стал случай с тобийцем Хэдиганем, которого Тоба Гуй направил по-

слом к правителю Позднего Цинь. Прожив несколько лет в г. Чанъань, Хэдигань хорошо изучил «Лунь юй» и «Шан шу», жил, следуя «ветру и потоку», и уподобился типичным китайцам. За эту перемену, говорится в «Вэй шу» (ВШ: 685–686), Хэдиганя по приказу разгневанного Тоба Гуя казнили вскоре после возвращения домой.

Важнейшим направлением этноохранительной политики тобийских правителей было возрождение представлений о единстве происхождения и исторических судеб всех сяньбийцев. Не случайно при выборе названия династии некоторые придворные предлагали вернуться к «Дай» как к старому названию области обитания тоба-сяньбийцев. И хотя Тоба Гуй предпочел китайское «Вэй», выражение «Великая Дай» долгое время сосуществовало (особенно на севере) с официальным титулованием династии «Великая Вэй». А выражение «люди Дай» (*Дай жэнь*) служило важной осью интеграции и самоопределения правящей тобийской элиты (Мацусита 2006).

Уже со времен Тоба Гуя во многих высочайших документах неизменно подчеркивалась мысль о том, что предки династии были выходцами из далеких окраин, из-за пределов китайской цивилизации. Так, в указе 398 г. по случаю интронизации Гуя в «Вэй шу» (ВШ: 2734) открыто признавалось: «Предки Нашего дома из поколения в поколение правили в отдаленном [от Китая] столичном поселении». Указ того же года о выборе названия государства, согласно тому же источнику (гл. 32–33), сообщал: «В древности Наши далекие предки управляли в отдаленном столичном поселении [Ю ду], властвовали в далеком государстве. Хотя и занимали положение правителей, но еще не уладили Девять областей [всего Китая]».

Через 45 лет с подачи императора Тоба Тао в стране была проведена очередная идеологическая кампания по оживлению представлений о единстве крови и судеб правителей династии, поводом для которой стало известие послов из страны Улохоу о пещерном храме, сохранившемся на родине древних сяньбийцев. В знаменитой надписи, высеченной в 443 г. на стене храма послами Тоба Тао, но составленной от имени самого императора и приводимой в «Вэй шу» (ВШ: 2738), все так же упоминается, что предки сяньбийцев, «начиная с самых ранних владык», «обитали в тех дальних землях и полях беспрерывно великое множество лет» (Головачев 1990а: 31).

Упомянутая надпись из пещеры Гасяньтун⁶ напоминает о прошлом предков династии, которые «совместно переселились на юг», а позднее «распространили спокойствие на всей Срединной равнине». Совпадение этой эпиграфической надписи с текстами императорских указов конца IV в. свидетельствует о явной преемственности в воззрениях и этноохранительной деятельности трех первых северовэйских императоров.

⁶ Пещера Гасяньтун находится в северной части Б. Хингана, у верховий р. Ганьцзян (КНР, Внутренняя Монголия). Место пещерного храма древних сяньбийцев установлено в 1980 г. по сохранившейся надписи, высеченной на одной из стен пещеры в 443 г. по приказу императора Тоба Тао (Головачев 1990а: 24–32).

Ученые КНР высказали в свое время гипотезу о том, что привезенное послами Улохоу известие о храме могло быть инсценировано и самими тобийцами (Головачев 1990а: 30). В этом случае упомянутая пропагандистская акция Тоба Тао обретает еще больший смысл как доказательство сознательного стремления северовэйских правителей к консолидации сяньбийцев на основе представлений об общности их этнического происхождения и судеб.

Таким образом, политика северовэйских правителей в отношении тоба-сяньбийцев определялась в период становления империи сложной совокупностью причин, главной из которых было стремление упрочить господство правящего этноса путем консолидации соплеменников на основе общей этнической идентичности. Неготовность сяньбийцев к полному восприятию традиционной китайской культуры на раннем этапе проявила себя в попытках правителей династии искусственно ограничивать китайское влияние и заимствовать лишь «нейтральные» элементы этой культуры (госаппарат, система чинов, налоговая и земельная система и пр.), необходимые для решения прямых задач государственного управления. Но стремление сохранить внутреннее единство путем этнокультурного обособления не имело долговременных перспектив. Одно лишь восприятие «нейтральных» элементов китайской культуры делало эту обособленность все более призрачной целью, создавая предпосылки как для ускоренной этнокультурной трансформации тоба-сяньбийцев, так и для их последующей интеграции с китайцами.

Политика в отношении китайского населения империи

При всей этнической пестроте северовэйской империи большинство ее подданных составляли китайцы. Они были самой развитой в экономическом и культурном плане частью общества, а также главными носителями вековых традиций имперского правления, столь необходимых тоба-сяньбийцам.

Специфику тобийско-китайских отношений раннего периода точно подметил китайский историк Е Ши (1150–1223), оценивавший прошлых иноземных властителей таким образом: «Лю (Яо), Ши (Лэ), Фу (Цзянь), Яо (Син) и мужуны хоть и назывались иноземцами, но все подолгу жили на Срединной равнине. Их восприятие добра и зла не слишком отличалось от китайского. Одни лишь тобийцы, как настоящие варвары, придя к господству над Ся (Китаем. — *Авт.*), применяли чисто варварские обычаи, чтобы изменить китайцев» (Мо 1986: 324).

Конечно, понимая необходимость политического союза с китайцами, правители династии все больше привлекали их к государственному управлению. В свою очередь, служилые китайцы были тоже заинтересованы в усилении стабильной центральной власти и передаче в их руки местного управления. Таким образом, управление китайцами составляло важную основу внутренней политики в течение всего существования династии.

Уже создатель династии Тоба Гуй, сказано в «Вэй шу» (ВШ: 621, 729), пытался определить свое отношение к китайской культуре, расспрашивая советников-китайцев о том, «какие книги в Поднебесной являются самыми лучшими», о старых китайских обычаях, «первоосновах управления и принципах упорядочения мира». После вторжения в Китай Тоба Гуй приглашал китайских служилых мужей (*ши да фу*), и «если имелись малейшие способности, все удостаивались выдвижения и использования (ВШ, гл. 27–28). Преемник Гуя, император Тоба Сы, тоже «был обходителен и любезен с конфуцианцами... собрал все каноны и династийные истории... чтобы использовать заложенный в них [опыт] гражданского и военного правления (ВШ, гл. 64).

Несмотря на взаимную заинтересованность в сосуществовании и сотрудничестве, отношения между тобийцами и китайцами были очень непростыми. Сохранявшиеся в ранний период существования Северного Вэй социально-экономические и политические трения вкупе с различием нравов и обычаев, а также мощный языковой барьер заведомо исключали возможность полного совпадения их взглядов и интересов. В итоге отношения между обеими сторонами были весьма далеки от идеальных.

В частности, крайне ревнивым и настороженным было отношение тобийцев к служилым китайцам. Даже самые преданные китайские сановники не пользовались полным доверием иноземных властей. Китайцев нередко казнили за малейшее подозрение в измене или пренебрежении к правящей династии. Любые намеки на отсталость или иноземную природу тобийцев вызывали резкий отпор. Когда в 397 г. при осаде г. Чжуншань сановник Цуй Чэн (отец Цуй Хао) неосторожно сравнил войска тобийцев с перелетными дикими утками, эти слова были восприняты как злой намек на варварскую суть его хозяев. Поэтому Тоба Гуй, сказано в «Вэй шу» (ВШ: 758), «затаил к нему пренебрежение» и через какое-то время казнил под благовидным предлогом. В другом случае (ВШ: 635) Гуй казнил китайца Дэн Юаня, заподозренного в сочувствии к участникам антидинастийного мятежа. Еще через несколько десятилетий (ВШ: 1158) император Тоба Тао казнил в Чанъани отца сановника-китайца Дуань Чэньгэня. В походных сулах лошади казенного было найдено золото, подготовленное, согласно доносу, для бегства на Юг.

Большое влияние на отношения тобийцев и китайцев оказывало существование Южных династий. С одной стороны, чтобы уменьшить отчужденность китайских подданных, правители Северного Вэй объявляли себя «родней» древних китайских императоров и южан. С другой стороны, они часто сильно ущемляли самосознание китайцев.

В 423 г. бежавший с Юга китаец Ван Хуйлун был назначен за военные заслуги командиром крепости в Лючэне. Но через несколько дней умер император Тоба Сы, и «как только Ши-цзу (Тоба Тао. — *Авт.*) взшел на престол, все говорили [ему, что] южанам не следует доверять должности войсковых командиров. После этого [Хуйлуну] отменили прежнее назначение» (ВШ: 875). Знаменитый сановник-китаец Цуй Хао, занимавший высшие посты при северовэйском дворе

больше 30 лет, тоже часто становился мишенью для нападок тобийской знати за якобы чрезмерное пристрастие к южанам и в итоге был казнен по обвинению в измене.

Дискриминация, с которой китайцы сталкивались ежедневно и повсеместно, в сочетании с проводившейся в этот период просяньбийской этноохранительной политикой способствовала сохранению глубокой психологической и культурной отчужденности. Признаком отчужденности было почти полное отсутствие в этот период брачных связей китайских служилых родов с тобийской знатью. Известен случай, когда тобиец Юаньсюнь Аньюань безуспешно пытался заполучить в жены своему сыну дочь жаньчэнского *гуна* Люй Хоуюаня. Получив отказ, он пожаловался императору Тоба Тао на то, что Люй «внешне как будто бы верен и благочестив, но внутренне вероломен и хитер». И даже требовал казнить его за это вместе с родней (ВШ: 714).

Важной причиной, предпрешавшей зыбкость социального положения китайцев, было то, что тобийцы, в отличие от других правителей, не утвердили старые списки китайских служилых родов и поначалу не приняли китайскую систему девяти рангов чиновничества. В условиях «беспорядочного смешения девяти рангов» это обернулось тем, что выходцы из служилых родов подлежали обложению налогами и податями наравне со всем податным населением империи (Мо 1986: 325).

Тобийцы не только воздержались от официального признания особого социального статуса китайских служилых родов, но и не гарантировали их экономические интересы, отчего материальное положение служилых китайцев было тяжелым. Если тобийцы имели доступ к военной добыче и регулярно получали в награду продукты, ткани, рабов и прочие дары, то китайские чиновники раннего периода обычно не получали ни жалованья, ни дарений и кормились только поборами с местного населения. Фаворит Тоба Гуя, сановник Цуй Сюаньбо, многие годы оставался столь бедным, что «дома имел [одни] голые стены, не имел повозки для выездов, [отчего] целые дни проводил на ногах. 70-летнюю мать не мог обеспечить в достатке хорошей пищей». Если верить «Вэй шу» (ВШ: 325, 779, 1076), не менее скромно жили без жалованья сановник трех первых императоров Чжан Пу и бохает Гао Юнь, служивший пяти северовэйским императорам.

Этническое представительство китайцев в высших органах государства было невелико и контролировалось тобийцами, строго хранившими свою монополию на занятие важных, прежде всего военных, должностей. За редким исключением, китайцев не допускали к прямому решению важнейших государственных дел (Мо 1986: 325). Хотя многие тобийцы в этот период хорошо знали китайский язык, в армии и при дворе употреблялся только сяньбийский. Служилые китайцы могли надеяться на успех по службе, лишь если умели говорить по-сяньбийски. Например, китаец Чао И был назначен Тоба Гум на должность потому, что прекрасно владел «языком северян». Симптоматично, что среди служивших при северовэйском дворе китайцев распространился обычай давать детям сяньбийские имена. К примеру, у китайца Се Бяня, уроженца Сычуани, было два внука, кото-

рых звали Чугуба и Челуба. Эти имена были пожалованы им тобийским правителем. Таким образом, политическая ситуация в начальный период истории Северного Вэй способствовала тому, что сяньбийские язык и культура обретали высокий престиж в глазах служилых китайцев, из-за чего наряду с постепенной китаизацией сяньбийцев в это время происходил процесс сяньбизации высших слоев китайского населения (Крюков и др. 1979: 92–93).

Таким образом, отношения тобийцев и китайцев в Северном Вэй были сотрудничеством неравноправных партнеров. Четко осознавая это неравенство, служившие династии китайцы нередко питали сильную неприязнь к тобийцам. Не полагаясь на особую милость тобийских правителей, они часто сами воздерживались от занятия высоких постов в столице. Нередко случались и открытые бунты китайцев (ВШ: 760–761, 773–774).

Несмотря на унижения, зависимость и постоянный контроль со стороны тобийцев, большинство китайцев продолжали верой и правдой служить иноземной династии. Как ни странно, это партнерство оказалось для них не просто условием выживания, но и действенным средством изменения государственного режима в соответствии с их интересами и идеалами. По некоторым данным, если в годы правления Тоба Гуя (386–409) среди придворных чинов и губернаторов областей в царстве Вэй имелось лишь 2% китайцев, то при Тоба Тао (423–452) китайцы, находившиеся на службе династии, занимали уже около 40% всех должностей, в том числе четверть штата столичной администрации (Су 1964: 96).

По мере роста числа и влияния китайских чиновников в государственной жизни Северного Вэй противоречия между ними и тобийцами приобретали характер растущего соперничества за определение стратегических направлений (проблем) имперской политики и преобладание в распоряжении государственной властью. Такое противостояние, все больше угрожавшее тобийскому господству, привело к физическому истреблению Цуй Хао и 128 знатных китайцев из числа его родни и сподвижников. Поводом для расправы стало обнаружение неутвержденной истории династии. Хао, лично руководивший работой по составлению «государственной истории», приказал высечь на каменных стелах историю Тоба, где прошлое завоевателей излагалось довольно правдиво, а не в русле мифической версии, придуманной самими тобийцами. Стелы были публично провезены по улицам Пинчэна, что и вызвало гнев правителей династии.

Казнь Цуй Хао вызвала ответный протест китайской бюрократии, отмеченный как минимум в двух записях «Вэй шу». Уже в момент расправы над Цуй Хао сановник Гаюнь, рискуя жизнью, открыто заявил императору: «Если [даже Хао] лично виновен, то за [такое] преступление не стоит предавать его смерти» (ВШ: 1071). Другой, не менее яркий эпизод был связан с сановником Люй Души. После инцидента с Цуй Хао попавший в опалу Души бросил пост, бежал и укрылся в доме китайца Чжэн Пи из Гаояна. Когда сыщики схватили старшего сына Пи и захотели выбить у него признание, Пи, предостерегая сына, сказал: «Благородный муж жертвует своей жизнью ради следования [велению] совести. Пусть даже ты и умрешь, но не должен проговориться». Судя по «Вэй шу» (ВШ: 1046), сын

выполнил требование отца, несмотря на то что подвергся допросу с пытками, «вплоть до того, что поджаривали его члены на огне», и умер, так и не выдав Души.

Безусловно, северовэйские власти не могли игнорировать подобную оппозицию и были вынуждены учитывать мнение китайской служилой элиты. Казнь Цуй Хао была в тех условиях лишь крайним средством, вызванным неспособностью ограничить быстрый рост влияния китайцев какими-либо иными политическими средствами. Не случайно тобийцы нанесли вынужденный удар по партии Цуй Хао лишь после того, как тот дерзнул проявить публичное пренебрежение к их истории. При этом они сделали все, чтобы завуалировать антикитайский характер казни Цуй Хао и не отпугнуть других китайцев от сотрудничества с династией (Мо 1986: 335).

Инцидент с Цуй Хао вновь выявил особую роль идеологической политики, направленной на снискание симпатий китайцев, сглаживание тобийско-китайских различий и обоснование законности правящей династии. С этой целью правители Северного Вэй всемерно подчеркивали преданность традициям древнекитайских династий Ся, Шан и Чжоу. Еще до казни Цуй Хао сложилась мифическая родословная Тоба, примирявшая представления об их иноземном происхождении с заявлениями о «единых предках» в лице идеальных правителей древнего Китая. В 392 г. придворные китайцы подали Тоба Гую доклад, утверждавший, что «государство [Вэй] унаследовано потомками Хуан-ди» (ВШ: 2734). Согласно более поздней и полной версии, род Тоба произошел от Чан И, младшего из 25 сыновей Хуан-ди, получившего в удел дальние северные земли за пределами Китая. Потомки Чан И служили правителям Яо и Шуню. Однако они долгое время «не имели на юге сношений с Ся (Китаем. — *Авт.*), поэтому в письменных записях нет известий об этом» (ВШ: 1).

С 400 г. правители-тобийцы регулярно совершали жертвоприношения древнекитайским императорам, направляли послов для изучения нравов, обычаев и нужд народа, устраивали выезды императоров для посещения святых мест и «сближения с народом». Примером их пропагандистских усилий служат уникальные каменные стелы, установленные в 435–440 гг. по приказу Тоба Тао в честь восстановления храмов на трех из пяти священных горах Китая: Хэншань, Суншань и Хуашань. В отличие от почти синхронной надписи из пещеры Гасяньтун, текст стелы с горы Суншань (Центральный пик) не содержит ни единого намека на окраинное происхождение тобийцев и отождествляет правящую династию с образцами идеальной китайской древности. Текст стелы составлен китайским автором, адресован китайским подданным империи и тоже содержит мифическую версию китайского происхождения и характера правящей династии (Головачев 1996: 3–10).

Наряду с восхвалением образцового «китайского» правления династии важным средством идеологического влияния и упрочения лояльности китайцев служила конфессиональная политика. Преодоление религиозной розни между тобасяньбийцами и китайцами требовало выбора единой государственной веры, роль

которой могла играть либо одна из традиционных, либо новая заимствованная религия, не связанная с определенным этносом. В условиях Северного Вэй такими религиями оказались буддизм и даосизм.

Уже при Тоба Гэе и Тоба Сы покровительство буддизму привело к его широкому распространению в империи. Сяньбийцы и китайцы были одинаково «инородны» для этой чужеземной религии, поэтому принятие буддизма позволяло тобийцам встать вровень и даже выше китайцев, чтобы было бы немыслимо в случае принятия китайского конфуцианства.

Чтобы потеснить духовную монополию китайской элиты, буддийские монахи при дворе тобийцев были подчинены императору, признанному ими перевоплощением Будды. Эта комбинация оказалась удобной альтернативой китайским сакральным воззрениям на императора как на Сына Неба и носителя «небесного мандата», правящего всеми китайцами из центра Поднебесной. В то же время она сделала возможной легализацию исконных языческих верований тобийцев в буддийской трактовке (Eberhard 1977:147–148).

Но превращение буддизма в официальную религию происходило в условиях острой конкуренции с конфуцианством и даосизмом. Вспыхнувшая в 440-х годах вражда буддизма и даосизма отражала не столько религиозную, сколько политическую борьбу между служилыми китайцами во главе с кланом Цуй и даосским патриархом Коу Цяньчжи, с одной стороны, и тобийской кликой во главе с наследником престола Тоба Хуном — с другой (Eberhard 1977: 149–150).

По мере роста китайского влияния в правлении государством позиции даосов все более усиливались вплоть до объявления в 444 г. даосизма государственной религией. Эта победа даосов была и победой Цуй Хао, слывшего ярым противником буддизма как чужой и варварской религии (ВШ: 826–827) Форма и доктрина буддизма, утверждающего равенство людей, поклонение сотням святых, освобождение монастырей от налогов и монашеское безбрачие, резко противоречили китайским идеалам Цуй Хао. По его совету император Тоба Тао развязал в 446 г. жестокие гонения на буддистов, что привело к разрушению многих храмов и монастырей, а также к смерти многих монахов (Eberhard 1977: 149–150; Ch'en 1964: 149–150). Эти гонения были не просто схваткой даосов и буддистов, но и важнейшей вехой в процессе синизации некитайского населения империи. Подобные антибуддийские акции усиливали антикитайские настроения среди консервативных тобийцев и провоцировали ответные эксцессы, направленные на поругание конфуцианских святынь. Прямой жертвой этих эксцессов стал сам Цуй Хао, над которым перед казнью коллективно надругались тобийские гвардейцы⁷. Много позже, в 473 г., тобиец Ни Фу, не найдя места для постоя, устроил ночлег в храме Конфуция, куда, поправ китайские нормы и ритуалы, пригласил шаманку совершить камлание и «непристойные» подношения, а также забил животных и плясал под барабан с певичками и актерами. Этот инцидент вынудил власти

⁷ После ареста Цуй Хао бросили в клетку и вывели в южный пригород столицы. Следом выехало несколько десятков гвардейцев, получивших приказ мочиться ему на голову, отчего крики и стенания Цуй Хао были слышны даже на проезжей дороге (ВШ: 826).

издать особый указ, требовавший соблюдать нормы почитания конфуцианских святынь⁸.

После смерти Коу Цяньчжи в 448 г. и казни Цуй Хао в 450 г. баланс политических сил вновь временно склонился в пользу этноохранительной партии тобийцев. Антибуддийские ограничения не были отменены, но постепенно слабели, вплоть до того, что в последние годы правления Тоба Тао (423–452) буддистам позволили молиться и читать сутры внутри частных домов в столице. При следующем императоре, Тоба Цзюне (Вэньчэн-ди, 452–465), буддизм был полностью узаконен в своих правах и сохранял их вплоть до момента падения династии. Постепенно буддизм обрел роль государственной религии, окончательно потеснив и китайские (конфуцианство, даосизм), и сяньбийские (шаманизм) религиозные верования.

Политика

в отношении покоренных этнических меньшинств

Включение этнических меньшинств в состав империи происходило либо насильно, либо путем «добровольного» изъявления покорности. В ходе этого процесса правители Северного Вэй переходили от завоеваний к политике постоянного управления покоренными этносами.

Не располагая поначалу достаточным опытом и средствами для управления покоренными инородцами, тобийцы были вынуждены сохранять в неизменности их обычаи и, как правило, ограничивались лишь регулярным взиманием дани. Такой подход был значительно мягче политики в отношении китайского населения империи. Не случайно в докладе Чжан Луня, поданном императору Су-цзуну (515–528) около 516–518 гг., стратегия основателя династии Тоба Гуя выражалась фразой о том, что он «оказывал нажим на всех китайцев, но делал послабления варварам» (ВШ: 617).

Однако покоренные «варвары» тоже подвергались дискриминации, а отношение к ним со стороны тобийцев было откровенно утилитарным. Наиболее явно эта политика отразилась в известном послании императора Тоба Тао, переданном в 451 г. коменданту осажденной китайской крепости: «В войсках, посланных ныне Нами на штурм, нет людей Нашего государства. К востоку от крепости — динлины и ху, к югу — ди и цяны. Если погибнут динлины, то тем самым уменьшится число бандитов в округах Чаншань и Чжао. Смерть ху сократит число бандитов в области Бинчжоу. Уничтожение ди и цянов приведет к искоренению бандитов в Гуаньчжуне. Итак, если Вы разгромите их, то это не принесет Нам ничего, кроме пользы!». «Людьми государства» для Тоба Тао были лишь сяньбийцы, все прочие инородцы рассматривались лишь как потенциальные бандиты (Сун шу 1974: гл. 74; Крюков и др. 1979: 87–88).

⁸ Указ гласил: «Отныне и впредь, в случае подношения жертв в храмах Конфуция, установить использование вина и сушеного мяса, и только». Указ также запретил совершение непотребных молений с участием женщин (ВШ: 136).

В свою очередь, иноэтничные племена стремились всячески уклоняться от воинских и прочих повинностей в пользу тобийцев, на что последние отвечали жестким принуждением и подавлением любых форм открытого неподчинения. Так было подавлено вспыхнувшее в 445–446 гг. в Шэньси восстание Гай У, имевшее яркую этническую окраску. В этом крупнейшем выступлении участвовали цяны, ди, цзе (*лушуй ху*), тугэ, китайцы и прочие «инородцы», обвинившие сяньбийцев во «вторжении и насилиях в Срединном государстве» (Крюков и др. 1979: 88–89).

Правда, восстания и репрессии были лишь крайним средством разрешения межэтнических противоречий. Другим важным средством были переселения покоренных этносов в районы, удаленные от их родных мест обитания. Этот принудительный метод широко применялся в период становления империи, но его сложность и неэффективность были очевидны уже во времена Тоба Тао. Именно поэтому Тао не внял совету сановников Ань Юаня и Лю Цзе, желавших переселить племена *чилэ* в район к западу от Хуанхэ. В его отказе четко обоснованы нецелесообразность подобных мер и суть официального подхода к управлению иноэтничными меньшинствами.

В «Вэй шу» так говорится об этом (ВШ: 687): «С давних пор в привычках и обычаях этих [людей] свободно бродить. Поэтому поступать с ними нужно подобно случаю с окруженным оленем: [если] загонять [его, то] неожиданно нападает. [А если] дать послабление, [то] успокоится. [Поэтому] не следует требовать их переселения». Любопытно, что, когда по приказу двора более 30 тыс. членов племен *чилэ* были все же переселены в Хэси, дальнейшие события развивались точно по «прогнозу» Тоба Тао: переселенный в Хэси «новый люд» пришел в смятение, и вскоре несколько тысяч всадников *чилэ* бежали на север.

Несколько десятилетий спустя сановник Чунь Бо подал императору Тоба Хуну доклад, в котором столь же образно обосновал невыгодность переселений: «Ныне вновь выразивших покорность множество. Если старые подданные подвергнутся переселению, то новые непременно обеспокоятся. [Если] обеспокоятся, то непременно задумаются о родных местах... убегут и взбунтуются. [Как известно,] лиса умирает головой к [своему] кургану. Они будут испытывать совершенно схожие чувства» (ВШ: 1286).

Сравнение с оленем и лисой было более чем прозрачным намеком на «дикую» природу иноэтничных меньшинств, управлять которыми следовало с учетом их «животных инстинктов». В докладе Чжан Луня характер этнической политики северовэйских императоров тоже напрямую связывался с «варварской» психологией и сутью подвластных этносов: «[Если] отдалять их, то они обижаются; [если] приближать их, то они пренебрегают этим. Все это проистекает издавна. Поскольку Гао-цзу (Тоба Хун, затем Юань Хун) и Ши-цзун (Юань Кэ, 500–515) знали, что они таковы, то, [когда] варвары приходили, им не мешали; [а когда] они удалялись, то их не преследовали. Неодинаковое понимание долга — вот причина этому» (ВШ: 618).

Практические методы управления инородцами в Северном Вэй вырабатывались постепенно и, при всем разнообразии, сводились к двум главным подходам. Один из них исходил из представлений о том, что «варвары» лишены верного понимания долга и ритуала, поэтому любые попытки управлять ими путем наставлений, милосердия и гуманности заведомо бесплодны. Единственно верный метод усмирения «варваров» состоит в том, чтобы «обращаться с ними устрашающе и сурово», «умерять их с помощью строгих законов», проявляя при этом решимость и непреклонность (ВШ: 902). Согласно другому подходу, уже при Тоба Тао политика жесткого обращения подвергалась сомнению и встречала растущее неприятие сторонников «цивилизованного» правления инородцами. Ссылаясь на китайские каноны «Ли цзи» и «Шу цзин», а также на опыт усмирения племен сюнну при династии Хань, они выступали за «гуманное» отношение к инородцам, за привлечение их на сторону династии более разнообразными и гибкими методами. Эти методы предполагали снятие запрета на миграции, освобождение от всеобщих налогов и повинностей, расширение торговли, сохранение традиционного уклада и некоторой автономии на местах, проявление милосердия (освобождение пленных) и т.д. (ВШ: 904). По мнению Чжан Луня, в правлении инородцами нужно проявлять мудрую гибкость, максимально использовать их природные слабости и пристрастия: «[Должно] обогащать их наградами и дарами, привязывать к себе с помощью драгоценных вещей... обходиться с ними хорошо, с уважением, достойным равного противника. Приумножать взаимное благорасположение, опасаться [того, что] может вызвать пренебрежение варваров, невыгодного для [Нашей] Совершенномудрой династии» (ВШ: 618).

Приспособление к инородцам и поиск «взаимного благорасположения», конечно, не означали отказа от применения силы вообще. В том же докладе Чжан Луня подчеркивалось, что добиться добровольной покорности «варваров» можно, только «устрашая их силою». Там говорилось: «[Если] покажемся им слабыми, они будут вынашивать злые помыслы и восстанут» (ВШ: 618). Но чтобы «варвары» не утратили желания к добровольному повиновению, сторонники этого подхода призывали лишь «обуздывать пребывающих в смуте людей» (ВШ: 1286). Иначе говоря, в случаях конфликтов они предлагали ограничиваться принципами превентивного устрашения и разумной достаточности.

Соперничество и полемика сторонников «жестких» и «гуманных» методов управления инородцами продолжались в течение почти всего существования империи, но были особенно характерны для раннего этапа Северного Вэй⁹. Постепенно правители династии задействовали в управлении этническими меньшинствами все более широкий набор средств. При этом они все больше отказывались от применения прямого насилия как главного средства господства.

В сфере культуры и идеологии правители династии обычно выступали по отношению к иноэтничным меньшинствам в роли представителей не тоба-сяньбий-

⁹ Типичный случай открытого столкновения между ними подробно описан в биографии сановника Лу И (ВШ: 902–903).

ской, но китайской культуры. При этом выбор методов и средств политики «окультуривания» во многом определялся их представлениями об ограниченных способностях «варваров» к усвоению базовых ценностей и реалий китайской цивилизации.

Этнические процессы середины IV — начала V в. и «реформы Сяовэнь-ди»

Тридцатилетний период, последовавший за казнью Цуй Хао и убийством в 452 г. императора Тоба Тао, не привлекает активного внимания ученых. Между тем именно в эти десятилетия были заложены условия для постепенного перехода на новый этап ускоренной китаизации. По мере этого перехода империя теряла остатки кочевой специфики и перерождалась в государство и общество оседлого образца.

В 466 г. династия одержала ряд военных побед над южанами, а в 470 г. нанесла поражение тогонам и жужаням, что позволило предельно расширить и стабилизировать границы империи. С 465 г. предпринимались попытки внедрения земельной реформы (прообраз надельной системы) и закона об ограничении рабовладения, что позволило приостановить грабительские войны и переместить центр тяжести на экономическую эксплуатацию территорий и населения империи (Гумилев 1974: 203–205). Приход к власти в конце 460-х годов вдовствующей императрицы Фэн (Вэнь Мин тай хоу, 442–490) заметно ускорил китаизацию северо-вэйского двора. Для придворных ввели китайские знаки различий и одежды. В стране открывались конфуцианские школы с китайскими учителями. В 482 г. 17-летний император Тоба Хун впервые совершил взрослую конфуцианскую церемонию поклонения предкам. А в 485 г. вышел указ о запрете магии и гаданий, направленный против даосов и сяньбийских языческих культов.

Как верно отметил Л.Н. Гумилев, реформы культа и перемену обычаев в Северной Вэй можно расценивать как индикатор смены политической ориентации династии (Гумилев 1974: 207–208). Уходя от охраны интересов правящих тобийцев, правительство императрицы Фэн все более открыто и решительно отдавало предпочтение китайским подданным империи.

Налоговые реформы 484 г. облегчили положение китайских крестьян за счет упорядочения поборов со стороны тобийской знати. Еще раньше было определено положение горожан, а в 471 г. вышел указ об освобождении множества рабов, что подрывало экономическую мощь тобийской знати. Введение системы обеспеченных жалованьем чиновничьих должностей в округах и уездах помогало упрочению экономического положения китайских бюрократов и дальнейшему оттеснению тобийцев от управления страной. При императрице Фэн тобийцы встали перед выбором либо постепенного растворения в китайской массе, либо превращения в маргинальное этническое меньшинство. Эта тенденция лишь усилилась в годы личного правления Тоба Хуна, уже после смерти в 490 г. императрицы-бабки Фэн.

Начиная с первых лет существования Северного Вэй общий вектор этносоциальных процессов в стране сводился к постепенной китаизации. Но со второй половины V в. китаизация приобретает форсированный характер, а этноохранительный политический курс ослабевает и переходит во все более явную прокитайскую ориентацию. Переход от пассивной к форсированной синизации занял несколько десятилетий. Хотя этническая политика этого периода была все так же направлена на упрочение господства династии Тоба, методами ее реализации было уже не иерархичное разделение тобийцев и китайцев, но принудительное слияние тобийской элиты с китайскими служилыми родами на китайской культурной основе (Чэнь 1987: 254).

Этнические процессы этого периода в целом шли по двум встречным направлениям: постепенное «свертывание» элементов тоба-сяньбийской культуры и одновременное распространение на все общество элементов китайской культуры. Динамика этих процессов предопределяла характер и итоги этнокультурных перемен в Северном Вэй.

Такие реформы 480-х годов, как введение регулярного жалованья для чиновников (483), установление надельной системы (485)¹⁰ и системы «трех старшин» (486)¹¹, содействовали перестройке социально-экономических основ и структуры государственной власти, а также перегруппировке политических сил в пользу прокитайских кругов. Этой же цели были подчинены преобразования в сфере идеологии и культуры. В 466 г. в округах империи впервые открыли государственные школы, что еще больше ускорило синизацию всего общества. Вскоре после этого, в 483 г., вышел указ о запрете старого сяньбийского обычая браков с однофамильцами. В 485 г. власти запретили шаманские культы и гадания, а в 492 г. отменили старый кочевой обычай обнажения тела (ВШ: 153, 155). Несмотря на все эти важные перемены, в стране еще не возникли условия для форсирования всесторонних синизаторских преобразований. Эти условия сложились лишь после переноса в 494 г. столицы из Пинчэна в Лоян.

Главной целью синизаторских реформ, известных как «реформы Сяовэнь-ди», было стремление к окончательному слиянию сяньбийской аристократии и китайской служилой знати. Для этого император провел за три года серию грандиозных преобразований, сопоставимых по масштабам и последствиям с «петровски-

¹⁰ Мужчина старше 15 лет получал 40 му пахотной земли, а женщина — 20 му. Эти наделы утраивались за счет полей под паром. Мужчина также получал 20 му для посадки 50 тутовых деревьев, пяти жужубов и трех вязов. Мужчине выделялось еще 10 му, а женщине — 5 му под коноплю. Кроме отданных в вечное владение тутовых полей, все наделы отходили в казну после освобождения крестьян от налогов по старости. Надельщики платили налог зерном и шелком, посылались на общественные работы. Рабы тоже имели наделы, за которые хозяева рабов платили по одной восьмой от обычных податей. Чиновники получали доходы от наделов в виде жалованья. Несмотря на все недостатки, надельная система сдерживала захват и сокрытие земли богатыми, обеспечивала минимум земли для бедных и стабильное поступление податей, прежде всего за счет резкого роста числа податных дворов. Она ускорила аграрное развитие и общий подъем экономики Северного Китая.

¹¹ Низовая административно-территориальная организация из трех единиц — *лин* (пять дворов), *ли* (пять *лин*), *дан* (пять *ли*), во главе которых стояли соответственно один, двое и трое старшин.

ми реформами» в России. В 494–495 гг. в стране вышли указы об изменении одеяний (переход от сяньбийского типа одежды и причесок к китайскому), о переименовании выходцев с севера в жителей области Хэнань и г. Лояна, запрете возвращения останков умерших сяньбийцев на родину, в северные районы Хэн и Дай. Разрыв с родиной и могилами предков был призван облегчить превращение северной племенной знати сяньбийцев в служилые роды Великой равнины. В число ключевых реформ вошли также запрет в 495 г. на использование при дворе северных языков (ВШ: 77) и указ 496 г. об отмене тобйских имен и фамилий и принятии кочевой знатью китайских имен и фамилий. Императорский клан Тоба принял китайскую фамилию Юань, все прочие сяньбийские фамилии также были заменены на китайские. Смена и имен, и фамилий коснулась даже предков-правителей династии, в одночасье превращенных в номинальных китайцев.

Еще одной ключевой реформой стало введение в 495 г. новой иерархии знатности, официально уравнившей социальный статус сяньбийской знати и китайских служилых родов. Критериями допуска в новую иерархию были происхождение, заслуги по службе и брачные связи сяньбийских родов. Во главе сяньбийской знати были поставлены «восемь фамилий» (Му, Лу, Хэ, Лю, Лоу, Юй, Цзи, Вэй), предки которых со времен Тоба Гуя имели титулы принцев (*ван*) и князей (*гун*). Эти фамилии приравнивались к четырем знатым служилым фамилиям китайцев: Цуй, Лу, Ли, Чжэн. Ниже располагались еще четыре группы китайских фамилий, также равных по знатности определенным кланам сяньбийской верхушки.

К «восьми фамилиям» высшей знати примыкали сяньбийские кланы, чьи предки занимали посты глав областей и округов в течение трех и более поколений. Менее знатные кланы были выведены за рамки этой системы, такая же участь постигла и простых сяньбийцев, получивших статус и фамилии рядовых подданных (Тан 1955: 144; Чэнь 1987: 267). Целями новой иерархии были фиксация баланса двух главных этнических сил в служилой элите и снятие последних этносоциальных барьеров между сяньбийцами и китайцами.

Изменение географической, языковой и социокультурной среды, запрет сяньбийских традиций, разрыв связей с родиной и предками на севере содействовали разрушению остатков этнической замкнутости и коренной этнокультурной трансформации тоба-сяньбийцев с перспективой их быстрой аккультурации и ассимиляции в китайской среде. Вместе с тем форсированная синизация спровоцировала закономерный обратный эффект — этническую консолидацию и всплеск активности консервативной части сяньбийцев. По мере насаждения «реформ Сяо-вэнь-ди» борьба сторонников и противников синизации все более обострялась, а ее ключевым эпизодом был перенос столицы государства в г. Лоян. Апогеем этой борьбы стал подавленный в 496 г. мятеж Му Тая и Лу Жуя, в который противники переезда вовлекли даже юного наследника престола Тоба Сюня (Головачев 1994: 99–100).

Примечательно, что большую часть сторонников тоба-сяньбийской старины составляли пожилые люди, тогда как поборников китаизации представляла в ос-

новном молодежь. Резкая смена условий и образа жизни приводила к тому, что многие обычаи кочевой старины утрачивали всякий смысл в глазах молодежи и даже казались бессмысленно жестокими, подобно обычаю матрисуицида, бытовавшему в тех или иных формах вплоть до начала VI в. Поэтому молодежь считала стариков отсталыми консерваторами, а старики смотрели на молодежь как на опасных радикалов. Признанием этих различий стали слова Сяовэнь-ди, который при издании в 495 г. указа о запрете сяньбийского языка был вынужден пойти навстречу старикам, сделав символическую оговорку: «Те, кому за 30 лет, в обретенных качествах уже застарели. Вероятнее всего, не смогут перемениться. Людям, которым меньше 30 лет, во время встреч во дворце императора не дозволяется использовать язык старины» (ВШ: 536).

Проецируясь на сферу государственной политики, эти возрастные мировоззренческие и психологические различия в немалой мере определяли естественную социальную грань между консерваторами и реформаторами, позволяя рассматривать их противоречия не только как этнокультурный антагонизм, но и как проявление вечного конфликта между поколениями «отцов и детей» (Головачев 1990: 51–52).

Оценивая общий ход и значение китаизаторских реформ, стоит повторить, что до 494 г. китаизация не носила систематического и форсированного характера и потому почти не вызывала открытых стычек сторонников и противников перемен. Но переезд в Лоян и принудительные «реформы Сяовэнь-ди» положили конец общности этнополитических интересов тоба-сяньбийцев, поставив под вопрос не только их господство, но и само их существование как этноса. С середины 490-х годов значительная часть тоба-сяньбийцев подвергалась коренной этнокультурной трансформации и очень скоро растворилась в китайской среде.

Вместе с тем активная китаизация затронула в основном лишь верхушку сяньбийцев в столичной области, тогда как низы на севере еще долго сохраняли традиционную культуру (Eberhard 1965: 86). В далеких от Лояна северных районах «реформы Сяовэнь-ди» проводились с трудом. Угроза полной ассимиляции и утраты былой идентичности побудила не только простых, но и многих знатных сяньбийцев осознать свою этническую специфику и препятствовать ее утрате путем пассивного неповиновения и саботажа указов двора. Так, двоюродный дед Сяовэнь-ди, правитель Цичжоу (в Шаньдуне. — *Авт.*) Тоба Цзянь активно имитировал проведение реформ в своем округе, за что удостоился личных похвал императора. На деле же Цзянь сохранял старые местные обычаи, за что жители округа любили его и усердно распускали слухи о «полном обновлении» (ВШ: 397).

Инерция вековых традиций была так велика, что даже самому Сяовэнь-ди приходилось мириться с их сохранением. Посетив после 494 г. земли Дай, император обнаружил, что китайские одежды не вошли в обиход северян и местные сяньбийки «по-прежнему делают двойные воротники и узкие рукава». Вернувшись в Лоян, Сяовэнь-ди и там увидел в экипажах знатных модниц, щеголявших в сяньбийских женских шубках, и мог лишь посетовать на это своему младшему

брату, служившему императорским наместником в столице (ВШ: 536). В итоге вскоре после переезда в Лоян император позволил сяньбийцам возвращаться в летнее время на север, спасаясь от непривычной жары.

Таким образом, форсированная синизация способствовала этнической консолидации части сяньбийцев, возрождению их этнической идентичности и интереса к обычаям кочевой культуры. Недовольство «традиционалистов» политикой китаизации и отрывом переродившейся знати от простых сяньбийцев было одной из главных причин антидинастийных бунтов начала VI в., известных как «мятеж шести пограничных застав (*чжэнь*)». Крах династии и распад Северного Вэй на две части предопределили новый этап сяньбийско-китайских отношений, ознаменовавшийся крупными сдвигами в соотношении сил. Пиком этой этноохранительной тенденции стали попытки возродить сяньбийские порядки уже после падения Северного Вэй, известные в науке под термином «сяньбийский ренессанс» (Крюков и др. 1979: 94–97). Впрочем, это явление лишь замедлило, но не могло обратить вспять общий процесс китаизации.

В ходе указанных сложных процессов пестрый этнический конгломерат, возникший в эпоху Северного Вэй, постепенно трансформировался. Сближение всех входивших в состав империи народов приводило к их дальнейшему синтезу в единый, хотя и испытывавший уникальное сяньбийское влияние этносоциальный организм, на базе которого происходило общее формирование китайского этноса. Наконец, история правления династии Северная Вэй оказала огромное влияние на социально-политические, экономические и прочие государственные мероприятия всех последующих «завоевательных династий» в Китае, правители которых неизменно учитывали ценный опыт своих тоба-сяньбийских предшественников.

Генезис имперских структур у тюрков

Завоевание и принуждение к покорности доминирующей племенной группой других кочевых объединений и племен, т.е. установление военного господства, — основной путь генезиса кочевых империй Внутренней Азии. Тюрки начали с покорения теле, далее были разбиты жужани, затем развернулось масштабное завоевание евразийских степей. В тюркских надписях начала VIII в. сюжет о покорении тюрками кочевых племен Внутренней Азии занимает одно из центральных мест. В ментальных установках тюркской элиты центром империи-эля и местом расположения главной ставки был Отыкен (Отюкенская чернь, Хангай), который ассоциировался с центром мира. Его окружали «четыре угла», или народы, «живущие по четырем углам», — образно-географическое описание (политико-географический конструкт) всей кочевой ойкумены (контекст надписей в большинстве случаев подразумевает покорение именно кочевников, но возможно, что «четыре угла» включали и оседлые народы). Поэтому образование эля требовало покорения и подчинения живущих «по четырем углам народов» (Малов 1951: 40). Подчинение племенных союзов и линиджей представлено в рунических текстах весьма ярко: «Над сынами человеческими воссели... Бумын-каган и Истеми-каган... Четыре угла (т.е. народы, жившие вокруг по всем четырем странам света) все были [им] врагами; выступая с войском, они покорили все народы, жившие по четырем углам, и принудили их всех к миру. Имеющих головы они заставили склонить [головы], имеющих колени они заставили преклонить колени» (Малов 1951: 36; Кляшторный 2003: 61). В тексте Онгинского памятника идея насильственного подчинения номадов правящему роду тюрков Ашина и прежде всего кагану вы-

ражена еще более отчетливо: «Наш предок Бумын-каган четыре угла притеснил, повалил, победил, раздавил» (Малов 1959: 9).

В конце 80-х годов VII в. Эльтериш-каган, вернувший тюрков в степь, был вынужден вступить в противоборство не столько с Китаем, сколько с разными кочевыми объединениями Монголии и Южной Сибири: «Справа (т.е. на юге) народ табгач был [ему] врагом, слева (т.е. на севере) народ токуз-огузов [под начальством] Баз-кагана был [ему] врагом, киргизы, курыканы, „тридцать татар“, кытай и татабы все были [ему] врагами; мой отец-каган... По милости Неба он отнял племенные союзы у имевших племенные союзы (т.е. у враждебных ему ханов) и отнял каганов у имевших [своих] каганов (т.е. у враждебных ему народов, элей), врагов он принудил к миру, имевших колени он заставил преклонить колени, а имевших головы заставил склонить [головы]» (Малов 1951: 38). Эльтериш-кагану пришлось столкнуться с ожесточенным сопротивлением кочевников и в буквальном смысле вести войну против всех. Воины Эльтериш-кагана, после того как «Небо даровало им силу», стали «подобны волку, а враги его были подобны овцам» (Малов 1951: 37, стк. 12).

Констатация фактов завоевательной политики сама по себе мало объясняет причины завоеваний и создания имперских политий в евразийских степях. Исследователи неоднократно обращались к изучению предпосылок, способствовавших военно-политической интеграции номадов в масштабные державы. Мнения специалистов в этом вопросе довольно существенно различаются. С учетом разных точек зрения можно выделить ряд наиболее важных факторов рождения раннесредневековых кочевых империй и их особенности:

— экологическая среда (степи, сухие степи, межгорные котловины, горные пастбища и пр.) и кочевое скотоводство как специфичная форма адаптации в аридной зоне Евразии предопределяли преимущественно экстенсивные формы хозяйствования и рассредоточенность номадов в степях из-за ограниченности пищевых ресурсов для скота и необходимости перекочевки небольшими домохозяйственными группами (Радлов 1989: 345; Lattimore 1940: 522; Krader 1955: 65–87; Марков 1967: 28–30; 1976: 312; Толыбеков 1971; Хазанов 1973: 4, 7; 1975: 37–82; 2000: 83–173; Khazanov 1984: 32–59; 1990: 86–88; Масанов 1984: 95–105; 1986: 20–26; Марков, Масанов 1985: 87, 95; Крадин 1992: 60–76; 1996: 20–22; 2002: 65–71; 2007: 123–125; Барфилд 2002: 59–65; Legrand 2011: 319, 320, 405–406; Дробышев 2014: 43–46, 57–59, 165–181; и др.), что осложняло быстрый незапланированный сбор крупных военных подразделений в случае внезапного нападения противника;

— падёж скота, джуты, эпизоотии, зависимость от климатических колебаний, недостаток ресурсов, создаваемых в кочевых хозяйствах, вели к стремлению увеличить поголовье скота за счет других номадов и получить доступ к продуктам производства земледельческого и городского населения (Хазанов 1975: 149–150; 2000: 262–264, 271; Khazanov 1984: 69–84; Барфилд 2006: 415, 420–431; 2008: 14–15, 18–19; Крадин 1992: 54–61, 64–67, 123, 126–130; 1996: 19–20; 2000a: 315; 2000b: 314–317; 2001a: 22–23; 2002: 44–45; 2007: 118; Дробышев 2014: 98–103 и др.);

— нахождение рядом со степным пространством мощного источника ресурсов — китайской земледельческой империи (в период роста ее населения и производства), а также сравнительно близких городских центров Восточного Туркестана; именно набеги на Поднебесную и оазисы Восточного Туркестана, завоевание и установление военно-политического контроля над ними требовали консолидации военных ресурсов кочевого мира и создания единого политического режима (Радлов 1989: 249–250; Бартольд 1968а: 23; Khazanov 1984; Хазанов 2000; Barfield 1989, 2000, 2011; Барфилд 2002: 74–84; 2008: 18–22; 2009; Крадин 1992: 61–63, 75–76, 129–130, 162, 163, 165, 169, 170–172 и др.; 1996: 23–26; 2000в: 318–320; 2002: 38–47; 2007: 95–108; и др.; Kradin 2000, 2008, 2014, 2015; Di Cosmo 1999: 14–35; и др.);

— раскол кочевых элит, междоусобицы, ослабление имперского центра, стрессовое состояние номадов в период междоусобиц, завоеваний, войны «всех против всех», которую Н. Ди Космо обозначает как кризис, подталкивающий к созданию альтернативных центров политической власти (сплоченных в военном отношении кланово-племенных групп кочевников во главе с харизматическим лидером, чьи устремления были направлены на свержение власти доминирующего во Внутренней Азии племенного объединения, покорение соседних кочевников и образование масштабной номадной политики); в подобной ситуации как простые номады, так и племенные лидеры ищут стабильности и защиты, и если альтернативные политические силы показывают способность к умиротворению степи, то данный интеграционный импульс приводит к возникновению новой империи (Ди Космо 2008: 195–197);

— формирование в условиях кризиса консолидированных племенных групп, нацеленных на свержение существующих имперских властей и / или завоевание степного пространства; успех выступления оппонентов действующей власти зависел от степени координации их действий, помощи извне, состояния доминирующей племенной группы;

— выдающиеся качества кочевых лидеров-создателей номадных империй, обладавших политическими и военными талантами, лично руководивших войсками, добивавшихся важнейших побед благодаря собственным усилиям и удаче; помимо военных успехов нельзя не отметить организационные достижения Истемы, Тобо-кагана / Таспара, Капаган-кагана и других предводителей кочевых империй тюрков;

— благоприятная для завоеваний внутривнутриполитическая ситуация в степях, где отсутствует имперский союз племен, но существует несколько достаточно разрозненных племенных объединений (подобный «вакуум власти» в монгольских степях наблюдался в конце VII в., когда Эльтериш-кагану и его сторонникам пришлось вести многочисленные отдельные столкновения с токуз-огузами, курыканами, киргизами, татарами, киданями, татабами и др., но не с войсками единой кочевой политики).

Имперская система тюркских каганатов

Первая империя тюрков имела яркие специфичные черты по сравнению с ее предшественниками. Масштабность завоеваний, территориальный охват от Маньчжурии и до Черного моря, взаимодействие на равных с крупнейшими цивилизациями раннесредневековой Евразии (Китай, Персия, Византия), военно-политическое обеспечение транзитной торговли шелком и другими престижными товарами, контроль над земледельческими государствами и анклавами в Восточном Туркестане, Семиречье, Средней Азии, разнообразие форм управленческих практик — все это существенно отличало Первый Тюркский каганат от более ранних имперских политий внутриазиатских степей (хунну, сяньби, жужани).

Генезис имперских структур у тюрков был тесно связан с судьбой Жужаньского каганата. Каганат жужаней в годы его возвышения являлся для тюрков образцом империи, хотя бы отчасти интегрировавшей кочевников Монголии в единую политическую систему. Кроме того, для тюрков жужани выступали как носители более древних имперских традиций (титлатура, представление об иерархии, методах управления, сакральный характер власти и т.д.). В столкновениях тюрков с жужанями нашел отражение механизм замены китаизированной кочевой элиты другой, более консолидированной этнополитической группой.

Тюрки являлись данниками жужаней. По всей видимости, к началу VI в. тюркское объединение представляло собой вторичное племя либо группу племен во главе с правящим кланом Ашина. Консолидация в первой половине VI в. племенного союза тюрков, подчинение ими племен теле (546), союз с Западной Вэй (545–546) и брак тюркского вождя Бумына с западнозвэйской принцессой, заключенный в 551 г. (Liu Mau-tsai 1958: 6–7), позволили вождю тюрков открыто бросить вызов жужаньскому правителю Анагюю (Анахуаню). Нанеся в 552 г. первое поражение жужаням, Бумын провозгласил себя Или-каганом (Эль-каган), а его супругу стали называть «катун» (K'o-ho-tun) (Бичурин 1950а: 228; Liu Mau-tsai 1958: 7). Титул Бумына можно рассматривать как претензию на создание новой империи. Преемником Бумына стал его сын Коло (Кара-каган), правивший недолго. Разгром жужаней в 553–555 гг. завершил брат Коло — Мугань-каган (Мухан-каган Бугутской стелы, *mwγ'n γ'γ'n*, 553–572 гг.) (Бичурин 1950а: 228; Liu Mau-tsai 1958: 7; Кляшторный, Лившиц 1971: 129–131, 139–140; Тишин 2012: 226–228).

Мухан смог навести порядок в монгольских степях, разбить эфталитов, киданей, захватить северные владения (в частности, Цигу) (Бичурин 1950а: 231; Liu Mau-tsai 1958: 8), развернуть наступление на запад. Центральное место в политике Мухан-кагана заняло южное (китайское) направление: Мухан-каган в союзе с Северной Чжоу разгромил государство Тогон и совершал регулярные набеги на Северную Ци. Каганат рос и в западном направлении. Во время западного похода Истеми 554–558 гг. тюрки смогли покорить Семиречье, казахские степи, Хорезм, дойти до Волги.

Итогом первых лет завоеваний стало образование огромной империи, которая, как это представлялось китайским хронистам, включала «все государства за

пределами китайской границы», земли «к западу от моря Ляо (залив Ляодун) на востоке и до Западного моря¹ на западе, от Северной пустыни (Гоби) на юге и до Северного моря (озеро Байкал) на севере» (Liu Mau-tsai 1958: 8). Завоевание западного ареала степей Евразии продолжалось вплоть до начала 580-х годов². В состав каганата вошли территории с земледельческим и городским населением (оазисы Средней Азии, Кавказ, некоторые княжества Восточного Туркестана и др.). Но решающее значение в развитии каганата имело подчинение кочевников на степных просторах и их временная консолидация для решения конкретных задач (разгром жужаней, набеги на Китай, экспансия в западном направлении). Западный поход Истеми и довольно ограниченная политика набегов Мухан-кагана на земли Северной Ци показывают, что Ашина в 550–560-х годах еще не определился с основным вектором внешней политики и формами получения прибавочного продукта военно-политическими средствами. Только с развертыванием агрессивной политики против китайских царств при кагане Таспаре потребовались централизация военных сил и усложнение политической системы в восточной половине каганата (Васютин 2011: 36).

Формирование институтов управления в племенном союзе тюрков до 553–555 гг. не отражено в источниках. С провозглашением каганата потребность в развитии властной иерархии возрастала. Конкретные сведения о титулах и функциях некоторых «имперских чиновников» упоминаются только при описании в китайских источниках правления Мухан-кагана. В династийных хрониках Чжоу и Суй указывалось, что штат управленцев вместе с низшими чинами насчитывал всего 20 человек. Непосредственно названы *шеху* (*ябгу*) (Бичурин 1953: 303), *дэлэ* (*тэлэ*, *тегин*) (там же: 275), *сылыфа* (*гейлифа*, *эльтебер*) (Бичурин 1953: 288; Таскин 1984: 414, коммент. 55; Малявкин 1989: 173, коммент. 259) и *тумаофа* (предположительно *тудун*). Очевидно, что для осуществления властных функций на огромных просторах империи такого аппарата власти было недостаточно.

Военно-административная система в Первом Тюркском каганате стала оформляться только при младшем брате Мухана Тобо, кагане Таспаре Бугутской стелы (Бичурин 1950а: 233; Liu Mau-tsai 1958: 13, 32–33; Кляшторный, Лившиц 1971: 129–131, 133 и др.). Именно Таспар резко изменил вектор тюркской политики. Во-первых, он учредил в каганате административное деление на центр и крылья³. Центром управлял сам каган, а крыльями — его ближайшие родствен-

¹ Аральское или Каспийское море.

² Основные этапы западной экспансии тюрков приходятся на 554–576 гг. Их венчали нападения в 580–583 гг. на византийские владения в Крыму и на Кавказе.

³ Мнение Л.Н. Гумилева об административной реформе Мухан-кагана и создании им уделов (Гумилев 1959: 11–15; 1967: 57–58) требует уточнения. Во-первых, в источниках имеются лишь косвенные указания на оформление уделов в западных владениях каганата. Во-вторых, как нам представляется, следует различать триадную административную систему, созданную Таспаром, возможно, только в восточной половине империи (на западе позднее фиксируется дуальный принцип, когда в Семиречье оформились два племенных союза — дулу и нушиби), и уделы, число которых росло в соответствии с увеличением числа представителей клана Ашина с каждым новым поколением. Несомненно, что первые уделы могли появиться и до административной реорганизации Таспара.

ники. Система крыльев была традиционным признаком кочевых империй (Golden 1982: 57–65; Sinor 1990: 297, 298; Крадин 1992: 136; Трепавлов 1993: 111; Кычанов 1997: 108 и др.). Также наблюдается структурирование полномочий членов главенствующего клана Ашина. Вторым человеком в империи был *ябгу* (*джабгу*, *ye-hu*, *yabgu*), но он не мог стать наследником кагана. Только брат Бумына — Истем, носивший титул *ябгу*, после экспансии на запад возвысился и превратился практически в независимого правителя. Как в источниках, так и в научных исследованиях Истем нередко называется каганом (ханом), *ябгу-каганом*. Особенно показательно именование Истем каганом в надписях в честь Кюль-тегина и Бильге-кагана (Малов 1951: 36; Кляшторный 2003: 61). Из этого можно заключить, что положение владетеля западной половины каганата с самого начала было не очень ясным.

Определенную роль в управлении каганатом играли так называемые *малые каганы* (сяо-кэ-хань) и *эв каганы* (<и-кэ-хань>) (Зуев 1998: 155, 159; 2002: 212, 280, 289; Тишин 2014: 23 и др.)⁴. Первый известный нам факт назначения верховным правителем «малых каганов» состоялся при Мухан-кагане. В 563 г. Мухан поставил «своего младшего брата Ашина Куту с титулом Диту-кагана управлять восточными землями каганата. Под этим же годом упоминается также третий каган, Були» (Тишин 2012: 227, 230, прим. 5). Таспар фактически «первым административным актом» назначил Шету (Нйету) Эрфу-каганом (Нивар-каган Бугутской стелы) и поручил ему управление восточными землями каганата. Младшего брата Жутаня Таспар поставил Були-каганом «с пребыванием» в западной части своих владений (Бичурин 1950а: 233; Кляшторный, Лившиц 1971: 130, 139; Тишин 2012: 227 и др.). В.В. Тишин подчеркивает, что Були «имел высокий статус» при Мухане и Таспаре (Тишин 2012: 227). Стоит также отметить, что управлявший восточными территориями империи Эрфу-каган в дальнейшем (после короткого и неудачного правления сына Таспара Ань-ло) был возведен в верховные каганы под именем Шаболио (Бичурин 1950а: 235; Liu Mau-tsai 1958: 43–44, 50 и. а.; Тишин 2012: 227 и др.).

«Малые каганы» известны также в Восточно-Тюркском и Втором Тюркском каганатах. На этом основании некоторые исследователи писали об институте «соправителей» и «двоевластия» в тюркских политиях (Кляшторный, Лившиц 1971: 130; Golden 1992: 147; Голден 1993: 225; Трепавлов 1993: 75–76, 95–96). С.Г. Кляшторный и В.А. Лившиц также называют «малых каганов» наместниками (Кляшторный, Лившиц 1971: 130). Другие специалисты считали их главами уделов (Зуев 1998: 160; Трепавлов 1994: 51), предводителями правого и левого крыла, «феодальными владетелями» и др. (см. обзор: Тишин 2012а). Разбор сюжетов китайских хроник и тюркских надписей, в которых упоминаются малые каганы, проведенный В.В. Тишиным (2014: 23–26), показал, что в одном случае

⁴ Проблема «малых каганов» также инициировалась в связи с определенными параллелями в организации верховной власти в Хазарском каганате (каган и бек / мелех — «царь» / малик — «правитель» / халифа — «заместитель») и у тюрко-болгар на Дунае (кан сюбиги и кавхан), которые выступали наследниками Великого Тюркского каганата в западном ареале евразийских степей.

малыми каганами выступают ябгу и шад (ябгу Истеми, Диту-каган, управлявший восточными землями в Тюркском каганате при Мухан-кагане) (см. также: Жумаганбетов 2008: 14, 15); в другом — удельные князья империи (Або-каган, Тань-хан и др.; каганы ниже е-ху / ябгу, и-каганы больших племен) (Зуев 1998: 155); в третьем — старшие сыновья действующего правителя (например, Фу-цзэя / Фугю / Бёгю-каган / Тоси — «властитель Запада», старший сын Капагана, получивший от отца полномочия выше шадов правого и левого крыла, и Инэль-каган, «начальник войска», второй сын Капагана) (Малов 1951: 68, 69; Гумилев 1967: 470; Кляшторный 2003: 115; Тишин 2014: 24); в четвертом — претенденты на власть, не оказавшиеся в силу нарушения лестничного принципа и других причин на троне (Тули-хан при Хейли-кагане / Сели-кагане) (Бичурин 1950а: 259); в пятом случае — реальный управленец и военачальник при номинальном кагане, который стал «духовным главой» (Нивар-каган при Таспар-кагане) (Кляшторный, Лившиц 1971: 129, 130; Тишин 2014: 24).

В связи с этим стоит подчеркнуть, что в управленческой практике тюркских каганатов институт так называемых малых каганов претерпел эволюцию и имел свою определенную функциональную роль. При Мухан-кагане и Таспар-кагане, т.е. в период, когда административная система каганата еще не сформировалась полностью, малые каганы выступали как руководители крупных территориальных уделов (крыльев) империи. В последующем в роли малых каганов выступали имперские князья, претенденты на верховную власть, которым вместе с титулом выделяли уделы (т.е. области в составе крыльев). Тем самым их власть сохраняла территориальный характер, титул *каган* (в китайских источниках — малый каган) использовался для повышения статуса выходцев из ближайшего окружения верховных правителей, но функции малых каганов по сравнению с шадом менее ясны. Судя по примеру Тули-хана, такие сановники располагали собственными войсками, имели в подчинении как тюркские, так и другие племена. Во времена Второго Тюркского каганата Капаган-каган, назначив своих сыновей Бёгю и Инэль каганами (малыми каганами) (Малов 1951: 68, 69; Кляшторный 2003: 115), укреплял свою власть. Бёгю-каган, например, был поставлен выше шадом Могиляня западного крыла и первого претендента на каганский престол (старший сын Эльтериш-кагана). Бёгю осуществлял функции контроля и руководства военными подразделениями на данной территории и сам мог рассматриваться как наследник власти своего отца. Это означает, что малые каганы (или просто каганы) были вписаны в структуру власти кочевых империй тюрков, и мы должны учитывать их влияние наряду с другими высшими должностными лицами каганатов. Одновременно с этим нельзя не отметить, что конкретное положение малых каганов сильно зависело от политической конъюнктуры и позиций верховного правителя.

В рамках клана Ашина некоторые «принцы крови», выступавшие претендентами на наследование каганского престола, носили титул *тегин*. Однако их претензии на власть оставались гипотетическими до тех пор, пока они не возглавляли крылья либо престижные уделы. Главы уделов носили титул *шад* (*ше*, *Schê*,

Schad) и являлись крупными администраторами и военачальниками империи (Liu Mau-tsai 1958: 8, 132, 498). Среди так называемых высших чиновников в китайских источниках названы *цуй-люй-чжо* (K'ü-lü-tsch'o) и *або* (A-po) (там же: 132).

В своде сведений о тюрках Лю Маоцяя имеются данные о различных чинах каганата. Часть из них, по всей видимости, исполняли традиционные «придворные» роли в ставке правителя. Например, *саньдоло* (San-ta-lo) предположительно мог быть виночерпием (название должности было производным от «сосуд для вина»). Китайский хронист отмечает, что этот «чиновный титул был особенно высоким, и только сыновья или братья кагана имели право носить его» (Там же: 498). Титул *хэ-лань су-ни-цую* (Ho-lan Su-ni-küe) происходил от слова *хэлань* (лошадь) и, возможно, означал конюшего (?). Функции некоторых должностных лиц характеризуются достаточно четко. Так, *фуни жэхань* (Fu-ni Je-han) «должен был перепроверять нарушения закона и следить за субординацией», *аньчжаньцзюни* (An-tsch'an-kü-ni) «соответствовал государственному служащему» и «заведовал домашними делами» (там же: 498–499). «Должность» *фулинь* (Fu-lin), судя по ее китайской интерпретации — «волк», могла быть связана с охраной кагана. Имеется и прямое указание на функции фулинь как каганской гвардии (там же: 9).

Высокопоставленные вельможи именовались тарханами (Зуев 1998: 154, 155). Старший из них назывался *кэ-ли-да-гуань* (Ko-li-ta-kuan). Имелся также титул *суни* — лицо, ведавшее армией. Были и другие военные чины. Некоторые из указанных понятий были титулами: *шиболо* (Schi-po-lo) известен как Ышбара («смелый», «сильный» «отважный», «крепкий», «свирепый» (Liu Mau-tsai 1958: 499; Зуев 1998: 155). Также выявлены военные чины в кавалерии, аристократические титулы Кара-чор и «предводителя дружины-сотни», Бори-шада (главы гвардии), ябгу, и-каганов (глав уделов), управляющего династийным домом (двором), *эбом* (куда входила и ставка-орда) (Зуев 1998: 155–159; см. также: Кычанов 1997: 97). Таким образом, большинство «должностей» были связаны со ставкой правителя. Цепь имперской администрации каган-ябгу-шады замыкали *тутуки* (*тутунь*, *тутунфа*, *тудуны*)⁵ и более мелкие «чиновники»⁶ — представители центральной власти в племенах и племенных объединениях (Бичурин 1950а: 283; Liu Mau-tsai 1958: 498–499). Всего в управленческой иерархии насчитывалось «28 классов» (Liu Mau-tsai 1958: 9). Все «должности», как указывается в китайских хрониках, были наследственными (Бичурин 1950а: 229; Liu Mau-tsai 1958: 8).

В согдийской надписи на Бугутской стеле, согласно переводу С.Г. Кляшторного и В.А. Лившица (1971: 139, 140), упоминаются шадапыт(ы), тархваны, куркапыны, тудуны. Судя по всему, здесь перечислены наиболее важные чины империи, возможно входившие в состав совета при кагане (Кляшторный 2006:

⁵ Возможно, существовали старшие тутуки — *сого тутунь* (So-ko T'u-t'un) (Liu Mau-tsai 1958: 499).

⁶ В танских хрониках упоминается *сыцинь* (Sse-kin, сыцинъ), перечисляемый после тутунов (Liu Mau-tsai 1958: 132). Сыцинъ (сыцинъ, сыгинъ) — китайский термин, обозначавший племенных вождей, *эркинов*, *иркинов* (erkin, irkin, šadapit) (Таскин 1984: 412, коммент. 45, 414, коммент. 52; Малявкин 1989: 37, 39, 87, 104, коммент. 580, 281–282, коммент. 708; Кычанов 1997: 105).

58). В этом перечислении узнаваемы шады, тарханы и тудуны (тутуки). Термин *куркапыны* интерпретировался по-разному. В одном случае С.Г. Кляшторный видел в куркапынах слой военной аристократии (либо выдающихся военачальников), получивший в качестве символов власти пояс или колчан (Кляшторный, Лившиц 1971: 142). В другом — предположил аналогию термину *бег* (Кляшторный 2006: 71, прим. 108). Контекст одной из фраз надписи из Бугута — «кто-либо [из] куркапынов, родичей, [из всего] народа» — не исключает такой трактовки. Но, вероятнее всего, в лице куркапынов выступал влиятельный ранг военных предводителей из окружения кагана.

Учитывая ограниченность функций шадов и тутуков (руководство ополчениями, надзор или управление)⁷, провинциальных «администраторов» в степных районах империи ни в коем случае нельзя считать чиновниками. Система имперского управления позволила установить контроль над племенными вождями и местными владельцами (*беги*, *сылифа* = *эльтеберы*) и тем самым сделать империю более консолидированной. Титул *эльтебер* носили главы крупных племенных объединений, а *иркины* (эркины, *erkin*, *irkin*, *šadapit*; кит. сыцинъ, *Sse-kin*, сыцзинъ, сыгинъ) возглавляли отдельные племена (Liu Mau-tsai 1958: 132; Таскин 1984: 412, коммент. 45, 414, коммент. 52; Малявкин 1989: 37, 39, 87, 104, коммент. 580, 281–282, коммент. 708; Кляшторный 1995: 151–152; Кычанов 1997: 105; Барфилд 2009: 111; и др.).

Ресурсы для содержания титулованной знати и «должностных лиц» помимо производимого в степи включали военную добычу, дань и поборы, собираемые с зависимых кочевников, сельского и городского населения в Восточном Туркестане и Средней Азии, дары-откупы, поступавшие из Китая, доходы от продажи шелка, пушнину, которую поставляли жители северной периферии каганата, и пр. Тобо-каган, осознав мощь своей империи, стал проводить политику запугивания китайских царств с целью получения разных престижных товаров, производимых в Поднебесной, и прежде всего шелка. В результате Северная Чжоу спешно заключила договор о мире и родстве, в соответствии с которым тюрки ежегодно получали 100 тыс. кусков шелка. Одновременно с этим и правительство Ци стало «опустошать свои сокровищницы» для платы тюркам (Liu Mau-tsai 1958: 43).

Излишки шелка, не попадавшие в сферу престижного потребления элиты каганата и бегов, отправлялись в западном направлении и распродавались в городах Евразии. Торговля и города требовали либо устойчивой системы политического контроля, либо создания аппарата фискальных чиновников, что является свидетельством зарождения государственных практик (введение разнообразных налогов и пошлин, чеканка монеты, участие кочевников в непосредственном управлении городами). За редким исключением, конкретные формы изъятия прибавочного продукта у земледельцев и горожан, оказавшихся в подчинении тюрков Первого каганата, не известны. Можно лишь предполагать, что тюрки

⁷ В «Синь Тан шу» сообщается, что каган Шаболуэ послал тутуня Пиньчжи для управления киданями (Е Лун-ли 1979: 509).

собирали дань, налоги и пошлины в подчиненных оазисах-государствах Восточного Туркестана (Гаочан, Куча), так как китайские хроники содержат лишь косвенные указания на фискальную деятельность тюрков в этом регионе. Более конкретная информация имеется о набегах, в частности о разгроме четырех городов в 590 г. (Бичурин 1950б: 254). Поступление в каганат даров и товаров обеспечивалось политически с помощью династических браков (Гаочан) либо возможного присутствия в городах Восточного Туркестана тутоков (Бичурин 1950б: 254; Восточный Туркестан 1988: 296). Аналогичной могла быть политика каганата и в Средней Азии.

Принципиально важным для характеристики политической системы каганата является вопрос о том, платили ли собственно кочевники, составлявшие опору империи (тюрки, теле), какие-либо подати. Источники косвенно указывают на существование подобных явлений. В «Суй шу», в частности, упоминается, что тюрки «количество требуемых людей, лошадей, податей и скота считают по зарубкам на дереве» (Бичурин 1950а: 229). Здесь, правда, стоит оговориться, что фискальная интерпретация данного сюжета отражает скорее китайский взгляд на управленческую практику. Не исключено, что упоминание «податей» у тюрков напоминает монгольский опыт XIII в., когда аратами предоставлялся один двухгодовалый баран с каждого стада или кобылица с каждого табуна в 100 лошадей (Крадин, Скрынникова 2006: 445). Причем речь может идти о символическом «налоге», который выступал как своеобразная форма «оплаты» управленческой деятельности кагана. Подобные «выплаты» скотом никак нельзя признать свидетельством существования либо зарождения фискальных поборов.

Предоставление рядовыми кочевниками скота кагану носило символически-ритуальный характер. Во-первых, нередко скот пригонялся номадами на мероприятия, связанные с выполнением каганом религиозных обрядов и ритуалов. Во-вторых, отсутствовал даже в зачатке чиновничий аппарат, который бы осуществлял сбор «подати», ее учет и доставку в центр империи. В-третьих, потребление этих ресурсов производилось каганом публично с широким кругом приближенных и даже с рядовыми кочевниками в рамках священнодействий.

В целом это напоминает (в данном случае речь не идет о полных аналогиях; скорее можно предполагать типологическое сходство) догосударственные традиции германоязычных народов. В их рамках население устраивало пиры для конунга, который «правильно» выполнял свои военные, управленческие и ритуально-сакральные функции (жертвоприношения, организация жертвенных пиров, руководство успешными военными походами и т.д.) и периодически объезжал области и владения своей политики для «общения» с провинциальными элитами и населением, непосредственного решения назревавших проблем на местах. Ярким примером подобной «оплаты» сакрально-управленческих функций правителя выступает скандинавская *вейцла* (см., например: Гуревич 1970: 45–46, 56, 78, 182; 1999; 2006: 237–239; Васютин 2007: 53–57).

Подчиненные племена имели перед каганом и его людьми разные обязательства. С таких номадов собирались подати скотом, оружием, различными изде-

лиями. Мужчины зависимых племен могли привлекаться для выполнения разных повинностей (заготовка топлива, припасов и пр.), военной службы во вспомогательных отрядах и т.д. В связи с этим необходимо учесть, что важную роль в организации тюркской империи играла внутренняя иерархия племен, племенных союзов и зависимых этнических групп. Некоторые племенные объединения (например, кидани и кумоси) оказывались в довольно жестких формах подчинения и к тому же периодически подвергались ограблению и насилию. В этом случае решающее значение имела военная организация каганата, выступавшая в качестве главного института поддержания единства кочевой политики (Марков 1976: 312; Худяков 1989а; Кляшторный 1986а: 218–219; Крадин 1992: 162–166; 1996: 19–26; 2000в: 319).

Теле, среди которых выделялись уйгуры, силами которых тюрки «геройствовали в пустынях севера» (Бичурин 1950а: 301), помогли не только разгромить жужаней, но и осуществить масштабные завоевания в Евразии. Союз тюрков и теле первоначально базировался на ненависти к жужаням и совместной борьбе с ними. В годы экспансии и создания Первого Тюркского каганата племена теле широко расселились на захваченных землях (Монголия, Алтай, Семиречье и пр.), получили доступ к военной добыче, дарам из Китая и других стран и в целом заняли привилегированное вслед за тюрками положение в каганате. Отдельные кланово-племенные союзы, например уйгуры, позднее сеяньто, карлуки, кыпчаки возвышались и обладали определенными привилегиями. Показательно, что вплоть до начала VII в. тюрки не сталкивались с внутренними мятежами племен в Монголии и рассматривали племена теле как свою основную военную опору.

Внутреннее управление кочевниками в Первом Тюркском каганате строилось преимущественно на догосударственных традициях. Индикатором преобладания таких форм взаимодействия имперской элиты (каган, представители клана Ашина, тутуки) и простых кочевников является устное традиционное право. Мы не знаем даже попыток письменной кодификации каганами правовых установлений, а весь фонд источников скорее указывает на господство у тюрков в праве и судопроизводстве обычно-правовых традиций (*törü*) (Бичурин 1950а: 230; Liu Mau-tsai 1958: 9, 41–42).

Элементы государственной практики во внешнеполитической деятельности кагана выступают более отчетливо. Здесь в отдельных случаях мы наблюдаем определенные черты рационализации поведения кагана и представителей его окружения (официальная переписка, соблюдение дипломатического протокола, дары китайскому императору во время посольских визитов в Поднебесную, династические браки и пр.). Каган олицетворял ксенократическую угрозу Китаю, которая заставляла китайских правителей платить дань, посылать подарки в степь и идти на уступки кочевому миру, контролировал сферу обмена товарами с Китаем и другими земледельческими политиями. По большому счету только институты, связанные с управлением оседлым населением, можно рассматривать как потенциальные элементы государственности.

В памятниках письменности тюрков представлено собственно тюркское понимание политической организации каганата, нашедшее отражение в понятиях *эль* (*äl, el, il, illig*). Исследователи по-разному переводили термин *эль*. В.В. Радлов и П.М. Мелиоранский перевели данный термин как «племенной союз», одновременно указывая, что *äl* — «это группа кочевых племен, сплоченных в одно политическое целое», которые они также называют «кочевыми государствами» (Radloff 1897: 131, 133–134, 137; Радлов, Мелиоранский 1897: 16, примеч. 4). А.Н. Бернштам (1935: 14; 1946: 100) видел в эле союз племен и «организационную форму феодального турецкого государства». С.Е. Малов в разных контекстах трактовал *эль* то как племенной союз (Малов 1951: 34, 35, 37 и др.), то как государство (Малов 1959: 10, 20, 21 и др.). Как «племенной союз» (народ) переводится *el* (*il*) и в «Древнетюркском словаре» (ДТС 1969: 168–169). В концепции Л.Н. Гумилева *эль* представлял собой союз орды и племен (Гумилев 1961: 15–23; 1967: 59–63). С.Г. Кляшторный (1986а: 219; 2001: 79 и др.) интерпретировал понятие *эль* как имперскую структуру, государство.

Изучение тюркских текстов показывает, что для их составителей слово *эль* имело разные значения. В одних случаях указывается на этническую основу эля, т.е. подразумевается народ, этническая полития, объединение племен с общей этнической идентификацией (см., например: «Киргизского кагана мы убили и племенной союз (*эль*) его взяли» [Малов 1951: 41]). В других случаях в глазах кочевых племен и особенно кочевой элиты понятие *эль* означало системное и сакральное единство кочевого мира во главе с каганом-медием, идеал земного устройства (например: «Впереди, к солнечному восходу, справа, [в стране] полуденной, позади, к солнечному закату, слева, [в стране] полноточной — [повсюду] там живущие народы — все мне подвластны; столь много народов я всех устроил» [Малов 1951: 33]). Каганат выступал как *эль*, объединивший все другие эли кочевых народов (каганат = *эль элей*). Вероятно, в религиозно-идеологических представлениях кочевых племен термин *эль* отражал имперские устремления тюркских правителей и в системе представлений и ценностей кочевого мира служил аналогом понятия «империя». В 584 г. каган Шаболио в письме к суйскому императору Гао-цзю назвал свою «страну» «Великой империей тюрков» (Liu Mau-tsai 1958: 50).

В 582–603 гг. Первый Тюркский каганат вступил в период длительного кризиса, связанного с междоусобицами в империи, активным вмешательством правительства Суй в противоборство представителей клана Ашина и неудачами тюрков во внешней политике. Прежде всего проявилась организационная слабость политической структуры Первого Тюркского каганата, особенно его центрального аппарата. В отличие от монголов, которые пользовались не только услугами земледельческой бюрократии (китайцев, персов, арабов и др.), но и административными талантами кочевников, усвоивших управленческий опыт Поднебесной и других стран (уйгуры, кидани), тюрки не располагали подобным штатом подготовленных секретарей, писцов, сборщиков налогов и пошлин. Политическая иерархия, созданная в каганате, будучи довольно сложной с точки зрения

кочевого опыта, была явно недостаточной для управления огромной территорией империи, особенно ее земледельческо-городскими анклавами.

Фактически с момента создания «широтной империи» в аридном поясе Евразии стала очевидной неэффективность управления владениями каганата из одного центра. Это привело к тому, что уже после первых завоеваний в структуре каганата возникли две верховные ставки: одна в Центральной Монголии, другая — в Семиречье. К началу кризиса мы уже фактически наблюдаем оформление в западной части каганата независимой управленческо-административной структуры. Во главе ее встал сын Истеми, унаследовавший удел в Семиречье Кара-Чурин Тюрк (576–603). Кроме того, верховные правители каганата не смогли ограничить количество уделов, и в каждой из частей империи (восточной и западной) их число постоянно росло, что является свидетельством развития в каганате процесса, который Н.Н. Крадин назвал «перепроизводством элиты» (см.: Крадин 2000а: 219; 2000в: 332–334; 2001а: 29–30; 2002: 235–236 и др.).

Острота соперничества и претензий на часть получаемых каганом и крупными сановниками империи ресурсов наблюдалась уже в 580-е годы. До этого момента успешные завоевания спланивали элиту каганата. Дальнейшая экспансия была остановлена на западе Византией и Персией (в 576–583 гг. была череда неудачных столкновений с ромеями, а в 589 г. попытка вторжения в персидские владения закончилась сокрушительным поражением тюрков). На востоке решающим фактором кризиса Первого Тюркского каганата было возникновение общекитайской империи Суй. С провозглашением Ян Цзяня первым суйским императором в 581 г. Китай прекратил выплаты степнякам, а с территории Поднебесной выдворялись все тюрки. Позднее суйская администрация принудила кочевников выплачивать дань (в 594 г. году она включала 10 000 голов лошадей, 20 000 овец, по 500 голов верблюдов и быков; в ответ каган Юнььюлю получил всего 2000 или 3000 кусков шелка) (Liu Mau-tsai 1958: 54–56; Тишин 2012д: 227).

Действия китайцев наносили удар по системе престижной экономики в каганате и торговле шелком, подрывали авторитет верховного правителя тюрков, что способствовало росту соперничества за власть и междоусобицам. Суй поддерживала противников кагана, а в случае необходимости укрывала их на своей границе. Таким был марионеточный Тули-каган (Жангар, Киминь-каган), заключивший династический брак и получивший от Китая материальную, дипломатическую и военную поддержку. Под покровительством Суй он пережил активную фазу междоусобиц в степи и стал первым каганом Восточно-Тюркского каганата.

Разделение Первого Тюркского каганата происходило не по уделам, как у монголов, а по условной границе между восточной и западной частями империи⁸. В этом проявилось коренное отличие Первого Тюркского каганата от Мон-

⁸ Исключением был только самый западный удел, где сначала оформилась Великая Болгария, а затем стал доминировать Хазарский каганат. Выделение этого сегмента из владений западнотюркских каганов произошло во многом из-за того, что болгары и хазары располагали собственными объектами для ксенократической эксплуатации (Кавказ, Северо-Западная Персия, Византия, отчасти ресурсы иранского, славянского и другого населения Восточно-Европейской равнины).

гольской империи. В монгольском варианте децентрализации каждый удел имел свою ресурсную базу (Китай, Персию, Среднюю Азию, Хорезм и т.д.). Поскольку тюрки не смогли завоевать крупные земледельческие цивилизации и в их практике доминировала дистанционная эксплуатация, вместо выделения не обеспеченных земледельческими ресурсами уделов происходила их консолидация в более обширные политии, которые словно магнитом притягивали либо оазисы Средней Азии (Западно-Тюркский каганат), либо единый Китай (Восточно-Тюркский каганат). В этом отношении образование империи Суй особенно повлияло на разрыв достаточно слабых политических связей в Первом Тюркском каганате. В совокупности с внутренними междоусобицами и целенаправленной политикой Суй по ослаблению и расколу каганата превращение Китая в единую мощную империю можно считать главным фактором распада первой тюркской политии. Итогом стало оформление двух кочевых империй с различными пасторальными целями в отношении соседних земледельческих обществ (Васютин 2014: 62).

Раскол каганата привел к утрате восточнотюркскими каганами контроля над торговыми маршрутами в Восточном Туркестане и фактически сделал ключевым игроком в евразийской торговле шелком Западно-Тюркский каганат. Прокитайский правитель Жангар (Киминь-каган) плохо контролировал процессы в степи. Не случайно, что в начале VII в. в Монголии в телеской среде происходили кристаллизация надэтнических связей и оформление надплеменных вожеств, таких как десять уйгурских племен, сеяньто, байырку и др. Сыну Киминь-кагана — Шиби, назначенному каганом в 608 г. суйским императором Ян-ди в соответствии с китайскими представлениями о порядке наследования власти, пришлось почти 10 лет восстанавливать порядок в степи. На фоне ослабления династии Суй из-за социального кризиса и внутренних мятежей Шиби-каган развернул консолидирующую номадов политику набегов на Китай. Также в связи с возвышением Тан Шиби-каган укрыл в степях множество сторонников Суй. В результате активных действий Шиби-каган возродил триадное имперское управление и мощь империи: тюрки в тот момент имели до миллиона войск и «никогда и в древние времена северные кочевые не были столь сильны» (Бичурин 1950а: 245).

Если говорить об особенностях политической системы Восточно-Тюркского каганата в 620-х годах, то, во-первых, следует указать на определенную перегруппировку тюркских племен. По танским документам известно, что практически каждое тюркское племя, сдавшееся в 630 г. Китаю, возглавлялось представителем Ашина. Более того, назывались эти «племена» по имени своего вождя. Так, среди капитулировавших племен названы тули, юйшэ, иньнай, которые находились под управлением малого кагана Тули, шада Юйшэ и тегина Иньная. «Со своим народом» капитулировал Ашина Суниши (Малявкин 1980: 106; Малявкин 1981: 76–77, коммент. 15). Главенство выходцев клана Ашина над тюркскими племенами возникло еще в Первом Тюркском каганате. Скорее всего, это были не кровнородственные группы кочевников, а сформировавшиеся вокруг того или

иног князя правящего клана объединения («свой народ») служилой знати, родственников, челяди и включенных в состав «племени» тюркоязычных кочевников.

Во-вторых, была осуществлена попытка Хели-кагана (Эль-кагана) ввести налогообложение в степи. Многочисленные военные акции Эль-кагана против танского Китая (войска Хели-кагана и его союзников в 620–629 гг. совершили «67 нападений на различные районы Северного Китая» [Кляшторный 2003: 162]) привели к прекращению поставок шелка и престижных вещей в степь. В поисках ресурсов для своих сторонников он поручил своим согдийским и китайским советникам провести сбор податей с кочевников, что наряду с джумом и голодом 627–628 гг. послужило причиной восстания сеяньто и уйгуров. В-третьих, несмотря на укрепление центральной власти в каганате при Шиби-кагане и Хели-кагане, выросла автономия крупных объединений теле. Уйгуры, союзниками которых были пугу, байырку, тонгра и сеяньто, обладали собственной территорией и надплеменной системой власти во главе с эльтеберами. Они смогли нанести поражение войскам шада Тули и сыграли значимую роль в разгроме каганата.

Впоследствии, через полвека владычества Тан тюрки смогли восстановить каганат и имперскую систему. В ее основе лежало прежнее деление на крылья (*толёс* и *тардуш*) во главе с *ябгу* и *шадом*, назначенными Элетмиш-каганом (683–693) (Малов 1951: 38). Подчиненные племена (токуз-огузы, татары, карлуки, кидани, кумоси и др.) включались в этноплеменную иерархию каганата. Вслед за тюрками высокие позиции занимали сиры и токуз-огузы. Более низкое положение занимали племена-данники (кидани, си, басмылы, кыргызы и др.). При Капаган-кагане (693–716) подчиненных кочевников заставляли «платить налоги» и нести «подневольную службу» (Liu Mau-tsaï 1958: 169).

В период правления Капаган-кагана была предпринята попытка объединить два политических центра времен Первого каганата — Монголию и Семиречье. Стратегия Капагана также предполагала подчинение всех народов «к северу от китайской границы». Активная политика по подчинению кочевников и набегов на Китай привела к некоторой перестройке управления. Капаган стремился укрепить свою власть и обеспечить ее устойчивость. Он опирался на своих ближайших родственников, которые получили под свое управление территории и воинские подразделения. Самым большим войском (40 тыс.) располагал сын кагана Бёгю (Фугю, Фугуй), поставленный над десятком родов и носивший титул «малого кагана». Брат Капагана Дусифу был поставлен левым (старшим) шадом, а Могилян — правым (младшим) шадом («шад над народом тардуш») (Малов 1951: 38; 1959: 23; Liu Mau-tsaï 1958: 164–165, 169; Кляшторный 2003: 115).

Однако, как показали дальнейшие события, прочность тюркской империи коренилась в военных успехах армии Капагана. Первые крупные поражения поставили имперский эль на грань развала. Это означает, что власть Капагана в степи держалась только на военной силе и тюркский правитель не смог до конца консолидировать силы степняков. После поражения тюрков под Бэйтином в 714 г. племена токуз-огузов, карлуков, киданей, хи, азов и другие подняли восстания.

Тюргеши попросили покровительства у Танской империи. На сторону Китая перешли некоторые тюркские племена. Дважды разгромив токуз-огузов, Капаган-каган попытался восстановить свою власть в степи. Но после победы над байырку в 716 г. он попал в засаду и погиб.

Для восстановления порядка в степи Кюль-тегин предпринял крайне жесткие меры. После смерти Капаган-кагана Кюль-тегин уничтожил наследника и «с ним истребил весь род его» («братьев, почти всех родственников и близких»), а затем провозгласил своего брата Могиляня Бильге-каганом. «Тан шу» уточняет, что Кюль-тегин «предал смерти» всех служивших при Капагане «государственных людей», кроме Тоньюкука (его дочь была женой Бильге) (Бичурин 1950а: 273; Liu Mau-tsai 1958: 171). Затем Бильге-каган, Кюль-тегин и Тоньюкук несколько лет «замиряли» кочевые племена в Монголии, осуществляли карательные акции, разоряли кочевья восставших номадов, уводили табуны лошадей (Бичурин 1950а: 225; Liu Mau-tsai 1958: 226; Малов 1959: 22–23).

В правление Бильге-кагана претерпела изменение структура управления каганатом. К традиционной административной структуре, включавшей левое и правое крыло, были добавлены южное крыло во главе с Таман тарканом (?) и Тоньюкуком бойла бага тарканом (Тоньюкук, по всей видимости, был наиболее влиятельным человеком среди приближенных кагана, ему же было доверено ответственное «китайское» направление) и северные наместничества в землях чиков, азов, кыргызов, байырку и других племен (Малов 1951: 65; 1959: 29). Кроме того, в описании интронизации Бильге-кагана упомянуты *буюрук-беги* во главе с «вождем Внутренних буюруков Кюль-Эркином», вслед за которым названы *буюруки* (Малов 1959: 23). По примеру организации власти у уйгуров можно предполагать, что «внутренние буюруки» с *буюрук-бегами* и простыми буюруками были связаны с центром империи, выполняли военно-административные функции, были «приказными» кагана. Когда у тюрков зародился институт внутренних буюруков, сказать сложно. Возможно, его появление связано с длительным пребыванием тюрков в Китае и заимствованием управленческого опыта Тан. Если судить по тексту надписи в честь Бильге-кагана, властные институты уже приобрели большую четкость. Во главе каждого крыла стоял опытный военачальник и администратор, как правило с титулом *таркан*, затем шли *тардуш*- и *толес-беги* — командующие крупных подразделений, темники (?). Ниже их находились *шадэпыт*-беги — командиры-тысячники (?). В то же время хорошо известно, что в качестве бегов выступали племенные вожди и родовая аристократия. Поэтому военно-административная система в лице буюрук-бегов, тардуш- и толес-бегов соединялась с кланово-племенной структурой. Под началом каждого из тардуш-бегов и толес-бегов находились объединенные силы нескольких племен и кланов, и такое военное подразделение могло напоминать «племенные» образования, которые во главе с князем из Ашина сдавались китайцам в 630 г.

Учитывая в целом достаточно мирный характер отношений каганата с империей Тан (со временем в степь стало поступать до 100 тыс. кусков шелка [Liu Mau-tsai 1958: 228; Кляшторный 2003: 119; Барфилд 2009: 123]), основные уси-

лия тюрков были направлены на контроль за подчиненными народами и эксплуатацию их ресурсов. На северных территориях каганата была создана система гарнизонов и осуществлялся сбор дани с оседлого, полукочевого и кочевого населения Тувы, Алтая, Хакасии, Забайкалья и других регионов. Во главе таких гарнизонов стояли военачальники-администраторы (*шадапыт-беги*?), захоронения которых выделяются из общей массы тюркских погребений Саяно-Алтая (Худяков 1980: 197–201; 1994: 85–95; 2004; Тетерин 1999: 118–121; Кубарев Г.В. 2002: 88, 92; 2005: 381; Кубарев, Кубарев 2003: 65–67; Длужневская 2013; Овчинникова 2013, 2013а; и др.). Показательно, что неуплата дани тем или иным зависимым объединением кочевников вызывала быструю реакцию тюрков, совершавших набег. От имени Бильге-кагана указывается, что, когда ему было 20 лет, «народа басмылов и его ыдук-кута из моего рода» «не посылал посольства (или каравана с данью)». В ответ был совершен набег с захватом «многочисленной» добычи (Малов 1959: 20). Этот пример лишний раз подчеркивает, что эксплуатации ресурсов подчиненных номадов во Втором Тюркском каганате отводилось большое значение.

Изменения в системе управления Второго Тюркского каганата могли быть связаны с изменением социально-политической обстановки в монгольских степях. Вернувшиеся в 680-е годы в степь тюрки застали здесь несколько правителей с каганским статусом (у уйгуров, кыргызов, тюргешей, азов, киданей), что не только представляло угрозу для еще малочисленного и неокрепшего объединения Эльтериша, но и противоречило идее воссоздания имперского эля. Претерпело эволюцию и отношение номадов, особенно телеских групп, к тюркам. Познав независимость, токуз-огузы, байырку, кыргызы, карлуки, тюргеша не желали подчиняться тюркам и при первой возможности поднимали мятежи. В рамках каганата они сохраняли автономию⁹, поэтому требовалась более четкая система военно-административного контроля, поскольку каганат представлял собой слабо связанную экономически и идейно конфедерацию племен. Тексты тюркских надписей дают почувствовать не только обособленность зависимых от тюрков политий, но и определенное дистанцирование самих тюрков от своих «кулов»¹⁰.

⁹ Не всегда данная автономия подразумевала единоначалие подчиненных племенных союзов. Например, после гибели Баз-кагана у токуз-огузов упоминаются «семь мятежных бегов», выступления и откочевки отдельных племен уйгуров и эдизов, отступление уйгурского эльтебера. Но, так или иначе, токуз-огузы либо отдельными племенами, либо все вместе противостояли тюркской власти. По мере ослабления Тюркского каганата уйгурский вождь добился титула шад, а затем, когда уйгуры уже открыто вели борьбу с тюрками, провозгласил себя каганом (Малов 1959: 38–39).

¹⁰ Исходя из содержания источников, не известно, использовались ли каганами для набегов военные подразделения подчиненных племен или тюрки предпочитали получать от них только дань, а военные действия вели в основном своими силами, а также при помощи наиболее верных подчиненных племенных групп. Показательно, что в биографии Кюль-тегина говорится, что в сражениях он участвовал на захваченных у байырку и азов боевых конях (не считая упомянутых белого коня Тыдыкын-Чура, белого коня Ышбара-Янтару, гнедого коня Йегин-Сидиг-бега, серого коня Башгу, белого коня героя Шалчы, белого коня Азмана, белого Огсиза, возможно подаренных Кюль-тегину или принадлежавших ему) (Малов 1951: 40, стк. 32, 33; 41, стк. 35–36, 37, 40; 42, стк. 42, 45, 46, 48), но представители этих племен ни разу не упоминаются как участники битвы на стороне тюрков.

В этом отношении история Второго Тюркского каганата может быть представлена как многолетнее противоборство телеских племенных объединений против тюрков, в котором в итоге победителями окажутся десятиплеменные уйгуры как наиболее сильное объединение в антитюркской коалиции.

Политика тюркских каганов, особенно Бильге-кагана, вела к тому, что интеграционный импульс, объединяющий номадов ради эксплуатации ресурсов Китая и других земледельческих обществ, заменялся на систему военно-политического подчинения кочевников Монголии и Саяно-Алтая тюркам. Поэтому основной вектор изменений в политических структурах каганата был связан с усложнением институтов управления зависимыми кочевниками, а также с кочевым и оседлым населением на периферии каганата. Не испытывавшие необходимости в военной консолидации племен тюркские каганы под угрозой жесткого подавления мятежей собирали дань. Тюрки также пресекали откочевки подчиненных племен к китайской границе. Достаточно вспомнить эпизод об откочевке на юг уйгуров, вслед за которой последовали поход Бильге-кагана, поражение уйгуров, возвращение их части в Монголию и подчинение тюркам (Малов 1959: 22).

Подобное направление развития Второго Тюркского каганата потенциально создавало возможность для зарождения раннего государства или какой-либо другой сложной политической системы, но грабежи и поборы не могли заменить фискальную эксплуатацию земледельцев и не давали достаточного количества дополнительных ресурсов для становления государства. Власть, мало меняясь в центре (в ставке) империи, держалась только на военной мощи и военных успехах кагана. Как только внутри элиты каганата развернулись конфликты и междоусобицы (середина 730 — начало 740-х годов), империю охватили восстания и мятежи, которые привели к ее краху. Показательно, что причиной падения последней тюркской имперской политики стало выступление против тюрков коалиции уйгуров, карлуков и басмылов. Именно механизм контроля над племенами дал сбой в условиях междоусобной борьбы в клане Ашина. Тюркские лидеры вновь, как и в 714–721 гг., оказались перед главным вызовом — стремлением подчиненных племен и племенных союзов к независимости, свержению тюркской власти. Погасить внутренний конфликт мог только вождь масштаба Кюльтегина, но ни один из последних тюркских правителей не обладал аналогичными качествами и опытом. Тюркский эль оказался неспособным найти адекватного ответа на действия мятежных племен и подвергся полному разгрому.

Кочевые империи и земледельческие цивилизации

Имперские системы номадов, как было показано на примере Первого Тюркского каганата, во многом формировались и функционировали за счет эксплуатации земледельческих ресурсов. Интересно в связи с этим мнение Т. Барфилда (2002: 73–74) и Н.Н. Крадина (2002: 38–39) о пропорциональности размеров кочевых империй и их степени сложности ресурсным возможностям земледельче-

ских обществ и цивилизаций. Следует подчеркнуть, что для подобного взаимовлияния наиболее уникальной ситуация была именно в Восточной Азии, где китайская равнина соседствует с зоной степей и песков Монголии. Протяженная граница двух «миров» (оседлого и кочевого) фактически исключала возможность изоляции земледельцев от кочевников. Даже если такие попытки предпринимались (строительство укрепленных линий, создание буферных зон, запрет на торговлю и т.д.), их эффективность была весьма низкой. Нигде больше на территории Евразии соседство и взаимодействие земледельцев и скотоводов не было столь исторически масштабным, а влияние оседлого населения на политические процессы у кочевников столь значительным, как на границе Китая и Монголии.

В Средней Азии, также граничившей с казахскими и туркменскими степями, ситуация была несколько иная. Во-первых, нередко кочевники сталкивались не с одним земледельческим государством, а с множеством оазисных сообществ (Хорезм, Бухара, Фергана и пр.), ресурсы которых не были едиными. Подспудно это оказывало влияние и на процессы консолидации самих кочевников. Возможно поэтому мы часто наблюдали существование в казахских степях сегментированных кочевых сообществ. Во-вторых, наиболее близкая крупная земледельческая цивилизация — Персия не могла полноценно стимулировать возникновение кочевых империй на севере, так как была прикрыта от кочевников рядом государств Средней Азии, Каспием и Кавказом. В-третьих, в Средней Азии наблюдалось не столько противостояние земледельцев и кочевников, сколько их интеграция, в результате чего могли формироваться крупные кочевно-оседлые государства (Караханиды, Западное Ляо, империи Сельджукидов, Хорезмшахов, Тимура и т.д.) (Голден 1993; 2004; Флетчер 2004).

Первый Тюркский каганат в рамках концепции пропорционального роста кочевых политий в соответствии с демографическими и экономическими показателями Поднебесной приходится признать уникальностью тюркской империи, охватившей территорию от Маньчжурии до Северного Причерноморья. В момент своего наивысшего могущества Первый Тюркский каганат предстает как прообраз Монгольской империи на начальных этапах завоеваний. Конечно, очевидны и отличия каганата от созданной Чингис-ханом суперполитии. Во-первых, монголы вели подчинение не только степных и прилегающих территорий, но и смогли покорить крупнейшие земледельческие цивилизации Евразии (Китай, Персия, русские княжества). Во-вторых, империя Чингис-хана оказалась более устойчивой и смогла сохранить формальное единство гораздо более длительное время. В-третьих, в Монгольской империи происходило постепенное усложнение управленческих практик, что в конечном счете привело к возникновению государственности, а в экономическом отношении — к превращению империи в ключевое звено мир-системы XIII в.

Первый Тюркский каганат вслед за сравнительно короткой завоевательной фазой быстро перешел к стагнации и кризису. Тюрки, пожалуй, первыми из кочевников, создававших обширные империи, стали сочетать дистанционную эксплуатацию с политически поощряемой торговлей шелком и другими китайскими

товарами. Во многом это определялось тем, что каганат располагался вдоль широтного пояса земледельческих обществ (Китай, восточнотуркестанские и среднеазиатские государства, Персия, Византия и т.д.) и контролировал значительную часть торговых артерий Шелкового пути. При этом восточная часть каганата была степной периферией Китая, а западная — выступала в качестве периферийной зоны оазисов Средней Азии, Персии и Византийской империи. На востоке и западе империи различались и способы взаимодействия с земледельцами. На западе еще в период активной фазы экспансии тюрки смогли подчинить среднеазиатские земледельческо-городские центры и зафиксировать границу с Персией по берегам Амударьи. Это привело к тому, что номады наряду с набегами и грабежами стали использовать различные фискальные институты, заимствованные у земледельцев. Схожие формы фиксировались в политической практике тюрков на Кавказе. Однако жизнь номадов в степи эти управленческие инновации меняли мало. Понадобится длительное время, прежде чем интеграция культур и урбанизация в Семиречье сблизят кочевников и подчиненное оседлое население.

В восточной части каганата основным вектором развития отношений тюрков и Китая стала дистанционная эксплуатация кочевниками китайских ресурсов. Она обеспечивала престиж власти хана и консолидацию вокруг него элиты и входящих в каганат племен. Однако в длительной перспективе подобная политика могла иметь негативные последствия. В первую очередь это касалось китаизации кочевой элиты, которая попадала в зависимость от поставок из Китая продуктов питания, шелка, предметов культуры и т.д. Это вело к нежеланию аристократии воевать и организовывать новые походы, к разрыву ценностных установок элиты и рядовых номадов¹¹. В итоге происходили утрата сплоченности лиц, которые входили в окружение кагана, и падение престижа правителя среди рядовых номадов. В конечном счете подобная политическая стратегия приводила к замене китаизированной элиты более консолидированной и придерживающейся кочевых традиций этнической группой.

В длительном использовании дистанционной эксплуатации был еще один недостаток. Циклическая модель престижной экономики не позволяла развиваться политической системе Первого Тюркского каганата в сторону усложнения и становления ранней государственности. Следует подчеркнуть, что почти все пути усложнения властных институтов у кочевников были связаны с различными формами взаимодействия номадов с земледельцами: 1) разные формы доступа (грабеж, захват, дань, налоги и пошлины) к ресурсам земледельцев, горожан, лесостепного и подтаежного населения (земледелие, промыслы, охота) в северных районах кочевых империй; 2) контроль над торговыми центрами и маршрутами; 3) завоевание территорий с земледельческо-городским населением и крупных земледельческих цивилизаций; 4) переселение части кочевников на территорию земледельцев с последующей интеграцией номадов и оседлого населения в единую общественную систему; 5) процессы урбанизации в степи и создание анкла-

¹¹ См. ниже описание положения дел в Восточно-Тюркском каганате в начале VII в. при Тули-кагане.

вов с сельскохозяйственным населением; 6) развитие государственных форм эксплуатации зависимого кочевого и некоевого населения в районах северной периферии кочевых империй; 7) усложнение внутренней структуры кочевой политики вследствие роста числа каналов поступления прибавочного продукта к кочевой элите и развития в степи инокультурных хозяйственных практик в городах и сельскохозяйственных анклавах (Крадин 2002: 131–132).

Со всей очевидностью можно сказать, что тюрки ограничились полноценной реализацией только двух первых стратегий и лишь отчасти смогли осуществить третью стратегию, захватив лишь буферные (т.е. периферийные для крупных сельскохозяйственных цивилизаций) зоны с оседлым населением (Средняя Азия, северные оазисы Восточного Туркестана, Кавказ). Даже в ситуации, когда Тобокаган мог позволить себе говорить приближенным о северокитайских царствах Ци и Чжоу, что «только бы на юге два мальчика были покорны нам: тогда не нужно бояться бедности» (Бичурин 1950а: 233), тюрки не решились на завоевание Китая либо части его территории с целью фискальной эксплуатации населения Поднебесной. Пример с неудачным вторжением тюркской армии в Персию в 589 г. может свидетельствовать о том, что тюрки не располагали достаточными ресурсами для завоевания сельскохозяйственных цивилизаций, а также какой-либо программой управления оседлым населением. Не случайно, что даже в тех случаях, когда тюрки более или менее устойчиво контролировали территории с городами и оседло-сельскохозяйственным населением (Гаочан, Семиречье, долина Зеравшана), они нередко продолжали политику грабежей, нападений на торговые караваны, выманивания продуктов и ценностей у местных владельцев. Также, в отличие от империи Хунну и целого ряда более поздних кочевых империй (Уйгурский каганат, Ляо, Монгольская империя), в Монголии, ресурсном и политическом центре Первого Тюркского каганата, не возникли поселения земледельцев и торгово-административные городские центры. А именно появление городов в степи является достаточно четким индикатором трансформации кочевого общества и двигателем формирования у кочевников более сложных социально-политических институтов и более развитых государственных практик. В связи с этим можно определенно говорить о том, что для усложнения политической организации каганата имелся целый ряд непреодолимых препятствий.

Сакральность кочевого правителя

Тюркские каганы, как главы обширнейшей империи раннего средневековья, воспринимались кочевым населением в качестве правителей-медиумов, осуществлявших посредничество между людьми и богами. Сакрализация власти была широко распространенным явлением в жизни традиционных обществ и имела общую основу — иррациональное восприятие политических лидеров и наделение их особыми качествами. В то же время жизненные реалии заставляли людей сопоставлять идеальный образ правителя с его повседневной практикой. В слу-

чае резкого несоответствия идеала и поведения конкретного обладателя верховной власти такой лидер мог утратить во многом ключевую основу своего авторитета — сакральность. В кочевом мире в целом и в тюркских политах в частности сакральность правителей складывалась из нескольких компонентов.

1. Концепция божественного происхождения власти. Власть кагану даруется Небом / Тенгри («Неборожденный тюркский каган» — Малов 1951: 33; «Небом поставленный тюркский мудрый каган» — Малов 1959: 20), она является проявлением божественной воли (Кляшторный 2003: 62). Оформлялась данная связь с помощью специальных публичных ритуалов. Во время процедуры провозглашения нового кагана ближайшие сановники сажали претендента на кошму и обносили его по кругу (по солнцу) девять раз. После каждого круга приближенные делали поклоны. В конце церемонии правителя сажали на лошадь, душили его шелковым платком, а затем развязывали платок и спрашивали о том, сколько лет он будет править. Из произнесенных слов кагана сановники «делали вывод... о сроке его полномочий» (Liu Mau-tsai 1958: 8).

Благорасположение Неба проявлялось в успешном правлении и военной удаче кагана. Однако такое благорасположение, согласно ментальной картине кочевников, сохранялось только в том случае, если правитель соответствовал идеалу. Яркий пример дает описание правления кагана Шаболио. После восшествия на престол он, как повествует китайская хроника, «был храбр и приобрел приверженность народа» (Бичурин 1950а: 235). Но в последующем Шаболио спровоцировал набег на ставку Або-хана и убийством его матери внутренние распри в каганате, чем воспользовалась Суй, стравившая тюркских вождей между собой. В разгар междоусобной борьбы Шаболио решил заручиться поддержкой Поднебесной и признал себя вассалом суйского императора. Престиж его власти явно снизился, и даже в «Суй шу» была зафиксирована неблагоприятная примета, предшествовавшая смерти Шаболио. Возвращаясь с охоты, он обнаружил, что его ставка у крепости Цзы-хэ-чжень сгорела, поэтому «Шаболио почувствовал неприятное впечатление, и с небольшим через месяц скончался» (там же: 239).

Важно отметить, что многие компоненты сакральности кочевых правителей являлись не только следствием формирования в степи определенной религиозной традиции восприятия власти, но и испытали на себе влияние китайской, согдийской и других традиционных культур, а также конкретных вероучений оседлых народов (Войтов 1996). Вряд ли случайным было принятие каганом Таспаром буддизма. Поскольку он не проводил в степи религиозных реформ и не навязывал простымномадам буддизм, такая акция означала, что Таспар, скорее всего, преследовал внешнеполитические цели. Учитывая, что китайские царства Северное Ци и Северное Чжоу являлись практически сателлитами тюркской империи, каган Таспар стремился подчеркнуть свое доминирующее положение и с помощью религиозного индикатора. Этот пример наглядно характеризует существенное отличие как сакральной, так и реальной роли кагана во внутривполитической и внешнеполитической деятельности.

2. Каган был тесно «встроен» в ритуально-сакральный мир скотоводов. Он являлся ключевым участником жертвоприношений и религиозных обрядов. Китайские хроники сообщают о ежегодных жертвоприношениях, которые осуществляют каган и вельможи в пещере. Наряду с этим были и более публичные ритуалы. Поклонение Небу каган осуществлял у реки в присутствии не только своего военно-аристократического окружения, но и, по всей видимости, рядовых кочевников. Существовали обязательные ритуалы и на святых местах (обо) — покровителях рода, территории (Бичурин 1950а: 230–231). Все это подчеркивает исключительную роль кагана в системе взаимодействия земного и сакрального миров, без которого невозможно правильное течение земной жизни: «...ты (тюркский народ. — *С.В.*), оставив своего хана, подчинился другим. Из-за этого... тюркский народ ослабел, обессилел, сошел на нет» (Малов 1951: 65).

3. Образ кагана победителя, доблестного воителя. Данный канал сакрализации кочевых лидеров зависел не только от божественного расположения («Небо дарует силу» [Малов 1951: 37]), но и от реальных военных успехов каганов (харизмы). Тюркские тексты дают почувствовать колорит почти былинных подвигов удачливых правителей: «Наш предок Бумын-каган четыре угла [мира] притеснил, повалил, победил, раздавил» (Малов 1959: 9); «...сорок семь раз он (Ильтериш-каган. — *С.В.*) ходил с войском [в поход] и дал двадцать сражений. По милости Неба он отнял племенные союзы у имевших племенные союзы и отнял каганов у имевших [своих] каганов» (Малов 1951: 38); «По милости Неба и потому, что у меня самого было счастье, я (Бильге-каган. — *С.В.*) сел на царство каганом» (Малов 1951: 35); «На двадцать седьмом [году] я (Бильге-каган, Могилян. — *С.В.*) двинулся против киргизов, пролагая дорогу через снег высотой с копьё, я поднялся в чернь когменскую и поразил там народ киргизов, когда они спали. С их ханом я сразился в черни Сунга; убил хана и завладел там его народом» (Малов 1959: 20). Не случайно в надписи в честь Тоньюкука неоднократно звучит словесная формула «каган его (т.е. тюркского народа) — герой» (Малов 1951: 65, 67).

Однако не все соответствовали этому образу правителя-героя: «После того так как младшие братья не были подобны в поступках старшим, а сыновья не были подобны отцам, то сели [на царство], надо думать, неразумные каганы, надо думать... трусливые каганы» (там же: 36).

Удача, военный успех в условиях, когда многие функции верховной власти были сконцентрированы на организации набегов и походов, приобретали решающее значение в сакрализации тюркских каганов.

4. Щедрость правителя, выполнение им функций редистрибутора-распределителя. Данная сфера была тесно связана с другими сакральными сферами (божественным благословением и военными успехами, в результате которых каган получал добычу и дары), однако выполняла вполне самостоятельную роль и опять же зависела от реальных практик конкретного правителя. Поддержание престижа на внутреннем уровне с помощью раздач шелка, зерна, других продуктов и изделий, пиров в кочевых империях стало частью повседневного быта пра-

вителя. Однако такая деятельность в основном была направлена на военно-аристократическое окружение кагана и наиболее влиятельных бегов (Крадин 2000: 329–331; 2001б: 382–384; 2002: 138–159; 184–186, 204–209; 2007: 30–31, 131–132, 143–144). Перед каганом стояла и более масштабная задача — забота о народе (ответственность за народ): «Став каганом, я (Бильге-каган. — *С.В.*) поднял погибший, неимущий народ, неимущий народ сделал богатым, немногочисленный народ сделал многочисленным» (Малов 1951: 35). Чтобы поддержать авторитет верховной власти, требовались значительные усилия, политическая и военная удача. В орхонских надписях намеренно создается образ правителя и его приближенных, которые днем и ночью трудятся ради народа: «...я ради тюркского народа не спал ночей и не сидел [без дела] днем» (там же: 40). И мудрый советник Тоньюкук, «не спав по ночам, не имея покоя днем, проливая красную свою кровь и заставляя течь свой черный пот... отдавал народу работу и силу...» (там же: 69). Надпись в честь Бильге-кагана, повествуя о сложных политических коллизиях во Втором Тюркском каганате после смерти Капаган-кагана, фиксирует, как первые же боевые успехи нового кагана Бильге, связанные с захватом добычи и ее разделом среди тюрков, привели к росту авторитета правителя: «Весь народ сказал: „Мой каган пришел“» и «хвалил... лошадей я дал» (Кляшторный 2003: 116). Так древнетюркский текст регистрирует четкую взаимосвязь между престижем верховной власти, военными победами и своевременным исполнением носителем каганской власти редиистрибутивно-распределительных функций.

Такую же роль по поддержанию престижа играли и демонстрации тюркскими кочевыми правителями своих богатств. Показательный пример дают сведения о пребывании в ставке возглавившего поход тюрков на запад Истеми византийского посла Земарха Киликийца в 568 г.: «На другой день они (римляне) были переведены в другую кущу, обитую и испещренную также шелковыми покрывами... Дизавул (Истеми) сидел на ложе, которое было все из золота. На середине этого помещения были золотые сосуды и кропильницы и бочки также золотые. Они опять пировали... В следующий день они пришли в другую комнату, где были столбы деревянные, покрытые золотом, также и ложе вызолоченное, поддерживаемое четырьмя золотыми павлинами. Перед комнатой на большом пространстве в длину были расставлены телеги, на которых было множество серебра, блюда и корзины и многие изображения четвероногих, сделанные из серебра... В этом состоит роскошь тюркского князя» (Менандр 1860: 378–379). Почти аналогичное описание содержит «Суй шу», где говорится о приеме каганом Шаболио китайского посланника: Шаболио выстроил войска, выставил дорогие вещи и сидя принял Кин-цзэ (Бичурин 1950а: 237). Подобные демонстрации богатства нередко сопровождалась дарами и другими редиистрибутивными актами.

Определенные аналогии редиистрибутивной роли кагана можно увидеть в знаменитой формуле сакральности шведских конунгов Упсалы в главе XLIII «Саги об Инглингах». В менталитете скандинавов начальных веков раннего средневековья связь благополучия населения с личностью конунга понималась буквально: «Шведы обычно считают, что конунг — причина как урожая, так и

неурожае» (Стурлусон Снорри 1980: 34). Данная формула отражает один из самых архаичных элементов сакрального образа правителя. В представлениях о сакральности кочевых лидеров делался акцент на военных и политических успехах. Однако джуты и эпизоотии подрывали веру рядовых кочевников в особые способности кагана и угрожали его престижу, не случайно тюркские каганы в случае массового голода предпринимали особые меры. В надписи в честь Бильге-кагана имеется упоминание о падеже скота и голоде. И в том и в другом случае каган ради заботы «о своем народе» организовывал набеги на соседние племена и уводил весь скот, лишь бы прокормить тюрков (Малов 1959: 21, 22). Эффект от подобных акций был достаточно большим, ведь они воспринимались не только в материальном, но и в религиозно-сакральном значении: каган подтверждал свой статус медиума и заботливого правителя. Тем самым «забота» кагана включала и сакральные «меры» по предотвращению голода.

5. Образ кагана во многом формировался его окружением и дружиной и зависел от слаженных действий дружины на поле боя, мудрых советов ближайших приближенных. Выражение «короля играет свита» вполне применимо и к тюркским правителям. Особенно наглядно это утверждение характеризует надпись на памятнике Тоньюкуку. Успешная деятельность Ильтериш-кагана представлена в нем как результат совместных усилий кагана-героя и его мудрого советника бойла бага таркана¹² Тоньюкука: «...каган его — герой, а советник у него — мудрый. Пока существуют эти два человека, то вас, табгачей, они убьют... на востоке киданей они убьют... огузов тоже убьют» (Малов 1951: 65–66); «Мой каган соизволил выслушать от меня самого, мудрого Тоньюкука, изложенную просьбу» (там же: 66). Таким образом каган выступал олицетворением «имени и славы» тюркского народа (там же: 39).

Мы обозначали наиболее важные сферы, с которыми тюрки связывали проявление каганами своей сакральности. В орхонских надписях тюркские каганы нередко предстают как героические, победоносные, обожествляемые правители, «днем и ночью» заботящиеся о благе простых кочевников. Тем не менее очевидно, что авторы надписей концентрируют свое внимание на личностных качествах каждого кагана, их способности властвовать. Только успешная объединительная политика, удача в набегах на Китай и регулярное поступление китайских товаров в степь, престижная экономика могли обеспечить имперскому лидеру устойчивое положение на длительный срок. Это прежде всего объясняется негосударственным статусом власти тюркских каганов. В монгольских степях, в своих ставках они практически не располагали гражданским бюрократическим аппаратом, который мог бы обеспечить преемственность государственных традиций. Роль «управленцев», как правило, исполняли племенные лидеры, представители аристократических родов и родственники кагана, часто выступавшие его соперниками в борьбе за власть, а потому желавшие сместить правителя.

¹² Титул Тоньюкука показывает не просто высокое положение, а приближенность к кагану. Бойлами в Болгарском ханстве назывались старшие дружинники, с которыми пиравал правитель (Бешевлиев 1992: 235, 240).

Из компетенции кагана было почти выведено право. В надписях лишь в одном случае (повествование о Бумын-кагане и Истеми-кагане — памятника в честь Кюль-тегина) упоминается о том, что эти каганы «творили суд» (там же: 36). Поэтому, скорее всего, каган мог решать правовые вопросы внутри своего клана, разрешать конфликты между племенными лидерами. И конечно же, осуществлять наказания провинившихся во время походов. Но как такового государственного права, источником которого являлся каган, не было. Показательно, что составители надписей от имени Бильге-кагана и Кюль-тегина увещевают народ, но его (народа) наказание за измену каганам отводится не правителям, а Небу (божественным силам). Отсутствие регулярных доходов ставило тюркских правителей в прямую зависимость от военных успехов и их умения «выбивать» из земледельцев дань и дары, что далеко не всегда удавалось. И даже сакральные возможности каганов были ограниченными, так как они не располагали специальной религиозной организацией, представители которой могли бы доносить до населения идейные установки власти, как это было у земледельцев. Таким образом, представления о сакральности тюркских каганов опирались на догосударственную традицию, в отдельных случаях тяготели к архаичным формам (каган-медиум) и ставили авторитет правителя, а тем самым и устойчивость империи в прямую зависимость от личных качеств и успехов кочевого лидера.

Социальная иерархия в тюркских каганатах

Ф. Бродель, стремясь передать разнообразие общественных страт и групп, бытующих в любом социуме, множественность социальных связей, явлений и фактов социальной жизни и другие аспекты восприятия исследователями темы социальной истории, отозвался об обществе как о «множестве множеств» (*ensemble des ensembles*) (Бродель 1986: 461–468). Кочевое население Внутренней Азии не отличалось таким социальным разнообразием, как земледельческие общества и особенно города в крупных оседлых цивилизациях. Однако кочевые сообщества были достаточно дифференцированы, в них присутствовали разные страты, свои престижные слои, отличающиеся по общественным позициям группы рядовых скотоводов, зависимые, рабы и даже маргиналы. Социальная история кочевников, несомненно, может быть интерпретирована в духе формулы Фернана Броделя о «множестве множеств» и его понимании социальной иерархии. Для раннего средневековья главным препятствием в реализации данной программы является малая информативность источников в отношении других групп населения, кроме правителей и их окружения, особенно недостаток сведений о рядовых кочевниках, что лишь незначительно может быть компенсировано данными социологических исследований в археологии.

Говоря о социальной организации средневековых кочевников, прежде всего следует обратить внимание на личную свободу подавляющей части кочевников. Несмотря на то что существовало много факторов сегментирования свободного на-

селения (половозрастная стратификация, имущественная дифференциация, разный статус кланово-племенных структур, личные качества, приближенность к носителям власти и обладание управленческой должностью и др.), именно личная свобода делала каждого скотовода полноценным членом общества. Среди множества общественных признаков стоит выделить: 1) участие в процессе кочевания, выпасе скота и других видах хозяйственной деятельности семейно-хозяйственного коллектива; 2) включенность в систему внутрикланового взаимодействия и защиты (правовой, социальной, военной); 3) обладание оружием, присутствие на военных смотрах, участие в набегах, походах и обороне кочевий; 4) право участвовать в племенных и надплеменных мероприятиях политического, правового и религиозно-культового характера. В итоге «свобода» кочевника представляла собой несколько пересекающихся между собой «социальных плоскостей» разного уровня:

- семейно-хозяйственный (домохозяйственная группа / аил, состоявшая преимущественно из семейного коллектива и родственников, которые участвовали в выпасе скота; домохозяйственная группа была объединена вокруг главы семьи, и различия в статусе свободных членов семьи регулировались в основном половозрастной дифференциацией и соответствующей социокультурной традицией);

- кланово-племенной; на этом уровне свобода кочевника, защита его интересов и правоспособность олицетворялись внутриклановыми связями и взаимодействиями с учетом возрастной иерархии; однако в отношении племен и племенных союзов можно согласиться с Н.Н. Крадиным в том, что «социальный статус конкретного индивида нередко обуславливался статусом его генеалогической группы среди других аналогичных групп» (Крадин 2002: 140–159, 166–169, 180–181; 2007: 137, 166–167, 184–185 и др.); близкую точку зрения ранее высказывали А.М. Хазанов (2000: 218, 290–298) и Т. Барфилд (2009: 2–3, 32–35);

- потестарно-политический / военно-политический (при политической интеграции в масштабные кочевые империи свободные номады, несмотря на иерархию кланов, племен и племенных союзов, представляли собой прежде всего основу ополчения).

Интеграция данных «социальных плоскостей» в кочевых империях делала фигуру рядового кочевника ключевой в производственной, общественной и военной сферах.

Зависимость людей в раннесредневековом тюркском обществе была ограниченной, нередко непостоянной, охватывала незначительные группы (здесь не идет речь о военной и административной зависимости кланов, племен, племенных объединений). Довольно часто под предполагаемыми отношениями зависимости скрывались патронаж, родственная взаимопомощь и добровольный наем. Люди рабского положения, «слуги», «челядь» и другие неполноправные лица чаще всего концентрировались в ставках правителей и крупных чинов тюркской империи.

В письменных источниках по истории раннесредневековой Внутренней Азии наряду с конкретными социальными дефинициями нередко присутствуют макро-

категории, примером которых выступает понятие «народ» (*bodun*), звучащее в тюркских и уйгурских текстах. Смысловое наполнение данного термина (см. «мой народ», «свой народ», «тюркский народ» и прочие формулировки) рунических надписей в разных строках одного и того же источника может меняться. Прежде всего, под дефиницией «народ» выступает все общество, включающее как рядовых кочевников, так и имперские и племенные элиты. Авторы рунических надписей регулярно апеллируют ко всему «тюркскому народу», ради которого «проливают свою красную кровь и заставляют течь свой черный пот, отдают работу и силы» тюркские предводители (Малов 1951: 40, 64–66, 69, 70; 1959: 10, 20, 22). Союз кагана и народа был олицетворением тюркской державы (эля), ее сплоченности: «...тюркский народ, составлявший эль», «тюркский народ, имевший кагана» (Малов 1951: 37; 1959: 10, 21).

В других контекстах «народ» отделяют от «тюркских и огузских *бегов*»¹³, «начальников» (правителей), «*бегов*», рассматривая «*бегов* и народ» (*beglär bodun* — ДТС 1969: 91) как основную аудиторию, к которой обращается правитель империи (Малов 1951: 34, 35, 39, 43; 1959: 20, 21, 23, 24; Кляшторный 2003: 61, 62). В свое время отношения *бегов* и народа трактовались и интерпретировались в сословно-классовом духе, их даже рассматривали как сословно-классовую оппозицию (см., например: Бернштам 1935: 16, 20–21; 1946: 10, 123–125, 139, 146 и др.). Однако результаты изучения текстов дают основание предполагать, что союз *бегов* и народа выступал как общественная опора власти каганов и основа социальной гармонии в каганате. Лишь в одном случае контекст надписи предполагал противопоставление каганов и *бегов* народу. Назидательная фраза призывала «не отделяться от своего кагана, от своих *бегов*, от своей родины», и тогда народ будет «жить счастливо» и «беспечально» (Малов 1959: 24).

В рунических текстах представлен один из вариантов осознанной самими кочевыми лидерами триадной иерархии: каган — беги (правители) — народ. На примере кочевых элит было показано, сколь стратифицирован может быть их состав. Неэлитные слои свободного населения также были дифференцированы. На персональном уровне имелись существенные различия в зависимости от пола, возраста, имущества, личных качеств, а в рамках родственных структур превалировали принципы преобладания старших семей и линиджей над младшими (см.: Серегин, Тишин, 2017). Т. Барфилд считал социальной основой кочевых обществ племенную организацию, базировавшуюся на родственных связях, которые были организованы по принципу конического клана — «родственной организации по отцовской линии. В ней члены общей наследственной группы были ранжированы и сегментированы вдоль генеалогических линий» — более старшие поколения превосходили по рангу более молодые (Barfield 1989: 27–31; Барфилд 2002:

¹³ В практических задачах своей политики правители осознали разделение общества на «простой» народ и «знать» («именитых») и влияние последних. Так, после очередной победы Тенгриде Болмыш Элетмиш Бильге-каган констатирует: «Погрешивших именитых людей... Небо прибрало (т.е. они погибли). Простой же народ я не погубил... оставил [их] жить как прежде» (Кляшторный 2010: 61).

65–69; 2009: 32–35). Т.Д. Скрынникова уточнила значение родо-племенных структур в социальной дифференциации номадов. На примере монгольского общества эпохи Чингис-хана она, прослеживая иерархию таксонов: урук (линидж) — обок (род) — иргэн улус (племя), — отмечала, что род выступал как «гомогенная структура, состоящая из кровных родственников», со строгим счетом родства, ибо «через учет младших и старших линиджей обеспечивалась стратификация внутри рода» (Скрынникова 1997: 26–27; 2000: 345–347; 2013: 35–36). Тем самым генеалогический принцип, по ее мнению, служил основой социальной дифференциации монгольского социума второй половины XII — первой трети XIII в.: генеалогия фиксировала принадлежность людей к различным кровнородственным группам, занимавшим разное положение в родо-племенной организации (Скрынникова 2013: 32–33)¹⁴.

В кланово-племенной системе ведущим критерием социальных привилегий было старшинство и главенство в семейно-родственном коллективе. Старшинство в кочевых обществах — это олицетворение всего социокультурного опыта клановой группы, ее традиций. Таким образом, старший в клане — носитель и хранитель порядков (Иванова 2002: 25). Он выполнял распределительные, судебные и культовые функции, обладал правом принятия решений и в конечном счете — особым общественным статусом, авторитетом (см., например, поучение героя Онгинского памятника младших братьев и сыновей [Малов 1959: 10]).

Приближенность к носителям военно-политической власти была мощным фактором социального возвышения, т.е. ключевым каналом социальной мобильности. «Служебная» лестница, ранжирование, как было уже показано, охватывала управленческое звено в военной организации и гражданской администрации, если она возникала. Существенные отличия в имущественном положении также определяли разделение общества на группы богатых, средних и бедных владельцев скота и разные статусы конкретных людей: «Я был богат. Моих загонов для скота было десять. Скота у меня было без числа» (Малов 1951: 77). К тому же нехватка скота у части номадов либо вытесняла их в маргинальные страты, либо включала в систему родственной взаимопомощи и найма, что опять же подчеркивало зависимость и неравенство по сравнению с теми лицами, которые давали скот для выпаса. При этом необходимо помнить, что горизонтальные связи в номадных сообществах преобладали и «смягчали» вертикальную иерархию.

Еще один ракурс кланово-племенных иерархий связан с системой военно-политической зависимости племен и племенных союзов от правящего племенного объединения, которое господствовало в кочевых империях. Д.Г. Савинов предложил определять ее как систему «социально-этнического подчинения» (Савинов 1988; 2005: 32–37), поскольку итогом такой зависимости помимо политического повиновения было еще и понижение социального статуса этнических

¹⁴ Исходя из этого, Т.Д. Скрынникова считает, что к началу XIII в. социальная дифференциация в монгольском обществе не достигла классового и даже раннеклассового характера (Скрынникова 1997: 37–38, 40–42; 2013: 37, 51–62). Этот вывод звучит и в совместной работе Н.Н. Крадина и Т.Д. Скрынниковой «Империя Чингис-хана» (2006: 82–107, 215–251 и др.).

групп. По его мнению, инкорпорированные в состав имперской системы племена занимали подчиненное («вассальное») по отношению к «этносу-элите» положение. Тем самым общественное неравенство выносилось за пределы доминирующей этнической группы (Савинов 1979: 44; 2005: 32–33).

Наиболее отчетливо подобная иерархия представлена в источниках по истории Второго Тюркского каганата, где после длительного утверждения в степи власти Эльтериш-кагана «система социально-политического подчинения» ранжировала более 60 родовых и племенных групп (Войтов 1996: 5). Особое внимание необходимо обратить на токуз-огузов во главе с уйгурами, которые занимали второе место в имперской иерархии после тюрков. Об этом свидетельствует знаменитая фраза орхонских рунических памятников «народ токуз-огузов был мой собственный народ» («токуз-огузы были мой собственный народ») (Малов 1951: 42; 1959: 21). Более того, в тексте памятника Кюль-тегину «начальники и народ девяти племен» названы наряду с родственниками кагана, должностными лицами империи, «тюркскими племенами и народами», а в другом месте имеется обращение от лица правителя к «тюркским и огузским бегам и народу» (Малов 1951: 33, 39). Подобная комбинация встречается еще раз в надписи в честь Тоньюкука: «Тюркский Бильге-каган возвышает народ тюрков-сиров¹⁵ и народ огузов» (Малов 1951: 70). Важно отметить, что, кроме токуз-огузов, больше ни одно подчиненное тюркам племенное объединение не удостоивалось такой чести, как упоминания их «бегов и народа» вместе с «тюркским народом» и причисления их каганом к «моему собственному народу».

Это особое отношение к токуз-огузам труднообъяснимо, учитывая мятежи и выступления уйгуров и токуз-огузов против тюрков в начале VII в., их участие в свержении тюркской власти в степи в 630 г., ожесточенную борьбу с Эльтериш-каганом, откочевки и восстания в 714–723 гг. Нет сомнения, что подчинение тюркам негативно воспринималось токуз-огузами. Почему же Бильге-каган видит в них «свой народ»? Вряд ли у тюркской элиты после череды восстаний и боевых столкновений были иллюзии в отношении огузов. Тем более со стороны тюрков не было оснований претендовать на политическую и этническую близость с токуз-огузами. Скорее всего, речь шла о признании реального влияния данного племенного объединения на политическую жизнь монгольских степей. Уйгуры вместе с пугу, байегу, тунло и другими токуз-огузскими племенами проживали на территории, охватывающей пространство от среднего течения Селенги до бассейна Толы. Они имели высокоразвитую культуру и оседлые поселения, а также играли стратегическую роль в степном пространстве Центральной Монголии. Без их лояльности власть тюрков была бы неустойчива.

Карлуки, кидани, кыргызы могли поднимать мятежи на периферии каганата, но эти выступления не угрожали тюркской власти непосредственно. А вот токуз-огузские племена могли решить судьбу Второго Тюркского каганата одним успешным ударом по ставке правителя в Отюкенской черни. Не случайно, что

¹⁵ Изучение политонима «тюрки-сиры» заслуживает отдельного исследования, поскольку речь идет о союзе внутри «тюркского народа» (см.: Кляшторный 2003: 301–312).

именно столкновения с токуз-огузами были наиболее продолжительными и упорными. После прихода к власти Бильге-кагана тюркам пришлось неоднократно сражаться с токуз-огузами, проводить карательную акцию на Селенге (Малов 1951: 42–43; 1959: 21–22), в то время как для усмирения других племен обычно хватало одной-двух побед. Тюрки осознавали силу и потенциал уйгуров, намеренно конструировали этнополитическую общность тюрков и токуз-огузов. Фразу «мой народ» в отношении токуз-огузов можно рассматривать как свидетельство непосредственного подчинения токуз-огузов кагану и тщательного контроля над ними со стороны верховной власти.

Ступенью ниже стояли племена, чьи воины могли играть вспомогательную роль в тюркской армии либо оказывать помощь в противостоянии с противниками тюрков. Без поддержки чиков и азов в Туве тюркам было затруднительно осуществлять надзор за кыргызами, укрывавшимися за труднодоступными горами Минусинской котловины. Особое положение занимало и племенное объединение байырку («племя Йэр Байырку»), кочевавшее к северу от Керулена. Оно упоминается в надписях отдельно от токуз-огузских племен (Малов 1951: 41; Кляшторный 2003: 113, 114). Далее шли тюркоязычные племена, платившие кагану (басмылы, карлуки, кыргызы) (Малов 1959: 20, 22). Среди кочевых племен весьма низким было положение монголоязычных киданей и татабийцев (си). Но сам регион, где располагались данные племена, имел важное значение, находясь между восточными владениями тюрков и северо-восточными провинциями Китая. Кидани и си были ненадежными участниками имперской системы, поднимали восстания (Малов 1951: 38, 40; 1959: 22), переходили в подданство Китая (Бичурин 1950а: 158, 159) и подчинялись только военной силе тюрков.

Согдийское купечество обслуживало интересы кагана и его приближенных, заключались браки между знатными представителями согдийской общины и клана Ашина, некоторые выходцы из согдийской среды занимали высокие посты советников и военачальников (Кляшторный 1964: 120–122; 2003: 167–168). По духу больших рунических текстов, наполненных номадной воинской героикой и славой, согдийцы скорее занимали пограничную позицию между зависимыми кочевыми племенами и подчиненными тюркам полуоседлыми и оседлыми народами Южной Сибири и Восточного Туркестана.

Заключение

Развитие имперской системы в Тюркских каганатах происходило в несколько этапов. В 552–572 гг. определяющее значение в становлении каганата имело подчинение кочевников на степных просторах и их консолидация для решения экспансионистских задач. В результате завоеваний тюркская империя растянулась на просторах Евразии широкой полосой от Маньчжурии до Кавказа и Северного Причерноморья. Основатель Первого Тюркского каганата Бумын и его наследник Муган-каган (553–572) в основном сосредоточились на интеграции кочевых

племен Монголии для набегов на северокитайские царства. Основными источниками дохода тюрков в данный период был не сбор дани, а грабежи оседлого населения. Этот этап можно условно обозначить как *завоевательный*.

Масштабность тюркской политики вызвала необходимость второго этапа — *структурирования управления* каганатом, что произошло при кагане Таспаре (572–582). Он учредил административное деление на центр, крылья и уделы, создал иерархию наследственных должностей и титулов (каган, ябгу, шады, тутуки и др.). Система имперского управления позволила установить контроль над племенными вождями и местными владетелями (беги, сылифа) и тем самым сделать империю более консолидированной. Ее существование во многом обеспечивалось тесным взаимодействием тюрков с многочисленными племенными объединениями теле. В Первом Тюркском каганате теле, подчинившиеся тюркам, обрели в лице кагана из рода Ашина единого лидера, способного консолидировать кочевников для решения грандиозных военных задач. Тюрки рассматривали конфедерацию теле как свою основную военную опору. Объединенные силы тюрков и теле смогли осуществить масштабные завоевания и создать империю. Тобо-каган, осознав мощь своей империи, стал проводить политику запугивания китайских царств с целью получения разных престижных товаров, производимых в Поднебесной.

Третий этап (582–603) — *междоусобицы и раскол каганата*. С прекращением завоеваний имперская система тюрков вошла в полосу кризиса. Прежде всего проявилась организационная слабость политической структуры Первого Тюркского каганата, так как управление огромной «широтной империей» из одного центра вряд ли было эффективным. Не случайно, что в структуре каганата возникли две верховные ставки: одна в Центральной Монголии, другая — в Семиречье. К тому же восток и запад каганата тяготели к разным цивилизационным центрам (восточная часть каганата экономически была тесно связана с Китаем, а западная — со Средней Азией, Персией и Византией). Быстрый рост числа уделов свидетельствует о росте элиты. Это приведет к острейшей борьбе за титул кагана и наиболее престижные уделы. Одним из решающих факторов распада грандиозной тюркской политики следует считать образование в Китае единой империи Суй, которая с 581 г. прекратила «выплаты» престижными товарами кочевникам, что подрывало авторитет кагана и вызвало открытое противостояние имперских князей. В результате восточные каганы Шаболио и Тули-хан (Жангар) признали себя вассалами Суй, переселились к китайской границе, утратив контроль над племенами, и стали регулярно вносить дань китайскому императору лошадьми, овцами и другим скотом. Суйское правительство манипулировало кочевыми предводителями в степи, подогревая конфликты между представителями рода Ашина, которые исключали объединение кочевников для набегов на Китай. К моменту окончательного раскола и образования Западно-Тюркского и Восточно-Тюркского каганатов (603) тюрки в Монголии оказались в полной зависимости от Китая, аристократия активно китаизировалась. Изменяется характер отношений имперского центра и зависимых племен. Во время междоусо-

биц и прокитайского правления Жангара в среде теле произошла кристаллизация надэтнических связей и оформились надплеменные вождества, такие как племенной союз во главе с уйгурами, сеяньто, байырку и др.

Четвертый этап (603–630) — *инерционный*. Имперская система Восточно-Тюркского каганата продолжила свое существование благодаря социальному кризису, демографической катастрофе и внутренним мятежам, охватившими Суй. Это позволило в 615 г. Шиби-кагану прекратить выплату дани, возобновить консолидирующие набеги на Китай и восстановить престиж кагана. В борьбе с нарождавшейся империей Тан Шиби-каган подчинил других кочевников в степи и возродил имперскую систему. Каган Хейли (620–630) сочетал набеги на Тан с дистанционной эксплуатацией, но постепенное усиление Тан при императоре Тайцзуне подготавливало последовавший в 630 г. крах каганата. Наряду с Тан важную роль в ликвидации империи тюрков сыграли зависимые племена (сеяньто, уйгуры, байырку).

Тюрки были расселены в округах на севере Китая, активно участвовали во внешней экспансии Тан, в том числе и в завоевании Западно-Тюркского каганата в 657 г. В это время в степях Монголии сначала доминировал каганат Сейянтэ (629–647), а затем — токуз-огузы и другие объединения кочевников. Прекращение китайцами активных завоеваний в 60-е годы VII в. и смена политики Тан при императрице У-ди в отношении подчиненных тюрков вызвали череду восстаний кочевников. Одно из них — восстание Кутлуга — оказалось успешным. Тюрки проорвались в степь, где начали активно восстанавливать каганат.

Пятый этап (689–745) — *возрождение имперской системы, ее трансформация и окончательное падение тюркской империи*. В 689–693 гг. тюрки разгромили и подчинили уйгуров, байырку, киданей, отуз-татар, татабов и других кочевников. Укрепившись в Отукенской черни (Хангай), тюрки во главе с Капаган-каганом (693–716) развернули экспансию в различных направлениях и воссоздали собственный эль. Капаган-каган выбрал классическую модель построения имперской системы: он вел завоевательную политику, расширял территорию империи, консолидировал разноэтнических кочевников для «дистанционной эксплуатации» Тан. В планы Капагана входил захват Семиречья, городов и оазисов в Восточном Туркестане и Средней Азии. Однако череда поражений в 712–715 гг. от арабов и китайцев, мятежи подчиненных племен и переворот 716 г., приведший к власти изоляционистскую «партию» во главе с Бильге-каганом, Кюльтегином и Тоньюкуком, исключили путь усложнения властных институтов каганата за счет контроля Шелкового пути и фискально-пошлинной эксплуатации ресурсов Восточного Туркестана и Семиречья.

Вместо этого в 720-е годы в тюркской империи возникла альтернативная модель. Бильге-каган отказался от набегов на Китай, блокируя тем самым влияние Китая на кочевников. Одновременно с этим была установлена жесткая система подчинения зависимых кочевников в Монголии, поддерживавшаяся в случае необходимости открытым террором против мятежников, и военно-политического контроля за отдаленными владениями (в Туве, Минусинской котловине и т.д.).

Для сбора дани в удаленных от центра империи владениях создавались опорные пункты, где размещались гарнизоны и должностные лица с соответствующими полномочиями. Потенциально такая система могла способствовать зарождению раннегосударственных институтов, но для этого требовалось единство политического центра, развитие бюрократии и фискальных практик. Однако после смерти Бильге-кагана (734 г.) в империи началась чехарда на престоле, вызвавшая внутренние конфликты и мятежи зависимых племен, выступление тюркских кланов, недовольных получением крайне ограниченных ресурсов из центра, что и привело в 744–745 гг. к полной ликвидации каганата.

На двух последних этапах взаимодействие тюрков с многочисленными племенными объединениями теле приобрело особое значение. Мятежи и провозглашение независимости отдельными племенными союзами (например, уйгурами в 606 г.), участие сеяньто, уйгуров и байырку в разгроме Восточно-Тюркского каганата в 627–630 гг. являются свидетельством недолговечности форм управления с помощью престижной экономики. Во Втором Тюркском каганате конфликты тюрков и зависимых племен кочевников приобрели системный характер. Можно выделить как минимум пять фаз кровопролитной борьбы тюрков с подчиненными племенными объединениями: 1) покорение тюрками, бежавшими из-под власти Тан, племен в Монголии (688–693); 2) поход Тоньюкука и Кюль-тегина против азов, кыргызов, тюркешей (712–714); 3) череда восстаний байырку, уйгуров, киданей, карлуков и других объединений в связи с военно-политическим ослаблением каганата в последние годы правления Капаган-кагана (714–716); 4) борьба Кюль-тегина и Бильге-кагана против мятежных племен (до 720–721 гг.?). 5) выступления уйгуров, байырку и карлуков против тюрков в 740-х годах, итогом чего стало уничтожение Второго Тюркского каганата. Это привело к формированию иной модели управления в каганате. Она подразумевала акцентирование усилий кагана и его подручных на контроле за покоренными народами и эксплуатации их ресурсов. Поэтому для Бильге-кагана, получавшего из Китая за сохранение мира престижные товары, так важно было породниться с династией Тан и возвыситься над другими кочевыми лидерами.

Древние уйгуры являются одним из крупных тюркоязычных народов, сыгравших значительную роль в этнополитической истории Центральной Азии. История древних уйгуров на основе письменных источников прослеживается на протяжении почти тысячелетнего периода со времени появления в IV в. на международной арене племенного объединения *гаочэ* или *тегрэг* (высокотележники), в состав которых входили их предки, до включения уйгуров в состав Монгольской империи в XIII в. Историческая жизнь протоуйгурских племен в эпоху ранее IV в. не поддается достоверной реконструкции, однако, согласно китайским источникам, она непосредственно связана с гуннским племенным союзом. В истории собственно древнеуйгурских племен возможно выделение трех основных периодов: 1) период ранних государственных образований на территории современной Монголии и исторической Джунгарии, когда уйгуры состояли в разных союзах племен (IV–VI вв.); 2) период раннегосударственных кочевнических образований — *каганатов* в Центральной Азии (Первый Уйгурский каганат, 647–689; Второй Уйгурский каганат, 744–840) и 3) период возникновения и длительной исторической жизни оседлых уйгурских государств в Восточном Туркестане и Ганьсу (IX–XIII вв.). Исторические сведения о союзах племен, предшествовавших образованию двух Уйгурских каганатов, весьма отрывочны и не позволяют составить целостного представления об истории уйгуров того времени. Более полными являются сведения, относящиеся к последующим периодам истории уйгуров, связанным с их государственностью в Монголии, Восточном Туркестане и Ганьсу.

Особое место среди политических образований уйгуров занимает Второй Уйгурский каганат, также известный в научной литературе как «Уйгурская империя» (Mackerras 1972; Drompp 2005). Созданная на руинах Второго Восточно-Тюркского каганата, эта степная держава просуществовала всего около ста лет,

но оставила глубокий след в истории Центральной Азии, ознаменовав собой период наивысшего политического подъема древних уйгуров. Уйгурское государство наряду с Китаем и Тибетом вошло в число крупнейших и могущественных империй, определявших ход событий на обширных просторах Внутренней Азии. В период существования Уйгурского каганата произошла окончательная консолидация уйгурских племен, и название «уйгур» было принято всем токуз-огузским племенным союзом, который отныне стал называться «уйгурским». Широкое развитие в каганате получила письменная культура: уйгуры не только продолжили традицию тюркской рунической письменности, но и развили на основе согдийского письма уйгурское курсивное письмо, заимствованное в последующем у них монголами и маньчжурами. Крупнейшим событием в Уйгурской империи стало принятие уйгурами манихейства и объявление его государственной религией (763). Уйгурское манихейство пережило Уйгурский каганат и достигло большого развития в уйгурском Турфанском княжестве в Восточном Туркестане в IX–XIII вв.

Внешняя политика Уйгурского каганата в первое десятилетие его существования определялась двумя главными факторами: а) необходимостью формирования и защиты основной территории государства; с этой целью уйгурами была предпринята серия северных и западных походов, приведших к значительному расширению сферы влияния уйгурских каганов (включение в состав каганата территории Тувы, подчинение кыргызов и северных оазисов Восточного Туркестана); б) вовлеченностью Уйгурского каганата во внутреннюю политическую жизнь империи Тан во время восстания Ань Лушаня — Ши Чао (755–763). Военно-политическое вмешательство уйгуров в события, происходившие в Китае, было реализовано в ходе четырех, разных по масштабу, походов, сыгравших едва ли не решающую роль в победе танских правительственных сил над войсками мятежников.

С первых лет существования Уйгурского каганата значительное место в экономической и политической жизни уйгуров заняли северные оазисы Восточного Туркестана (район Куча–Карашар–Турфан), борьба за обладание которыми стала важнейшим приоритетом в политике уйгурских правителей. Со времени основания Уйгурского каганата и вплоть до его крушения северные оазисы Восточного Туркестана находились в сфере уйгурского влияния, причем формы этого влияния были различными в разные периоды истории каганата. Непосредственную связь с военно-политическими и экономическими интересами уйгуров в Восточном Туркестане имело их обращение в манихейство (763). Провозглашение манихейства государственной религией Уйгурского каганата было призвано обеспечить уйгурам поддержку местной манихейской общины и, соответственно, укрепить их позиции в Восточном Туркестане.

В эпоху существования Уйгурского каганата начался процесс перехода от кочевнических форм хозяйства и культуры к формам, свойственным оседлым цивилизациям, включая элементы городской культуры, которые начали формироваться в уйгурском обществе под влиянием среднеазиатской (иранской) цивили-

лизации. Эти тенденции получили полное развитие после падения Уйгурского каганата (840 г.) и перемещения центра уйгурской государственности из Монголии в Восточный Туркестан (Gabain 1973). В меньшей мере они были свойственны Ганьчжоускому каганату, созданному уйгурами на территории современной китайской провинции Ганьсу (Pinks 1968).

Уйгурский каганат был преемником тюркской государственности и имел аналогичные с предшествовавшей тюркской эпохой социальное устройство и политическую организацию. Как и в тюркских каганатах, структура уйгурской общины включала в себя отдельные племена (*bod*) и роды (*oγuś*), которые политически были организованы в *эль* (государство), а родо-племенная организация (*бодун*) и военно-административная организация (*эль*) дополняли друг друга. Во главе государства, как и в предыдущую эпоху, стоял каган, который «держал эль и возглавлял бодун» (Кляшторный 2006: 464). Функции кагана довольно полно охарактеризовал С.Г. Кляшторный: каган «осуществлял функции главы гражданского управления внутри своего собственного племенного союза (народа) по праву старшего в генеалогической иерархии родов и племен и выступал в роли вождя, верховного судьи и верховного жреца. Возглавляя политическую организацию, созданную его племенным союзом, он выполнял также функции военного руководителя, подчинявшего другие племена и вынуждавшего их к уплате даней и податей» (Кляшторный 1986: 219).

Ближайшими к кагану лицами в системе власти были *шады* и *ябгу*, назначавшиеся из числа близких родственников кагана. В их функцию входило управление западными и восточными крыльями уйгурской армии (центром, очевидно, командовал сам каган). Известно, что тюркский Элетмиш Бильге-каган дал двум сыновьям звания *ябгу* и *шад* и назначил их правителями племенных союзов *тёлисов* и *тардушей* (Малов 1951: 40; Джуманалиев 2005: 117). Старший сын кагана Кутлуг Бильге *ябгу* возглавил уйгурский поход в Китай в 757 г., прибыв туда для оказания помощи танским правительственным силам в борьбе против повстанцев Ань Лушаня. За заслуги в освобождении двух столиц Китая (Чаньань и Лоян) от повстанцев император Су-цзун пожаловал уйгурскому *ябгу* самую высокую должность танского государства — «сыкун» — и высший титул «князь области Чжунъи» и приказал ежегодно посылать ему по 20 тыс. кусков шелка. В последующем, после возвращения из Китая он был замешан в очередном восстании огузов и казнен (Камалов 2001: 109–111).

Титул «*ябгу*» в Уйгурском каганате могли носить не только кровные принцы. Известен случай, когда он был пожалован одному из сыновей танского генерала Пугу Хуайэня, которого в 765 г. уйгуры забрали в каганат. При дворе Бёгю-кагана, который был женат последовательно на двух дочерях Пугу Хуайэня, его сыновья получили высокие чины. Один из них стал уйгурским *ябгу*, а его дочь попала на страницы танских хроник как «принцесса *ябгу*», отравившая Талас-кагана в 790 г. (Mackerras 1968: 45; Kamalov 2005).

На одном уровне с *ябгу* стояли *шады*, которые также были принцами крови. В отличие от *ябгу*, *шады* были связаны с управлением двумя частями эля — за-

падной (тардуш) и восточной (тёлис). О статусе шадов свидетельствует указ императора Дайцзуна (763 г.), согласно которому каган и катун были пожалованы высокими титулами за оказанную помощь в разгроме повстанцев. Специальный посланник Ван И был направлен в каганскую ставку, чтобы вручить инвеституру. «Каган и катун, левый и правый шады (кит. *ша*), различные тутуки, внутренние и внешние главные министры и лица ниже рангом были пожалованы чистым доходом от имущества 2000 семей. Был приказ о том, чтобы Ван И перед шатром [кагана] совершил ритуал по пожалованию левому *шаду* титула „ван Сюн-шо“, правому *шаду* — „ван Нин-шо“, Великому тутуку — „ван Цзинь-хэ“, генералу Балань — „ван Цзин-мо“ и всем одиннадцати тутукам — титул „гогун“»¹ (ЦТШ: цз. 195, 6b, 11; Mackerras 1968: 41).

В этом указе перечисляются лица, составлявшие высший эшелон власти в уйгурском государстве: каган с катун, левый и правый шады, Улуг тутук, Балань цзянцзюнь (сенгун), одиннадцать тутуков, внутренние и внешние министры (ЦТШ: цз. 195, 6b; СТШ: цз. 217a, 5b). Танские титулы были пожалованы с учетом иерархических связей этих лиц в аппарате власти и позволяют установить соотношение между ними. Четверо из них — два шада, Улуг тутук, Балань цзянцзюнь получили один и тот же титул «ван» (князь), что свидетельствует об их одинаково высоком положении (нам не удалось обнаружить дополнительных сведений об одном из этих лиц — Балань цзянцзюне).

Более низкий по сравнению с титулом «ван» титул «гун» (гогун) был пожалован одиннадцати уйгурским тутукам. Древнетюркский титул *тутук*, заимствованный из китайского языка, подробно рассмотрен И. Эчеди (Eczedy 1965: 84–86). В Китае, как отметила И. Эчеди, должность *дуду* впервые была установлена Вэнь-ди, императором династии Вэй, в 222 г. Первоначально в обязанности *дуду* входило осуществление надзора над военными делами в одной или нескольких провинциях. Функции *дуду* менялись неоднократно в последующие эпохи. Во второй половине существования танской династии (VIII–IX вв.) должность *дуду* была упразднена, хотя и продолжала упоминаться в письменной традиции, например в эпитафиях. Восстановление этой должности произошло лишь после падения династии Тан (907). По мнению И. Эчеди, титул «дуду» был заимствован древними тюрками ранее 558 г. или даже их предшественниками жуаньжуанями (Eczedy 1965: 85).

Среди токуз-огузских племен должность «тутук» впервые была введена в 647 г., когда они подчинились империи Тан, и на их территории, номинально вошедшей в состав Китая, было осуществлено административное районирование. Как показали исследования Масао Мори, тутукства (*дудуфу*) были созданы на землях тех токуз-огузских племен, которые возглавлялись *эльтеберами* (сылифа), в то время как для более мелких племен во главе с *иркинами* (сыцзинь) были

¹ Все титулы имели символический смысл, связанный с мироустроительной концепцией китайских императоров и ее применением в управлении «северными варварами»: «Сюн-шо» означает «устрашающий север», «Нин-шо» — «умиротворяющий север», «Цзинь-хэ» — «золотая река», «Цзин-мо» — «успокаивающий пустыню» (Мартынов 1972).

учреждены округа (чжоу) (Мори 1967: 424–425). Подчинившимися уйгурами управлял эльтебер Тумиду, который был назначен дуду округа Ханьхай. Источники отмечают, что Тумиду одновременно провозгласил себя каганом и учредил должности «чиновников, одинаковые с тюркскими: имелось шесть внешних и три внутренних министра (цзайсян). Были также должности дуду, *цзянцзюнь*, *сы-ма*» (СТШ: цз. 217а, 1651). Введенные Тумиду должности существовали и в период Второго Уйгурского каганата, спустя столетие.

Одиннадцать уйгурских тутуков, получивших в 763 г. от императора Дайцзуна титул «гун», составляли главы девяти токуз-огузских (уйгурских) племен и двух племен, адаптированных в токуз-огузский союз, — басмылов и карлуков. Об этом свидетельствует «Тан хуйяо» («Свод важнейших событий династии Тан»): «[У уйгуров] имеется одиннадцать тутуков. В каждой из девяти фамилий [уйгуров] учреждено по одному тутуку. В основном племени выбирают человека для наблюдения за ними. После того как [уйгуры] разбили басмылов и карлуков, [они] захватили по одному их племени и в каждом из них учредили по одному тутуку» (ТХЯ: цз. 98, 1744). Из трех племен, входивших в карлукский союз племен (уч-карлук), — булак, ташлык, чигиль — уйгурами было адаптировано в свою среду, скорее всего, племя чигиль, на что может косвенно указывать упоминание в надписи Могойн Шине Усу «Чигил-тутука» (Eczedy 1980: 35; Малов 1959: 42, стк. 35).

Титул *тутук* в Уйгурском каганате носили не только господствующие племена, но и подвластные. Согласно той же надписи (из Могон Шине Усу), уйгурский Элетмиш Бильге-каган, покорив в 752 г. чиков, поставил над ними тутука (Кляшторный, Колесников 1988: 36). Судя по тому, что в имена некоторых правителей Кочо, в Восточном Туркестане, входило слово *тутук* (например, Алп тутук оге), этот же титул носили и главы оседлых районов, входивших в состав Уйгурского каганата (там же).

Деятельность тутуков контролировалась, как указывает об этом цитированный текст «Тан хуйяо», лицом, выбиравшимся из основного племени, т.е. из царской семьи Яглакаров, который назначался на должность правителя ставки — тойкана (*toyqan*). Именно должность, занимаемую этим лицом, китайские источники именуют *Улуг тутук* (кит. *Хулу-дуду*), а надпись Могойн Шине Усу — *Тутук баши* (Малов 1959: 41, стк. 21). Должность Улуг тутука в китайских текстах об уйгурах фиксируется трижды. Кроме приводившегося указа от 763 г. в двух остальных случаях упоминания этого титула известны конкретные лица, носившие его. По свидетельству танского министра Ли Би, Улуг тутуком был будущий Алп Кутлуг Бильге-каган (Тон Бага-таркан, 779–789) в 757 г., когда он сопровождал наследного принца Ябгу во время похода в Китай (ЦЧТЦ: цз. 233, 7504). В 765 г. уйгуров, прибывших в Китай для оказания помощи танскому генералу уйгурского происхождения Пугу Хуайэню, возглавлял Алп Улуг Тутук Яглакар, младший брат Бёгю-кагана, который позже, в 758 г., под титулом Кутлуг Чортегин возглавлял очередной поход уйгуров в Китай. Ранее, в период правления Элетмиш Бильге-кагана, согласно Терхинской надписи, эту должность начальни-

ка ставки (тойкан) занимал вождь племени Букуг (кит. *пузу*) — Улуг Таркан Букуг, что свидетельствует о высоком положении этого племени в племенной иерархии уйгуров (Klyashtorny 1982: 344–345).

Улуг тутуком, скорее всего, был глава восставших в 747 г. секиз-огузов (восьми огузских племен из девяти, за исключением уйгуров) Тай Бильге-тутук, поставивший под сомнение легитимность верховной власти уйгурских каганов из рода Яглакар. Внутренние войны в Уйгурском каганате, охватившие страну в 747–749 гг., описаны подробно в надписи Могойн Шине Усу и интерпретированы нами в книге «Древние уйгуры. VIII–IX вв.» (Камалов 2001: 75–95; Kamalov 2003). Сопоставительный анализ уйгурской надписи и китайских источников позволил нам идентифицировать Тай Бильге-тутука с главой токуз-огузского племени байарку. Тай Бильге-тутук бежал в 749 г. в Китай, где просил военной помощи, в которой ему было отказано.

Любопытно, что в танских текстах об уйгурах VIII–IX вв. не встречаются характерные для более раннего времени титулы глав кочевых племен «сылифа» (эльтебер) и «сыцзинь» (иркин). Их исчезновение, очевидно, связано с их заменой на титул «тутук». В уйгурскую эпоху титулы «эльтебер» и «иркин» продолжали использоваться в отношении предводителей тех племен, которые подчинились уйгурской власти номинально, но чьи земли не вошли в состав Уйгурского каганата. Так, правитель енисейских кыргызов, находившихся в вассальной зависимости от уйгуров, в начале IX в. получил от уйгурского кагана титул Бильге Тон-иркин (СТШ: цз. 2176, 1661). Титул «иркин» носили и правители киданей, которые также подчинялись уйгурам. Во всяком случае, в IX в. сыцзинь/иркин отмечен как один из самых высоких киданьских титулов (Материалы 1984: 163; Wittfogel and Feng 1949: 428).

Уйгурские министры (цзайсяны) хотя и отмечены в указе Дайцзуна от 763 г., но не получили никаких титулов. Это указывает на то, что в начале правления Бёгю-кагана они занимали гораздо более низкую ступень в иерархии власти по сравнению с тутуками. Согласно свидетельству «Синь Тан шу», которое приводилось нами выше, уйгурских министров было девять: три внутренних и шесть внешних. Сопоставление сведений танских источников и древнеуйгурских рунических надписей позволяет сопоставить девять уйгурских министров с девятью великими *буюруками*, о которых сообщают Тэсинская (761–763) и Терхинская (756) надписи.

Термин «буюрук» встречается и в древнетюркских надписях, существование этой должности относится в орхонских текстах уже ко времени основания тюркского государства в 551 г. Однако единственный памятник Первого Тюркского каганата, согдоязычная Бугутская надпись, подробно перечисляющая высшие должности в системе управления каганатом, термин «буюрук» не упоминает (Klyashtorny, Livšic 1972). Поэтому можно предположить, что возвышение буюруков относится к более позднему времени, чем последняя четверть VI в. В системе власти Второго Тюркского каганата (683–742) буюруки занимали достаточно важное место. В вводных разделах надписей в честь Кюль-тегина и Биль-

ге-кагана буюруки упоминаются сразу после кагана (Малов 1951: 27, 29, 30, 32–34; Gyorffy 1960: 169–171). От «мудрости» и «бесстрашия» кагана и его буюруков, по мнению автора памятников Йоллыг-тегина, зависит судьба государства. Тем не менее орхонские надписи не содержат информации о конкретных функциях буюруков в Тюркском каганате. Исходя из этимологии термина «буюрук» (букв. «приказный», «лицо, которому приказывают»; по Махмуду Кашгарскому, «бирук» — «распорядитель») (ДТС 1969: 125; Dankoff 1982: 190), их относят обычно к невысоким ступеням в структуре исполнительной власти в Тюркском каганате или к военным руководителям невысокого ранга (Мелиоранский 1899: 190; Бернштам 1946: 113). Этому, однако, противоречит контекст надписи в честь Бильге-кагана, где упомянут глава «внутренних буюруков» Кюль-иркин (Малов 1959: 23). Очевидно, что уже в Тюркском каганате некоторые из буюруков занимали видное положение.

Более ясной представляется роль буюруков в системе административно-политического управления Уйгурского каганата. В рунических надписях уйгурской эпохи термин «буюрук» встречается в следующих контекстах: «главой внутренних буюруков был Ынанчу-бага-таркан, [а всего] великих буюруков девять было» (Кляшторный 2010: 42), «девять буюруков... сенгуны и весь народ моего отца Турьяна почтительно просили стать ханом» (там же: 44), «девять буюруков... мои уйгуры» (там же: 89). Буюруки в Уйгурском каганате подразделялись на великих и, очевидно, на буюруков, лишенных наименования «великий» и не входящих в высшие эшелоны управления государством. Девять великих буюруков, в свою очередь, состояли из «внутренних» и «внешних» буюруков. Поскольку в надписи первыми названы «внутренние» буюруки, возможно, они были первыми и в иерархии правящего слоя каганата. Нельзя не обратить внимание на совпадение числа буюруков с племенной структурой Уйгурского каганата (девять огузских племен). Эта связь подтверждается и сообщением «Цзю Тан шу» об участии девяти министров (*цзайсянов*), представлявших девять уйгурских племен, в ритуале коронации принцессы Тайхэ в 822 г. в ставке уйгурского кагана (ЦТШ: цз. 195, 116). Тем не менее прямыми свидетельствами о том, что девять великих буюруков представляли девять токуз-огузских племен, мы не располагаем. В Терхинской надписи каждый из девяти великих буюруков именуется еще и военным титулом («сотник», «пятисотник», «начальник над пятью тысячами воинов»), что указывает на определенные военные функции буюруков. Однако разное число воинов, находящихся под командованием каждого из великих буюруков (от сотни до пяти тысяч), несмотря на условность этих численных обозначений, отражает скорее не «воинский чин» буюруков, а число воинов, выставляемых для каганского войска тем или иным племенем, к которому принадлежал буюрук.

Более подробные сведения о буюруках содержат танские источники. Как уже отмечалось, они сообщают о делении девяти уйгурских министров на трех внутренних и шесть внешних. Министрами (*цзайсянами*) в китайских источниках именовались великие буюруки. Вместе с тем в китайских источниках неодно-

кратно встречается также транскрипция тюркского слова «буюрук» в виде «мэйлу» с разными вариациями: «мэйлу», «милу», «милю» (Hamilton 1955: 150), причем в разных словосочетаниях: цзайсян-мэйлу (министр-буюрук), внешний цзайсян (министр), мэйлу-сыма (буюрук-сыма), старший и младший мэйлу (буюрук), мэйлу-цзянцзюнь (буюрук-сенгун), госян-мэйлу (министр-буюрук). Как видно из этих примеров, среди сочетаний со словом «мэйлу» выделяются две группы: сочетание «мэйлу» с титулом «цзайсян» («госян») и сочетания с другими словами, входящими в имя или титулатуру. По всей вероятности, слово «мэйлу» употреблялось для обозначения простых буюруков, а «цзайсян-мэйлу» (или просто «мэйлу») применялось в отношении высших из них, т.е. девяти великих буюруков. Таким образом, очевидно, что, во-первых, сами буюруки делились по старшинству и месту в аппарате управления на две неравные группы; во-вторых, высшая группа буюруков именовалась «цзайсяны» или «цзайсян-мэйлу».

Институт буюруков (приказчиков) существовал также у подчиненных уйгурам племен, о чем свидетельствует упоминание «семнадцати азских буюруков», присутствовавших при установлении Терхинской стелы (Кляшторный 1980: 93). Азы и чики, населявшие территорию современной Тывы, были подчинены во время походов Элетмиш Бильге-кагана в 750 г. (в памятнике Кюль-тегина упоминается «тутук азов») (Малов 1959: 40; 1951: 41, стк. 38). Героем Суджинской надписи был кыргызский буюрук, участвовавший в походе на уйгуров в 840 г. (Кляшторный 1959: 163).

Термин «цзайсян» довольно часто упоминается в китайских источниках при описании контактов Китая с уйгурами. Цзайсяны входили в число командующих войсками, прибывшими на помощь танской династии во время восстания Ань Лушаня — Ши Чаои². Хотя общее руководство уйгурскими армиями в походах в Китай принадлежало либо близким родичам кагана, либо самому кагану, среди сопровождавших их лиц были и цзайсяны (министры). В походе 758 г. уйгурского принца Кутлуг Чор-тегина сопровождал министр Дидэ. Во время уйгуро-тибетской войны за господство в Восточном Туркестане в 790–792 гг. действиями уйгурских войск командовал великий министр (дасян) Сеюйцзясы (Иль Угаси). Уйгурский министр возглавил армию в войне с енисейскими кыргызами в начале IX в. Наиболее ярко роль шести великих буюруков (министров) проявилась в событиях, связанных с мятежом танского военачальника Пугу Хуайэня (764–765). В «Цзю Тан шу» сохранился перечень лиц, возглавивших уйгурское войско, прибывшее в Китай для оказания помощи Пугу Хуайэню в 765 г., почти все они являлись цзайсянами. Общее руководство уйгурами в этом походе осуществлял младший брат Бёгю-кагана — Алп Улуг Тутук Яглакар. Представляется возможным сопоставить китайский перечень уйгурских цзайсянов Бёгю-кагана со списком великих буюруков отца Бёгю-кагана, Элетмиш Бильге-кагана, имеющимся в Терхинской надписи.

² О восстании Ань Лушаня — Ши Чаои см. работы Э. Пул्लиблэнка, Р. де Ротура и Х. Леви (Pulleyblank 1955; Levy 1960; Rotours 1962).

Таблица 1

**Сопоставление сведений Терхинской надписи и «Цзю Тан шу»
о великих буюруках (министрах)**

№	Терхинская надпись (753–756)	Число воинов под командованием	Цзю Тан шу (765 г.)
1	Ынанчу-бага-таркан (глава внутренних буюруков) ³	...	Хэ Хулу Дуду Яологэ (уйг. Алп Улуг Тутук Яглакар)
2	Бильге Тай-сенгун-тутук	500	Цзайсян Моду Мохэ дагань (уйг. Багатур (?) бага таркан)
3	Кюлюг Онгы-Оз-Ынанчу	500	Цзайсян Дунь Мохэ дагань (уйг. Тон бага таркан)
4	Улуг Оз-Ынанчу Урунгу	100	Цзайсян Худу Пицзя цзян-цзюнь (уйг. Кутлуг (?) бильге сенгун)
5	Улуг Урунгу	...	Цзайсян Цеза Пэло дагань (уйг. Кара (?) бойла таркан)
6	Тёлиссский Кюлюг Эрен	1000	Цзайсян мэйлу Да цзян-цзюнь ло дагань (уйг. Буюрук Тай сенгун [бой]ла таркан)
7	Тардушский Кюлюг Эрен	1000	Пин-чжан-ши Хайнин Цюэ дагань (уйг. последние два слова: кюль таркан)
8	Тардуш Ышбарыш	5000	—
9	Алп Ышбара-сенгун Яглакар (глава внешних буюруков?)	...	—

Среди лиц, перечисленных в «Цзю Тан шу», пятеро имеют титул «цзайсян» (министр). Последний человек в этом перечне имеет титул «пин-чжан-ши», который также относился к рангу цзайсянов (Li Fang Kuei 1980: 121–124). С учетом этого факта можно считать, что танский перечень включал начальника ставки (тойкана) Улуг Тутука и шесть внешних министров. Участие одновременно шести внешних министров в походе уйгуров в Китай в 765 г. свидетельствует о том, что уйгурский двор придавал большое значение поддержке сородича кагана — танского генерала Пугу Хуайэня, поднявшего мятеж против императора и призывавшего на помощь уйгурского кагана. Алп Улуг Тутука, младшего брата Бёгю-кагана, возглавлявшего уйгуров, С.Г. Кляшторный идентифицировал с Алп Ышбара Сенгун Яглакаром, одним из великих буюруков Элетмиш Бильге-кагана (№ 9 в списке Терхинской надписи): «Согласно степному обычаю, именно он унаследовал отцовский очаг и главенство в роду Яглакар, поэтому родовое имя сохранено и в китайской, и в тюркской записи его изменившегося за девять-десять лет титула» (Кляшторный 1987: 26). К этому можно добавить, что изменение в титуле Алп Улуг Тутука Яглакара отражает его рост в аппарате управле-

³ Это имя похоже на имя составителя Карабалгасунской надписи (821), в китайской версии которой сообщается, что надпись сочинил «Алп Инанчу бага-таркан» (Камалов 2001: 194).

ния в уйгурском государстве: в 753–756 гг. при Элетмиш Бильге-кагане он был одним из девяти великих буюруков, а при Бёгю-кагане в 765 г. он уже входил в число четырех самых близких к кагану лиц, занимая должность начальника ставки Улуг тутука.

Помимо участия в военных походах, являвшегося одной из главных функций великих внешних буюруков, последние выполняли и дипломатические поручения. Однако дипломатия все же не была главной сферой их деятельности. Из посольств, в состав которых входили внешние буюруки, можно назвать лишь два посольства, направленные уйгурскими каганами в Китай в 788 и 821 гг. для встречи танских принцесс, выданных китайскими императорами в жены каганам. В уйгуро-китайских торговых посольствах зарегистрированы простые буюруки. Так, в 833 г. уйгурский посланник Ли Чан, именуемый буюрук-сенгуном (кит. *мэйлу цзянцзюнь*), обменял в Чанъани на шелк десять тысяч лошадей (ЦЧТЦ: цз. 244, 7885; СТШ: цз. 212, 1608).

В танских источниках нашло отражение усиление позиций великих буюруков при уйгурском дворе. Если в начальный период существования государства, когда власть кагана была сильной, великие буюруки занимали подчиненное положение в структуре верховной власти (после родичей кагана и предводителей племен), то по мере ослабления центральной власти отмечается рост их влияния. Первым событием, ознаменовавшим изменения, произошедшие в положении великих буюруков, явился переворот великого буюрука Тон бага-таркана в 779 г. Источники отмечают чрезвычайное влияние Иль Угаси, занимавшего пост министра при нескольких каганах, а в 795 г. под титулом Кутлуг-кагана вступившего на престол. В последующем вмешательство великих буюруков в выбор наследника престола становится обычным явлением в Уйгурском каганате. В последние годы его существования великие буюруки принимали активное участие в борьбе за власть на стороне различных претендентов, которая в конечном счете в немалой степени способствовала крушению государства.

В уйгурской титулатуре широкое распространение имел титул «таркан». Этимологию этого термина, как и его монгольского варианта «дархан», Г. Дьёрфи возводит к понятию «кузнец» — кузнечное дело в древности тесно связывалось с сакральной властью верховного правителя. В древнетюркскую эпоху тарканы/тарханы составляли довольно многочисленный слой знати (Györffy 1960: 169–170). Тарханы упоминаются в единственном памятнике Первого Тюркского каганата — согдийской надписи из Бугута (конец VI в.). О том, какое место они занимали в иерархической стратификации тюркского общества, можно судить по перечню высокопоставленных лиц в этой надписи: каган, сородичи, шадапыты, тарх(в)аны (согдийская форма), куркапыны, тудуны, конные воины и народ в целом (Кляшторный, Лившиц 1971: 132). А.Н. Бернштам, ссылаясь на древнеуйгурский документ более позднего времени из Турфанского идыкутства, предполагал, что титул «таркан» означал «сборщик податей и дани», однако нужно иметь в виду, что в обществе уйгуров Турфана титулы и должности могли быть наполнены новым содержанием, связанным с переходом уйгуров на оседлый об-

раз жизни (Бернштам 1946: 111, 138). Отсутствие в источниках конкретных сведений о тарканах не позволяет определить их функции в Уйгурском каганате. Титул «таркан» встречается в составе имен людей, занимавших самые разные должности: глава внутренних буюруков (министров) Ынанчу-бага-таркан, начальник ставки (тойкан) Улуг таркан тутук, сын кагана Бильге-таркан (Бильге-кутлук-таркан-сенгун). «Таркан» входил в титул вождя согдийцев Кан А-и кюль-таркана, служившего каганам Второго Восточно-Тюркского каганата и после его крушения, в 742 г., вместе с представителями тюркской аристократии переселившегося в Китай (Камалов 2004; 2017: 185–194).

Достаточно устойчивым в источниках является сочетание «бага-таркан»: бага-тарканы, скорее всего, имели отношение к личной гвардии кагана. У тюрков личная гвардия кагана, именовавшаяся «бури» (волки) и имевшая знамя, украшенное золотой волчьей головой, в своем составе имела около тысячи воинов (Кычанов 1997: 102). Во время возведения Терхинской стелы присутствовали бага-тарканы вместе с начальниками гвардии «доблестным» Атачуком и Бегзик Эр-чигши и тремя сотнями гвардейцев (Кляшторный 1980: 93, стк. 11). Возможно, институт бага-тарканов предполагал свою внутреннюю иерархию, во главе которой стоял старший бага-таркан. Эту должность занимал двоюродный брат Бёгю-кагана, совершивший переворот в 779 г. и узурпировавший каганский престол, — он был известен как «Тон бага-таркан». Слово «тон», как и в имени тюркского вельможи Тоньюкука, могло означать «первый», отсюда «Тон бага-таркан» означал «Первый бага-таркан» (Кляшторный 1964: 30). Как и все начальники военно-административных структур, должность Тон бага-таркана занимал представитель правящего рода Яглакар. В целом можно констатировать, что институт «бага-тарканов» был связан с несением службы в гвардейской охране кагана и катун, в то время как просто «таркан» мог стать почетным дворцовым титулом, не всегда предполагавшим несение определенного рода службы.

Титул «таркан» был заимствован у уйгуров киданями, находившимися в их подчинении. Таркан (кит. *талагань*) был титулом вождей второго в иерархии киданей племени *ши-люй*, имевшего уйгурское происхождение (Wittfogel and Feng 1949: 23).

Аппарат управления уйгуров, как и их предшественников — тюрков, испытал на себе влияние китайской административной системы. Влияние это выразилось, в частности, в заимствовании таких титулов, как «чигши», «сыма», «тай сенгун». Титул *чигши* происходит от *цэши*, названия должности, существовавшей в Китае еще во II в., в эпоху правления ханьской династии. В VII — начале VIII в., как считает И. Эчеди, он был заимствован древними тюрками. В тюркский язык он попал в своем первоначальном значении «губернатор провинции/округа *чжоу*» (Eczedy 1965: 84–85). В танских источниках об уйгурах этот титул встретился нам только один раз. Энциклопедия «Цэфу юаньгуй» («Сокровищница древней мудрости») сообщает о прибытии в Китай уйгурского посла Дахай-апа-цэши (чигши) в 758 г. (ЦФЮГ: цз. 976, 11460). В китайской версии Карабалгасунской трилингвы «цэши» называется в перечне высокопоставленных лиц уйгурского

общества и поставлен в один ряд с тутуками и великими министрами («тутуки, чигши, внутренние и внешние министры») (Камалов 2001: 196). Титул «чигши» также зафиксирован в Терхинской надписи в именах подчиненных уйгурами вождей племен — «Кутлуг-чигши», «Канчу Алп-бильге-чигши», а также лиц, присутствовавших при сооружении памятника («Безгик Эр-чигши») (Klyashtorny 1982: 344, стк. 10–11).

«Сыма» — должность в Китае «старшего управляющего», ведавшего военными делами (Eczedy 1965: 86). Введение должности «сыма» у уйгуров относится ко времени правления вождя Тумиду (647), основателя Первого Уйгурского каганата. «Сыма» упоминается в составе уйгурского посольства в Китай в 821 г. Этот титул, согласно Ханеда Тору, может быть восстановлен в перечне уйгурских чинов в Карабалгасунской надписи (Ханеда 1957: 307, стк. VIII). В уйгурских рунических надписях этот титул не обнаруживается.

Китайское происхождение имели также такие титулы, как «сенгун» (генерал, кит. *цзянцзюнь*), «тай сенгун» (великий генерал, кит. *да цзянцзюнь*). Они встречаются как составные части имен высокопоставленных лиц, например: великий буюрук Бильге Тай-сенгун-тутук, Чабыш-сенгун (Кляшторный 1980: 93). Сенгуны участвовали в возведении в ханы Элетмиш Бильге-кагана: «Девять буюрков... сенгуны и весь народ моего отца Турьяна почтительно просили стать ханом» (Klyashtorny 1982: 345, стк. 28).

Говоря о политической организации Уйгурского каганата, нельзя не отметить сакральный статус царского рода Яглакар. Подобно тому как правящий род тюрков Ашина имел божественное происхождение, уйгурские каганы считались «неборожденными» (*tengride bolmyš*). «Я, Неборожденный Элетмиш Бильге-каган, [вместе с] Неборожденной Эльбильге катун, приняв на себя титулы каган и катун, тогда повелел поставить свою ставку... на западной окраине Отюкена», — так начинается повествование в Терхинской надписи (Кляшторный 2010: 41). Небесное происхождение кагана обеспечивало благополучие всего народа и эля: «„Сила у обладающего благополучием весь народ делает [благополучным], сила у неблагополучного становится родниковой водой!“ — [так говоря], весь народ провозгласил Турьяна каганом, провозгласил [его] Неборожденным Элетмиш Бильге-каганом, а [супругу] — Эльбильге-катун» (Кляшторный 2010: 44). Представление о божественном происхождении Яглакаров, имеющих исключительное право на верховную власть, сложилось в Уйгурском каганате не сразу. Вскоре после смерти первого уйгурского кагана, в 747 г. в степи произошло грозное восстание огузских племен, которые отказались признавать власть Яглакаров, поскольку в их глазах она была нелегитимной. Разгром восстания, продолжавшегося более двух лет (вспышки которого отмечены были и позже), способствовал укреплению власти династии Яглакаров и консолидации токуз-огузов в единый союз уйгурских племен. Уже в тексте Тэсинской надписи (761–763) начало правления уйгурских каганов возводится ко времени сотворения мира, когда впервые «уйгурские каганы на царство сели» и «триста лет множеством своих элей они правили» (Кляшторный 2010: 88).

После принятия манихейства в качестве государственной религии (763 г.) власть яглакарских каганов была сакрализована и манихейской церковью, которая возвела в ранг святого покровителя манихейства уйгурского Бёгю-кагана (Элутмыш Бильге-кагана, 759–779 гг.). Бёгю-каган упоминается в нескольких манихейских текстах из Восточного Туркестана, в которых он называется «божественным уйгурским ханом Бугугом» (Le Coq 1912: 147).

Переворот в уйгурской ставке в 779 г. привел к власти представителя боковой ветви Яглакаров — Алп Кутлуг Бильге-кагана (Тон бага-таркан). Яглакарская ветвь прервалась в 795 г., когда умер малолетний каган Эр-чор (кит. А-чжо). Тогда каганский престол занял великий буюрук (министр) Кутлуг, происходивший из рода Эдиз. Право претендовать на верховную власть ему давало то, что он был усыновлен уйгурским вождем. Как рассказывается в «Синь Тан шу», «Кутлуг по происхождению был из рода седе (эдиз). В детстве он осиротел и был усыновлен великим уйгурским старейшиной. Он был способным в споре и военном искусстве. Во время [правления] Тянь-цинъ-[кагана] (т.е. Тон бага-таркана) неоднократно управлял войсками; все вожди уважали и боялись его. А теперь, из-за того, что род Яо-ло-гэ (Яглакар) из поколения в поколение имел заслуги, не осмеливался называться именем своего рода; он всех сыновей и внуков [прежних] каганов отправил ко двору (Тан)» (СТШ: цз. 217А, 9б; Камалов 1990: 156). В последующем потомки Кутлуг-кагана продолжали править под знаменем царского рода Яглакар, о чем говорит упоминание министра Эль Угаси Яглакара в китайской версии Карабалгасунской надписи (Ханеда 1957: 305; Камалов 2001: 194). Междоусобная борьба за каганский престол в последние годы Уйгурского каганата может быть связана с попыткой представителей царского рода Яглакар возратить принадлежащее им по статусу право на верховную власть. Об этом может свидетельствовать участие в свержении Чжаньсинь-кагана в 839 г. министра (буюрука) из уйгурского рода Курабир и восшествие на трон Хазар-кагана (кит. Хэса), происходившего из другого рода — Хазар. Не случайно в кыргызской надписи из Суджи говорится об «уйгурской земле Яглакар-хана», которую кыргызы завоевали в 840 г. Главный герой надписи — кыргызский буюрук заявлял: «Убив [стрелой] в уйгурской земле Яглакар-хана, я сюда пришел» (Кляшторный 1959: 163).

Таким образом, политическая власть в Уйгурском каганате была структурирована в соответствии с существовавшими в прежние эпохи моделями, но имела свои особенности, связанные с особенностями административного устройства каганата, включавшего как собственные кочевья уйгурских (токуз-огузских) племен, так и земли подчиненных племен и народов Восточного Туркестана, Южной Сибири и Маньчжурии, а также с необходимостью эффективного управления ими. В аппарате верховной власти Уйгурского каганата выявляются четыре ступени. Высшая ступень представлена каганом (и его женой катун), обладавшим правом на верховную власть. Он сочетал функции главы своего собственного племени (вождя), верховного судьи, верховного жреца и возглавлял политическую организацию и был верховным военачальником, которому подчинялась вся

военно-политическая структура, в том числе военные силы каганата. Каганская власть, представлявшаяся сакральной и данной Небом, опиралась на достаточно иерархическую структуру из числа ближайших родственников и родовой знати. Сакральный статус в каганате имел царский род Яглакар, принадлежность к которому, реальная (первая половина существования каганата) или декларируемая (вторая половина существования каганата), давала право его представителям на верховную власть.

Вторую ступень в аппарате власти занимали четыре должности, на которые назначались ближайшие сородичи кагана — восточный и западный шады (или ябгу), начальник ставки (тойкан) Улуг тутук (Тутук-баши) и верховный военачальник Балань-сенгун. Институт девяти великих буюруков (трех внутренних и трех внешних министров) составлял следующую, третью ступень власти. Наконец, на четвертой ступени иерархии находились тутуки, главы уйгурских (токуз-огузских) племен, число которых на начальном этапе существования каганата составляло одиннадцать (девять огузов, по одному племени басмылов и карлуков). Для вождей подчинившихся уйгурам народов были выделены титулы, равноценные титулу «тутук», — эльтебер и иркин, — которые выдавались им в зависимости от численности управляемого племени или значимости подчиненных земель в административной системе каганата. В оазисных городах Восточного Туркестана местные вожди могли носить титул «чигши» (кит. *цзши*).

Если в экономической и культурной жизни Уйгурского каганата отмечено значительное влияние согдийцев, особенно усилившихся в связи с западной ориентацией внешней политики уйгурских каганов в конце VIII в., то в политической организации каганата наблюдается китайское влияние, которое выражается в наличии достаточно большого числа китайских военно-административных терминов, адаптированных к уйгурской среде.

Структура власти в Уйгурском каганате в общих чертах совпадала со структурами, созданными в тюркскую эпоху. Вместе с тем она была отмечена совершенно иным соотношением каганской власти и влияния верхушки уйгурской аристократии, представленной великими буюруками и главами токуз-огузских племен.

азары упоминаются во многих средневековых письменных памятниках. В русских летописях встречаются упоминания о хазарах, взимающих дань со славянских племен. Они известны и как народ, исповедующий иудейскую религию. Открыты и опубликованы документы о самих хазарах и их предыстории, написанные на древнееврейском языке. Есть упоминания о них в византийских, сирийских, армянских, грузинских источниках. Но более всего известий содержат книги очень далеких от восточноевропейских земель арабских и персидских писателей, обзор большинства которых дан А.П. Новосельцевым (1990: 5–45). Это обстоятельство не должно удивлять, если вспомнить, что арабские войска, когда они покорили Иран и вышли в Закавказье, встретились именно с хазарами.

Следует отметить особенность арабо-персидской литературы (многие ученые, по происхождению персы, писали по-арабски, потому и называются они арабо-персидскими литераторами).

Очень важное значение имеют сведения так называемой «Анонимной записки о народах Восточной Европы», как она была условно названа исследователями. Она сохранилась у ряда арабо-персидских авторов X–XVII вв. и представляет собой сводку информации о печенегах, хазарах, бургасах, волжских булгарах, мадьярах, славянах, русах, земле ас-Сарир и аланах. Полнее всего эта сводка представлена в написанной по-арабски «Книге дорогих ценностей» персидского географа Ибн Русте (первая треть X в.) и в труде «Краса повествований» персидского же автора Гардизи (XI в.); именно последний привел некоторые данные, которых нет в версии Ибн Русте. Целый ряд других писателей — Мутаххар ибн Тахир ал-Мукаддаси (Макдиси) (2-я пол. X в.), ал-Бакри (XI в.), ал-Марвази (конец XI — начало XII в.), Ахмад Туси (2-я пол. XII в.), Мухаммад Ауфи (XIII в.), Закария ал-Казвини (XIII в.), ал-Варрак (нач. XIV в.), ан-Нувайри (XIV в.), Мир-

хонд (XV в.), Шукрулла ибн Шихаб (XV в.), Али аш-Ширази (XVI в.), Хаджжи Халифа (XVII в.), Али-эфенди (XVII в.) и др. — дают, как правило, сокращенную версию тех же известий. Указанные авторы не упоминали, что их информация восходит к «Анонимной записке», или упоминали одного из авторов, чьи сведения восходили к ней: например, писатель XIII в. Йакут ссылался на литератора X в. ал-Мукаддаси. Таких примеров множество, и не только по отношению к авторам, воспроизводящим «Анонимную записку».

Есть предположение, что Ибн Русте, неизвестный автор «Худуд ал-‘Алам», Гардизи, ал-Бакри, ал-Марвази и некоторые другие писатели пользовались утраченной ныне «Книгой путей и стран» саманидского везира ал-Джайхани (работал в 914–943 гг.). На основании сравнения фрагментов, сходства сюжетов, упоминания ряда писателей и иногда текстуального анализа в трудах других сочинителей этих авторов считают последователями «школы ал-Джайхани» (Goeckenjan, Zimony 2001: 1–49). Возможно, авторство некоторых отрывков действительно следует приписать ал-Джайхани (Мишин 2009: 33–45), но решительным доказательством может быть только находка оригинала книги этого писателя. Пока же удобнее и правильнее пользоваться давно введенным термином «Анонимная записка» (Marquart 1903: XXXVIII–XXXIV и сл.; Lewicki 1958: 75; Мишин 2002: 50–60).

Особенность арабо-персидской литературы заключается в том, что почти все ее авторы опирались в своих рассказах на предшественников, использовать данные которых они считали для себя почетной обязанностью. Средневековый автор зачастую напрямую или в измененном виде трактовал известный ему сюжет, но ссылаться на того автора, чья информация использовалась, по представлениям восточных писателей, было вовсе не обязательно (Крачковский 1957: 23; Халидов 1985: 75). Поэтому нам не известны возможные персидские, византийские, сирийские первоисточники сведений арабов. Впрочем, даже когда мы знаем, откуда были взяты те или иные сведения, они могли быть искажены или переделаны, в большинстве же случаев первоисточник не дошел до нашего времени. Поэтому современный исследователь должен всегда помнить, что известия могут восходить совсем не ко времени жизни и работы сочинителя, а к гораздо более ранней эпохе или совсем иному, чем у арабов, кругу восприятия информации. Вследствие такого отношения к первоисточникам в арабской литературе зачастую встречаются анахронизмы, что было замечено еще 150 лет назад (Григорьев 1876: 29–33).

Так, арабский писатель первой половины X в. ал-Мас‘уди, сославшись на исторические хроники Сасанидов, поведал историю о сражении Ардашира Папакана (224–241) с хазарами (Maçoudi 1863: 280–281; Мас‘уди 2002: 62). Этот рассказ, со слов Кавада II (628), в свою очередь передавшего повествование своего прадеда Хосрова I Ануширвана (531–579), явился не более чем мифопоэтической легендой, связанной с войнами Ардашира с парфянами; в то же время и Хосров, и Кавад действительно воевали с хазарами. Другой писатель, ат-Табари (839–923), сообщая о войне Юлиана II Отступника (361–363) с персидским царем Ша-

пуром II (309–379), говорит об участии в ней хазар (ат-Табари 1879: 840–841). Гораздо более подробно об этих событиях писали римские и византийские историки Аммиан Марцеллин, Евнапий, Созомен, Феофан и многие другие, но никто из них не упоминал хазар.

В ряде грузинских и армянских памятников появление хазар в кавказских землях также датируется очень ранним временем. Во второй главе сочинения Леонти Мровели (XI в.), которое является начальной частью грузинского летописного свода «Картлис Цховреба», упоминается о захвате хазарами земель кавказских народов до времени царствования Александра Македонского (Мровели Леонти 1979: 25). По данным Мовсеса Хоренаци (V в.), хазары появились в Закавказье во II в., во времена царя Валарша, сына Тиграна, при этом автор ссылается на сирийского писателя II в. Бардесана, чьи труды не сохранились (Мовсес Хоренаци 1990: 114). Рассказ Мовсеса Хоренаци повторили армянские писатели X–XIII вв. (Меликсет-Бек 1960: 112–115). Еще одна книга, «История страны Алуанк», традиционно приписывается Мовсесу Каганкатвацци (VII или X в.), хотя есть и иные версии: что труд был написан Мовсесом Дасхуранци; что часть книги принадлежала одному автору, часть — другому; что названные авторы — одно и то же лицо; что первая часть книги была написана в конце VII или начале VIII в., а вторая — в X в. В первой части этого труда упоминается, что в эпоху царствования сасанидского царя Шапура II (309–379) хазары вторглись в Арран (Мовсес Каганкатвацци 1984: 80–81).

Все подобные сведения опираются на историческую традицию, сохранившую память о походах скифо-сарматских народов через Кавказ в Переднюю Азию во второй половине I тысячелетия до н.э. В сознании средневековых писателей эта традиция соединилась с реальными вторжениями хазар в Армению, Грузию и Албанию в гораздо более позднее время. Вышеуказанные материалы же являются анахронизмами, к которым нельзя относиться как к реальности (Миллер 1887: 18–23; Меликсет-Бек 1960: 117–119; Ковалевская 1975: 62–73; Артамонов 2001: 162–163; Новосельцев 1990: 29–30).

Достоверные сведения о нашествии хазар на Кавказ в VII в. содержатся в арабо-персидских источниках, так как пришельцы сразу вступили в борьбу с войсками Арабского халифата. Рассказывая об этих столкновениях, арабские писатели называют врагами Халифата то тюрков, то хазар. Это обстоятельство ученые объясняют по-разному: использование имени тюрков вместо хазар — результат анахронизма (Czeglédy 1960: 76 sq.); хазары составляли основную часть тюркского войска (Ромашов 2005: 193, 195); хазары в тюркском объединении постепенно выдвинулись на первый план (Lüdwig 1982: 134; Новосельцев 1990: 86–88); этноним «хазары» относился к тюркоязычным и местным племенам Северо-Восточного Кавказа (Гмыря 1995: 206); тюрки объединились с хазарами в 652/53 г., по данным Ибн ал-Асира (Аликберов 2010: 56–57). В целом же при рассмотрении воззрений арабов на хазар как на народ и при анализе хода войн на Кавказе наиболее убедительным кажется мнение, что арабы считали хазар частью тюрков (Артамонов 2001: 161; Калинина 2005: 251–258).

Такое представление о хазарах не случайно: они действительно входили в состав Западно-Тюркского каганата и отделились от него в VII в. (Golden 1980: 50–51; Артамонов 2001: 220, 221, 240; Кляшторный, Савинов 2005: 92–97). Естественно, хазары восприняли традиции быта, управления, ведения войн и т.п. от своих предшественников. Западно-Тюркский каганат не был полностью кочевническим государством, часть его населения была оседлой и занималась земледелием, ремеслами, торговлей (Кляшторный, Султанов 2004: 103). Однако из разноязыких письменных памятников можно все же понять, что именно восприняли хазары от своих предшественников.

Первое достоверное известие о хазарах содержится в сочинении Псевдо-Захарии, продолжателя хроники сирийского автора Захарии Ритора (ок. 475 — ок. 560), под 555 г. В нем перечислены 13 варварских народов, обитавших «за Каспийскими воротами», т.е. за Дербентским проходом: «Эти 13 народов живут в палатках, существуют мясом скота и рыб, дикими зверьми и оружием» (Пигулевская 2000: 283–287). Одним из этих народов были хазары. В других источниках встречается описание приема пищи хазарами в Барда'а: поедание с колен мяса, употребление тыквообразных роговых и деревянных сосудов для «хлебания», питье молока верблюдиц и кобылиц, жир и сало на губах; издевательски обрисовано лицо хакана Джебу в виде тыквы с тюркскими чертами (Меликсет-Бек 1960: 115–116; Артамонов 2001: 213–220; Новосельцев 1990: 113). В «Истории страны Алуанк» при описании хазирских (т.е. хазарских) воинов в Закавказье 20-х годов VII в. отмечено, что они были прекрасными наездниками, длинноволосыми и широкоскулыми, питались мясом, кобыльим и верблюжьим молоком (Мовсес Каганкатвацци 1984: 78, 81, 89), т.е. хазары обрисованы как схожий с тюрками кочевнический народ.

В арабо-персидских источниках таких прямых указаний нет, однако из описания военных событий можно получить определенную информацию. Так, в истории Ибн А'сама ал-Куфи (ум. 927) о вторжении арабского полководца ал-Джарраха в Азербайджан рассказано, что сын хазарского хакана Барсбик, воюя с ал-Джаррахом, использовал типично кочевнический способ обороны Баланджара: когда войско ал-Джарраха в 722 г. подошло к городу, хазары расставили во круг крепости более 300 телег, связав их между собой (Ибн А'сам ал-Куфи 1991: VIII, 236).

Красочно описывая битву между Масламой и хазарами, ал-Куфи сообщает, что хакан находился в повозке, которая была устлана коврами, а над ней возвышался шатер из парчи с золотым набалдашником (Ибн А'сам ал-Куфи 1991: VIII, 257–258). В источниках X в. также упоминается, что трон и золотой шатер ставились для хакана хазар (ал-Истахри 1870: 225; Ибн Хаукал 1939: 396). Подобного рода шатер был и у уйгурского кагана, о чем есть свидетельства других авторов (Менандр 1860: 376–379; Бичурин 1950а: 355–356; Ибн Хордадбех 1889: 31; 1986: 65; Асадов 1993: 23; Minorsky 1948: 275–305). Шатер издавна был символом ханского достоинства кочевников (Асадов 1993: 23, 64, примеч. 62), а обычай роскошного убранства жилища хазарского хакана, свойственный дво-

рам владык центральноазиатских кочевых «империй», сохранялся как в период первого появления хазар на Кавказе, так и позднее.

О сохранении в Хазарии традиций центральноазиатских номадных государств свидетельствуют титулы властвующих лиц. Согласно современной точке зрения, у тюркских народов с VI в. государственная власть принадлежала династии рода Ашина (Голден 1993: 223; Кляшторный, Султанов 2004: 87–88). К ней возводится и происхождение верховного правителя хазар, который именовался «хакан» (Артамонов 2001: 240–241, 558–559; Golden 1980: 219–220; Голден 1993: 217). Титул «хакан» попал в тюркскую среду под влиянием народности жужаней, или жуаньжуаней, этническая принадлежность которых неясна: этот вопрос обсуждался не один век (Deguignes 1756: 233 и др.; Doerfer 1967: 141–179; Гумилев 1967: 11–21; Кычанов 1997: 74 и др.; Бартольд 2002: 602). Этот же титул носили верховные правители Первого Тюркского каганата, а после его распада в 603 г. — государи Восточно-Тюркского каганата в Монголии и Западно-Тюркского каганата в Средней Азии, включая Джунгарию и часть Восточного Туркестана (Кляшторный 2003: 439). Сохранялся он и позднее у уйгуров, киргизов, аваров и, наконец, у хазар, прибывших в Восточную Европу в VI–VII вв.

Разноязыкие источники дают разные формы этого титула, близкие по звучанию: *хакан*, *каган*, *хаган*, *гаган* (Lewicki 1956: 85, примеч. 22; Новосельцев 2000: 368–369; Коновалова 2001: 126, примеч. 2; список источников см.: Golden 1980: 192–196). Арабо-персидские источники передают его в форме «хакан». Ал-Мас‘уди сообщает, что верховный хакан (*хакан ал-хавакин*) был главой всех тюрков и считался самым главным среди тюркских правителей, пока не распалась тюркская общность (ал-Мас‘уди 1894: 84), однако никаких указаний на время, когда это случилось, он не приводит. Впрочем, это и понятно: данную информацию нельзя считать достоверной, поскольку в «Книге предупреждения и пересмотра» она находится в разделе о семи «главных» народах мира, в число которых входили тюрки; у всех названных народов некогда были единые языки и единые властители. Эти сообщения показывают не действительное положение дел, они относятся к сакральному, мифологическому времени (Элиаде 1999: 361). Затем ал-Мас‘уди указал на переход от мифологического времени к языческой эпохе, когда эти семь народов стали отличаться один от другого по языкам, обрядам, верованиям и у каждого появился свой царь (ал-Мас‘уди 1894: 84–85). Впрочем, эта теория (Калинина 2009: 396–417) не отменяет реальности, а именно существования среди тюрков народа хазар, отличающегося по языку, с хаканом во главе, о котором именно ал-Мас‘уди сообщил данные оригинальные и достоверные; о них будет упомянуто позднее.

Абу ‘Абдаллах Мухаммад ибн Йусуф ал-Хорезми (X в.), сопоставляя титулы «хакан» и «хан», объясняет титул «хан» как «ра‘ис», т.е. «глава, вождь», а хакана называл «ра‘ис ар-ру‘аса», т.е. «вождь вождей, главный вождь». Дополнительно он толковал слово «хакан» как «великий царь тюрков» и «хан ханов» (ал-Хваризми 1895: 120).

В Орхонских надписях каган выступал избранником Неба и гарантом благополучия тюркского государства (эля), которому должен был подчиняться как простой народ, так и знать — беги (беки). Среди управленческих функций кагана надписи называют переселение побежденных племен на подвластные территории, расселение тюрок на вновь завоеванных землях и распределение земли между племенами, собиравшие и расселившие тюрок на коренной территории империи, а также передачу, на определенных условиях, части земель в империи переселенцам (Кляшторный 2003: 243), т.е. создание системы подчинения народа.

Прямых сведений о такой деятельности хакана Хазарии нет, однако под его властью в разные времена находились савиры, бургасы, волжские булгары, некоторые славянские племена, население Крыма и другие, поэтому, вероятнее всего, он имел такие же права и обязанности, какие были у каганов тюркских государств.

Ал-Балазури (IX в.) называл хазарского хакана *'азим ал-хазар*, т.е. «великий [владыка] хазар» (ал-Балазури 1866: 207). Ибн Хордадбех (IX в.) писал, что «все владыки (*мулук*) тюрок, тибетцев и хазар — «хаканы» (Ибн Хордадбех 1889: 16; 1986: 60). Ал-Йа'куби (IX в.) говорил, что хазары — это те, кто захватили все земли Арминии, а управляет ими царь, называемый «хакан» (ал-Йа'куби 1892: 203–204). Ал-Бируни (XI в.) утверждал, что титул «хакан» принадлежал верховному владыке тюрок, хазар и токуз-огузов (ал-Бируни 1878: 101; ал-Бируни 1957: 112).

О хакане хазар как о главнокомандующем писали многие историки IX–X вв. (ал-Йа'куби 1883: II, 194, 375 и сл.; ал-Балазури 1866: 207–208 и сл.; ат-Табари, 1881: 895–896, 992, 1560, 1562; Ибн А'сам ал-Куфи 1974: 63–74, 114 и сл.; Халифа ибн Хайят 1967: 364 и сл.).

Обобщая такие приведенные выше свидетельства о хазарах, как описание хазарских воинов как всадников, упоминание конницы как главной силы хазарского войска, использование связанных между собой телег, а также командующего, имеющего титул «хакан», золотого шатра, трона и повозки для верховного владыки, можно говорить о сохранении ими при их появлении на Кавказе кочевнического образа жизни.

По сведениям других арабо-персидских письменных памятников, на каком-то этапе политического развития в Хазарии большую роль, чем хакан, стал играть шад, который в X в. начал именоваться беком. Ибн Русте (нач. X в.) и другие авторы, пользовавшиеся «Анонимной запиской о народах Восточной Европы», сведения которой относились, вероятнее всего, к 70-м годам IX в. (Marquart 1903: XXVIII–XXXV; Miquel 1967: XXIII–XXV), писали, что властитель Хазарии, великий царь (*ал-малик ал-а'зам*), называется «хазар-хакан»; он не имеет реальной власти, а лишь носит титул верховного владыки, тогда как власть и военная сила находятся у его заместителя («халифа») (Ибн Русте 1892: 139–140; Гардизи 1973: 36, 57). По сведениям ал-Мас'уди, ал-Истахри и Ибн Хаукала, а также автора анонимного персидского сочинения «Границы мира» («Худуд ал-'Алам») (X в.), хаканом мог стать лишь представитель одного и того же иудейского рода (ал-Мас'уди 1864: 13; ал-Истахри 1870: 224; Ибн Хаукал 1938: 396; «Худуд-ал-

‘Алам» 1937: 161), пусть бы даже в момент назначения он имел низкий социальный статус; так, ал-Истахри и Ибн Хаукал рассказывают о юноше, который был лишь торговцем на базаре, но должен был заменить хакана после его смерти.

Большинство ученых полагают, что такие искажения титула заместителя хакана в арабо-персидских памятниках, как «иша» (возможен вариант «айша») у Ибн Русте, «анса» (или «инса») в «Худуд ал-‘Алам», «абшад» (или «ишад») у Гардизи, восходят к тюркскому титулу «шад» (Zajaczkowski 1947: 29, примеч. 3, 4; Dunlop 1954: 106; Minorsky 1958: 133; Заходер 1962: 209; Lewicki 1977: 57–58, примеч. 66; Ludwig 1982: 170–176; Новосельцев 2000: 371). Варианты же этого титула, указанные выше, представляют собой либо искажение, либо разновидности среднеазиатского титула иранского происхождения «шад», «ихшид»; в тюркских государствах он был вторым по значимости после кагана (Голден 1993: 231, примеч. 28).

В Орхонских надписях шадом называется верховный владыка (Thomsen 1896: 146); в Западно-Тюркском каганате шад из правящего рода, не связанный с местной племенной знатью, назначался верховным правителем (Кляшторный, Султанов 2004: 102). В тюркских каганатах, существовавших с 551 по 745 г., а затем в Уйгурском каганате (745–840), который воспринял традиции тюркских, шадом именовался верховный главнокомандующий (Кляшторный 2003: 99, 106, 307 и сл.). Шада как главнокомандующего у хазар упоминал арабский историк IX в. ат-Табари (ат-Табари 1881: 1206, 1224). Ряд исследователей связывали этот титул с именем правителя тюркского рода Ашина (Ибн Фадлан 1939: 270; Артамонов 1963: 170–171).

По данным арабо-персидских авторов, в Хазарии шад велел знатным и богатым людям поставлять всадников и содержать их в соответствии с имущественным положением. Шад выходил на войну со своими воинами, которые имели красивый внешний вид и выступали в поход в полном вооружении, со знаменами, копьями, в крепкой броне, в сопровождении 10 тыс. всадников (тех, которым шад сам выдавал регулярное содержание, и тех, кого выставяла знать). Впереди войска ехал сам шад (Ибн Русте 1892: 140; Гардизи 1973: 36, 57; ал-Мас‘уди 1863: 12–13; ал-Марвази 1942: *21, 33).

В X в. в источниках вместо шада начинает фигурировать лицо с титулом «бек» («бак»), который совмещает те же функции главнокомандующего и основного властителя, причем в ряде случаев он именуется царем («маликом») (ал-Истахри 1870: 220; Ибн Хаукал 1939: 389–390, 395; Ибн Фадлан 1956: 46; ал-Мас‘уди 1863: 13). Причину такой замены искали многие ученые (Григорьев 1876: 279–295; Маркварт 1903: 27 и сл.; Ибн Фадлан 1939: 257; Zajaczkowski 1947: 20–42; Заходер 1962: 204, 212–226; Dunlop 1954: 104–116; Golden 1980: 98–104, 162–165; 470; Ludwig 1982: 110–200; Новосельцев 1990: 134–144; 2000: 370–377; Голден 1993: 223–227; Петрухин 2001: 76; Цукерман 2002: 521–534). Одна из наиболее рациональных точек зрения была высказана М.И. Артамоновым, предположившим, что шад для усиления своей власти принял титул «бек» (Ар-

тамонов 2001: 382–383). П. Голден, впрочем, отмечал, что, в сущности, причины подобного изменения остаются неясными, тем более что в тюркской иерархии шад занимал более высокое положение, чем бек (Golden 1980: 99).

В древнетюркских письменных памятниках бег (бек) — это «вождь, правитель, князь» (Древнетюркский словарь 1969: 91). По данным Орхонских надписей VIII в., бег должен был быть верным кагану, как и весь простой народ, что было неременным условием процветания империи (эля) (Кляшторный 2003: 243). Византийский император Константин Багрянородный в книге «Об управлении империей» рассказал, что император Феофил (813–842) принял послов от «хагана» и «пеха» Хазарии, которые просили помощи в постройке крепости Саркел (Константин Багрянородный 1991: 170–173). Упоминание сначала хагана (хагана), а уж затем бека (пеха), возможно, означает, что в это время хаган еще играл главную роль в государстве (Новосельцев 1990: 140–141), хотя, возможно, просто таковой была церемония хазарского двора — посылать представителей от обоих правящих лиц.

По сведениям Ибн Фадлана, побывавшего в Волжской Булгарии в 922 г., у хазар были два властителя: «хакан ал-кабир», т.е. «великий хаган», и «хакан-бех», его заместитель (*халифа*). Ибн Фадлан описывал образ жизни великого хагана: он показывается людям один раз в четыре месяца, но ни с кем не общается, кроме заместителей; при его появлении окружающие падают ниц. Его заместитель хаган-бех командует войском и руководит государством, в его подчинении находятся соседние владыки. Реальная власть, таким образом, сосредоточена в руках хаган-бека, а хаган находится в резиденции, куда к нему имеет доступ лишь его заместитель (*халифа*) (Ибн Фадлан 1956: 146–147). Как отмечал А.П. Новосельцев, после почестей, которые оказывает хаган-бех великому хагану, хаган-бех садится на престол вместе с хаганом, т.е. в конечном счете становится как бы равным ему (Новосельцев 1990: 141). По данным ал-Истахри, который работал в 30-х годах X в. (редакции его труда относятся к 50-м годам X в.), царя (*малика*) хазар именовали «бек», верховный же правитель, который был могущественнее малика, назывался «хакан-хазар». При этом хаган-хазар не имел права что-либо приказывать или запрещать, ему лишь оказывали почет и поклонялись (ал-Истахри 1870: 220–224). Ибн Хаукал, основывавший свои материалы на книге ал-Истахри и дополнивший его известия, повторил эти данные и расширил их (Ибн Хаукал 1939: 390, 395). Ал-Мас‘уди также отмечал, что хаган ничего не приказывает, не выходит из своей резиденции и не показывается народу (ал-Мас‘уди 1863: 13–14).

По данным Ибн Фадлана, в государственном устройстве Хазарии хаган-бека, в свою очередь, замещал к.нд.р-хаган (Ибн Фадлан 1956: 146). Титул «кундур» («кюндюр»), как доказал С.Г. Кляшторный, не имеет аналога в тюркских языках (Кляшторный 1997: 22), как это считалось ранее (обзор точек зрения см.: Golden 1980: 200–202).

Авторы, следовавшие данным «Анонимной записки», именуют близким по написанию титулом «к.нд.а» главу мадьяр (Ибн Русте 1870: 142; Гардизи 1973:

37, 58; ал-Марвази 1942: *22, 35; «Худуд-ал-‘Алам» 1937: 101; ал-Бакри 1875: 45; ал-Бакри 1992: 449). Предполагают, что этот титул имеет родство с названием царя-заместителя мадьяр «к.нда», которое принадлежало главе общества или судье (Zajaczkowski 1947: 33 sq.; Dunlop 1954: 38, 111 sq.; Lewicki 1977: 98–99, примеч. 149; Голден 1980: 200–201 со ссылками на венгерских и других ученых; Новосельцев 1990: 168, примеч. 565). Отмечали исследователи и сходство титула «к.нд.а» с частью имени Исхака ибн Кундаджика ал-Хазари (т.е. происходившего из хазар), крупного военачальника в Халифате второй половины IX в. В такой форме, а также в форме Исхак ибн Кундадж, это имя встречается в труде ат-Табари (ат-Табари 1901: 1877–1880, 1930–1931); вслед за ат-Табари этого полководца упоминает Ибн ал-Асир (XIII в.) (Ибн ал-Асир 1851: 178). Поэт ал-Бухтури (X в.) посвятил Исхаку ибн Кундаджику панегирик, где упоминались хазарские города Хамлидж и Баланджар. Данное посвящение с именем сохранил арабский писатель XIII в. Йакут, стихотворение же без посвящения имеется в труде Ибн Хордадбеха (Йакут 1866: 730; 1867: 471; Ибн Хордадбех 1889: 124; 1968: 109). Исследователи связывали это имя с хазарским титулом «к.нд.р» (Marquart 1903: 18, примеч. 1; Ибн Фадлан 1939: 260; Zajaczkowski 1947: 34; Dunlop 1954: 60–61; Заходер 1962: 227). П. Голден, подытоживая результаты исследований, присоединился к мнению В.Ф. Минорского о возможном аланском происхождении воина (Минорский 1963: 206, примеч. 1; Golden 1980: 202–204), которое русский ученый высказал на основании данных ал-Мас‘уди о главе алан с титулом «кекандадж» или «кркндадж» (ал-Мас‘уди, 1863: 42).

К.нд.р-хакана иной раз заменял джавшигар (Ибн Фадлан 1956: 146). Было несколько попыток объяснить значение этого слова (Ибн Фадлан 1939: 167, 184; Ибн Фадлан 1956: 269; 1939а: 261; Zajaczkowski 1947: 35; Golden 1980: 191–192). По версии, которая принадлежит С.Г. Кляшторному, термин состоит из двух слов. Первое из них, «джав», восходит к слову «чавли» или «джавли» — «сокол, охотничья птица», встречающемуся в Орхонских надписях VIII–IX вв., у Махмуда Кашгарского (XI в.) и в «Кутадгу билик» (XI в.). Второе, которое должно читаться как «шунгар»~«шонгар» у Абу Абдаллаха ал-Хорезми (X в.), «шонгар» — у Махмуда Кашгарского (XI в.), «шунгур» — в «Мухаббатнама» (XIII в.), означает «сокол», «кречет». Этот титул некогда мог переводиться как «глава царской соколиной охоты». Сочетание «чавли бег», засвидетельствованное в «Кутадгу билик», относится к высшим должностным лицам в государстве Илек-ханов. Видимо, Ибн Фадлан обозначил этим термином одно из высших лиц государства, наделенное административными функциями (Кляшторный 1997: 22).

В арабо-персидских источниках также встречается термин «тархан». Ибн Хордадбех называет тарханом хазарского царя в рассказе о посылке экспедиции к стене, за которой замурованы народы Йаджудж и Маджудж (впрочем, не исключено, что Тархан здесь не титул, а имя). Он же именует тарханом как владельца Самарканда, так и мелких тюркских владык (Ибн Хордадбех 1889: 40, 41, 163; 1986: 69, 130). Тарханов-военных и их сыновей, тоже принадлежавших к

когорте военнотружущих, упоминал среди хазарской знати в процессе арабо-хазарских войн Ибн А'сам ал-Куфи (Ибн А'сам ал-Куфи 1974: 64, 66, 72). Он же упоминал некоего командующего «хазар-тархана», о гибели которого стало известно хакану (Ибн А'сам ал-Куфи 1974: 73). Возможно, здесь тоже речь идет об имени, а не титуле, но переход титула в имя или часть имени — явление вполне возможное. В «Худуд ал-'Алам» упомянут владыка хазар «тархан-хакан» («Худуд-ал-'Алам» 1970: 161). Ал-Йа'куби называл некоего Рас-тархана, «малика» хазар, стоявшего во главе войска при нападении на арабов в 764/5 г. (ал-Йа'куби 1883: II, 446). Ат-Табари, а вслед за ним Ибн ал-Асир рассказывали о походе тюрок (хазар) на Арминию во главе с Ас-тарханом ал-Хорезми, т.е. хорезмийцем (ат-Табари 1901: 338). А.П. Новосельцев отмечал, что армянский историк Левонд именовал хазарского военачальника «Раж-тарханом» (Новосельцев 1990: 119). О влиянии хорезмийцев при хазарском дворе писал ал-Мас'уди (ал-Мас'уди 1863: 10). П. Голден присоединился к точке зрения В.Ф. Минорского, предположившего, что этот воин был по происхождению асом (аланом), т.е. выходцем из народа, кочевавшего между Хорезмом и Джурджаном, в языке которого, по сведениям ал-Бируни, содержались хорезмийские и печенежские элементы (Минорский 1963: 193–194; Golden 1980: 151–154). Однако А.П. Новосельцев усомнился в правомерности такой точки зрения, указав, что два разноязыких источника — ал-Йа'куби и Левонд — называют воина Рас/Раж-тархан, а не Ас-тархан. Как бы то ни было, ясно, что этот человек носил титул (или имя, произошедшее из титула) тархана и был военачальником.

Анонимный персидский автор сочинения «Худуд ал-'Алам» упоминал, что хакан или тархан-хакан происходит от потомков анса или иша («Худуд-ал-'Алам» 1970: 161), т.е. из правящей династии. Как в том, так и в другом случае подчеркнуто знатное происхождение тархана. Автор «Худуд ал-'Алам», как правило, опирался на некие первоисточники, поэтому эта информация едва ли оригинальна.

С.Г. Кляшторный отмечал, что «титул таркан был одним из высших в военно-административной иерархии тюркских каганатов» (Кляшторный 2003: 336). Проанализировав данные нескольких источников о тарханах, А.П. Новосельцев пришел к выводу, что в Хазарии тарханами именовались знатные люди, свободные от податей, а также привилегированная часть хазарского войска, в ряде случаев — местные правители, поставленные хаканом. По его словам, известны предводители и руководители хазарских войс по имени Чорпан-тархан и Хазар-тархан, как и более мелкие тарханы-военачальники (Новосельцев 1990: 118, 119).

Титул «тудун» в отношении хазарской знати в арабо-персидских источниках, кажется, не встречается. В Юго-Западном Крыму была найдена греческая надпись на камне (происхождением из Дороса?), относящаяся, по-видимому, к концу VIII в., с упоминанием хакана и тудуна (Виноградов, Комар 2012: 90–109). У византийских авторов Феофана (ок. 760 — 818) и Никифора (ок. 758 — 829) «архонт» Херсона, или «тудун», фигурирует при рассказах о событиях в Крыму конца VIII — начала IX в. (Феофан 1883: 378–379; Никифор 1880: 50–52; Чичуров

1980: 40–41, 64–65; 156–157). Речь, таким образом, идет о высшем хазарском чине в одном из городов или областей Крыма (Doerfer 1965: 397, примеч. 218; Чичуров 1980: 129–130, примеч. 344; Сорочан 2007: 201–222).

Тудунами и эльтеберами у тюрков назывались различные должностные лица. В Средней Азии титул «тудун» носили местные верховные властители (Кляшторный 2003: 207–208), в Хазарии тудунами назывались местные правители и служители высокого ранга (Zajaczkowski 1947: 33 и др.; Dunlop 1954: 174, примеч. 16; Чичуров 1980: 129–130, примеч. 344; Golden 1980: 215–216).

Ибн Фадлан называл царя булгар Алмуша эльтебером, по варианту А.П. Ковалевского — йлытываром (Ковалевский 1965: 121). Форма «эльтебер» отмечена в Орхонских надписях. Й. Маркварт и А. Заки Валиди Тоган считали, что этим термином обозначались тюркские вассальные князья (Marquart 1903: 114–115; Ибн Фадлан 1939: 105–106). То же наименование скрыто в имени Алп-Илитвер, о котором в «Истории стран Алуанк» говорится как о вожде гуннов (Мовсес Каганкатваци 1984: 78). В.В. Бартольд полагал, что титул «эльтебер» был ниже звания «каган» и давался предводителям небольших народов, не имеющих самостоятельной политической жизни (Бартольд 1963: 481–482). Как отметил С.Г. Кляшторный, титул этот не был царским, «каганским», «он обычен в Центральной Азии тюркского времени для вождей крупных племен и племенных союзов, зачастую сохранявших полную независимость» (Кляшторный 2003: 315). В книге П. Голдена имеется раздел, посвященный этому и другим тюркским титулам, близким по звучанию (Golden 1980: 147–150). По отношению к гуннскому князю Алп-Илитверу (или эльтеберу) это имя или прозвание указывало не только на его место в иерархии гунно-болгарских вождей Восточной Европы, но и на признание им своего более низкого положения, чем, например, хазарский кахан. Этот персонаж был предводителем гунно-болгарской знати, близкой хазарам, или части самих хазар (Артамонов 2001: 257–267; Новосельцев 1990: 147, 170, примеч. 620, 175); не исключено, что он получил титул от хакана хазар (Новосельцев 1990: 239–240, примеч. 369). Возможно, и применение к булгарскому царю титула «эльтебер» должно было означать его зависимость от хакана хазар, от которой булгарский царь стремился избавиться при помощи строительства крепости и принятия ортодоксального ислама, как об этом писал Ибн Фадлан.

Неоправданным, на мой взгляд, является возведение упомянутого армянским автором Гевондом (VII в.) лица «хат'ирлит'бер» — вероятно, того же Алп-Илитвера — в ранг особого правителя хазар, являвшегося вассалом хакана: автор этого предположения никоим образом не опроверг иные точки зрения на происхождение и роль этого лица (Семенов 2009: 161).

Титулы хазарских властителей, их происхождение и сферы деятельности говорят о давно известном явлении заимствования форм и методов управления в тюркских государствах. Функционирование названных выше должностных лиц в Хазарии свидетельствует о существовании неких методов управления населением, к сожалению не конкретизированных. Сложились они, надо полагать, совсем не сразу.

Первый этап активного завоевания хазарами окружающих земель был отмечен борьбой с Великой Болгарией, после чего в VII в. под их властью оказались обширные области Приазовья, степного Крыма, Северного Кавказа (Артамонов 2001: 243–246; Новосельцев 1990: 90–91). В VIII в. хазары вели войны в Закавказье, проникая в Армению, Албанию и далее в Иран через Дербент или в Грузию и страну алан через Дарьяльское ущелье. Войны с переменным успехом шли не только с местными князьями, но и с Сасанидским Ираном, а затем с Арабским халифатом (Артамонов 2001: 249–268; Новосельцев 1990: 172–191).

В конце VIII в. хазарские вторжения на Кавказ прекратились. Эта эпоха стала тем переходным периодом, когда захватчики-кочевники, прекратив активные завоевания и покорив соседей, переключились на взимание дани с оседлых подданных, которые требовали постоянного контроля, а в каких-то случаях — и нового подчинения.

В 20-х годах VIII в. хазары подчинили алан (ат-Табари 1879: 1437; Ибн ал-Асир 1851: V, 79), хотя степень их зависимости не ясна. Захваты земель Кавказа не были прочными, арабским войскам не раз удавалось изгонять хазар (Новосельцев 1990: 179), поэтому даннические отношения там могли быть лишь спорадическими, как в случае Кавказской Албании, властитель которой Вараз-Трдат в конце VIII в. выплачивал дань и византийцам, и арабам, и хазарам (Гадло 1979: 154). В зависимости от Хазарии к концу VIII в. оказалась Готия (Васильев 1927: 186, 194–196, 199). О захвате хазарами Крыма писали многие историки (Кулаковский 2002: 142–158; Якобсон 1964: 28–35; Плетнева 1999: 151–170; Айбабин 1999: 185–189, 226), однако подчиненность крымских территорий хазарам рядом исследователей оспаривается (Баранов 1990: 148; Сорочан 2005: 325–395; Могаричев, Сазанов, Шапошников 2007: 91). Как бы то ни было, набеги хазар на крымские владения Византии сомнению не подлежат, хотя степень зависимости этих земель от хазарских властей остается под вопросом.

Хазары ежегодно совершали набеги на печенегов; по сообщению Ибн Русте (Ибн Русте 1892: 140), в подчинении царя хазар находились буртасы, которые выставляли царю хазар 10 тыс. всадников (цифра, вероятно, сильно преувеличена). Властитель славян платил дань шкурками соболя: «Ас-сакалиба и все, кто соседят с ними, [находятся] в покорности, и он, [властитель хазар], обращается с ними как с находящимися в рабстве, и они повинуются ему с покорностью» (Ковалевский 1956: 146).

Древнерусская «Повесть временных лет» говорит, что поляне, северяне, радимичи и вятичи платили дань хазарам мехами, а археологические материалы подтверждают нахождение под властью хазар этих славянских племен, как и славян лесостепного Подонья (Артамонов 2001: 277; Винников, Синюк 2003: 186–193; Петрухин 2005: 166–184; Григорьев 2012: 94–128).

По свидетельствам Ибн Фадлана, сын царя булгар Алмуша был заложником у хакана хазар, а дочь была захвачена хазарским отрядом силой. Алмуш признавал, что находится в зависимости «от иудеев», т.е. властелина хазар, потому и просил возвести крепость для защиты от их набегов. У хазарского правителя

имелось 25 жен, и все они были дочерьми соседних властителей (Ковалевский 1956: 142, 146, 147), т.е. данников хазарского правителя. В краткой и пространной редакциях «Письма царя Иосифа» говорится о дани с «многочисленных народов» (Коковцов 1932: 81–83; 98–102). Исследователи предлагают цифры 28 и даже 40 подвластных племен (Dunlop 1954: 141; Noonan 2007: 208), хотя, вероятно, их число преувеличено. Как справедливо полагал Т. Нунан, для того чтобы понять экономику Хазарского каганата, необходимо выявить хозяйство каждого региона, входившего в его состав (Noonan 1995–1997: 208–209).

Хазария занимала обширную территорию с разным климатом и качеством земель. Болгары, аланы и, вероятно, этнические хазары были обитателями степей по Дону и Северскому Донцу, а также в Нижнем Поволжье. Среднее Поволжье и Прикамье заняли болгары и сувары (савиры), их государство стало называться Волжской Булгарией. После переноса столицы из Семендера в Дагестане, где также оставалось подвластное население, в Итиль политическим центром стало низовье Волги.

Гардизи, ал-Истахри и Ибн Хаукал указывали на многочисленные стада, а также сады и пашни хазар (Гардизи 1973: 36, 57; ал-Истахри 1870: 221; Ибн Хаукал 1939: 393). Из «Письма царя Иосифа» также известно, что в Хазарии были сады с фруктовыми деревьями, виноградники и пашни (Коковцов 1932: 87, 103). Неизвестный автор «Худуд ал-‘Алам» писал о существовании у хазар множества овец и крупного рогатого скота («Худуд ал-‘Алам» 1937: 161), а ал-Бакри отмечал, что хазарская овца настолько плодovита, что ягнится два раза в год (ал-Бакри 1878: 60; ал-Бакри 1992: 446).

По данным ал-Истахри и Ибн Хаукала, вокруг столицы Хазарии Итиль не было деревень или сельских областей (*рустаков*), а поля отстояли от города на 20 фарсахов. Весной жители уезжали в поля для проведения сельскохозяйственных работ, а осенью, сняв урожай, возвращались в город; при этом возделывали пшеницу (ал-Истахри 1870: 220; Ибн Хаукал 1939: 392). Еврейско-хазарская переписка свидетельствует о том же, уточняя, что жители города Итиль отправлялись в поля в месяце нисан, т.е. в апреле-мае (Коковцов 1932: 85–86).

Отмечено, что арабские авторы, говоря о занятиях населения Хазарии, применяли обычную аграрную терминологию: «поля», «урожай», «пахать» (Заходер 1962: 140). То обстоятельство, что основной пищей хазар в X в. арабо-персидские географы называли рис и рыбу (ал-Истахри 1870: 221; Ибн Хаукал 1939: 392; ал-Мукаддаси 1877: 361), также свидетельствует об оседлости и земледельческих занятиях части населения каганата. Ал-Мукаддаси писал, что в Итиле нет фруктов, но имеется очень хороший хлеб; население обитает в палатках из дерева и войлока и каркасных палатках (в переводе Н.А. Караулова, «в шатрах»); часть жилищ сделана из глины. В Самандаре (Семендере) люди жили в каркасных палатках и жилищах из сплетенных веток или камыша (ал-Истахри 1870: 222; Ибн Хаукал 1939: 394; ал-Мукаддаси 1877: 361; 1994: 288, 289).

Если судить по указанным (довольно-таки отрывочным) сведениям источников, в Хазарии существовали разные отрасли хозяйства, что было обусловлено,

как отмечает Т. Нунан, спецификой районов, входивших в состав державы. Например, ал-Мукаддаси описывал обширный округ хазар как очень грязный и отличающийся обилием овец и меда, о столице Итиль писал как о месте сухом, суровом, неприятном (хотя там и имеются деревья), с отсутствием фруктов, зато с хорошим хлебом, а о Самандаре — как о городе (*балад*), где много садов и виноградников (Ибн Хаукал 1939: 392; ал-Мукаддаси 1877: 355, 360–362; 1994: 282, 288, 289).

То, что даже в городах население обитало в «палатках» из дерева и войлока и каркасных палатках, а часть жилищ была сделана из сплетенных веток или камыша, свидетельствует о сохранении кочевых традиций в быту. Возможно, это были юртообразные жилища, существование которых указывает на приспособление кочевников к оседлому быту (Флёров 1996: 3–7, 60).

Печенеги были кочевниками, бургасы и болгары — оседлыми земледельцами и скотоводами, славяне же народом земледельческим; таким образом, верхушка хазар собирала дань и с оседлого, и с кочевого населения. Отношения скотоводов и земледельцев на протяжении существования Хазарии были неоднородными. По предположению ряда историков, в процессе завоевания хазарами степей Восточной Европы жившие там кочевники («праболгары») лишались скота и пастбищ и переходили к оседлому или полuosедлому образу жизни (Науменко 2004: 64–70; Тортика 2006: 35–36, 83–101).

Из Итиля, по сообщению хакана хазар Иосифа, он со своими подданными весной объезжал владения, двигаясь по мере выгорания травы от Волги к Куме, затем вдоль Восточного Маныча к Дону, а по долине Дона — обратно на Волгу. Предполагается, что такие выезды царя, будучи традиционно кочевническими (Артамонов 2001: 539–540; Хазанов 2008: 421), в Хазарии наполнились новым содержанием и, возможно, их следует приравнивать к полюдью (Кобищанов 1995: 223). «Экономическое содержание полюдьи заключается в том, что оно устанавливало продолжительное, относительно регулярное фиксируемое обычаем изъятие прибавочного продукта, отчуждаемого в виде дани на месте производства» (Полюдь 2009: 599). Однако необходимо учитывать, что источники не свидетельствуют достоверно о том, относились ли выезды хазарского владыки к способу сбора дани.

Такое положение дел некогда рассматривалось как закономерное движение от таборного кочевания к полuosедлости, а затем и к полной оседлости (Плетнева 1982: 13 и др.). Однако и сама С.А. Плетнева писала, что примеры из византийских и «переднеазиатских» источников V–VII вв. о гуннах, печенегах и других народах (в том числе хазарах) не соответствуют данным археологии, поскольку «не известно ни одного более или менее выразительного (стационарного) памятника, который можно было бы связать с одним из перечисленных народов» (Плетнева 1982: 27).

Хозяйство кочевников включало в себя и земледельческие, и торговые, и ремесленные элементы, при этом на разных стадиях мог превалировать тот или иной тип хозяйства (Марков 2010: 9–10). Образ жизни кочевников и способы ве-

дения кочевого хозяйства воспроизводились на протяжении веков, хотя в степях жили разные народы (Тортика 2002: 102–104).

Письменные источники, предоставляющие сведения о хазарах, тезис о существовании у них кочевого хозяйства не подтверждают. То обстоятельство, что с весны по осень обитатели городов Сар'ш.н, Хаб.н.л' и Итил (в данном случае я не касаюсь проблемы идентификации этих городов) жили в степи и занимались посевами, а к зиме с урожаем возвращались обратно, интерпретировалось как кочевой скотоводческий тип хозяйства (Артамонов 2001: 539; Плетнева 1982: 117). Однако источники не упоминают о выводе в степь скота, напротив, говорят об обработке пашен и сборе урожая. Возможно, арабо-персидские авторы имели в виду традиционный быт кочевников, в то время как в экономике наблюдался переход к земледельческому хозяйству. Несмотря на обилие археологических работ, неясно, было ли кочевое скотоводство основой экономики Хазарии и не наблюдался ли скорее обратный процесс: быстрое вхождение немногочисленных пришлых хазар-номадов в общества оседлых земледельцев (Флёров 2011: 212–217). В целом же возникновение государственности у кочевников тесно связано с влиянием соседних земледельческих обществ (Хазанов 2008: 18–19).

Важным элементом развития государственности является взимание дани центральной властью и военным контингентом с перешедших к оседлости соплеменников и оставшихся в степи кочевников. О военном сословии у хазар писал ал-Мас'уди, который зафиксировал существование при царском дворе мусульманской гвардии, облаченной в панцири, шлемы и кольчуги, числом около семи тысяч (цифра, вероятно, преувеличена), включавшей в себя выходцев из Хорезма, называвшихся «ал-арсийа» или «ларисийа». Они были главной опорой царя во время войн. За одним из них резервировалась должность царского везира, им полагались специальные мусульманские судьи (ал-Мас'уди 1863: 10–11).

Ал-Истахри и Ибн Хаукал писали о войске в 12 тыс. человек (опять-таки цифра, вероятнее всего, преувеличена). Если умирал воин, его место занимал другой; о постоянном содержании или ежемесячном рационе ничего не говорится. Небольшая часть прибыли доставалась им в период войн, иногда выдавался паек за неопределенный долгий период. Трудно сказать, можно ли назвать такое войско регулярным (Ибн Хаукал 1939: 390) и помогало ли оно собирать дань.

По сведениям ал-Истахри и Ибн Хаукала, доходы царя хазар состояли из обязательной доли с жителей кварталов и округов, снабжавших царя предметами первой необходимости — водой и питьем (ал-Истахри 1870: 220; Ибн Хаукал 1939: 390). Ибн Хаукал рассказывал, что хакану полагались «налоги натурой (*джарийат*) и налоги (*кавинин*), которые поступают к нему согласно установлениям» (Ибн Хаукал 1939: 396; 2000: 751). Властитель волжских булгар собирал со своих подданных шкурки соболей, чтобы уплатить дань царю хазар (Ибн Русте 1892: 141; Гардизи 1973: 39, 60; Ибн Фадлан 1956: 136, 140, 141). О десятине, которую приезжие еврейские торговцы-разанья платили на Каспии хазарскому властителю города Хамлидж, известно из «Книги путей и царств» Ибн Хордадбега (Ибн Хордадбех 1889: 154; 1986: 124).

В пользу царя шли пошлины и торговые сборы (*'ушур*) от поступающих с каждой дороги товаров, в частности десятая часть товаров торговцев-русов, приезжавших в Хазаран (как считают исследователи, часть Итиля) (ал-Истахри 1870: 221; Ибн Хаукал 1939: 392). Ал-Джахиз, ал-Истахри, Ибн Хаукал сообщают о развитии транзитной торговли в Хазарии. Как говорят источники, единственным собственнo хазарским предметом вывоза был рыбий клей (ал-Истахри 1870: 223; Ибн Хаукал 1939: 394). Ввозились же невольники, мед, воск, меха, одежда и прочие товары, которые шли далее. Шкурки бобров, лис, белок, соболей и горностаев развозились из Хазарии по всему свету (ал-Истахри 1870: 222; Ибн Хаукал 1939: 395–396; ал-Джахиз, см. Калинина 2001: 194). Из Хазарии также вывозились рабы, кольчуги и шлемы (ал-Джахиз, см. Халидов 2001: 190). Есть сведения о торговле овцами и рогатым скотом («Худуд ал-‘Алам» 1937: 161). Доход от транзитной торговли принадлежал, естественно, верхушке общества. Высшие круги, накопившие богатства, тем самым отдалялись от народных масс, с которых собиралась дань.

Хакан был лицом сакральным (Петрухин 2001: 74–75; Степанов 2005: 317–325; Petrukhin 2004: 269–275), его священная персона олицетворяла государственное процветание; в случае неудач (голодные годы, поражение в войне) хакан карался смертью (ал-Мас‘уди 1863: 12–13). Такое происходило также по истечении срока царствования хакана; этому предшествовал ритуал его удушения до степени почти смертельной, когда полужадушенный хакан должен был назвать срок своего царствования (Ковалевский 1956: 146). Впрочем, эта информация не всеми принята как реальная: возможно, что ритуальное убийство хакана относится всего лишь к мифопоэтическому сюжету, о котором писал в «Золотой ветви» Д. Фрезер, но не к действительной религиозной практике (Петрухин 2001: 73; Petrukhin 2004: 269–275). Тем не менее подобная традиционная двойственность власти существовала у праболгар, мадьяр, уйгуров, тюркютов и в целом была характерна для обществ тюрков (Голден 1993: 220–224; Кляшторный 2003: 243).

Весьма важную роль в истории Хазарии сыграло принятие монотеистической религии, а именно иудаизма. Согласно Ибн Русте и Гардизи, в Хазарии исповедовали иудаизм «высший глава», т.е. хакан, его заместитель, а также вожди и знать (Ибн Русте 1892: 130; Гардизи 1937: 36, 57). Эти сведения подтверждаются и авторами X в. (Ибн Фадлан 1956: 140, 141, 148; ал-Истахри 1870: 220; Ибн Хаукал 1939: 390; ал-Мас‘уди 1894: 8–9; Коковцов, 1939). На территориях, вошедших в состав Хазарии и соседних с ними (на Боспоре, Таманском полуострове, в Фанагории, Крыму), с давних пор обитали евреи; там сохранились памятники иудейского культа первых веков нашей эры (Кашовская, Кашаев 2004: 13–23; 2010: 283–294). В Дагестане и на Кавказе также издавна существовали еврейские общины (Артамонов 2001: 362, 379; Фарзалиев 2008: 168–178).

Еврейские колонии в разных районах Восточной Европы появлялись также вследствие гонений на общины иудеев, происходивших в Византийской империи (Новосельцев 1990: 152). Так, преследование евреев при императоре Ираклии (610–

641) в 20-х годах VII в., а через столетие при Льве III Исавре (717–741) вызвало их переселение в Хазарию (Артамонов 2001: 362). Ал-Мас‘уди писал, что, когда во времена византийского императора Романа Лакапина (919–944) в Византии были гонения на евреев, те также бежали в Хазарию (ал-Мас‘уди 1894: 8–9). Ад-Димашки со ссылкой на Ибн ал-Асира (хотя сам текст сочинения Ибн ал-Асира не содержит такой информации) сообщал, что ко времени правления Харуна ар-Рашида византийский император изгнал из своего государства евреев, которые бежали в Хазарию и там якобы обратили хазар в свою веру (ад-Димашки 1866: 263). Таким образом, иудейская религия была давно известна в Хазарии.

В IX в. еврейские купцы активно содействовали транзитной торговле между Европой и Азией. Как писал Ибн Хордадбех, еврейские торговцы, говорившие на разных языках — арабском, персидском, греческом, «франкском», испанском, славянском, — были хорошо известны на мировых торговых путях (Ибн Хордадбех 1889: 153–155; 1986: 23–124). Один из них, пролегая по Чехии, Венгрии, Руси и Волжской Булгарии, через Поволжье проходил в пределы Хазарского каганата (Назаренко 2001: 98–101), хотя нумизматических и археологических подтверждений существования такого пути пока нет (Флёров, Флёрова 2005: 185–206). Однако наличие торговых отношений в Хазарии подтверждается находками собственной монеты: в Подонье были обнаружены подражания арабским дирхемам с искаженной надписью «земля хазар», относящиеся к IX — началу X в. (Быков 1974: 67; Фомин 1979: 136–138). На острове Готланд в Швеции, крупнейшем торговом центре, был обнаружен клад восточных монет первой трети IX в., среди которых были немногочисленные монеты с легендой «земля хазар» и дирхемы с текстом по-арабски «Моисей — посланник Аллаха (=Бога)» вместо обычной формулы на арабских дирхемах «Мухаммад — посланник Аллаха», что стало признанием их хазарского происхождения (Kovalev 2005: 220–253).

Ряд исследователей напрямую связывали падение Хазарского государства с принятием иудаизма правящей верхушкой (Артамонов 2001: 362, 623–624; Плетнева 1986: 60–88; Новосельцев 1990: 153). Однако основная масса населения придерживалась веры тюрок или тюрок-огузов (Ибн Русте 1892: 139; Гардизи 1973: 39, 57), часть перешла в ислам, и только правители стали исповедовать замкнутую, непонятную для большинства подданных религию.

Ритуалы, сопровождавшие выезд правителя, были свойственны тюркским традициям. По Ибн Русте, при выступлении в поход перед шадом ехал всадник, который вез щит от солнца (или в виде солнца), напоминающий барабан — символ царской власти, в сопровождении звуков бубна (Ибн Русте 1982: 140). Гардизи изменил текст Ибн Русте: по его сведениям, перед шадом ехал авангард, несущий свечи из воска и светильники (Гардизи 1973: 37, 56). В первом случае отмечены явные тюркские традиции, во втором же ритуал более напоминает иудейские церемонии (ритуальные свечи? менора?). Изменения произошли, по-видимому, после принятия иудаизма верхушкой Хазарии, что и отразилось в информации Гардизи (Петрухин 2001: 78, примеч. 20). Хотя в научной литературе существуют сомнения в достоверности принятия иудаизма в Хазарии (Gil 2010:

90; Штампфер 2011: 9–67), однако они достаточно убедительно опровергнуты (Петрухин 2011: 68–71; Рашковский 2011: 72–93).

Схема четырех циклов власти кочевников (на примере общества хунну) была предложена в свое время О. Латтимором: «На первой стадии новое государство включало в себя только кочевников, на второй стадии кочевники учреждали государство смешанного типа, взимающее дань со своих оседлых подданных. Государство смешанного типа переходило в третью стадию, на которой гарнизонные войска, состоявшие из перешедших к оседлости кочевников, в конце концов получали львиную долю доходов за счет своих менее цивилизованных соплеменников, остававшихся в степи. Такие условия создавали четвертую, и последнюю, стадию, на которой происходило падение государства, потому что различия между реальным благосостоянием и номинальной властью, с одной стороны, и реальной или потенциальной властью и относительной бедностью — с другой, становились невыносимыми, [открывая дорогу] к развалу государства смешанного типа и „возврату к кочевничеству“ — в политическом отношении — у отдаленных и обособленных групп кочевников» (Lattimore 1940: 521–523, цит. по: Барфилд 2009: 22).

Схема, предложенная О. Латтимором, в некоторой степени применима к Хазарии (Калинина 2010: 25–41). Для первого этапа существования хазарского государства были характерны завоевания на Кавказе, в силу обстоятельств осложненные схватками с сильными державами: Ираном, Византией, Арабским халифатом. На втором и третьем этапах произошли снижение военной активности, уменьшение конфликтов с Халифатом и Византией, переход к данническим отношениям с соседями. Информация письменных источников, впрочем, не позволяет точно разделить второй и третий этапы формирования государственности Хазарии, поскольку взимание дани существовало на обоих этапах. Но на третьем этапе наблюдалось появление более или менее регулярного военного контингента.

Постепенная утрата, с вхождением в состав населения оседлых земледельцев, значимости кочевой экономики, концентрация богатства и обособление правящего слоя, ситуация двоевластия, ослабление руководства вследствие принятия монотеистической религии, непонятной для большинства населения, создали условия для последнего — четвертого этапа существования Хазарии. Следствием этих факторов оказалось давление со стороны нескольких сил: нового противника хазар — Древней Руси, Хорезма, тюрок-огузов, Ширвана (Dunlop 1954: 233–234; Плетнева 1982; Михеев 1985; Новосельцев 1990: 219–248; Коновалова 2001).

Из-за того что хазары, как и уйгуры, кыргызы на Верхнем Енисее, кимаки и кипчаки на Иртыше, в целом унаследовали общественное устройство и политическую организацию Тюркского каганата, время существования их государства названо периодом степных империй (Кляшторный 2012: 108–113). Делается даже решительный вывод о том, что Хазарию, существовавшую в Великой степи длительный период, следует рассматривать как «классическое кочевническое государство с переходом от родовой к территориальной форме управления, с неминуемым ограничением передвижения кочевников и их постепенной седентаризацией» (Комар 2006: 235, 237).

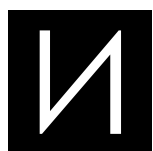
Однако письменные источники, несмотря на приведенные выше сведения о сохранении признаков кочевничества и элементов государственного устройства, не дают оснований для столь категоричных выводов. Ни прямых признаков перехода от родовой к территориальной форме управления, ни данных об ограничениях передвижения кочевников в письменных источниках нет. Неизвестность в отношении определяющей формы хозяйства, существование на равных правах оседлости и кочевнических традиций, неясность в отношении степени зависимости подчиненных территорий мешают определить Хазарию как типичную кочевническую империю. Сохранение же традиционных способов руководства свидетельствует, скорее, о непрочности политического строя Хазарии, чем о ее устойчивости. Попытки изменения и упрочения властных структур можно усматривать в переименовании царя-заместителя; в стремлении его к единовластию, но при сохранении старых традиций; в процессе перехода к другой религии. Однако усилия эти заметных результатов не дали.

Государственное образование, подобное находившемуся под главенством хазар, Н.Н. Крадин назвал квазиимперской государственно-подобной структурой, для которой с большей или меньшей определенностью характерны следующие шесть признаков: 1) доминирование клановых связей (в нашем случае — существование верхушки общества, в которой только один род мог быть царствующим); 2) наличие должностных лиц, существовавших за счет доли собираемой ими редиистрибуции (поскольку имеются сведения о собирании дани, следовательно, можно предполагать наличие каких-то чиновников, что, добавлю от себя, еще не свидетельствует о территориальной форме управления); 3) отсутствие узаконенной правовой кодификации (что подтверждается известиями ал-Мас'уди и Ибн Хаукала о судьях в Итиле отдельно для иудеев, мусульман и язычников, славян и русов и о праве царя, а не закона, судить); 4) отсутствие специальных судебных органов (существование судей, в качестве которых могли выступать старейшины или везири, еще не говорит о наличии судебных органов, т.е. об институционализации судебной сферы); 5) отсутствие строго определенной редиистрибуции, дани и поборов (о режиме взимания дани в нашем случае сведений недостаточно); 6) очень слабое развитие аппарата управления (есть указания только на существование высших правителей — хакана и шада (бека) и упоминания титулов чиновников или подчиненных лиц без указаний на род их деятельности) (Крадин 2007: 81, со ссылкой на Х. Классена и П. Скальника). Таким образом, Хазарию правильнее называть не классической кочевнической империей, а, скорее, государством со смешанным кочевническим и оседлым населением, которое из-за слабого развития политических и общественных структур пришло в упадок в конце X в.

Глава 13

ИМПЕРИЯ ЛЯО

Введение

Имя киданей не так хорошо известно вне специальной литературы. Между тем именно они сыграли важную роль в истории народов Дальнего Востока и дали одно из двух наименований Поднебесной — Китай. Впоследствии это название вошло в различные языки, в том числе во многие славянские, среди них русский (второе, как известно, связано с напитком, пришедшим из данной страны, — *чай*; отсюда *China* (*франц.*), *China* (*англ., нем.*)).

Изучение истории киданей насчитывает не так много работ, как, например, изучение Хуннской или Монгольской империи. До сих пор непревзойденным исследованием в киданеведении считается обобщающий труд К. Виттфогеля и Фэн Цзяшэна «История китайского общества. Ляо (907–1125)», опубликованный в 1949 г. Благодаря многолетней кропотливой работе Фэн Цзяшэна книга охватывает колоссальный фактический материал — переводы из «Ляо ши» — по истории киданьской династии, сгруппированный по отдельным рассматриваемым аспектам: административно-территориальному делению, животноводству и земледелию, ремеслам, финансовой системе, обычаям, системе родства, устройству государственного аппарата, военному делу и т.д. Данные «Ляо ши» использованы максимально, при этом они дополнены и проверены материалами других источников. Фактически книга стала своеобразной энциклопедией по истории и культуре киданей, в которой можно было найти ответы на любые интересующие исследователей вопросы. Возможно, именно существование столь фундаментального издания многие годы препятствовало дальнейшей активизации в западной историографии исследований по истории киданей (Wittfogel, Feng 1949).

Археологические источники по истории киданей изучались разными исследователями. Определенный вклад в изучение памятников Внутренней Монголии внесли японские ученые в годы оккупации Китая (особенно Тории Рюдзо). После окончания Второй мировой войны памятники киданей активно исследуются китайскими археологами. Среди наиболее важных открытий — раскопки Центральной и Верхней столиц Ляо, раскопки элитных ляоских погребений, изучение эпитафий, раскопки городов Юнчжоу и Жаочжоу и др. (подробнее см.: Крадин, Ивлиев 2014). В результате совместных международных археологических исследований российских и монгольских специалистов городищ в Монголии получены новые интересные данные о культуре народов империи Ляо (Крадин, Ивлиев и др. 2011).

Первое упоминание о киданях в письменных источниках относится к середине VI в. Они обитали примерно на территории Внутренней Монголии и Маньчжурии в бассейнах рек Шара-Мурэн и Лаохахэ. Разные исследователи относили киданей то к тунгусам, то к тюркам, то к монголам — потомкам дунху и сяньби. Последняя точка зрения является наиболее распространенной. Это обусловлено целым рядом обстоятельств. Во-первых, дунху, в том числе происходящие от них сяньби, большинством современных ученых относятся к монголоязычным народам. Во-вторых, уже со II в. сяньби и ухуани политически и численно преобладали на территории Монголии, и кидани, появившиеся на историческом горизонте в IV в., обитали именно на сяньбийских землях. При этом район расселения дунху, сяньби и ухуаней в целом совпадает с ареалом расселения киданей, си и шивэй во второй половине I тысячелетия. Наконец, ряд киданьских обычаев и религиозных воззрений — ориентировка жилищ выходом на восток, культ собаки и белой лошади как тотемных животных, поклонение горе, мифы о происхождении основателя правящего дома — совпадают с сяньбийскими и ухуаньскими, а в дальнейшем прослеживаются и у монголов (Викторова 1980).

Основу хозяйства киданей составляли кочевое скотоводство и охота. Практически во всех китайских династических хрониках встречается одна и та же универсальная калька в отношении жизнеописания киданей и других кочевников Внутренней Монголии. «Население здесь пасет скот, занимается охотой и рыбной ловлей для пропитания; добывает кожи и шерсть, чтобы есть; переезжает с места на место в соответствии с периодами года, причем повозка и спина лошади служат домом» (ЛШ 3: 1а). Кроме того, кидани были знакомы с земледелием и занимались рыболовством.

С начала V в. кидани совершали набеги на Северную Вэй. С созданием в 552 г. Тюркского каганата они оказались зажатыми между своими соседями со всех сторон: с запада — Тюркским каганатом, с юго-запада — Суйской империей, а затем Танской империей, с юго-востока — государством Когурё. Они попали в вассальную зависимость от тюрков, вожди киданьского племенного союза носили тюркский титул *ицзинь* (*сыцзинь*, тюрк. *иркин*), который рядом исследователей переводится как «второй после кагана» (Wittfogel, Feng 1949: 429). Для управления подвластными тюркскому каганату «кочевьями» назначались наме-

стники (Материалы 1984: 156). В период существования Уйгурского каганата кидани подчинялись уйгурам.

Ко времени создания династии Суй существовало 10 киданьских кочевий, которые могли выставить от 1 тыс. до 3 тыс. воинов (там же). По мере необходимости киданьские кочевья могли объединяться в конфедерацию. Согласно данным летописей, «если предстояла война, вожди кочевий собирались для обсуждения связанных с ней вопросов. При сборе войск и выступлении в поход предварительно сверяли верительные таблички» (там же). В танское время появился союз Дахэ, который просуществовал до 730 г. «Цзю Тан шу» сообщает: «Их правитель носит фамилию Дахэ. Имеют 43 тыс. превосходных воинов. Народ делится на восемь кочевий» (там же: 156–157). Ранний союз Дахэ включал восемь кочевий: сивандань, адахэ, цзюйфуфу, юйюйлин, жилинь, пили, циюй, юйчжэньхоу. Эти названия, как пишет Цай Мэйбяо (1964: 166), происходили от традиционных мест их обитания.

Так называемые кочевья (*було*) представляли собой крупные самостоятельные политические единицы, возглавляемые вождями (*цзюши*), — что-то сопоставимое с племенами или вождествами. Кое-какая информация о социальной организации киданей содержится в «Ляо ши»: «Кочевье (*було*) называется *бу*, а род (*шицзу*) называется *цзу*... Имелся род, который составлял разные кочевья, например кочевья Уюань и Лююань; имелись кочевья, состоявшие из разных родов, например кочевья вана кумоси или кочевья шивэйцев; имелись кочевья, которые не состояли из родов, например кочевья Тэлитэмянь, Шаова и Хэшу; имелись роды, которые не составляли кочевий, например род девяти юрт Яоняня и род дома трех отцов императорского рода» (ЛШ 32: 4а).

В более позднем источнике Оуян Сю дает более полную информацию о политической системе киданей: «Старшим среди кочевий являлся род Дахэ... Возглавляющий кочевье назывался *дажэнь* (большой человек), причем всегда двигался один дажэнь. Перед ним выставлялись знамя и барабан в знак власти над восьмью кочевьями. Если он находился у власти долгое время или же если во владении случались стихийные бедствия, в результате которых скот погибал, [все] восемь кочевий собирались на совещание и выставляли знамя и барабан перед следующим [дажэнем], который сменял [бывшего вождя]. Сменяемый считал, что такова первоначальная договоренность, и не смел бороться за власть» (Материалы 1984: 186).

Из этого отрывка можно сделать несколько важных выводов. Во-первых, очевидно, власть передавалась внутри одной родственной линии. Во-вторых, передача власти происходила в рамках коллективного собрания представителей всех кочевий. В-третьих, данный рассказ является классическим примером функционирования института традиционного господства (Weber 1922). Легитимность традиционного господства базируется на вере в наследственные способности правителей и/или жрецов взаимодействовать с потусторонними силами и обеспечивать с их стороны содействие своему народу. Если правитель не справляется со своими обязанностями, он должен быть заменен. С течением времени среди

киданьских кочевий (*було*) на ведущие позиции выделился род Яонянь. Правитель конфедерации стал именоваться *цзуу кэхана*. Как и ранее, он избирался внутри одного рода, но всеми кочевьями.

Путь к власти

Во второй половине IX в. во Внутренней Азии изменилось соотношение сил. В 840 г. под ударами кыргызов погиб Уйгурский каганат. Стала дряхлеть и в 907 г. развалилась империя Тан. Это избавило киданей от традиционных сильных врагов. Во главе их конфедерации оказался талантливый и харизматичный лидер — Елюй Абаоцзи, который смог преодолеть племенной сепаратизм и создать кочевую империю.

Он родился в 872 г. и получил в детстве все необходимые для воина качества — отличался крепким телосложением, смелостью, хорошо скакал верхом и стрелял из тугого лука (ЛШ 1: 1а; Е Лунли 1979: 41). Подобно многим другим выдающимся основателям степных империй, его зачатие и рождение были освящены небесной благодатью. Его мать забеременела после того, как увидела во сне, что в ее грудь упало солнце. Во время родов в юрте был волшебный свет, а новорожденный был размером с трехлетнего карапуза и сразу же стал ползать (Тюрюмина 2007: 43).

В конце IX в. род Елюй контролировал военные силы конфедерации. Абаоцзи сначала возглавлял дружину своего дяди Шилу, имевшего второй по значимости в конфедерации титул *юйюэ*. Затем Абаоцзи стал военным вождем — *илицинем*, а через некоторое время — *юйюэ*. Он ведал военными делами и внешней политикой киданьского племенного союза (ЛШ 1: 1б–2а). В 907 г. Абаоцзи решился на отстранение от власти кагана из ослабевшего рода Яонянь. Влияние последнего настолько ослабло, что он ничего не смог сделать. В первом месяце года по лунному календарю Абаоцзи провел церемонию зажжения хвороста (*чаици*) — своеобразную инаугурацию, согласно которой высокий столб дыма должен был сигнализировать Небу о приходе к власти нового правителя (ЛШ 1: 2б).

После вступления на престол Абаоцзи объявил императорский род в качестве десятого шатра, наследующего девяти шатрам рода Яонянь. Тем самым он стремился показать, что род Елюй легитимно наследует роду Яонянь, так же как род Яонянь наследовал роду Дахэ.

У Абаоцзи не было четкого плана укрепления власти. Чтобы задобрить своих родственников, на следующий год после узурпации престола Абаоцзи учредил должность *тииня*. Первым тиинем стал Лахэ (Сала) — младший брат Абаоцзи (ЛШ 1: 3а). Возможно, это был не единственный почетный титул, который был введен Абаоцзи. Осознавая шаткость своего положения как всего лишь «первого среди равных», он начинает привлекать к управлению лиц, которые были бы преданы ему лично. Традиционно северным и южным крылом киданьской конфедерации управляли представители наиболее авторитетных кочевий (*було*) —

Дели и Иши (Цай Мэйбяо 1964). С 910 г. Абаоцзи ввел новый порядок, согласно которому вместо традиционных вождей северного и правого крыла киданьской конфедерации были введены должности канцлеров. Северными канцлерами (*цзайсан*) стали назначаться лица из рода императрицы. Первым стал старший брат императрицы Сяо Дилу (ЛШ 1: 36). Постепенно *цзайсаны* и *даваны* оттеснили от реального управления *тииня* и *юйюэ*. Это стало важным механизмом формирования иерархической структуры в конфедерации.

Еще одним важным нововведением стало создание дружины (*сுவэйцзюнь*, букв. «войско, охраняющее ставку»). В племенах были отобраны примерно две тысячи храбрых и сильных молодцов. Командиром дружины был назначен Елюй Хэлу — старший брат императрицы. Это мероприятие очень похоже на то, что впоследствии сделал Чингис-хан, сформировавший дружину из молодых и преданных ему представителей разных племен и вожеств (см.: Крадин, Скрынникова 2006: 111–112). Подобное войско, несомненно, представляло собой более мощную силу, чем племенное войско, и служило важным инструментом усиления личной власти. Параллельно с этим рекрутирование в дружину представителей различных племен могло выполнять важную функцию своеобразного заложничества с целью поддержания лояльности племен к предводителю конфедерации.

Тем не менее преобразование киданьской племенной конфедерации в бюрократическую империю являлось весьма непростой задачей. Несмотря на то что Абаоцзи избавился от конкурировавших с ним вождей других племен, идеи коллективного управления кочевниками витали внутри его собственной племенной группировки, в том числе среди его близких родственников. Ему пришлось бороться с собственными дядьями и братьями, которые, следуя установившейся у киданей еще в VII в. неписаной традиции передачи поста вождя племенного союза от брата к брату в пределах одного правящего рода, неоднократно пытались сместить его в период 912–917 гг. (Wittfogel, Feng 1949: 401–402).

Абаоцзи пытался нейтрализовать своих многочисленных братьев и дядьев богатыми подарками и вовлечением в военные походы. Однако некоторые из них явно или тайно не одобряли нежелание правителя империи делиться с ними властью. При этом главными противниками Абаоцзи были его кровные родственники из собственного рода и племени Дела (досл. «из локтя и подмышек»). По этой причине Абаоцзи был вынужден отправить своего младшего брата тииня Лахэ (Лагэ) с войсками, чтобы замирить племена Нела и Дела. Однако в 911 г. сам Лахэ и другие братья императора — Дела, Индиши, Аньдуань составили заговор. К несчастью для них, жена императора Няньмугу узнала об этом и рассказала обо всем Абаоцзи. Каган простил братьев и совершил с ними жертвоприношение Земле и Небу на вершине горы, где они поклялись в верности друг другу. Лахэ был назначен на должность илицзиня племени Дела, тиинем был назначен Хуагэ — сын Шилу.

На следующий год те же самые лица, к которым присоединился юйюэ Сяди, подняли новый мятеж. Иными словами, в заговоре приняли участие почти все

ведущие должностные лица империи. Поскольку Абаоцзи в то время находился в походе против юго-западных народов, заговорщики перегородили ему дорогу на обратном пути. Абаоцзи уклонился от прямого столкновения и вместо этого провел новую церемонию выборов хана и возжигания хвороста. Возможно, он не был полностью уверен в законном характере своего положения и стремился дополнительно легитимизировать свой статус. Можно только предполагать, с каким воодушевлением воины поддерживали своего правителя. Судя по всему, силы были неравны, и буквально на следующий день заговорщики послали парламентаров с просьбой пощадить их. Абаоцзи снова простил своих братьев. Нежелание наказывать родственников, возможно, косвенно свидетельствует о том, что Абаоцзи осознавал, что он сам нарушил племенной закон и лишил своих братьев права на наследование (Barfield 1989: 171).

Однако в третьем месяце 913 г. разгорелась настоящая междоусобная война. Помимо уже упомянутых персон и их соплеменников из племени Дела в заговор вовлекли племя Иши. По всей видимости, Лахэ намеревался захватить престол. Он направил Дела и Аньдуаня, чтобы они убили Абаоцзи. Однако заговор снова был раскрыт, а Дела и Аньдуань арестованы. Абаоцзи лично отправился с надежными войсками в поход против Лахэ.

Однако другая группа заговорщиков в это время напала на его ставку, где находилась в тот момент императрица Чуньцин. Несмотря на упорное сопротивление, сепаратисты захватили и разграбили ставку, сожгли «священный шатер предков» и захватили знамена и барабаны — священные реликвии каганской власти. Реликвии через некоторое время удалось отбить.

Масштабы внутреннего конфликта были настолько велики, что у Абаоцзи было недостаточно сил, чтобы справиться с мятежниками. Он был вынужден просить помощи у шивэйцев и тухуней. Важную роль в разгроме оппозиции сыграла гвардия, которая была лично предана кагану.

Война продлилась два месяца и привела к разорению народ и войско. Многие, в том числе и не примкнувшие ни к той, ни к другой стороне, были ограблены и/или убиты (букв. «народ доведен до крайности»). Почти все поголовье лошадей было пущено под нож, примерно 70–80% лошадей съедены воинами. В пищу использовали даже собак и собираемые фуражирами дикоросы. И на этот раз Абаоцзи одержал победу. Шесть тысяч заговорщиков были приговорены к наказаниям различной степени тяжести. Абаоцзи повелел Сяди покончить с собой, бросившись со скалы. Также был приговорен к смерти Дилигу из племени Иши.

Зимой Абаоцзи собрал наиболее почтенных людей и племенных вождей возле озера Ляньхуа, где обсуждал с ними важнейшие государственные дела, а затем снова провел обряд интронизации с возжиганием хвороста. Только после проведения церемонии Абаоцзи подверг наказанию главных заговорщиков. Это произошло уже в 914 г. К смерти был приговорен Хуагэ — сын Шилу. Его братья — Лахэ и Дела были подвергнуты наказанию палками и отпущены. Аньдуань и Иньдиши были просто выпущены из темницы. По всей видимости, Абаоцзи не

решился проливать кровь близких родственников, чтобы не нарушить степные обычаи.

Однако после крупномасштабного восстания в 913 г. большинство заговорщиков были казнены. Число убитых превышало 300 человек (Twitchett, Tietze 1994: 62). Но и в этом случае Абаоцзи не решился пролить кровь своих близких сородичей, и впоследствии они были освобождены от наказания. Как своеобразную компенсацию можно рассматривать попытку Абаоцзи дать определенные привилегии некоторым наиболее близким группам по боковой линии.

В 916 г. Абаоцзи принял титул императора (*хуаньди*), утвердил девиз правления (*шэнь-цэ*, букв. «возведение на престол по воле духов»), назначил наследником престола своего сына Туоя, принял еще один пышный титул — «великий совершенномудрый великий проницательный небесный император» (*да шэньда мин тяньхуаньди*). С этого времени империя стала именоваться «государство киданей» (*Цидань-го*).

Последнее восстание случилось в 918 г. Оно также было подавлено. Главный заговорщик, младший брат императора по имени Шэлэ Або, занимавший должность *бэй-давана* («большой северный князь»), был заключен под стражу и выпущен по истечении года. Е Лунли истолковал информацию об этом событии явно в конфуцианской манере. Мудрый Абаоцзи в его интерпретации отличается высокой добродетелью, как это и положено китайскому императору. «Ты мой брат, а задумал такое дело. Если я убью тебя, чем буду от тебя отличаться?» — с таким риторическим вопросом Абаоцзи обратился к своему арестованному брату (Е Лунли 1979: 46). Однако, по версии «Ляо ши», все происходило не совсем так. Абаоцзи обещал простить Шэлэ Або, если вместо последнего будет погребена Нелигунь, жена младшего брата Абаоцзи Иньдиши, которую он давно ненавидел. Прочие бунтовщики были закопаны в землю живьем (ЛШ 1: 106).

Так или иначе, автократические устремления Абаоцзи не были легко приняты обществом с племенной идеологией. Видимо, и сам Абаоцзи прекрасно осознавал, что разрушает традицию. Отчасти поэтому он так мягко обошелся с некоторыми из заговорщиков.

Чтобы воспрепятствовать восстановлению боковой, племенной системы наследования, он стимулировал проникновение в киданьскую среду китайской культуры и буддизма. Конфуцианское мировоззрение оправдывало и легитимизировало его монархическое правление, в отличие от эгалитарной киданьской племенной идеологии.

Политическая система

Первоначально киданьская империя Ляо представляла собой что-то промежуточное между «даннической» и «завоевательной» империей. Дань и вымогаемые у китайских государств «подарки» приносили огромную прибыль. У Китая в основном вымогали шелк и денежные субсидии. Так, например, после подпи-

сания мирного договора в 1005 г. империя Сун согласилась выплачивать ежегодно Ляо 100 тыс. монет серебра и 200 тыс. кусков шелка. После новой военной кампании 1042 г. выплаты были увеличены до 200 тыс. монет и 300 тыс. кусков шелка (Е Лунли 1979: 63, 69, 148; Franke 1990: 408–409; и т.д.). Длительное время эти доходы составляли основу бюджета экономики империи. С варварских народов дань взималась лошадьми, мехами, охотничьими соколами, жемчугом, рыбой и пр. (Wittfogel, Feng 1949: 93, 100, 120, 127; Е Лунли 1979: 294–299; Ивлиев 1988: 10–11). Дань собиралась с завидной регулярностью. Так, например, с начала X по начало XII в. с чжурчжэней дань взималась 69 раз, с тели — 43, с уго — 18 раз (Воробьев 1975: 400–410).

Однако кочевники-скотоводы кидани («ядро метрополии») составляли в империи Ляо всего пятую часть населения (750 тыс. человек). Кроме них в состав империи входили земледельцы-китайцы — более половины населения (2400 тыс.), бохайцы (450 тыс.), некиданьские (так называемые «варварские») скотоводческие и охотничьи (200 тыс.) народы. Общая численность населения державы составляла, по мнению К. Виттфогеля и Фэн Цзяшэна, 3 млн 800 тыс. (Wittfogel, Feng 1949: 58).

Абаоцзи еще в самом начале своего правления осознал невозможность управления китайскими городами так, как это делается кочевниками. Традиционные догосударственные институты управления конфедерации «восьми племен» киданей не были приспособлены для руководства сложной экономикой земледельческой цивилизации с многочисленными городами. Органы управления империи должны соответствовать внутренней экономической и социальной инфраструктуре, иначе неизбежен кризис системы управления, а затем и всей империи. Абаоцзи привлек к управлению китайских чиновников с их знанием делопроизводства и администрирования.

Большую помощь в этом оказал перебежчик Хань Яньхуй, который стал советником при Абаоцзи. Он был назначен сначала на должность начальника дворцового секретариата (*чжуншунлинь*), а потом стал советником при императоре (*тинчжанши*). «Цидань го чжи» сообщает, что «[Хань] Яньхуй впервые научил киданей организации официальных учреждений, постройке городов, обнесенных внутренними и внешними стенами, и созданию торговых местечек для поселения китайцев, что дало каждому из них возможность иметь жену и заниматься распашкой и обработкой пустующих земель. В результате все китайцы стали спокойно жить и заниматься своими делами, а количество беглецов стало все более сокращаться» (Е Лунли 1979: 43).

По мере расширения территории империи была создана дуальная административная система для раздельного управления кочевниками и завоеванными китайцами. Она состояла из двух больших самостоятельных подразделений: администрации Северного района (*Бэйфу*), ведавшей управлением киданьскими и другими племенами, и администрации Южного района (*Наньфу*), управлявшей оседлым земледельческим населением, в основном китайцами и бохайцами (ЛШ 45: 1a–16; Wittfogel, Feng 1949: 466–467).

Ключевые позиции в управлении страной занимала администрация Северного района (*Бэйфу*). Ее главными функциями был контроль за киданьскими племенами, другими кочевыми и так называемыми «варварскими» народами, а также военные функции, включая разведение государственных стад лошадей. Администрация возглавлялась Северным и Южным канцлерами, которые руководили соответственно северным (*бэй юань*) и южным (*нань юань*) крыльями, или частями, степной метрополии.

Важное место в структуре государственного аппарата занимали Тайный совет — высший совещательный орган при императоре-кагане, Секретариат, где готовились императорские указы и другие документы, а также Управление Великого *линъя* (ученого), занимавшееся составлением официальных документов (ЛШ 45: 66, 86–9а). В киданьской империи были учреждены суд и должность верховного судьи (*илиби*). Судьи более низких рангов подчинялись ему. Существовала целая иерархия *илиби*, которые, подобно многим другим титулам в Ляо, имели прибавления «левый» и «правый». Они занимались разрешением споров и вынесением приговоров по преступлениям у киданей, а также между номадами и оседлыми народами (Тюрюмина 2007: 134; подробнее о киданьском праве см.: Данышин 2006). В состав правительства Северного района входил также ряд других ведомств, руководивших правительственными стадами, плавкой железа, арсеналом, различными мастерскими и охотничьими угодьями (Wittfogel, Feng 1949: 440–442).

При императорском дворе были созданы различные административные подразделения и должности для управления государством и функционирования ставки. В источниках перечисляется большое количество разных чинов и званий, связанных с двором, — конюшенные, сокольничие, ключники, канцеляристы, лица, отвечающие за имущество ставки, повозки, приготовление пищи, охрану двора и внутренний порядок и т.д. (ЛШ 45: 146–15а; 19: 56; 45: 2–9; Wittfogel, Feng 1949: 436–438, 440–443; Е Лунли 1979: 43, 51, 55, 67, 116, 133, 149, 177, 180, 249, 250, 272, 314, 440, 449, 461, 465; и др.). При этом описанная в «Ляо ши» четкая структура должностей и офисов далеко не должна вводить в заблуждение. Многие из декларированных институтов функционировали только эпизодически. Большинство так называемых чиновников Северной администрации были больше подобны монгольским нукерам. Как верные вассалы-дружинники, они были лично связаны с правителем (Twitchett, Tietze 1994: 89). Принятие решений во многом зависело не от существующей нормативной базы и разработанных правил, а от личных связей, семейных и клановых предпочтений, персональных отношений с императором, канцлерами, министрами и другими сановниками, наконец от дружеских и/или родственных отношений.

Большое значение имело появление собственной киданьской письменности. В 920 г. племянник Абаоцзи Лубугу и Елюй Тулюйбу создали большое киданьское письмо. Считается, что оно было идеографическим. Оно не получило большого распространения. Однако через пять лет Дэла (Юньдухунь) создал малое киданьское письмо, которое, по всей видимости, было фонетическим (подробнее

о киданьской письменности см.: Рудов 1963; Авакьянц 1987; Chinggeltei 2002; и др.). Создание письменности имело огромное значение для формирования ляоской государственности и закрепления самоидентичности киданей. С одной стороны, письменность служила инструментом фиксации устных распоряжений на бумаге, что стимулировало учреждение строгих правил управления и контроля. С другой стороны, создание письменности привело к формированию корпуса нарративных текстов, что дало толчок развитию национального языка, высокой культуры, способствовало этнической идентичности.

подавляющее большинство должностей в администрации Северного района занималось по наследству киданьскими аристократами из родов Елюй и Сяо. В целом номенклатура названий должностей в центральной и местной администрации Северного района отражает прямую связь этой части государственного аппарата киданьской империи с органами управления киданьского племенного союза доимперского периода.

Надплеменная организация имела довольно запутанный аппарат управления северной и южной частями киданьской конфедерации. Наиболее важную роль играли «Великие князья» (*даваны*). Вместе с канцлерами (*цзайсанами*) они отеснили от управления старую аристократию — *юйюэ* и *тииней* (Даньшин 2006: 88). В аппарат управления входили также «Великий наставник» (*тайшии*), «Великий опекун» (*тайбао*), «Великий командующий» (*тайвэй*) и «Блюститель нравов» (*сыту*). Кроме того, упоминаются «управители работ» (*сыкун*) (ЛШ 45: 5а–18б; Wittfogel, Feng 1949: 476–477). По всей видимости, в их компетенцию входили различные аспекты контрольных функций над военной и мирной жизнедеятельностью племен и вожеств киданей. Все эти пышные титулы были введены для того, чтобы удовлетворить амбиции сильно разросшегося императорского клана и других столь же многочисленных знатных киданьских кланов.

При чтении китайских источников может сложиться впечатление, что у киданей сформировалась разветвленная бюрократическая система различных служб и офисов с профессиональными чиновниками и многочисленными клерками. Скорее, следует согласиться с точкой зрения, что «это была в сущности личная свита больших племенных лидеров, многие из офисов которой были зарезервированы для представителей того или другого клана короля или королевы» (Twitchett, Tietze 1994: 78).

В соответствии с иерархическим принципом организации степного общества номады были разбиты на подразделения по десятичному принципу (Е Лунли 1979: 511–513). Абаоцзи изрядно перекроил состав племен, перемешав их друг с другом. Это было нужно для ослабления существующих генеалогических связей (Цай Мэйбяо 1964: 65). При этом обычно только часть кочевников участвовали в военных действиях, а «остальные воины всегда оставались на месте в качестве основы племени» (там же: 426). Согласно «Ляо ши», «все население в возрасте от пятнадцати до пятидесяти лет было занесено в военные списки. На одного воина регулярных войск приходилось три лошади, один фуражир и один человек, обслуживающий лагерь» (ЛШ, гл. 34, л. 26–56).

Киданьский воин обязан был иметь «железные латы из девяти предметов, чепрак, узду, железные или кожаные латы для коня в зависимости от силы животного, четыре лука, четыреста стрел, длинное и короткое копье, гудо (оружие, по виду напоминающее булаву), топор, алебарду, небольшой флаг, молоток, шило, огниво, лохань для лошади, один доу (около 10,3 л) сухой пищи, мешок для сухой пищи, крюк, зонт и двести чи (около 64 м) веревки для связывания лошадей». Всё это воины запасали самостоятельно. В походе воины не снабжались ни пищей, ни фуражом. Они должны были добывать все сами посредством грабежа (Е Лунли 1979: 510; Ларичев, Тюрюмина 1975: 103). По всей видимости, поэтому нередко в походы ходили с семьями, домашними животными, большими обозами (Е Лунли 1979: 177, 182).

Основой военной мощи киданей служила организация *ордо* императорской гвардии, охранявшей дворец императора и сопровождавшей его в походах, а после смерти императора охранявшей его мавзолей. «Тай-цзу (Абаоцзи) после восшествия на престол при поддержке племени ила разделил свое племя на Пять округов и Шесть округов, которые управлялись членами императорского клана. Но личной гвардии не доставало. Поэтому были учреждены войска *ордо*. Все округа, уезды, дворы и отдельные подданные были разделены таким образом, чтобы усилить ствол и ослабить ветви. Этот принцип использовался и последующими поколениями; каждый новый правитель набирал свою гвардию *ордо*» (ЛШ 35: 16; Wittfogel, Feng 1949: 540). Численность *ордо* на протяжении истории империи Ляо постепенно увеличивалась. Если в 926 г. в *ордо* входило 15 тыс. домохозяев, которые могли выставить 6 тыс. всадников, то на последнем этапе существования империи в *ордо* входило уже 140 тыс. домохозяев, которые могли выставить 76 тыс. конных воинов (Wittfogel, Feng 1949: 516).

Разделение на Северную (*Бэйфу*) и Южную (*Наньфу*) администрации не было строго географическим. Северная администрация занималась управлением киданьскими племенами и войсками вне зависимости от того, где они располагались (ЛШ 45: 16; Twitchett, Tietze 1994: 77). Администрация Южного района формировалась по мере завоевания киданями территорий Северного Китая и Бо-хая и обретения ими больших масс оседлого земледельческого населения. Особенно интенсивно эти процессы стали развиваться после 947 г., когда после захвата Кайфына на север было переселено большое количество должностных лиц из числа китайцев. Большинство постов в ней занимали китайцы, при этом она никогда не имела такой политической власти, как администрация Северного района, сфера ее компетенции ограничивалась в основном управлением гражданскими делами населения земледельческих зон империи Ляо. К тому же, если к XI в. Южная канцелярия Северной администрации и Канцелярия администрации Южного района сливаются в единый орган — Южную канцелярию, то главнейший пост канцлера администрации Южного района всегда занимали кидани, оставляя китайцам только посты его заместителей (Wittfogel, Feng 1949: 445–450, 464).

Администрация Южного района по своей структуре во многом копировала государственный аппарат танского Китая. Среди важнейших составных частей

Южной администрации упоминаются институты «трех наставников», «трех князей-советников» при императоре, различные советники с починенными им департаментами, цензорат, академия наук (*ханьлин*), департамент государственной историографии, а также шесть важнейших министерств: 1) чинов; 2) наказаний; 3) налогов; 4) религиозных церемоний; 5) общественных работ; 6) военных дел (там же: 445–448).

Территория южной части страны была разделена на области (*фу*) и уезды (*сянь*). Всего в Ляо было пять столиц, шесть областей (*фу*), 156 округов (*чжоу*), воеводств (*цзюнь*) и городков (*чэн*), 209 уездов (*сянь*), 52 племени (*буцзу*) и 60 вассальных владений (*шу го*) (Чжан Чжэнмин 1979: 43–44). На каждом уровне иерархии существовал свой управленческий аппарат. Кроме центральных, региональных и местных органов власти имелись административные органы пяти столиц империи (Wittfogel, Feng 1949: 446 ff). Назначение генерал-губернаторов областей империи производилось в центральной администрации южных территорий, а всех должностей в области — генерал-губернатором (Е Лунли 1979: 491). Для заполнения вакансий в администрации Южного района для китайского населения империи была введена система экзаменов по танскому образцу (Wittfogel, Feng 1949: 446–456).

В каждой из пяти столиц был учрежден свой аппарат управления с гражданскими и военными учреждениями. В столицах имелись наместники, бывшие военачальниками соответствующих областей. Система управления столицами не была единой. В Западной столице преобладали военные чиновники, ведавшие вопросами обороны границы, а в Южной и Средней столицах в основном были чиновники по финансам и налогообложению. Восточная, Средняя и Южная столицы подчинялись непосредственно управлениям правого и левого премьер-министров. Во главе округов стояли начальники пяти разных рангов в зависимости от степени округа. Начальник округа высшей степени имел ранг генерал-губернатора. В функции начальников округов входили подготовка местных войск и управление ими, а также сбор налогов с населения. На особом положении находились так называемые «вверенные военные округа», принадлежавшие членам семей императора и императрицы и крупным сановникам. Все налоги с этих округов, за исключением налога на вино, поступали правителям этих территорий. Правительство направляло во «вверенные округа» только генерал-губернаторов. Низшим звеном административной системы Ляо были уезды, возглавляемые начальником уезда и его помощником (там же: 449, 489).

Социальная структура

Социальная структура империи Ляо имела сложносоставной, многоступенчатый характер (иногда для таких обществ используется термин «суперстратификация»). Высший уровень социальной пирамиды империи занимали император и его родственники (род Елюй), а также представители рода Сяо, из которого

были императрицы. Клан Елюй происходил от племени шели, получившего название от одноименного места, где оно кочевало. Клан подразделялся со времени правления основателя империи Абаоцзи на две части: «пять подразделений», или северная часть, и «шесть подразделений», или южная часть. Эти части управлялись «великими князьями» (*даванами*). Семья императора относилась к «пяти подразделениям» клана. Прямые потомки Абаоцзи относились к так называемым «поперечным» («горизонтальным») шатрам (*хэн чжан*), а потомки двух его дядей и братьев были известны как «три ответвления отцовской семьи» (*саньфу фан*). Вместе они образовывали четыре ведущих линиджа (Wittfogel, Feng 1949: 491).

Император считался единоличным правителем, окончательной инстанцией, от имени которого принимались важнейшие ответственные решения и осуществлялась редистрибуция. В его кладовых «скопились целые горы редких и драгоценных вещей» (Е Лунли 1979: 152). Государственные стада клеймились специальными казенными клеймами, включали примерно один миллион голов животных, которые выпасались специально выделенными для этих целей пастухами (главным образом в Силоу) (там же: 47), под надзором особых органов контроля (Wittfogel, Feng 1949: 47).

Клан Сяо, или, иначе, клан императрицы, имел уйгурское происхождение и также делился на несколько высших и низших линиджей (там же: 191). Этот клан являлся традиционным брачным «партнером» клана Елюй. «По законам варваров — сообщают нарративные источники, — род правителей может заключать браки только с родом императрицы, независимо от того, высокое или низкое положение занимают представители этих родов» (Е Лунли 1979: 310). По указу 1019 г. круг возможностей для вступления в брак для высших звеньев аристократии номадов был дополнительно сужен. Представителям четырех самых знатных линиджей Елюй было запрещено жениться на представителях «меньших» линиджей. В 1029 г. два ведущих линиджа клана Сяо и линиджи «пяти» и «шести» подразделений Елюй объявлены «благородными родами». По всей видимости, такое решение было обусловлено чрезмерным увеличением представителей царствующего клана Елюй из-за широко распространенной у кочевников полигинии (Wittfogel, Feng 1949: 191).

Рангом ниже клана Елюй располагались представители других аристократических кланов и вожди кочевий. К этой категории можно отнести широкий круг привилегированных слоев киданьского общества, не принадлежавших к кланам императора и императрицы. «Ляо ши» и «Цидань го чжи» сообщают о «наследственных сановниках», «старейшинах племен» (там же: 193), «знати», «богатом населении» (Е Лунли 1979: 164, 316). К. Виттфогель и Фэн Цзяшэн условно охарактеризовали его как «племенное дворянство» (Wittfogel, Feng 1949: 193). Киданьская аристократия обладала значительным богатством, так как постоянные войны и взимание дани обеспечивали приток большого количества ценностей из-за границы в метрополию, а самые высшие сановники (Е Лунли 1979: 425–426) даже имели собственные многочисленные дружины. Этот социальный слой был главной опорой династии, и его представители занимали большую часть военных

и гражданских постов в Северной администрации империи, а также наибольшее число ключевых должностей в Южной администрации.

Основные структурные подразделения киданей (племена и/или вожества) возглавлялись традиционными вождями — *илицзинями*. «Ляо ши» свидетельствует, что в компетенцию илицзиня входили военные функции — «крупный чиновник, командующий войсками и лошадьми» (ЛШ 116: 26), а также судебные обязанности (Е Лунли 1979: 345). Имеется мнение, что в киданьском обществе существовала категория лиц, сопоставимая с институтом монгольских тарханов, награждаемых «железной грамотой» — по-видимому, чем-то наподобие пайцзы. Эти лица, а также их потомки в случае совершения преступления подвергались гораздо меньшему наказанию, чем другие категории населения, либо освобождались от него вообще (Е Лунли 1979: 475, примеч. 1). Существовала также должность *шели*, которую могли получить «богатые кидани, желающие обматывать голову платком». За получение этой должности они платили 10 голов крупного рогатого скота и верблюдов, 100 голов лошадей (Е Лунли 1979: 369, примеч. 10). В источниках неоднократно упоминаются лица, владеющие многими тысячами и десятками тысяч домашних животных (Wittfogel, Feng 1949: 127).

В целом в киданьском обществе существовала четкая сословная граница между киданьской знатью (*изи*) и простыми номадами (*шужэнь*). Китайские источники неоднократно фиксируют наличие различных маркеров, указывающих на отличия между ними. «У богатых киданей юрты имели окна и украшения вышивкой» (Е Лунли 1979: 389). Одежда всегда указывала на статус человека. У киданей «знатные носят соболиные шубы. Особенно высоко ценится темно-красный соболь, а затем соболь сероватого цвета. Используют горностаю» (там же: 316). Незнатные же «украшают головной убор мехом соболя, а шубы шьют из лисьего меха» (там же). Судя по всему, в данном контексте «овчинный тулуп», о котором шла речь выше, — это предел бедности с точки зрения степной элиты (Wittfogel, Feng 1949: 191–192).

Положение простых кочевников-киданей, скорее всего, было более или менее приемлемым. Неустойчивость экстенсивного скотоводства компенсировалась механизмами традиционной племенной взаимопомощи. Обычные номады составляли основу киданьского войска, а необходимость держать в подчинении более чем $\frac{4}{5}$ населения империи вынуждала элиту номадов ограничивать притеснение своих соплеменников. Кочевники входили в военно-иерархическую десятичную систему (Е Лунли 1979: 511, 513). При этом обычно только часть номадов участвовали в военных походах, а остальные кочевники продолжали заниматься скотоводством на родине (ЛШ 35: 7а). Во время военных походов номады и их предводители получали богатую добычу (Симада Масао 1952: 304).

Для так называемых «даннических» и «завоевательных» кочевых империй (Крадин 2007) характерны постепенное формирование и развитие налогообложения не только покоренных земледельцев, но и номадов из числа народа-завоевателя. Нарративные источники позволяют выделить несколько способов, которыми эксплуатировались простые номады. Их обязывали участвовать в военных

походах и облавных охотах, платить подушный налог со взрослых, налог со скота, снабжать армию лошадьми, обслуживать перевозки зерна, выпасать стада императорской семьи, доставлять почтовые сообщения. По мере вытеснения племен с лучших пастбищных территорий номады разорялись и становились работниками в государственном скотоводческом секторе (Wittfogel, Feng 1949: 565–566; Симада Масао 1952: 301–302; Думан 1955: 23–24).

Кочевники частично оседали, частично переселялись на окраины империи, что должно было, по замыслу инициаторов данной политики, укрепить границы страны. Данные мероприятия преследовали своей целью улучшение финансовой системы династии, поскольку для государства намного выгоднее взимать налоги с земледельцев, чем безуспешно пытаться обуздать гордых, но бедных кочевников (Симада Масао 1952: 301–314). Однако, по всей видимости, такая тенденция не успела получить значительного распространения. Пока империя сохраняла полиэтничный характер, простые номады составляли основу военной машины, с помощью которой элита держала в подчинении земледельческое население страны. Следовательно, социальный статус рядовых кочевников оставался выше, чем у завоеванных народов.

Большинство населения империи составляли китайцы. Наиболее высокий статус имело чиновничество, положение которого рельефно отражает суть созданной киданями многонациональной империи. Расширение государства за счет присоединяемых земледельческих районов требовало дополнительного привлечения услуг китайских бюрократов. В 988 г. в империи Ляо была введена система экзаменов на должность. Согласно установленным правилам, раз в три года проводились экзамены в волостях, областях и при управлении государственной канцелярии. Те, кто выдержал экзамены в волостях, назывались *сяньцзянь*, в области — *фуцзе*, в управлении государственной канцелярии — *цзиньши* (Wittfogel, Feng 1949: 451–456).

Разумеется, могущество китайских аристократов и бюрократии, служивших ляоскому двору, было сильно ограничено властью элиты кочевников-завоевателей, которые, передав многочисленные рутинные управленческие дела китайцам, оставили за собой право на принятие самых ответственных решений, а также бразды политического и военного господства. Существовали ограничения на занятие важных государственных постов. Китайцам было запрещено в отдельные периоды принимать участие в облавных охотах. Согласно «Цидань го чжи», до указанного времени лишь восемь китайцев были назначены на высшие должности в империи (Е Лунли 1979: 280–281). Только сокрушительные поражения от чжурчжэней заставили киданей доверять китайским бюрократам; тем не менее ключевые должности и пост «южного канцлера», возглавлявшего всю китайскую часть управленческого аппарата, всегда занимали представители императорского рода (Wittfogel, Feng 1949: 449–450).

Китайское крестьянство было стратифицировано и делилось, согласно нарративным источникам, на три группы. К верхней относились наиболее богатые общинники, сельская администрация, которые использовали в своих хозяйствах

труд обедневших соседей. Члены семей средней группы едва ли могли позволить себе наемный труд, но тем не менее вели самостоятельное хозяйство. Те, кто находился ниже этой группы и относился к числу малоимущего крестьянства, с трудом обеспечивали себя необходимым и чаще нанимались к первой группе в работники (по данным 986 г., плата за аренду доходила до 59% урожая). В случае бедствий они являлись потенциальными претендентами на продажу за долги в рабство или вынуждены были бежать либо бродяжничать (там же: 124, 154). Состоятельные люди могли откупиться от трудовых повинностей либо нанять за ту же сумму бедняков для их отработки (там же: 363, 366, 374).

В источниках перечисляются многочисленные формы податей и повинностей, которыми облагалось оседло-земледельческое население империи: налог государству за пользование землей, промысловая подать тканями, денежный налог с домов, налог с сельскохозяйственных орудий и другие сборы. Наиболее обременительным был земельный налог. Здесь положение крестьян усугублялось тем, что он начислялся деньгами, а выплачивать его следовало зерном по государственным ценам, которые были гораздо ниже фактических. Помимо прямых податей были и косвенные налоги. Кроме того, китайцы привлекались к ирригационным работам, строительству городов, дворцов, административных учреждений, храмов, дорог, валов и других фортификационных сооружений. Обычно к трудовым повинностям крестьян привлекали в периоды между сельскохозяйственными работами (там же: 171–172, 312–313, 365–366).

Нередко крестьяне страдали от незаконных поборов со стороны чиновников, ведавших сбором налогов. Иногда эти злоупотребления достигали таких размеров, что правительство было вынуждено вмешиваться и наказывать виновных. Были случаи, когда китайских общинников переселяли на север для занятия там земледелием, ремесленной и торговой деятельностью (Симада Масао 1952: 301).

Свободные китайские ремесленники и торговцы занимали более привилегированное положение в сравнении с крестьянами-земледельцами (Kwanten 1979: 96). Они составляли основную часть населения в городах юга, а также в новых городах севера, превращая их в настоящие китайские города с многочисленными лавками и многолюдными рынками. Такое положение объясняется заинтересованностью метрополии в развитии собственного ремесла в стране и внутреннего экономического рынка. Особенно высокое экономическое положение и значительное имущественное достояние имела категория *юнь-вэй* — ростовщиков (Wittfogel, Feng 1949: 194). Впрочем, в их положении была одна особенность: закон запрещал им заниматься политической деятельностью (там же: 195). Как мясники, врачи, гадалы, рабы, так и торговцы не допускались к экзаменам на должности. Фактически им был закрыт путь в правительственные учреждения.

Численность бохайцев в империи Ляо составляла примерно 12% от общего населения страны. Завоеванные после упорного сопротивления, бохайцы управлялись с особым пристрастием, а повторявшиеся попытки сбросить киданьское иго (Шавкунов 1968: 54–56) привели к усилению репрессивно-карательных мер (Ивлиев 1986: 21–22). Если первоначально бохайское население эксплуатирова-

лось посредством взимания дани в 150 тыс. кусков полотна и тысячу лошадей, а их страной (она была переименована киданями в Дундань) управлял старший сын императора Туяй (ЛШ 72: 16; Wittfogel, Feng 1949: 314, 416; Е Лунли 1979: 240, 363; Шавкунов 1968: 54–55), то к 929 г. политика ляоского двора по отношению к бохайцам меняется коренным образом. По предложению Елюя Юйчжи начинается массовая депортация бохайцев с их родины на территорию империи Ляо (Е Лунли 1979: 363). Согласно подсчетам китайских историков, из Бохая было выслано примерно 65% населения (Ван Чэнли 1984: 176–177). Депортированных бохайцев сотнями и тысячами приписывали к ордам императоров для строительства и обслуживания императорского мавзолея, они дарились членам императорской фамилии, крупным вельможам, привлекались к несению всевозможных трудовых повинностей.

Несвободное население империи Ляо можно разбить на две группы (подробнее см.: Кычанов 1986). Первая группа (*буцуй*) означала тех, кто принадлежал отдельным лицам. Чаще всего буцуй становились бывшие рабы или их потомки, переданные в индивидуальную собственность киданьским аристократам, сановникам или китайским чиновникам. Их заставляли обрабатывать землю, строить дома и города (Wittfogel, Feng 1949: 194), отправляли нести пограничную службу за своих хозяев (Кычанов 1986: 189).

Вторая группа лиц несвободного населения принадлежала государству. В ней выделяется несколько различных категорий. *Гунху, гуньфэху, чжусуаньху* — категории лиц, приписанных к императорским дворцам, ставкам (*ордо*) киданей (Wittfogel, Feng 1949: 55, 234, 512). Они могли формироваться как из представителей так называемых варварских племен, так и из китайцев и бохайцев. Скорее всего, их основное занятие в военное время — служба, а в мирное — обработка земли и занятие ремеслами на правах военных поселенцев. Принадлежавшие казне ремесленники также не были свободными, но с ними обращались более снисходительно (Wittfogel, Feng 1949: 194; Kwanten 1979: 96). В основном они формировались за счет пленников, которых называли *шу шань* («приобретенная драгоценность») (Кычанов 1986: 189). Они были обязаны поставлять казне производимую продукцию (Wittfogel, Feng 1949: 194).

В самом низу социальной пирамиды находились рабы. Исследователи выделяют следующие источники рабства у киданей (Wittfogel, Feng 1949: 196; Думан 1955: 26; Пиков 1985: 32–34; Кычанов 1986: 186): 1) внешние источники — военнопленные из разбитых киданями войск противников, обращенные в рабство в индивидуальном порядке (Wittfogel, Feng 1949: 196, 231, 576, 583), а также угнанные жители завоеванных или подвергавшихся набегам и грабегам территорий (Материалы 1984: 233; Е Лунли 1979: 494; и др.); 2) внутренние источники — продажа и самопродажа в рабство за долги (Кычанов 1986: 189) и обращение в рабство лиц, совершивших тяжкие (чаще всего антигосударственные) преступления.

Данных о численности рабов у киданей в источниках немало. Есть сведения о владельцах в 10, 30, 50 и 100 семей так называемых рабов (Wittfogel, Feng 1949:

196). Императоры и другие представители высшей элиты ляоского общества дарили сотни и даже тысячи лиц рабского статуса (Думан 1955: 26–27; Кычанов 1986: 187). Рабы могли продаваться, но с некоторыми ограничениями. В частности, киданям было запрещено продавать своих рабов китайцам (Wittfogel, Feng 1949: 196; Кычанов 1986: 188).

Сфера применения собственно рабского труда у киданей была ограничена у частных лиц домашним хозяйством, у государства — обслуживанием императорских гробниц, дворцов, административных учреждений, монастырей. Рабов также могли приписывать к *ордо* кочевников, использовать при строительных работах или даже иногда на службе в армии (Wittfogel, Feng 1949: 196, 335, 569; Думан 1955: 26–27; Пиков 1986: 35).

Положение рабов в зависимости от обстоятельств могло существенно варьироваться. Иногда они не имели никаких прав, хозяева могли наказывать их по своему усмотрению. Известны случаи, когда хозяева убивали своих рабов, но это было чревато наказанием — понижением ранга, ссылкой и даже смертной казнью (Wittfogel, Feng 1949: 196, 197, 232, 586; Думан 1955: 27; Кычанов 1986: 187). Применение насилия, узаконенного правом, — это прерогатива государства. Поэтому правительство требовало передавать рабов, которые совершили преступления, заслуживающие смертной казни, в руки властей (Кычанов 1986: 187–188).

В ряде случаев по своему реальному положению рабы могли приближаться к состоянию государственных или частных крепостных и в конце концов даже становиться ими. Рабы могли иметь семью, вести хозяйство, выплачивая налог своему хозяину (Wittfogel, Feng 1949: 196–197, 386). В некоторых случаях за заслуги перед государством или своим господином рабам могли дать свободу (Думан 1955: 27; Кычанов 1986: 189). Государство не поддерживало долговое рабство и всячески препятствовало его развитию. По указу 1013 г., когда дети отдавались в залог из-за наводнения и голода по всей стране, начиная с первого месяца лунного года каждый день рабства был приравнен к эквиваленту в 10 монет, а по возвращении суммы, за которую было продано данное лицо, его следовало отпустить обратно в свою семью (Wittfogel, Feng 1949: 386).

Заключение

Ко второй половине XI в. киданьская империя прошла пору своего подъема и стала клониться к упадку. Подобные кризисы характерны для всех династий традиционного Китая (Коротаев и др. 2007), а в более широком контексте — для всех доиндустриальных обществ. Существует много теорий, которые объясняют природу данных циклов. Наиболее обоснованной из них является структурно-демографическая теория. В ее основе лежит модель, согласно которой причина кризисов находится в изменении соотношения таких составляющих, как объем аграрных ресурсов, численность производителей, численность элиты, количество

взимаемых с производителей налогов. Рост населения приводит к увеличению нагрузки на ресурсы и к росту цен. Независимо от этого одновременно увеличивается численность элиты и аппарата. Производители не способны платить чрезмерные налоги, что приводит династию к кризису и затем краху (Турчин 2007; Нефедов 2008).

Перепроизводство бюрократии в киданьском государстве подтверждается данными источников. В «Ляо ши» сохранились подробные данные о количестве лиц, сдавших экзамены на степень *цзиньши* с 988 по 1118 г. Если в первые 16 лет количество сдавших исчислялось единицами, то с 1006 г. счет уже пошел на десятки, а с 1056 г. счет ошастливленных переваливал в годы выборов, как правило, за сотню (Wittfogel, Feng 1949: 491–492). По сведениям источников известно, что киданьская армия и бюрократия обходились казне слишком дорого. Мало того что фактически вся дань от Сун уходила на их оплату, с течением времени киданьская знать, ставшая крупным земельным собственником, начала уклоняться от уплаты налогов. Это сокращало и без того не очень высокий уровень налогообложения в стране. Налоговая нагрузка на китайских крестьян возрастала, и многие из них разорялись, превращались в бродяг и разбойников либо восставали против непомерного гнета (Wittfogel, Feng 1949: 286, 377, 406; Barfield 1992: 177). В результате степень эксплуатации крестьян все нарастала, это вело к их бегству и восстаниям. Ухудшалось качество и уменьшалось поголовье государственных стад, учащались случаи продажи государственных лошадей частным лицам, конокрадство и подмена хороших государственных лошадей на худших (Wittfogel, Feng 1949: 118, 188, 572).

Длительный период относительно мирного существования государства без крупных военных кампаний привел к ослаблению боеспособности киданьских войск. Мощь государства расшатывалась и всё возраставшей борьбой за власть среди киданьской аристократии. Некогда грозная степная держава стала легкой добычей для нового властелина дальневосточного региона — Золотой империи чжурчжэней.

монгольская империя была второй по своим размерам и крупнейшей континентальной империей в мире. История ее стремительного взлета, расцвета и распада всегда была предметом интереса историков. Библиография по данной проблематике насчитывает огромное количество работ — многие сотни книг и тысячи статей. Только за последние два десятилетия было опубликовано несколько обстоятельных обзоров, посвященных наиболее важным публикациям, в основном в европейской и американской науке (Jackson 2000; Buell 2003a; Biran 2013; Крадин 2016), а также выпущено четыре энциклопедических издания (Buell 2003b; Atwood 2004; Fitzhugh, Rossabi, Honeychurch 2009; May 2017). Главные результаты археологических исследований суммированы в ряде публикаций (Shiraishi 2001; 2002; Лхагвасурен 2015; Крадин и др. 2016). Однако нет ни одной работы, которая бы давала представление о наиболее важных достижениях в целом, сделанных в разных авторитетных центрах мирового монголоведения — от США и Великобритании до Японии. Вероятно, это обусловлено лингвистическими сложностями и наличием многих национальных традиций. Все это затрудняет полноценный научный информационный обмен между исследователями различных стран.

Основные источники по истории средневековых монголов написаны на монгольском, китайском, арабском, персидском, латинском, французском, итальянском, русском и других языках. Корпус источников по истории становления Монгольской державы гораздо меньше. Несомненно, важнейшими из них являются четыре летописи: анонимная монгольская хроника «Монголын нууц товчоо», чаще всего переводится как «Тайная история монголов», на русском больше известна, как «Сокровенное сказание монголов» (Козин 1941; Rachewiltz 2004); китайская официальная история монгольской династии «Юань ши» («История династии Юань»), главы о жизнедеятельности первых императоров кото-

рой были переведены (Бичурин 1829; Abramowski 1976; 1979; Храпачевский 2005: 432–497; и др.); трехтомник «Джами ат-Таварих» («Сборник летописей»), написанный между 1309 и 1311 гг. под руководством Рашид ад-Дина — визиря Газан-хана (Рашид ад-Дин 1946; 1952а; 1960), а также сочинение Ала ад-дина Ата-Мелик Джувейни «Тарих-и джахангушай» («История завоевателя мира»), написанное в 1250-е годы (Juvaini 1958; 1997; Джувейни, 2004). Помимо данных сочинений имеется еще ряд важных источников на восточных и европейских языках, которые дают ценную информацию о средневековых монголах (Васильев 1859; Книга Марко Поло 1956; Плано Карпини 1957; Рубрук 1957; Мэн-да бэй-лу 1975; Пэн Дая, Сюй Ин 1960; Христианский мир 2002: 99–126; и др.).

Ранние этапы истории монголов реконструируются лишь частично. Их далекими предками были *отуз-татары* (кит. *шивэй*). Китайские информаторы плохо представляли себе, что за народы жили далеко на северо-востоке. По всей видимости, этноним «шивэйцы» они распространяли на три совершенно разные группы: 1) кочевники-скотоводы, обитавшие на территории Восточной Монголии и Забайкалья; 2) оседлое население, проживавшее по берегам притоков Амура, которое позднее стали называть «речные татары»; 3) оленеводческое население таежного пояса, которое, по всей видимости, можно соотносить с предками эвенкийского населения (Крадин 1993).

Собственно предками монголов были степные и речные шивэйцы. Первых, по всей видимости, можно соотнести с бурхотуйской археологической культурой, распространенной на этой территории в VI–X вв. (Ковычев 2012). Ко вторым, вероятно, следует отнести не так давно открытые археологические памятники бассейна Шилки (Ковычев и др. 2019). Согласно письменным источникам, существовало несколько «кочевий» (племен или вожеств) шивэйцев. Среди них упоминаются такие, как татань или дадань, мэнью или мэнгу (Е Лунли 1979: 231, 278, 301; Материалы 1984: 141, 172). После крушения Уйгурского каганата в середине IX в. монгольские номады постепенно заселили большую часть монгольских степей. На рубеже I–II тысячелетий в китайских летописях они выступали под обобщенным этнонимом «цзубу» (Wittfogel, Feng 1949: 101–102). Существует красивая легенда о прародине, согласно которой предки монголов когда-то бежали в недоступную местность Эргуне-кун («Крутой хребет»), возможно производное от Аргунь (подробнее см.: Зориктуев 2003; 2011). Постепенно этот народ стал славиться мастерами кузнечного дела. Собрав много дров и принеся жертвы, они расплавили гору и смогли выйти в степи (Рашид ад-Дин 1952а: 154). Так монголы постепенно заполнили территорию степи.

На рубеже XII–XIII вв. в монгольских степях обитали различные тюркские и монгольские этнические группы (Нанзатов 2008). На востоке, в долинах Онона и Керулена кочевали вождества и племена, которые условно можно назвать монголами. В их числе были дарлекины, нируны, тайджиуты, кунгираты и другие группы. К востоку от них, в Забайкалье и Внутренней Монголии обитали татары. В Центральной Монголии, в предгорьях Хангая и долинах Орхона и Толы проживали керейты. Их вождество во главе с ханом Тоорилом (Ван-ханом) было

одним из наиболее могущественных объединений кочевников в указанный период (Togan 1998). В Северной Монголии по берегам Селенги жили меркиты. Западную часть Монголии занимали найманы, которые многие исследователи относят не к монголоязычным, а к тюркоязычным кочевникам.

Культура и быт средневековых кочевников монгольских степей мало чем отличались от образа жизни кочевников более раннего и позднего времени. «Их домашние животные: коровы, лошади, собаки, овцы и верблюды... [Татары] больше всего разводят овец и употребляют [их мясо] в пищу» (Пэн Дая, Сюй Тин 1960: 137, 139). Нечто подобное сообщает Марко Поло: «Едят они мясо, молоко и дичь; едят они фараоновых крыс (т.е. тарбаганов. — *Авт.*); много их по равнине и повсюду. Едят они лошадиное мясо и собачье и пьют кобылье молоко (кумыс)» (Книга Марко Поло 1956: 88). Похожие данные приводятся у Джувейни (Juvaini 1997: 21). Особенно большое значение имела облавная охота, которая являлась хорошим способом выработки военных навыков: кочевники разделялись на две группы и охватывали в кольцо многокилометровую территорию; постепенно сжимая кольцо, они загоняли в круг множество диких животных (там же: 27–28).

В обязанности мужчин входило наблюдение за домашними животными, изготовление стрел, луков и прочей утвари. Остальное время они занимались охотой, стрельбой из лука, ходили в военные походы. На женские плечи падало все остальное — работа по дому, воспитание детей. Когда мужчины отсутствовали, они выполняли и их работу (Рубрук 1957: 100–101). Однако роль женщины в монгольском обществе не сводилась к положению домашней рабыни. Женщины могли играть большую роль в публичной жизни. Особенно большим было значение вдовы после смерти мужа. Достаточно напомнить, какое влияние на сыновей имела Оэлун, жена Есугай-баатура и мать основателя Монгольской империи, жёны и дочери Чингис-хана, а впоследствии другие ханши (Weatherford 2010).

У монголов существовали различные формы семьи. У небогатых скотоводов, по всей видимости, это была малая нуклеарная семья, состоящая из родителей и малолетних детей. Старшие сыновья при женитьбе получали свою долю скота и имущества. Младший сын (*отчигин*) оставался с родителями, чтобы заботиться о них в старости. Ему же впоследствии доставались родительский *гэр* (юрта), имущество и домашний скот. Для более богатых монголов была характерна так называемая расширенная полигиническая семья. Те, кто мог заплатить калым, имели по нескольку жен. «Всякий берет столько жен, сколько пожелает, хотя бы сотню, коли сможет их содержать», — сообщает Марко Поло (Книга Марко Поло 1956: 88). Он же приводит сведения о левирате: «Умрет отец, старший сын женится на отцовой жене, коли она ему не мать; по смерти брата — на его жене» (Книга Марко Поло 1956: 88; см. также: Плано Карпини 1957: 26–27; Рубрук 1957: 102). Во время набегов и военных походов можно было также взять себе наложниц, которые выполняли и работу по хозяйству.

Обычно кочевники кочевали *айлом* — группой из 5–10 семей (Марков 1976: 110, 172–173, 219, 246; Khazanov 1984: 132–138; Cribb 1991: 50–51; Масанов

1995: 138–140; Bold 2001: 68–74; и др.). При необходимости номады могли образовывать более крупные объединения (*курень*), но с природно-хозяйственной точки зрения это было нецелесообразно: резко возрастала нагрузка на пастбища. Многие этнографы фиксируют, что для низших уровней характерны минимальные конфликты между членами группы. Как только возникает напряжение внутри коллектива, недовольные сразу откочевывают (Cribb 1991: 44–45). Айлы группировались в общества более высокого таксономического уровня — линиджи (*урук*), экзогамный род (*обок*), племя, вожество (*иргэн*, *улус*). Для народов того времени характерно совпадение этнической и потестарной терминологии. Одни и те же термины могли обозначать как ту или иную этнополитическую группу, так и составляющие ее сегменты (Крадин, Скрынникова 2006: 129–158).

Монгольское общество было знакомо с неравенством и иерархией. Во главе племен и вожеств стояли ханы, которые имели дружины *нукеров*. Социальное господство в монгольском обществе конструировалось в соответствии с терминологией родового общества как противопоставление между старшим и младшим родственниками (*отец—сын*, *старший брат—младший брат*), с генеалогическим, в том числе и фиктивным, неравенством между отдельными линиджами и сегментами (*белая и черная кость*, позднее *Золотой род* и нечингисиды *харачу*). Горизонтальные связи маркировались термином побратимства — *анда*. Им называли друг друга Ван-хан с Есугай-баатуром, Джамуха и Чингис-хан. Термином *богол* обозначались как иноплеменники, так и родо-племенные группы, связанные с Чингис-ханом генеалогическим родством, вошедшие в состав конфедерации племен под его началом, что отмечало лишь их подчиненность Чингис-хану и его роду, а не личную или групповую несвободу (там же: 215–373).

Племена монгольских кочевников постоянно нападали друг на друга с целью угона скота, захвата в плен женщин и детей. Анонимный монгольский летописец красочно охарактеризовал тяжелые времена монгольского средневековья: «Звездное небо поворачивалось — была всенародная распря. В постель свою не ложились — все друг друга грабили (забирали добычу). Вся поверхность земли содрогалась — вседневная брань шла» (Козин 1941: § 254). Именно в таких условиях родился будущий основатель Монгольской империи Чингис-хан. Его отцом был один из потомков монгольского правителя Хабул-хана по младшей линии — Есугай-баатур. Матерью являлась Оэлун из племени олхонутов. Она была отдана в жены одному из меркитов, однако Есугай силой умыкнул ее и сделал своей супругой. При рождении ребенка нарекли именем Темучжин в честь одного из поверженных его отцом врагов.

Его биография изложена во всех перечисленных выше главных источниках по истории ранних монголов и многократно пересказана во многих книгах. Поэтому имеет смысл обратить внимание на несколько принципиально новых моментов его жизненного пути. Первый важный вопрос: была ли мать Темучжина первой женой Есугай-баатура? Все официальные источники замалчивают ответ на этот вопрос. Для нас всегда было немного странным, почему первую жену Есугай заполучил посредством умыкания. Неужели не нашлось желающих скре-

пить социальные связи с одним из Хабулханидов, пусть даже по низовой линии? Однако стремление доминировать и чрезмерная агрессивность Бектера — единокровного брата Темучжина — и тот факт, что он был физически сильнее Темучжина и Хасара, дают основание предположить, что он был старше и, естественно, крепче своих братьев. Следовательно, его мать, вероятно, могла быть старшей женой Есугая. Не исключено, что именно конфликты между сыновьями заставили Есугая принять решение отвезти младшего из сыновей к унгиратам. Кажется, никто из крупных монголоведов не обратил внимание на это обстоятельство, и только популяризатор науки и антрополог Дж. Везерфорд выразил сомнения о праве Темучжина на управление семьей (Weatherford 2004).

Другой важный момент — это наречение Темучжина титулом хана и создание органов управления улуса. Первый небольшой «аппарат» состоял всего из 26 дружинников, из которых 12 выполняли военные обязанности. Четыре человека были назначены «лучниками»; еще четверо — «мечниками», которым параллельно вменялись полицейско-карательные функции; третья четверка получила назначения разведчиков и гонцов. Другой группе дружинников (11 человек) были вверены хозяйственные обязанности. Трое были назначены заведовать ханским столом. Еще трое получили назначение следить за выпасом лошадей, а один — за овцами. Еще два человека выполняли обязанности конюших, один управлял слугами и домашними рабами, и наконец, еще один руководил организацией перекочевки ханской ставки. Во главе этих органов управления стояла тройка ближайших сподвижников Чингис-хана — Боорчу, Чжельме и Субутай (Козин 1941: 108–110, § 124–125). Нет точных данных, когда это произошло. Остается дискуссионным вопрос, что означает новое имя/титул (?) Чингис-хана.

Основываясь на подобном распределении обязанностей, а также с учетом различных иллюстраций повседневной практики кочевников, которые можно почерпнуть из героического эпоса степных народов (Трепавлов 1989: 158–162), можно предположить, что сподвижникам предводителя степной конфедерации могло быть поручено: 1) охрана вождя/хана и его родственников, находившихся в ставке; 2) выпас стад правителя; 3) хозяйственная жизнь ставки (питание правителя, его быт и развлечения, подготовка и проведение периодических совещаний, встреча и размещение гостей, организация сезонных перекочевок лагеря и охоты). Еще одна функция, которую упоминает В.В. Трепавлов, но которая не упомянута в данном случае, — помощь хану в организации управления политией (гонцы, послы и др.). При этом, было бы неправильно интерпретировать подобные отношения как легитимизированный институт политической власти. Нукеры не имели четкой специализации в выполнении тех или иных функций, исполняли их от случая к случаю по мере необходимости.

И наконец, история ранних монголов от середины 80-х годов XII в. до 1204 г. не имеет точной хронологии. Возможно, это обусловлено отсутствием письменности в доимперское время. При этом разные источники по-разному описывают ход событий. Известны только наиболее важные события (тайджиутский плен и побег Темучжина, его возмужание, свадьба с Бортэ и ее возвращение из меркит-

ской неволи, дружба и размолвка с Джамухой, наречение ханом и т.д.), однако их точные даты, а иногда даже последовательность до сих пор являются предметом дискуссий ученых. Дальнейшая история степи — это калейдоскоп набегов и войн между различными вождествами и племенами номадов. Несколько раз Чингис-хан находился на грани полного разгрома. Однако он смог выстоять — пали его соперники. Сначала погиб Ван-хан, потом была разгромлена коалиция найманов и Джамухи: тот бежал, но вскоре был предан своими нукерами. Чингис-хан жестоко расправился с изменниками и предал *анду* «почетной» казни — ему сломали позвоночник без пролития крови.

Создание степной империи

В 1206 г. на берегу Онона Чингис-хан был провозглашен правителем Монгольской державы (*Еке Монгол Улс*). Он попытался разрушить традиционную племенную систему и создать принципиально новую структуру, основанную на фундаменте личной преданности. В результате была введена десятичная система — деление войска на подразделения численностью в десять (*aravt*), сто (*zuut*), тысячу (*myangan*) и десять тысяч (*tumen*) воинов (Рашид ад-Дин 1952б: 264; Плано Карпини 1957: 49). Десятичная система была широко распространена у многих народов мира. В истории Внутренней Азии она известна, во всяком случае, начиная с хунну. При этом в десятичной системе сочеталась наиболее удобная для счета десятичная система с психологическим законом оптимизации управления, согласно которому оптимальное количество единиц информации без необходимости введения иерархии составляет 7 ± 2 единицы (Крадин 1992: 140–143). Это вполне соответствовало родо-племенной иерархии кочевников Евразии. У многих номадов минимальная общинная группа составляла коллектив в 5–10 семей (Kradner 1963: 281, 283; Khazanov 1984: 132–138; Масанов 1995: 138; и др.), что соответствует так называемому «десятку».

Судя по «Тайной истории» численность войска Чингис-хана в 1206 г. составляла не менее ста тысяч всадников. В 202-м параграфе перечисляются 95 тысячников, которым он доверил свои воинские подразделения. Кроме того, в источнике сказано, что здесь не учтены так называемые «лесные» народы. На момент смерти основателя державы левое крыло состояло из 38 тыс., правое — из 62 тыс. С учетом тысячи личных телохранителей, называемой «гол», а также 40 тыс., которые были розданы ближайшим родственникам, общее количество воинских подразделений составляло уже 141 тыс. всадников (Рашид ад-Дин 1952б: 266–278). При всей условности подобных расчетов видно, что общее количество номадов, привлеченных к активным военным действиям, несмотря на потери в предыдущих кампаниях, возросло примерно в полтора раза. Данное обстоятельство может быть объяснимо только тем, что по мере расширения степной державы увеличивались и ее людские ресурсы. Погибшие в сражениях воины заменялись рекрутами из новых присоединенных к кочевой империи владений.

Если исходить из того, что взрослое мужское население составляет примерно пятую часть населения, общее количество кочевого населения монгольских степей в 1220-е годы должно было быть не менее 700 тыс. человек. Подобный вывод согласуется с мнением других исследователей (Мункуев 1970: 12; Smith 1975: 272–274; Allsen 1987: 5; Вернадский 1997: 132; и др.). Эти же данные примерно сопоставимы с экологической продуктивностью монгольских степей, способных прокормить без дополнительных источников существования максимум 800 тыс. человек (Крадин 2002: 72–79). В период расцвета империи численность кочевников возросла, при этом часть кочевников ушла в Европу, Среднюю Азию и Иран. По данным на 1290 г., собственно монголов в государстве Юань было около 1 млн., примерно столько же выходцев из Западной и Средней Азии (*сэму*, *сэмужэнь*), 10 млн человек, проживавших на территории Северного Китая (*ханьжэнь*), и 60 млн жителей Южного Китая (*нанжэнь*) (Langlois 1981: 15).

Разделение на десятичные воинские подразделения не было единовременным актом, да это и не было возможно. Любое воинское подразделение по мере участия в боевых действиях требует доукомплектования или реформирования. По всей видимости, провозглашение десятичной системы в качестве основы структуры Еке Монгол Улс в 1206 г. явилось политической декларацией о намерениях. В реальности же так называемые *туанган* часто по количеству воинов могли не соответствовать официальной численности. Достаточно обратиться к «Сборнику летописей». Тысяча джалаилов, которой управлял Мухали, состояла из 3 тыс. человек. Тысяча Бааритая-курчи-нойона составляла 10 тыс. бааринов, а тысяча Ная-нойона — 3 тыс. бааринов. Тысячные подразделения кунгаритов состояли из 5 тыс. человек, онгутов — из 4 тыс., джалаилов под руководством Дайсана — из 2 тыс. человек. Тысяча братьев Кэхтая и Бучина также состояла из 3 тыс. человек, а тысячи каракиданей и чжурчжэней соответственно из 10 тыс. воинов каждая и т.д. (Рашид ад-Дин 1952б: 269–274).

Более того, известны случаи реформирования «подразделений-племен», когда менялся их иерархический статус. «Тысяча, состоящая из племен ойрат. Их было [собственно] четыре тысячи, однако в подробностях [они] не известны. Эмиром и повелителем [падишахом] их был Кутука-беки. Когда он подчинился Чингиз-хану, все ойратское войско по [установившемуся обычаю] утвердили за ним, а эмирами-тысяцкими были те люди, которых он хотел. После него [этими тысячами] ведали его сыновья» (Рашид-ад-Дин 1952б: 269). Из этого текста определенно следует, что ойратский *туанган* состоял из большего числа воинов, а потом на его основе было сформировано объединение более высокого иерархического уровня. Схожая информация содержится в том же источнике относительно войска Бааритая-курчи-нойона (там же: 269).

Другим важным элементом административной структуры стало разделение Монгольского улуса на два крыла (*ji'ür*), или руки (*qar*), — правое/левое. Правым крылом командовал Боорчу, левым — Мухали. Следует отметить, власть разделяется на светскую и военную (последняя связана с выделением в каждом крыле военных единиц — *тумэнов*, которые составляются из населения правой и левой ру-

ки). Себя Чингис-хан связывает с *центром*, выраженным монгольским словом *qol* (Козин 1941: § 226). Это разделение Монгольского улуса соответствует светской (гражданской) и военной структуре. Но, как уже отмечалось, важное значение имела родовая территория (сакральный центр), расположенная в левом крыле, и ее владелец (*отчигин*) — Толуй и его потомки, впоследствии всемонгольские хаганы.

Распределение власти в крыльях определялось характерными для традиционного монгольского (и шире: кочевого) общества представлениями о сакральной сущности власти, согласно которым ее носитель был способен обеспечивать мировой космический порядок и целостность социума (Монгольского улуса или правящего Золотого рода). Нерасчлененность традиционного сознания определяла и возможность соединения в одном лице ритуальных, властных и военных функций. Чингис-хан выполнял и сакральные, и профанные властные функции (харизматический тип власти). Поскольку актуальными были оба принципа: ультима- (младший из младших) и примогенитурный (старший из старших), — это усиливало конкуренцию за власть в XIII и XIV вв. Постоянно противоборствовали две тенденции: власть *старшего*, или власть *хагана*, с одной стороны, и власть *отчигина* — с другой (Скрынникова 1997).

При этом только часть военных подразделений Монгольской империи имела смешанное происхождение. «Пусть Хорчи ведает не только тремя тысячами Бааринцев, но также и пополненными до тьмы Адаркинцами, Чиносцами, Тоолесами и Теленгугатами, совместно, однако, с [тысячниками] Тахаем и Ашихом. Пусть он невозбранно кочует по всем кочевьям вплоть до при-Эрдышских Лесных народов, пусть он также начальствует над тьмою Лесных народов», — повелел Чингис-хан (Козин 1941: § 207). Братьям Кошакула (прозвище; от монг. *хос*, тюрк. *кош* — «пара») и Джусука из джаджаиртов Чингис-хан выделил тысячу (вероятно, один из них командовал левым, другой — правым крылом) для охраны границы. «В то время когда взяли страну Хитай и Джурджэ, Чингиз-хан повелел выделить из каждого десятка монголов двух человек. Так как он нашел их удачными телохранителями (турхак), то отдал им это войско [в числе] трех тысяч, поручив им охрану той границы» (Рашид ад-Дин 1952б: 273). В данном случае мы имеем пример классического набора рекрутов от каждого из монгольских племенных (военно-иерархических) подразделений.

Большинство так называемых воинских формирований как из числа давних сподвижников Чингис-хана, так и из тех, кто примкнул к нему позднее, были основаны на старых племенных связях. Тысяча бааринцев возглавлялась Баари-таем-курчи. «Их [по существу] было десять тысяч, и [поэтому] они известны за один туман. Имена их эмиров-тысяцких не известны, ибо большая часть тех войск в давние племена была из их племени и таким образом по их обычаю [их] считали за один туман» (Рашид ад-Дин 1952б: 269). Еще один лидер племенной группы бааринцев — Наяя «назначал эмиров тысяч по своему усмотрению, лишь докладывая [об этом Чингиз-хану]. Всего их было три тысячи» (там же: 272). Братья Кэнтай-нойон и Бучин-нойон «принадлежали к племени уруг, одной из ветвей племени нирун. По той причине, что они [оба] были старшими эмирами

и от чистого сердца служили Чингиз-хану, тот соизволил перепоручить им все войско их племени. Эмирами тысяч [у них] были те лица, которых они [сами] ставили» (там же: 271). Подобных примеров можно привести еще много.

Сохранили старую племенную структуру своих подразделений и те, кто добровольно вошел в состав монгольской конфедерации, заключив при этом брачные союзы, как, например, вождь меркитов Даир-Усун, отдавший в жены свою дочь Хулан-хатун (Козин 1941: § 197), Тайджу-гургэн из олгунутов, Буту-гургэн из икирасов, Шику-гургэн из кунгиратов, ставшие зятьями Чингис-хана (там же: 269, 271, 273), или Екэ-кутукут, брат татарских красавиц жен Чингиса Есуган и Есуй (там же: 271).

Даже представители из числа бывших врагов, подчинившись, имели шанс сохранить свою племенную целостность. Ойратский вождь Худуха-беки участвовал в выборах Джамухи гур-хана и в войне против Чингис-хана (Козин 1941: § 141–142). Однако это не помешало ему со своей тьмой в 1207 г. сдаться и заключить удачный дипломатический брак с ханской семьей (там же: § 239). «Когда он подчинился [Чингиз-хану], все ойратское войско по [установившемуся] обычаю утвердили за ним, а эмирами-тысяцкими были те люди, которых он хотел. После него [этими тысячами] ведали его сыновья, которые были побратимами-сватами (андэ-кудэ)» (там же: 269).

Уяр-ваншай возглавлял племенную группу кара-киданей, состоявшую из 10 тыс. всадников. С течением времени он дослужился до титула *юань-шуай* (кит. «главнокомандующий», в реальности *темник*). «В настоящее время его сыновья находятся у каана; они уважаемые эмиры, и сами, по докладе о [своих] тысячах, назначают эмиров» (там же: 273–274). Чжурчжэньский военачальник Таган-ваншай «покорился и стал старшим и уважаемым; он ведал всем джурдженским войском [в числе] десяти тысяч. По докладе об эмирах-тысяцких он сам [их] назначал. В настоящее время при каане находятся некоторые из его сыновей, их почитают и уважают, и они по-прежнему ведают своим войском» (там же: 274).

В «Сборнике летописей» (там же: 267–274) подробно перечислены командиры и состав более чем половины подразделений из 100 тысяч левого и правого крыла. Из текста летописи можно сделать вывод, что в 21 случае из 54 тысячные отряды формировались на основе одной и той же племенной группы (в остальных случаях Рашид ад-Дин просто не сообщает соответствующую информацию). Более того, в 22 случаях определенно зафиксировано, что посты тысячников наследовали их дети и родственники.

Тумены находились под правлением самых доверенных лиц Чингис-хана. К сожалению, из текста «Тайной истории монголов» невозможно выяснить, сколько всего туменов было в монгольском войске. Исходя из простых арифметических подсчетов, можно предположить, что в 1206 г. их должно было быть не менее десяти. Некоторые историки полагают, что их было одиннадцать (Bold 2001: 86). Однако совершенно ясно, что данный термин использовался анонимным автором монгольской хроники в разных смысловых значениях: во-первых, как воинское подразделение рангом выше тысячи (Козин 1941: § 210) и, во-

вторых, как синоним еще более крупного воинского формирования из нескольких туменов (там же: § 205, 206).

Общая конфигурация военных сил Монгольского улуса перед началом масштабных завоеваний выглядела примерно следующим образом. Боорчу, названному еще при первой инаугурации «тенью» Чингис-хана, был вверен, выражаясь дословно по тексту, тумен правой руки, примыкающий к предгорьям Алтая (там же: § 205, 220), в который входило 38 тыс. воинов (Рашид ад-Дин 1952б: 267). Тумен левой руки на чжурчжэньской границе был дан в управление *го-вану* Мухали (Козин 1941: § 206, 220). Центральным туменом был назначен командовать Наяа. В списке тысячников из 202-го параграфа «Сокровенного сказания» он значится под 31-м номером (там же: § 220). Он не входил в состав старой гвардии. Нам не известны его подвиги, но факты биографии свидетельствуют, что он вошел в ближний круг благодаря своей политической изворотливости. Бросив на произвол судьбы Таргутай-Кирилтуха, Наяа переметнулся на другую сторону и проявил себя как талантливый царедворец. «Хану всегда я служил от души. Жён ли прекрасных, иль дев у врага только завидев, я к хану их мчу. Если иное что было в уме, Я умереть тут всечасно готов» (там же: § 149, 197).

Центральный тумен был подчинен левому крылу и в совокупности с ним составил 62 тыс. человек (Рашид ад-Дин 1952б: 270, 272). При этом общее командование войсками было возложено на одного из четырех «псов» — представителей старейшей дружины Хубилая, младшего брата Чжельме (Козин 1941: § 209). Хорчи — предсказатель возвышения Чингис-хана, фактический идеолог его сакрализации — получил тумен так называемых «лесных народов», в который вошли северные племена лесостепи и тайги вплоть до Прииртышья.

Удивительным в этом распределении было то, что владения ближайших родственников не были включены в двухкрыльевую систему степной державы (Рашид ад-Дин 1952б: 274). Только Джучи и Оэлун получили количество скотоводов, соответствовавшее примерно рангу темников. «Матушка больше всех потрудилась над созданием государства. Чжочи — мой старший наследник, а Отчигин — самый младший из отцовых братьев» (Козин 1941: § 242). Матери с младшим родным братом Чингис выделил 10 тыс. юрт, а Джучи — 9 тыс. юрт. Анонимный автор «Тайной истории монголов» указывает, что Оэлун была очень обижена на сына. Остальным ближайшим родственникам досталось и того меньше (там же: § 242). Чагатай получил 8 тыс. юрт, Угэдэй и Толуй — по 5 тыс., Хасар — 4 тыс., позднее было оставлено столько же, как у Бельгутая (Козин 1941: § 244), Алчидай — 2 тыс., Бельгутай — 1,5 тыс. В общей сложности это составило 44,5 тыс. человек. Спустя 20 лет, согласно «Сборнику летописей», количество подчиненных номадов у родственников было сокращено до 28 тыс. человек (Рашид ад-Дин 1952б: 274–277).

При этом еще в 1206 г. к родственникам были приставлены специальные наместники, которые должны были докладывать о каждом их шаге Чингис-хану (Козин 1941: § 210, 243). Несмотря на то что братья Чингис-хана Хасар и Темугэ-отчигин были отправлены в далекую историческую прародину монголов — При-

аргунье и Хайлар, формально они имели самый высокий статус, продолжали пользоваться почетными привилегиями и имели право сидеть ближе всех к хану на пирах и официальных церемониях. Фактически это был самостоятельный улус империи. Темугэ занялся возведением пышных дворцов с драконами, указывающими на принадлежность к императорскому дому. Возможно, именно он построил знаменитый Кондуйский дворец, а Хасар или его потомки воздвигли в Хайларе большой город с высокими стенами и двумя дворцами внутри. Потомки братьев сохранили свое высокое положение при дворе (особенно Есункэ — сын Хасара), до тех пор пока не вступили в заговор против Хубилая (Kradin 1918b).

Престижная экономика

Исследования экономических антропологов от М. Мосса до М. Годелье показали, что в доиндустриальных обществах дарообмен был универсальным средством установления отношений между индивидами. Причиной этого является антропоморфизм — субъективизация внешнего мира, присущая сознанию первобытного человека. Он видел в подарке магическую силу, которая, с одной стороны, передавала с вещью частицу души дарителя (его «везение», магические способности и пр.) и, с другой стороны, в случае некомпенсации могла навредить обладателю первоначального дара. Символический обмен подарками (как на горизонтальном уровне между равными, так и на вертикальном между сеньором и вассалами) позволял преобразовывать материальные ресурсы в отношения психологической зависимости и престиж, что, в свою очередь, давало возможность получать новые ресурсы и, раздавая их, увеличивать престиж еще больше. Таким образом, повышение общественного статуса осуществлялось через механизмы престижной экономики: с одной стороны, через организацию массовых праздников, на которых накопленные богатства демонстративно раздавались или уничтожались, а с другой — через развитие обменных связей и формирование сети зависимых лиц и должников, которые не могли сделать ответный подарок (Мосс 1996; Салинз 1999; Годелье 2007).

Стабильность монгольской и любой другой кочевой империи напрямую зависела от умения ханов организовывать внешние источники поступления прибавочного продукта. Надплеменная власть сохранялась в силу того, что, с одной стороны, членство в кочевой империи обеспечивало племенам политическую независимость от соседей и ряд других важных выгод, а с другой — правитель степной державы и его окружение гарантировали племенам определенную внутреннюю автономию в рамках империи. Манипулируя подарками и раздавая их соратникам и вождям племен, правитель кочевой империи увеличивал свое политическое влияние и престиж. Племенные вожди, получая «подарки», могли как удовлетворять личные аппетиты, так и повышать свой внутриплеменной статус путем раздачи даров соплеменникам или посредством организации церемониальных праздников. Кроме того, получая от правителя дар, племенной вождь как

бы приобретал от него часть сверхъестественной харизмы, что дополнительно способствовало увеличению его собственного престижа.

Раздача подарков хорошо отражена в письменных источниках. В «Сборнике летописей» будущий Чингис-хан описывается как типичный редистрибутор. «Этот царевич Тэмуджин снимает одетую [на него] одежду и отдает ее, слезая с лошади, на которой он сидит, отдает и [ее]. Он тот человек, который мог бы заботиться об области, печься о войске и хорошо содержать улус» (Рашид ад-Дин 1952б: 90). В другом месте «Сборника» есть еще одно интересное упоминание о значении дарообменных связей в монгольском обществе того времени. Они могли использоваться как повод для заключения дипломатических союзов: «Когда у Чингиз-хана случилась победа над татарами и его войско и подчиненные обогатились добычей, он захотел снискать расположение племени юркин, подарив им что-нибудь из того, что он награбил» (там же: 93). Есть и другие сведения о проведении раздачи Чингис-ханом (там же: 110, 111).

Однако стоило Чингис-хану несколько раз провести несправедливый раздел скота и кочевий, а также начать репрессии против опальных родственников (Козин 1941: § 242, 243, 244), как некоторые из сторонников решили откочевать от него. Анонимный автор «Тайной истории» сообщает: «После этого случая стали собираться к Теб-Тенгрию и подданные всех девяти языков. Тут и от Чингис-хановой коновязи многие подумывали уйти к Теб-Тенгрию. Уходили к Теб-Тенгрию и крепостные Темуге-Отчигина в таковом народном движении» (там же: § 245).

В связи с этим важно заметить, что в большей части объединений кочевников правитель был вынужден балансировать между аристократией и простыми кочевниками и было бы ошибочно рассматривать его как самодержца, единолично принимавшего все ответственные решения. Власть лидера держится до тех пор, пока различные внутренние партии и большие социальные группы видят в ней для себя выгоду. «Покорность в степи, — заметил очень правильно Л.Н. Гумилев, — понятие взаимообязывающее. Иметь в подданстве 50 тыс. кибиток можно лишь тогда, когда делаешь то, что хотят их обитатели; в противном случае лишишься и подданных и головы» (1967: 27–28).

Дети и внуки превзошли своего великого родителя в щедрости. Джувейни пишет, что Угэдэй затмил всех предшествующих степных ханов. Всё захваченное в военных походах он по-царски раздавал своим сподвижникам, даже не требуя, чтобы это было предварительно внесено в специальную опись (Juvaini 1997: 202). При коронации Угэдэя «каан приказал представить богатства сокровищниц и оделил каждого из родных и чужих, соплеменников и воинов соразмерно своему великодушию. И когда он кончил пировать и дарить, то приказал, согласно их обычаю и правилу, последующие три дня раздавать пищу ради души Чингиз-хана» (Рашид ад-Дин 1960: 19; Juvaini 1997: 188–189). О нем складывали легенды (Рашид ад-Дин 1960: 41, 53, 55, 58, 59, 62, 63; Juvaini 1997: 188–189). Рашид ад-Дин сообщает, что обычно Угэдэй зимой охотился, а в остальные месяцы его любимым занятием после трапезы была раздача подарков для подданных и нуж-

дающихся (1960: 55). Хагану приписываются слова, сказанные о стяжательстве: «Те, кто в этом усердствует, лишены доли разума, так как между землей и зарытым кладом нет разницы — они одинаковы в [своей] бесполезности. Поскольку при наступлении смертного часа [сокровища] не приносят никакой пользы и с того света возвратиться невозможно, то мы свои сокровища будем хранить в сердцах, и всё то, что в наличности и что приготовлено, или [то, что еще] поступит, отдадим подданным и нуждающимся, чтобы прославить свое доброе имя» (Рашид ад-Дин 1960: 49; Juvaini 1997: 204).

Гуюк хотел, чтобы слава о его щедрости затмила славу его отца, и занимался большими раздачами. После инаугурации Гуюк приказал отворить ворота своей сокровищницы и раздать присутствующим драгоценности, деньги, одежду. «И никто из тех, кто там находился, кем бы он ни был, не ушел без ничего, каждый получил свою часть сполна и выделенную долю» (Juvaini 1997: 254–255). В годы правления Мункэ-хагана также производилась раздача подарков, чтобы задобрить степных вождей и народ (Рашид ад-Дин 1960: 128, 140, 142). На курултае 1253 г. все ханы получили от Мункэ щедрые дары (Кычанов 2002: 40). Рубрук (1957: 179) сообщает, что во время традиционного летнего праздника хаган устроил «великую попойку». Для праздничных мероприятий были собраны 105 повозок и 90 вьючных лошадей, нагруженных кумысом (монг. *айраг*). Он же написал о монгольском хагане, что «все следуют за его двором, как мухи за медом, и он всем дарит, и все считают себя его любимцами» (Рубрук 1957: 146).

Монгольские ханы не стремились накапливать богатства в своих кладовых, чтобы использовать их как дополнительный властный ресурс. Напротив, щедрость — это то качество, которое кочевники ожидали от своих степных вождей. Не случайно ханы стремились раздавать все свои богатства, чтобы привлечь на свою сторону племена номадов. Хорошим примером, подтверждающим подобное отношение монгольских правителей к налогам и казне, является исторический анекдот, приведенный в сочинении Рашид ад-Дина. Там сообщается, что как-то Гуюк зашел в казнохранилище и увидел горы наваленных товаров. Хагану доложили, что их перевозка с места на место во время перекочевков очень затруднительна, и он нашел воистину соломонино решение — приказал раздать всё воинам и населению (Рашид ад-Дин 1960: 121). Другой хрестоматийный пример касается взятия Багдана в 1258 г. Увидев несметные богатства в сокровищнице халифа, Хулагу пытался заставить плененного халифа есть золото из сокровищницы. На возражение последнего, что золото несъедобно, хан в гневе воскликнул: «Почему ты тогда это копил, вместо того чтобы отдать своим воинам!» (Нагель 1997: 17).

Формирование налоговой системы

Чингисиды периодически сталкивались с тем, что ханская казна оказывалась пустой. Именно поэтому, когда после возвращения из похода в Среднюю Азию

выяснилось, что на складах нет ни зерна, ни шелка, сторонники провоенной партии предложили Угэдэю уничтожить все население Северного Китая, а земельные поля превратить в пастбища. Только благодаря заступничеству Елюя Чуцай удалось предотвратить этот широкомасштабный геноцид. Однако разногласия между двумя придворными партиями остались. Сторонники первой группировки, которую возглавлял Елюй Чуцай, придерживались мнения, что налоги являются наиболее действенным средством получения доходов от завоеванных территорий. Они полагали, что единицей налогообложения должен быть отдельный двор. Приверженцы второй партии, лидером которой являлся Шиги-Хутуху, полагали, что от китайцев нет никакой пользы. В частности, один из них заявил монгольскому хагану: «От ханьцев нет никакой пользы государству. [Поэтому] можно уничтожить всех людей и превратить [их земли] в пастбища» (Мункуев 1965: 190).

Елюю Чуцаю удалось доказать монгольскому хагану, что гораздо выгоднее обложить завоеванное население налогами: «Ваше величество собирается в поход на Юг, и необходимо иметь средства на удовлетворение военных нужд. Если в самом деле в Северном Китае справедливо установить земельный налог, торговый налог и сборы на соль, вино, плавку железа и [продукты] гор и озер, то ежегодно можно получать серебра 500 тыс. лян, шелка 80 тыс. кусков и зерна свыше 400 тыс. ши. [Их] будет достаточно для снабжения [армии]» (там же). Именно тогда Елюй Чуцай сказал монгольскому хагану свои знаменитые слова: «Хотя [Вы] получили Поднебесную, сидя на коне, но нельзя управлять [ею], сидя на коне» (там же: 73).

Поводом для разногласий стал вопрос о том, как должны обеспечиваться доходы хаганского рода и других представителей высшей элиты монгольской иерархии. Шиги-Хутуху настаивал, чтобы каждый из них в соответствии с традиционными степными порядками получил в свою долю определенную территорию с проживающим на ней населением. Елюй Чуцай прекрасно понимал, что это не только сократит налоговые поступления, но и станет основой для развития сепаратизма в будущем. Он пытался образумить хана и предложил заменить натуральные льготы чем-то вроде монетизации (там же: 194). Наиболее красочно его воззвание передано в тексте надгробной эпитафии Чуцай: «Когда хвост велик, то трудно двигать [им]. [При наличии уделов] легко возникнут раздоры. Лучше побольше давать [князьям и знати] золота и шелковых тканей. [Этого] было бы достаточно для выражения [Вашей] любви к [Вашим] родственникам» (там же: 79).

После того как Угэдэй сообщил, что он уже дал обещание и не будет менять своего слова, Чуцаю удалось только настоять на том, чтобы взимание налогов в уделах производилось специальными чиновниками, которые бы не позволяли владельцам уделов взимать подати выше установленных двором. Исходя из этого каждые два двора должны были ежегодно платить хану один *цзинь* (596,8 г) шелковой пряжи, а пять дворов — один *цзинь* своим магнатам. В зависимости от качества полей с каждого *му* взималось от 2,5 до 5 *шенов* (шен = 664 куб. мм).

С каждой торговой сделки взималась $\frac{1}{30}$ часть, а с 40 *цзиней* соли — один *лян* (37,3 г) серебра (там же: 79, 194–195).

Осенью 1231 г. Угэдэй, прибыв в город Юньчжун (совр. Датун), где Чуцай продемонстрировал ему хранящиеся в амбарах серебро и шелка, а также представил подробный отчет о хлебных запасах. Увиденное привело хагана в восторг, и после этого он назначил Елюя Чуцай председателем (*лин*) государственного секретариата (кит. *чжун-шу шэн*) (там же: 74–75). Фактически киданин стал верховным канцлером имперского правительства, ему подчинялись левый министр (*цзо чэнсян*) чжурчжэнь Няньхэ Чу-шань и правый министр (*ю чэнсян*) керейт или уйгур Чжэньхай, более высокий по статусу. Здесь вырабатывались наиболее важные решения и готовились указы для распространения их на местах, выдавались пайцзы, печати и другие атрибуты имперской власти. Однако до воцарения Хубилая этот орган не имел четкой организационной структуры.

С момента введения более или менее фиксированных налогов в 1230 г. вплоть до налоговой реформы 1236 г. нет никаких данных о том, как эти налоги с населения собирались (там же: 58). Это не может не свидетельствовать о том, что в то время органы государственной власти находились еще в стадии становления. Только начиная с 1236 г. можно говорить об устойчивой системе взимания налогов (Бичурин 1829: 264). Согласно новому налогообложению, дворы, учтенные в первой переписи (*цзю ху*, букв. «старые дворы»), были обложены вполуполу бóльшим налогом, чем новые дворы (*синь ху*). «Каждый совершеннолетний мужчина облагался налогом [в размере] 1 *ши* зерна, и совершеннолетний раб [был обложен налогом в размере] 5 *шэн*, а в новых семьях совершеннолетний мужчина и совершеннолетний раб [были обложены податью] вполуполу каждый... Те, кто уплачивал малый поземельный налог, а подушный большой, облагались подушной податью. Ремесленники и мастеровые, буддийские и даосистские монахи [платили подать] в зависимости [от размера и качества] земли. Чиновники и торговцы [платили налоги] в зависимости от [числа] совершеннолетних [в семье]». Подушный налог (*дин-шуй*) и поземельный налог (*ди-шуй*) взимались в размере двух *ши* (более 120 л) (Schurmann 1956: 75).

Поскольку специальных фискальных органов еще не существовало, монголы широко применяли практику отдачи налогов на откуп. Это всегда вызывало большое неудовольствие у Елюя Чуцай. Начиная с 1238 г. разного рода авантюристы неоднократно предлагали Угэдэю свои услуги по увеличению налоговых поступлений в казну. Речь шла как о всех видах налогов, так и об отдельных видах податей: соляном налоге, налоге на спиртные напитки, налогах на пользование земельными участками, оросительными сооружениями и т.д. На первых порах Чуцаю удавалось отстоять свои позиции в этом вопросе. Однако зимой 1239/40 г. мусульманский купец Абдр-ар-Рахман, креатура Чинкая, предложил хагану дать ему налоги на откуп, пообещав удвоить (т.е. довести до 44 тыс. *дин*) поступления в казну. Несмотря на яростное сопротивление Елюя Чуцай, Угэдэй и его окружение согласились. С этого времени Чуцай потерял монополию на взимание налогов с чжурчжэньской территории (Мункуев 1965: 58, 84, 121; Allsen 1987: 146–148).

Несомненно, подобный механизм изъятия налогов был неприемлем в обществе, имеющем развитые институты бюрократии. Однако монгольских ханов не интересовали нюансы выколачивания налогов и то, какая часть прилипала к рукам предприимчивых авантюристов, важен был результат. Папский посланник Плано Карпини красочно описывает чудовищные злоупотребления и бесчинства, которые творили хаганские сборщики налогов: «Например, в бытность нашу в Руси, был прислан туда один Саррацин, как говорили, из партии Куйюк-кана и Бату, и этот наместник у всякого человека, имевшего трех сыновей, брал одного, как нам говорили впоследствии; вместе с тем он уводил всех мужчин, не имевших жен, и точно так же поступал с женщинами, не имевшими законных мужей, а равным образом выселял он и бедных, которые снискивали себе пропитание нищенством» (Плано Карпини 1957: 55).

Только после прихода к власти хагана Мункэ эта система была изменена. Главная причина состояла в том, что по мере сокращения доходов от военных походов правящая элита все больше обращалась к другому источнику пополнения казны — увеличивались налоги на подданных. С течением времени это приводило к различным формам протеста — от побегов до восстаний. «Различные налоги (*ikhṛājāt*) и разнообразные поборы (*iltimāsāt*) с народа были [чересчур] многочисленны, что бегство последних объяснялось этой причиной и что размер налогов должен быть твердо фиксирован» (Juvaini 1997: 517). По этой причине Мункэ был вынужден отменить многие старые подати и установить новые твердые налоги. Был введен единый годовой налог пропорционально имущественному цензу (в соотношении между бедными и богатыми примерно 1:7). Мусульманские, буддийские и христианские церковники, а также старики и инвалиды были освобождены от налогообложения (Рашид ад-Дин 1960: 141, 142).

В 1252 г. при Мункэ была проведена перепись всех завоеванных владений. «Чтобы определить величину налогов и переписать имена людей, он назначил правителей, *шахнэ* (т.е. *даргучи* или *баскаков*) и писарей» (Juvaini 1997: 596; Рашид ад-Дин 1960: 141). На территории бывших китайских царств перепись дворов была поручена Махмуду Ялавачу (Бичурин 1829: 316; Juvaini 1997: 597). В Среднюю Азию с аналогичными функциями вернулся Аргун (Juvaini 1997: 519, 523). На Русь был послан Бицик-Берке (т.е. *бичикчи*, писец Берке). Однако по каким-то причинам перепись не состоялась (Кривошеев 2003: 170). Она была проведена позднее (Spuler 1943: 31), зимой 1257/1258 г., когда «приехала численники исщетоша всю землю Сужальскую и Рязанскую и Мюромьскую и ставиша десятники, и сотники, и тысящники, и темники, и идоша в Ворду, толико не чтоша игуменовъ, черньцовъ, поповъ, крилошанъ, кто зрит на святую Богородицю и на владыку» (ПСРЛ 1: стб. 474–475). Для удобства подсчета и круговой ответственности на покоренных землях была введена десятичная система. С течением времени ее заменили на более привычную для русичей схему: десяток был заменен селом, сотня — городом, а тысяча — волостью (Dewey 1988).

По всей видимости, в ту зиму монгольские *численники* добрались и до Новгорода, но горожанам удалось откупиться от них богатыми дарами. «Тои же зимы

приехаша послы татарский съ Олександромъ... и почаша просити десятины, там-гы, и не яшася новгородци по то, даша дары цесареви, и отпустиша я с миромъ» (НПЛ: 82, 310). Однако через два года и вольнолюбивые северяне были вынуждены смириться с проведением переписи. «Приехаша оканьнии Татарове сыроядци Беркаи (возможно, это тот самый Бицик-Берке. — *Авт.*) и Касачик с женами своими, инех много; и бысть мятеж великъ в Новегороде, и по волости много зла учиниша, беруче туску оканьнымъ татаромъ» (там же).

Из текста следует, что причиной восстания послужило злоупотребление «туской». *Туска*, или *тузку*, представляла собой «провиант и подарки для прибывающих владетелей или послов» (Тизенгаузен 1941: 304). Нечто подобное можно найти в источниках относительно Китая. Там сообщается, что толмач «вместе с татарами ходит кругом [по дворам], запугивает людей, требует и получает са-хуа, требует и получает продукты питания для еды» (Пэн Дая, Сюй Ин 1960: 142). *Са-хуа* (*sauqa*) в переводе с монгольского означает «подарок». Иными словами, это несбалансированная реципрокация, восходящая к обычаям гостеприимства. Для народов степи гостеприимство — это обязательная к исполнению традиция. Но когда собирается большое количество людей, например в периоды курилтаев (Козин 1941: § 279), это тяжелая повинность. Славяне и русичи также всегда отличались радушием, но прокормить такую ораву *численников*, прибывших, как сообщает летописец, «с женами своими», стало непосильным бременем для местного населения. Это и привело к взрыву народного возмущения. В результате переписчики были вынуждены просить защиты у Александра Невского. «И нача оканьнии боятися смерти, рече Олександру: „Даи намъ сторожи, ать не избыють нас“. И повелел князь стеречи их сыну посадничу и всем детям боярским по ночем» (НПЛ: 82, 310).

Яса

Совершенно очевидно, что Чингис-хан пытался заимствовать ряд принципов управления из оседло-земледельческих государств. В частности, он прекрасно понимал значение письменности и приложил определенные усилия к ее распространению среди своих соплеменников. По всей видимости, многое из сказанного Чингис-ханом после 1206 г. фиксировалось писцами и хранилось в специальных свитках (Ratchnevsky 1983: 164). Не исключено, что некоторые его непосредственные изречения вошли в текст VIII–X разделов «Тайной истории монголов». Однако немалое число записанных изречений основателя Монгольской державы не дошло до наших дней. Трудно представить, как при постоянных перекочевках можно было бы сохранить достаточно большой объем рукописных документов. Дожди, летняя жара, зимние холода — все это не способствовало условиям хранения улусного архива. Поэтому, скорее всего, большая часть записей с течением времени пришла в негодность и пропала.

Во время инаугурации Угэдэя часть указов и распоряжений были обнародованы на курултае в 1229. Согласно «Тайной истории», Угэдэй повелел: «Под-

тверждаем к неуклонному исполнению все опубликованные ранее указы и распоряжения нашего родителя и государя Чингис-хана» (Козин 1941: § 278). Далее в трех параграфах источника подробно перечисляются обязанности дружинников-кешикенов и правила выставления караулов, а также обнародован перечень приоритетных задач: установление фиксированных налогов и повинностей, создание системы укрепленных городищ, введение ямской службы и т.д. (там же: § 278–280).

Широко распространено мнение, что это составные части Ясы Чингис-хана. Между тем подлинник Ясы не известен. Традиционно считается, что наиболее подробные сведения о составе Ясы Чингис-хана содержатся в трактате египетского писателя XV в. ал-Макризи. Именно у него черпали информацию о составе Ясы все, кто занимался этой темой. Д. Айалон убедительно показал, что все сведения о Ясе — вымысел автора. Ал-Макризи стремился опорочить правительство мамлюков и с этой целью пытался показать, что они включили монгольские юридические нормы в свои законы (Ayalon 1971–1973). Выводы Айалона были также поддержаны и развиты Д. Морганом и Д. Эгль (Morgan 1986; 2005; Aigle 2004).

По мнению П. Рачневского, при Чингис-хане так называемая Яса представляла собой совокупность записей различных изречений и распоряжений хана, высказанных по разным поводам и в течение длительного периода времени. Эти изречения нельзя считать юридическим документом систематического характера (Ratchnevsky 1974). И. де Рахевильц полагал, что Яса существовала как устный свод запретов и правил, в который было запрещено вносить изменения. По его мнению, есть основания полагать, что текст Ясы был записан еще при жизни Чингис-хана. Однако Яса не представляла собой четко разработанного юридического кодекса, скорее, это была компиляция различных установлений, правил и табу, установленных Чингис-ханом, с некоторыми дополнениями в правление Угэдэя. Текст Ясы не сохранился, однако многие сюжеты известны в пересказе других средневековых источников. С течением времени значение Ясы упало вследствие разделения Монгольской империи на несколько самостоятельных частей, в которых определяющую роль играли местные юридические традиции (Rachewiltz 1973).

Схожее понимание вопроса дается у Джувеини. Яса — это не закон, а зафиксированное на бумаге распоряжение (Juvaini 1997: 32). Например, перед походом 1219 г. Чингис-хан провозгласил новую ясу (там же: 81). Или после инаугурации Угэдэя (о чем уже было сказано выше) сделал ясу о подтверждении всех распоряжений и указаний Чингис-хана (там же: 189). Персидский историк пишет, что Завоеватель Мира повелел, чтобы его дети обучались уйгурскому письму, а также «чтобы ясы и повеления были записаны в свитках» (там же: 25). Эти свитки должны были использоваться при сборе войска или в случае возникновения разногласий по поводу управления страной. В таком контексте речь, скорее, идет не о письменно зафиксированном своде законов, а о записанных и сакрализованных изречениях и указах монгольских ханов-хаганов.

Самое удивительное заключается в том, что данный текст хранился в буквальном смысле под семью замками и не был доступен для массового использования. «Эти свитки называются *Великой Книгой Ясы* и лежат в казне старших принцев, — свидетельствует Джувейни. — Когда хан садится на трон, или будет собирать великое войско, или соберутся принцы и [станут советовать] о делах государства и управления, то приносят те свитки и в соответствии с ними осуществляют все решения; и к построению войска или разрушению стран и городов как там предписано» (Juvaini 1997: 25).

Возникает резонный вопрос, что же это за свод законов, который не доступен большинству населения, а его регламентация касается только части сфер деятельности общества. Несомненно, в данном случае можно говорить о возникновении определенной юридической практики. Однако это только первый шаг к созданию письменного права. Ясу нельзя считать целостным сводом законов подобно различным раннесредневековым Правдам — Вестготской, Салической, Русской и т.д. Таким образом, в настоящее время нет оснований говорить о сложившейся системе письменного права в эпоху империи Чингис-хана. Однако и в этом случае монгольский вариант политогенеза/правогенеза, с существованием текстов одновременно сакрального и юридического значения и их ритуальным обнародованием на *курлтаях* с целью поддержания чувства групповой идентичности, отличался значительным своеобразием.

Эволюция аппарата управления

До 1206 г. в монгольском обществе фактически не было специального аппарата управления. В некоторой степени управленческие функции были возложены на дружину (*kesik*) Чингис-хана. *Кешик* являлся одновременно не только военным учреждением, но и своеобразной кузницей кадров для будущей имперской администрации. В известной степени дружинников можно рассматривать как эмбрион офицерского корпуса армии и аппарата управления (Владимирцов 1934: 91–92). Не случайно в списке тех, кто был удостоен титула тысячников, в 1206 г. упомянуты 28 имен тех, кто являлся нукерами или кешиктенами после первой инаугурации или их родственниками (Hsiao Ch'i-ch'ing 1978: 35–36).

Нукеры (*nököd*, ед.ч. *nökör*), или друзья, — это воины, которые сопровождают своего предводителя в военных походах. Этимология слова не случайна, достаточно напомнить русское слово «дружинник». Как правило, отношения между нукерами и их предводителями складывались на основе не традиционных кланово-племенных отношений, а групповой солидарности и личных связей между воинами и их предводителем. У кочевников данная система связей представляла собой особый кодекс поведения, обусловленный специфическими взаимными обязательствами воина (нукера, богатыря) и его предводителя (хана). Хану делегируются определенные права, на него возлагаются определенные обязанности. Так формируется своеобразная корпоративная группа, складывается политическая структура степной политики. Внутри ее действуют свой кодекс поведения,

свои законы, своя этика. Каждый политический шаг лидера степного общества тщательно обосновывается (Дмитриев 2000).

После создания империи Чингис-хан расширил состав своей гвардии до целого *тумена*: «...гвардейцы турхауты составили отряд в 8000. Ночной стражи — кебтеулов вместе со стрельцами-лучниками также стало 2000. И всего — отряд в 10 000 человек — тьма кешиктенов. Чингис-хан повелеть соизволил: „Наша личная охрана, усиленная до тьмы кешиктенов, будет в военное время и Главным средним полком“» (Козин 1941: § 226). В § 232, 234 «Тайной истории» подробно перечислены обязанности, возлагаемые на дружинников: охрана ханских покоев и ставки; руководство дворовой челядью; руководство скотоводами, пасущими различные виды домашнего скота (в параграфах перечислены все виды домашних животных); охрана повозок, юрт, сундуков, в которых хранится ханское имущество; руководство перекочевками ставки; охрана предметов вооружения (луки и колчаны, копыя, панцири) и совершения ритуалов (знамена, барабаны); обеспечение ханского стола продовольствием и контроль за приготовлением пищи; хранение продовольствия и распределение его между различными социальными группами — дружинниками, челядью и др.; распределение алкогольных напитков на пирах; раздача ханских подарков (видимо, шелковых тканей); контроль за приготовлением жертвенной пищи для погребальных тризн; участие в ханских облавных охотах; участие в решении судебных дел вместе с Шиги-Хутуху (там же: § 232, 234). Эти же функции были подтверждены при инаугурации Угэдэя на курилтае в 1229 г. (там же: § 278).

Подобный механизм личностных отношений сильно отличался от китайских механизмов формирования бюрократической иерархии. Карьера гвардейца могла складываться по-разному, однако это был хороший путь вверх. Нельзя не согласиться с Сяо Цицином, что служба в элитных подразделениях являлась лучшим мандатом для политического продвижения, что подтверждается специальным исследованием генеалогических таблиц монгольских фамилий (Hsiao Ch'i-ch'ing 1978: 42–43). Конечно, «иногда нукерские связи становились отчасти формализованными вследствие присвоения титулов, порожденных китайскими институтами, но эти титулы во многих случаях не представляют ничего большего, чем пустое слово. Елюй Чуцай, например, в китайских источниках фигурирует как формальное лицо, имевшее китайскую должность, на самом деле был больше нукером Чингис-хана (который удостоил его прозвища *urtu saqal* „длинная борода“), чем канцлером в китайском смысле» (Franke 1981: 97).

Кроме того, кешик являлся своеобразным институтом привилегированного заложенничества, поскольку каждый из тысячников и сотников должен был прислать в личную тысячу Чингис-хана кого-то из своих близких родственников. «При составлении для нас корпуса кешиктенов надлежит пополнять таковой сыновьями нойонов темников, тысячников и сотников, а также сыновьями людей свободного состояния, достойных при этом состоять при нас как по своим способностям, так и по выдающейся физической силе и крепости» (Козин 1941: § 224). Далее в тексте сообщается, что каждый из призываемых на службу сыновей должен был привести

с собой определенное количество воинов в соответствии со статусом своего родителя. Чуть ниже изложен другой вариант, согласно которому каждый должен был взять с собой трех человек. Элементарные арифметические подсчеты показывают, что здесь скрыта какая-то ошибка — подобный способ сборов больше похож на мобилизацию войска для крупной военной кампании (в пределах 40–50 тыс. человек). Возможно, в данный параграф были механически включены хранившиеся в свитках изречения Чингис-хана, сказанные по тому или иному поводу.

В годы правления Угэдэя и Мунке основные функции дружины остались прежними. В годы войны эти подразделения функционировали как элитные воинские подразделения. В мирное время они выполняли широкий круг обязанностей, связанных с функционированием ставки правителя кочевой империи. Позднее, после переселения монгольских хаганов в Китай численность гвардии при различных императорах менялась. Согласно Марко Поло (Книга Марко Поло 1956: 110–111, 285), при дворе Хубилая состояло на службе 12 тыс. кешикенов. В 33-й и 36-й цзюанях «Юань ши» приводятся совершенно разные данные о количестве гвардейцев, соответственно в 10 и 15 тыс. человек (Hsiao Ch'i-ch'ing 1978: 40). В этот период дружина частично утратила свое политическое значение вследствие учреждения китайских бюрократических институтов, однако дуализм в структуре органов власти сохранялся вплоть до гибели Юаньской династии (Franke 1981: 108).

Помимо дружинников в ставке Чингис-хана начинают формироваться органы власти управления империей. К их числу в первую очередь следует отнести писцов (*битикчи*), а также наместников и собирателей дани (*даргучи* или *баскаков*). Так называемыми *бичэчэ* (в «Джамит ат-Таварих» в форме *битикчи* (Рашид ад-Дин 1960: 141), от монгольского термина *bič'eč'i*, первоначально обозначавшего человека, ведавшего бумагами, канцелярией) называли всех, кто выполнял функции делопроизводства, в том числе и таких известных политиков, как Елюй Чуцай, Чжэньхай и Няньхэ Чу-шань. Позднее термин «битикчи» стал использоваться только для обозначения лиц, выполнявших обязанности писаря и/или секретаря (Пэн Дая, Сюй Тин 1960: 140). Впрочем, судя по всему, все первые императоры отдавали только устные распоряжения, которые далеко не всегда записывались на монгольском или, по необходимости, дополнительно на других языках. Переводчики комплектовались в основном из *сэму* (Franke 1950: 28–29). Только позднее, в 1220-х годах, после бегства на сторону монголов большого числа цзиньских чиновников и военачальников стала использоваться китайская иероглифическая письменность (Мэн-да бэй-лу 1975: 52, 53).

По приказу Угэдэя в завоеванные страны были направлены должностные лица и сопровождавшие их писцы (Juvaini 1997: 199). «Башафов (Baschathos), или наместников, своих они ставят в земле тех, кому позволяют вернуться... — свидетельствует Плано Карпини, — если люди какого-нибудь города или земли не делают того, что они хотят, то эти башафы возражают им, что они неверны Тата-рам, и таким образом разрушают их город и землю, а людей, которые в ней находятся, убивают при помощи сильного отряда Татар» (1957: 56).

Баскак (*bas*, тюрк. *давить*) — это тюркское слово, на монгольском языке оно соответствует *даргучи* (*jarčūci*). Дословно этот термин обозначает человека, который ставит печать от имени хагана (*dar-*, монг. *давить*) (Vasari 1978: 201–206; Allsen 1987: 46). В «Юань ши» (ЮШ 2: 5а) аналогом термину *даргучи* является титул *дуань-ши гуань* (букв. «чиновник, решающий дела») (Ratchnevsky 1937: 52, note 1; 1983: 158; Мункуев 1965: 44; Hsiao Ch'i-ch'ing 1978: 151, note 55). Это были фактические наместники верховного хана в завоеванных землях, которые обладали широким кругом административных, военных и судебных обязанностей. В «Тайной истории» сообщается, что после похода на Среднюю Азию даргучи были расставлены уже Чингис-ханом в качестве наместников по всем завоеванным городам (Козин 1941: § 263).

Судя по всему, в функции даргучи входил достаточно широкий круг полномочий, поскольку известно, что после переписи населения захваченных северокитайских территорий в 1234 г. Угэдэй направил даргучи в качестве сборщиков налогов (ЮШ 2: 6а). Баскаки назначались не только в завоеванные земельные владения, но и направлялись хаганом для контроля удельных ханов (Allsen 1987: 46).

Формирование бюрократического аппарата в Монгольском улусе связано с личностью Елюя Чуцай. Именно по его совету была сформирована система налогообложения завоеванных территорий Китая, заменившая институт кормлений монгольских вождей с выделенной им территории. Стела на могиле этого выдающегося деятеля свидетельствует, что он «создал налоговые управления (*кэ-шуй со* во всех десяти лу [Северного Китая] и учредил в них должности уполномоченных (*ши*) и их помощников (*фу*). Во всех случаях ими были назначены конфуцианцы» (цит. по: Мункуев 1965: 73). Привлечение чиновников чжурчжэньской администрации на службу монгольскому двору впоследствии неоднократно служило основанием для жалоб и доносов. Однако при первых двух хаганах гораздо чаще при назначении на должность служила не лесть, а практическая целесообразность.

Чуцай начал активно формировать государственный аппарат из числа бывших конфуцианских бюрократов. Он аргументировал Угэдэю это тем, что они обладали большими знаниями и административным опытом. «Если [хотят] сделать утварь, то непременно используют отличных мастеров, а когда [хотят] сохранить достигнутое, то обязательно привлекают ученых чиновников. Профессия же ученого чиновника не совершенствуется легко без накопления [знаний] в течение нескольких десятков лет» (Мункуев 1965: 195). Чуцай настоял на том, чтобы в 1237 г. были проведены экзамены по трем предметам, в которых участвовало чуть более четырех тысяч грамотеев. Четверть из них находились до этого в рабстве, но были освобождены по приказу хагана. Сколько из них получили должности не известно, однако логично предположить, что все, кто справился с экзаменами, были привлечены к государственной службе на территории Китая.

По всей видимости, именно между 1229 и 1241 гг. в общих чертах сформировался центральный государственный аппарат Монгольской империи. При Гуюке канцелярия продолжала функционировать. В период его краткого царствования,

а также после его смерти было выдано ярлыков и пайцз «без числа», т.е. множество (Рашид ад-Дин 1960: 141). Мунке-хаган был вынужден потратить много сил на упорядочивание создавшейся административной чехарды и отменил многие из выданных ярлыков. Он назначил главой своей канцелярии Булгаака (Булгай Ака), повелев ему «писать его указы и повеления и составлять копии» (там же: 143). Булгааку подчинялись писцы, владевшие уйгурским, персидским, китайским, тибетским, тангутским письмом. При этом Мунке-хан полагал, что китайских бюрократов можно использовать на службе в завоеванных районах Китая, однако он не видел никакой надобности в них в центральном аппарате степной империи (Allsen 1987: 98–99). Видимо, и в реальности потребность монгольской ставки в китайских аппаратчиках была не очень велика. Фактически до воцарения Хубилая на завоеванных китайских и чжурчжэньских территориях не были созданы специальные бюрократические институты (Мункуев 1965: 104). В тот период в Монгольской империи не существовало строго иерархизированного дворцового церемониала, как это было принято в китайских царствах (Franke 1981: 108–109).

Ямская служба

Важный компонент любого государства, а особенно империи — это развитая инфраструктура (Классен 2002). Образно говоря, инфраструктура — это кровеносные сосуды цивилизации. Чем более развита инфраструктурная сеть, тем больший товарооборот обеспечивается между центром и периферией, тем быстрее важная информация достигает стен столицы, тем быстрее и проще переместить большие подразделения солдат для отражения вражеского нашествия или подавления очагов сепаратизма. По мере расширения территории своего улуса монгольские ханы осознавали необходимость создания специальных институтов, которые бы могли быстро и беспрепятственно передавать информацию на очень большие расстояния. Для этих целей ими была создана ямская служба.

Введение почтовой системы относится ко времени правления Угэдэй-хагана (Рашид ад-Дин 1960: 36). Взойдя на престол, Угэдэй обсуждал на курилтае вопрос о введении специальной почтовой службы, аргументировав это тем, что гонцы перемещаются очень медленно, а население страдает от необходимости одаривать их продуктами питания (*sauqa*). От каждой тысячи должны быть выделены смотрители почтовых станций (*ямов*). Гонцам предписано не отклоняться от маршрутов. Почтовые станции было решено провести до ставки Бату-хана (Козин 1941: § 279). После обсуждения указ был провозглашен в следующем виде: «...Учреждаются должности уягучинов, балагачинов и амучинов. Начальствующими лицами над учреждением ямов поставлены Арацян и Тохучар, которые, сообразно с местными условиями, установят станционные пункты и укомплектуют их ямчинами и улаачинами. При этом на каждом яме должно быть по двадцати человек улаачинов. Отныне впредь нами устанавливается для каждого

яма определенное число улаачинов, лошадей, баранов для продовольствия проезжающим, дойных кобыл, упряжных волов и повозок. И если впредь у кого окажется в недочете хоть коротенькая веревочка против установленного комплекта, тот поплатится одной губой, а у кого неостанет хоть спицы колесной, тот поплатится половиною носа» (там же: § 279).

Известны среднестатистические нормы дневных переходов эпохи средневековья. В средневековой Европе обычный дневной переход составлял от 20 до максимально 60 км в день (Ле Гофф 1992: 29; Блок 2003: 67). На Руси дневной пеший маршрут равнялся 25–30 км (Кудряшов 1948: 50–51). Если сильно торопиться, то можно было преодолеть до 80 км. Всадник преодолевал расстояние от 50 до 74–85 км (там же: 117). По другим данным, на лошади можно было совершить однодневный переход протяженностью до 100–125 км (Классен 2002: 212). По данным путешественников нового времени, в Монголии верховая лошадь может проделать до 70 верст в сутки, верховой верблюд — до 40 верст, а с вьюком примерно на треть меньше (Пржевальский 1875, 1: 45, 79; Черикбаев 1990: 14).

На фоне этого монгольская почтовая служба выглядит почти как сверхзвуковой истребитель в сравнении с аэропланом времен начала прошлого столетия. Марко Поло свидетельствует, что от Даду (Ханбалыка) почтовые станции располагались во всех направлениях примерно через каждые 40 км. На станциях были постоянные дворы, где можно было переночевать, поесть, получить свежих лошадей (Марко Поло 1956: 121).

Помимо конных станций монголы ввели также службу пеших скороходов, которые передавали информацию эстафетой. «Между каждыми двумя станциями, через каждые три мили есть поселки домов в сорок; живут тут пешие гонцы великого хана, и исполняют они службу вот как: у них большие пояса с колокольчиками, для того чтобы издали слышно было, как они бегут; бегут они вскачь, и не более трех миль; а через три мили стоит смена; издали слышно, что гонец идет, и к нему уже готовятся; придет он, от него отбирается, что он принес, а от писца лоскуток бумаги, и новый гонец пускается вскачь, бежит три мили, а потом сменяется так же, как и первый гонец» (Марко Поло 1956: 122).

По словам великого венецианца, скорость передачи информации таким образом гораздо выше обычной поездки на лошади. За одни полные сутки гонцы передавали информацию, которая обычным путем приходила за 10 дней. Самая неотложная информация доставлялась конными гонцами: гонцы получали пайцзы с изображением сокола и мчались что есть силы. «Гонцы скачут по двести миль в день, а иной и по двести пятьдесят миль... мчатся до тех пор, пока не проедут двадцать пять миль на станцию, тут им готовы другие лошади, свежие скакуны. Садятся они на них не мешкая, тотчас же, и как садут, пускаются вскачь, сколько у лошади есть мочи» (там же). Согласно Джувейни, каждые два тумена должны были содержать один ям (Juvaini 1997: 33).

На завоеванных чжурчжэньских землях уже в 1229 г. были созданы почтовые станции (*чжань*). Для этих целей с населения собирали лошадей, повозки и

крупный рогатый скот. Для обслуживания станций были выделены специальные домохозяйства (*чжань-ху*), которые должны были поставлять на содержание проезжающих $\frac{1}{10}$ *ши* риса. Во главе каждой станции были поставлены специальные сотники. Ежедневная норма питания проезжающего составляла один *цзинь* (около 0,6 кг) мяса, один *цзинь* (около 0,6 кг) муки, один *шэн* (около литра) риса и одну бутылку вина (Мункуев 1965: 58).

Однако в реальности все это не выдерживалось. Сун Цзы-чжэнь сообщает о злоупотреблениях, которые творились в бывших владениях чжурчжэньской империи в период правления Угэдэя. «Вначале все князья и императорские родственники сами [по собственному усмотрению] могли брать станционных лошадей, а послов (*ши-чэнь*) было великое множество. Когда кони падали от усталости, то [они] силой отбирали лошадей у народа, чтобы ехать на них [дальше]. В городах или посадах и на дорогах, куда бы [они] ни прибывали, [всюду] тревожили [местное население]. А когда они прибывали в подворья (*гуань*), то требовали самых различных [услуг]. Если подача кушаний задерживалась хоть немного, то [обслуживающие лица] избивались кнутами» (цит. по: Мункуев 1965: 59).

После прихода к власти Мункэ всерьез взялся за контроль ямской службы и категорически запретил членам ханской семьи и должностным лицам использовать ее для своих личных целей. Это же коснулось некоторых привилегированных торговых компаний (*ортаqs*), которые с легкой руки предыдущих хаганов пользовались услугами ямов. Командировочные расходы на гонцов также были сокращены (Рашид ад-Дин 1960: 141; Allsen 1987: 80). Однако с течением времени все вернулось на круги своя.

Потрясающе правдивый рассказ на этот счет дан в сочинении Рашид ад-Дина: «Хотя государям бывает необходимо посылать послов и гонцов в разные страны и края и дела государственные через то могут быть укреплены и упорядочены, однако вошло в обычай [вообще] посылать их и для доставления известий о здоровье, даров и подношений... К настоящему времени постепенно дошло до того, что все хатуны, царевицы, эмиры ставок и эмиры-темники, тысячники и сотники, воеводы областей, кушчи, барсчи, ахтаци, корчи, эюдэчи и прочие разряды [чинов], назначенные на разные должности, помалу и помногу за всяким делом посылали гонцов по областям, а также посылали их по разным надобностям в монгольские кочевья... Кончилось тем, что по дорогам гонцов стало попадаться больше, чем караванов и всех путешественников [вместе]. Если бы даже в каждом яме держали пять тысяч лошадей, то улага для них [гонцов] не хватило бы. Забирали монгольские табуны, которые держали на летних и зимних стойбищах, и садились [на них]. Спешивали все караваны и путешественников, которые прибывали из Хитая, Хиндустана и других дальних и ближних стран... Гонцы не удовлетворялись только улагом и путевым довольствием, а как только приезжали к кому-нибудь, так сейчас же под разного рода предложениями поднимали ссору и, причинив разные неприятности, забирали добро. Коноводы же их отнимали от людей одежду, головные уборы и всё, что видели. [Гонцы] преднамеренно получали больше улага, [чем нужно], и [его] распродавали. Все, что они находили в дерев-

нях, они силой тащили [с собой]. Если в один день они приезжали в десять деревень и кочевий, то со всех этих мест они брали путевого довольствия во много раз больше, чем [требовали] дорога и ясак» (Рашид ад-Дин 1960: 263–264).

Заключительные положения

Подытоживая изложенное выше, следует обратить внимание на то, какие черты «раннего государства» (подробнее об этой концепции см.: Claessen, Skalnik 1978) можно обнаружить в империи Чингис-хана и его ближайших преемников. Напомним, что для раннего государства характерно сохранение кланово-линиджных связей, но при некотором развитии внеклановых отношений в управляющей подсистеме (Claessen, Skalnik 1978: 22, 641). В этом отношении держава Чингис-хана сильно отличается от предшествующих кочевых империй, крепко спаянных родственными и клановыми связями. В § 202 «Тайной истории монголов» приводится подробный список нойонов, которые были пожалованы тысячами. В основном это соратники хана по боевым победам, связанные с ним личными связями. Однако с течением времени, после смерти основателя державы на высших уровнях управления возобладали старые клановые связи. Это может быть прослежено на основе изучения длинных генеалогических списков, приведенных в «Джамит ат-Таварих» у Рашид ад-Дина. В то же время в управленческом аппарате остались лица, связанные с правителем личными отношениями.

Другой признак раннего государства касается способа получения дохода управленческой элиты. Здесь источником существования должностных лиц являются как кормления за счет вверенных подданных, так и жалованье из центра (там же: 22, 641). По этому пункту необходимо заметить, что у нас нет никаких сведений о наличии при жизни Чингис-хана регулярных выплат должностным лицам за выполнение их функций (что характерно для уже сложившегося государства). Позднее, в годы правления Угэдэя на территории Северного Китая чиновники не получали жалованья (*фэн лу*). Они жили за счет подчиненного им населения. Жалованье было введено только при Хубилае. Но и оно было не настолько велико, чтобы чиновники прекратили обирать население и вымогать взятки (Мункуев 1965: 117).

Один из важнейших признаков раннего государства — появление письменно зафиксированного свода законов (Claessen, Skalnik 1978: 22, 641). Этот вопрос был рассмотрен нами выше. Среди ученых нет окончательного мнения насчет того, существовал писанный свод законов, называемый Ясой, или нет. Однако более значимым представляется тот факт, что свитки, именуемые Ясой, были скрыты от посторонних, к ним имел доступ только ограниченный круг элиты из числа потомков основателя империи и они не использовались в обычной юридической практике. Несомненно, в этом случае мы можем говорить только о первых шагах в создании письменного права.

Следующий признак раннего государства — наличие специального аппарата судей, которые уже разбирали большинство юридических вопросов (там же: 22, 641). Наличие лиц, которые разбирали споры и конфликты, известно еще до 1206 г. Такие функции, например, были вменены Бельгутаю (Козин 1941: § 154; Rachewiltz 2004: 771). В 203-м параграфе «Тайной истории» говорится о том, что Чингис-хан поручил в 1206 г. Шиги-Хутуху заниматься судебными разбирательствами (Rachewiltz 2004: 134–135, § 203). В помощь ему были даны дружинники *кебтеулы* (Козин 1941: § 234).

Еще один признак раннего государства заключается в том, что изъятие доли прибавочного продукта «управителями» имело «точно установленный характер» и осуществлялось как путем взимания дани, так и посредством принудительного труда (Claessen, Skalnik 1978: 22, 641). О взимании с кочевников скота в форме *кочура* и других повинностях известно со времени правления Угэдэй-хагана. С земледельцев при жизни Чингис-хана монголы налогов не собирали. Основной формой дохода была военная добыча. Только после смерти Завоевателя Вселенной по мере завоевания территории Цзинь по предложению Елюя Чуцая в 1231 г. были введены налоги.

Наконец, последний, самый важный признак раннего государства — это появление специальных чиновников и лиц, помогающих им (там же: 22, 641). Такой аппарат начинает складываться только в период правления Угэдэй-хагана при непосредственном участии Елюя Чуцая. Завершение формирования бюрократического аппарата приходится на годы правления пятого монгольского хагана — Хубилая. Фактически вплоть до 1260 г. на китайской территории не существовало гражданской администрации. Например, только при Хубилай-хане в Лу были созданы циун-гуань фу («главные управления») во главе с цзунь-гуань («главноуправляющими») и монгольскими даругачи (чиновник с контрольными функциями) (Мункуев 1965: 104). Согласно имеющимся данным, в юаньское время в Китае общее количество ранговых чиновников составляло 22 490 человек, в том числе столичных — 506, дворцовых — 2089, провинциальных — 19 895. Из этого числа 6791 был *сэму* и 15 738 китайцев. С учетом того, что монголов во властных институтах должно было быть не менее, чем *сэму*, общее количество чиновников в юаньское время могло составлять порядка 33–34 тыс. человек (Боровкова 1971: 8).

Во второй половине XIII в. единая Монгольская империя, созданная в ходе завоеваний Чингис-хана и его первых наследников, объединившая в своем составе очень разные страны и цивилизации Евразии — от Египта до Японии и Индии и от Балкан до Юго-Восточной Азии, чей охват подчиненных ей земель так и остался непревзойденным в мировой истории, начала распадаться на отдельные монгольские улусы. После смерти последнего всемонгольского великого хана Мункэ в 1259 г. во время его похода на Южную Сун (ЮШ цз. 3–4: [44]25996–25997[45]) обострилась борьба за трон великого хана между внуками Чингис-хана. Главными претендентами были младшие братья умершего Мунке-хана: Ариг-Буга, находившийся в столице Монгольской империи городе Каракоруме в Монголии (Хэлине китайских источников), и Хубилай, командовавший монгольскими войсками в Китае, которые тогда воевали с Южной Сун.

Ставка последнего находилась в городе Ханбалыке (Даду), на месте современного Пекина. Вопреки монгольской традиции наследования престола великого хана, согласно которой на курултае — собрании членов рода Чингис-хана и наиболее влиятельных представителей монгольской кочевой знати — возвели в Каракоруме на трон Ариг-Бугу. Хубилай в июле 1260 г. провел в Кайпине (Шанду — Верхняя, или Летняя, столица) собрание подчиненных ему монгольских военачальников, воевавших под его началом с Южной Сун. Хубилай провозгласил себя великим ханом, опираясь на монгольские войска в Китае (Рашид-ад-Дин 1960: 160). В 1264 г. Хубилай-хан перенес столицу из Каракорума в Ханбалык, или Даду — город, построенный при Хубилай-хане вблизи бывшей чжурчжэньской столицы Чжунду.

Провозглашение в декабре 1271 г. монгольского государства в Китае империей Юань, как и принятие еще в 1260 г. названия «Юань» правящей в этой

стране династией Чингисидов, означало восприятие, в определенной степени, китайской традиции государственного строительства (ЮШ цз. 5: [56]26008–26009[57]).

Приняв китайское наименование для правящей династии, первый монгольский правитель Китая издал эдикт, где он упрекал предшествующие династии, стоявшие у власти в Китае, за то, что их названия восходили к наименованиям определенных территорий. Назвав свою династию Юань, Хубилай-хан избрал традиционное в Китае обозначение творческого начала мироздания. Таким образом, монгольские завоеватели даже в названии династии не преминули подчеркнуть универсальный характер своей власти. Универсалистские претензии Хубилай-хана и его преемников импонировали конфуциански образованным верхам китайского общества, которые видели в этих претензиях параллель своему традиционному идеалу вселенской империи. Кроме того, монголы в их глазах имели право считаться законными правителями Китая уже потому, что сумели восстановить единство Срединной империи после столетий ее раскола.

Завоевание Китая монголами привело в XIII в. к возникновению ситуации, при которой в Поднебесной распространилась власть варваров-завоевателей. Последствия столь сокрушительного удара по системе традиционной китайской идеологии могли быть отчасти нейтрализованы лишь введением их в рамки концепции «передачи Небесного мандата». Монгольские правители в Китае идеологически вписались в китайскую классическую схему смены династий из-за нарушения предыдущим императором Небесного мандата, в результате чего Монгольский улус стал империей Юань. Однако, если прежние варвары во власти в Китае — кидани и чжурчжэни находились под влиянием китайской культуры, то монголы были более сдержанными в этом отношении. Хотя императоры династии Юань заимствовали китайский церемониал, этническое противостояние между завоевателями и китайцами сохранилось (Крюков, Малявин, Софронов 1987: 19). Власть династии Юань распространялась к этому времени на Северный и Северо-Западный Китай, Маньчжурию, часть Центрального Китая, Корею, Тибет, Монголию и часть Восточного Туркестана. При Хубилай-хане, официально сохранившем титул великого монгольского хана, западные владения бывшей Монгольской империи стали независимыми государствами — Улус Джучи, или Золотая Орда, в Восточной Европе, Хорезме и евразийских степях от Иртыша до Дуная, государства Чагатаидов в Средней Азии и ильханов Хулагуидов на Ближнем и Среднем Востоке.

Придя к власти, Хубилай-хан принял меры к обузданию центробежных сил в пользу централизации власти в руках великого хана. Первый император династии Юань сделал должные выводы из разделения единой Монгольской империи, произошедшего у него на глазах. Этому отчасти способствовали конфликты в монгольской элите из-за территорий, распределения налогов и стремления Чингисидов использовать их для собственного усиления и добиться независимости от Каракорума (ЮШ цз. 4–6: 25997(45)–(68)26020). По всей видимости, главной причиной разделения Монгольской империи была удельная система наследова-

ния верховной власти, когда каждый потомок Чингис-хана и его главных жен в соответствии с очередью по возрасту имел право на повышение административного статуса, в том числе права на трон великого хана. Из-за обширности Монгольской державы правители дальних уделов не имели претензий на трон в Каракоруме, но де-факто были независимыми в своих владениях. Поэтому Хубилай-хан усилил контроль за монгольскими владетелями уделов в пределах своей империи, а военачальники киданьского, китайского и чжурчжэньского происхождения были лишены власти над гражданским населением. Интересно отметить, что до 70-х годов XIII в. Северный Китай управлялся монголами по законам империи Цзинь, к тому времени уже несколько десятилетий как канувшей в Лету (Rossabi 1988: 76–115).

Административная структура империи Юань создавалась из разных элементов традиционной китайской системы, которая была использована Хубилай-ханом, сторонником умеренной политики по отношению к оседлому населению Китая (ЮШ цз. 134: 27498[1546]–27499[1439]). Хубилай-хан осуществил реформы и преобразования в области территориально-административной системы на подвластных ему землях Монголии и Северного Китая. На территории Внутренней Монголии, «севернее Хребта» (Линбэй) было учреждено провинциальное управление (*Синчжуншуншэн*), делившееся на управления по умиротворению (*сюаньфусы* или *сюаньвэйсы*) или канцелярии (*гуаньфу*), управлявшие крупными административными районами. Всего было создано в этом регионе 11 краев — лу.

Административным центром этой системы стал город Кайпин, откуда в разные стороны расходились почтовые тракты, связывавшие его со всеми уголками обширной империи. Во главе каждого лу стоял высший чиновник — *даругачи*, назначаемый из представителей монгольской знати. После разгрома империи Южная Сун Хубилай-хан использовал опыт сунских правителей и усовершенствовал его, создав на окраинах систему *тусы* («местных чиновников»). Они составляли войско для походов на соседние страны, строили дороги и обеспечивали деятельность введенной в Юаньской империи системы ямской службы (Дмитриев 2012: 97–121). В Северо-Восточном Китае провинциальное управление было создано значительно позже, в ноябре 1287 г., из-за происходивших там событий в середине 80-х годов XIII в. В 1260 г. Хубилай-хан учредил управления по умиротворению в 10 областях Северного Китая и назначил в них начальников, но вскоре упразднил их. Причины этих административных изменений следует искать в событиях того времени. Вне сферы административных преобразований Хубилай-хана оставались уделы монгольской знати (Мелихов 1977). Территориальная ограниченность его реформ объяснялась ситуацией в Монголии, когда против Хубилай-хана, в поддержку его соперника Ариг-Буги выступил монгольский владетель на северо-востоке Китая — Хайду, внук великого хана Угедея (ЮШ цз. 122: 27377(1425)–(1426)27378). Он заключил союз с Алгуем (Алуху) — внуком сына Чингис-хана — Чагатая, и другими царевичами из рода Чингис-хана, потомками хана Угедея. Хайду послал войска против Хубилай-хана. Од-

нако, несмотря на столь внушительную поддержку, Ариг-Буга потерпел поражение и в 1264 г. отказался от титула великого монгольского хана из-за измены Алгуя. Великим монгольским ханом официально стал Хубилай (Rachewiltz 1978: 10–15).

Войны с Чагатаидами и их последствия

После отречения Ариг-Буги Хайду продолжил войну против Хубилай-хана. Она была очень тяжелой для империи Юань и привела к междоусобным войнам между монгольскими владетелями уделов в Юаньской империи, длившимся 40 лет и в конечном счете ставшим одной из основных причин падения ее могущества (ЮШ цз. 128: 27440[1488]). После своего утверждения в качестве единственного правителя в Восточной Монголии и Северном Китае Хубилай-хан провел ряд административных преобразований. Северный Китай был разделен на восемь административных единиц под названием «подвижные великие императорские секретариаты» (*син-чжун-шу-шэн*), т.е. провинции, в свою очередь разделенные на *лу* (края), *фу* (области), *чжоу* (округа) и *сянь* (уезды) (Rosabi 1988: 72–74).

Хубилай-хан пересмотрел налоговую систему империи. Оседлое население империи обложили поземельным, подворным и подушным налогами натурой (зерном и шелком) и деньгами, а кочевое население — налогом на скот. Было упорядочено взимание традиционных китайских монопольных налогов с соответствующих категорий населения. Повторное введение при Хубилай-хане бумажных денег можно рассматривать как факт развития товарно-денежных отношений, однако юаньское правительство печатало деньги в большом количестве и инфляция уже к концу правления Хубилай-хана оказывала негативное влияние на экономическую жизнь страны. Дорогостоящие военные походы и роскошь правящей верхушки Юаньской империи внесли свою немалую лепту в хронический дефицит правительственного бюджета.

При всех мероприятиях Хубилай-хана по созданию регулярной системы налогообложения он не всегда был последователен, часто делал ставку на беспринципных откупщиков налогов и различных финансовых агентов. Продолжая завоевания, Хубилай-хан осуществлял и сбор налогов, и получение дани с побежденных стран (там же: 180–181, 195).

В Китае при правлении династии Юань все земли делились на государственные и частные. Одна часть земель китайских крестьян оставалась в распоряжении старых хозяев — китайских помещиков, а другая перешла в собственность императоров династии Юань, знати монголов и *сэму* — выходцев из стран к западу от Китая, подчинившихся завоевателям. Монгольские ханы — императоры Юань, превратив обширные земли Китая в казенные, жаловали их родственникам, военачальникам и чиновникам. Хубилай-хан отдал во владение своей матери и сыну Джингиму 105 тыс. крестьянских семей, а полководцу Баяну —

6 тыс. крестьянских семей с пахотными землями в качестве «уделов на кормление» (*ши-и*) и «служебных полей» (*чжи-тянь*), где, по сведениям «Юань ши», работало 2 млн 800 тыс. крестьянских семей (Далай 1983: 122–123).

В собственности китайского крестьянина было немного зерна, личный плуг, сельскохозяйственный инвентарь и жилье. В империи Юань государственные налоги в первую очередь ложились на китайское крестьянство. Монгольские правители Китая, монгольская знать и другие представители правящего класса отбирали большую часть богатств, создаваемых китайским народом, под видом государственных налогов и затем распределяли их между собой как служебное жалованье и пожалования. После захвата монголами всего Китая стали в больших количествах взимать с его населения зерно, шелковые и хлопчатобумажные ткани и другие продукты. На китайских крестьян налагались такие зерновые подати, как земельный налог и налог с совершеннолетних. Зерновые сборы подразделялись на летний и осенний. У крестьян забирали $\frac{1}{3}$ всего урожая, а также большое количество шелковых тканей, шелковой пряжи и бумажных денег. В Китае юаньские власти ежегодно взимали 12 114 700 мешков зерна, хотя, возможно, это неполные данные. С каждой двух семей собирали 1 *цзинь* шелка, шелковой пряжи и хлопчатобумажных тканей, а с каждого человека — 4 *лана* серебра или равноценную сумму бумажных денег. Сбор тканей и пряжи назывался «подушным налогом» (*дин-шуй*), а денег — «налогом серебра» (*бао-инь-шуй*). Китайское население выполняло и тяжелые трудовые повинности — рытье каналов, перевозку грузов, работу ремесленников. Изнурительной была ямская повинность (там же: 123).

Экономика империи Юань с самого начала ее существования оказалась в сложном положении. Хотя Хубилай-хан стремился к пополнению государственной казны путем поощрения хозяйственной деятельности и торговли, накопления средств за счет огромных налогов и поборов, однако годовые расходы уже в его правление превышали доходы, и ханская казна испытывала недостаток средств. Поэтому повышались налоги и печаталось слишком много бумажных денег, что вело к пагубным последствиям в экономике империи и ухудшало положение населения. В 1292 г. доходы Юаньской империи оценивались в 2 978 305 ассигнаций бумажных денег, тогда как расходы равнялись 3 638 543 и превосходили доходы на 660 000 ассигнаций (там же: 124).

В ходе формирования государственного аппарата династии Юань Хубилай-хан провел военную реформу, что было особенно важно, так как именно на военной силе прежде всего основывалось монгольское владычество в Китае (ЮШ цз. 99 Hsiao Ch'i-ch'ing 1978). До этого военачальники и воины монгольского войска не получали за свою службу какого-либо довольствия и обеспечивали себя за счет собственного скотоводческого хозяйства, а также военной добычи. При династии Юань, когда они стали частью бюрократической машины, кормление подобного рода было заменено регулярным жалованьем из казны, что способствовало повышению жизненного уровня войсковых командиров — главной опоры юаньского трона. Тем более что до военной реформы, проведенной

в 1269 г., все китайские авторы отмечают их обнищание. При этом, в отличие от гражданских чиновников, военачальники могли передавать свое содержание по наследству. В период господства монголов в Китае все мужское монгольское население от 15 до 70 лет, численность которого в этой стране не превышала 858 тысяч, было привлечено к воинской службе (Hsiao Ch'i-ch'ing 1978: 25–35).

Монгольские правители Китая создали весьма сложный, но не слишком умело организованный бюрократический аппарат. Под управлением центрального правительства империи Юань, по существу, находились лишь столицы — Ханбалык и Кайпин с примыкавшими к столичным областям северо-восточными пределами Юаньской державы. Хотя от юаньских чиновников требовалась безусловная преданность правящей династии и каждый из них носил на себе металлическую пластинку-пайцзу с надписью, напоминавшей о том, что неповиновение императору карается смертью, провинциальная администрация обладала большой самостоятельностью (ЮШ цз. 92: 27087[1135]). Угрозу центральной юаньской власти представляла также монгольская знать, располагавшая на местах значительными военными силами и полномочиями. На уровне местной администрации монголы так и не сумели создать единый порядок, доверяя власть то соплеменникам, то буддийским монастырям, а чаще всего разного рода случайным людям. Тем не менее, при всех издержках, примерно с 1260 г. на завоеванной монголами территории Китая появилась де-факто гражданская администрация, когда при Хубилай-хане в лу были созданы *циун-гуань-фу* («главные управления») во главе с *цзунь-гуань* («главными управляющими») и монгольскими даругачи с контрольными функциями (Книга Марко Поло 1956: 120–121; Rossabi 1988: 72–75).

Постепенно реформы Хубилай-хана ослабили власть монгольских удельных владетелей на северо-востоке Юаньской империи и влияние центральных юаньских властей. Это вызвало мятеж удельного владетеля Наяна в 1287 г., поддержанного Хайду и другими монгольскими владетелями, ущемленными реформами Хубилай-хана. Хубилай-хан смог изолировать своих противников и разгромил их поодиночке. Наян был схвачен и казнен, а его удел вошел в состав Юаньской империи (ЮШ цз. 128: 27440[1488]; Далай 1983: 80–81). Завершили войны только преемники Хубилай-хана, когда уже умерли его противники Хайду и Дува. Их потомки заключили мир с Юаньской империей. Длительная борьба Хубилай-хана с монгольскими удельными ханами позволила расширить территорию, находившуюся под непосредственным управлением Юаньской империи на северо-востоке (Маньчжурия и Внутренняя Монголия), и укрепить ее территориально-административное управление (ЮШ цз. 99: 27189[1237]). Итогом деятельности Хубилай-хана по собиранию земель в Юаньской империи как первого и последнего юаньского реформатора было формирование системы местных органов власти в том виде, в котором она в основном просуществовала до конца правления династии Юань.

Создание этнических сословий в империи Юань

Завоевание Китая монголами, завершившееся в 1279 г. после окончательной победы войск Хубилай-хана над империей Южная Сун, создало совершенно новую этническую ситуацию в этой стране. Впервые в истории Китая он весь попал под власть иноземных завоевателей. Более того, он оказался частью огромной Монгольской державы, которая не только охватывала сопредельные с Китаем территории, но и простиралась на западе до Передней Азии и южнорусских, днепровских степей. Как никогда прежде, Китай был открыт самым разным иностранным влияниям (Rossabi 2013). Завоевание Китая и превращение его в часть Монгольской империи, а после ее распада — в империю Юань способствовало усилению его взаимосвязей с цивилизациями Евразии. В Китай устремились выходцы из многих стран Азии и Европы. Одних привлекали богатства Срединной империи и благосклонное отношение к иностранцам монгольских правителей, другие пришли как вольные или невольные монгольские союзники или были переселены монгольскими завоевателями после порабощения их стран, третьих влекла дорога, долг службы, авантюрные наклонности и зарождающийся дух исследования (Крадин, Скрынникова 2006).

Особенно много было выходцев из стран Центральной Азии. Хотя сами монголы, в отличие от своих предшественников чжурчжэней, не предпринимали попыток массового переселения в Китай, но в Ханбалыке и Кайпине — столицах Юаньской империи, где находились императорский двор, дворцовая гвардия, центральные органы управления страны, — монгольское население было значительным (ЮШ цз. 99: (1234)27186). Постепенно эти города становятся экономическими и торговыми центрами, которые притягивают к себе потоки массовых и элитных товаров, административных ресурсов, людей со всех концов Евразии (Крадин 2018). Столица империи — это не просто административный центр. Знать, бюрократический аппарат нуждались в обслуживании. Потребности остального населения, даже скромные, также должны были удовлетворяться. Наконец, для воинских частей, находящихся в столице и близ нее, нужны оружие и провиант. Для обеспечения нужд знати рядом с местом проживания элиты селятся ювелиры, мастера по выделке тканей и изысканной одежды, оружейники, строители дворцов и других престижных сооружений. Монгольские правители поощряли многочисленных иностранцев, живших в городах Китая, способствовали сохранению их этнической идентичности, разрешая им селиться отдельными кварталами в китайских городах. Возможно, иногда это создавало эффект снежного кома: одна группа, которая освоилась на новом месте, стимулировала приезд с родины новой группы мигрантов (Кадырбаев 1990: 5–130).

Дав китайское название своей правящей династии, монгольские властители Китая не спешили перенимать испытанную тысячелетиями мудрость Срединной империи. Напротив, они презирали образ жизни китайцев и саму китайскую ученость, во всяком случае до времени последних императоров династии Юань, хотя и использовали ее для нужд управления. Они не доверяли своим китайским под-

данным и приняли все меры для того, чтобы обеспечить свое господство в Китае и не раствориться в массе китайского населения. Монгольские завоеватели никогда не позволяли китайцам забыть, что они являются покоренным народом. Монгольское завоевание сопровождалось массовым обращением китайцев в рабство, их истреблением и даже превращением пахотных земель в пастбища (Мункуев 1965).

Китайцы в раннюю юаньскую эпоху допускались на службу лишь в качестве секретарей и помощников. Им было запрещено передвигаться по ночам, устраивать какие бы то ни было сборища, изучать иностранные языки, обучаться воинскому искусству и иметь оружие. Китайское население было организовано в общины по 20 дворов, находившихся в полной власти доверенного лица монголов (Далай 1983: 121–122). Китайцы были неравноправны не только по отношению к монголам, но и к сэму. Марко Поло сообщает, что у мусульман сэму было много рабов-китайцев, но у китайской знати нет рабов из числа мусульман и других сэму. Согласно юаньским законам, «если кто побьет китайца, не следует привлекать его к ответственности», «если китаец побьет монгола, следует привлекать его к любой ответственности и даже убивать», «китаец, сидящий в тюрьме, сам обеспечивает свое питание» (Книга Марко Поло 1956: 60).

В юаньском законодательстве различались четыре категории подданных, в основу определения которых был положен этнический принцип. Наибольшими привилегиями пользовались монголы, за которыми было закреплено командование войсками и руководство практически всеми административными ведомствами. Следующим за монголами по статусу и привилегиям этническим сословием были так называемые *сэжэнь* или *сэму* (кит., досл. «цветноглазые», а в широком смысле «люди разных рас»), к каковым относились иностранцы, выходцы из Сиюй — «Западного края», т.е. из стран, лежащих к западу от Китая, в число которых входили представители тюркоязычных народностей — уйгуры, кипчаки, канглы, карлуки, аргыны; ираноязычные, в том числе мусульмане, — таджики, персы; православные христиане — асы или аланы с Кавказа, а также арабы, тангуты, тибетцы, индийцы, кашмирцы, евреи. К сословию сэму относились и служившие монголам в Китае выходцы из Западной Азии и Восточной Европы: сирийцы, христиане несторианского толка, армяне, русские, — а также западноевропейцы, из которых самыми заметными были итальянцы (Марко Поло, купец из Венеции, самый знаменитый из них). Третью ступень в этой пирамиде власти занимали *хань-жэнь*. Эта категория включала в свой состав не только китайцев-северян, но и китаизированные народы Северного Китая, Маньчжурии и Кореи — киданей, чжурчжэней, бохайцев, корейцев. Низший разряд свободного населения составляли *нань-жэнь* — «южане», китайцы из завоеванной Южной Сун, образовавшие самую многочисленную и неравноправную часть населения Юаньской империи (Dardess 1973).

Численность китайского этноса и размеры населяемой им территории предопределяли неизбежность культурной неоднородности и дробности внутри этой этнической общности. Конкретные исторические условия способствовали тому, что наиболее значимым и ощутимым уже на сравнительно раннем этапе этниче-

ской истории китайцев стало их деление на «людей Севера» и «людей Юга». Противопоставление северян и южан, реально существовавшее в сунское время, было воспринято монголами во время завоевания Китая и узаконено ими.

Великие монгольские ханы придерживались принципа «разделяй и властвуй». Они, в частности, стремились назначать на совместную службу представителей различных этнических и религиозных групп, с тем чтобы избежать сговора между ними. Особенно острые противоречия разделяли чиновников специальных финансовых ведомств, среди которых было много иностранцев, особенно мусульман, и представителей традиционной китайской конфуцианской бюрократии. Роль сэму при дворе великих монгольских ханов определилась еще до создания империи Юань, при Хубилай-хане произошло юридическое оформление их статуса. Ко времени образования монгольского государства в Китае сэму занимали прочные позиции в системе его управления. Сознательная политика монгольских завоевателей по привлечению других народностей для управления Китаем имела решающее значение для той роли, которую играли сэму в системе монгольского господства в этой стране. Установив владычество над Китаем, великие монгольские ханы, сохраняя за собой верховный контроль, создали своеобразный «многонациональный» по своему кадровому составу механизм угнетения и управления. Этот механизм в Китае, как и в других завоеванных монголами странах, приравнивался к местным условиям — традиционным формам государственного управления и идеологии, но общим было то, что, во-первых, Чингисиды опирались не только на монголов, но и на иноплеменников, этнически чуждых местному населению, и, во-вторых, всюду особая роль отводилась сэму (Кадырбаев 1990).

Значение сэму обуславливалось тем обстоятельством, что они не были связаны с местным китайским населением и не были включены в родовую иерархию монгольских завоевателей. Они полностью были зависимы от монголов и поэтому служили трансляторами политики, проводимой великими монгольскими ханами и их сподвижниками. При этом многие сэму, являясь представителями стран с оседлой цивилизацией, обладали опытом управления. По данным на 1290 г., собственно монголов в империи Юань насчитывалось 1 млн человек, примерно столько же было сэму, 10 млн человек относились к *хань-жэнь*, и 60 млн человек считались *нань-жэнь* и проживали в Южном Китае (Dardess 1963: 35–36, 60–68). По некоторым подсчетам, численность монголов и сэму в юаньских государственных учреждениях составляла не менее 30%, хотя, в отличие от киданьской и чжурчжэньской систем дуальной администрации, китайцы были представлены во всех бюрократических институтах Юаньской империи. Квоты поддерживались искусственно в пользу монголов и сэму.

Известно, что в империи Юань среди чиновников было 22 490 китайцев и 6791 сэму. По монгольским чиновникам данных нет, но можно предположить, что их было не меньше, чем сэму. Следовательно, бюрократия Юаньской империи достигала 33–34 тыс. человек. При этом прослеживается четкая тенденция увеличения численности монголов и сэму с повышением уровня бюрократиче-

ской иерархии. Так, из 2089 дворцовых чиновников (без учета монголов) китайцев из сословия *хань-жэнь* было 1151 человек, а сэму — 938 (Боровкова 1971: 8).

Все важнейшие посты контролировались монголами. По данным японского историка Янаи Ватари (1932), за весь период правления династии Юань только один китаец из *хань-жэнь*, Ши Тяньцзэ, стал ючэнсяном — правым, главным министром или канцлером, тогда как из сэму вышли пять канцлеров. В Юаньской империи родственные связи имели большое значение только на самых высших уровнях иерархии, в первую очередь это явление было присуще монголам. Среднее звено управленцев, где преобладали сэму, подбирались по личным качествам, что не исключало передачи власти по наследству, от отца к сыну, но только с разрешения великого хана. Как известно, если решения принимаются на самом верху, то выполняет их среднее звено, от которого зависит, как они будут претворяться в жизнь, т.е. влияние сэму стоит оценивать, учитывая и этот фактор. Являясь представителями разных культур и цивилизаций, сэму активно внедряли в практику управления опыт Китая, уйгурских княжеств, Тибета, Индии, мусульманских и христианских стран (Dardess 1963: 20–30).

При образовании империи Юань сэму были широко представлены в ее властных структурах, потому что в борьбе с сепаратистскими устремлениями монгольской удельной знати, оспаривавшей у Хубилая трон, императоры династии Юань находили в сэму опору для проведения политики централизации. Не связанные местными и родственными узами, сэму целиком зависели от монгольских императоров и проводили ту политику, которая формировалась при юаньском дворе (Кадырбаев 1990; 1993).

Тем не менее необходимо помнить, что владычество монголов основывалось прежде всего на военной силе. Монгольское завоевание Китая произошло военным путем, и после своего утверждения в Китае завоеватели сохранили свою первоначальную военную организацию. Поэтому юаньские военные институты продолжали оставаться системой, включающей в основном представителей народов-завоевателей — монголов, а также их союзников — сэму (ЮШ цз. 99: (1234)27186–(1248)27200). Однако одно дело — объединить разные народы, другое дело — удержать в одном государстве аморфный многоэтничный конгломерат. Жизнеспособность Юаньской империи зависела от того, насколько отдельные части и народы, входившие в нее, смогут установить между собой тесные экономические, культурные связи.

Эпоха дворцовых переворотов

После смерти Хубилая Юаньская империя вступает в полосу глубокого политического и экономического кризиса. При юаньском дворе обострилась борьба в правящем юаньском классе, где тон задавали монголы и все более выходившие на первые роли в юаньской политике сэму (ЮШ цз. 136: 27518[1566]). Преемники Хубилая-хана вели разгульную жизнь, тратили огромные суммы из государ-

ственной казны на свои прихоти. После Хубилай-хана ухудшение ситуации в стране, громоздкость придворной администрации, несоблюдение законов, нарушение порядка избрания на юаньский трон, разбазаривание и расхищение казенных средств стали серьезными проблемами, подрывающими сами основы монгольского государства в Китае.

Война с Чагатаидами, начатая еще в правление Хубилай-хана, была завершена в правление Тэмур-хана, преемника Хубилая на юаньском троне (ЮШ цз. 138: 27533[1581]). Прекращение войны привело к возобновлению международной торговли по Великому Шелковому пути, что благоприятствовало экономической ситуации в Юаньской империи. Торговые пути вновь стали безопасны, организованны и находились под контролем империи Юань, создавшей режим наибольшего благоприятствования для иноземной торговли, предоставлявшей льготы и напрямую финансово поддерживавшей своих купцов и производителей.

Тем не менее экономическая ситуация ухудшалась. Общие бюджетные расходы по-прежнему превышали доходы. «Хотя каждый год поступает золота 19 000 *лян*, серебра 10 000 *лян* и бумажных денег 3 600 000 ассигнаций, но все же их не хватает на удовлетворение потребностей. Кроме того, позаимствовано 200 000 ассигнаций из суммы бумажных денег выпуска правления Чжи-Юань. Прошу бережно расходовать и экономить» (ЮШ цз. 19–22: 26177[225]–263209[261]), — докладывал Тэмур-хану его сановник.

К этому времени сэму играли все более важную политическую и военную роль в системе монгольского владычества в Китае, чему способствовало то, что учрежденные еще при Хубилай-хане отборные части императорской гвардии были сформированы в заметной степени из тюркских воинов, тангутов и асов. Создание этих войск усиливало влияние тюрок, особенно кипчаков и канглы, вследствие назначения их представителей на высшие командные посты в гвардии. Преемники Хубилай-хана продолжали уделять большое внимание укреплению сформированной из сэму гвардии, видя в ней надежную опору трона.

В 1307 г. умер Тэмур-хан, и трое представителей правящей в Китае ветви Чингисидов выступили претендентами на юаньский трон. Одним из них был Хайсан, находившийся в это время со своими войсками в районе Алтайских гор. Узнав о смерти Тэмур-хана, Хайсан направился в Каракорум, старую столицу некогда единой Монгольской империи, а ныне провинцию империи Юань, где созвал курултай Чингисидов, чтобы законным образом претендовать на трон (ЮШ цз. 129: 27442[1490]). Вторым претендентом был Ананда, внук Хубилай-хана, и последний в свое время хотел назначить его наследником, но затем склонился в пользу Тэмур-хана. Ананда был мусульманином, что вызвало сильный протест против его кандидатуры не только со стороны монголов, уйгуров, тибетцев и тангутов, исповедовавших буддизм и христианство, занимавших как сэму высокое положение при дворе, но и со стороны китайской знати, сотрудничавшей с монгольским режимом.

Третий претендент, Аюрбарибада, был внуком сына Хубилай-хана Джинги-ма, который до своей смерти в 1285 г. был наследником трона. Отцом Хайсана

и Аюрбарибада был второй сын Джингима — Дармабала. Аюрбарибада обладал более весомой поддержкой среди членов правящей династии Чингисидов и юаньской бюрократии, чем Ананда. Но тем не менее Ананда, обладавший титулом Аньси-ван, т.е. «князь — покоритель Запада», претендовал на юаньский трон. В «Юань ши» так говорится об этом: «Аньси-ван, воспользовавшись моментом, замыслил стать продолжателем великого дела» (ЮШ цз. 136: 27519[1567]).

Кликами Хайсана и Аюрбарибада, которые сплотились в борьбе против общего врага, было организовано падение Ананда. После ухода Ананда с юаньской политической арены Хайсан вынудил Аюрбарибада отказаться от его притязаний на юаньский трон в свою пользу. Решающую роль в этом сыграла поддержка Хайсана со стороны гвардии, во главе которой он воевал в Монголии и на Алтае, сформированной из кипчаков и канглы (ЮШ цз. 138: 27532[1589]). Поэтому Аюрбарибада уступил трон Хайсану, но добился условия, по которому наследником стал он, Аюрбарибада, а не сын Хайсана. В летней столице империи Юань Кайпине курултай правящей династии Юань подтвердил решение Чингисидов в Каракоруме о возведении на престол Хайсана. В указе о восшествии на трон Хайсан особо подчеркнул свое законное право на трон, так как известно, что основатель Юаньской империи, Хубилай-хан, чтимый потомками, не избирался на курултае великим ханом (ЮШ цз. 138: 27531[1579]).

Взойдя на трон, Хайсан раздарил 3,5 млн *дин*, или $\frac{3}{4}$ суммы денег, поступивших в течение года в казну. В 1311-м, последнем году его правления, из 11 млн государственных денег, 3 млн *дин* были розданы в качестве даров. В этом проявился менталитет великих монгольских ханов, демонстрировавших подданным свою щедрость и презрительное отношение к богатству, поскольку традиция обмена дарами, унаследованная от степного образа жизни, по сути от доиндустриального общества, была универсальным средством установления отношений между индивидами. Символический обмен подарками, как между равными, так и между государем и подданными, позволял преобразовывать обмен материальными ценностями в отношения психологической зависимости, что, в свою очередь, давало возможность императорам Юань получать новые ресурсы и, раздавая подарки, наращивать свой престиж (Крадин, Скрынникова 2006: 283–295).

Недолгое правление хана Хайсана характеризуется углублением кризиса в стране. Непомерные растраты и оргии, устраивавшиеся при юаньском дворе, сильно расстроили государственные дела, важные государственные должности стали предметом торговли. Проверка чиновников для повышения по должности превратилась в формальность. Так, при правлении Хайсана в течение одного года свыше 880 человек попали на высокие государственные посты с помощью взяток и «зверствовали, как тигры». Сообщается о 40 лицах, выдававших себя за родственников жен императора и пользовавшихся властью (ЮШ цз. 22–23: 262213(261)–(292)26244).

В 1311 г., после смерти Хайсан-хана на трон возшел Аюрбарибада. Следствием этого явилось ослабление позиций тюркской верхушки из ближайшего

окружения Хайсана. После смерти Аюрбарибада на трон взошел его сын Шидебала, что явилось нарушением соглашения между Хайсаном и Аюрбарибада от 1307 г., по которому трон должен был наследовать не Шидебала, сын Аюрбарибада, а сын Хайсана. У последнего было два сына — старший Хошила и Тук-Тэмур.

При Аюрбарибада тенденцией, характеризующей ситуацию в империи Юань, было усиление борьбы различных клик внутри ее правящего класса. Аюрбарибада балансировал между разными группами, стараясь уравновесить их влияние. Он назначил на пост *ючэнсяна* (т.е. правого, или главного, министра) мусульманина Темудера (ЮШ цз. 180: 27945[1993]). Положение Темудера было гораздо более сложным, нежели у его предшественников на этом посту. Например, в 1315 г., впервые за время существования империи Юань с 1260 г., была учреждена по китайскому образцу *кэцзюй* — система экзаменов для замещения должностей в государственном аппарате. Но это было осуществлено без нанесения ущерба системе этнических сословий, определявших государственную структуру империи Юань, путем предоставления численно меньшему количеству монголов и сэму особого преимущества над китайцами при прохождении экзаменов и занятии должностей. Для Темудера и его сторонников учреждение Аюрбарибада экзаменационной системы, которому они противодействовали, стало поражением. В 1320 г., по восшествии на трон Шидебала положение Темудера заметно укрепилось в пику его противникам, рассматривавшим престолонаследие Шидебала как нарушение соглашения между Хайсаном и Аюрбарибада, по которому последнему наследовал один из сыновей Хайсана (ЮШ цз. 24–27: 26245(293)–(324)26276). К этому времени относится активизация деятельности клики, отстраненной от власти после смерти Хайсана. В результате ее действий Темудер был вынужден уйти в отставку.

После смерти Шидебала трон занял Есун-Тэмур, правивший с 1323 по 1328 г. Он пытался примирить противоборствующие клики, но после его смерти борьба за власть обострилась (ЮШ цз. 27–29: 26276[324]–26310[358]). Заговорщики во главе с командующим кипчакской гвардии Янь-Тэмуром решили возвести на трон младшего сына Хайсана Тук-Тэмуре, а не старшего, Хошила, который по монгольской традиции имел больше прав на престол. В 1329 г. Хошила был убит. Янь-Тэмур силами императорской кипчакской гвардии в Даду арестовал всех своих противников, захватил стратегические пункты столицы, установил контроль над денежной казной столичных даосских монастырей и запасами продовольствия. Он имел прочные связи с юаньской бюрократией, в основном из числа сэму. Янь-Тэмур послал своих представителей в провинции с требованием признать власть Тук-Тэмуре (ЮШ цз. 138: 27533[1581]).

Противники Янь-Тэмуре в Шанду не собирались сдаваться и возвели на трон сына Есун-Тэмуре — восьмилетнего Арагибага. В конечном счете Янь-Тэмур «с триумфом вошел в Шанду. Все люди склонялись перед головой его коня в знак благодарности за спасение своей жизни. После торжественной встречи ему была вручена императорская печать. А перед этим стало известно, что Вэньцзун

(т.е. Тук-Тэмур. — *Ред.*) вступил на трон. После поражения силы Шанду иссякли» (ЮШ цз. 138: 27534[1582]).

Широкие слои китайского общества в целом сохраняли полное безразличие к очередному дворцовому перевороту при юаньском дворе. Царствование Тук-Тэмура было недолгим (1328–1332) и сравнительно стабильным. В это время Янь-Тэмур становится самым влиятельным человеком при юаньском дворе. В октябре 1328 г. он стал главой правительства, что позволило ему контролировать административный аппарат империи. Благодаря этому Янь-Тэмур распространил свои полномочия и на другие сферы государственной деятельности. По императорскому указу 1328 г., только Янь-Тэмуру и Байаню было разрешено одновременно занимать три должности. По этому же указу они контролировали поступление дел государственной важности к особе императора (ЮШ цз. 138: 27536[1584]).

В марте 1330 г. император указом подтвердил назначение Янь-Тэмура главой правительства. Байань также не утратил своего влияния и занял важный пост левого министра, второго по значимости в правительстве. Императорский указ от 1 июня 1330 г. предоставил Янь-Тэмуру право принимать решения по всем государственным делам, касающимся указов, назначений на должности в войсках и государственном аппарате, военным вопросам, финансовой политики и строительства. Власть и влияние Янь-Тэмура поддерживались родственными связями с царствующей династией. Три его сестры вышли замуж за членов императорской фамилии. Сам Янь-Тэмур взял в жены девушек из рода Чингис-хана. Дочь Янь-Тэмура вышла замуж за наследника трона, в будущем последнего юаньского императора Тогон-Тэмура, и стала императрицей в 1333 г. Тайбука, дядя Янь-Тэмура, братья Садунь и Дариндари, племянники Танкиш и Далахай, военачальник кипчакской гвардии Ачаши, отличившиеся при возведении Тук-Тэмура на трон, занимали командные посты в гвардии.

Никто из предшественников Янь-Тэмура не смог сконцентрировать в своих руках всю власть и совместить руководство гвардией и государственным аппаратом (ЮШ цз. 138: 27537[1585]). Это стало возможным для Янь-Тэмура только благодаря тесному союзу с Тук-Тэмуром, так как для последнего поддержка Янь-Тэмура была гарантией его царствования. Сам Тук-Тэмур предпочитал не обременять себя заботами правления, уделяя больше внимания своим творческим увлечениям. Он достиг вершин китайской учености и стал эстетом в китайском стиле, коллекционировал живопись, писал стихи, наслаждался музыкой. Им был основан *Гуйчаньгэ-сюеши-юань* («Звездный павильон литературы») — салон, в котором обсуждались вопросы китайской культуры и живописи.

Несмотря на свою китайскую ученость, Тук-Тэмур приказал переводить китайские тексты на монгольский язык. При нем составили «Цзинь ши дадянь» («Великий канон по управлению миром»), где в основном обращалось внимание на конфуцианские правила поведения и развитие литературных и художественных навыков, особенно для обучения сыновей высокопоставленных монгольских сановников и принцев — членов императорской фамилии, «золотого рода» по-

томков Чингис-хана. Все это в первую очередь занимало императора Тук-Тэмур и его двор, а делами управления империей заправлял в основном Янь-Тэмур, не разделявший склонности и симпатий своего государя к китайской культуре.

Важным итогом деятельности Янь-Тэмур явилось устранение с юаньской политической арены влиятельной клики сэму, представителей мусульманского купечества. Высокопоставленные чиновники из мусульман стали первыми жертвами репрессий Янь-Тэмур. Он упразднил должность мусульманского судьи, кади в Даду. Давлатшах, первый министр при императоре Есун-Тэмуре, ставший во главе враждебной Янь-Тэмур клики в Шанду, был казнен (ЮШ цз. 138: 27533[1581]–27534[1582]). В годы правления Тук-Тэмур Янь-Тэмур и его кипчакские родственники были всемогущими при юаньском дворе, что не исключало их оппозиции власти.

После смерти Тук-Тэмур в 1332 г. произошел раскол между Янь-Тэмуром и Байанем. Все эти годы Байань официально был вторым человеком в государстве после Янь-Тэмур. Он также командовал некоторыми гвардейскими частями монголов, кыпчаков и русских. Но в 1329 г. он уступил Цензорат Янь-Тэмур, и тогда же ряд частей гвардии был выведен из-под командования Байаня и подчинен Янь-Тэмур (ЮШ цз. 138: 27535[1583]). Тем не менее Байань сохранял немалое влияние при юаньском дворе, что и подтвердили последующие события (ЮШ цз. 138: 27536[1584]–27537[1585]).

Второго сентября 1332 г. император Тук-Тэмур неожиданно умер в возрасте 28 лет (ЮШ цз. 138: 27538[1586]). Причем ситуация усугубилась случившейся за месяц до этого смертью его маленького сына и официального наследника трона. Утвержденный Тук-Тэмуром наследник Араднадара умер в начале 1331 г., и Тук-Тэмур не успел назначить нового наследника. Другой его сын вовсе был младенцем. В этих условиях на политическую арену вышла вдова Тук-Тэмур императрица Будашири. Она объявила, что последним желанием Тук-Тэмур было возведение на трон не его сына Эльтегуса, а Иринджибала, старшего сына его покойного брата Хошила.

В октябре 1332 г. Иринджибал вступил на трон и умер через два месяца в возрасте шести лет. Но за это время Байань был утвержден на всех постах, которые он первоначально занимал при Тук-Тэмуре. Совершенно очевидно, что влияние и власть Будашири явились сильным ударом по Янь-Тэмур. Она учредила совет из семи человек для решения важнейших государственных дел, в состав которого Янь-Тэмур не включили. При этом Будашири имела собственную казну и могла использовать ее по своему усмотрению. После смерти Янь-Тэмур Байань, ранее занимавший выжидательную позицию, порвал все отношения с его сторонниками и открыто перешел на сторону Будашири.

Борьба Байаня и Будашири с Янь-Тэмур — это не только личная борьба за власть. Янь-Тэмур, имея большие возможности, вышел из-под контроля монголов, которые могли терпеть сэму, в том числе тюрок, лишь как союзников и помощников. До 1335 г. исход борьбы за власть не был ясен, и сторонники Янь-Тэмур сохраняли свою силу. Но в 1335 г. Байань расправился со своими кипчак-

скими соперниками с помощью подчиненных ему частей гвардии (ЮШ цз. 138: 27538[1586]–27539[1587]).

В определенной степени переход власти в руки Байаня явился реакцией монголов на всё возрастающую роль тюрков в системе монгольского владычества в Китае. В этом они усматривали угрозу своему господствующему положению внутри смешанного в этническом отношении правящего юаньского класса.

Таким образом, два события в первой половине XIV в. в истории Китая эпохи Юань могут быть выделены как свидетельство влияния кипчаков и канглы, тюркских выходцев из Великой Степи, на политику монгольской династии. Это возведение на юаньский трон и последующие царствования императоров Хайсана в 1308–1311 гг. и Тук-Тэмур в 1328–1332 гг. Важная роль тюрков была обусловлена тем обстоятельством, что безопасность юаньского трона с начала XIV в. все больше переходит в компетенцию императорской гвардии, сформированной в значительной степени из их представителей. Хотя в Китае при монголах тюрки были весьма немногочисленны, чтобы тюркизировать монголов, при всем их могуществе власть тюрков никогда не была здесь столь всеобъемлющей и продолжительной по времени, как, например, в Египте, Сирии и Индии. Всё же очевидно, что выходцы из тюркской знати в борьбе за влияние при юаньском дворе успешно использовали этнические связи со своими соплеменниками, представлявшими заметную силу в государственной и особенно военной системе империи Юань, и достигали высот власти.

Гибель Юаньской империи

Тогон-Тэмур, ставший в 1333 г. последним монгольским императором Китая из династии Юань, занял юаньский трон, когда ему исполнилось 12 лет, поэтому до его совершеннолетия власть в империи сосредоточилась в руках крупных придворных сановников, наиболее влиятельным из которых, согласно «Юань ши», был монгол Байань. Именно благодаря усилиям Байаня был возвращен из ссылки малолетний Тогон-Тэмур, которого он лично встречал в Хэнани по дороге в столицу Ханбалык, обеспечивая его безопасность. В своих действиях Байань был поддержан авторитетной при юаньском дворе вдовствующей императрицей Будашири, итогом чего стало уничтожение сторонников Янь-Тэмур, его предшественника во власти (ЮШ цз. 122: 28378[1426]), чье место на вершине пирамиды власти в империи Юань он и занял.

Став главным министром империи, Байань повторял судьбу своего предшественника Янь-Тэмур и даже превзошел его как по концентрации власти в своих руках, так и по алчности — он владел сотнями поместий по стране. Получил он во владение и 40 тыс. дворов китайских крестьян, собирающих жемчуг. Байань одновременно занимал 35 высоких постов в государственной структуре и обладал десятками почетных титулов и званий. Никому в Юаньской империи, кроме Байаня, не было разрешено занимать более трех должностей одновременно. Если

ранее Байань был вторым человеком в государстве после Янь-Тэмур, то при нем никто не обладал таким статусом. По сути, его власть уравнивала влияние вдовствующей императрицы Будашири, которой в сентябре 1335 г. был присвоен титул *Тай хуан тай-хоу* («Великая вдовствующая императрица»).

Байань сконцентрировал под своим командованием все наиболее боеспособные части юаньской гвардии, сформированные из монголов, асов, тюрков — кипчаков и канглы, тангутов, русских. Характерной чертой политики Байаня была ее антикитайская направленность, он всегда поступал по своему произволу и лишил жизни многих китайцев, в том числе и близких к юаньскому двору. Он был против изучения монголами китайского языка и издал указ, запрещающий китайцам иметь лошадей и оружие. После того как в 1337–1338 гг. вспыхнули восстания китайцев, Байань был взбешен, он считал всех китайцев мятежниками и возлагал ответственность за бунты также на лояльных юаньскому двору *нань-жэнь* и *хань-жэнь*. Затем Байань выдвинул предложение истребить всех китайцев, носящих распространенные фамилии: Чжан, Ван, Ли, Лю и Чжао, — чтобы запугать остальных.

В 1339 г. им был подтвержден указ, запрещающий китайцам носить оружие и сопротивляться при нападении монголов. Все юаньское законодательство было пропитано духом неравноправия этнических сословий: если монгол убивал китайца, с него брали штраф на похороны убитого и приговаривали к отправке с войсками в военный поход; китаец не мог дать сдачи монголу при избиении, а только имел право написать жалобу на обидчика, в обратном случае китайца судили по всей строгости; китайцы не имели права обладать холодным оружием, даже плетью с железным наконечником, после военного похода юаньские воины-китайцы должны были сдавать холодное оружие, им запрещалось охотиться.

Как свидетельствует «Юань ши», предсказание шаманки о том, что он примет смерть от *нань-жэнь* — южных китайцев, послужило для Байаня поводом для кровавых репрессий против них. Отмена Байанем 17 ноября 1335 г. учрежденной ранее по китайскому образцу системы экзаменов (*кэцзюй*) на замещение государственных должностей в империи Юань вызвала сильное недовольство китайцев, а также сэму, отношения с которыми после свержения Янь-Тэмур были у Байаня весьма напряженными, поскольку они наряду с монголами пользовались преимуществом при прохождении экзаменов, занимая до 30% всех постов в государственном аппарате империи (ЮШ цз. 140: (1606)27558).

Репрессии Байаня против сэму и китайской знати, сотрудничавшей с юаньским режимом, размывали и без того недостаточно широкую социальную базу монгольских императоров в Китае. К тому же последние монгольские императоры Китая (Тогон-Тэмур — наглядный пример этому) были во многом воспитаны на традициях китайской конфуцианской культуры, получили китайское образование и хорошо знали китайский язык и письменность, поэтому действия Байаня вызвали неоднозначное отношение юаньского двора (ЮШ цз. 205: 28148[2196]). Тем более что многие монголы говорили: «Мы и не слышали про Тогон-Тэмур, а вот Байань — этот нам знаком!». Байань вел себя довольно независимо по от-

ношению к юному императору и, возможно, не исключал возведения на юаньский трон другого представителя императорской фамилии, поскольку покровительствовал сыну Тук-Тэмура — двоюродному брату Тогон-Тэмура.

Байань определял свою политику как возрождение ценностей эпохи, связанной со временем правления основателя юаньской династии — Хубилай-хана. Причем Байань провозглашал Хубилай-хана символом, олицетворяющим величие монгольского государства в Китае, и образцом для подражания проводимой им политики. Целью Байаня было усиление роли монголов как господствующего этноса в Юаньской империи и возвращение к принципам правления эпохи Хубилай-хана, когда строго соблюдалось этническое представительство в юаньских государственных структурах, а китайские методы управления государством, основанные на учении Конфуция, использовались под жестким контролем монгольских владык, но не по причине пиетета перед китайской ученостью, в чем Байань подозревал последнего монгольского императора Китая и его разноплеменное окружение, в том числе влиятельных монголов и сэму, не говоря уже о китайцах.

Политика натравливания одних этнических групп юаньской верхушки против других, выгодные Байаню для сохранения его личной власти, стали губительными для монгольского государства в Китае, когда в условиях углубления экономического и политического кризиса Юаньской империи и усиления борьбы китайского народа за свое национальное освобождение в 1335–1338 гг., как никогда требовалась сплоченность правящей юаньской верхушки (ЮШ цз. 205: 28149([2197])). Вместе с тем следует отметить, что в китайской историографии есть определенная «демонизация» личности Байаня и его деятельности, где он представлен как ярый враг конфуцианства (У Хань 1980: 42). Хотя, конечно, в этом есть зерно истины, но Байань недооценил влияние учения Конфуция на правящую династию Юань к этому времени, и эта ошибка оказалась для него роковой.

Байаню выпало управлять страной в сложную эпоху, когда для монголов в Китае наступило смутное время. Его смещение было осуществлено в 1340 г. группой заговорщиков — монголов, сэму, китайцев из числа его же ближайшего окружения, которых возглавил его племянник монгол Токто, поддержанный повзрослевшим императором Тогон-Тэмуром, требовавшим полноты власти в стране, что было невозможно при главном министре Байане. К этому времени уже не было влиятельной при юаньском дворе императрицы Будашири, всегда поддерживавшей Байаня. Воспользовавшись отъездом Байаня на охоту и отсутствием его в столице, Тогон-Тэмур отстранил последнего от командования юаньской гвардией. По возвращении перед Байанем закрыли крепостные ворота Ханбалыка, и ему ничего не оставалось, как покончить жизнь самоубийством. Брат его, Маджартай, наследовавший было пост Байаня, под давлением Токто, даже не оказывая сопротивления, был вынужден уйти в отставку.

Таким образом, к 1341 г., достигший 21 года Тогон-Тэмур смог добиться полного контроля над империей и установить при поддержке Токто более китай-

ско-ориентированный политический климат при юаньском дворе (ЮШ цз. 122: 28378[1426]). Токто возглавил заговор против Байяня, заручившись при этом поддержкой императора Тогон-Тэмуре. Попытка покушения Байяня на китайскую модель управления, основанную на принципах учения Конфуция, к этому времени все более воспринимаемую правящей монгольской династией Юань в Китае и ее ближайшим разнородным окружением, стала основной причиной отстранения Байяня от власти.

Сразу после прихода Токто к власти была восстановлена система экзаменов на замещение государственных должностей. Токто способствовал распространению конфуцианского образования при юаньском дворе. В 1349 г. в Ханбалыке при императорском дворце по его инициативе было открыто учебное заведение специально для наследника трона Аюшидари, которому тогда исполнилось 11 лет, чтобы он приобщался к высотам китайской учености и постигал учение Конфуция. Предположительно именно с этого времени Аюшидари официально становится наследником юаньского трона. При Токто была укрощена бурная река Китая — Хуанхэ: были построены гидротехнические ирригационные сооружения, которые превзошли масштаб подобных сооружений за всю предшествующую историю Китая, что благотворно сказалось на развитии сельского хозяйства Северного Китая (ЮШ цз. 143: 27583[1631]).

После правления Хубилай-хана погрязшие в роскоши и борьбе за власть юаньские самодержцы уделяли мало внимания благоустройству в империи, хотя работы на реках и каналах не прекращались. Впрочем, надо признать, что власти Юань смогли обуздать Хуанхэ, и вплоть до 1358 г. источники не сообщают о голоде в тех провинциях. Ранее, в 1349 г. Токто удалось устранить с поста главы Цензората монгола Беркебугу в пользу своего брата Есенбуги, установив таким образом свою монопольную власть в империи. Но торжество его было недолгим.

Токто был, вероятно, последним из влиятельных юаньских деятелей времени царствования Тогон-Тэмуре, кто, при всех своих личных амбициях, прежде всего в своей деятельности руководствовался государственными интересами. Проводимая Токто политика централизации была требованием времени, поскольку только его реформы, направленные на укрепление единства страны, могли предотвратить грядущее падение монгольского государства в Китае. В 1354 г. Токто повторил судьбу своего дяди Байяня (ЮШ цз. 205: 28148[2196]–28149[2197]).

После отставки Токто процесс стал необратимым. В этот период можно констатировать разложение правящей юаньской верхушки, неэффективность управления, ослабление воинских традиций среди народа-завоевателя, больше выполнявшего к этому времени полицейские функции, сепаратизм даругачи-наместников провинций и, главное, нарастание борьбы всех слоев китайского общества против иноземного владычества.

Следует отметить, что выпавшие на долю императора Тогон-Тэмуре детские и юношеские испытания (убийство отца, давление со стороны главных минист-

ров от Янь-Тэмур и Байаня до Токто) его не закалили, а надломили психологически, сформировав личность, крайне осторожную и вместе с тем неспособную самостоятельно принимать судьбоносные для государства решения. Он был подвержен влиянию как со стороны членов императорской фамилии, своих родственников, особенно жен, так и различных клик при юаньском дворе. Как писал один его придворный, «его (Тогон-Тэмур) поведение было мягкое и милостивое; он приуготовил для себя величественное и мирное правление...» (ЮШ цз. 205: 28150[2197]). Решительным действиям он предпочитал выжидание, даже бездеятельность, и совсем не был похож на своих предков — прародителей юаньской династии.

Увлечение Тогон-Тэмур сомнительными «радостями жизни», где он обладал безграничными возможностями в силу занимаемого им положения верховного правителя империи, также подрывало авторитет государственной власти, когда, по свидетельству «Юань ши», «император всякий раз, будучи во внутренних покоях дворца, играл в шуанлу (азартная игра в игральные кости) и погружался во мрак разврата» (ЮШ цз. 205: 28150[2198]). Тогон-Тэмур не был сильным властителем, был подвержен влиянию своих родственников и ближайшего окружения, не отличился он и на ратном поприще, где не стяжал лавров своих предков — основателей династии Юань. Не смог он подавить сепаратизм даругачи-наместников провинций, лишь номинально признающих уже к 50-м годам XIV в. власть в Ханбалыке, и во многом зависел от их лояльности, поскольку после отставки Токто лишился последней возможности влиять на провинциальные власти. Хотя Тогон-Тэмур получил китайское конфуцианское образование и как никто из его предшественников на юаньском троне оторвался от своих этнических степных корней, он вряд ли соответствовал образу идеального правителя, воспетого великим Конфуцием (ЮШ цз. 143: 1434[1626]).

Тогон-Тэмур олицетворял собой эпоху упадка монгольского владычества в Китае, являясь в определенной степени трагической фигурой. Он как бы балансировал между противоборствующими политическими кликами, и в течение нескольких десятилетий ему удавалось благодаря изощренным интригам сохранить за собой трон. Но этого качества оказалось явно недостаточно, чтобы сохранить государство монголов в Китае, а династию Юань — правящей. Он не смог сплотить вокруг юаньского трона разноплеменные господствующие сословия, в том числе интегрированных в юаньскую систему правления китайцев, поскольку ответственность принятия решений по важнейшим государственным вопросам, от которых зависела судьба не только подвластного ему государства, но и его собственная, он зачастую перекладывал на своих сановников, чаще всего не обремененных государственными интересами и действовавших исходя из личных и групповых интересов.

Роковым его просчетом стало устранение от власти Токто, проводившего политику укрепления государства и власти правящей династии Юань, с уходом которого с юаньской политической арены падение власти монголов в Китае стало вопросом времени. Не будучи в состоянии ничем ответить на кризис в импе-

рии, потрясавший город за городом, когда вслед за городами целые области попадали под власть различных лидеров китайских повстанцев, пиком успехов которых стало взятие ими в 1357 г. Ханчжоу, Тогон-Тэмур все больше погружался в личный мирок комфорта или, точнее, разгула. Его военачальники никак не могли прийти к единому мнению, как выбираться из углубляющегося кризиса, некоторые героически защищали императора до последнего вздоха, но в самом конце даже эти преданные люди не смогли спасти династию Юань от разрушения изнутри (ЮШ цз. 143: 27585[1633]).

К 1367 г. Чжу Юаньчжану, вождю китайских повстанцев, удалось отвоевать Южный Китай и центр страны у монголов: его отряды, к этому времени превратившиеся в мощную, дисциплинированную и многочисленную армию, начали наступление на север и через полгода, в августе 1368 г., окружили и взяли Ханбалык. Растерявшийся Тогон-Тэмур с остатками гвардии, императрицей, сыновьями и свитой бежал на север в свою летнюю столицу Шанду.

Падение Ханбалыка еще не означало окончательной победы над монголами в Китае. В Кайпине по-прежнему функционировал юаньский аппарат управления, еще вполне боеспособными и достаточно многочисленными оставались войска, подчинявшиеся юаньскому двору, поэтому вопрос о власти над Китаем еще нельзя было считать окончательно решенным. В течение года шли ожесточенные сражения на подступах к Шанду, когда юаньские войска пытались переходить в контратаки, сражаясь с отчаянием обреченных. В марте 1369 г. 90 тыс. всадников и пехотинцев Чжу Юаньчжана взяли Шанду, а Тогон-Тэмур бежал в город Инчан, где находился около двух лет. Но он не признал свое поражение и надеялся на реванш и восстановление своей власти над Китаем. В этих условиях Тогон-Тэмур назвал монгольскую правящую династию, к которой принадлежал, Северная Юань. Вероятно, это название появилось в связи с его стремлением восстановить империю Юань в Китае. Последний монгольский император династии Юань, Тогон-Тэмур умер в своей ставке Барс-Хот на территории Монголии в 1379 г., в возрасте 51 года, передав сыну Аюшидари яшмовую императорскую печать и власть над тем, что еще оставалось от Юаньской империи.

Все это было остатками былого величия (ЮШ цз. 39–47: [446]26398–[522]26474). После смерти Аюшидари в 1378 г. реванш и возрождение власти монгольской династии Юань над Китаем стали невозможными. При воцарении на монгольском престоле его преемника Тогус-Тэмур была предпринята попытка вторжения в Китай, когда две крупные группировки монгольских войск у Каракорума и Инчана двинулись на Поднебесную. В ходе ожесточенного сражения монголы потерпели поражение, а Каракорум был сожжен. В 1383 г. китайская армия разгромила ставку Тогус-Тэмур. Таким образом были уничтожены остатки монгольского государства в Китае (Боровкова 1971).

значально являясь лишь одним из улусов обширной Монгольской империи, Золотая Орда со временем сама стала могущественным государством имперского типа. При этом она, с одной стороны, унаследовала определенные традиции империи, из которой выделялась, с другой же — восприняла многие социально-экономические и политические черты стран и народов, вошедших в ее состав. В результате Золотая Орда представляла собой сложное и комплексное социально-историческое и геополитическое явление, характеризующееся значительным своеобразием и самобытностью. Поэтому не случайно в последнее время все чаще ведутся дискуссии о правомерности использования термина «золотоордынская цивилизация» (см., напр.: Крамаровский 2003; Кульпин 2008; Круглый стол 2008; ср.: Крадин, Скрынникова 2006: 45). Тем не менее изучать историю Золотой Орды вне контекста общей истории средневековых тюрко-монгольских общин и государств представляется некорректным и нецелесообразным. Несомненно, она в первую очередь являлась наследницей политико-правовых традиций кочевых империй Евразии, что и предопределило ее развитие.

Краткий исторический очерк

За время существования Золотой Орды (начало XIII в. — 1502 г.) ее статус неоднократно менялся: улус в составе Монгольской империи — независимое государство — государство в составе «конфедерации» (каковой стала «обновленная» Монгольская империя на рубеже XIII–XIV вв.) — вновь самостоятельное государство, каковым она и оставалась до своего падения. Как и большинство государств в мировой истории, Золотая Орда пережила стадии становления,

расцвета, политического кризиса, временного восстановления, распада и окончательного падения. Каждый из этих этапов характеризовался определенными изменениями в политическом устройстве, экономической системе и международном положении государства.

Время образования Золотой Орды и ее границы. О времени образования Золотой Орды (улуса Джучи) в науке до сих пор ведутся споры. Наиболее ранней датой принято считать 1207–1208 гг., когда Джучи, старший сын Чингис-хана, согласно «Сокровенному сказанию», покорил «лесные народы» (в том числе ойратов, киргизов и др.) и получил их земли в управление (Козин 1941: § 239; Сафаргалиев 1996: 293; Кушкumbaев 2009: 83). На наш взгляд, в данном случае речь идет не о выделении Джучи собственного улуса, а лишь о назначении его наместником Чингис-хана в завоеванных областях — аналогично тому, как монгольские военачальники ставились во главе подразделений, состоявших из представителей племен, присоединенных к монголам.

В связи с этим наиболее вероятной датой образования улуса Джучи (именно как Золотой Орды, т.е. автономного подразделения Монгольской империи) нам представляется начало 20-х годов XIII в. Согласно Рашид ад-Дину, уже в 1222 г. Джучи «ушел в свое становище... и улус» (Рашид ад-Дин 1952а: 257). Примерно к этому времени относится выделение улусов и другим сыновьям Чингис-хана в пределах существенно разросшейся Монгольской империи. При этом следует отметить, что Джучи, получив собственный удел (Золотую Орду), стал вскоре и младшим соправителем своего отца, возглавив западное крыло Монгольской империи, в которое помимо Золотой Орды вошел и улус Чагатай. Впрочем, после смерти Джучи главой западного крыла империи стал его следующий по старшинству брат Чагатай (Трепавлов 1993: 77). Таким образом, статус правителя Золотой Орды отнюдь не означал, что его обладатель автоматически приобретал и статус главы западного крыла, соправителя монгольского хана.

Третья из предлагаемых в историографии дат образования Золотой Орды, 1242–1243 гг. (БСЭ 1972: 561; Греков, Якубовский 1998: 51; Чойсамба 2006: 162; Илюшин 2009: 109), на наш взгляд, не может быть принята ни в коей мере. Ни один источник не сообщает о создании в это время нового улуса в составе Монгольской империи или, тем более, о возникновении нового самостоятельного государства. Речь шла всего лишь о корректировке границ уже существовавшего улуса Джучи. Итак, каковы же были границы владений Джучи и его потомков?

Этот вопрос, также вызывающий дискуссии, в значительной степени связан со временем образования Золотой Орды. Так, отталкиваясь от даты 1207–1208 гг., некоторые авторы склонны считать, что восточная граница Золотой Орды простиралась до Саяно-Алтая (Илюшин 2009: 110). Возможно, применительно к ситуации первого десятилетия XIII в. владения Джучи могли включать эти территории. Однако вполне очевидно, что к началу 1220-х годов, когда, как отмечено выше, возник автономный улус Джучи, границы Монгольской империи существенно раздвинулись, и поэтому ничего удивительного в том, что после разделов

20-х годов XIII в. владения Джучи «переместились» далее на запад, а его первоначальный удел перешел под власть Угедэя. По-видимому, окончательно закрепление уделов имело место уже после воцарения Угедэя, т.е. в конце 1220-х годов (Почекаев 2006: 66–67).

Таким образом, в отношении границ Золотой Орды мы в полной мере разделяем позицию В.Л. Егорова: в период ее наивысшего расцвета границы этого государства простирались от степных областей современной Молдавии (а также Венгрии и Болгарии) на западе до Хорезма, Западной Сибири и степей Казахстана на востоке (Егоров 1985: 32–35, 45).

Улус Джучи в составе Монгольской империи. После гибели Джучи (ум. 1227) улус возглавили его сыновья: Орду (ум. ок. 1252), старший сын, встал во главе земель, управлявшихся огланами (царевичами) левого крыла; Бату (ум. 1256) — во главе земель, управлявшихся огланами правого крыла. Считалось, что Чингис-хан назначил преемником отца именно Бату, в связи с чем с этого времени потомки Орды признавали старшинство потомков Бату (Рашид ад-Дин 1960: 66; Утемиш-хаджи 2017: 28–30).

В 1237–1242 гг. монгольские войска под командованием Бату совершили два похода против кыпчаков, Волжской Булгарии и Руси, вторглись в страны Центральной Европы. После этих походов территория улуса Джучи значительно увеличилась и на западе включила Нижнее и Среднее Поволжье, Северный Кавказ, южнорусские степи, Крым, Северное Причерноморье, части Венгрии и Трансильвании, доходя до Дуная. Русские княжества признали вассальную зависимость от ханов Монгольской империи, а часть южнорусских степей непосредственно вошла в состав Золотой Орды. В вассальную зависимость от Джучидов попали также Грузия, Сельджукский султанат, несколько позже — Сербия, а также Видинское и Браничевское княжества (на территории современной Болгарии).

Бату и его преемники остались жить на новоприобретенных землях, сюда же, на Волгу (Едиль, Итиль) они перенесли центр улуса, где основали столицу — г. Сарай (позже назывался Сарай ал-Махрусе, близ современной Астрахани, в археологической литературе именуется Селитренным городищем). Прежде в литературе считалось, что в первой половине XIV в. хан Узбек перенес столицу государства из Сарая в Сарай ал-Джадид (Новый Сарай, близ современного Волгограда). Однако это положение было отвергнуто современными исследователями, которые считают, что обе столицы Джучидов располагались на месте Селитренного городища, а эпитет «ал-Джадид» обозначает лишь новую часть города, возведенную при Узбеке и Джанибеке. В таком случае город на Царевском городище, именовавшийся прежде Сарай ал-Джадид, следует отождествлять с Гюлистаном (Рудаков 1999; 2000).

Отметим, что, хотя перечисленные выше государства признавали своим сюзереном правителя улуса Джучи, сам улус оставался лишь частью империи. Даже когда на монгольский престол в 1251 г. вступил Мунке, пришедший к власти при поддержке Бату и в благодарность за это признавший последнего своим соправителем,

телем в западных улусах Монгольской империи, статус улуса Джучи не изменился: еще преемники Бату — Сартак (1256) и Улагчи (1256–1257/58) назначались правителями по воле великого хана (Почекаев 2006: 251, 309, 310). Таким образом, в 1220–1260-е годы улус Джучи являлся не самостоятельным государством, а уделом Монгольской империи.

Провозглашение самостоятельности. Первым правителем улуса Джучи, пришедшим к власти без одобрения великого хана, стал Берке, брат Бату (1257/1258–1266). Воспользовавшись смутой в Монгольской империи, начавшейся после смерти Мунке (1259), и борьбой за трон между Ариг-Бугой и Хубилаем, Берке фактически перестал подчиняться Каракоруму и повел самостоятельную политику: воевал с Хулагуидским Ираном, установил дипломатические отношения с Египтом и Византией. Тем не менее ханского титула он, по-видимому, не принял, поскольку в трудах историков XIII — начала XIV в. фигурирует как «Берке-огул» (СМИЗО 2006: 162). Берке стал первым правителем улуса Джучи, официально принявшим ислам, но это не повлекло обращения в ислам всего населения улуса.

Впервые ханский титул принял преемник Берке — Менгу-Тимур, внук Бату (1266–1280), на что указывает выдача им уже в 1267 г. ярлыка русской церкви (правом выдачи ярлыков обладали только ханы). На курултае в Таласе в 1269 г., где правители уделов Джучи, Чагатай и Угедэя провозгласили свою независимость от великого хана, ханский титул Менгу-Тимура получил официальное закрепление, на что указывает также чеканка им монеты от своего имени с начала 1270-х годов (Почекаев 2012: 61–63).

В правление ханов Туда-Менгу (1280–1287) и Тула-Буга (1287–1290) начинается возвышение Ногая, одного из крупных военачальников правого крыла, занявшего при этих ханах пост бекляри-бека. Оба хана были возведены на трон при прямой поддержке Ногая, но впоследствии им же и свергнуты. Новый ставленник Ногая — хан Токта (1291–1312) выступил против бекляри-бека, но это едва не привело к расколу государства на две части. Еще в 70-е годы XIII в. Ногай встал во главе фактически самостоятельного государства в Причерноморье, а около 1296 г. предъявил претензии на ханский трон (Хейвуд 2001), причем его поддержала значительная часть населения правого крыла улуса Джучи, благодаря чему он сумел поначалу нанести поражение Токте. Тем не менее к 1299 г. Токта одержал полную победу, а Ногай был убит. К 1301 г. хан сумел покончить и с мятежами потомков Ногая, вновь установив власть над всем улусом Джучи. Правда, в результате этой смуты ханам Золотой Орды пришлось смириться с тем, что их бывшие вассалы на Балканах — Сербия и Болгария — провозгласили свою независимость (Хара-Даван 1996: 250).

Сумев сосредоточить в своих руках всю полноту власти, Токта занялся реформами: он постарался реорганизовать систему управления и провести унификацию выпускавшейся в стране монеты. Однако главным достижением этого хана следует признать его роль в восстановлении Монгольской империи — правда, уже на уровне конфедерации независимых государств.

Золотая Орда в составе «обновленной» Монгольской империи.

На рубеже XIII–XIV вв. правители ряда улусов Монгольской империи, окончательно распавшейся к этому времени, пришли к мысли о необходимости восстановления былого единства — прежде всего в интересах развития торговли и повышения международного престижа ханов-Чингисидов. Активную роль в этом процессе играл хан Токта, которому в период борьбы с Ногаем было очень важно иметь дружеские отношения с другими улусами империи, чтобы предотвратить их вмешательство в ордынскую междоусобицу.

К началу XIV в. Тэмур, император (1294–1307) монгольской династии Юань в Китае, Токта, хан Золотой Орды, и Газан, ильхан Ирана (1295–1304), провозгласили воссоздание Монгольской империи под номинальным верховенством каана Тэмюра, который также становился верховным арбитром в разрешении споров между владельцами отдельных улусов. Правители улусов Чагатай и Угедэя поначалу не желали возвращения под власть великих ханов (пусть даже и номинальную), но в 1302–1303 гг. Токта и Баян (потомок Орду, старшего сына Джучи, правитель левого крыла Золотой Орды) в союзе с кааном Тэмуром начали войну против них, и местным правителям Дуве и Чапару пришлось согласиться на восстановление империи. В 1305 г. новый ильхан Ирана Олджайту (1304–1316) отправил французскому королю Филиппу IV Красивому послание, в котором сообщал о воссоединении потомков Чингис-хана, правителей четырех улусов, под властью великого хана (Козин 1935: 648).

Однако уже в том же, 1305 г. новоявленные союзники начали междоусобную войну, причем верховный арбитр, император Юань, не только не мог примирить их, но вскоре и сам вступил в борьбу с Чагатайским улусом. Тем не менее номинальное единство продолжало сохраняться вплоть до 1350-х годов. Золотоордынские правители получили в управление несколько областей в Китае, доходы с которых отчислялись в их пользу еще в период правления ханов Узбека (1313–1341) и Джанибека (1342–1357) (Кычанов 2002: 32; Почекаев 2015: 22–23). Окончательно положили конец политическим связям Золотой Орды с империей Юань антимоногальское восстание в Китае 1350–1360-х годов и смута в улусе Джучи 1360–1370-х годов.

Расцвет Золотой Орды. Формально находясь в составе Монгольской империи, Золотая Орда фактически продолжала оставаться самостоятельным государством. В результате реформ, начатых Токтой и продолженных его преемником Узбеком, в Золотой Орде окончательно сложилась система управления, в которой органично сочетались кочевые обычаи, традиции оседлого населения, наследие монгольского государства и институты мусульманского общества.

К 1320 г. хан Узбек, пришедший к власти при поддержке мусульманского духовенства и купечества, настолько усилил свои позиции, что сумел провозгласить ислам государственной религией Золотой Орды. Это позволило ему, с одной стороны, обеспечить себе поддержку многочисленного населения таких регионов Золотой Орды, как Поволжье и Хорезм, с другой — дало повод для расправы с другими претендентами на трон и влиятельными племенными предводителями

(СМИЗО 2006: 277–278). В результате хану удалось создать централизованную систему власти, существенно урезав права и привилегии владетельных Чингисидов и племенной аристократии.

В течение всего своего правления Узбек вел многочисленные завоевательные войны в Иране, на Балканах и в Средней Азии. Однако большинство его кампаний оказались неудачными, и никаких новых территориальных приобретений в его правление сделано не было. Русско-ордынские отношения в период правления Узбека можно с наибольшим основанием охарактеризовать как эпоху «ордынского ига»: этот хан по своему усмотрению возводил на престол и свергал великих князей, больше, чем другие ордынские правители, казнил русских князей в своей ставке и многократно направлял на Русь карательные рейды. Однако и на этом направлении он не добился значительных успехов: в 1320 г. вассальные ему Киевское и Волынское княжества перешли под власть Литвы, в 1339 г. власть литовского князя признал Смоленск, а в 1340 г. также и Галич (Почекаев 2012: 121). Тем не менее время правления Узбека традиционно считается эпохой наивысшего расцвета Золотой Орды — во многом благодаря хвалебным отзывам об этом хане мусульманских (арабских и персидских) средневековых авторов, в глазах которых хан являлся прежде всего ревностным мусульманином.

В правление Джанибека, наследника Узбека, Золотая Орда все еще оставалась сильным и могущественным государством. Джанибеку удалось присоединить Азербайджан (за обладание которым сражались его предшественники, начиная с Берке), укрепить свою власть в Крыму, победив генуэзцев Кафы, усилить контроль над русскими княжествами. Однако подобная преобразовательная и завоевательная деятельность Узбека и Джанибека привела к усилению влияния владетельных Джучидов и племенных вождей, на которых опирался хан.

Период смуты. Уже в правление Джанибека, несмотря на внешнее спокойствие, наместились первые признаки ослабления центральной власти. При Бердибеке (1357–1359), сыне и преемнике Джанибека, в улусе Джучи началась смута, длившаяся более 20 лет и известная в русских летописях под названием «Великая замятня» (1358–1380). На трон предъявили претензии представители трех ветвей Джучидов — потомки Бату, Шибана и Тукай-Тимура; более того, по мнению ряда исследователей, за золотоордынский трон в это время боролись также и потомки Орду, старшего сына Джучи (Григорьев 2004: 204–205). За время смуты на троне сменилось более 20 ханов, причем некоторые из них правили одновременно, распространяя свою власть лишь на отдельные области улуса Джучи. Впрочем, подобное явление еще не означало распада государства: каждый из ханов претендовал на власть над всем улусом и стремился подчинить себе всю его территорию.

Влияние племенной тюрко-монгольской знати в этот период достигло своего апогея: отдельные вожди и правители областей (Пулад-Тимур, Тагай, Черкес) провозглашали себя самостоятельными правителями в своих владениях, чеканили собственные монеты и даже соперничали за власть с потомками Чингис-хана

(Гончаров 1997: 184; Мухамадиев 2005: 151–152). Другие племенные вожди, не осмеливаясь на столь явное попрание традиций, поддерживали различных потомков Джучи — законных претендентов на трон.

Наиболее значительной фигурой эпохи «Великой замятни» был темник Мамай, в 1362–1380 гг. контролировавший все владения улуса Джучи к западу от Волги и являвшийся бекляри-беком нескольких ханов. Большинство средневековых хронистов и современных исследователей склонны видеть в Мамае сепаратиста и едва ли не узурпатора власти. При этом упускается из виду, что Мамай, в отличие от других племенных вождей, в течение всей своей жизни поддерживал представителей одной и той же ветви Джучидов, по-видимому, наиболее законной — потомков Бату. На фоне череды ханов, сменявших друг друга в Сарае каждый год, а иногда и каждые несколько месяцев, правление ставленников Мамае — Абдаллаха (1362–1369) и Мухаммад-Булака (1370–1380) выглядит весьма продолжительным. Власть этих ханов признавалась во многих областях, поэтому неудивительно, что до 80% обнаруженных археологами джучидских монет этого времени принадлежит ставленникам Мамае (Пономарев 2002: 64; Федоров-Давыдов 2003: 76–111).

В 1372–1373 и 1374–1375 гг. Золотая Орда едва не была объединена под властью Урус-хана, главы Синей Орды — левого крыла улуса Джучи. Однако западные степи продолжали находиться под контролем Мамае, а вскоре Урусу пришлось вернуться на восток для противостояния своему сопернику Токтамышу (Тохтамышу) и его союзнику — чагатайскому эмиру Тимуру (Ускенбай 2008: 113–118).

Опытный политик, Мамай, в свою очередь, не сумел противостоять одновременно восточным Джучидам, русским князьям и итальянским колониям, сопротивлявшимся его власти в Крыму. Для сохранения контроля над Золотой Ордой Мамай пытался вовлечь во внутреннюю борьбу иностранных союзников — Геную, Великое княжество Литовское, племена Северного Кавказа, но это ему не помогло. В сентябре 1380 г. Мамай потерпел поражение от русских на Куликовом поле, а в ноябре того же года вновь собранная им армия изменила ему, признав законным ханом Токтамыша, нового правителя Синей Орды. Мамай бежал в Крым, надеясь найти защиту у генуэзцев, но был убит: по одним сведениям, генуэзцами, по другим — людьми Токтамыша (Почекаев 2010а: 95–96).

Период временного объединения Золотой Орды. Токтамыш (1379–1395) стал последним ханом, сумевшим объединить под своей властью всю территорию улуса Джучи. Именно в правление Токтамыша в русских летописях впервые вводится в употребление название «Большая Орда», отражающее, видимо, объединение всех земель Джучидов под единой властью. Но, восстановив контроль над территориями, принадлежавшими его предшественникам, Токтамыш пожелал установить власть и над теми областями, на которые прежде, еще до смуты, претендовали ордынские ханы. Поэтому, едва укрепив свою власть внутри страны, он тут же предпринял походы с целью присоединения Азербайджана и Хорезма, в результате чего вступил в конфликт со своим бывшим покровителем и союзником — эмиром Тимуром, при поддержке которого сам же и пришел к власти (Миргалеев 2003: 101–106).

О правлении Токтамыша нам известно из русских летописей, а также восточных исторических сочинений. Поскольку русские летописцы не могли простить этому хану сожжения Москвы в 1382 г., а персоязычные хронисты Мавераннахра и Хорасана были приверженцами Тимура и его потомков, то Токтамыш охарактеризован в их трудах весьма негативно. Неудивительно, что в их трактовке он предстает неудачливым полководцем, неблагодарным ставленником Тимура, обратившим оружие против своего благодетеля и заслуженно им наказанным. Такая характеристика не совсем оправдана. Прежде всего, Токтамыш был опытным политиком — ведь именно ему удалось объединить под своей властью противоборствующих царевичей и эмиров улуса Джучи. Не подлежат сомнению и дипломатические таланты хана: он сумел упорядочить отношения с Русью и Литвой (которая оставалась его союзником даже после утраты им трона), создал мощный союз против Тимура, в который вошли египетский султан Баркук, кашгарский эмир Камар ад-Дин и хан Могулистана Хызр-ходжа. Конечно, Токтамыш не обладал полководческим гением своего предка Чингис-хана, однако он смог военным путем захватить власть у более сильных противников, затем в течение ряда лет успешно противостоял войскам Тимура и, наконец, не менее успешно сражался с мятежными эмирами в собственном ханстве. У него было много противников, но главный из них, Тимур, оказался опытнее, что и предопределило конец Токтамыша. В 1390-х годах Тимур предпринял два опустошительных похода против Золотой Орды, в ходе которых разгромил Токтамыша на Кондурче в 1391 г. и на Терке в 1395 г. В результате второго разгрома Токтамыш лишился трона, а улус Джучи подвергся страшному разорению (Греков, Якубовский 1998: 270–274; Миргалеев 2003: 133–135). Однако Токтамыш продолжал борьбу за трон, пока не погиб в 1406 г. в борьбе со своим бывшим приближенным — мангытским беком Идигу (в русских источниках — Едигей).

С именем Идигу связана последняя попытка вернуть Золотой Орде былое могущество. После разгрома Токтамыша Тимуром Идигу стал бекляри-беком и постепенно захватил власть в большей части улуса Джучи, на трон которого возводил ханов-марионеток Тимур-Кутлуга (1395–1399), Шадибека (1399–1408) и Пулада (1408–1411). Однако окончательно собрать прежний улус под своей властью Идигу и его ставленникам не удалось: в течение его пребывания у власти (1395–1419) с ним воевали Токтамыш и его сыновья, а периодически против него выступали его же ставленники, привлекая к борьбе русских и литовских князей. Идигу до последних дней продолжал играть значительную роль в политике Золотой Орды, подобно Мамаю вовлекая во внутренние смуты иностранные силы — сначала Тимура, позже Литву (Трепавлов 2001: 79–81).

Неудача Идигу в его попытках установить контроль над улусом Джучи объясняется не столько отсутствием у него талантов политика и полководца, сколько общеполитической ситуацией как внутри самого улуса, так и за его пределами. Так, внутри страны многочисленные претенденты на трон были вынуждены опираться на племенную знать, во многом завися от нее, и это сильно подрывало авторитет ханской власти. Прежние вассальные владения (русские княжества,

кавказские государства) усиливали свои позиции по мере ослабления Золотой Орды и уже не желали, как прежде, подчиняться и платить дань своим прежним сюзеренам.

Распад Золотой Орды. Вскоре после смерти Идигу (он погиб в бою с одним из сыновей Токтамыша в 1419 г.) начался окончательный распад улуса Джучи. В 1420–1430-х годах в Сибири потомки Шибана провозгласили себя правителями Тюменского юрта, в Сарае воцарился Улуг-Мухаммад, в Хаджи-Тархане — Кучук-Мухаммад, в южнорусских степях — Сайид-Ахмад. Каждый из них претендовал на верховную власть, но фактически являлся правителем самостоятельного государства. При этом даже сыновья Идигу поддерживали соперничавших между собой ханов: Науруз — Улуг-Мухаммада, а Мансур и Гази — Кучук-Мухаммада (Трепавлов 2001: 94). На короткое время Барак, внук Урус-хана, смог разбить основных конкурентов в борьбе за власть, объединить под своей властью весь Восточный Дешт-и Кыпчак, захватить города Поволжья и даже продвинуться в южнорусские степи, однако вскоре был вытеснен обратно на восток и вскоре пал от рук мангытских биев (ПСРЛ 1949: 245; СМИЗО 2006: 373–378; Трепавлов 2001: 94).

Очевидно, последним собственно «золотоордынским» правителем следует считать Улуг-Мухаммада, после которого на территории Золотой Орды возникли Казанское и Крымское, а затем Астраханское и Сибирское ханства. На востоке власть окончательно захватили Шибаниды во главе с Абу-л-Хайр-ханом, а в конце 1450-х — первой половине 1460-х годов Джанибек и Гирей, потомки Урус-хана, отколовшись от Абу-л-Хайра, положили начало Казахскому ханству (Султанов 2006: 253–262). Все эти государственные образования были наследниками некогда могущественной державы Джучидов. Собственно же золотоордынские ханы, номинально считавшиеся верховными правителями, сохранили под своей властью только регионы Среднего Поволжья и южнорусские степи, гордо именуя эти владения «Тахт-Эли», т.е. «престольное владение» (Григорьев 1987: 47).

В 1480 г. хан Ахмад, пытавшийся восстановить свою власть над Хорезмом и Крымом, потерпел поражение от своих бывших русских вассалов (знаменитое «стояние на Угре»), а годом позже был убит. В течение следующих двух десятилетий его многочисленные сыновья боролись за власть и господство над Дешт-и Кыпчаком, но безуспешно. В 1502 г. Шейх-Ахмад, сын Ахмада, был разгромлен крымским ханом Менгли-Гиреем, и эту дату в историографии принято считать официальным концом Золотой Орды (Зайцев 2004: 99–103)¹.

¹ Конечно, нельзя не отметить некоторую условность этой даты: попытки реставрации Золотой Орды продолжались вплоть до середины XVI в., да и ее осколки (Казанское, Астраханское и в особенности Крымское ханства) в течение длительного времени претендовали на ее наследие, включая сюзеренитет и право получения дани с бывших вассалов Золотой Орды. Некоторые исследователи настаивают на том, что Золотая Орда в 1502 г. всего лишь «перекочевала» в Крым, сохранив все прежние традиции, геополитическое положение и международный статус (Collins 1991).

Особенности социально-экономического устройства

Социальная структура и экономический строй Золотой Орды неоднократно становились предметом исследования специалистов. Однако большинство этих исследований относятся к 1940–1970-м годам, и с тех пор выводы специалистов практически не пересматривались. Между тем открытие новых источников и изучение смежных аспектов золотоордынской истории позволяют критически проанализировать устоявшиеся концепции и внести в них ряд уточнений.

Говоря о социальной стратификации золотоордынского общества, стоит сразу же отметить очень четкое различие по своему положению, правам и обязанностям представителей «завоевателей», т.е. тюрко-монгольских племен, пришедших с Джучидами на запад и участвовавших в основании Золотой Орды, и «завоеванных» — местного населения, проживавшего на территории областей, вошедших в состав улуса Джучи. Особым статусом обладали правители и население вассальных государств.

На вершине социальной иерархии стояли члены правящего рода Джучидов — *ханы, их братья и сыновья, а также супруги и дочери, равно как и «зятья»*, т.е. мужья ханских дочерей. На начальном этапе истории Золотой Орды (до реформ Токты и Узбека в первой четверти XIV в.) семейство Джучидов формировало своего рода семейный совет, неформально, но фактически являвшийся высшим органом власти в государстве, — так же, как это было в Монгольской империи. Однако со временем наиболее влиятельные родственники ханов, злоупотребляя своим положением, стали претендовать на властные prerogatives самих ханов. Например, трое младших родственников хана Тула-Буги (его родной брат и два двоюродных) фактически заставили его поделить с ними ханскую власть и, согласно Рашид ад-Дину, «совместно царствовали пять лет» (Рашид ад-Дин 1960: 83). Нельзя не вспомнить и о претензиях на ханский титул могущественного временщика Ногай, также провозгласившего себя «ака», т.е. старейшиной рода Джучидов (Рашид ад-Дин 1960: 83; Веселовский 1922: 54; Хейвуд 2001). Своеобразным ответом на подобные действия стали репрессии, развернутые ханом Токтой и в еще большей степени — его преемником Узбеком против влиятельных Джучидов. Кульминацией этих действий ханов стала расправа Узбека более чем со 120 Джучидами под предлогом борьбы за установление ислама в качестве государственной религии (СМИЗО 2006: 278); не приходится сомневаться, что на самом деле Узбек уничтожал именно соперников в борьбе за верховную власть в Золотой Орде.

В результате ко второй четверти XIV в. семейный совет в Золотой Орде фактически прекратил свое существование, и на политическую арену время от времени выходили лишь наиболее влиятельные члены рода Джучидов. К таковым относятся, например, ханша Тайдула в середине XIV в. или некоторые влиятельные ханские братья в конце XIV — XV в., которых ханы были вынуждены признавать соправителями или назначать своими наследниками — калга-султанами (Григорьев 1985: 178; Трепавлов 2001: 150).

Положение ханских зятьев, или «гургенов», в Золотой Орде имело определенные особенности по сравнению с Монгольской империей и другими государствами Чингисидов. Ряд золотоордынских сановников упоминаются с титулом «гурген» — таковы, например, Салджидай-гурген и Иса-гурген, занимавшие пост бекляри-бека при Токте и Узбеке соответственно (Рашид ад-Дин 1960: 84; СМИЗО 2005: 247). Однако другие влиятельные ордынские сановники, также женатые на ханских дочерях, не имели этого титула — например, знаменитые золотоордынские временщики Мамай, занимавший пост бекляри-бека и обладавший высоким титулом «титям», и Идигу, также занимавший пост бекляри-бека (Почекаев 2010: 60; 2012: 344). В связи с этим есть основания полагать, что титул «гурген» не получил в государстве Джучидов столь широкого распространения, как в Монгольской империи и других ее улусах, и необязательно влек за собой получение высокого поста в государственной иерархии. Соответственно, влиятельные племенные предводители, сначала сделавшие карьеру и лишь потом (как следствие) женившиеся на ханских дочерях, титулом «гурген» предпочитали не пользоваться.

В связи с этим можно выделить в отдельную и очень влиятельную в Золотой Орде аристократическую прослойку *предводителей тюрко-монгольских племен*, участвовавших в завоевании ее будущих территорий и получивших во владение улусы, которые, как уже упоминалось, не входили в «десятичную» административную систему. Именно из числа этих вождей и их родственников выходили высшие государственные — преимущественно военные — сановники (бекляри-беки, темники и др.). При этом их назначение во многом зависело от того, насколько большим влиянием пользовались в Золотой Орде в тот или иной период те или иные племена (Исхаков, Измаилов 2007). Например, на раннем этапе ее истории у власти находилось племя кунграт, из числа которого вышло немало иных сановников, в том числе и бекляри-беков. С начала XIV в. происходит рост могущества племени кият, ряд представителей которого занимали пост наместников Крымского тюмена, Исатай (Иса, Астай) был назначен ханом Узбеком наместником левого крыла Золотой Орды, а внук Исатая, Мамай, добился поста бекляри-бека, который сохранял около 20 лет. С конца XIV в. наиболее могущественным золотоордынским кланом становятся мангыты; основатель этого клана, Идигу, стал бекляри-беком при хане Тимур-Кутлуге в 90-х годах XIV в., а после смерти Идигу в 1419 г. этот пост занимали его многочисленные сыновья, еще более многочисленные внуки и даже дальние потомки. Отметим, что мангытские (ногайские) эмиры неоднократно становились бекляри-беками не только в Золотой Орде, но и в государствах, ставших ее правопреемниками, — Крымском ханстве, Тюменском юрте (будущем Сибирском ханстве), Астраханском ханстве и др. (Трепавлов 2001).

Некоторые члены ханского рода и племенные вожди не ограничивались просто получением доходов со своих владений: они состояли на ханской службе в качестве высших сановников или военачальников. Вероятно, именно они в русских переводах ханских ярлыков именуются «ордынскими» и «полечными» князья-

ми (Беляев 1850: 101). При этом «ордынские» князья (в тюркских источниках — «ордабеги»), по-видимому, могли находиться при ханской ставке (не исключено, что именно они впоследствии составляли совет карачи-беев), «полечные» же князья осуществляли административные функции в регионах в качестве даруг или темников (Почекаев 2009: 100).

Г.А. Федоров-Давыдов в свое время писал о «срастании» тюрко-монгольской знати с местной аристократией оседлых регионов Золотой Орды (Федоров-Давыдов 1973: 82–83). Однако это утверждение историка в свете новейших исследований нуждается в критическом пересмотре. Во-первых, никакой местной аристократии в улусе Джучи не было, поскольку представители правящих династий и крупные землевладельцы были уничтожены еще к середине XIII в. в процессе монгольского завоевания и последующего подавления ряда восстаний. Никаких иллюзий по этому поводу не имел уже папский посланец Иоанн де Плано Карпини, писавший в 1246–1247 гг., что монголы «людей благородных и почтенных не щадят никогда» и что «их замысел заключается в том, чтобы им одним господствовать на земле, поэтому они выискивают случаи против знатных лиц, чтобы убить их» (Плано Карпини 1997: 57, 59). Кроме того, Д.М. Исхаков и И.Л. Измайлов сумели показать, что тюрко-монгольские кланы, находившиеся у власти, весьма четко дистанцировались не только от других слоев общества, но и друг от друга, формируя самостоятельные династии сановников. Источники, освещающие историю Золотой Орды в различные периоды от первой половины XIII до начала XVI в., упоминают влиятельных джучидских царедворцев, сановников и военачальников не только с именами и должностями, но и с указанием племенной принадлежности: Хушидай Байху (т.е. Байху из рода хушин), Астай кият и Алатай сиджиут, Идигу мангыт, Текне ширин и др. (Рашид ад-Дин 1952а: 274; Утемиш-хаджи 2017: 41; Исхаков, Измайлов 2007).

Совершенно особое место в социальной структуре Золотой Орды занимало *чиновничество*, составлявшее канцелярии ханов и областных правителей. Чаще всего чиновниками становились выходцы из стран и регионов с развитой бюрократической культурой, поэтому наибольшее число чиновников составляли персы, арабы, хорезмийцы и уйгуры. Таким образом, чиновники являлись обособленной частью общества не только из-за выполняемых ими обязанностей, но и из-за своего национального происхождения, являясь «чужими» в Дешт-и Кипчаке. И если персы, арабы, уроженцы Хорезма еще могли интегрироваться в социальную жизнь Золотой Орды, будучи, как и значительная часть ее населения (особенно после реформ Узбека), мусульманами, то буддисты-уйгуры на протяжении всей истории этого государства оставались узкой и изолированной группой. Тем не менее и они в течение длительного времени сохраняли свое влияние. Например, им оказывал покровительство хан Токта (СМИЗО 2005: 143, 205). Узбек в процессе становления своей власти уничтожил многих чиновников, бывших, вероятно, сторонниками его конкурентов в борьбе за трон и к тому же противниками ислама, однако в дальнейшем в документах в качестве писцов по-прежнему фигурируют не только мусульмане-катибы, но и уйгуры-бахши (Григорьев, Григорьев

2002: 74, 121). Определенное число погребений Золотой Орды, даже датируемых XV в., имеет явно выраженные буддийские черты (Костюков 2009) — не исключено, что эти могилы могли принадлежать уйгурским чиновникам и членам их семей.

Представители низших слоев, *кочевники и земледельцы*, а также выходцы из «покоренных» народов и племен, как правило, не могли рассчитывать на значительную карьеру в Золотой Орде и имели шанс достичь лишь низших командных должностей в военной и гражданской администрации Джучидов². Таким образом, вертикальная социальная мобильность, позволявшая выходцам из низов или из покоренных народов достигать высот власти в империи Чингис-хана и его ближайших преемников, в Золотой Орде отсутствовала. Представители покоренного (как кочевого, так и оседлого) населения являлись плательщиками налогов и сборов, а также несли разнообразные повинности. При этом оседлое и кочевое население различалось по составу налогов, которые они были обязаны выплачивать: ряд налогов взимался только с кочевого населения, ряд — только с оседлого. Например, к числу налогов с кочевников относился копчур (налог со скота), с оседлого населения взимались тагар (налог с урожая) и «поплужное» (встречается в русских переводах ханских ярлыков, тюркский аналог неизвестен) (Почекаев 2009: 112–113).

Кроме кочевников и земледельцев в Золотой Орде существовала несколько меньшая прослойка *ремесленников*. Золотоордынские правители, заинтересованные в развитии собственного ремесла, вкладывали средства в создание государственных мастерских — «кархане», причем не только в Золотой Орде, но и в других чингисидских государствах. Например, Берке, помирившись с иранским правителем Абагой, предпринял попытку создать в Тебризе собственные ремесленные мастерские, доход с которых поступал бы в его казну (СМИЗО 2005: 177–178). В отношении своих ремесленников золотоордынские ханы проводили политику, которую сегодня принято характеризовать как протекционистскую. Так, согласно ярлыку хана Джанибека 1342 г., покупатели невыделанных шкур должны были уплачивать налог на них в размере до 50% от стоимости — тем самым хан старался защитить собственное кожевенное производство, являвшееся одним из наиболее развитых направлений ремесла в Золотой Орде (Григорьев, Григорьев 2002: 73).

Отдельную социальную группу составляло золотоордынское *купечество*, при характеристике которого целесообразно обратить внимание на некоторые черты его статуса. Во-первых, зачастую золотоордынские купцы не являлись подданными ханов Золотой Орды, что, однако, не мешало вести им дела в ордынских городах и областях, а порой даже становиться доверенными лицами ханов, как, например, венецианское семейство Поло, выполнявшее поручения Берке, или марокканец Ибн Баттута, осуществивший ряд миссий по воле хана Узбека (Марко Поло 1997: 193; СМИЗО 2005: 227–228). Во-вторых, купцы, являясь частными лицами, нередко пользовались значительными привилегиями, которые обычно

² Источники упоминают о каком-то русском «тысячнике» войск Токты, убившем в бою Ногаю (СМИЗО 2005: 103), однако это стоит отнести скорее к исключениям, чем к правилу.

полагались государственным служащим. Так, до середины XIII в. купцы имели право на охрану и пользование ямскими станциями; лишь монгольский хан Мунке, придя к власти в 1251 г., пресек эту практику, и с этого времени торговцы могли менять лошадей и нанимать охрану лишь за деньги. Наиболее близкие к ханскому двору купцы могли быть включены в состав ордынских дипломатических миссий в другие государства и использовали дипломатический статус для ведения своих частных торговых операций. Наконец, зачастую золотоордынские ханы сами являлись компаньонами купцов, вкладывая значительные средства в их торговые операции. Такие товарищества, «уртаки»/«ортаки», пользовались значительными льготами и правами и порой играли важную роль даже в государственной политике (Почекаев 2015: 130–146).

Считаем необходимым сказать несколько слов о сословии *тарханов* — лиц, полностью или частично освобожденных от уплаты налогов и сборов, несения повинностей и обладавших также определенным судебным иммунитетом (Шапшал 1953: 308–311). Нельзя согласиться с мнением исследователей, полагавших, что тарханы являлись представителями родовой или военной аристократической верхушки золотоордынского общества (см., напр.: Исаев 1996: 27; Кушкumbaев 2008: 45). Тарханство означало прежде всего освобождение от налогов и повинностей (Федоров-Давыдов 1973: 52–53), а аристократия и так была освобождена от них³. Именно поэтому тарханами становились представители тех социальных слоев и групп, которые в целом должны были эти повинности нести⁴. Иногда тарханами могли стать не только определенные лица и их семейства, но и целые социальные группы (чаще всего духовенство), а также представители отдельных племен или жители конкретных населенных пунктов: например, хан Токтамыш в 1380/81 г. пожаловал тарханство племени шураколь, а один из первых крымских ханов, Менгли-Гирей, — городу Кырк-Еру (Чуфут-Кале) (Григорьев, Ярцов 1844: 4; Vasary 1982). Поскольку налоги и повинности в Золотой Орде были весьма многочисленными, равно как и поводы для их введения и взимания, они тяжким бременем ложились на податные сословия. Неудивительно, что пожалование тарханства являлось весьма значительной наградой для его получателей.

Особым статусом обладали *правители и население вассальных государств* Золотой Орды, в число которых в разное время входили Сельджукский султанат

³ Следует отметить, что любые нарушения податного иммунитета высшей знати привлекали внимание историков. Так, хивинский историк середины XVI в. Утемиш-хаджи с негодованием описывает, что Тенгиз-Буга, наместник хана в левом крыле Золотой Орды, заставил местных царевичей-Джучидов нести повинность по строительству мавзолея для своего отца. При этом, в трактовке историка, Джучиды лично работали над его строительством! (Утемиш-хаджи 2017: 48.)

⁴ Только со временем отдельные роды тарханов приобрели значительное влияние и статус высших сановников в государствах Чингисидов. Примером тому являются тарханы в государстве Тимуридов, кичившиеся тем, что их предок Кишлик получил тарханство от самого Чингис-хана. Роль этих тарханов была весьма значительна: одни из них практически самовластно управляли Бухарой, другие — Туркестаном, третьи же, самаркандские, были настолько могущественны, что имели возможность возводить на трон и свергать потомков Тимура (Бабур 1992: 47–48; Казаков 1984: 106–107).

и Грузинское царство, русские княжества, Болгария, Сербия и ряд других балканских государств. В отличие от населения областей, непосредственно вошедших в состав Золотой Орды, эти государства сохранили собственные правящие династии, систему управления и значительную автономию во внутренних делах. Некоторые авторы полагают, что на Руси, например, в ордынский период наряду с древнерусским правом применялось и законодательство Золотой Орды (см., напр.: Жаров 1995), однако подробное исследование этого вопроса позволяет установить, что никакого «правового дуализма» на Руси не было. Юридическую силу на Руси имели лишь ханские ярлыки, регулировавшие взаимоотношения между русскими князьями (и церковью) и золотоордынскими ханами: вопросы выплаты дани и утверждения князей на их столах, подтверждение или отмена льгот и привилегий православной церкви (Почекаев 2009: 176–188).

Вассальные правители, обязанные предоставлять войска для участия в ордынских военных кампаниях, имели возможность лично возглавлять их и осуществлять самостоятельные военные операции, а также право на вознаграждение в соответствии с ярлыком-договором, который заключался между ханом-сюзереном и вассалом в каждом конкретном случае привлечения вассальных войск. Один из наиболее известных примеров подобного военного сотрудничества — участие русских князей со своими войсками в войне хана Менгу-Тимура с аланами и взятие ими «города Деякова», за что хан по итогам похода их богато одарил (ПСРЛ 1949: 152).

Таким образом, население вассальных государств юридически не находилось напрямую в подданстве золотоордынских ханов. Причитающиеся с него выплаты (дани, специальные налоги и сборы и пр.) либо собирались местными династиями, которые и доставляли деньги в Золотую Орду, либо взимались ордынскими послами при проезде через соответствующие территории вассальных государств (Почекаев 2009: 120–121, 200–201).

Вопрос о *рабах* в Золотой Орде рассматривали многие специалисты (Греков, Якубовский 1998: 91–92; Ахмедов 1965: 84–85; Федоров-Давыдов 1973: 36–39; Полубояринова 1978: 34–40). Обобщая их выводы, отметим, что рабы в державе Джучидов были, но не из числа подданных золотоордынского хана. Более того, существовал запрет на обращение в рабство подданных Джучидов, за нарушение которого ханы сурово наказывали: так, хан Токта совершил карательный рейд против гнузцев Кафы, а его преемник Узбек — против северокавказских горцев, которые продавали ордынских подданных на Восток (СМИЗО 2005: 108, 131–132, 308, 171). Поэтому рабы в Золотой Орде чаще всего были либо привозные из других стран, либо захваченные в плен во время ордынских набегов или же проданные за долги. При этом зачастую дети рабов уже становились свободными людьми, получали земельный выдел и приобретали статус уртачки или сабанчи. Таким образом, рабы в Золотой Орде не являлись главной производственной силой и были не столь многочисленны по сравнению с другими социальными группами.

Завершая характеристику различных социальных слоев и групп золотоордынского общества, считаем нужным сказать еще об одной его весьма специфич-

ческой категории — *населении городов и областей, находившихся под двойным подданством*. В качестве примера таковых можно назвать итальянские торговые колонии в Северном Причерноморье и Крыму. Изначально их статус был оформлен с помощью ханских ярлыков, по сути являвшихся международными договорами, и эти поселения — генуэзская Кафа (Феодосия), венецианская Тана (Азов) и другие являлись именно итальянскими факториями на территории Золотой Орды, подчинявшимися своим европейским метрополиям. Однако в конце XIV в. в результате все учащавшихся набегов золотоордынских войск на их владения генуэзцы и венецианцы сочли за лучшее признать себя также и подданными Джучидов. В результате они приобрели двойное подданство, что нашло отражение, в частности, на монетах, чеканенных в этих владениях, — на них присутствовали как гербы итальянских торговых республик, так и тамга золотоордынских ханов (Хромов 2005: 8; Почekaев 2015: 65–72). В итальянских поселениях появились золотоордынские чиновники — тудуны, которые осуществляли общий контроль за жизнью такого города и отвечали также за сбор налогов в пользу золотоордынских ханов. Отметим, что феномен такого двойного подданства нам известен именно применительно к итальянским колониям Причерноморья. Вероятно, это связано с тем, что и Венеция, и Генуя, даже признавая более высокое положение золотоордынского хана на международной арене (Григорьев 1992: 8), все же не являлись его вассалами и поэтому обладали равными с ним правами на владение торговыми поселениями в пределах Золотой Орды. Ни о каких областях или населенных пунктах, находившихся в совместном подданстве Золотой Орды и, например, ее вассальных государств, нам неизвестно.

Особенности политико-административного устройства

Главной особенностью системы власти и управления в Золотой Орде было весьма своеобразное, но при этом органичное сочетание управленческих принципов Монгольской империи (в свою очередь, позаимствованных от более ранних кочевых империй Евразии) и традиций управления, существовавших еще до монгольского завоевания в регионах, вошедших в состав улуса Джучи. Как же это выглядело на практике?

Ханы и центральный аппарат управления. Система органов власти в Золотой Орде изначально копировала общеимперскую властную структуру. Во главе государства стоял хан, избираемый курултаем; центральный аппарат управления составляли наиболее влиятельные сановники и особая группа чиновников-писцов; в областях правили ханские наместники из числа Чингисидов или племенной аристократии. Однако со временем властные структуры Золотой Орды претерпели значительные изменения, в результате чего сходство с имперской системой управления стало значительно меньшим.

Так, если в монгольских степях сохранялась важная роль курултая в принятии ключевых государственно-политических решений и избрании нового хана,

то в Золотой Орде этот институт очень скоро стал «пережитком прошлого», своеобразным анахронизмом, и его роль свелась исключительно к декларативной функции. Ханы-Джучиды лишь изредка собирали курултаи для формального подтверждения своего вступления на престол или придания большей легитимности своим решениям, которые они на этих курултаях объявляли (Федоров-Давыдов 1973: 104; Почекаев 2009: 144–145)⁵. Уже к началу XIV в. курултаи созывались лишь в самых чрезвычайных обстоятельствах (например, курултай был созван по инициативе Баяна, правителя левого крыла Золотой Орды, для восстановления порядка в его владениях) (Рашид ад-Дин 1960: 68), а о созыве курултаев в конце XIV в. вообще остается лишь строить предположения (см., напр.: Почекаев 2012: 218).

Соответственно, ханы имели большую власть, нежели в Монгольской империи, и некоторые из них (Менгу-Тимур, Токта, Узбек и др.) могут быть охарактеризованы как абсолютные монархи. Ханы могли позволить себе не считаться с тюрко-монгольской кочевой аристократией, поскольку опирались на местное мусульманское духовенство и купечество, которые, в свою очередь, обеспечивали монархам поддержку значительной части оседлого населения таких регионов Золотой Орды, как Волжская Булгария, Хорезм, Крым. Естественно, в первую очередь такой поддержкой пользовались ханы, демонстрировавшие ревностную приверженность исламу. Благодаря поддержке оседлого населения ряд ханов сумели провести радикальные политические и экономические реформы, внося существенные изменения в денежное производство, как Токта (Мухамадиев 2005: 120–123), а также в систему государственного управления, как Узбек (Федоров-Давыдов 1973: 89–103; см. также: Утемиш-хаджи 2017: 43, 48).

Однако ханская власть имела и свои пределы, которые в любом случае ограничивались факторами как легитимистского свойства, так и влияния кочевых кланов. Несмотря на то что хан Узбек попытался в 1320–1330-х годах провести политическую реформу и установить прямой порядок наследования ханского трона от отца к сыну, такое нововведение, не характерное для кочевых империй, не прижилось. В Золотой Орде, как и в других государствах Чингисидов, ханская власть не наследовалась в каком-то четко установленном порядке. Исследователи насчитывают не менее пяти-шести оснований для наследования власти, включая завещание предшественников, старшинство, личные качества и пр. (Султанов 2006: 87–101). В связи с этим равные права на трон могли иметь все представители рода Чингис-хана по прямой мужской линии (Султанов 2006: 88; Почекаев 2009: 95–96). В этих условиях представители дома Бату являлись лишь «первыми среди равных» при наследовании трона, и их большая легитимность (по сравнению с другими Джучидами) базировалась на двух основаниях. Первым

⁵ Интересно отметить, что после распада Золотой Орды в ряде государств, вернувшихся к кочевым традициям управления (Узбекское и Казахское ханства, Ногайская Орда), роль курултаев вновь значительно возросла, и на них снова стали избирать, а не просто утверждать, ханов, а также коллегиально принимать важные государственные решения (Ахмедов 1965: 100; Кляшторный, Султанов 2004: 288–290; Трепавлов 2001: 151–152).

был, вероятно, пиетет по отношению к самому Бату как фактическому основателю Золотой Орды⁶, вторым — определенный политический компромисс, поскольку признание одной из ветвей дома Джучи более легитимной должно было предотвратить возможные столкновения многочисленных претендентов на трон, когда он в очередной раз становился вакантным.

К середине XIV в., однако, царевичи из рода Джучидов и влиятельные племенные вожди, недовольные реформами Узбека и деятельностью его преемников (Джанибека и Бердибека), вознамерились отрешить ветвь Бату от власти. Прецедентом могло послужить аналогичное отрешение от власти в Монгольской империи потомков Угедэя, третьего сына Чингис-хана, которые были признаны «недостойными царствования» из-за своих многочисленных преступлений перед Золотым родом (Рашид ад-Дин 1960: 80). В этой обстановке вновь оказалось актуальным право всех потомков Чингис-хана на трон, в результате чего и началась смута («Великая замятня» русских летописей), продлившаяся более двух десятилетий (1358–1380), в ходе которой на ханский титул стали претендовать представители самых разных ветвей Джучидов — потомков его сыновей Бату, Тангута, Шибана, Туга-Тимура, а по мнению некоторых авторов — также и Орду-Ичена (Григорьев 2004: 205; Ускенбай 2002: 90–92).

Таким образом, можно констатировать, что в конечном счете ханы Золотой Орды в своих действиях все же были вынуждены считаться с влиятельными членами ханского рода и могущественными племенными вождями, а это позволяет говорить о значительной преемственности политических традиций Монгольской империи, а также более ранних кочевых государств.

Семейный совет членов ханского рода, влиятельный на раннем этапе истории Золотой Орды, уже к середине XIV в. начинает уступать по значению другому органу центральной власти — совету карачи-беев, т.е. четырех наиболее влиятельных племенных вождей в государстве Джучидов (по мнению некоторых авторов, система карачи-беев начала складываться уже в начале XIV в. (Schamiloğlu 1984). Состав этого совета мог варьироваться в зависимости от того, какие племена и в какой период пользовались наибольшим могуществом. Однако практически всегда наиболее влиятельный из карачи-беев становился бекляри-беком, т.е. фактически премьер-министром и верховным главнокомандующим Золотой Орды.

По мере заимствования мусульманских государственных и правовых традиций в Золотой Орде всё больший вес стали приобретать исламские административные институты. Исследование ханских ярлыков позволяет констатировать, что уже в правление хана Узбека эти институты приобрели официальный статус и органично влились в систему управления Золотой Орды. Соответственно, в центральном аппарате управления важную роль стали играть диваны, возглавляемые писцами-битикчи, которые занимались вопросами финансового управления, внешними сношениями и другими текущими делами. Кроме того, помимо

⁶ На Бату («Саин-хана») и его волю ссылались в своих ярлыках даже ханы поздней Золотой Орды, сами не принадлежавшие к его потомкам (Почекаев 2006: 312).

должности бекляри-бека все большее значение стала приобретать и должность везира, который может быть отождествлен с министром финансов в современной политической системе. Ряд авторов полагают, что везиром (как и бекляри-беком) становился один из наиболее влиятельных племенных вождей — карачи-беев (Григорьев, Григорьев 2002: 129, 208; Schamiloglu 1984: 289). На наш взгляд, это не соответствует действительности: специфика деятельности везира предполагала наличие специальных знаний в области управления, финансов, делопроизводства и пр. (см.: СМИЗО 2005: 186), каковыми чаще всего не обладали представители тюрко-монгольской кочевой знати. Не случайно большинство золотоордынских везиров, упомянутых в источниках, судя по именам, вышли из чиновничества персидского, хорезмийского или болгарского происхождения. И нахождение на должности везира некоего Сарай-Тимура, представителя влиятельного племени кунграт (Григорьев, Григорьев 2002: 128–129), является, скорее, исключением, чем правилом.

Региональная администрация. На уровне регионального управления административное устройство Золотой Орды также сочетало в себе элементы кочевой и оседлой управленческой традиции. Вся территория Золотой Орды (а по некоторым сведениям, и ее вассальных государств) была разделена на тюмены (тумены) — области, каждая из которых в случае войны могла выставить до 10 тыс. воинов. По некоторым сведениям, число тюменов в улусе Джучи доходило до 70 (Вернадский 2000: 224–225). Эти сведения подтверждаются сообщением «Книги о великом хане», составленной в 1320-х годах неизвестным автором: «Так, когда император Узбек имел войну с императором Буссая (персидским ильханом Абу Саидом. — *Авт.*) и намеревался сражаться с ним, он вывел на поле боя семьсот семь тысяч всадников без каких-либо тяжелых последствий для своей империи» (La Livre 1830: 59). Несомненно, автор «Книги» имел в виду не реальное число воинов, участвовавших в кампании, а максимальное количество воинов, которых Узбек мог собрать с подвластных ему областей-тюменов.

Тюмены возглавлялись даругами или баскаками. Ранее в историографии считалось, что эти термины обозначали различных представителей ордынской администрации (см., напр.: Березин 1864: 70–71; Греков, Якубовский 1998: 100–101), однако более убедительным представляется мнение В.В. Бартольда и А.П. Григорьева о том, что это обозначения одной и той же должности, имеющие монгольское и тюркское происхождение соответственно (см. подробнее: Почекаев 2009: 105). В актовом материале Золотой Орды упоминаются просто даруги, даруги-князья, даруги внутренних городов и селений (Березин 1864: 67–68; Григорьев, Григорьев 2002: 133–134). Недоумение и различные предположения по поводу этих категорий, на наш взгляд, вполне могут быть объяснены особенностями золотоордынской системы управления. Так, даруги-князья, по всей видимости, представители правящего рода Джучидов или высшей племенной аристократии, исполняли функции начальников областей. Особое выделение даруг внутренних городов и селений, вероятно, объясняется тем, что правителями по-

граничных областей Золотой Орды являлись темники — своего рода «военные губернаторы», которые в случае внешней военной угрозы могли также возглавлять местные войска в качестве военачальников для организации отпора иностранному вторжению. Во внутренних же тюменах такой необходимости не возникало, поэтому в них правили гражданские администраторы, или просто даруги (Почекаев 2009: 106).

Деление на тюмены, в свою очередь делившиеся на тысячи, сотни и десятки, являлось традицией тюрко-монгольских государственных образований. Однако наряду с этими административными единицами в Золотой Орде существовали и такие образования, которые не вписывались в «десятичную систему», — владения ханских родственников и влиятельной племенной аристократии. В отличие от даруг (баскаков), обладатели этих владений не входили в административную систему Золотой Орды, а просто-напросто имели право на доходы со своих владений — прежде всего на получение налогов и повинностей с населения, входившего в их улусы. Средневековые авторы выделяли в Золотой Орде десять таких округов: Хорезм, Дешт-и Кипчак, Хазар, Крым, Азов, Черкес, Булгар, Улак (Дунайская Болгария), Ас (или Солхат в Крыму), Рус (Григорьев, Фролова 1999: 67–77). Правители этих округов именовались в золотоордынской иерархии улусбеками и, вероятно, этот титул в большей степени был почетным званием, нежели административной должностью: в ханских ярлыках чиновники с таким титулом не фигурируют, что заставляет предположить отсутствие у них реальных властных полномочий (Почекаев 2009: 103). Более того, упомянутые улусные правители даже не собирали самостоятельно налоги и сборы с населения: сборы и подати, шедшие в их пользу, собирались назначенными ханом чиновниками, поступали в государственную казну и только потом перераспределялись в пользу ханских родственников и племенных вождей в соответствии с их происхождением и влиянием (Владимирцов 2002: 396–397). Причиной существования таких улусов, не входивших в общеордынскую административную систему, являлась традиция рода Чингисидов, согласно которой каждый его представитель имел право на владение, даже если не занимал никакого административного или военного поста. Безусловно, эти улусы служили препятствием для централизации власти, за которую боролись наиболее могущественные золотоордынские ханы, и последние неоднократно предпринимали попытки ограничить права и привилегии улусных правителей. Так, Бату и Менгу-Тимур, чтобы не допустить «сращения» монгольской знати с местным населением, закрепления их позиций среди оседлого населения и, соответственно, появления сепаратистских устремлений, периодически предписывали своим родственникам перекочевывать с одной территории на другую (Абуль-Гази 1996: 99–100; Почекаев 2012: 61). Хан Узбек вообще постарался подчинить улусную знать наместникам, которых назначал (Почекаев 2012: 111). Однако, когда у власти оказывались менее властные монархи, позиции региональных элит вновь укреплялись, и к середине XIV в. улусы окончательно закрепились на определенных территориях и под властью потомственных правителей. Порочность этой тенденции очень ярко проявилась в период

смуты 1360–1370-х годов («Великой замятни»), когда при поддержке местного населения несколько членов ханского рода одновременно могли провозгласить себя ханами в своих владениях, а влиятельные племенные вожди — объявить независимость от ханской власти. Ибн Халдун описывает эту ситуацию следующим образом: «Было также несколько (других) эмиров монгольских, поделившихся в управлении владениями в окрестностях Сарая; они были несогласны между собою и правили своими владениями самостоятельно. Так, Хаджи-черкес завладел окрестностями Астрахани, Урусхан — своими уделами; Айбек-хан таким же образом» (СМИЗО 2005: 276; см. также: Кайдарова, Ускенбай 2004: 76).

Отметим, что кочевые традиции в Золотой Орде в конечном счете все же взяли верх над централизаторской политикой ее ханов: после завершения смуты даже таким властным и решительным ханам, как Токтамыш, Улуг-Мухаммад, Ахмад, приходилось в гораздо большей степени считаться с улусной знатью, чем их предшественникам, и идти на значительные уступки в ее пользу, чтобы сохранить хотя бы частично власть над их областями. В частности, хану Токтамышу в первой половине 1390-х годов пришлось официально признать право могущественного мангытского эмира Идигу самостоятельно распоряжаться землями к востоку от Урала (в том числе и право сбора с них налогов и пошлин) в обмен на то, что тот продолжал формально признавать хана своим сюзереном, а не вывел земли, фактически находившиеся под его контролем, из состава Золотой Орды (Трепавлов 2001: 76; Почекаев 2012: 217).

В результате бывшие подданные золотоордынских ханов, в период расцвета Золотой Орды целиком действовавшие по воле монархов, со второй половины XIV в. и до падения Орды приобрели статус практически вассальных правителей. Они признавали сюзеренитет ханов, предоставляли им войска для боевых действий и т.п., но сохраняли значительную автономию и, вероятно, оформляли свои взаимоотношения с монархами особыми договорами, по традиции заключавшимися в форме выдачи ханских ярлыков.

Судебная власть. Суд Золотой Орды, как и ее административная система, сочетал элементы тюрко-монгольских кочевых традиций и принципов правосудия оседлых народов, входивших в состав этого государства.

Высшей судебной инстанцией, безусловно, являлся сам хан Золотой Орды. При этом любопытно отметить, что в своих судебных решениях он не мог руководствоваться исключительно собственным усмотрением, а должен был опираться на законодательство, включая порой даже собственные указы — ярлыки. Так, разбирая спор о великом княжении между московским князем Василием II Васильевичем и его дядей Юрием Дмитриевичем Звенигородским, хан Улуг-Мухаммад принял сторону московского правителя, поскольку тот апеллировал к «жалованию... девтерем и ярлыком» самого хана (ПСРЛ 1949: 249).

Помимо ханского суда к судам высшей инстанции можно отнести суд курултая и суд высшей ордынской аристократии, также позаимствованные из Монгольской империи (Крадин, Скрынникова 2006: 393). Эти властные структуры,

как и хан, осуществляли судебные полномочия по мере необходимости — разбор судебных споров не был их постоянной и основной обязанностью. Тем не менее сведения о судах курултая и ордынских эмиров у нас имеются. В начале XIV в. созыва курултая, «чтобы уладить дело», потребовал Баян — правитель левого крыла Золотой Орды (Синей Орды), боровшийся за власть со своим родственником Куйлюком (Рашид ад-Дин 1960: 68; Сафаргалиев 1996: 314). О суде ордынских эмиров сообщают и русские летописцы: например, в 1318 г., когда на суд Узбека предстали князья Михаил Тверской и Юрий Московский, хан поручил рассмотрение дела родовым князьям: «...и по томъ рече царь княземъ своимъ: „что ми есте молвили на князя Михаила, сотворите има суд с великимъ княземъ Юрьемъ Даниловичемъ Московъскимъ. Да которого правду скажите ми, того хошу жаловати, виноватого казни предати“» (ПСРЛ 1949: 162–163).

Несомненным элементом судебной системы, позаимствованным из Монгольской империи, является суд-дзаргу, учрежденный в свое время Чингис-ханом (Козин 1941: § 203). Однако в империи Чингис-хана и его потомков подобные суды собирались лишь для разбора конкретных дел — так, знаменитые судьи Шихи-Хутаг при Чингис-хане и Мункесар-нойон при Мунке являлись нойонами-темниками, а судебные обязанности исполняли *ad hoc* (Juvaini 1997: 581; Рашид ад-Дин 1952а: 278; 1960: 136; Скрынникова 2002: 165–166; Крадин, Скрынникова 2006: 407–408). В Золотой Орде (вероятно, под влиянием мусульманской традиции судопроизводства) суды-дзаргу приобрели постоянную основу. Так, арабский путешественник первой половины XIV в. Ибн Баттута сообщает: «...каждый день кади приходит в его (наместника Хорезма. — *Авт.*) приемную и садится на отведенное ему сиденье; вместе с ним (являются) правоведы и писцы. Насупротив его садится один из старших эмиров, при котором восемь (других) старших эмиров и шейхов тюркских, называемых аргуджи (яргучи); к ним люди приходят судиться. Что относится к делам религиозным, то решает кади, другие же (дела) решают эти эмиры» (Ибрагимов 1988: 76).

Из сообщения Ибн Баттуты видно также, что традиционный монгольский суд-дзаргу существовал наряду с традиционным мусульманским судом кади, при этом между ними не было конкуренции: каждый суд рассматривал дела, регулируемые соответствующей правовой системой. Возникновение системы этих «параллельных» судов, вероятно, также следует связывать с мусульманскими преобразованиями хана Узбека, имевшими место в 1320-е годы.

Мусульманские суды, не характерные для Монгольской империи, тем не менее, были весьма распространены в тех государствах Чингисидов, которые, как и Золотая Орда, приняли ислам в качестве государственной религии — например, в Чагатайском улусе или в государстве ильханов в Иране. Но ни в империи, ни в других чингисидских государствах мы не встречаем сведений еще об одной судебной инстанции — «смешанных» судах представителей ханской администрации и тех государств, с которыми ханы поддерживали отношения. Несомненно, появление этих судов именно в Золотой Орде объясняется ее широкими политико-экономическими связями с государствами Европы и Азии. Торговцы и дипломаты

разных стран имели обширные дипломатические и торговые контакты с населением таких регионов, как Крым, Северное Причерноморье и Северный Кавказ, задолго до возникновения Золотой Орды, и появление этого государства никоим образом не изменило этой ситуации. Более того, продолжение и расширение этих контактов и обусловило включение в золотоордынскую судебную систему института «смешанных» судов, столь не характерную для средневековых монголов.

Так, в Крыму и других черноморских регионах постоянно присутствовали представители Генуэзской и Венецианской республик. Хан признавал консула в Азове главой венецианской общины, а консула в Кафе — главой генуэзской. Действующей в Причерноморье «табелью о рангах» (отраженной, например, в словаре «Codex Cumanicus») консул по своему статусу приравнялся к мусульманскому кади (Григорьев, Григорьев 2002: 22; Golden) и, следовательно, помимо административных функций обладал также судебными. Соответственно, итальянский консул и золотоордынский даруга соответствующих областей либо назначенные ими лица разбирали споры, участниками которых являлись подданные золотоордынского хана и представители итальянских торговых республик. Порядок организации и действия подобных судов определялись ханскими ярлыками, являвшимися по сути договорами ханов Золотой Орды с итальянскими торговыми государствами. Например, ярлык хана Джанибека, выданный венецианским купцам Азова в 1342 г., гласит: «Также, если случится, что кто-либо из наших подданных затеет ссору с венецианцем, нанесет ему обиду или же, напротив, поступят какие-либо жалобы на венецианцев от наших людей, пусть тогда правитель Азова и венецианский на совместном заседании установят, внимательно взвесят и разрешат все вышеизложенные жалобы, обиды и оскорбления с тем, чтобы не был нанесен ущерб ни отцу за сына, ни сыну за отца». Порядок «возбуждения дела» предусматривает другой документ — уведомление правителя Крыма Рамадана также венецианским купцам (1356): «Также если венецианец затеет какой-нибудь спор с тем, который из тюмена, или же тяжбу с ним, тогда тому, кто спрашивает, надлежит идти к консулу и обратиться к нему; если же венецианец спрашивает с того, который из тюмена, ему надлежит идти к правителю края» (Григорьев, Григорьев 2002: 73, 181–182).

Помимо ханских предписаний деятельность «смешанных» судов могла регламентироваться, с одной стороны, собственным усмотрением судей, с другой — обычаями делового оборота, принятыми в тех регионах, в которых эти суды осуществлялись. Вероятно, эти обычаи преобладали над официальными нормами Золотой Орды и итальянских торговых республик: вряд ли итальянский консул и даруга Джучидов, действующие на паритетных началах, позволили бы возобладать при принятии решения законодательству одной из сторон.

Другие представители золотоордынской администрации. Помимо высших органов законодательной, исполнительной и судебной власти на центральном и региональном уровнях властные полномочия в Золотой Орде осуществляли и чиновники менее значительного уровня, выполнявшие конкретные функции либо даже разовые поручения.

К первым можно отнести сотрудников фискальной системы — сборщиков налогов. В Золотой Орде имелаась развитая налоговая система, включавшая в себя многочисленные и разнообразные налоги и сборы. Некоторые из них были взяты из опыта Монгольской империи — тамга, ясак, калан; другие позаимствованы из западноевропейской практики и, соответственно, в Монгольской империи не были известны, в частности разного рода пограничные, торговые и таможенные сборы и пошлины, использовавшиеся в Европе еще со времен Римской империи (Рогачевский 2002: 222; Почекаев 2009: 114–115). Для обеспечения своевременного и полного сбора налоговых платежей в Золотой Орде существовала целая система чиновников различного уровня: от темников и тысячников до собственно сборщиков отдельных видов налогов. Последние упоминаются в ханских ярлыках как таможенники, весовщики, побережники, мостовщики, базарные надзиратели, кормовщики, начальник ямских станций и др. (см. подробнее: Почекаев 2009: 121–122). Обязанности таких чиновников регламентировались ханскими ярлыками либо общего содержания, либо вводившими отдельные виды налогов и сборов, а полномочия подтверждались соответствующими пайцзами различного уровня.

Разовые поручения в Золотой Орде выполняли так называемые послы («эльчи»), которые зачастую являлись высокими сановниками или даже ханскими родственниками. Их поручения определялись в специальных ханских ярлыках, которые являлись своего рода «верительными грамотами» для представления тем ордынским чиновникам или вассальным правителям, во владения которых направлялись такие послы. Порой в соответствии с указаниями хана они могли даже временно принимать на себя обязанности правителей тех или иных областей, отстраняя от должности даруг, военных чиновников и даже монархов вассальных государств. Примером таких действий может послужить миссия Шевкала, двоюродного брата хана Узбека, в Тверь в 1327 г.: он не только временно принял на себя обязанности правителя княжества, но даже выселил местного князя Александра из его терема (ПСРЛ 1863: 416). Полномочия послов, как правило, прекращались сразу после исполнения возложенных на них поручений, а выданные им ярлыки и удостоверительные пайцзы отзывались ханской канцелярией.

Ханские послы, а также придворные сановники, выполнявшие специфические функции (например, сокольники, барсники и прочие, занимавшиеся организацией ханских охот), не входили в число чиновников фискального ведомства, но имели право взимать определенные сборы и налагать повинности на некоторые группы населения Золотой Орды или вассальных государств. Наиболее распространенные их правомочия включали получение кормовых в течение всего пути следования, постой, беспрепятственное получение и смену лошадей, привлечение людей к облавным охотам и т.п. (Почекаев 2009: 120–121).

Таким образом, можно констатировать, что политико-административная система Золотой Орды представляла собой достаточно сложную и разветвленную структуру, органично сочетавшую в себе элементы монгольской имперской го-

сударственности и традиции местных систем управления тех регионов, на которые простиралась власть ханов-Джучидов. Необходимо отметить, что действия властей всех уровней (включая и самих монархов) четко и жестко регламентировались нормативными предписаниями, что позволяет говорить о высокой политико-правовой культуре Золотой Орды. По сути, это был весьма значительный шаг вперед по сравнению с Монгольской империей периода Чингис-хана и его преемников, и уровень административного развития улуса Джучи вполне сравним с империей Юань и наиболее передовыми государствами Европы и Азии того времени.

Правовая система Золотой Орды

Система права Золотой Орды представляет собой весьма интересный историко-правовой феномен — пример органичного сочетания монгольских и тюркских элементов, права обычного и исходящего от государства, к тому же испытывавшего значительное влияние исламской правовой традиции. Первое впечатление, которое возникает при попытке представить ордынскую правовую систему, это ее сходство с правовой системой Монгольской империи. Конечно же, это не просто совпадение, ибо улус Джучи, изначально являясь составной частью империи, унаследовал и ее правовую систему. Тем не менее система права Золотой Орды отнюдь не идентична правовой системе Монгольской империи. Золотоордынское право имело существенные особенности, объяснявшиеся влиянием политико-правовых и культурных традиций коренного населения государства Джучидов. В результате даже источники права монгольского происхождения заняли в золотоордынской правовой системе совсем иное место, чем в самой империи.

Первым среди источников права Золотой Орды, несомненно, следует назвать *торе* (*mörü*, *тура*) — наверное, самый загадочный в глазах исследователей институт права средневековых монголов. Исследователи на основании косвенных тюркских и монгольских источников полагают, что *торе* в Монгольской империи и ее улусах регулировало сферу государственного и административного права кочевых племен, в частности разделение на крылья, порядок выдвижения на административные и военные должности, соправительство, порядок ведения войны и распределение доходов и трофеев (Трепавлов 1993: 41). Однако, по мере укрепления в Монголии ханской власти и формирования новой, «имперской» системы права, *торе* утеряло ряд практических (государственно-правовых) аспектов и сохранилось лишь в виде некоего «сакрального права», олицетворявшего Высший порядок, соблюдение которого гарантировало мир и благополучие в государстве, — своего рода «естественного права» (Doerfer 1963: 264; Скрынникова 2002: 143).

Совершенно иное значение *торе* приобрело в улусе Джучи. В соответствии с древними тюркскими (но не имперскими монгольскими!) традициями оно продолжало ассоциироваться с конкретными правителями. Например, есть сообще-

ние, что во второй половине XIII в. «тура Бату» действовала даже в улусе Чагатай (Аноним 1973: 128); в более поздних источниках сообщается, что Идигу (Едигей) «установил тонкие обычаи (тура)» (СМИЗО 2006: 263).

Как и в Монгольской империи, уже на начальном этапе развития улуса Джучи конкретные нормы торе уступили правообразующее значение новым источникам — ханским ясам и ярлыкам, а сами трансформировались в довольно абстрактные правовые идеи, принципы права. В государствах Джучидов XV–XVIII вв. торе превратилось в право самих представителей правящей династии на верховную власть и стало ассоциироваться с харизмой рода Чингис-хана. Впервые термин «торе» в таком значении упоминается, кажется, в письме золотоордынского хана Улуг-Мухаммеда турецкому султану Мураду II (Султанов 1975: 54, 56–57), а впоследствии многие центральноазиатские правители и члены правящих династий прибавляли приставку «торе» к своему имени, демонстрируя принадлежность к роду Чингисидов и, соответственно, право на трон (Doerfer 1963: 265; Почекаев 2004: 539–540).

Следующий источник золотоордынского права, *йосун*, т.е. обычное право монгольских племен, нередко связывают с торе (Doerfer 1963: 265, 555). Это вполне объяснимо: торе и йосун являлись древним обычным правом тюрко-монгольских кочевых племен и существовали задолго до эпохи Чингисидов. Но если торе регулировало государственное устройство и взаимоотношения между людьми и Небом, то сферой действия йосунного права были более «земные» отношения: брак и семья, права собственности, побратимство и т.д. Таким образом, йосунное право представляло собой совокупность частноправовых норм, сформировавшихся стихийно и действовавших на уровне отдельных племен, — обычное право в классическом понимании этого термина. Государство в эту сферу не вмешивалось: все споры в сфере семейного, наследственного и тому подобного права решались на уровне племенных предводителей, а не государственной власти (Крадин 1995: 55).

В отличие от «универсального» торе, йосунные нормы оставались сугубо национальными: монгольские племена, пришедшие в Дешт-и Кипчак вместе с Джучи и Бату в 1220–1230-е годы, принесли с собой и свои национальные обычаи, которые не распространялись на местное население улуса Джучи. Народы Средней Азии, Поволжья, Северного Кавказа строили свои частноправовые взаимоотношения на основе либо мусульманского права — шариата, либо местного обычного права, которое с распространением ислама в этих регионах стало обозначаться арабским термином *адат*, фактически являвшимся аналогом монгольскому йосун (Doerfer 1963: 556; Сюкияйнен 1986: 18).

Йосунное право по мере упадка улуса Джучи весьма существенно расширяло сферу действия. Например, венецианский дипломат второй половины XV в. Иосафат Барбаро сообщает: «Суд происходит во всем лагере, в любом месте и безо всякой подготовки. Поступают таким образом. Когда кто-то затевает с другим ссору... то оба, — а если их было больше, то все, — поднимаются и идут на дорогу, куда им покажется лучше, и говорят первому встречному, если он чело-

век с каким-нибудь положением: „Господин, рассуди нас, потому что мы поссорились“. Он же, сразу остановившись, выслушивает, что ему говорят, а затем решает, как ему покажется, без всякого записывания, и о том, что он решил, никто уже не рассуждает. В таких случаях собирается толпа людей, и он, высказав свое решение, говорит: „Вы будете свидетелями!“ Подобные суды постоянно происходят по всему лагерю...» (Барбаро 1971: 145–146). Таким образом, в указанный период времени нормы обычного права фактически стали преобладать над государственными законами: центральное правительство уже не имело возможности обеспечивать применение установленного им права, и население все чаще стало прибегать к племенным обычаям даже при решении вопросов, которые прежде регулировались властными предписаниями.

Одним из важнейших источников права Золотой Орды, особенно в период ее расцвета и могущества, являлась яса (*йасак*, *дзасак* и т.д.), создание которой традиционно приписывается Чингис-хану (Рашид ад-Дин 1952а: 232; СМІЗО 2006: 277; Juvaini 1997: 189, 256). Впрочем, ряд источников (в частности, Джувейни и Рашид ад-Дин) сообщают, что преемники Чингис-хана, великие монгольские ханы, также издавали ясы. Таким образом, можно говорить, как минимум, о трех разновидностях яс: 1) нормативные постановления дочингисовой эпохи, исходящие от племенных вождей и ранних ханов; 2) постановления Чингис-хана, собранные в более или менее окончательной редакции к 1225 г. (так называемая «Великая яса»); 3) постановления преемников Чингис-хана. Две последние разновидности применялись и в улусе Джучи. Таким образом, яса, в отличие от торе и йосуна, не сформировалась стихийно, а целенаправленно создавалась уполномоченными государственными органами (Вернадский 1999: 134).

Ряд исследователей полагают, что яса представляла собой адаптированный монголами вариант тюркского права торе (см., напр.: [Хамфри, Хурэлбатор 2004: 464]). С этим нельзя согласиться, поскольку торе и яса в улусе Джучи существовали одновременно еще в XIV–XV вв.: «Узбек постоянно требовал от них обращения в правоверие и ислам и побуждал их к этому. Эмиры же отвечали ему на это: „Ты ожидай от нас покорности и повиновения, а какое тебе дело до нашей веры и нашего исповедания и каким образом мы покинем закон (тура) и устав (ясык) Чингиз-хана и перейдем в веру арабов?“»; «Так как Идигу установил тонкие обычаи (тура) и великие законы (ясак) и люди из привольности попали в стеснение, то Шадибек тайно хотел уничтожить его» (СМІЗО 2006: 263, 277). Кроме того, важно отметить, что яса являлась системой писаных норм, установленных государством, т.е. позитивным правом, законом в современном юридическом понимании, и в качестве такового в известной степени противопоставлялась обычному праву торе (Doerfer 1963: 265; 1975: 71).

Была ли яса в Золотой Орде доминирующим источником права? Некоторые исследователи считают, что очень скоро она была вытеснена местными обычаями и шариатом (Березин 1864: 24, 38; Rachewiltz 1993: 103), однако ссылки на ясу встречаются в исторических источниках и золотоордынских документах на разных этапах существования этого государства. Например, в наиболее древнем из

известных нам ханских ярлыков — ярлыке Менгу-Тимура русскому духовенству (1267 г.) есть фраза: «Сию грамоту видяще и слышаще от попов и от черньцовни дани ни иного чего ни хотять ни возьмутъ баскаци, княжи писци, попдужники, тамошники, а возьмутъ ине по велицей язе извиняться и умруть» (Зимин 1955: 468). Упоминания «ясыка» встречаются и в персидских исторических сочинениях XIV–XV вв. — «Продолжении Сборника летописей» и «Анониме Искандера», цитированных выше.

При сравнительном анализе эволюции роли ясы в Монголии и улусе Джучи вырисовывается довольно загадочная картина: в Монголии начиная с XIV в. яса не фигурирует среди источников права (Рязановский 1931: 24, 38–40), однако в Золотой Орде она применялась на протяжении всего времени существования этого государства. В чем причина этого различия монгольской и золотоордынской правовых систем? Думается, дело в том, что яса представляла собой «наднациональное» имперское законодательство, основным предназначением которого было регулирование взаимоотношений многочисленных народов, входивших в Монгольскую империю. Естественно, с распадом империи яса оказалась неактуальна для монголов, и они вернулись к своему обычному праву, а Золотая Орда сохраняла черты имперского государственного образования вплоть до распада, и потому нормы ясы оставались в ней востребованными.

Однако яса, являясь важным источником золотоордынского права, имела сравнительно невысокую правовую ценность из-за установленного Чингис-ханом запрета изменять или отменять ее положения. Поскольку уже во второй половине XIII в. улус Джучи фактически вышел из подчинения великим ханам, их ясы быстро устарели: в Золотой Орде развивались общественные отношения, неизвестные первым монгольским ханам и, соответственно, не предусмотренные ясами. Но ордынские ханы нашли эффективный способ устранения этих пробелов в праве с помощью ярлыков. В результате ханские ярлыки являлись фактически единственным источником права Золотой Орды, оперативно отражавшим изменения в социальной и политической сфере. Они существенно корректировали, уточняли и дополняли законодательство, унаследованное от Монгольской империи, и фактически стали доминирующим источником права в улусе Джучи, оттеснив на второй план торе и ясу, хотя формально обладали меньшей юридической силой и опирались на ясу и торе (Rachewiltz 1993: 103). Подобная роль ярлыков позволяет говорить о создании системы права, отличной от права Монгольской империи, уже на раннем этапе существования улуса Джучи — начиная с его первых ханов.

Особенностью ярлыков было то, что, в отличие от яс великих ханов, они действовали только в течение жизни или правления издававшего их хана, поэтому каждый новый монарх, вступая на трон, подтверждал пожалования, сделанные его предшественником, либо отменял их (Березин 1864: 42). Таким образом, каждый хан при восшествии на трон издавал ярлыки, являвшиеся собственно законами, а в еще большем количестве — пожалованиями ордынским сановникам, землевладельцам, купцам, духовенству, не менее многочисленные акты о назна-

чении на должность, о пожаловании земельного владения и т.п. (Усманов 1979: 73).

Безусловно, жалованные и инвеститурные грамоты являлись наиболее многочисленным видом ярлыков, однако в период расцвета Золотой Орды (вторая половина XIII — середина XIV в.) немалую часть могли составлять и ярлыки общенормативного характера: ханы в этот период проводили преобразования в административной сфере, осуществляли денежные реформы, активную торговую политику. В результате «Великой замятни» и последующего распада Золотой Орды ханская власть пришла в упадок, и правотворческая деятельность монархов свелась к выдаче жалованных и суюргальных грамот, чтобы привлечь к себе как можно больше сторонников из числа влиятельных племенных вождей (Федоров-Давыдов 1973: 124–125, 154).

Значение членов ханского рода — особенно ханш и наследников трона — в политике улуса Джучи проявлялось, в частности, в том, что они имели право издавать собственные правовые акты, которые по статусу отличались от ханских: они назывались не ярлыками, а *йгэ* или *битик* (Doerfer 1975: 156–157; Григорьев 2004: 47–48). Эта тенденция, более отчетливо проявившаяся в постордынских государствах, имела место и в самой Золотой Орде: так, до нашего времени дошел ряд правовых актов ханши Тайдулы — влиятельной политической деятельницы середины XIV в. (Зимин 1955: 466–471; Григорьев, Григорьев 2002: 196–217). К этой же группе правовых документов можно отнести и акты правителей отдельных областей улуса Джучи, принимавшиеся ими в рамках своей компетенции. И если ханские ярлыки не должны были противоречить принципам торе и нормам яс, то эти акты, в свою очередь, опирались на ханские ярлыки и вводили их положения в действие (Григорьев 2002: 173–174). Однако в ряде случаев эти подзаконные акты могли существенно изменять ханские ярлыки — например, в соответствии с ярлыком хана Бердибека венецианцы, торговавшие с Золотой Ордой, должны были уплачивать 5%-ный налог с оборота, тогда как по распоряжению крымского даруги Кутлуг-Тимура они могли торговать через город Провато, уплачивая налог в размере всего лишь 3% с оборота (Григорьев, Григорьев 2002: 193–194; Почекаев 2009: 51–52).

Еще одним источником права улуса Джучи, унаследованным от Монгольской империи, стала *судебная практика* решения споров. Формирование этого источника права традиционно приписывается Чингис-хану, который «повелел: „Пусть записывают в Синюю роспись Коко Дефтер-Бичик, связывая затем в книги... судебные решения. И на вечные времена да не подлежит никакому изменению то, что узаконено мною по представлению Шиги-Хутуху и заключено в связанные (прошнурованные) книги с синим письмом по белой бумаге. Всякий виновный в изменении таковых подлежит ответственности“» (Козин 1941: § 203). Формально опираясь на торе, ясы великих ханов и ярлыки ханов улуса Джучи, судьи зачастую *de facto* руководствовались и собственным усмотрением, что превращало их решения в самостоятельный источник права. В ярлыках, которыми судьи назначались на должность, им предписывалось оформлять свои решения в виде специаль-

ных грамот — *яргу-наме* (Греков, Якубовский 1998: 104), которые впоследствии, вероятно, служили прецедентами при последующих разбирательствах.

Широко распространено мнение, что с принятием Золотой Ордой ислама одним из ее главных источников права (если не основным) становится мусульманское право — шариат. Однако следует иметь в виду, что шариат действовал на территории Поволжья еще в X в. (а в Хорезме мусульманские традиции были еще древнее) и монгольское завоевание не повлекло отмены его норм. В течение первого столетия существования улуса Джучи шариат обладал приблизительно таким же статусом, что и рассмотренное выше йосунное право: его нормами пользовалось только мусульманское население для решения частных споров. Но после обращения правящей верхушки улуса в ислам при хане Узбеке около 1320 г. шариат получил признание в качестве официального источника права и вошел в правовую систему как составная часть. Тогда в администрации улуса Джучи появляются везиры, наибы, муфтии, а наряду с традиционным монгольским судом-заргу учреждаются суды кади, разбиравшие дела по законам шариата (сообщение Ибн Баттуты о деятельности такого суда приведено выше).

Мусульманское право не только являлось самостоятельным элементом правовой системы улуса Джучи, но и оказало существенное влияние на другие ее элементы, в частности на ярлыки: из них исчезает неотъемлемая часть прежних ханских грамот — формула «Силой вечного неба» (Григорьев 1978: 24 и сл.), на смену которой приходит традиционное для мусульманского общества «богословие», как в ярлыке Токтамыша 1381 г. и пайцзе к нему: «Надеюсь на Бога и уповаю на благость и милость его», «Во имя всемилостивого, всемилосердного Бога. Нет Бога, кроме Бога Единого, а Мухаммед — посланник Божий» (Григорьев, Ярцов 1844: 3–4). Кроме того, в ярлыках отразились и изменения в административном устройстве улуса Джучи после принятия ислама: наряду с даругами и военачальниками разного уровня в качестве адресата ярлыков начинают фигурировать и представители мусульманской администрации — хакимы, саиды, вакилы и др. (Сафаргалиев 1996: 501).

После распада улуса Джучи правовое развитие наследовавших ему владений пошло двумя путями. Первый из них, возврат к кочевым традициям, стал уделом государства кочевых узбеков, казахских ханств, Тюменской и Ногайской орд. Шариат в них действовал лишь формально, уступив ведущую роль обычному праву. Объяснить подобное явление можно тем, что при возврате к кочевому строю объективно отпадала необходимость в существовании характерных для оседлого общества государственных и административных институтов, а соответственно — и мусульманского права (Трепавлов 2001: 550–551). Так, еще во второй половине XVIII в. современники отмечали, что астраханские татары исповедуют «мугаметанский закон», «прочие же ногайцы утопают в невежестве и мешают потому в обряды веры своей многие языческие суеверия» (Георги 1776: 43–44). Это позволяет предположить действие у них обычного права даже в столь поздние времена, когда шариат, казалось бы, окончательно вытеснил «языческие» традиции.

Второй путь правового развития — переход к мусульманскому праву. Его избрали Астраханское, Казанское и Крымское ханства, фактически полностью отказавшиеся от обычного права и признавшие господство мусульманских правовых институтов.

Выбрав один из путей развития, преемники улуса Джучи утратили его сложную многоуровневую систему права. Тем не менее общее представление о праве «золотого века» у них сохранилось, превратившись в «адат-и Чингизийе» (Трепавлов 2004: 283): для преемников Золотой Орды, исповедовавших ислам, все источники права, кроме шариата, видимо, слились в некую правовую абстракцию, ассоциировавшуюся с Чингис-ханом и его потомками. Впрочем, «адат-и Чингизийе», скорее всего, представлял собой не источник права, а идеологическую и политическую категорию, символизировавшую правопреемство от Чингис-хана и его потомков.

* * *

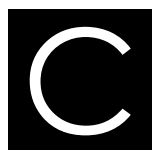
Особое место Золотой Орды в истории евразийской цивилизации объясняется не только тем, что она представляла собой уникальный синтез элементов кочевой (имперской) и оседлой экономики, культуры, государственных, политических и правовых традиций. В еще большей степени интерес к этому государству и необходимость изучения его истории диктуется ролью Золотой Орды в политико-правовом и социально-экономическом развитии последующих государств Евразии. Наследниками Золотой Орды в юридическом и геополитическом отношении считали себя Крымское ханство, Россия, Казахское ханство. После распада улуса Джучи в 1502 г. многие принципы его государственного устройства и правовые традиции вплоть до применения в российской правотворческой практике ордынских актов, включая даже ярлыки, были позаимствованы Московским государством (Трепавлов 2004: 283–284; 2008: 107–110). В Москву же устремилась и уцелевшая золотоордынская аристократия, представители которой, приняв православие, нередко приобретали весьма высокий статус в русской сановной иерархии⁷.

Исследование истории, социального и политико-правового развития Золотой Орды, таким образом, позволяет понять не только закономерности развития кочевых империй Евразии в период существования этого государства, но и выявить истоки политического развития последующих евразийских государств, включая и те, которые существуют сегодня.

⁷ Наверное, самую блестящую карьеру в Московском государстве сделал царевич Худайкул («князь Петр Ибрагимович»), правнук золотоордынского (впоследствии, возможно, казанского) хана Улуг-Мухаммада: он был женат на сестре великого князя Василия III и до своей смерти в 1526 г. считался его официальным наследником, поскольку к тому времени сыновей у великого князя еще не было (Ostrovski 2004; Зайцев 2017).

Глава 17

МОНГОЛЫ В XVII в.

распадом Монгольской империи, в течение нескольких веков существования монголов лишь в качестве локальных сообществ, борющихся за власть между собой и с ойратами, произошли изменения в обозначении тех структур, в которые они объединялись. Большой интерес представляют материалы хроник XVII в., отразивших свое время, когда монголы снова стали выступать на политической арене как активная сила. Все хроники этого периода содержат данные, в которых обосновывается право на власть, легитимность которой определяется генеалогической связью с родом Чингис-хана. Данная направленность хроник определила то, что употребление терминов социальной организации связано прежде всего с группами, в той или иной степени имеющими отношение к властным структурам.

XVII век имел важное значение в истории монголов как период, когда монголы выступали в качестве активных конкурентов маньчжуров в борьбе за господство в регионе. В этот период появляются летописи, отразившие как текущую историю, так и оценку прошлого в современной им интерпретации. Характерной чертой этих источников является то, что они почти исключительно посвящены династической преемственности власти потомков Чингис-хана, соответственно, обоснованию легитимности господства хагана и состоянию общности, которую он возглавлял. То, что в летописях, с одной стороны, зафиксированы концепты, сложившиеся еще во времена существования Монгольской империи, а с другой — представления и идеи нового периода, характеризующегося раздробленностью и распространением буддизма, позволит определить характер монгольского общества этого периода.

В данной главе политическая система монголов XVII в. рассмотрена через призму изучения наиболее значимых терминов и идентификационных практик,

зафиксированных в источниках того времени. В связи с этим значительный интерес представляет выявление того, какие идеи империи XIII в. актуализируются в XVII в. и какие новые идеологемы используются для конструирования более поздней монгольской идентичности и отношений власти.

Рассмотрим сначала термин «монгольский улус». В идентификационных практиках XVII в. термин «улус» часто встречается вместе со словом «монгол», которое также употребляется для обозначения территории проживания монголов — «Mongγol-un γaγar» («монгольская земля»), может быть даже в смысле «страна» («страна монголов» [ЕТ 1990: 84, 87 140, 157, 169, 177, 179]). Это понятие использовалось как для характеристики предшествовавшего периода, так и для описываемого настоящего. Сакья-пандиту пригласили распространять буддизм «в монгольской земле» (там же: 82). Далай-лама III отметил, что в монгольской земле много луусов, шимнусов, онгонов и др. (там же: 148). Упоминается распространение «ханского рода на монгольской земле Бэдэ» (там же: 46).

Напомним употребление термина *ulus*, относящиеся к наиболее ранним временам. Так, в «Шара туджи» этот термин впервые упоминается в связи с Бортэ-Чино, предком монголов, который автором летописи презентуется в соответствии с буддийской традицией как потомок тибетского правителя: «Тушемил Алтан Сандалиту-хугана, по имени Лонгам, хана убил. Когда этот тушемил на ханский престол воссел, то младший сын Алтан Сандалиту-хагана — Буртэ Чино ушел в землю Гонбо, там не прижился и, взяв жену свою по имени Гоа Марал, переправился на восточную сторону моря Тэнгис, достиг горы Бурхан Халдун [и] встретил народ по имени Бида» (ШТ 1957: 21). «Когда [он] рассказал о своих обстоятельствах, то тот народ Бида, посовещавшись между собой, поставил его нойоном» (там же: 127). Безусловно, встретить можно было только людей, причем этот народ, называвшийся Бида, обсуждал (в монгольском тексте в выражении *ulus kele(lče)jü* определенно указывается на совместные действия группы людей) вопрос о прибытии Бортэ-Чино и избрании его своим главой.

Последующие сведения источника, отражающие деятельность Чингис-хана по расширению власти монголов, подтверждают это значение термина *ulus*, о чем можно говорить с достаточной степенью уверенности. Чингис-хану приписываются следующие слова: «Подобный сокровищнице весь великий народ мой» (там же: 133). «Когда соединял и собирал воедино великий народ... Когда собирал обширные многие народы» (там же: 133–134), — что повторено сунитским Хилугэтэй Багатуром: «С поспешностью собранный, твой народ рассеется... Прежде соединенный, народ твой станет чужим» (там же: 134).

Именно в этом значении (люди, народ) употреблен термин *ulus* в словах, сказанных нукеру Чингис-хана Боорчи его женой по имени Тэгусхэн Гоа: «Ты встретился раньше создания всего, собирал все народы... когда великие милости даны были ныне всему великому народу. То как же забыл одного тебя?» (там же: 130). Ведь собрать и одарить милостями можно только людей. Когда речь идет о покорении противника, его захвате и приведении к покорности, то имеются в виду именно люди. Представляется верным перевод термина *ulus*, предложен-

ный Н.П. Шастиной, при описании победы Чингис-хана над карлукским Арслан-хаганом, которого он убил, «а народ покорил» (там же: 128; монг. *ulusi inu ababai* [там же: 24]).

Это значение подтверждается и другими свидетельствами источника: «В год собаки Чингис-хаган отправился в поход на тангутский народ (*Tangyud irgen-e ayalabai*)... Богурджи (Боорчи. — *Авт.*) и Мухули повеление сделали: „Людей Джуйин из китайского народа вы оба себе возьмите“» (*Kitad irgen-eče juin irgen-i ta qoyar ab*) (там же: 32, 33, 132). Мы видим, что *Ulushi inu ababai* в первом случае синонимично *irgen-i ...ab* — в последнем. Термин *irgen*, как известно, имеет лишь одно значение — «люди».

В качестве идентификационных маркеров границ общности, созданной Чингис-ханом, используются разные обозначения. Прежде всего это обозначение собственно монгольской общности: «Подобным образом понемногу собрал товарищей, также покорил сорок тумэнов монгольского народа и двадцати восьми лет от роду в Худо-Арал на Керулене стал хаганом» (там же: 22, 128). В данном случае используется маркер общности, не употреблявшийся в XIII в. и сложившийся позже, — сорок тумэнов монгольского народа¹.

Новый, ранее не встречавшийся в эпоху Чингис-хана, его образ в качестве вселенского монарха можно видеть в следующих словах создателя империи монголов: «По велению отца моего небесного Хормуста тэнгри покорил я двенадцать великих хаганов всего мира, завершил большую часть великих дел, ныне спокойно жить буду» (там же: 39, 131). В данном примере число «двенадцать» обозначает горизонтальную модель мира, который цивилизуется нахождением в его центре фигуры самого Чингис-хана.

Подобная модель отмечается в «Шара туджи» и для Хубилая: Хубилай, «летом пребывая в городе Шанду Хэйбун Хурду, зимой в городе Ихэ Дайду, четырех народов не допуская до потрясений, восьми границ не колебля, установил всеобщее спокойствие и счастье» (там же: 50, 139). В летописях XVII в. встречается и модель, истоки которой происходят из текстов «Сокровенного сказания», в которой Чингис-хан не только является сыном Неба, но приобретает буддийскую окраску: «Хубилган Чингис-хаган и покорил пять цветных и четыре чужих народа» (там же: 22, 128).

Несомненно, центром вселенной в эпоху Чингис-хана являются монголы — *mongyol ulus*. Согласно Саган-Сэцэну, Чингис-хан заявляет, что с этого времени *Köke mongyol* будет называться *Köke ulus mongyol* (*Köke mongyol ulus*) (ЕТ 1990: 56). Неустойчивость словосочетания (разное написание в разных версиях «Эрдэнийн товчи») позволяет предположить, что данный термин еще не закрепился

¹ Предположительно, представления о монголах как общности сорока тумэнов относятся ко времени Юаньской династии, поскольку в «Шара туджи» имеются сведения о том, что при изгнании Тогон-Тэмур из Китая «из сорока тумэнов монголов вышли [лишь] шесть тумэнов» (ШТ 1957: 57, 140). Хотя, как указано выше, из Китая вышло только шесть тумэнов монголов и позже, во времена Эсэна, монголы обозначались как сообщество сорока тумэнов, о чем свидетельствуют его слова, сказанные им своему прислужнику Инаг Хэрэ: «Испытай Сорок и Четырех» (там же: 85, 145), где число «сорок» обозначает монголов, а «четыре» — ойратов.

в политической практике XVII в. Первый вариант трудно поддается переводу, поскольку термин *ulus* не оформлен грамматически. Если бы он был в родительном падеже, то можно было бы перевести его как «монголы синего улуса». Второй вариант может иметь два значения. Первое — «улус синих монголов» (в значении «политии»), и второе — «синие монголы» в значении «народ». Возможность второй интерпретации подтверждается и следующим пассажем, также относящимся ко времени Чингис-хана. В речи сунитского Гилугэн-багатура, обращенной к последнему, упоминаются «увеличивающиеся в числе [разрастающиеся] подданные — монгольский народ твой» (*cüγumal ayul albatu Mongγol ulus cinu*) [там же: 82]². В данном контексте словосочетанием *Mongγol ulus* совершенно определено обозначаются люди, поскольку оно сопровождается определением «те, которые приносят дань» — подданные.

Словосочетание *Mongγol ulus* в тексте «Эрдэнийн товчи» встречается довольно часто. В период «малых ханов» ойратский Батула-чинсанг убил монгольского Элбэг-хагана, захватил его сына Олдзэйтү-хунтайджи и «подчинил себе большую часть монгольского народа» (там же: 101). Здесь *Mongγol ulus* может нести в себе оба смысла и выступать как в качестве политонима Монгольский улус, так и в качестве этнонима Олдзэйтү-хун-гоа, Адзай-тайджи и Аругтай тайши: и «отправили их к их родственникам к монголам» (там же: 103). Этот последний случай также связан с понятием «народ, люди» и имеет этнические коннотации, поскольку подчеркивает кровнородственную связь. Можно с большой долей уверенности приписать это последнее значение понятию и в следующем случае, поскольку речь идет о собирании множества, т.е. людей, народа: «После этого в короткий срок собрали монгольский народ» (там же: 102). Ханом стал старший сын Элбэг-хагана — Гун-Тэмур, который правил три года.

Безусловное значение словосочетания *Mongγol ulus* как «монгольский народ/монголы» отмечается и в других контекстах, например в поговорке: «У монголов мудрости мало, гордости много» («*Mongγol ulus-un bilig üciken: omoγ uеke*») [там же: 166]. Другой пример связан с ситуацией, когда Далай-лама приехал в Монголию и «увидел своими глазами, как грешит монгольский народ» («*Mongγol ulus-i nigülesküi-yin nidün-iyer üjen*») [там же: 166]. Следует обратить внимание на то, что здесь *Mongγol ulus* выступает субъектом действия, как и в следующем случае: «в то время как монголы опасались за свои окраины» («*jaq-adaki Mongγol ulus emiyejü yabun atala*») [там же: 183]).

С другой стороны, *Mongγol ulus* выступает в качестве политонима в случаях, когда приводится сравнительное обозначение Монголии — прежней (сорок тумэнов) и периода XVII в. (шесть тумэнов): «Если разрушить нынешний улус

² Аналогичное значение термина *ulus* в плаче сунитского Хилугэтэй Багатура по поводу смерти Чингис-хана мы находим в «Шара туджи»: «„Когда обеспокоился весь великий народ... Весь великий народ свой покинул... Силою собранный народ твой... Издавна собранный народ твой... Все возрастающие народы твои... Многочисленный монгольский народ твой... Весь говорящий народ твой... Все целиком народы твои... Ты отвернулся ли от своего старого монгольского народа, государь мой?“ Когда так сказал, то хан-государь соблаговолил, и одноколка, скрипя, двинулась. Весь народ обрадовался» (ШТ 1957: 40–43, 135–137).

шести тумэнов, оставшихся от Монголии прежних сорока тумэнов» (там же: 131). И сорокатумэнный монгольский улус, и шеститумэнный улус являются объектами влияния внешних субъектов: их можно разделить, оставив часть; их можно разрушить.

Все указанные выше примеры постоянно демонстрируют неразрывную связь улуса с правителем. Отсутствие границы между правителем (ханом/хаганом) и его владением (улусом) свидетельствует об антропоморфизации политической власти. В данном случае владение (улус) выступает в качестве его богатства, с одной стороны. С другой — улус, как сообщество подданных, является объектом, к которому хаган проявляет патерналистское отношение в качестве «владыки» (*ejen / qan ejen / qaγan ejen / ulus-un ejen / ejen boyda / tenggelig boyda ejen*), обозначаемого как «хаган-отец» (*qaγan eciγe*) (там же: 13, 186). Перечисленные выше термины, безусловно, указывают на то, что правитель является владельцем, хозяином улуса, что, вероятно, произошло от первоначального обозначения владения кем-либо или чем-либо, например домохозяйством. Даже послы воплощали частичку статуса правителя и обозначались не как посланники страны, а как его представители. Так, прибывшие к Далай-ламе послы из Китая и от чахаров обозначаются как «послы китайского минского императора Ванли... послы чахарского Тумэн-хагана» (там же: 165).

Выражение *ulus-un ejen*, которое можно интерпретировать как «владыка улуса», является распространенным словосочетанием (там же: 11, 12, 84), например: «Пусть Даян владеет улусом (*dayan ulus-i ejekü boltuγai*)... [сказала Мандухай и] воспитала владыку улуса Даян-хагана» (там же: 123). Владыкой улуса называет Даян-хана и «Шара туджи»: «Мудрая Сэцэн Мандухай-хатун, свернув узлом на макушке свои волосы, посадив Даян-хагана, владыку народа, в повозку, сама предводительствуя, отправилась в поход» (ШТ 1957: 72, 148).

При этом констатация статуса хагана как владыки (владельца/господина) улуса сопровождается фиксацией факта владения (*ulus-i ejekü*) или овладения (*ulus-i abcu*) улусом. Так, тангутский Шидургу-хаган сказал: «Я владел всем улусом до недавнего времени, я ли не хаган» (ЕТ 1990: 69). Чингис-хан говорит: «Владею моим внешним пятицветным улусом» (там же: 75), который он завоевал и стал владыкой, что вытекает из следующего текста: «Владыка-богдо по имени Темучжин [сказал]: „Пойду захвачу улусы разных сторон (досл. «там-сям расположенные». — *Авт.*)“» (там же: 71). О Тогон-Тэмуре сообщается, что он «властвует во внешнем улусе» (там же: 91).

Термин «улус» мог употребляться в разных значениях. Прежде всего, он употреблялся в своем изначальном смысле — народ, люди. Наиболее показательной является фраза: «Тот самый народ страны Шамбала» (там же: 174), — где эксплицитно названы жители страны. Подобное значение можно отметить и в следующем случае: «Подвластные люди (подданные. — *Авт.*) местности Гамсу во множестве приняли великую, добродетельную парамиту» (там же: 160). Не вызывает сомнений значение термина «улус» и в пересказе известного сюжета, связанного с Бодончаром, жившим среди людей, у которых не было правителя и

которые впоследствии стали подданными монголов. Саган-сэцэн пишет: «У тех людей спросили... когда на тот безродный народ напали и захватили» (там же: 49). Безусловно, то же значение отмечается и в том случае, когда Есугэй сосватал Темучину невесту и, оставив его там, сам отправился домой. В это время «татары (татарский народ. — *Авт.*) устроили пир» (там же: 51). Есугэй «вошел в юрту дружественного народа» (там же: 52), где его, как известно, отравили. Упоминаются народы кочующие *ködelkü ulus* (там же: 153) и оседлые *saryuqui ulus* (там же: 72).

Народ можно захватить (*abqu*): «захватили тридцать одно кочевье и людей» («*yücin nigen nutuу ulus-i abcu*» [там же: 58]), где, как видим, отдельно упоминаются люди и территория, на которой они кочуют. А когда речь идет о военном походе Алтан-хана на Тибет, то сообщается, что он «захватил людей» (там же: 139), на что прямо указывает парное слово *ulus irgen* — люди. В значении «захватить» используется и другой глагол — *buliyaqu*. «Монголов захвачу силой» (*Mongyol ulus kücün-iyer buliyaju odumu* [там же: 179]). О том, что улус — это люди, свидетельствует и следующая фраза, сообщающая о том, что он «разграбил и захватил людей и скот» (*ulus mal-i talaju abun* [там же: 141]).

О захвате людей говорится в тексте, рассказывающем о военном походе Алтан-хана на ойратов, когда он, убив Мани-мингату, «захватил всех людей» (там же: 138) вместе с его вдовой Джигэхэн-ага-пукпуш и сыновьями Тохоем и Бохэгүтэем. Здесь глаголу *abqu* сопутствует глагол *oroуulqu* (приводить), что, безусловно, отмечает факт пленения людей во главе с их ханшей и принцами. В значении «привести» кого-либо в свои владения используется и глагол *tataqu* («тянуть»): «поскольку народ привели издалека» (*qola-yin ulus-i tataqu-yin tula* [там же: 60]). Можно также «привести людей (рода) уджиед» (там же: 187). Именно о людях идет речь, когда обсуждается вопрос, как их делить после смерти правителя в случае отсутствия прямых наследников. У Алтан-зула-хатун, жены Бадмасамбау, детей не было. «Как мы будем делить людей, принадлежавших Бадме?» (там же: 138).

С народом можно «объединяться» и его «собирать»: «Старшие и младшие братья (принадлежавшие к Золотому роду. — *Авт.*) соединились со своим великим народом» и «собрали весь народ» (там же: 181) во главе с великими и малыми нойонами ордосского тумэна. В плаче Тогон-Тэмуре мы также обнаруживаем эту тему — соби́рание народа правителем под своей эгидой: «Сыном Хан-Тэнгри Чингис-хаганом собранный воедино народ брошен мною... Собранный, соединенный народ свой я покинул» (ШТ 1957: 55, 142).

В следующем отрывке прослеживается явная синонимичность в употреблении терминов «улус» и «тумэн» в эпоху правления Лигдан-хагана: «Вследствие прежних деяний у ханов и простого народа шести тумэнов увеличилось стремление к неподчинению. Не сумел уговорить их мирным путем. Тогда силою собрав шесть великих народов, тридцать один год на ханском престоле сидел» (там же: 76, 150). Это позволяет предположить, что, как и во времена Чингис-хана, термином «улус» обозначалась некая достаточно устойчивая общность, обычно

именуемая политией. Подтверждением этого может служить следующая цитата из «Шара туджи»: «Гудэн-хан, драгоценную великую державу усмирив, весь великий народ покоем осчастливил» (там же: 74, 149). Политичность понятия *yeke ulus* подкрепляется сопровождающим его словом *gür*, что уже в XIII в. маркировало иерархически структурированное сложное сообщество. Гарантом его стабильности был правитель — проводник универсального закона вселенной, о чем, собственно, и сообщает источник: Гудэн-хаган цивилизовал и гармонизировал пространство социума благодаря связи с *törü*³. Причем правящая верхушка, как мы видим, отделена от народа, на что указывают и случаи с пленением Дзайсан-нойона и преследованием его ханши, сыновей и людей (ЕТ 1990: 183), и упоминание о Монголии времен Лигдан-хагана: хан и простолюдины шести тумэнов (ШТ 1957: 76).

Завоевания ведут к приумножению подданных: «приумножить людей, которые платят дань» (ЕТ 1990: 57). Хонгирадский Вчир-сэцэн сказал: «Владыка мой... пусть твоих подданных будет много» (там же: 69). Для обозначения подданных, которые платят дань, используются разные термины — *albatu*, *qaralmai*. Так, Чингис-хан говорит: «весь подданный народ мой» (там же: 75). В своей речи перед смертью он, перечисляя самое ценное в его жизни, разделяет народ и землю: «подданный народ мой, любимая земля моя» (там же: 80). Улус можно разорить (*ebdekü*). Так, ордосские монголы напали на приграничный район Китая и «разорили земли и людей» (там же: 182). Когда Алтан-хан пошел на Китай и «разорил земли и людей, китайцы (китайский народ) очень испугались» (там же: 138). После чего он получил от китайцев титул и золотую печать.

Как видим, подданные обозначаются и другим термином (*qaralmai*), который употребляется неоднократно. Бортэ говорит: «Не любовь ли Борте, не смелость ли подданных — сила моего хана-владыки?» (там же: 60). Подданные в монгольском тексте переданы выражением *qaralmai yeke ulus* (досл. «подданный великий народ»), в котором перевод значения *ulus* как «народ» продиктован контекстом — смелость народа. Контекстуально подтверждается это значение слова *ulus* (народ, люди) и при характеристике Чингис-хана: «августейший владыка проявляет любовь к своим подданным» (там же: 73). Показателен также плач сунитского Гилугэна по смерти Чингис-хана, в котором неоднократно упоминаются подданные, страдающие после смерти владыки: «подданный великий народ твой рассеялся», «подданные твои стали ничтожными», «любимый великий народ твой рассеялся» (там же: 80). На то, что улус означает множество, а не государство, указывает фраза из этого плача: «Весь великий народ оплакивает тебя» (там же: 81).

Позитивный характер связи правителя со своим народом подчеркивается тогда, когда автор хроники желает выделить выдающиеся результаты его деятельности. Этот аспект широко позиционируется в биографическом сочинении, по-

³ По всей видимости, Н.П. Шастина предложила неточный перевод фразы *qas yeke törü-yi töbsit-kejü* («драгоценную великую державу усмирив»). Ее следует читать так: «установил яшмовое великое *törü*» (о *törü* см. ниже).

священном Алтан-хану. Когда Алтан-хану было 13 лет, умер его отец. Тогда тремя правыми тумэнами стали владеть Эрхэту-Мэргэн-джинон и Алтан-хаган совместно с младшими братьями. Они «тщательно управляли великим народом» (ETNS 2001: 156). Следует обратить внимание на определение Мэргэн-джинона как владыки народа: «Владыка народа Эрдэни Мэргэн-джинон и Алтан-хаган были людьми» (там же: 157), мысли которых беззаботны, смелы и дружелюбны. Можно смело утверждать, что во всех цитированных выше отрывках речь идет скорее о народе, чем о политике. В 1524 г. на туматов напали урянхайские Торойнойон и Гэрэбэлэд-чинсанг и убили Басуд-Уринтэя и «захватили поселения и людей» (там же: 156), а в 1538 г. они же разграбили «народ и юрты» (там же: 159). Оба раза Мэргэн-джинон и Алтан-хаган разбили тумэн урянханов и остановились перед белыми юртами.

Взяв три правых тумэна белых юрт владыки, Эрдэни Мэргэн-джинон и Алтан-хаган остановились на южном склоне Хангая, взяв Эши-хатун (главная жена Тулуя, т.е. ее реликвии, хранящиеся в восьми белых юртах) и три левых тумэна, остановились на северном склоне Хангая. «Выдающийся великий народ кочевал там в 1538 г., набирая силы. Великий народ шести тумэнов сел на коней и атаковал» (там же: 159). И урянханы были побеждены счастливой харизмой (сюр-тур). Победив врагов, «великий народ возрадовался» (там же: 159). «Великий народ, радуясь, там кочевал» (там же: 164). Когда же Алтан-хагана не стало, «мысли всего великого народа не были спокойны... Весь великий народ печалился от горя и скорби» (там же: 196).

Глагол, с которым употребляется словосочетание *yeke ulus* (сесть на коней, атаковать, радоваться, печалиться, кочевать), позволяет с полной определенностью говорить о том, что речь идет не о государстве, а о людях. Именно весь народ может собраться, чтобы участвовать в избрании хагана. «Шесть монгольских тумэнов собрались перед юртой, обладающей харизмой хана, поклонившись священным предметам у лиственницы, перед владыкой весь великий народ Боди-хагану дал титул „кудэнг-хаган“» (там же: 159). Если в этом случае используется выражение «весь великий народ», то ниже мы отмечаем употребление иного выражения к этому же факту собрания шести тумэнов в связи с инаугурацией Боди-хагана — «Шести(тумэнный) великий народ» (там же: 161). И именно людей можно взять, чтобы пойти на завоевание: «Взяв множество своего народа, пошли на южный Китай» (там же: 160); «Взяв бесчисленное количество людей, Алтан-хаган пошел на Китай» (там же: 165).

Одна из постоянно декларируемых функций правителя кочевых обществ — забота о своем народе. Так, например, сказано о Мэргэн-джиноне: «заботился о своих младших братьях и своем народе, постоянно возвышал закон» (там же: 160). Поскольку «удивительный Мэргэн-хара стал опорой торо, дали [ему] титул „мэргэн джинон“» (там же: 159).

Во многих случаях улус выступает как объект действий властвующей элиты, у которой были не только права на людей в качестве господ и владельцев, но и обязанность обеспечивать мир, спокойствие и благополучие народа. «Если вос-

питываешь свой великий народ согласно религии и светскому закону, не будет ли это заслугой того, кто назван хаганом» (ЕТ 1990: 184). Юнло, рожденный монгольской женой, став императором в Китае, правил двадцать два года и благодаря двум законам «сделал весь великий народ благополучным и мирным» (там же: 186). Его сын Суванди-хаган также «благодаря двум законам дал мир и счастье всему великому народу» (там же: 187).

Можно с уверенностью говорить, что термин *ulus* используется в значении «народ», когда речь идет о договоре между китайцами и монголами: «Великие народы Монголии и Китая собрались, побрызгали Великому Небу и дали клятву» (ETNS 2001: 170–171). Тема заключенного договора («Установили китайско-монгольское великое торо» [там же: 171]) связывается с миром и счастьем народа: оба народа были умиротворены (там же: 171). Отдельно выделяется установление мира среди монголов: «Великий народ зажил в мире — ноги на почве, руки на земле... сделали навсегда очень счастливым даюаньский великий народ... установили мирное великое торо» (там же: 171).

Выше уже говорилось, что улус — это то, чем владеет правитель, поскольку он обозначается как *ulus-un ejen*. Одновременно с упоминаемыми выше представлениями о разделении понятий земли (*yajar* и *nutuγ*) и людей (*ulus*) нельзя не отметить и существование концепта «владение», в котором эти две составляющие сочетались. Именно так следует интерпретировать выражение *Sayang secen qong tayiji-yin ulus* (ЕТ 1990: 181), т.е. «владения Саган Эцэн-хунтайджи» в местности Их шибэр. В этой форме прежде всего подчеркивается владение людьми, составлявшими определенную социально-политическую единицу. Представляется корректным не давать перевода термина *ulus*, чтобы не затемнять значение феномена, который им обозначается, тем более что он может употребляться не с именем правителя, а с этнонимом. Чингис-хан, «изгнав Таян-хана, подчинил своей власти найманский оток улус» (там же: 70). Здесь употреблено парное слово (*оток улус*), где первое обозначает род, что подчеркивает неполитийное значение термина «улус», т.е. речь идет о властвующей элите рода Таян-хана и их подданных, которых захватывали и уводили в плен. Это подтверждается использованием этого же парного слова для обозначения группы людей, выделяемых в качестве приданого невесты, которые следовали за ней в локус жениха. За Хулан-гоа «в качестве приданого дали людей двух родов — буга и солонго» (там же: 59). Употребление в данном случае этнонимов с парным словом, скорее всего, свидетельствует о том, что и здесь улус обозначает людей, народ, которые перемещаются в пространстве.

Безусловно, термином *ulus* маркируется некая общность: «Даян-хан приказал так: „Есть великий славный улус, охраняющий восемь белых юрт владыки в Ордосе. Вместе с ним [пусть будет] еще один славный улус, хранящий золотой фонд владыки — урянхан. Пусть помогает хорчинский Абагатай“» (там же: 128). Здесь, вероятно, улус отмечает не всю общность — урянхан, а часть их.

Если выше речь шла об использовании термина «улус» для обозначения в качестве объекта действия людей или народ, то приведенные ниже примеры де-

монстрируют значение улуса как политики: Чингис-хан «Токмакский улус подчинил своей власти» (там же: 70), «подчинил своей власти Китай (китайский улус. — *Авт.*)» (там же: 64), «подчинил своей власти улус хоолас» (там же: 71), «подчинил своей власти улус харлигуд» (там же: 71) и «пять областей шарасартулского улуса подчинил своей власти» (там же: 70). В последнем случае политичность улуса подчеркивается территориальными коннотациями, что отмечается также и в следующем сообщении: «завоевал Хара-Тибет (Черный Тибет) — три области, восемьдесят восемь тумэнов» (там же: 71), где, как видим, улус — это и территория, и люди. В аналогичной терминологии упоминается Корея: «Захватил тот Белый улус — три области Кореи» (там же: 59).

Неопределенность значения термина *ulus* в полной мере проявляется в характеристике владений Даян-хаана. «После этого Даян-хаган собрал и объединил шесть тумэнов-улусов и весь великий Монгольский улус сделал мирным и счастливым. Пребывал на ханском престоле семьдесят четыре года и умер в возрасте восьмидесяти лет» (там же: 130). Здесь, как видим, термином *ulus* обозначается как каждый из шести тумэнов, так и их общность/целостность — весь великий Монгольский улус, что позволяет, с одной стороны, предположить некую самостоятельность тумэнов, с другой — недостаточно крепкое/цельное единство. Если в этом примере созданная Даян-ханом полития и ее структурные элементы обозначаются как разнородные единицы, то в следующем примере они соединены: «Даян-хан всех ввел [под свою эгиду] — три правых [тумэна], объединил свой великий улус шести тумэнов и установил [там] порядок» (там же: 129). В результате образованная им полития называется и великий Монгольский улус, и великий шеститумэнный улус, что, по существу, свидетельствует об отсутствии установившегося твердо фиксированного наименования общности.

Мандухай и Даян-хаган, «согласно обычаю сбора налогов великого улуса шести [тумэнов], сказали, нужно назначить джинонгов... и в трех правых [тумэнах] назначили джинонгом Улус Болада» (там же: 124). Хутубага говорит: «Молан хаган, я тебя убью, твой улус захвачу» (там же: 118). Подобная традиция — оставлять левое крыло, состоящее из трех тумэнов, в ведении верховного правителя, а три правых передавать в ведение джинона — продолжилась и после Даян-хагана. Так, автор «Шара туджи» сообщает: «Мандагул-хаган и Болху-джинон управляли собранными [ими] шестью тумэнами» (ШТ 1957: 69, 147). Если строго следовать монгольскому тексту, то правильнее переводить глаголы так: «разделив, ведали». Традиционно у кочевников Внутренней Азии верховная власть связывалась с левым крылом, в котором находится сакральный центр общности. У монголов это очаг рода потомков Чингис-хана, к которому относится верховный правитель монголов. «Три восточных (левосторонних. — *Авт.*) тумэна: Тумэн Чахар... Тумэн Халха, — живущий в Хангай-хане... Тумэн Урян-ха... Три западных (правосторонних. — *Авт.*) тумэна: тумэн Ордос... охраняющий гороподобную белую юрту родившегося с гордостью Эдзэна... Великий Юншиэбо... к Юншиэбо присоединив харачинов и асутов — будет один тумэн. Таковы шесть этих тумэнов» (там же: 159).

В XVI–XVII вв., как известно, верховная власть принадлежала чахарам, последний глава которых — Лигдан-хаган являлся и всемонгольским правителем. К сожалению, материалы источников не позволяют реконструировать как механизм взаимодействия этих крыльев, так и характер отношений между тумэнами. Мы можем только отметить зафиксированную во всех источниках генеалогическую преемственность потомков Чингис-хана, возглавлявших эти тумэны, при этом нельзя не отметить, что данные источников, конструирующих генеалогическое древо, расходятся. Отсутствуют какие-либо данные о наличии властных институтов государственного типа, составляющих иерархическую структуру и представляющих собой тот каркас, который формирует целостную общность, обозначаемую как «шеститумэнный монгольский улус». Напротив, она видится достаточно аморфной. Это понятие представляется скорее неким маркером, позволяющим определить границы общности, возглавляемой представителями родственной правящей группы («Золотого рода»), интересы которых не всегда совпадают.

Приведенные выше примеры демонстрируют значение термина *ulus* в качестве объекта манипуляций правителя или претендента на владение этой общностью, что позволяет с достаточной степенью уверенности говорить об отсутствии употребления этого термина в значении «государство» в институциональном смысле, поскольку в тексте не обнаруживаются его проявления в качестве политического субъекта. Термин *ulus* не содержал нововременного представления о государстве как об относительно автономном аппарате правления, отделенном как от личности правителя, так и от совокупности управляемых. Более того, обозначение правителя термином *ulus-un ejen* подчеркивает, что хаган воспринимает подданных как собственные владения. Немногочисленные случаи упоминания термина *ulus* как субъекта действия совершенно определенно связаны с его начальным значением — «народ, люди».

В заключение можно сказать, что оригинальный монгольский текст демонстрирует зачастую неопределенность значения термина *ulus*, который может одновременно интерпретироваться как аморфная масса — «люди, народ» и как некая форма общности — «полития». Этот период характеризуется тем, что концептуальный политический лексикон, отражающий понятия и представления, связанные с верховной властью, только начинает формулироваться. В отличие от средневековой Европы, где уже с XIV в. в связи с возрождением римского права стали появляться специальные сочинения, посвященные анализу природы власти и государства, в Монголии это не являлось плодом творчества теоретиков, идеи о власти нашли лишь имплицитное отражение в летописях. В Монголии рассматриваемого периода трудно обнаружить, во-первых, пример безличного употребления термина *ulus*, т.е. обозначения им субъекта действия, и, во-вторых, политическая власть привязана к личности правителя. Это позволяет говорить о том, что термин не отделился от коннотаций, связанных с прежними значениями, выступающими в качестве объекта действия правителя.

Денотат «монгол» употреблялся для обозначения правителя — хагана, символа единства монгольской общности: *Mongγol-un Altan qaγan* (ЕТ 1990: 147),

Mongyol-un Qubilai secen qayan (там же: 153), Mongyol-un Toyan temür uqayatu qayan (ЕТ 1990: 185), Mongyol-un Cinggis- qayan (там же: 68). Для обоснования легитимности наследования верховной власти составляются летописи, фиксирующие генеалогическое древо, что находит отражение и в их названии. Например, «Великая Желтая история поколений древних монгольских ханов» (там же: 192), что подчеркивает монархический характер власти, связанной с наследственным владением.

Власть хана/хагана связывается с *törö*⁴. С одной стороны, этот термин и в XVII в. означает «закон», который синонимичен монгольской традиции, что неоднократно отмечается в текстах. Так, например, когда в год свиньи к Далай-ламе прибыл халхаский Абатай-галзуу-тайджи и попросил титул хагана, Далай-лама ответил на это: «Это не противоречит вашему монгольскому закону/обычаю... И дал ему титул „Вчирай хаган“» (там же: 164). Закон как традиция состоит в уважении верховной власти хагана, которая ассоциируется с яшмовым законом. Когда сажали на трон Агбарджи-хагана, Харгучуг-тайджи-хобегун сказал: «Будет беззаконием говорить против хана-отца. Заботься о своей репутации. Я говорю [так], поскольку [это] яшмовый закон» (там же: 112).

С другой стороны, контекст употребления *törö* с прилежащими словами совершенно явно указывает на другое его значение — «власть». Так, о периоде «малых ханов» Саган-Сэцэн говорит: «Правили пятнадцать монгольских ханов» (там же: 97). В данном случае глаголом «правили» переведено монгольское выражение *törö-yi barijuqui*, что дословно означает «держали власть». Властью монгольского Хубилай-Сэцэн-хагана (там же: 165) раздавали титулы. Когда скончался Лигдан-хаган, «сорока четырех лет в год свиньи власть монгольского хагана захватил Агуда-орошиегчи, прославившийся как Богда-Сэцэн-хаган, приведший к согласию высшей мудростью» (там же: 183). Когда Эсэн-хаган стал хаганом «сорока и четырех», ему говорят: «Ты захватил власть у монголов (досл. „монгольскую власть“». — *Авт.*), держи власть над сорока и четырьмя» (там же: 116).

Другой базовый концепт *törö* является одним из фундаментальных понятий политической культуры рассматриваемого периода. Термин оставлен без перевода, чтобы не нарушить смысла текста, поскольку источники демонстрируют его полисемантическую интерпретацию термина *törö* в ранних сочинениях монгольских авторов остается нерешенной проблемой, несмотря на большой интерес, который проявляют к ней исследователи. Сложность решения этой проблемы заключается в многозначности этого термина, определяемого нерасчлененностью средневекового сознания, и умножается тем, что термин содержит в себе для современного исследователя все коннотации уже сформировавшихся представлений о государстве как об аппарате правления, отделенного от правителя. Так, например, Ч. Боуден передает понятие *törö* при переводе «Алтан Тобчи» как «закон», «правило» ('rule') (АТ 1955: 142–145 и др.) или «правительство» ('government') (там же: 113, 154 и др.). Н.П. Шастина при переводе «Шара туджи», где

⁴ В данной работе используется именно это написание монгольского термина, хотя некоторые монголоеды транслитерируют его как *törü*.

встречаются упоминания *qoyar törö* в связи с распространением буддизма, употребляется выражение «два правления» (ШТ 1957: 140, 150).

На наш взгляд, термин в XVII в. часто имел значения, отличающиеся от тех, которые употребляются в современных переводах его на европейские языки. Представляется, что летописи XVII в. отразили процесс концептуального развития лингвистических средств монгольского языка в области политической культуры, с одной стороны, сохраняя прежние значения понятий, а с другой — наделяя старые термины новым смыслом. Анализ текстов летописей будет способствовать выявлению употребления понятия *törö* в конкретном контексте, т.е. семантического поля, которое окружает это понятие, его синонимов и других прилегающих к нему терминов. Следовательно, будет использоваться как семасиологический анализ, который позволит выяснить разные значения одного и того же термина, а также типичные словосочетания, в которых этот термин встречается, так и ономазиологический подход, посредством которого будут выявлены другие термины, выражающие те же концепты, отражавшие характер рассматриваемого общества.

Для того чтобы понять значение термина в текстах XVII в., следует начать с наиболее ранних представлений о *törö*, нашедших отражение в «Сокровенном сказании». Ниже приведены основные случаи использования термина, причем вместе с монгольским текстом, поскольку перевод требует комментария:

1) «...для меня, который теперь предрек тебе столь высокий сан!» (Козин 1941: 107, § 121) (более точный перевод: «для меня, человека, который указал [тебе] *Высший Закон*». — *Авт.*) (*ele edü törö-yi ji'aqsan gü'ün-ni nimayi tümen-ü noyan bolu'asu ya'un jirgalang bui* (Rachewiltz 1972: 51). К сожалению, описательный перевод И. де Рахевилца понятия *törö* как 'many great affairs' (Rachewiltz 2004: 48 § 121) затемняет смысл. Ведь речь идет о том, что Хорчи указал ему *törö*, что может означать волю высшего божества, т.е. универсальный закон Вселенной, или Высший закон⁵. Трудно предположить, что Хорчи предложил Чингис-хану конкретные законы или правление.

⁵ В уйгурских религиозных текстах термином *törö* передается понятие «дхармы» как универсального закона. Представления об универсальном законе в индийском буддизме сформировались в результате предшествующего развития этой идеи. Сначала в ведийском брахманизме особую роль играл Варуна как «воплощение мирового порядка (*rta*), истины... Он — хранитель высшего закона и гарантия законообразности в мире» (Топоров 1980: 217). Это определялось тем, что *rta* — это «универсальный принцип, определяющий статус ведийской вселенной, равно приложимый к богам и людям, физическому и духовному... учение о *rta* предвосхитило более поздние концепции кармы и дхармы» (Топоров 1980: 223). Впоследствии «место Варуны, вседержателя мирового порядка, занимает Брахма, который устанавливает на земле дхарму — священный закон, религиозные обряды и обычаи, сословное деление общества... выступает как персонификация высшего объективного начала — брахмана» (Эрман 1980: 535). Несмотря на безусловный авторитет брахманов, даже в ведийский период «при общем подчеркивании превосходства жрецов бывают упоминания о том, что кшатрии выше брахмана... раджа мог именоваться как „лучший среди равных“, „лучший среди своих“» (Бонгард-Левин, Ильин 1985: 168). Будде приписываются следующие слова: «И поскольку кшатрийская варна теперь высшая, я буду вновь рождаться представителем этой варны» (там же: 217). Существовали представления, что и царь приобщен

2) «Памятую о великом долге благодарности» (Козин 1941: 162, § 208) (*yeke törö setkijü* (Rachewiltz 1972: 119) (правильный перевод: «Я думаю о Великом законе». — *Авт.*). Этот параграф, на наш взгляд, подтверждает интерпретацию понятия *törö* как Высшего, или универсального, закона, что переведено И. де Рахевилцем как ‘the great principle’ (Rachewiltz 2004: 141, § 208). Во-первых, *törö* упоминается как *yeke törö*, во-вторых, отмечается его цивилизаторская функция (благодаря ему объединены все рассеявшиеся народы), что свойственно сакральному центру, в-третьих, *törö*, приносящее помощь, ассоциируется с тронном — центром социума. И все это идентично функциям дхармы как универсального закона из эдикта Ашоки.

3) «По Монгольской Правде существует у нас обычай возведения в нойонский сан — беки» (Козин 1941: 166, § 216) (*mongqol-un törö noyan mör beki bolqui yosun aju'ui* [Rachewiltz 1972: 125]). На первый взгляд, *törö* и *yosun* — синонимы, что нашло отражение (*tradition* и *custom*) и в переводе И. де Рахевилца (Rachewiltz 2004: 148, § 216). Однако здесь может быть заложен и другой смысл, поскольку *беки* в монгольской политической культуре — это не только глава некоего сообщества, но и, как в данном конкретном случае, исполнитель ритуальных функций. В подобном качестве он связан с Высшим законом, который здесь обозначен как монгольский, и является его проводником. Тогда перевод этого отрывка должен быть таков: «Монгольский Закон состоит в том, что путь нойона — стать *бэхи*»).

4) «Но раз вы уверяете, что не посмели причинить зла своему хану, то это значит, что вы *памятовали о Законе*, о Великой правде, *Еке-Торе*» (Козин 1941: 168, § 220). В этом параграфе также отмечается связь истинного хана (*rightful lord*) с Высшим законом (*the great principle*): если следуешь ему, то отречение от правителя не соответствует высшей воле (Rachewiltz 2004: 151, § 220).

5) Предыдущее высказывание подтверждается словами Ван-хана: «Сына ли только забыл я? Правды закон я забыл» (Козин 1941: 136, § 178) (*kö'ün-ece'en qaqaacu-ju törö-dece qaqacaba* [Rachewiltz 1972: 90]). Хотя мы не встречаем эксплицитного выражения в «Сокровенном сказании» идеи о функции Чингис-хана в качестве воплощения *törö*, это предложение наиболее полно передает представление о том, что правитель выполняет волю высшего божества, т.е. Высший закон. Согласно нормам традиционной политической культуры, отношения Ван-хана и Чингис-хана маркировались терминами кровного родства ‘отец-сын’, которые подчеркивали более низкий статус последнего. То, что Ван-хан оценивает свое отделение от Чингис-хана как отход от *törö*, является ретроспективным указанием на функции Чингис-хана как всемирного монарха — исполнителя высшей

к дхарме: «Царь возглавлял аппарат управления; бог Варуна сделал его „владыкой дхармы“ (дхармараджа. — *Авт.*), защитником справедливости и порядка» (там же: 156). Из эдиктов Ашоки, где изложены не столько основы буддизма, сколько принципы дхармы и методы ее распространения, можно понять содержание этого понятия: «Вот правило — управление с помощью дхармы, принесение счастья с помощью дхармы и защита [империи] с помощью дхармы», — сообщается в первом большом колонном эдикте (там же: 242).

воли. Речь, безусловно, идет о том, что Ван-хан, предав Чингис-хана, тем самым нарушил Высший закон.

Таким образом, термин *törö* передает некое понятие довольно общего характера, что и позволило мне предложить его интерпретацию как термина, обозначающего Высший закон. Для сравнения можно вспомнить употребление терминов *jasay* и *jarliγ*, используемых в конкретных случаях и обозначающих указ, приказ, распоряжение, управление (Скрынникова 1997: 43–44). Обобщая данные монгольского источника, можно сказать, что *törö* — это то, что можно знать, ощущать, воспринимать, иметь в себе — *setkikü* (§ 208, 220); его можно проявлять для других, т.е. проявлять Высший закон (Волю) — *jīqacu* (§ 121) и стараться в исполнении Высшего закона — *kiciyegü* (§ 281). Но можно в своей деятельности и отойти от Закона — *qaqасаqu* (§ 178), т.е. *törö* — это то, чему человек может следовать в своей деятельности, но что существует вне воли человека, не им создается, а дается ему свыше, им же только осознается. Даже хан не творит *törö*, а лишь следует ему, что позволяет обозначить этот феномен как «Высший закон», что, по моему, и позволяет предположить, что в период Чингис-хана этим термином обозначался универсальный закон, установленный Небом. В связи с этим нельзя не вспомнить, что в древнетюркский период термин *törö* использовался для передачи понятия «дхарма» на древнетюркский язык (ДТС 1969: 581). Но, как показывают тексты, термином *törö* могло обозначаться и вполне светское понятие закона, синонимичное монгольскому термину *yosun* (об этом см. ниже).

Анализ хроник XVII в. подтвердил правильность интерпретации *törö* как Высшего закона. В тексте «Алтан тобчи» к умирающему Чингис-хану обращаются так: «Когда уходит его золотая душа... Ваше торо, ставшее яшмой, понизится, умрет любимая Вами жена Бортэгэлджин, Ваши Хасар и Беэлшутэй поссорятся, собранные Вами народы разбредутся на все стороны, Ваше ставшее высоким торо понизится, Ваша ханша Бортэгэлджин, когда-то давно встреченная Вами, умрет, Ваши Угэдэй и Тулуй станут сиротами, множество народов, собранных Вами, разбредутся и будут принадлежать другим, Ваше торо, ставшее горой, понизится, Ваша ханша Бортэгэлджин, которую Вы встретили и уважаете, умрет, Ваши Оцоху и Хацаху поссорятся, множество народов разбредутся по горам и лесам. Они будут жить по склонам Хангай-хагана... исчезнут вода в пустыне и дороги в горах».

В переводе Ч. Боудена (АТ 1955: 141–143) термин *törö* переводится как «норма», «правление» (rule). Однако в приведенных выше обращенных к Чингис-хану словах речь идет о *törö*, еще сохранявшем значение сакрального качества, связанного с верховным правителем, обеспечивавшим гармонию в социуме и природе. Прежде всего стоит обратить внимание на причинно-следственную связь, имплицитно позиционируемую в тексте: Чингис-хана покидает его *altan amin*, что приводит к понижению *törö* и, в свою очередь, к деструкции не только социального, но и природного пространства. Представляется, что ключевым для понимания значения *törö* является его связь с *altan amin*, которое Ч. Баудэн перевел как 'his golden life' (там же: 141).

На наш взгляд, монгольский термин *altan amin* можно интерпретировать как сакральное качество (*харизма*)⁶, присущее верховному правителю. Употребление перед словом ‘amin’ (душа, дыхание) определения ‘altan’ перекодирует его смысл: термин витальности (дыхание, жизнь) становится обозначением сакральной субстанции, связанной с солнцем, на что указывает маркер цвета — золотой⁷.

Подтверждением справедливости моего предположения служат факты, упомянутые в «Эрдэнийн товчи». Совершенно определенно это значение нашло отражение в словах Боорчи, который связывает *törö* с сакральной субстанцией солнечной природы, от которой *törö* Чингис-хана зависит напрямую: «Пусть золотая веревка моего владыки будет крепкой, драгоценный яшмовый великий *törö* мирным/безмятежным» (ЕТ 1990: 74). Лишь в этом случае *törö* может выполнять гармонизирующую функцию, что подтверждается фразой, относящейся ко временам Тогон-Тэмюра: «Золотая веревка хагана благополучна — яшмовое *törö* мирное» (там же: 95). В этих цитатах зависимость *törö* от харизмы правителя, обозначенной золотой веревкой, выражена эксплицитно.

Подобная связь *törö* и харизмы выявляется в ритуальных текстах, связанных с культом Чингис-хана, где его харизма (*sülde*) воплощена в четырехбунчужном черном знамени и девятибунчужном белом знамени. «Ставшее столпом *törö* (медиатором в качестве Axis mundi. — *Авт.*)... ставшее опорой телу... четырехбунчужное великое знамя (*сүлдэ*, ср. ниже — *түг*. — *Авт.*); великое *сүлдэ* (харизма. — *Авт.*) августейшего владыки (Чингис-хана. — *Авт.*), ставшее опорой *törö*, воплотившееся в девятибунчужном белом знамени» (Rintchen 1959: 74).

Можно говорить о том, что в XVII в. еще сохраняется сакрализованное значение *törö* как обозначение Высшего закона. Мне кажется, что именно это еще не десакрализованное значение Закона (принцип универсальной равнозначности в микро- и макрокосмосе, который обеспечивает соблюдение установлений порядка, закона и правил, норм, следование которым обеспечивает гармонию в Космосе, Природе и Обществе и характерно для средневекового монгольского общества. Представление о единстве сакральности правителя (*sülde*) и *törö* является архетипом традиционного сознания, что, например, в китайской традиции выражено через единство *Дэ* императора и *Дао*⁸.

⁶ Для обозначения харизмы в монгольской традиции использовались разные термины: *sülde*, *suu*, *suu jali*, *sür javqlang*, *čoy jali*, *čoy sülde*, *kei morin*, *sülde kei morin*. Основным внутренним свойством этой сакральной субстанции было наличие света/сияния, что иногда маркировалось специально: *altan* — цвет солнца, *gegegen* — свет, *čoy* — огонь, *jail* (др.-тюрк. *old-turkish* ‘jal-’) — вспыхивать, воспламеняться, гореть. Харизму можно воспламенять, пробуждать (*badruylulqu*, *sergegekü*), т.е. активизировать.

⁷ Возможность подобной перекодировки была отмечена по отношению к другому монгольскому термину витальности — *sünesün* (soul), когда определение *gegegen* придает новому термину *gegegen sünesün* (= *suu jali*) значение иной субстанции — сакральности или харизмы (Скрынникова 1997: 149–161).

⁸ «Чтобы результаты воздействия на мир были благоприятными, „Дао и Дэ должны быть едиными“ — *дао дэ и*» (Мартынов 1978: 30).

В ритуальных текстах *törö* связано с атрибутами⁹, маркирующими центр: «четыребунчужное черное знамя, ставшее железным столпом — опорой *törö*» (Rintchen 1959: 70). Можно говорить о том, что как сам правитель благодаря харизме, так и его атрибуты становятся медиаторами *törö* — Высшего закона. Находясь в сакральном центре социума, *törö* имеет тенденцию к увеличению, росту, расширению, распространяя благо. Оно определяется как «обильное счастливое *törö*» (там же: 87, 102, 106); «растущее *törö*» (там же: 87, 99, 101, 103, 106), что обеспечивало процветание общества.

Ритуальные тексты, посвященные культу знамен (*туу, сүлде, туу сүлде*) Чингис-хана как вместилищ его харизмы (*сүлде*), подчеркивают связь *törö* с правителем. Чингис-хан, получивший *törö* и ставший его проводником, обозначается следующим образом: «Хан и ханша разрастающегося великого *törö*» (там же: 77); «хаган и ханша обильного, счастливового *törö*» (*arbin sayin törü-yin qayan qatun*) (там же: 87). Ряд определений можно продолжить (там же: 87, 88, 106), но важно отметить, что именно благодаря *törö*, а если следовать ритуальным текстам, то благодаря нахождению внутри *törö*, правители обеспечивают счастье, мир, хорошую долю своему народу. В молитве, обращенной к знамени Чингис-хана, к ним так и обращаются: «Хаган и ханша, [находящиеся] в центре расширяющегося счастливового *törö*... пусть дадут всему народу мир, счастье и [хорошую] долю» (там же: 99).

Чингис-хан и атрибуты, воплощающие его харизму, выступают в качестве центра мира, гармонизирующего пространство, которое могло выражаться через различные числовые обозначения (4/40, 5, 8, 12). Прежде всего это касается пространства своего социума — Монгольского улуса, что подтверждается сообщением Саган-Сэцэна о том, что Чингис-хан «обустраивал империю — великий улус, при самом начале установил свой яшмовый *törö*. Жили в покое: руки — на земле, ноги — на почве. Весь свой великий народ сделал мирным и счастливым» (ЕТ 1990: 76). В данном тексте употребляется традиционное выражение *γar γajar-a köl köser-e amuran aju*, означающее гармонизацию социального пространства благодаря установлению *törö*.

В следующей цитате представляется возможным интерпретировать *törö* в значении Высшего закона, являющегося внутренним качеством правителя, цивилизующее действие которого не ограничивается своим социумом. Чингис-хан говорит о своем сподвижнике — нукере Боорчи, который «вместе [с другими] ограждал (т.е. защищал. — *Авт.*) весь *törö*» (там же: 73), «охраняет мое внутреннее яшмовое великое *törö*, владеет моим внешним пятицветным народом» (там же: 75). *Törö* было связано непосредственно с правителем, который получал (или

⁹ При распределении должностей и обязанностей после инаугурации Чингис-хан отдал на хранение хэбтеулам знамя, барабан (= кузнечный мех) и копье из персикового дерева (Козин 1941: § 232) (*tuq gü'ürge doro jida*). Угедэй затем подтвердил это право (там же: § 278). В связи с указанием материала, из которого сделано копье Чингис-хана, вспомним, что «у маньчжуров персиковое дерево в качестве древа солнца, древа жизни носит название торо, как шаманское дерево у тунгусских народов... Это и „дорога“ шамана к небу» (Штернберг 1936: 124). В связи с этим привлекает внимание один из случаев иного написания *тиря* в § 281 «Сокровенного сказания» — *dörö*, созвучное написанию сакрального копья, атрибута Чингис-хана (= аналог *Axis mundi*).

принимал) его, что позволяло стать мировым монархом, поскольку *törö* в качестве *Axis mundi* оказывало действие на весь мир.

Именно в таком значении в ритуальных текстах упоминается Чингис-хан: «Небеснорожденный Чингис-хан, получивший *törö* народов мира» (Rintchen 1959: 63). Весь мир может моделироваться и через числовую модель, когда Чингис-хан говорит: «Я волею Неба-отца покорил двенадцать сильных ханов, всех сделал счастливыми благодаря мирному *törö*» (ЕТ 1990: 72). При этом Чингис-хан даже после смерти находится в центре этой модели: «Чингис-хан, сделав центром свой Ордосский тумэн (Эджэн-Хоро — место, где хранятся реликвии Чингис-хана в восьми белых юртах. — *Авт.*), стал владыкой множества улусов» (Rintchen 1959: 67).

Безусловно, эта реконструкция представлений о *törö* как о Высшем законе основывается в большей степени на материалах, связанных с Чингис-ханом («подобно алмазу *törö* постоянно добродетельного богдо» (ЕТ 1990: 196), выросшим в сознании средневековых монголов до идеала сакрального правителя, и потому может быть обозначена как идеальная модель, с одной стороны; с другой — пример связи харизмы (золотой веревки) Тогон-Тэмюра и *törö* подтверждает универсальность этой модели.

На то, что в текстах XVII в. *törö* еще могло означать Высший закон, проводником которого благодаря харизме являлся правитель или связанные с ним атрибуты власти, указывают обозначения *törö* в упомянутом выше отрывке из «Алтан тобчи»: *ündür boluysan törü* и *aᠷula boluysan törü*. Примыкающие к *törö* слова — ‘ставшее высоким’ и ‘ставшее горой’ — совершенно определенно указывают на образ горы в качестве *Axis mundi*, т.е. на медиативную функцию *törö* в качестве центра мира, гармонизирующего пространство.

Показательным в этом контексте является глагол *boyoniduqu* (‘становиться низким’, ‘to be/become low’), употребленный по отношению к *törö* в процитированном выше тексте. Из-за того что «яшмовый/высокий/подобный горе *törö* становится низким», не только происходят негативные события в социальном пространстве, но и нарушается природная гармония. Материал монгольских хроник и обрядовых текстов демонстрирует, что, по традиционным представлениям, выполнение правителем регулирующей функции в природе и социуме обеспечивается его особой связью с *törö* — универсальным законом Вселенной или Высшим законом, который Небо проявляет через правителя.

Но уже в этом же тексте встречается употребление парного термина *bürin yeke törü yosun čin-u* (АТ 1955: 60), что Ч. Боудэн перевел как однородные члены предложения: «Все ваши великие правила и обычаи», ‘All your great rule and customs’ (там же: 145), хотя здесь отсутствует соединительный союз ‘и’ (*qoyar*). Можно сказать, что и добавление светского термина *yosun* (customs) не секуляризует сакрального значения понятия *törö* как ‘универсального высшего закона’, поскольку последующий текст воспроизводит картину, противоположную апокалипсису, представленному в § 44. Здесь, в § 48, наличие *bürin yeke törü yosun* Чингис-хана обеспечивает сохранение всех маркеров монгольской общности (там же).

Представляется, что аналогичное — космологическое — значение *törö* отмечается в магтале, произнесенном Чингис-хану сунитским Гилугэном в «Эрдэнийн товчи»: «Твой *törö*, установленный для всех» (ЕТ 1990: 82). Актуальность социогонического (части космогонического) характера универсального закона в XVII в. подтверждается еще одним источником этого периода — «*Erdeni tunumal neretü sudur*», в котором подчеркивается, что установленный Чингис-ханом *törü yosun* — высший. «Рожденный волей Высшего Неба, Изначально установивший Высший закон, Подчинивший своей власти весь мир, Известный под именем Темужжин — гениальный Чингис-хаган, Подчинивший народы пяти цветов, установил Вселенский закон» (ЕТNS 2001: 151).

В данном тексте идея правителя в качестве проводника универсального закона проявляется наиболее выразительно. Конечно, и здесь не говорится прямо о том, что *Degedü törö yosun* был установлен Небом. Но последовательность актов, представленная в этом отрывке, позволяет утвердиться в том, что речь идет именно о некоем универсальном законе, связанном с Небом. Уже своим рождением по воле Неба Чингис-хан изначально (*tulγuraca*) устанавливает Высший закон, что, в свою очередь, отдает под его власть не только его мир¹⁰, но и всю Вселенную (*Delekei yirtincü dakin*). При этом необходимо отметить космический характер его власти: слово *Delekei* означает мир, находящийся на земле, а слово *yirtincü*, включая и первое понятие, означает и космос, и все мироздание. Таким образом, термин *Degedü / yirtincü-yin törö / törö yosun* обозначал Высший, или универсальный, закон Вселенной, что архетипично для традиционного сознания и соответствует *Dao* в китайской и *rita* (*rita*) или *dharma* в индоарийской культуре. А его употребление в цитируемых текстах свидетельствует об актуальности этих представлений и в XVII в.

В ритуальных текстах, читаемых при проведении обрядов, посвященных культу Чингис-хана, и в XX в. прослеживается связь *törö* с правителем и политикой, которую он возглавляет. Получение *törö* правителем-победителем (Чингис-ханом) вело к владению тем народом, который возглавлялся побежденным правителем: «Чингис-хан... получив *törü* Ван-хана, стал владеть множеством кереитов и ведать [ими] (здесь и ниже перевод мой. — *Авт.*)» (Rintchen 1959: 67). Это происходило из того, что *törö* правителя являлось и *törö* социума: «Чингис-хан... получивший *törü* найманского Даян-хана, получивший *törü* всего великого улуса» (там же).

Структурно-семантический анализ термина *törö* в контексте с прилегающими к нему словами позволил обосновать интерпретацию термина *törö* как универсального закона, связанного с фигурой правителя. При этом, безусловно, уже в XIII в. обладание правителем *törö* обеспечивало суверенитет политики, которую он возглавлял.

Возрождение буддизма в монгольской среде было обусловлено активизацией монголов на политической арене во второй половине XVI в., и прежде всего

¹⁰ Пять цветных народов, как правило, моделируют ближний мир, подвластный правителю: свой народ и четыре других, расположенные по сторонам света, уже включенные в сферу его влияния.

с деятельностью тумэтского Алтан-хана. Традиция взаимодействия религии и светской власти имела исторические корни с периода Юаньской империи. Но уже в XVII в. мифологизация процесса распространения буддизма в монгольской среде потребовала его удревления и отнесения к временам славных предков. Для усиления авторитета буддизма используется образ Чингис-хана, которому приписывается его распространение среди монголов: «Подчинил своей власти пять цветных народов, / Для радости установил закон Вселенной, / Пригласил высококочтимого сакьяского ламу Гунга-Нинбо, / Первым распространил религию Будды» (ETNS 2001: 151). Имеет смысл уточнить перевод той части текста, в которой упоминается *törö yosun*: «Для радости установил универсальный закон Вселенной». Несмотря на то что этот источник посвящен прославлению союза светской и религиозной власти, в данном контексте по отношению к Чингис-хану термин *törö yosun*, где оба слова являются синонимами, выражает понятие универсального Высшего закона, благодаря которому он закрепил власть над народами.

Актуальность представлений, выражавших связь правителя и Высшего закона, сохранилась и в буддийской концепции «двух законов». Поскольку исполнителями этих двух законов были лама и правитель (хаган), то практически все исследователи переводили определение закона, связанного с хаганом, как «светский» или «мирской». Безусловно, сфера, связанная с деятельностью буддийского ламы, определяется законом, который в текстах может обозначаться как «религия» (*sasin*) или «буддизм» (*burqan-u sasin*) либо «закон религии» (*sasin-u /nom-un törö/ jasaγ/ yosun*), когда буддизм обозначается ставшим впоследствии общим словом для религии. В то же время функцией правителя/хагана была гармонизация социального и космического пространства благодаря его связи с *törö*.

Данный термин не содержал секуляризованного значения, он сохранял сакральный смысл, поэтому обозначение мироустроительной деятельности хагана как «светской» достаточно условно. Об этом свидетельствует текст «Белой истории»: «Корень (*ündüsün*) высокой религии — лама, владыка учения (*nom-un ejen*), а вершина (*erkim*) Великого закона (*yeke törö*) — могущественный (*erketü*) хаган Вселенной (*yirtinču*). Правление (*jasaγ*) истинного учения неразруσιμο, подобно шелковому узлу, правление (*jasaγ*) строгого хагана неразрушаемо, подобно золотому ярму. Кратким изложением того, как руководствоваться в равной мере и безошибочно истинными „двумя законами“ (*qoγaγ yosu*), стала „Белая история учения десяти добродетелей“ (*Arban buyan-tu nom-un Čaγan teüke*)» (Sagaster 1976: 83). Следует предложить несколько иной, отличный от сделанного К. Загастером перевод второй фразы первой части «*yeke törö-yin erkim yirtinčü-yin erketü qaγan*» (там же: 83) — «а вершина Великого закона — могущественный хаган Вселенной». В данном контексте образ правителя, являющегося вершиной Высшего закона, символизирует *Axis mundi*, т.е. центр мира. Помещая правителя на вершину, а ламу — у корней, составитель текста констатирует главенство первого именно благодаря его функции выразителя Высшего закона.

Ниже в тексте «Белой истории» это понятие — «два закона» (*qoyar yosun*) — расшифровывается и уже обозначается как два *törö*¹¹: «Эти два закона: закон учения (*nom-un törö*), а именно Дхарани и Сутры, и закон Вселенной (*yirtincu-yin törö*), а именно мир и легкость... Гугуруши, владыкой учения (*nom-un ejen*), может называться тот, кто может заставить течь четыре реки посвящения (абишиг) во благо хагана, владыки *törö* (*törö-yin ejen*)» (Sagaster 1976: 114). Как и в предыдущем случае, следует уточнить значение *törö*, связанного с правителем: *yirtincu-yin törö* — это универсальный закон Вселенной, а хаган, получивший посвящение, является его владыкой *törö-yin ejen*, т.е. через него закон исполняется.

Здесь целесообразно обратить внимание на сходство монгольского понятия «владыка закона (Вселенной)» (*törö-yin ejen*) и индийского дхармараджа. Как в Индии титул «раджа» получали некоторые кшатрии после прохождения посвящения абишик, так и «владыка Закона» у монголов был связан с этим актом. Фиксируется безусловный примат правителя над религиозным лидером: первый — владыка Мирового закона, а второй только владыка учения. Космологизирующая функция в качестве проводника Высшего закона приписывается даже Хубилаю, традиционно рассматриваемому как соавтор концепции «двух законов»: «Благословеннорожденный Хубилай Сэцэн-хан охранял различные ненадежные народы в дальних и ближних областях, установил порядок и защиту. Поэтому он, не притесняя четырех углов и не потрясая восьми границ, держал ровно Великий закон (*yeke törö*) и принес своему великому народу мир и радость» (Sagaster 1976: 101). Благодаря наличию у Хубилай-хагана харизмы (*sutu*) он ровно держал Великий закон (*yeke törö*), тем самым гармонизировал социальное (дальние и ближние народы) и географическое/территориальное (в границах четырех углов и восьми границ/сторон) пространства.

Эксплицитное выражение связи правителя и *törö* в значении сакрального Высшего закона нашло отражение и в следующем отрывке: «„Ты — победитель множества завистливых врагов, объединитель мирным путем старейшин и высших — стал символом Великого закона“. Сказав так, дал Алтан-хану титул „су-у-ту“» (ETNS 2001: 160). Во-первых, Алтан-хан называется не создателем *törö* в значении закона или власти, а его символом или опорой (там же), т.е. столпом, через который Высший закон осуществляется. Во-вторых, согласно источнику, он получает титул «обладающий харизмой» (там же). На самом деле это выражение не было титулом, а лишь маркером харизматичности той или иной персоны, что и обеспечивало, как показано выше, его способность быть проводником *törö*. В-третьих, именно благодаря сказанному выше Алтан-хан мог выполнять гармонизирующую функцию в своем и чужом социумах.

Правитель, руководствующийся Высшим законом (*kündü degedü törö-yin qaγan*), согласно «Белой истории», может называться таковым, если он облачен в

¹¹ Необходимо отметить, что синонимичность и взаимозаменяемость этих двух понятий — *törö* и *yosun* — характерная черта источников XVII в. Так, например, в «Шара туджи» следование Буянту Дзаягату-хагана двум принципам передается выражением „*qoyar törö-yin yosoyar üiledün*“ (ШТ 1957: 52), тогда как у Тогон-Тэмур-хагана — „*uridus-un yosoyar qoyar yosun-i tegside yabuyuluyad*“ (там же: 56).

соответствующую одежду (шапка, халат, пояс и обувь), что подчеркивает его ритуальную функцию, и «восседает на прекрасном троне, не оступаясь и не опираясь, тот, кто управляет всем великим народом благодаря спокойной харизме (*jibqulang*)¹², исполняет закон Вселенной (*yirtincu-yin törö*), не смешивая двух законов/принципов (*qoyar yosu-yi*), тот, кто все это может» (Sagaster 1976: 88). В данной характеристике статуса истинного правителя позиционируется не только набор определенных обязанностей, которые он должен выполнять, но и все необходимые атрибуты его высокого положения и сакрального статуса, включая трон.

В качестве одного из необходимых качеств, которыми правитель должен обладать, выделяется устойчивость («не оступаясь и не опираясь»), которая несет в себе коннотации чего-то стоящего или установленного. Благодаря этой устойчивости правитель может выступать опорой Высшего закона (*törö-yin sitügen*) или «держатъ ровно Высший закон» (*yeke törö-yi tübsin-e bariju*); тогда правитель, его трон и Высший закон обеспечивают гармонию мира, что постоянно подчеркивается монгольскими источниками.

Представление о *yeke törö* как об универсальном законе стало обоснованием концепта о хане-чакравартине. В связи с этим концептом представляется возможным уточнить интерпретацию значения *törö* и в контексте буддийской концепции бытия. Приведем следующий монгольский текст: «Неведомо, как вращается великое торо, как и колесо времени. Если установить непреходящий закон, будут счастливы внешние и внутренние [народы]» (ETNS 2001: 168, 261). Термин *yeke törö*, переведенный здесь как «великое господство», точнее интерпретировать как универсальный закон, связанный с колесом времени (*kalachakra*).

Уже Пагба-лама применил по отношению к монгольским правителям понятие о Чакравартине, которое содержало идею о вселенском монархе, живущем во благо живых существ и вращающем 1000 колес (учения Будды). В своем сочинении «Разъяснение предмета познания» (1278) он присвоил монгольским ханам, начиная с Чингис-хана, это наименование — Чакравартин. Это стало возможным, поскольку мировая история, согласно Пагба-ламе, представлена как история трех буддийских монархий: Индии, Тибета и Монголии, — причем история Монголии начинается с Чингис-хана, который родился «в результате созревания плодов прежних деяний спустя 3250 лет после нирваны Будды» (Бира 1978: 77).

Царь Чакравартин — универсальный правитель, как Будда — «Большой человек», существо, содержащее 32 больших и 80 малых совершенств тела, которые необходимы, чтобы быть Буддой или его земным подобием — Чакравартином. Будда и Чакравартин в мире сансары существуют и осуществляют свою деятельность через посредников — земных представителей с качествами Чакравартинов. Как Будда нашего времени — Шакьямуни, так и Чакравартин — Махасаммати, все другие правители-чакравартины являются чакравартинами-преемниками (Sagaster 1976: 21–22). Понятие «дхармараджа» могло означать не только

¹² О значении *sür jibqulang* / *čoy jibqulang* — «харизма» см.: Скрынникова 1997: 156–157.

религиозного правителя (*nom-un qan*), но и владыку универсального закона (*törö-yin qan/ejen*).

Кратко в обобщенном виде эти идеи нашли отражение в «Эрдэнийн товчи», где написано, что, «начиная с индийского Олана-эргүгдэгсэна и до сегодняшнего дня, для пользы живых существ *рождались ханы, владеющие силой богдос (августейшие), которые упорядочивали мир...* рождались добродетельные боддхисаттвы, которые руководили живыми существами, *делали счастливыми всех благодаря религии Будды и törö богдо»* (ЕТ 1990: 191). В этом отрывке обращает на себя внимание фраза «рождались ханы, обладающие силой богдо, [они] упорядочивали мир». Думается, что в данном случае *törö* имеет космологический смысл, поскольку, во-первых, оно упоминается как *boydas-un törö*, а во-вторых, речь идет о его цивилизаторской умиротворительной функции, распространявшейся на весь мир.

Как известно, *boyda(s)* — это маркер правителя (августейший), связанный с харизматической субстанцией, что зафиксировано в ритуальных текстах: «всесильная харизма Богдо» (Rintchen 1955: 86), «всесильное Богдо сульдэ» (там же: 61). Это определяет социально-ритуальные функции правителя, делая его медиатором «космос–социум» не только для своей общности, но и для универсума. Саган-Сэцэн, автор «Эрдэнийн товчи», совершенно определенно приписывает *törö* правителю, указывая, что всеобщее счастье обеспечивается религией Будды и связью правителя с Высшим законом. Причем, несмотря на буддийскую направленность летописей, рождение правителя связывается с волей Неба: «Владыка всего мира Богда Алтан сэцэн-хаган, рожденный по воле Высшего Неба» (ETNS 2001: 171). Здесь мы наблюдаем «парад» маркеров, отмечающих исключительность тумэтского Алтан-хана: *qayan*, *boyda*, владыка Вселенной.

Поскольку тексты XVI–XVII вв. написаны в условиях нового исторического контекста — периода распространения и становления буддизма в Монголии, — то довольно часто встречаются примеры использования термина *törö* в связи с новым концептом «двух законов», которые определили характер управления обществом, о чем упоминалось выше. Согласно легендарным сведениям, «третий сын Чингис-хана — Угедэй / пригласил всемогущего ламу Сакья-пандиту, / Согласно доброму правилу, соединив мирской закон и религию Будды, / Весь великий народ осчастливил постоянным миром и покоем. Так было» (там же: 151). Безусловно, в этом ряду упоминаются и Хубилай, пригласивший Пагба-ламу, много сделавший для переводов священных текстов на монгольский язык и прославившийся как Чакравартин-хаган; и Кулук-хаган, в правление которого Чойджи-одээр сделал множество переводов на монгольский священных книг (там же).

Завоевание Китая потребовало от монгольской властвующей элиты замены институционально не оформленных традиционных верований более действенной идеологией, способной конкурировать с традиционной китайской. Контакты монгольских правителей, осуществлявшиеся ими еще до получения китайского трона, с представителями тибетских буддийских школ в результате привели к заключению союза между первым монгольским императором Юаньской дина-

стии Хубилаем и сакьяским иерархом Пагба-ламой: «Распространив дружественную религию Будды, основав совершенный светский закон, стали они местом поклонения (религиозным учителем) и милостынедателем» (там же: 190). Представляется более точной интерпретация выражения «*yirtincü-yin törö-yi jokiyan bayiyuluyad*» как «установил всемирный, т.е. универсальный, или Высший, закон», поскольку Хубилай обозначался как «хаган», титулом, который маркирует не только верховного правителя Юаньской империи, но и универсального монарха.

В употреблении термина *törö* в контексте буддийской концепции власти отразилась характерная для традиционной культуры закономерность — полисемантность ее знаков, когда один термин может выражать разные понятия (*qoyar törö / dörben törö*) или одно понятие обозначается разными терминами (*qoyar törö / qoyar yosun*), которые могли выступать как синонимы (*qoyar yosun = dörben törö* (Sagaster 1976: 84), а в качестве парного слова (*törö yosun*) выражали одно понятие.

Это характерное для традиционного сознания использование одного термина для обозначения как целого — Высшего закона, так и частей целого: двух законов (мирского и религиозного) и четырех законов (дхарани и сутры, мир и легкость). Эта традиция идет из древней Индии, где, с одной стороны, термином «дхарма» обозначался Высший закон, а с другой — были дхармы различных социальных групп (Бонгард-Левин, Ильин 1985: 288, 305, 478). Если в древней Индии термин «дхарма» приобрел и другое значение — учение, то в монгольской традиции последнее понятие стало выражаться другим заимствованным термином — *nom*, который употреблялся еще и в значении «книга». И соответственно, санскритское «дхармараджа» могло означать как «владыку закона», так и «владыку учения», тогда как в монгольской традиции понятие «владыка Закона (Вселенной)», актуальное не только после распространения буддизма, но и до него, передавалось монгольским термином *törö-yin ejen qayan* (Sagaster 1976: 85), а «владыка учения» — термином, употребляемым уже после принятия буддизма, *nom-un qan*.

Нужно еще обратить внимание на синонимическую пару терминов (*jarliy/ jasaγ*), обозначающих личную волю правителя или ламы — их руководство и управление. «Без руководства/управления учения (*nom-un jasaγ*) живые существа попадут в ад, без управления хагана (*qayan-u jasaγ*) народы и племена (*ulus ayımaγ*) погибнут» (Sagaster 1976: 94). «Если не будешь следовать поучению ламы-учителя, встретишься с вредоносным учением. Если не будешь следовать поучению отца и матери, совершишь дурные дела. Если не будешь слушать приказов владыки-хана (*ejed qad-un jarliy*), попадешь в темноту» (там же: 95).

На примере Хубилай-хагана описываются космологизирующие функции правителя, держащего Высший закон: «Управление (*jasaγ*) истинного учения (*ünen nom*) двух законов (*qoyar yosun*), которые организовали вселенную (*yirtinču*) гениально рожденного Хубилай Сэцэн-хагана, подобно шелковому шнуру; управление (*jasaγ*) строгого хагана подобно золотому ярму. Распространить повсюду в четырех направлениях, чтобы принести мир всему великому народу» (там же: 101–102). Как видим, закон правителя, который выражался термином *törö*, в дан-

ном отрывке обозначается как *jasay*, что, как в случае с *törö* и *yosun*, определенно указывает на их синонимичность.

Следующий текст является примером обозначения Высшего закона парным термином *jasay törö*: „*tegüber qoyar yosu-yi jasay törö-dür neyilegüljü yabuylдаqu. törö-еёе eteged jasay-i yabuylbasu ulus-un terigün-i barin yadayu*” (там же: 96). Можно предложить следующую интерпретацию этого отрывка: «Объединив два закона в [соответствии с] Высшим законом, осуществляйте [его]. Если осуществлять правление, отклоняясь от Высшего закона, можно ли держать главенство в улусе?». В этом тексте указывается на необходимость приведения двух законов в соответствие с универсальным законом, отклонение от которого невозможно для истинного правителя. При этом универсальный закон выражается и как *törö*, и как *jasay törö* — термином, которым подчеркивается управляющая функция хагана.

Таким образом, если в традиционной культуре речь шла только о Высшем законе, проводником которого был хаган, в буддийской традиции монголов, как мы видим, он поддерживается буддийским законом, который в текстах обозначается как «религиозный» или «религия Будды». При этом сохраняются представления о связи правителя с Небом. Так, в монгольском тексте специально оговаривается, что Алтан-сэцэн-хаган, который обозначается как универсальный монарх (ETNS 2001: 171) «августейший Алтан-сэцэн-хаган, владыка всего мира», родился по воле Высшего Неба и в память о Пагба-ламе и Хубилай-хагане «думал о религии и светском законе» (там же: 172).

Как в этом случае, так и в примерах, приведенных ниже, интерпретацию термина *törö* в значении светской или мирской власти-господства можно принять с некоторой долей условности. *Törö* может быть названо светским, поскольку речь идет о его связи со светским правителем — Алтан-хаганом и другими монгольскими ханами и хаганами. Эта связь определяется его рождением по воле Высшего Неба, и *törö* сохраняет значение, сформировавшееся в рамках традиционной политической культуры, т.е. как универсальный закон Вселенной (*yirtincü-yin törö*), определяющий статус Алтан-хагана в качестве универсального монарха, что, безусловно, имеет также религиозный смысл. Термин не содержит коннотаций, связанных с реальными властными механизмами — с системой норм, санкционированных или установленных государством как определенным аппаратом управления и охраняемых от нарушений с помощью мер государственного принуждения. Это объяснение следует иметь в виду, когда речь идет о светском законе.

В монгольских летописях XVII в. и последующего периода принятие буддийской концепции «двух законов» стало мерилом истинного правителя, что в текстах выражалось стандартными фразами, которые отмечают его приобщение к буддизму и, соответственно, руководство в своей деятельности двумя принципами управления — светским и религиозным. В монгольском языке это выражается терминологически по-разному. Приведем лишь несколько наиболее показательных примеров, которые встречаются в текстах.

törö sasin. О Хубилай-хагане и Пагба-ламе говорится, что они «ввели как равные светский закон и религию» («tegsi törö sasin-i bayıyuluysan» (там же: 174). Алтан-хагану сказали: «Не будет ли замечательно, если будут учреждены религия и светский закон?» («şasin törö-yi bayıyulbasu ıaiqamsiy busu uu» (ET 1990: 146).

sajin törö. Дзаягату-хаган, сын Буянту-хагана, «согласно обычаю, руководствовался [в своей деятельности] религией и светским законом» («sajin törö-yi yosuıar üiledün» (там же: 90). Тогон-Тэмур говорил: «Мое счастье в религии и светской власти, полезных для всех» («Yerüde tusatu sajin törö qoyar-un jiryalang minu» (там же: 97) и «жил счастливо благодаря религии и закону» («sajin törö-ber jiryaju saıun» (там же: 90).

qoyar yosun. Далай-лама говорит об «исполнении двух законов» («qoyar yosun-i бүтүгекү» (там же: 188). Хубилай, как один из многочисленных потомков Чингис-хана, «в равной степени исполнял два закона» («qoyar yosun-i tegside yabuıulun» (там же: 85).

qoyar jasıy. Олдзэйтү-хаган «уравнял два закона/правления» («qoyar jasıy-i tegside bayıyulun» (там же: 88). Он же «благодаря четырем великим законам создал благополучие и покой своего великого народа» («dörben törö-ber: narmaı yeke ulus-ıyan esen tayibing bolıayad» (там же).

qoyar törö. Алтан-хаган «твердо установил два закона» («qoyar törö-yi tübsin-e bayıyuljuıui» (там же: 153). Последний всемонгольский хаган — Лигдан-хан, который, «следуя прежним обычаям, уравнял два закона» («urıduş-un yosuıar qoyar törö-yi tegside bayıyulun» (там же: 134), предварительно приняв посвящения «abisig».

yirtincü nom qoyar-un törö. Алтан-хаган называется Чакравартином, который «установил равными всемирный и религиозный законы» («Yerü yirtincü nom qoyar-un törö-yi tegsi toıoluıad» (ETNS 2001: 195), что в более развернутом виде записано следующим образом: «Установив как равные религию драгоценного Будды и всемирный закон» («Erdeni burqan-u sasin kiged yirtincü-yin törö-yi tübsin-a bariju» (там же: 204).

Глаголы, которые описывают действия, совершаемые с «двумя законами» как субъектами действия, отмечают момент начала (установить, уравнять, принять), иницируемый светскими лидерами. Войдя в буддийскую традицию, монгольские правители, установив ее, руководствуются ее правилами, управляя народом. Как и в традиционной культуре, использование в политической практике *törö* (светской власти) в сочетании с религией ведет к умиротворению народа, что и составляет его счастье.

Источники отмечают периоды, когда традиция патронирования буддизма светской властью прерывалась. Так, согласно Санан-Сэцэну, когда родился Тогон-Тэмур, «религия и светская власть — эти две [составляющие] — были разрушены» (ET 1990: 95). Со времен Ухагату-сэцэн-хагана и до приглашения Алтан-ханом Далай-ламы «религия и светский закон прервались» (там же: 150). Отход от следования концепции *qoyar törö* приводил к деструкции социальной жизни.

ни: «Во времена множества ханов люди страдали, не было универсального закона и закона Будды, хан и простолюдины жили, не различая хорошего и плохого, в это время Золотой род борджигинов пришел в упадок» (ETNS 2001: 152). Уже в «Белой истории» этот момент отмечался, причем внимание фиксировалось на роли правителя, о чем было сказано выше (Sagaster 1976: 96).

При декларируемом равенстве двух принципов все-таки ведущим в управлении оставался светский закон (в переводе К. Кольмар-Пауленц, «господство»), который религиозным законом только поддерживался, что подтверждается следующим фактом: Намудай-сэцэн-хаган, Дзонгэн-хатун и хунтайджи «проводили закон Высшего богдо-хагана благодаря религиозному закону» (там же: 214). Патронаж светской власти обеспечил буддизму быстрое распространение в монголоязычной среде, поскольку первыми религиозными деятелями были, как правило, ближайшие родственники правителей, т.е. власть, как светская, так и религиозная, оставалась в руках правящего клана. Можно видеть, что идеи концепции «двух законов» становятся предметом интереса не только схоластов — теоретиков буддизма, но и если не всего монгольского народа, то его элиты, с которой были связаны авторы летописей.

Что означал термин *törö* вне буддийской концепции власти, с какими определениями (простыми или развернутыми) он употребляется? Эксплицитно выражается связь *törö* с политией, что отмечается в следующих словосочетаниях: «монгольское *törö*» (ET 1990: 116, 164; AT 1955: 37, 81, 82, 87), «монгольский единый *tögü*» (AT 1955: 71, 74, 83), «ойратский единый *tögü*» (там же: 71, 93), «единый *tögü* джурчидов» (там же: 71), «*tögü* ойратов и монголов» (там же: 1955: 84), «китайско-монгольское *törö*» (ETNS 2001: 167, 168, 171), «*törö* улуса» (ET 1990: 186), «*törö* всего улуса» (там же: 73), «*törö* всего великого улуса» (там же: 133), «*törö* великого улуса» (там же: 117, AT 1955: 84), «*törö* сорока и четырех (тумэнов)» (ET 1990: 116), «*törö* трех правых (тумэнов)» (там же: 129). В «плаче» Тогон-Тэмюра *törö* обозначается следующим образом: «истинное *tögü* великого улуса» (AT 1955: 66), «истинное *tögü* сорокатумэнного монгольского улуса» (там же), которое он получил, став хаганом.

Одновременно *törö* приписывается правителю, который является центром общности или политики, через местоимения «твой, мой, свой» (AT 1955: 99, 100; ET 1990: 60, 72, 76, 81, 91, 95, 97, 133–135; ETNS 2001: 152). Так, лишившись власти, Тогон-Тэмур называет *törö* «своим потерянным» (AT 1955: 66). Принадлежность *törö* правителю неоднократно подчеркивается: «*törö* августейшего [Чингис-хагана]» (ET 1990: 189, 191), «*törö* хагана» (там же: 88, 89, 133, 165, 188, 190), «*törö* монгольского хагана» (там же: 183), «*törö* ханов» (там же: 135), «*törö* тайши» (там же: 182), «*törö* китайского императора» (там же: 185). Как видим, *törö* не обозначает объекта, независимого от правителя (хана, хагана, императора, тайши — титул правителя ойратов) или общности, им возглавляемой (*törö* улуса). Единожды *törö* приписывается сайтам (министрам): «было *törö* уважаемых сайтов, владеющих законами» (там же: 196), которые, в свою очередь, не были отделены от правителя, эти так называемые «чиновники» выполняли его волю.

На примере Чингис-хана можно говорить о том, что сохраняются представления о космологизирующей функции *törö*, приписываемого правителю: «мирно/священное/в центре (досл. «на троне». — *Авт.*) установленное *törö*» (АТ 1955: 60). Цивилизующая функция *törö* подчеркивается такими характеристиками, как «мирное» (ЕТ 1990: 135) (там же.: 72, 77; АТ 1955: 106), «начальное» (ЕТ 1990: 88), «мирно установленное *törö*» (ЕТ 1990: 81), «священное установленное» (там же: 81), «ставшее высоким» (там же: 81; АТ 1955: 59) или «ставшее горой» (АТ 1955: 59), «осуществленное» (ЕТ 1990: 118; АТ 1955: 87), «ставшее мирным яшмовое великое» (ЕТ 1990: 132; ЕТNS 2001: 169, 171). Наиболее часто встречается «великое *törö*» (ЕТ 1990: 97, 102, 133, 139, 157, 173; АТ 1955: 82, 87; ЕТNS 2001: 168, 170, 171), которое может сопровождаться еще одним определением — яшмовое (ЕТ 1990: 75, 132, 189), упоминаемое реже как «яшмовое *törö*» (ЕТ 1990: 76, 97, 111). Учитывая употребление термина *törö* с определением «яшмовый», что можно рассматривать как аллюзию символа верховной власти — яшмовой печати, можно с большой долей уверенности интерпретировать этот термин как «власть», а точнее «верховная власть», поскольку в большинстве случаев термину сопутствует и определение «великий». *Törö* может иметь и негативные коннотации: «разрушенное» (ЕТ 1990: 77; АТ 1955: 55, 107), «оставленное» (ЕТ 1990: 60).

Наиболее часто термин встречается с глаголами со значением создания: «устанавливать, основывать, образовывать, учреждать» (*bayiyulqu, toytayaqu*); «делать» (*bolıyqu*). Осуществление власти в политике начинается с установления *törö*, о чем говорилось выше в связи с Чингис-ханом (ЕТ 1990: 76). В магтале сунитского Гунигена, посвященном Чингис-хагану, выделяется синонимический ряд: «твое твердо учрежденное *törö*, твой по твоей воле созданный закон... твой священный установленный *törö*» (там же: 81). Исходя из следующего текста, можно предположить, что установление *törö* становится обоснованием легитимности власти, после этого акта претендент имеет право занять престол и носить титул «хаган». «Этот хаган бесчестно установил *törö*... Незаконно осуществлял правление» (там же: 101).

Синонимом предыдущего выражения является *törö-yi toytayaqu*. При интронизации Молан-тайджи все собравшиеся сказали: «Ты установил *törö* великого улуса, теперь будь хаганом» (ЕТ 1990: 117). «Оннигутский Мухулихай-онг установил *törö* великого улуса» (АТ 1955: 86). Нельзя согласиться с Ч. Боуденом, который перевел термин *törö* как «правительство». Оба выражения (*törö-yi bayiyuluqu/ törö-yi toytayaqu*) приписывают хагану связь с универсальным законом, что является легитимным обоснованием его права на власть.

Установление *törö* требует его исполнения (*törö-yi jasaquı*). Чингис-хан, «так как устраивал дела правления всего улуса, раздал отличия каждому по его заслугам вплоть до большого титула *гун* и почетного присутственного места, сделал знаменными нойонами сотников, тысячников, десятитысячников» (ЕТ 1990: 73). Известно, что в XIII в. не было титула *гүн* и присутственных мест (*yamı*), но ретроспективное приписывание Чингис-хану этих действий является имплицитным свидетельством наличия подобных практик в Монголии XVII в. В источниках не

упоминаются иные действия, указывающие на выполнение хаганом властных функций, кроме раздачи титулов. Однако понятно, что выражение *törö-yi jasaqui* означает осуществление верховной власти в политике, которая делегируется ее членами верховному правителю. «К Даян-хагану с предложением от трех правых тумэнов пришли Онхурхай-сын от Олдзей из Монголджин и Утагачи-Саби от Халигучин из Ордоса. Они пришли просить его: „Установи свое *törö*“» (АТ 1955: 188). Даян-хан направил туда своего сына Абахая, который пришел и сказал: «Я буду исполнять наше *törö*» (там же: 188). Можно предполагать, что термин *törö* употребляется в значении, сложившемся к этому времени и связанном с властью или правлением. Это значение — власть — могло выражаться и парным словом. Так, Саган-сэцэн, получив титул хунтайджи, «укрепляя власть, очень берёг [ее]» (ЕТ 1990: 171).

Одновременно актуализируется *törö* в значении закона¹³, что подтверждается следующим текстом: «Ноенам, табунангам и сайтам, исполняющим законы, каждому дали великую награду (санг), приняли, установили, редактировали великий закон» (там же: 173). Принятие и редактирование *törö*, безусловно, свидетельствуют о том, что речь идет о письменном тексте.

Захват власти силой — довольно часто встречающаяся в текстах ситуация. Он может просто констатироваться, когда отмечаются завоевания очередного успешного лидера: Алтан-хан, отомстив ойратам, предпринял поход и «захватил власть» (там же: 146). Но чаще маркируется принадлежность захваченной власти: «взял власть монгольского хагана» (там же: 183); «захватил власть тайши» (там же: 182); маньчжуры «захватили власть китайского императора» (там же: 185); «принял бразды императорского правления» (там же: 188). От *törö*, которое во всех случаях приписывается верховному правителю, напрямую зависит существование сообщества. «Монгольский Чингис-хаган, изгнав китайского Манцзу Алтан-хагана, захватил власть» (там же: 68) и подчинил себе тринадцать областей восьмидесятитумэнного Китая. Поэтому захват власти маркируется указанием политики: «Ойратский Тоган/Эсэн-тайши захватил власть монголов» (АТ 1955: 81–83). Эсэн-тайши, «взяв власть ойратов и монголов, сел ханом» (там же: 84).

Получение власти одним правителем связано с потерей ее другим (*törö-ben aldaqu*). Это зафиксировано источником в отношении Тогон-Тэмюра, который

¹³ Термин *törö* может употребляться в сочетании со словом *jasaγ*, что подтверждает их синонимичность. Иногда они употребляются как парный термин *jasaγ törö* (ЕТ 1990: 171), *törö jasaγ* (там же: 60, 82). Согласно Саган-Сэцэну, Аргасун Хорчи, желая Чингис-хагану процветания, в числе прочего назвал «твой яшмовый великий закон» (там же: 60). Это же парное словосочетание употребляется и по отношению к Хубилаю, «когда исполняли закон» (ibid.: 82). Отсутствие соединительного союза *и* (*qoyar*) позволяет сделать предположение, что в указанных случаях словосочетание *törö jasaγ* выступает в качестве парного слова, а не однородных членов предложения. Но эти термины могут обозначать и разные смыслы, что видно из следующего примера, который демонстрирует связь между установлением *törö* и исполнением закона: «*törö-yi bayiyulun... jasaγ-i uabuyulun*» (там же: 101). Как видим, явно выделяются два значения *törö*: закон/правление, которые устанавливаются и упорядочиваются; и власть, которую можно брать, держать, устанавливать, укреплять.

потерял власть: «хаган потеряет свою власть» (ЕТ 1990: 91), «потерял свой яшмовый *törö*» (там же: 97), «потерял свой великий *törö*» (там же).

Взяв власть, правитель ее держит (*törö-yi bariju*), что отмечается источниками. Так, фраза «пятнадцать монгольских ханов держали власть» (там же) отмечает легитимность права верховной власти по линии потомков Чингис-хана в период между падением династии Юань и возрождением Монголии в результате деятельности Даян-хана. При этом захват власти монголов, позиционированных в источниках как универсальные монархи, символизировал обладание универсальным законом Вселенной: «После того как Тогон-тайши взял монгольский *törö*, он держал великий *törö*» (АТ 1955: 82). Привязанный к личности правителя (ЕТ 1990: 88, 89, 188, 190), *törö* одновременно является *törö* общности (там же: 186). Выражение *törö-yi bariju*, т.е. «держат власть, править», совершенно определенно указывает на закрепление за определенным правителем верховной власти над политией. Примеры демонстрируют значительную антропоморфизацию политической власти, когда нет четкой границы между правителем (хан/хаган) и его владением, обозначаемым монгольским термином «улус».

Связь хагана, *törö* и улуса манифестируется постоянно. Боди-алаг-хагану говорят: «Как можно разрушить яшмовое великое *törö*, которое было мирным, и великий улус, созданный твоим предком?» (ЕТ 1990: 132), — что демонстрирует зависимость *törö* от правителя, а общности, в свою очередь, от *törö*. Антропоморфизация *törö* подтверждается и фактом изменения *törö* в связи со сменой правителя (смертью, рождением, предательством). Со смертью Чингис-хана «твой *törö*, подобный яшме, разрушился», «ставший высоким *törö*, Угедэй и Тулуй, твои сыновья, осиротели (испытывают лишения)» (там же: 81). Когда родился китайский Тан Инггэй Дин, это был «знак смены твоего (Тоҕон-Темүр. — *Авт.*) *törö*» (там же: 95). Измена хагану воспринимается как преступление против основного принципа существования общества. Хутубага, заставивший отделиться часть монголов от хагана-владыки, тем самым «разрушил созданное *törö*» (там же: 118). Так, о Монхэ и Хата Буха, спровоцировавших конфликт Мухулихайонга и Молон-хана, в результате которого последний погиб, его жена говорит: «Кто разрушил мой великий любезный *törö*... кто уничтожил совершенный *törö*» (АТ 1955: 84). Мандухай-хатун «заставила свой шеститумэнный народ ввести в заблуждение единое *törö* ойратов» (там же: 93).

На безусловную связь *törö* с правителем указывает и следующий пример: «Поскольку потомки Даян-хана — ханский род — и простолюдины в великом улусе в своей деятельности отходили от *törö*, они не могли благодаря мирному *törö* привести [всех] к своей власти. Согласно древней притче, если хан гневается, разрушается его *törö*... Шесть великих улусов собрали благодаря военному *törö*... Такова была властная деятельность ханов, разветвившегося рода Топролболада, первого сына Даян-хана» (ЕТ 1990: 134–135). В этом отрывке можно отметить несколько очень важных моментов: 1) персонификация *törö*, уже отмечаемая выше, когда *törö* обозначается как принадлежащее хану/хагану и даже зависит от его поведения; 2) посредством *törö* подчиняют своей власти;

3) неопределенность обозначения общности (владения), которая благодаря *törö* объединяется под эгидой правителя, — это и великий улус, и шесть великих улусов.

Получение *törö*, таким образом, означает получение права на власть в данной общности, которая может проявляться в разных формах: 1) изменение статуса: так как Барсболад «взял власть над тремя правыми, стал джинонгом правых туменов» (там же: 129); 2) восшествие на престол: «Южнокитайский князь Лаянг захватил власть и сел на ханский трон Гаоцзун-хагана» (там же: 68); 3) установление своей власти: ойратский Эсэн благодаря мудрости Абдула-сэцэна, стойкости Батула-багатура и активности Нигитэй-мэргэна «захватил монгольское *törö*... Вы, отец вместе с сыновьями, держите власть сорока четырех» (там же: 116).

Верховный правитель *törö* создает, устанавливает, делает мирным, т.е. делает все, чтобы улус процветал и был счастлив. Маньчжурский император Эйз-бер дзасакчи, «при самом начале управляя великой империей, сделал благополучным и мирным яшмовый великий закон/правление» (там же: 189), поддерживал религию Будды, «очень упорядочил и установил закон Богдо (августейший закон. — *Авт.*)» (там же: 189). Поэтому нельзя выступать против *törö*, которое связано с верховным правителем. Харгучуг-тайджи-хобегун сказал так: «Нет *törö*, которое свидетельствует против хана-отца. Зря это. Я говорю ради яшмового торо» (там же: 111), т.е. *törö* следует защищать и охранять. Эту функцию выполняют ближайшие сподвижники. Чингис-хан таковым называет Боорчи, о чем говорилось выше (там же: 73, 75). Алтан обращается к Дарайсун-хагану после получения последним титула всемонгольского хагана перед восьмью белыми юртами: «Сейчас есть титул малых ханов „шитау хан” — защитник хаганского *törö*. Соизволь дать мне этот титул, я буду защищать твое великое *törö*» (там же: 133). Отмечаются нойоны, «которые оказывают помощь *törö*» (там же: 170), «которые усиливают великое *törö*» (там же), каждому из них дали титул.

Состояние или качество *törö* обуславливает качество жизни всей общности, делая всех счастливыми (ЕТ 1990: 72, 76). Это определяется общими представлениями о *törö* как о феномене, обеспечивающем функционирование социума: «При разрушенном *törö* — плохая жизнь, при мирном *törö* — жить (селиться) удобно» (ЕТ 1990: 77). «Человек, не думающий о своем *törü*, думает о плохом *törü*... Свой огонь заливают водой» (АТ 1955: 77). «Не следует сохранять прежних, оставленных законов/власти, смотри в сторону крепких законов/власти» «*bayılγaysan törö-yi ese sakibai : batu törö-yin jüg qarabai*» (ЕТ 1990: 60). Подчеркивается, что следует действовать, не вступая в противоречие с *törö*: «...вашему монгольскому закону это не противоречит» (там же: 164).

Изредка встречаются значения *törö* в довольно общем смысле — закон, правило, обычай. «Закон смерти и перерождения предыдущих и последующих [времен]» (там же: 201). Во фразе, которую произносит Хонг-гоа-бийджи приехавшему к ней Дуурэнг-хунтайджи, *törö* выступает не в значении закона, а некоего обычая или правила: «Есть закон, согласно которому соединяются Небо и Земля. Есть обычай, согласно которому великие ханы смотрят на свою невестку» (там же: 99).

Можно выделить и достаточно частное значение *törö* — «договор», — которое встречается при описании монголо-китайских пограничных отношений и их регулирования. Неоднократно термин *törö* упоминается рядом со словом, передающим значение «вести переговоры» (*törö keleldekü kelelcekü*) (ЕТ 1990: 171, 172; ETNS 2001: 170, 171), которые касались приграничной торговли. Процесс переговоров шел через обсуждение монгольских и китайских требований и выработки совместных решений — создание единого закона, что в монгольских текстах выражается как «объединить законы» (*yeke törö neyilegülkü*) (ETNS 2001: 168, 169, 171) или «привести их в соответствие» (*törö jokicaqu*) (там же: 167, 168). Это привело к «соединению согласно закону (договору. — *Авт.*) с Китаем» («Kitad ulus-luγ-a törö-ber neyilebei») (ЕТ 1990: 146), в результате чего договор был подписан, что по-монгольски выражается как «закон был установлен» (*yeke törö toytaγaqu*) (ETNS 2001: 171), следствием чего стало открытие рынков в приграничных городах, где монголы могли продавать лошадей. О том, что это был правовой документ, свидетельствует сообщение о продолжении договора и его обновлении при Намудай-сэцэн-хагане: «Китайско-монгольский договор уравнили, договор, подписанный дедом Чакраварти Алтан-хаганом, обновили» (там же: 208).

Таким образом, ясно, что понятие *törö* связано с властью, которую получает и устанавливает или теряет правитель. В этом контексте у термина могут быть значения, маркирующие суверенитет политики, им возглавляемой: власть, правление, закон, но не правительство, о создании и характере которого не встречаются сведений ни в одном источнике. Подтверждением того, что термин не обозначал правительства, служит тот факт, что *törö* никогда не выступает в качестве субъекта действия.

Одновременно сохраняется и первоначальное значение *törö* — универсальный закон Вселенной, — из которого произошли и все другие, секуляризованные смыслы. Некоторое разъяснение может дать сюжет конфликта Даян-хагана с тремя правыми тумэнами, описанного в § 115–117 АТ. «Баян Ормэгэр бурбугский захватил (спрятал) знамя (*tuγ*) Даян-хагана и обманом водрузил знамя урянхайцев... Правые тумэны, сказав, что это знамя хагана, выступили против знамени урянхайцев. Ордухай-онг вместе со своим сыном Бурхаем, Баяхай-багатуром урянхайским, Сайн-Цахица-багатуром из хорчинских табунов и Баасун-табунан из нойонского урука пяти оттоков Халхи — эти пятеро возглавили армию (Даян-хагана. — *Авт.*). Урянхайцы обратились в бегство. Тумэтские воины преследовали их, тогда они открыто захватили и держали черное знамя хагана. И они разгромили тумэтов. Множество воинов правых тумэнов, говоря, что это черное знамя хагана их собственное, были введены в заблуждение и убиты... Даян-хаган, получив *törö* трех правых тумэнов, подчинил их своей власти» (АТ 1955: 101–102). В этом сюжете совершенно определенно речь идет о связи власти со знаменем, захват которого означает победу над противником, который теряет свой суверенитет. Выше было сказано, что знамя было вместилищем *törö* и связывалось с правителем.

Представляется, что иным выражением связи правителя с универсальным законом Вселенной был другой маркер центра — трон (*oro(n)*, *siregen*), который также был символом власти. «Дарайсун-Гудэн-хаган воссел на великий трон. Во времена этого хагана *törö* было мирным, живые существа объединились, и шесть великих улусов были умиротворены» (ЕТ 1990: 133).

Подводя итоги, следует сказать, что реконструкция системы представлений об одном из важнейших понятий политической культуры монголов XVII в. была проведена с целью показать тонкости его проявления в историческом контексте, при этом избегались упрощающие интерпретации многозначного термина. Анализ лингвистических средств монгольского языка показал полисемантическую значимость термина и нечеткость оформления идеи верховной власти, что, безусловно, связано с неопределенностью характера политической организации общества и неразвитостью механизмов рационально-легального господства. Этот период характеризуется тем, что концептуальный политический лексикон, отражающий понятия и представления о верховной власти, только начинает формулироваться. В Монголии это не являлось плодом творчества теоретиков, идеи о власти нашли лишь имплицитное отражение в летописях.

Несмотря на многозначность терминологии, она всегда маркировала легитимность власти правителя и никогда не обозначала специального аппарата правления. Поэтому в политических условиях XVII в., когда снова усиливается роль монголов в регионе, важными становятся установление их власти и ее поддержка, что приводит к расширению значения терминов. При сохранении представлений о связи истинного правителя, принадлежащего к Золотому роду, с универсальным законом Вселенной, что определяется его рождением по воле Неба, одновременно формируются идеи о приоритете верховной власти, основанной на следовании буддийской концепции двух законов. Это постепенно привело даже к изменению статуса лиц, принявших буддизм: Алтан-хан и Абатай-хан, не являющиеся верховными правителями, обозначаются их титулом — хаганами. Как правило, *törü* хагана является *törü* улуса. Связь правителя с *törü* являлась основой эффективности его правления, что подчеркивается указаниями на состояние улуса, где устанавливаются всеобщее процветание, мир и счастье. В Монголии рассматриваемого периода трудно обнаружить, во-первых, пример безличного употребления термина *törö*, т.е. он никогда не обозначает субъекта действия, и, во-вторых, политическая власть привязана к личности правителя. Это позволяет говорить о том, что термин не отделился от коннотаций, связанных с прежними значениями — универсальный закон, власть/правление, — выступающими в качестве объекта действия правителя.

К середине XVII в. победа в многовековом противоборстве *кочевника* и *земледельца* явно склонилась в пользу последнего. Кочевые народы Евразии один за другим признавали сюзеренитет оседло-земледельческих империй. Крымское ханство стало протекторатом Блистательной Порты. Башкиры, буряты, часть ногайцев и сибирские татары вошли в состав Российского государства. Гордые Чингисиды Южной Монголии признали верховенство маньчжурского императора. Территория степных государств сжималась как шагрeneвая кожа под палящим солнцем. Казалось, что пройдет еще несколько десятилетий и весь степной мир будет поделен между крупнейшими региональными державами. Однако этого не произошло. Более того, именно в этот период Великая степь породила последнюю кочевую империю, которая почти на столетие не только остановила экспансию оседлых соседей, но и обратила ее вспять. В историю это государство западных монголов (ойратов) вошло под именем Джунгарского ханства¹.

Племена западных монголов (ойратов) вышли на большую политическую сцену Центральной Азии как союзники главного противника Чингис-хана — его

¹ В отечественной и зарубежной историографии Джунгария традиционно именуется «ханством». Однако из девяти правителей этого государства данный титул носили только Галдан Бошокту-хан (1671–1697) и, по некоторым сведениям, Цеван-Дорджи (Аджа-Намджил-хан) (1745–1750). Эти джунгарские правители не являлись прямыми потомками Чингис-хана по мужской линии и были наделены ханским титулом по решению Далай-ламы. Другие «зюнгорские владетели» имели титул *хунтайджи* (берущий начало со времен Юаньской империи), который может быть дословно переведен как «наследный принц» или, точнее, «великий князь». Таким образом, Джунгария, согласно формальной международной политической «иерархии», являлась Великим княжеством. Интересный исторический парадокс заключается в том, что соседями джунгар были казахские и монгольские Чингисиды, носившие титул ханов. Однако по своему военно-политическому влиянию в регионе они значительно уступали джунгарским хунтайджи. Поэтому цинские чиновники и историки, признавая могущество джунгар, иногда неофициально именовали их правителей *хан-ванами* (царями).

побратима Джамухи. Позднее они были включены в состав Великой Монгольской империи и сгруппированы в четыре тумена. По всей видимости, именно отсюда берет начало знаменитая формула «Дурбэн ойрат», т.е. «Четыре ойрата» в противовес «Сорока монголам», т.е. 40 монгольским туменам. На протяжении последующих столетий смысл формулы «Дурбэн ойрат» изменился. Численность ойратов возросла (в том числе за счет включения в состав западномонгольского общества иноэтнических элементов) и значительно превысила изначальные «четыре тумена». Теперь под «Дурбэн ойрат» стали пониматься четыре наиболее влиятельных ойратских племени (аймака). В реальности ойратских племен было больше, но менее могущественные племена и роды занимали подчиненное положение по отношению к основным. Состав «большой четверки» со временем менялся. Утратившие былое влияние аймаки уступали место новым, а сами растворялись в составе более успешных соседей или включались в них на правах вассала. В начале XVII в. в состав «большой четверки» входили чоросы, дербеты, хошоуты и торгоуты. Во главе каждого племени стоял князь (тайша), происходивший из определенного аристократического рода. Самыми знатными считались правители хошоутов, ведшие свою родословную от младшего брата Чингисхана — Хабуту Хасара (Санчилов 1990: 61–64). Но наибольшую активность к моменту создания Джунгарского государства проявляли представители Чороского дома, прямые наследники знаменитого Эсен-тайши — победителя китайцев и фактического правителя объединенной Ойратии и Монголии в конце 40-х — первой половине 50-х годов XV в.

Отношения внутри «большой четверки» были далеко не простыми. Объединяясь перед лицом внешней угрозы, ойратские тайши тем не менее с завидным постоянством после отражения атаки противника возобновляли кровопролитную междоусобную борьбу. Междоусобицы в конечном счете ослабляли все ойратские племена и создавали условия для экспансии со стороны многочисленных соседей.

Военное давление монголов и казахов, нехватка пастбищ, продолжающееся противоборство привели к стремительному политическому расколу «большой четверки». Интересно, что если Великие монгольские завоевания являлись следствием консолидации монгольских племен, то начало периода «Малого монгольского (ойратского) нашествия» (XVII — первая половина XVIII в.) породило обратный процесс. В начале XVII в. торгоуты и примкнувшие к ним роды других ойратских племен (всего около 50 тыс. кибиток) покинули родные кочевья и двинулись на запад. Пройдя степями Южной и Западной Сибири, торгоуты нанесли страшный удар по кочевьям давних врагов Российского государства — ногайцев, смяли ногайские улусы и отбросили их за Волгу. На протяжении последующих ста лет обосновавшиеся в Поволжье ойраты-торгоуты (волжские калмыки) стали незаменимыми союзниками Российского государства в борьбе с татарами Крымского ханства. В 30-х годах XVII в. Западную Монголию покинули ойраты-хошоуты, которые переселились в Тибет. Их предводитель Торобайху (более известный как Гуши-хан) вступился за представителей буддийской

школы гелугпа («желтошапочников»), которые вели военные действия против своих многочисленных религиозных и политических противников. Вмешательство Гуши-хана предопределило победу «желтошапочников», которые наградили хошоутского правителя титулом «Защитник религии». Центром владений Гуши-хана стали благодатные степи Кукунора (Бобров, Худяков 2006: 196–200). Благодаря ойратской поддержке позиции «желтой школы» и ее главы — Далай-ламы сильно укрепились как в самом Тибете, так и за его пределами. Лхаса окончательно закрепила за собой статус религиозного и духовного центра монгольского мира, своеобразного «буддийского Ватикана».

Необходимо отметить, что Западную Монголию покинули не все торгоуты и хошоуты. Формально «большая четверка» в Джунгарии сохранилась, но военно-политическое влияние хошоутов и особенно торгоутов сильно ослабло. Уход ключевых конкурентов создал условия для резкого усиления дома Чорос. В борьбе за укрепление центральной власти представители дома Чорос опирались на союз с дербетами и с частью оставшихся в регионе хошоутов. Основную «черновую» работу по сколачиванию западномонгольского государства проделал чороский тайша Хара-Хула (?–1634). Однако в полной мере воспользоваться плодами этой деятельности смогли лишь его наследники. Непростая внешнеполитическая ситуация и ослабление конкуренции между элитами способствовали консолидации ойратов Западной Монголии вокруг Чороской династии. Оставшиеся в Западной Монголии ойраты были готовы поступиться частью своих прав и свобод в обмен на безопасность и потенциальную прибыль от внешней экспансии. Последняя не заставила себя ждать.

Созданная стараниями чороских хунтайджи степная держава² оказалась исключительно агрессивной и жизнеспособной. Она жила войной и для войны. Успешные военные кампании обогащали различные слои западномонгольского общества, давали новые пастбища, новых данников (кыштымов), открывали доступ к новым рынкам и ресурсным базам. Все это усиливало власть хунтайджи и давало основу для нового витка экспансии. Неудивительно, что войны следовали одна за другой.

Первой жертвой молодой западномонгольской державы стали казахские улусы Чу-Таласского междуречья. Несмотря на ряд болезненных поражений от коалиций среднеазиатских народов, джунгарские армии упорно продвигались на запад, сбивая с традиционных мест кочевания казахов Старшего жуза и тяньшаньских киргизов. Во второй половине 50-х годов XVII в. весь этот благодатный регион был включен в состав Джунгарии (Аныракайский треугольник 2008: 16; Бобров, Борисенко, Худяков 2010: 156–157).

Активизация политики джунгар в Саяно-Алтае привела к столкновениям с местной телеутской знатью, не желавшей делиться собираемой с местных народов данью. Телеутские вожди попытались ограничить влияние западных монголов в регионе во время обострения междоусобных столкновений в Джунгарии

² Традиционно датой создания Джунгарского государства считается 1635 г., когда сын Хаара-Хулы Хотого-Хосин принял титул Эрдэни Батур-хунтайджи (1635–1653).

в середине XVII в. Однако попытка военной конфронтации привела к прямо противоположным результатам. В 50–60-х годах XVII в. джунгарские войска разгромили телеутов Коки Абакова и его союзников и укрепили свои позиции в Горном Алтае. Богатый железом и пушниной регион стал составной частью хунтайджийства, а телеутские отряды влились в состав джунгарской армии (Бобров, Борисенко, Худяков 2010: 157).

В 1667 г. под ударами джунгарского правителя Сенге (1654–1670) пал давний соперник ойратов в Южной Сибири — западнохалхаское (хотогойское) государство Алтын-ханов. В последние десятилетия своего существования хотогойская держава активно позиционировала себя как союзника (и вассала) России в регионе. Жертвой этого союза должны были стать енисейские кыргызы (подданные Алтын-ханов), которые давно (и безуспешно) вели ожесточенные войны с русскими за право собирать дань с народов Южной Сибири. Джунгарское вторжение разрубило хонгорайский гордиев узел. Хотогойское государство было уничтожено, а кыргызские улусы перешли под власть хунтайджийства. Защищая своих новых подданных от попыток российских воевод подчинить себе кыргызских «князцов» и их кыштымов, Сенге бросил свои войска против русских острогов в Южной Сибири. В результате ряда военных кампаний российская экспансия в Саяно-Алтай была приостановлена, а кыргызские князья стали проводниками джунгарской политики в регионе (там же: 157).

Новый виток активизации военной экспансии ойратов был связан с приходом к власти бывшего буддийского монаха, а впоследствии жесткого и энергичного правителя — Галдана Бошокту-хана (1671–1697). Важными союзниками Галдана на международной арене и внутри страны были религиозные иерархи ламаистской церкви Тибета. Опираясь на влияние лам и отряды верных ему джунгаров, Галдан устранил всех своих соперников и приступил к реализации широкой экспансионистской программы, основными объектами которой должны были стать Средняя Азия и Халха. В первой половине 80-х годов XVII в. джунгары заняли крупнейшие южноказахстанские города, включая богатый и многолюдный Сайрам. Войска Галдана вторглись также в Восточный Туркестан и подчинили этот огромный населенный мусульманами край джунгарской Чороской династии. Города Восточного Туркестана были обложены данью и начали поставлять воинов в западномонгольские армии (там же: 157–158).

После столь внушительных побед казалось, что наступило время для объединения всей Монголии. Главным противником этой идеи в Халхе был правитель Центральной Монголии Тушету-хан, опиравшийся на союз с Цинской империей и враждовавший с Россией и Джунгарией. В 1687 г. между Джунгарией и Халхой вспыхнул военный конфликт. В 1688 г. Галдан Бошокту-хан во главе 30-тысячной армии вторгся в Восточную Монголию (Халху). В ряде сражений войска гордых наследников Чингис-хана были разгромлены. Большую роль в этих победах сыграло массовое использование джунгарами ручного огнестрельного оружия. К концу 1689 г. Халха была оккупирована джунгарами. Мечта Галдана объединить различные монгольские племена Центральной Азии была близка к осу-

ществлению. Однако на стороне халхаских ханов в войну вступила могущественная Цинская империя. Началась длительная эпоха джунгаро-цинского противостояния в Центральной Азии. Полем противоборства двух воинственных империй стали Монголия, Южная Сибирь, Восточный Туркестан и Тибет.

Три ожесточенные войны Джунгарии с самым могущественным государством Азии — Цинской империей (1690–1697, 1715–1723, 1728–1740) закончились военно-политическим патом. Имперские армии сумели выбить джунгар из Халхи и Тибета, но ни оккупировать подвластный ойратам Восточный Туркестан, ни принудить к вассалитету саму Джунгарию цинским военачальникам так и не удалось. В 1740 г. между империей и хунтайджийством был заключен мир, согласно которому границей между государствами был провозглашен Монгольский Алтай. Цинская империя, находившаяся на пике своего могущества, не сумела сломить Джунгарское государство в ходе открытого военного противостояния, которое продолжалось с перерывами на протяжении 50 лет (1690–1740) (Бобров, Борисенко, Худяков 2010: 158–163).

Эффективность джунгарской военной машины станет еще более очевидной, если учесть, что параллельно с борьбой с Цинской империей, хунтайджи вели агрессивно-наступательную политику против казахских жузов и противостояли русской экспансии в Южную Сибирь и Восточный Туркестан.

Джунгары совершали масштабные вторжения в Казахстан в 1698–1699, 1708–1711, 1723–1725, 1739–1742 гг. В отдельные периоды ойраты контролировали большую часть казахских кочевий и вынуждали казахов, а также их союзников киргизов и каракалпаков отступать на юг в Мавераннахр и на север к русским границам. Однако полностью подчинить тюркских кочевников джунгарам не удалось. Когда вспыхивала очередная джунгаро-цинская война, казахи проводили мощное контрнаступление и освобождали большую часть захваченных западными монголами территорий. Наибольших успехов в борьбе с номадами Дешт-и Кипчак добился хунтайджи Галдан-Церен (1727–1745). При нем джунгарское подданство признали Старший казахский жуз (1735), а султаны Среднего жуза отправили в Ургу заложников (аманатов). Однако власть ойратов над казахскими территориями была непрочной. Дальнейшее продвижение джунгар на запад и юг было остановлено Россией и Ираном. Россия, являвшаяся союзником казахских жузов, добилась освобождения влиятельного султана Аблая и прекращения джунгарских набегов на улусы своих подданных. Иран, претендовавший на Мавераннахр, ограничивал экспансию джунгар в южном направлении. Несмотря на многочисленные попытки джунгар расправиться с кокандским бекством (иранским вассалом в Средней Азии), правителям Коканда удалось отстоять свою независимость. Важную роль в противодействии джунгарской экспансии сыграли формально подчинившиеся, но фактически не покорившиеся казахские жузы (Бобров, Борисенко, Худяков 2010: 159, 161–163).

Важнейшим военно-политическим «игроком» в регионе (наряду с Джунгарией и Цинской империей) было Российское государство. Главной проблемой джунгаро-российских отношений была борьба за право взимать дань с народов

Южной Сибири. Верховные власти России и Джунгарии старательно избегали прямой военной конфронтации. Активные боевые действия в регионе вели представители русской сибирской администрации (томские, красноярские и енисейские служилые люди) и джунгарские вассалы — енисейские кыргызы и телеуты. Собственно джунгарские войска принимали участие в боевых действиях достаточно редко. Грозная фигура хунтайджийства, маячившая из-за спин южносибирских князцов и зайсанов, уже сама по себе охлаждала пыл сибирских воевод. Несмотря на неоднократные попытки сибирской администрации, ей не удалось в XVII в. подчинить ни телеутов, ни енисейских кыргызов, хотя «русско-сибирская» граница существенно сдвинулась на юг. Компромисс в итоге был достигнут за счет малых сибирских народностей, ставших «двоеданцами» и вынужденных платить русскому царю ясак, а джунгарскому хунтайджи — алман. Последняя серьезная попытка России потеснить Джунгарию в Южной Сибири и Восточном Туркестане была предпринята Петром I в первой четверти XVIII в. Однако последующие события показали, что военных сил России в Сибири недостаточно для того, чтобы вести активные наступательные операции в регионе. Джунгары блокировали в Ямышевской крепости (1716) и заставили отступить русский экспедиционный корпус И.Д. Бухгольца, а в 1720 г. из-за противодействия джунгарских войск сорвался поход И.М. Лихарева (Бобров, Борисенко, Худяков 2010: 160, 161; Бобров 2010: 75–76, 79, 103). С этого времени сколь-нибудь крупных столкновений Джунгарии и России не было, хотя несколько раз стороны были готовы начать военные действия.

К 1745 г. Джунгария была крупнейшей державой Центральной Азии, с мощью которой вынуждены были считаться две самые грозные евразийские империи — Российская и Цинская. Под контролем хунтайджи находились значительная часть современного Казахстана, северная часть Синцзян-Уйгурского АО КНР, юго-запад МНР и южная часть Горного Алтая. Правители Восточного Туркестана, Алтая, Старшего казахского жуза считали джунгарского хунтайджи своим верховным сюзереном. Что же лежало в основе военно-политической мощи Джунгарии? И что стало причиной крушения последней кочевой империи?

На протяжении большей части своей истории (вплоть до середины 40-х годов XVIII в.) главным лейтмотивом внутреннего развития Джунгарии были три взаимосвязанных процесса: *централизация, модернизация и милитаризация*. Их яркие проявления мы можем увидеть в самых разных сторонах жизни джунгарского общества: территориальном делении, структуре управления, экономической и духовной сфере.

Залогом успешной внешней и внутренней политики Джунгарии была сильная центральная власть, ограничивавшая амбиции удельных правителей и позволявшая хунтайджи реализовывать многочисленные военные предприятия и экономические преобразования. Батур-хунтайджи и его потомки настойчиво и последовательно проводили линию укрепления центральной власти, ослабляя влияние тайшей из других аристократических фамилий, устанавливая контроль за их подданными. В этом направлении Чороская династия добилась значительных успе-

хов. Джунгарское государство начиналось как дуумвират («хоер тайджи») чороского хунтайджи и хошоутского хана, являвшихся лидерами («первенствующими членами») всеойратского чулгана (Златкин 1983: 111, 137). Опираясь на своих родовитых хошоутских союзников, обладавших многочисленными воинскими дружинами, чоросы укрепили свою власть в Джунгарии. В середине — второй половине XVII в. противники дуумвирата были разгромлены, замирены или выдвинуты за пределы Джунгарии (там же: 132–133). А позднее наступила очередь и самих хошоутов. В 1678 г. Галдан Бошокту-хан напал на владения Очирту-хана. Хошоутский правитель был убит, а его приближенные бежали в Ордос и Тибет (Чимитдоржиев 2002: 37). К концу XVII в. все наиболее влиятельные соперники из числа хошоутских, торгоутских, хойтских или дербетских князей были уничтожены, эмигрировали из Джунгарии или перешли на сторону Чороской династии. В результате даже в период активной междоусобной борьбы и дворцовых переворотов (1690–1697, 1727, 1750, 50-е годы XVIII в.) на власть претендовали только потомки Батур-хунтайджи по мужской линии, в то время как представители других аристократических родов могли лишь выбирать одного из законных претендентов на престол. Когда же о своих правах заявляла племенная аристократия, а также потомки Батур-хунтайджи по женской линии (Амурсана), основная масса джунгарской знати отказывала им в поддержке как «узурпаторам».

С конца XVII в. и вплоть до середины 40-х годов XVIII в. власть хунтайджи неуклонно укреплялась³. В указе российского правительства от 1 мая 1734 г. она уподоблялась власти российских монархов и противопоставлялась «безвластию» соседних степных владетелей. По выражению императорских чиновников, хунтайджи Галдан-Церен «есть между прочими всеми тамошними народами сильный и войск своих имеет до 80 тыс. человек с огненным ружьем, и не так, как киргиз-кайсацкие ханы над подданными безвластны, но оный зенгорский владелец власть над подданными имеет подобно самодержавной» (Моисеев 1975: 175).

Успех централизаторской политики правителей дома Чорос был обусловлен последовательным устранением политических конкурентов из числа иных аристократических фамилий, усилением экономической базы чоросского дома, изменением структуры управления, успешными модернизационными преобразованиями, направленными на милитаризацию джунгарской экономики и западно-монгольского общества в целом.

Сильная центральная власть позволяла хунтайджи проводить болезненные экономические и социальные реформы, целью которых было создание инновационных отраслей и производств, усиливающих военную мощь Джунгарии и являвшихся главным инструментом агрессивной внешней политики. В свою оче-

³ Это явление представляет значительный интерес, так как для соседних степных народов были характерны прямо противоположные тенденции. Так, в Восточной Монголии (Халха) до ее включения в состав Цинской империи тон задавали центробежные тенденции, которые не могли переломить ни съезды князей, ни нарастающая угроза внешней экспансии. Похожая ситуация наблюдалась и у западных соседей джунгар — казахов, где центробежные тенденции привели к расколу ханства на три жуза и дальнейшему перманентному ослаблению ханской власти.

редь, успешные завоевательные войны служили целям обогащения джунгарского общества, снижали социальное напряжение и укрепляли власть хунтайджи. Таким образом, процессы *централизации, модернизации и милитаризации* были теснейшим образом связаны между собой, питали и взаимно усиливали друг друга. Они являлись стержнем логики развития Джунгарского государства. Когда эта отлаженная машина дала сбой, Джунгария «взорвалась изнутри».

Территориальное деление

Как и другие кочевые империи, Джунгарское хунтайджийство состояло из нескольких крупных регионов, различающихся природно-климатическими условиями, экономическим укладом, населяющими их этническими группами.

С некоторой долей условности территорию, подконтрольную джунгарским хунтайджи, в конце XVII — первой половине XVIII в. можно разделить на три основных элемента: 1) Ойратская метрополия; 2) вассальные территории; 3) зависимые территории.

К Ойратской метрополии относились степные пространства Джунгарии, на территории которых кочевали собственно ойратские племена, а также представители народов, переселенных в центральную часть западномонгольской державы по повелению хунтайджи. В территориальном отношении Ойратская метрополия состояла из отоков, джасов и «внешних кочевий»⁴.

Ядром Ойратской метрополии были отоки и джасы, расположенные в бассейне р. Или, а также к востоку от Семиречья, вплоть до Монгольского Алтая (самый восточный оток «Джахачин», оток «Пограничной стражи», размещался в его предгорьях на границе с Цинской империей). Отоки — это территориальные единицы (области), на которые делились кочевья ойратских племен⁵.

⁴ Во второй половине 20-х годов XVIII в. площадь Джунгарии составляла 0,8 млн км² (Аныракайский треугольник 2008: 19). В правление Галдан-Церена она еще больше увеличилась за счет восточных казахских земель. Для сравнения: площадь современного Кыргызстана — 0,2, Германии — 0,3, Франции — 0,5, Казахстана — 2,7 млн. км².

⁵ В отечественной историографии ведется многолетняя полемика, связанная с определением термина «оток». В основе дискуссии лежат противоречивые сведения цинских чиновников об административно-территориальном делении Джунгарии до ее завоевания. Император Цяньлун, лично составивший предисловие к историческому труду «Циньдин хуаньюй сиюй тучжи» (готовился с 1756 г., издан в 1782 г.), честно признавался: «...хотя я и изучал это (административно-территориальное деление хунтайджийства. — Л.Б.), а подробности не уяснил». В результате советские и российские авторы считают оток «небольшими поселениями, в совокупности составлявшими личный удел Чоросского Хана» (Бичурин 1991: 70), «территориально-административной единицей» (Владимирцов 1934: 132–133), «низшей ступенью феодального владения» (Златкин 1983: 59), «административно-хозяйственной» и «социально-хозяйственной единицей» (Кычанов 1997: 241). Наконец, посвятивший данной проблематике ряд статей и монографию А.И. Чернышев пришел к выводу, что оток — это исключительно территориальная единица (область), на отоки была поделена основная территория Джунгарии (Чернышев 1982: 164–171; 1990: 59–61). Мы солидаризируемся с данным утверждением, основанным на комплексном анализе восточноазиатских письменных источников. В отчетах цинских офицеров и чиновников (послуживших основой для обобщающих трудов цинского

Согласно сведениям цинских письменных источников, первоначально собственно джунгарские степи делились на 12 отоков⁶. Успешные военные кампании существенно расширили джунгарские владения, что позволило Галдан-Церену (1727–1745) удвоить число отоков, доведя их численность до 24⁷. «Старые» и «новые»⁸ отоки включали территорию от Карашара (отоки Шаласы, Махусы) и района Кобдо (оток Миньатэ) до предгорий Монгольского Алтая (оток «Пограничной стражи» — «Джахачин»).

Джасы (цзисаи) — это отоки, переданные хунтайджи в «кормление» представителям ламаистского духовенства. В период правления Галдан-Церена «на берегу реки Или были построены буддийские монастыри. Северный назывался Куэрчжа, южный — Хайнукэ. [Хунтайджи] собрал лам и приказал свои пять отоков перевести для кормления их». Кочевавшие на территории отоков, превращенных в джасы, номады обеспечивали лам всем необходимым. Всего на территории Ойратии имелось девять джасов⁹ (Кычанов 1997: 243). Согласно цинским письменным источникам, пять «старых» джасов находились в районе р. Эмель (Чернышев 1990: 61).

Верховным сюзереном ойратских кочевий, делившихся на отоки, был хунтайджи. На подчиненных ему чиновников-тушимэлов, а также зайсанов (чиновников «малых тайджи») была возложена важнейшая для кочевого общества функция — контроль за пастбищами, на которых кочевали ойратские племена, и вопросы землепользования в целом. Зайсаны готовили предложения по перекочевкам, их обрабатывали тушимэлы, окончательное решение принималось хунтайджи (Чернышев 1990: 67–72). В отличие от земледельческих народов, привязка кочевников к конкретной территории была менее жесткой. В случае необходимости номады могли оставить прежние земли и быстро переселиться на новые. В Джунгарии (как и во многих других кочевых империях) право распределения земель под кочевья была возложена на верховного правителя. Практика жесткой регламентации пользования пастбищами существовала и в эпоху Великой мон-

периода) джунгарские отоки действительно перечисляются в одном ряду с другими территориальными единицами. Увязка же отоков с населением, на наш взгляд, связана с тем, что на некоторых из них ойратские роды жили длительное время, без откочевки на территорию соседних отоков. Поэтому цинские авторы, незнакомые со спецификой кочевого общества, и отождествляли территорию отока с ее населением, что внесло путаницу в цинские исторические документы.

⁶ Улутэ, Калацин, Каэркэтэн, Калиятэ, Чжотолукэ, Букусы, Абахэсыхэдань, Обита, Олодай, Доголутэ, Хоэрбосы, Чжоэхэр.

⁷ Так, например, территория отока Шаласы была захвачена у тьянь-шаньских киргизов (Чернышев 1990: 64). В ряде случаев можно предполагать, что «новые» отоки были выделены из числа «старых» путем их деления («новые» отоки енисейских киргизов и телеутов, переселенных в Джунгарию).

⁸ Баэрдамутэ, Кутуцинаэр, Хээрцзатэ, Шаласы, Махусы, Букунутэ и Тугутэ, Улатэ, Аэртацин, Чжахэцин и Баоцин, Цзиэрцзисы (т.е. оток, на территории которого кочевали переселенные из Минусинской котловины енисейские киргизы), Тэлэнгутэ-Оэрчукэ-Уэрханьцзилань (оток, на территории которого кочевали переселенные в Джунгарию телеуты, урянхайцы и другие сибирские племена), Миньатэ.

⁹ Девять джасов (пять «старых» и четыре «новых»): Акэба, Лаймалиму, Дуэрба, Туйсолун, Укэхулар, Вэньдусунь, Шаньпилин, Саньтуй, Пинчэн (Чернышев 1990: 61).

гольской империи. Причем, согласно П. Карпини, «никто не смеет пребывать в какой-нибудь стране, где император не укажет ему. Сам он указывает места тысячникам, тысячники — сотникам, сотники же — десятникам» (там же: 65). Джунгарский вариант контроля если и не копировал «чингисидский», то достаточно точно передавал его суть. Распределение земель для кочевания, имевшее жизненное значение для племен номадов, находилось в ведении центральных властей. Последний факт, безусловно, усиливал позиции центрального управленческого аппарата и лично хунтайджи.

Однако ойратское население хунтайджийства проживало не только на территории отоков и джасов. Успешные завоевательные войны привели к тому, что под контроль джунгар попали многочисленные пригодные для кочевания земли, ранее находившиеся под властью тюркских кочевников Средней Азии, Восточного Туркестана и монгольских племен Центральной Азии. Эти земли, окружавшие ядро Ойратской метрополии, были заняты джунгарами, но не поделены на отоки, т.е. не попали под прямую юрисдикцию хунтайджи, а управлялись местной ойратской знатью, стоявшей во главе отдельных частей (анги) ойратских племен (см. ниже). Они создавали своеобразный территориальный буфер между внутренними джунгарскими владениями и враждебным окружением: «Отоки были подвластны хану. Анцзи были дворами, подвластными тайджи. Земли отоков располагались вокруг Или, а кочевья анцзи располагались еще и вокруг отоков». По подсчетам А.И. Чернышева, примерно половина ойратского населения Джунгарии кочевала на территории отоков (примерно 4–5 тыс. «дворов» на территории каждого отока), а вторая половина — на внешних территориях (там же: 60, 66).

Исследователи, занимающиеся изучением Джунгарии, обычно акцентируют свое внимание на собственно ойратских владениях. Однако могущество западно-монгольского государства было в значительной степени основано на контроле ойратов над соседними народами. Важную роль в экономической жизни хунтайджийства играли вассальные территории, населенные покоренными этносами, выплачивавшими джунгарам более или менее регулярную дань, поставлявшими своих воинов в джунгарские армии и полностью зависимыми от воли хунтайджи. Ключевыми вассалами Джунгарии были мусульманские города Восточного Туркестана и народы Южной Сибири. Это подметили цинские авторы-составители «Циндин хуанюй сиюй тучжи» (1782), которые, упомянув 24 собственно джунгарских отока, отдельно отметили, что джунгары «за их [пределами] еще заполучили Урянхай и четыре города — Яркенд, Кашгар, Аксу и Хотан» (Чернышев 1982: 166).

Власть хунтайджи над вассальными народами на протяжении первой половины XVIII в. неуклонно укреплялась. Зависимость вассальных этносов подчеркивали практика взимания дани, институт заложенничества (аманатства), «налог кровью», массовые переселения (депортации) части местного населения на новые территории. Для осуществления контроля над вассальными территориями туда назначались наместники и отправлялись специальные сборщики дани. Внешне-

политические контакты вассальных владетелей были ограничены джунгарскими правителями (Уманский 2001: 8).

В конце 70 — начале 80-х годов XVII в. в состав Джунгарии был включен населенный мусульманами Восточный Туркестан (Малая Бухария). В XVI–XVII вв. значительная часть региона входила в состав Могульского государства (Яркентского ханства), созданного в 1514 г. чагатаидом Султан-Саидом (Чурас 1976: 12). Первоначально Могульское государство являлось активным политическим игроком в центрально- и среднеазиатском регионах. Однако к середине XVII в. Могулия, вследствие непрекращающихся междоусобиц, превратилась в объект экспансии со стороны ойратов. Завоевание Восточного Туркестана Галданом Бошукту-ханом стало логичным завершением полувекового периода ойратских набегов на Малую Бухарию. Основная часть населения этого обширного региона проживала в городах и окружавших их оазисах: Яркенд, Кашгар, Турфан, Аксу, Курля, Уч-Турфан, Янги-Хисар, Бай, Куча, Карашар, Хотан, Хами и др. В городах процветали ремесла, в их окрестностях местные жители активно занимались земледелием. В степях и полупустынях Восточного Туркестана кочевали тюркские племена. После I Джунгаро-цинской войны (1690–1697) западные монголы потеряли контроль над Хами (признавшего сюзеренитет Цинской империи), но сохранили влияние над другими городами региона. Первоначально джунгары ограничивались лишь политическим доминированием, взиманием дани, «налогом кровью», правом переселять население на новые территории, введением трудовых повинностей. Прежнее территориальное деление (разбивка на области, центрами которых были крупные города в оазисах) было сохранено. Однако в период правления Галдан-Церена часть территории Восточного Туркестана, пригодная для ведения кочевого скотоводства, была переведена в разряд Ойратской метрополии. В частности, на землях западнее р. Хайду (на которых ранее проживали тюркоязычные племена) были образованы два новых джунгарских отока — Шарасы и Махусы. Контроль над этой операцией осуществлял знаменитый джунгарский полководец Церен-Дондоба Младший. Несколько позднее он «реквизировал» в пользу Ойратской метрополии земли в окрестностях г. Курля. В пастбища хунтайджи были превращены земли в окрестностях г. Карашар (Кузнецов 1974: 280).

Двумя важнейшими вассалами Джунгарии в Южной Сибири были племена телеутов, проживавших на территории Алтая, и енисейских кыргызов, контролировавших Минусинскую котловину и прилегающие земли. Народы региона связывала жесткая вертикальная иерархия. Телеутские и кыргызские князья являлись сюзеренами для многочисленных южносибирских племен, являвшихся их кыштымами (данниками). В свою очередь, сами телеуты и кыргызы признавали свою зависимость от своих верховных сюзеренов — джунгарских хунтайджи.

На протяжении раннего средневековья государство енисейских кыргызов являлось северной периферией кочевого мира Центральной Азии. В результате ожесточенной войны в 40-х годах IX в. кыргызам удалось одолеть своего основного конкурента в регионе — Уйгурский каганат и стать гегемоном степных

просторов Южной Сибири и Центральной Азии. В XI–XIII вв. кыргызское государство распалось на ряд соперничающих между собой княжеств. В эпоху Монгольской империи кыргызские отряды принимали активное участие в военных предприятиях Чингисидов. Постоянные войны и переселения существенно сократили численность кыргызского населения, проживавшего на территории Минусинской котловины. В конце XVII в. в кыргызском Хонгорае проживало (кроме кыштымов) около 15 тыс. человек, включая женщин и детей (Бутанаев, Худяков 2000: 165).

В период позднего средневековья «Кыргызская земля», или Хонгорай, состояла из четырех основных улусов: Алтысарский улус (самый северный из кыргызских улусов, располагался в долине Июсов и Божьих озер), Исарский улус (центр Минусинской котловины, располагался вдоль Енисея от устья р. Абакан до р. Огур), Алтырский улус (южный улус, левобережье Абакана, от Уйбата до Таштыпа), Тубинский улус (все правобережье Енисея от Саян до устья р. Сыды и предположительно правобережные степи Абакана) (Бутанаев, Абдыкалыков 1995: 11–12; Бутанаев, Худяков 2000: 156). Во главе каждого из них стояли «князцы» («бег»), принадлежавшие к одному кыргызскому аристократическому правящему роду. Правитель Алтысарского улуса считался «старшим князем» среди других кыргызских князей (Бутанаев, Худяков 2000: 156–157).

Включение Хонгорая в состав Джунгарии во второй половине 60-х годов XVII в. не привело к принципиальному пересмотру административно-территориального деления «Кыргызской земли», за исключением того, что возросло значение юго-западного Алтырского улуса, на территории которого была размещена ставка (урга) джунгарского наместника.

В начале XVIII в. хунтайджи Цеван-Рабдан, стремясь снять напряжение в отношениях с русскими и восполнить потери, понесенные джунгарами в I Джунгаро-цинской войне, переселил енисейских кыргызов в глубь своих владений — в окрестности Урги по р. Эмель. Переселенные кыргызы участвовали в охране Урги и в военных предприятиях хунтайджи. Галдан-Церен выделил для переселенных кыргызов специальный оток «Цзиэрцисы». На территории отока кочевали 4 тыс. семей кыргызов и их кыштымов. Контроль осуществляли четыре зайсана. Освобожденные енисейскими кыргызами земли Хонгорая были включены в состав Российского государства.

Важным звеном джунгарских вассальных территорий являлся бывший Телеутский улус с центром в Лесостепном и Горном Алтае. В течение XVII в. джунгары усиливали свое военно-политическое влияние в регионе. В конечном счете телеутские князцы признали верховенство хунтайджи. Горный Алтай вошел в состав Джунгарии на правах вассальной территории. В результате ряда военных столкновений граница между вассальными телеутскими и русскими ясачными землями прошла по Телецкому озеру.

Под властью джунгарских хунтайджи наряду с Ойратской метрополией и вассальными территориями находились так называемые зависимые территории.

Под ними мы понимаем земли и проживающее на них население, признавшее над собой власть джунгарских правителей. Жители зависимых территорий платили подати и несли повинности, как и вассалы Джунгарии. Главное отличие заключалось в том, что контроль хунтайджи был здесь, в силу разных причин, намного слабее. В результате число предоставляемых заложников (аманатов) было крайне незначительно, дань взималась нерегулярно и была невелика, вспомогательные войска выставлялись редко, в небольшом количестве, или вообще не выставлялись. Как правило, появление зависимых территорий являлось следствием успешного вторжения джунгарских войск и последующей оккупации. Власть хунтайджи держалась здесь лишь на остриях копий джунгарских цириков или на страхе перед повторным джунгарским нашествием. Неудивительно, что в случае военного поражения Джунгария быстро теряла эти земли. В качестве примера можно привести оккупированную джунгарскими войсками в 1689–1697 гг. Халху, ряд Присырдарьинских городов в 1723–1727 гг., Старший казахский жуз (1735–1745), Центральный Тибет (1718–1719) и пр. Официальные наместники на зависимые территории, как правило, не назначались. В случае оккупации вся власть была сосредоточена в руках джунгарского командования, а в случае отвода джунгарских войск она возвращалась в руки местной элиты, признавшей зависимость своих земель от Джунгарии.

Население и система управления

На территории отоков, джасов и внешних территорий Степной метрополии кочевали ойратские племена (аймаки). До XVIII в. «большую четверку» ойратских племен составляли чоросы, дербеты, хошоуты и торгоуты. Позднее в связи с перекочевкой на Волгу большей части торгоутов и отказа торгоутской элиты от возвращения на берега Или они «выпали» из «большой четверки» (хотя фактически частично сохранились в составе ойратского общества), а их место заняли хойты, ранее входившие в состав дербетов (Кычанов 1997: 237). Укоренившийся в научной литературе термин «племя» по отношению к позднесредневековым аймакам чоросов, торгоутов, хошоутов, дербетов и хойтов в значительной мере условен. Верховная аристократия аймаков действительно вела генеалогические списки и прослеживала историю своего рода на протяжении нескольких столетий. В это же время основная масса рядовых номадов формировалась в результате смешения различных этнических элементов. Определяющим в самоидентификации рядовых кочевников было то, под чьим покровительством они в данный момент находились: «Вчера эти люди находились под властью торгоутских ханов и князей, а потому назывались торгоутами; сегодня их подчинили себе дербетские ханы, или тайши, и они становились дербетами, по этой же причине они завтра могли стать хойтами или хошоутами» (Санчиров 1990: 72).

Согласно подсчетам цинских чиновников, численность ойратского населения Джунгарии накануне ее гибели составляла около 200 тыс. семей-кибиток, т.е. от 600 тыс.¹⁰ до 1 млн человек (Чернышев 1990: 55–57)¹¹.

Господствующий класс Джунгарии был представлен «большими» и «малыми» тайджами, родо-племенной и служилой знатью, а также высшим ламаистским духовенством. В состав джунгарской элиты были включены некоторые восточнотуркестанские и южносибирские вожди, переселенные в Ойратскую метрополию. На особом положении находились члены правящего дома Чорос. Они занимали ключевые посты в системе государственного управления и армии.

Податное население состояло из аратов, зависимых от светских правителей (албату) и приписанных к владениям церковных иерархов (шабинары). Последние были освобождены от многих видов светских повинностей. К числу последних относились служба в армии (кроме исключительных случаев), уплата налогов, отработка на государственных предприятиях, изготовление защитного вооружения (согласно «Их Цааз», две из 40 кибиток должны были ежегодно «делать латы») и т.д.

Большую группу населения составляли буддийские монахи (ламы). Влияние ламаистской церкви в Джунгарии традиционно было очень значительным. Знаменитый Галдан Бошокту-хан до своего восшествия на престол получил религиозное образование и имел духовный сан. Практически все джунгарские правители подчеркивали свою приверженность «желтой вере» и поддерживали тесные контакты с религиозными и светскими властями Тибета. Батур-хунтайджи и Цеван-Рабдан даже посылали свои войска для поддержки собственных сторонников в Стране снегов. В самой Джунгарии позиции «желтого» духовенства были защищены специальными пунктами свода законов «Их Цааз» (1640 г.). Преступления против лам карались строже, чем аналогичные преступления в отношении рядовых мирян. На протяжении существования хунтайджийства в Джунгарии неуклонно росло число лам и буддийских монастырей. В первой половине XVIII в. на территории Джунгарии проживало 6 тыс. лам, что составляло от 0,6% до 1% населения хунтайджийства, т.е. примерно 1,2–2% всего мужского ойратского населения Джунгарии. На территории девяти джасов (отоков, переданных в кормление ламам) кочевали 10 600 (из 200 тыс.) кибиток ойратов, «за счет которых кормились 6 тыс. лам» (там же: 61).

Основная масса рабов была представлена пленными, захваченными в ходе завоевательных походов. В целом рабство не получило широкого распространения в Джунгарии, так как повсеместно практиковался обычай обмена военнопленными после завершения боевых действий (Златкин 1983: 274–275).

¹⁰ Особо подчеркнем, что цинские авторы определяли численность населения Джунгарии только в 600 тыс. человек. Последнее кажется маловероятным, так как в этом случае получается, что каждая ойратская семья состояла в среднем из трех человек, что опровергается всеми другими сведениями о составе семей кочевников периода позднего средневековья и нового времени. Согласно этим данным, семья кочевника состояла из 5–7 человек (Чернышев 1990: 56).

¹¹ Для сравнения, китайские авторы определяют численность маньчжуров накануне захвата ими Пекина (1644) в 700 тыс. — 1 млн человек (Кычанов 1997: 211).

Главным трендом развития джунгарской системы управления второй половины XVII — первой половины XVIII в. было ослабление власти ойратской племенной аристократии, при усилении власти хунтайджи и центрального чиновничьего аппарата. Эта тенденция фиксируется на самых разных уровнях государственного и местного управления.

В «Дурбэн ойрат» традиционно большое значение придавалось съездам ойратской знати — «чулганам» (История Калмыкии 2009: 251). В конце XVII — первой половине XVIII в. значение таких съездов как важного регулятора жизни ойратского общества практически сошло на нет. Коллегиальным органом управления стал Государственный совет — Зарго, укомплектованный доверенными лицами хунтайджи. В его состав входили как знатные ойраты, так и служилая знать и даже аристократия вассальных территорий. В ведении Зарго находились различные вопросы внешней и внутренней политики, экономики, а также важнейшие судебные разбирательства. Окончательное решение при этом оставалось за хунтайджи.

В период позднего средневековья и нового времени во главе каждого ойратского племени «большой четверки» стоял «большой тайджи». Перманентно возникавшая проблема сепаратизма и, как следствие, опасность восстания или откочевки недовольных вели к постепенному усилению контроля центральных властей за племенами. Судя по данным цинских письменных источников, в период правления Галдан-Церена ойратские племена были разделены на более мелкие единицы — анги, каждая из которых состояла из 10 тыс. кибиток (дворов)¹². Численность племен была различной, поэтому и число анги в них разнилось:

чоросы (племя хунтайджи)	6 анги
дербеты	3 анги
хойты	9 анги
хошоуты	1 анги
торгоуты	2 анги

Таким образом, всего было создано 21 анги. Причем правитель дома Чорос доминировал среди джунгаров как высший собственник земельных угодий и пастбищ, глава государственной административной системы и одновременно как непосредственный сюзерен одной из крупнейших племенных групп западных монголов.

Во главе каждого анги был поставлен «малый тайджи», которого утверждал лично хунтайджи¹³. Неудивительно, что «малыми тайджами» стали в основном родственники джунгарского правителя (Чернышев 1982: 165). При этом анги

¹² На то, что анги были созданы при хунтайджи Галдан-Церене, неоднократно указывают цинские источники (Чернышев 1990: 62). Возможно также, что разделение ойратских племен на анги существовало и до восшествия на престол Галдан-Церена, но было упорядочено этим джунгарским правителем.

¹³ Собственное анги имел и сам хунтайджи.

стали именоваться по именам их управителей, а не родо-племенному или этническому признаку¹⁴.

В российской историографии «реформе анги» либо не уделяется внимания вообще, либо говорится вскользь. И совершенно напрасно. По своему значению она сопоставима с разделением монгольских племен на тумены в эпоху Чингисхана. «Реформа анги» стала логическим завершением почти векового процесса усиления контроля чоросов над ойратскими племенами. Благодаря «реформе анги» Чороская династия укрепила свою власть над представителями трех нечороских аймаков «большой четверки». Параллельно с этим ослабла власть трех других ойратских «больших тайджей» над их подданными.

Разделение племен на анги ослабляло власть «больших тайджей» хошоутов, дербетов и хойтов, но создавало потенциально опасную для Урги группу «малых тайджей». Для того чтобы ослабить связи «малых тайджей» с их подданными, существовала практика, когда представитель одного рода назначался управителем другой родовой группы. Кроме того, власть анги далеко не всегда передавалась по наследству (Чернышев 1990: 62)¹⁵.

Следствием проведения «реформы анги» стало укрепление центральной власти хунтайджи над ойратскими племенами. По замечанию цинских наблюдателей, «все же различные тайджи хотя по раздельности и руководили своими анги, но каждый посылал войска, выполнял повинности и не мог ослушаться приказа своего хана» (Чернышев 1982: 163).

Перераспределение полномочий в среде высшей ойратской аристократии существенно усиливало власть хунтайджи, но она являлась лишь верхушкой системы управления многочисленным и сложно структурированным джунгарским обществом. В первой половине XVIII в. (в период правления Цеван-Рабдана и Галдан-Церена) в Джунгарии окончательно сформировалась многоуровневая управленческая структура, соединявшая в себе как административные, так и военные функции. По своему характеру она несколько отличалась от классической десятичной системы времен первых Чингисидов. В ее основе лежал симбиоз ойратской родо-племенной управленческой структуры с военно-административной чиновничьей машиной централизованного Джунгарского государства. При этом родо-племенная (местная) система управления была встроена в общегосударственную как ее составной элемент.

Система управления Джунгарского ханства может быть разделена на центральный аппарат и систему местного управления.

К центральному аппарату относились группы чиновников, ведавших общеполитическими, судебными, финансовыми и производственными вопросами. Так, решениями вопросов «основных дел центрального управления» занимались упо-

¹⁴ В конце существования Джунгарии анги именовались: Давачи, Даши-дава, Дорджи-Дамба, Хээрцан-Дорджи, Нэмэху-Джиргал, Очир-Убаши, Цэрэн-Даши, Бошиагаши, Шакур-Манджи, Тарбагачин, Саин-Билиг, Хамтун-Эмэгэн, Долотэшалэн, Дундок, Баяр, Чэрин-Балджур, Батур-Эмгин, Амурсана, Нохай-Чичик, Батур-Убаши, Дундуб.

¹⁵ Подобные действия были вполне оправданными. В конечном счете именно мятеж ряда «малых тайджи», поддержанных своими анги, стали первым толчком к развалу Джунгарии.

минавшиеся выше четыре чиновника-*тушимэла*. Судебная система была представлена шестью судебными чиновниками-*джаргучи*. Налоговый аппарат — двумя чиновниками-*дэмоци* (налоги с мастерских, мусульман и т.д.), четырьмя *албачи-зайсанами* (налоги с ойратов), около 100 *албачи* (сопровождение албачи-зайсанов) и *кутучинэрами* (ведали подвластными монголами и таджиками). Большой блок управления составляли чиновники по производствам: *улут* (заведовал кузнецами и литейщиками), *бучинэр* (заведовали ружьями и пушками¹⁶), *бучины* (ведали пушками), *алтачины* (золотое производство, изготовление золотых культовых изделий). Пограничное ведомство курировали чиновники-*джахчин*.

Таким образом, под непосредственным контролем центрального аппарата хунтайджи находились судебная система, налоговые поступления с ойратского и иноэтнического населения, а также оружейные производства. Другими словами, хунтайджи имел право карать, он аккумулировал основные материальные ресурсы государства и контролировал выпуск наиболее важных видов вооружения (огнестрельного оружия). Совокупность этих факторов должна была обеспечить верховенство хунтайджи над всеми категориями элиты в Джунгарии.

Если центральный аппарат всецело подчинялся хунтайджи, то основная масса управленцев хунтайджийства была замкнута на владельцев анги. Кочевьями ойратских племен ведали подвластные «малым тайджи» зайсаны (всего 64–65 человек), которые подавали для утверждения тушимэлам предложения по системе кочевания на территории ханств различных ойратских родов. Непосредственно родо-племенными подразделениями ойратов (анги) руководили «малые тайджи». В их подчинении находились мелкие чиновники, составлявшие местный аппарат управления (см. табл.).

Таблица

Система чиновничества «малых тайджи»

Должность	Число подконтрольных «кибиток)/семей кочевников	Общая численность управленцев данной категории в ханстве
Дэмуци	40	5 тыс.
Шуленга	20	10 тыс.
Арбан-аха	10	20 тыс.

Таким образом, по подсчетам А.И. Чернышева, система местного управления состояла из 35 тыс. управленцев, или один управленец на каждые 30 жителей ханства (Чернышев 1990: 66–75). Управленцы низших уровней набирались из числа местных жителей и являлись сородичами своих непосредственных подчиненных. Их включенность в общую конструкцию системы управления хунтайджийства позволяла джунгарским правителям достаточно эффективно контролировать всю социальную структуру и реализовывать различные военно-политические (тотальная мобилизация мужского населения) и военно-экономические

¹⁶ В Джунгарии крупнокалиберные ружья также именовались пушками (Бобров, Худяков 2008. С. 233).

проекты (государственная барщина, создание новых производств). Однако в основе системы крылась серьезная структурная опасность. Она действовала эффективно до тех пор, пока хунтайджи жестко контролировал деятельность «малых тайджи». Как только, в силу субъективных причин, влияние хунтайджи ослабло, оказалось, что, несмотря на превентивные меры (см. выше), многочисленный местный аппарат управления был соориентирован не на центральные власти, а на главу собственного анги, что и сделало возможным начало полномасштабной гражданской войны в Джунгарии в 50-х годах XVIII в.

Ярким элементом, подтверждающим высокую степень милитаризации того или иного средневекового общества, является обновленное административное деление, костяком которого служит армейская структура. Так, монгольские племена были разделены Чингис-ханом на тумены, тысячи, сотни и десятки. А через 400 лет схожую процедуру со своими соплеменниками проделал основатель позднечжурчжэньского (маньчжурского) государства Нурхаци, поделивший своих подданных на «знамена» («гуса») и «роты» («ньюру»). На первый взгляд ничего похожего в джунгарском обществе не наблюдается. Возникает парадоксальная ситуация. Милитаризация Джунгарии налицо, а кристаллизующая ее военная структура как будто бы отсутствует. За броской формулой «Дурбэн ойрат», пышной родовой титулатурой, своеобразным племенным социально-политическим «камуфляжем» многие исследователи не видят аналога «туменной» монгольской и «знаменной» маньчжурской системы. Однако она есть. Более того, именно она и позволила Джунгарии столь долго противостоять оседло-земледельческим державам. По своему содержанию она напоминает (но не копирует) систему, существовавшую в Великой монгольской империи, хотя и «рядится в родо-племенной халат». Разделение племен на анги (по 10 тыс. семей-кибиток) отдаленно напоминает разделение Чингис-ханом монгольского общества на тумены. Чингисидская десятичная система (десятник—сотник—тысячник—командир тумена) имеет свой джунгарский аналог, выразившийся во включении обновленной родо-племенной системы управления (арбан-аха—шуленга—дэмуци—малый тайджи) в государственный аппарат. При этом джунгарская структура управления не является прямой наследницей «имперской». Она действительно выросла из федерации степных племен, а ее структурная схожесть объясняется не слепым копированием, а логикой развития кочевого общества вставшего на путь перманентной военной экспансии. Джунгарская система развивалась более плавно, чем имперско-чингисидская. Это не «революционный», а «эволюционный» путь развития милитаризирующегося кочевого общества. Этим объясняется факт сохранения в ней многочисленных родо-племенных элементов и характерного социального антуража.

Внутреннюю жизнь ойратского общества регламентировал свод законов «Их Цааз», принятый на съезде ойратской и монгольской знати в 1640 г. и дополненный Галданом Бошукту-ханом в последней трети XVII в. В своде законов большое внимание уделялось теме участия различных слоев кочевого населения в ведении боевых действий. За бегство с поля боя накладывался штраф. Причем

чем выше было социальное положение беглеца, тем большим был размер штрафа. Кроме этого, в воспитательных целях на бежавшего воина должна была быть надета женская безрукавка. Характерно, что смертная казнь применялась только в двух случаях, связанных именно с военной ситуацией: за оставление князя в бою и за отказ от оповещения соседей и властей о вражеском вторжении (Их Цааз 1981: 15). За другие серьезные преступления (включая убийства и увечья) провинившийся должен был заплатить штраф или расстаться со своим имуществом (там же: 15–21). Законы закрепляли право элиты удерживать под своей властью аратов (при этом убийство рядовых кочевников и даже рабов запрещалось), самовольные откочевки и укрывательства беглых запрещались (там же: 20).

В Джунгарском хунтайджийстве ойраты составляли большую часть населения. Второй по численности этнической группой были тюркоязычные жители городов и оазисов Восточного Туркестана (бухарцы/хотоны/уйгуры). Их общая численность превышала 100 тыс. человек¹⁷. Из нескольких десятков тысяч человек состояли племена тюркоязычных кочевников (среднеазиатских киргизов, казахов, каракалпаков), населявших западные районы хунтайджийства. В первой половине XVIII в. на территорию Джунгарии переселилось значительное количество халха-монголов. Так, только за военную кампанию 1731 г., во время III Джунгаро-цинской войны «пришло мугальцев добровольно во владение Галдан-Церена при знатных князьях тысяч с шесть, которые... поселены около Имиль-реки». По другим данным, в Джунгарию откочевало «тысяч с десять дымов мунгалов» (Златкин 1983: 242). Численность енисейских кыргызов (не считая подвластных им кыштымов) в XVII в. составляла около 15 тыс. человек (Бутанаев, Худяков 2000: 165). После войн и переселения на территорию Ойратской метрополии их число (включая переселенных с ними кыштымов-шуштаров, бельтыров, модаров, аринцев и др.) составило 4 тыс. кибиток (12–20 тыс. человек). В 1705–1717 гг. во внутренние районы Джунгарии была переселена большая часть телеутов (4 тыс. кибиток, 12–20 тыс. человек).

Кроме многочисленных южносибирских народов (енисейских кыргызов, телеутов) под властью хунтайджи находилось множество более мелких сибирских народностей, племен и племенных групп: аринцы, качинцы, шуштары, бельтыры, кайдинцы, саянцы, точинцы, ястинцы, моторцы и др., — которых маньчжурские и монгольские авторы часто объединяли под общим названием «Урянхай»¹⁸ (Бутанаев, Худяков 2000: 168). Некоторые из них в начале XVIII в. (после перевода енисейских кыргызов в Ойратскую метрополию) приняли русское подданство или стали «двоеданцами», другие продолжали оставаться кыштымами хунтайджийства до его гибели в середине XVIII в., наконец, третьи были переселены во

¹⁷ Согласно данным «Пиндин чжунгээр фанлюэ» (1772–1774), в момент цинского завоевания Восточного Туркестана в Кашгаре и его окрестностях проживало около 16 тыс. семей (т.е. около 40–45 тыс. человек), в Хотане насчитывалось 13 143 «двора», или 34 286 человек. Крупным городом был также Яркенд. Значительно менее многочисленными были Турфан (3 тыс. «хозяйств» вместе с окрестностями), Хами (2 тыс. «семейств») (Думан 1966: 284) и т.д.

¹⁸ В узком значении под урянхайцами понимались предки современных тувинцев.

внутренние районы Джунгарии. Так, на территории Ойратской метрополии был выделен специальный «телеуто-уряньхайский» оток (Тэлэнгутэ—Оэрчукэ—Уэрхань-цзилань), на территории которого вместе с телеутами (см. выше) кочевали тувинские уряньхайцы (мингаты и ооржаки) числом в 500 кибиток (1,5–2,5 тыс. человек) (там же: 174–177).

По подсчетам А.И. Чернышева, общая численность населения Джунгарии составляла 1,5 млн человек. Из них 1 млн ойратов и 500 тыс. иноэтнического населения (Чернышев 1990: 56). На наш взгляд, неойратское население Джунгарии было несколько меньше. При сборе дани в размере «1 танга с души в год» при Галдане Бошокту-хане и Цеван-Рабдане с территории Восточного Туркестана поступало около 100 тыс. танга в год (Кузнецов 1974: 279), т.е. подвластное джунгарам население «Малой Бухарии» составляло около 100 тыс. человек. Проведенные цинскими властями переписи показали, что население Восточного Туркестана за последующие полстолетия значительно выросло, но не удвоилось. Численность монголов и крупнейших южносибирских народов, проживавших на территории Джунгарии, исчислялась десятками тысяч. Малые сибирские народы были крайне немногочисленными. Таким образом, общее население Джунгарского хунтайджийства (без населения зависимых территорий) в первой половине XVIII в. вряд ли превышало 1250–1350 тыс. человек.

На включенных в состав Джунгарии восточнотуркестанских и южносибирских землях в основном была сохранена местная система управления. Джунгары первоначально стремились лишь обеспечить общий политический контроль над регионом, ослабить местных лидеров и организовать сбор дани. При этом они практически не вмешивались во внутренние дела присоединенной территории. Так, после завоевания Восточного Туркестана Галдан Бошокту-хан объявил: «Всякая тяжба между Елетским и Хотанским народом должна быть в точности исследована. Мы даруем сему союзному с нами поколению его права как сродникам нашим. Все Бухарские Хотаны должны иметь суд собственно между собой; но важнейшие дела следует решать нам». В результате данной политики в регионе на среднем и низшем уровне были сохранены прежние системы управления. В частности, в Восточном Туркестане сохранился институт хакимов — правителей городов, а также система судопроизводства (Кузнецов 1974: 278). Сохранили известное влияние беки и главы кочевых племен. Однако со временем степень контроля за вассальными регионами со стороны Ойратской метрополии постепенно возрастала. Местная элита частично переселялась в Джунгарию, а к власти приводились лояльные хунтайджи управленцы. Усиливалось и налоговое бремя. Если в конце XVII — первой трети XVIII в. дань со всех городов Восточного Туркестана составляла 100 тыс. тенге (по одной тенге с каждого жителя) в год, то в 30-х — первой половине 40-х годов XVIII в. столько вносил только один Яркенд (деньгами и материалами), а Кашгар наряду с 67 тыс. тенге отправлял в Джунгарию 40 898 батманов зерна, 1463 чарека хлопка и 365 чареков шафрана (Кузнецов 1974: 279). Значительную дань подносили хунтайджи и другие города Восточного Туркестана. С местного населения взимались медные моне-

ты¹⁹, ткани, ковры, одежда, головные уборы, зерно, рис, хлопок, металлы, предметы вооружения. В случае необходимости у жителей Восточного Туркестана изымался скот, а сами они мобилизовались на различные государственные работы. Во второй половине XVII — первой половине XVIII в. тысячи мусульман (бухарцев) были переселены во внутренние районы Джунгарии²⁰, причем на территорию Ойратской метрополии переселялись не только рядовые жители Восточного Туркестана, но и представители местной знати. Простые мусульмане разводили сады, занимались земледелием, участвовали в строительных работах, трудились в государственных мастерских. Представители знати и их окружение (несколько тысяч человек) кочевали вместе со ставкой хунтайджи. В случае необходимости они включались в состав армии хунтайджийства. Находившиеся в джунгарской ставке мусульманские аристократы помимо прочего представляли собой заложников (аманатов), которые должны были обеспечить лояльность мусульманских территорий Джунгарии.

Взимание дани (алмана) с местного населения было важнейшей задачей джунгарских властей и на «вассальных территориях» Южной Сибири. Сбор алмана в регионе первоначально был поручен кыргызам и телеутам. С населения взимали скот, меха, сырье (кричное железо, дерево, меха), полуфабрикаты (древки и оперение стрел, заготовки панцирных пластин) и готовые изделия (железные предметы вооружения, железные таганы, конскую упряжь и пр.). Главной повинностью самих енисейских кыргызов и телеутов был «налог кровью» — поставка воинов в джунгарские армии. Кроме того, в случае необходимости у енисейских кыргызов, телеутов и их кыштымов дополнительно реквизировался скот, взимались предметы вооружения. Местные мастера привлекались к отработке государственной барщины. Алтайские ремесленники мобилизовывались в земли Ойратской метрополии (в основном в ставку хунтайджи) для выполнения различных работ, в первую очередь были востребованы мастера-оружейники.

Контроль за вассалами существенно облегчали институт аманатства (заложничества) и система наместничества. Несмотря на внешнюю схожесть, структура джунгарского контроля в разных регионах имела некоторые отличия. Так, в Восточном Туркестане функции наместников были фактически возложены на белогорских, а затем черногорских ходжей, благодаря чему в регионе под сенью джунгарских пик установился фактически теократический режим (там же: 277–278). У енисейских кыргызов наместник в последней трети XVII в. назначался из числа ойратов — доверенных лиц хунтайджи. На Алтае функции наместников первоначально выполняла местная знать, которая должна была организовывать сбор дани с кыштымов и участвовать в защите вассальных земель хунтайджийст-

¹⁹ В Джунгарии в первой половине XVIII в. велась активная отливка медной монеты. Джунгарские «пулы» имели каплевидную форму, на них были имя и титул джунгарских хунтайджи, выполненные арабской вязью. Известны монеты Цеван-Рабдана и Галдан-Церена. Однако считается, что отливка монет началась еще в правление Галдана Бошукту-хана (1671–1697) (Бичурин 1991: 54, 70).

²⁰ Параллельно на территорию самого Восточного Туркестана джунгарские хунтайджи переселяли узбеков и казахов (жителей присырдарьинских городов), а также ойратов, занимавших пригодные для кочевания земли (Кузнецов 1974: 278, 280).

ва (Модоров 1996: 53–57). Однако вскоре к телеутским аламанщикам добавились джунгарские чиновники.

В результате усиления джунгарского контроля страдали в местной элите в первую очередь представители высшей аристократии ранее независимых территорий. Если в Восточном Туркестане правящая чагатайская династия сразу после завоевания была отстранена от власти, то на Алтае и в Хонгорае местные князья некоторое время сохраняли привилегированное положение. Однако их независимость в сфере внешних сношений, вопросах войны и мира, распределении собранного с кыштымов алмана была существенно ограничена (там же: 47–54, 106). Так, например, у енисейских кыргызов на протяжении первой половины и в начале второй половины XVII в. значительную роль в системе управления играли улусные князья («бег»), а также съезды кыргызской знати («хурал»), на которых избирался «лучший князь», являвшийся формальным главой Хонгорая. Однако по мере усиления Джунгарии в регионе реальная власть перешла в руки джунгарского наместника, присланного в регион «для всякой розправы». Уже в 1669 г. наместнику поручалось «над Ереняком (наиболее влиятельным кыргызским князем. — *Авт.*) и надо всюю Кыргызскою землею владеть». Русские посланцы в 1683 г. уверенно определяли наместника хунтайджи как фактического главу Хонгорая: «...у кыргызов живет калмыцкий наместник, именуемый Батыр-Ейзан (т.е. Батур-Зайсан. — *Авт.*), который командует ими» (Бутанаев, Худяков 2000: 173). Сбор алмана в этот период осуществлялся не только с кыштымов, но и с самих енисейских кыргызов. Таким образом, в 70–80-х годах XVII в. хунтайджийство достаточно уверенно контролировало свои хонгорайские владения. Вассальное положение енисейских кыргызов подчеркивает тот факт, что джунгарские чиновники всерьез рассматривали возможность урегулирования отношений с российским государством в обмен на согласие принять двоеданство не только кыргызскими кыштымами, но и самими кыргызами. Характерно, что эти переговоры шли через голову кыргызских князей (Боронин 2001: 40). Апофеозом джунгарского владычества в Хонгорае стала массовая депортация енисейских кыргызов в Джунгарию в 1703 г. Несколько позднее на территорию Ойратской метрополии была переселена и значительная часть телеутов.

Ярким внешним проявлением влияния управленческой системы центрально-азиатских номадов на южносибирские территории стала «монголизация» титулов местной родовой и служилой знати. Во второй половине XVII в. кыргызские князья, носившие титулы «бег», сменили их на монголо-ойратский титул «тайджи». Хонгорайские чиновники стали именоваться *тузумер* (монг. *тушимэл*), судьи-*яргучи* (монг. *джаргучи*) (Бутанаев, Худяков 2000: 163–164). К середине XVIII в. контроль над алтайскими территориями находился в руках местной служилой и родовой знати, носившей титул зайсанов. Последний правитель Телеутского улуса Шал Табынов, переселившись в Джунгарию, был пожалован титулом «тайджи». Данные процессы отражали реальный факт постепенного включения южносибирской элиты в состав джунгарской государственной иерархии.

Телеутские и кыргызские князцы и зайсаны, восточнотуркестанские ходжи, безусловно, являлись вассалами хунтайджи. Их политическое и личное будущее напрямую зависело от его расположения. Однако лояльность вассалов по отношению к центральным властям обеспечивали не только институт аманатства и страх перед джунгарской армией. Находясь в прямой зависимости от воли хунтайджи, они имели известную свободу по отношению к собственным подданным и данникам: жителям восточнотуркестанских городов, кочевникам Кашгарии, многочисленным племенам Южной Сибири. Кашгарские, телеутские и кыргызские вельможи были включены в состав правящей джунгарской элиты. Они допускались на государственные советы, занимали важные государственные посты, выполняли ответственные дипломатические миссии. Поощряемая джунгарскими владельцами торговля с Россией и Средней Азией обогащала восточнотуркестанскую и южносибирскую элиту. Влияние элиты в регионах поддерживалось джунгарским военным могуществом. Такая простая политика оказалась достаточно эффективной. Отдельные алтайские и восточнотуркестанские предводители время от времени предпринимали попытки освободиться от джунгарского владычества, но не получали поддержки среди основной массы местной элиты. Восставшие регионы вновь быстро признавали власть хунтайджи. Даже в середине XVIII в., когда в Ойратской метрополии уже вовсю бушевала гражданская война, большая часть мусульманских беков не рискнула пойти на открытый разрыв с хунтайджи, а алтайские зайсаны регулярно приводили ему в поддержку свои воинские отряды.

Экономика

Если централизация была главным содержанием внутренней политики, то модернизация являлась основной идеей эволюции джунгарской экономики. Отечественные исследователи не случайно сравнивают Батур-хунтайджи с главным российским царем-реформатором Петром I. Для первого джунгарского хунтайджи было очевидно, что в стремительно меняющихся условиях кочевое общество может сохраниться в качестве самостоятельного политического субъекта, только проведя соответствующие экономические преобразования. Этой же позиции придерживались и последующие джунгарские правители до Галдан-Церена включительно.

Слабым местом экономической модели кочевых сообществ Евразии была их зависимость от поставок различных видов продукции с территории оседло-земледельческих государств. Продукты земледелия, изделия из металла, ткани, продукты роскоши выменивались на продукты скотоводческого хозяйства или захватывались номадами у их оседлых соседей. Удаленность Джунгарии от основных центров оседло-земледельческих цивилизаций Евразии и наличие враждебного окружения привели джунгарских хунтайджи к мысли о необходимости модернизации и диверсификации ойратской экономики за счет развития нетради-

ционных для кочевого общества отраслей и производств. Конечной целью данной политики должна была стать автаркия джунгарской экономики, существенное ослабление зависимости Джунгарии от импортной продукции. Наряду со скотоводством джунгарские власти начали активно поощрять новые экономические отрасли и виды производств. Представляется возможным выделить следующие элементы джунгарской экономики: 1) скотоводство, 2) земледелие, 3) добыча полезных ископаемых, 4) ремесленное производство, 5) строительство.

Несмотря на бурное развитие инновационных производств (см. ниже), кочевое скотоводство продолжало оставаться основой джунгарской экономики. По замечаниям современников, «земли их обширны, по тучным пастбищам и хорошей воде удобны для скотоводства» (Кычанов 1997: 237). Судя по данным письменных источников, ойраты разводили коней, крупный рогатый скот, овец, верблюдов. Увеличение поголовья происходило не только за счет естественного прироста, но и путем захвата сотен тысяч голов скота во время завоевательных походов (в первую очередь на кочевых соседей — казахов, киргизов, монголов). Скот и изделия из шкур в Джунгарии на протяжении всей ее истории служили одним из основных предметов экспорта при торговле с государствами Средней Азии, Россией и цинским Китаем (в 40-х годах XVIII в.).

Важным направлением эволюции джунгарской экономики было развитие земледелия. Значимость данного процесса в ойратском обществе подчеркивает тот факт, что все джунгарские правители, от Батур-хунтайджи до Галдан-Церена, активно поддерживали развитие земледельческих культур во внутренних районах Джунгарии. Самое большое внимание уделялось пашенному земледелию. Для его организации и поддержки джунгарские правители в массовом порядке переселяли на территорию Ойратской метрополии оседлых мусульман (так называемых бухарцев), в основном жителей Восточного Туркестана. Позднее к ним добавились и собственно ойраты. Земледелие активно развивалось в Джунгарии на протяжении всей второй половины XVII — первой половины XVIII в. Пашни раскинулись в долинах рек Или, Эмель, Гурбульджин, в Тарбагатае, у подножия Талкинского перевала. Орошение проводилось с помощью прорытых в земле арыков. Путешественники первой половины XVIII в. отмечали разведение в окрестностях ставки хунтайджи огромных садов, в которых «видно было довольно всяких деревьев». В этих садах выращивались разнообразные фрукты и овощи. Некоторые сады также снабжались специальными строениями — птичниками. Рукотворные оазисы земледельческой культуры окружали каменными стенами из необожженного кирпича. Сады принадлежали высшей джунгарской знати. Работали в них преимущественно мусульмане — бухарцы (Златкин 1983: 237–238).

Важнейшим видом джунгарской рудодобычи была добыча железной руды. Первоначально основная масса железа и железных предметов вооружения поступала в Джунгарию с территории Южной Сибири. Это позволяло русской администрации в Сибири строить амбициозные планы подчинения ойратов через установление контроля над южносибирскими территориями (Бобров, Худяков

2008: 351–352). В подобных условиях диверсификация поставок железного сырья имела для Джунгарии важнейшее значение. Поэтому, жестко блокируя попытки России установить свой контроль над южносибирскими землями, джунгарские власти параллельно вели активную деятельность по созданию железндобывающих баз на собственной территории. Обе задачи в конечном счете были решены. В конце XVII — первой половине XVIII в. сырье для изготовления вооружения не только ввозилось с вассальных территорий, но и добывалось на территории собственно Ойратии. Крупная железндобывающая и железнобрабатывающая база была создана в окрестностях оз. Тексел, где трудились тысячи местных и иностранных мастеров. В 20-х годах XVIII в. И. Ренат усовершенствовал процесс доставки железной руды на плавильни, создав «озерный флот» из дощаников. Если раньше железо везли вокруг озера, то после этих нововведений его стали доставлять по воде, что существенно сэкономило время и уменьшало трудозатраты. Помимо собственной добычи и производства железное сырье, полуфабрикаты и готовые железные изделия в массовом порядке ввозили в Джунгарию с территории Южной Сибири. Наличие ресурсной базы позволило хунтайджи организовать масштабное производство вооружения в Урге и ее окрестностях (Бобров, Худяков 2008: 339–356).

Важным нововведением стало налаживание добычи меди и серебра. С территории Восточного Туркестана в Джунгарию поступало знаменитое «песочное золото» (Миллер 2005: 476). Если драгоценные металлы шли в основном на производство предметов религиозного культа и предметов роскоши, то медь имела важное значение для широких масс населения и армии. Из меди выплавляли монеты (пулы), а главное — лили пушки (см. ниже). Основная часть медной руды добывалась в Восточном Туркестане, однако отдельные шахты и заводы были открыты и на территории Ойратской метрополии. В конце первой половины XVIII в. «завод серебряной и медной руды», именуемый «Буха», функционировал в Тарбагатае, в улусе Даваца. В период правления Галдан-Церена к заводу были прикомандированы 1500 человек. Позднее их число возросло до 3 тыс. При заводе работал и русский мастер с двумя подмастерьями (Златкин 1983: 240). В 1741–1742 гг. беглыми русскими мастеровыми Билдягой и Михайловым был открыт меднолитейный завод в урочище Таван в бассейне р. Темирлик (Железная) (приток Или), на котором изготавливались пушки. Технологической новинкой в работе завода было использование водяных колес. На предприятии работали около 3 тыс. человек. Третий меднолитейный завод был построен тем же Билдягой в Яркенде (Восточный Туркестан).

Модернизация джунгарской экономики была немыслима без развития различных видов производств. В условиях перманентной войны важнейшим из них было оружейное производство. В первой половине XVII в. значительная часть вооружения поступала в ойратские армии из Южной Сибири. Местные племена передавали панцири и шлемы в качестве дани или обменивали на скот. Саадаки, клинковое, длиннодревковое и защитное вооружение изготавливали и ойратские мастера. Продукция поступала на продажу и передавалась в княжеские арсеналы.

В 1640 г. изготовление панцирей стало постоянной повинностью для рядовых ойратов. Согласно «Их Цааз», каждые две из 40 кибиток кочевников должны были ежегодно «делать латы» (Бобров, Худяков 2008: 354)²¹.

В конце XVII — первой трети XVIII в. джунгарские хунтайджи предприняли значительные усилия по реорганизации оружейного производства. В окрестности Урги переселялись кузнецы с вассальных и окраинных территорий (ойраты, кашгарцы, телеуты и др.). В качестве специалистов привлекались пленные с территории оседло-земледельческих государств (русские, западноевропейцы, жители Средней Азии). Были созданы государственные оружейные мануфактуры, на которых применялось разделение труда. Производство защитного вооружения было поставлено на поток. Труд профессиональных мастеров в мастерских хунтайджи сочетался с деятельностью отомобилизованных в Ургу рядовых кочевников, отработывавших государственную барщину (Бобров, Худяков 2008: 356). Кроме того, ряд предметов вооружения (копья, стрелы, пороховые заряды, пули) джунгарские ополченцы должны были приобретать самостоятельно. Местной знати и чиновникам вменялось в обязанность проследить за выполнением номадами государственных требований (Бобров, Борисенко, Худяков 2010: 181). На протяжении всего периода значительное количество вооружения ввозилось в Ойратскую метрополию с вассальных и зависимых территорий (Алтая, Восточного Туркестана, Южного Казахстана).

Важнейшим прорывом стала организация собственного производства огнестрельного оружия: фитильных ружей (конец XVII — начало XVIII в.), пушек и боеприпасов к ним (начато в середине 20-х годов XVIII в.). Три тысячи «ружейников» (а впоследствии и артиллеристов) были приписаны к отоку Джахачин в восточной части Джунгарии. Данный инновационный тип производства являлся исключительной прерогативой центральных властей. Для непосредственного контроля над ним были назначены две группы специальных чиновников — *баоцинаров* и *баоцинов*. В начальный период на заводах работали мастера преимущественно иностранного происхождения (шведы, русские, жители Восточного Туркестана и др.). Впоследствии к ним присоединились и ойратские ремесленники. Начало собственного ружейного производства в Джунгарии имело принципиальное значение для развития вооруженных сил ханства. Если раньше джунгары были вынуждены выкупать или захватывать огнестрельное оружие у своих соседей, то теперь они могли самостоятельно контролировать и направлять процесс перевооружения армии — от добычи руды до поступления ружей в войска (Бобров, Худяков 2008: 181–190).

Большое значение имело налаживание поставок в оружейные мастерские селитры и серы, служивших основой для изготовления пороха. Если в первой трети

²¹ При численности населения Джунгарии в 200 тыс. семей (кибиток) в государственные арсеналы должны были поступать до 10 тыс. панцирей (в основном так называемые мягкие доспехи из органических материалов) ежегодно. Очевидно, что данное требование не выполнялось повсеместно. Однако даже его частичная реализация должна была позволить резко увеличить численность панцирников в джунгарских войсках.

XVII в. ойраты могли использовать трофейные ружья только после того, как «поемлют пороха у бухарцев», то столетие спустя джунгарские мастерские снабжали свои войска «огненным зельем» в необходимом объеме.

Собственное производство ружей («турок калмыцких») и боеприпасов резко повысило боеспособность джунгарских войск, сделало их грозным противником не только для казахских и монгольских, но и российских и цинских армий. Ни один из кочевых народов Средней и Центральной Азии, кроме джунгар, так и не смог создать собственное производство огнестрельного оружия. Успехи же джунгар в этом направлении поразительны. Если в XVII в. ойраты приобретали ружья в России (нелегально) и Средней Азии, то в конце первой половины XVIII в. они сами стали экспортировать ружья за границу (в том числе в русские города Южной Сибири). Ружейная стрельба вошла в состав народных развлечений наряду с конскими скачками, борьбой и стрельбой из лука. Судя по изобразительным и письменным источникам, в сфере ручного огнестрельного оружия джунгары в середине XVIII в. превосходили даже армии Цинской империи (Бобров, Худяков 2008: 188–190, 595; Бобров, Борисенко, Худяков 2010: 174–175).

В середине — второй половине 20-х годов XVIII в. в Джунгарии было создано собственное пушечное производство. Около 1726 г. под наблюдением пленного шведского инженера И.Г. Рената был запущен первый оружейный завод в районе Иссык-Куля. Впоследствии (в 1741–1742 гг.) при содействии европейских (преимущественно русских) мастеров заводы пушечного дела были открыты в урочище Таван в бассейне р. Темирлик (Железная) (приток Или) и в Яркенде (Восточный Туркестан) по соседству с предприятиями по выплавке меди. В 1726–1733 гг. Ренат и его помощники отлили не менее 20 трех- и четырехфунтовых орудий и не менее 20 десятифунтовых мортир. На протяжении второй половины 30-х годов XVIII в. парк артиллерийских орудий джунгарской армии был существенно увеличен. По сведениям самих джунгар, подтвержденным данными русской разведки, парк крупнокалиберных фитильных ружей, перевозимых на лошадях и верблюдах в начале 40-х годов XVIII в., насчитывал около 3 тыс. экземпляров, полевая джунгарская артиллерия состояла из 50 «ломовых» пушек (3–4-фунтового калибра), кроме того, в джунгарской армии насчитывалось 30 десятифунтовых мортир. Обслужу орудий составляли джунгарские пушкарки, обученные самим И.Г. Ренатом или прошедшие курс по оставленным им «книгам артиллерного дела». Таким образом, в абсолютных величинах количество джунгарских 3–4-фунтовых пушек за девять лет увеличилось более чем в 2 раза (с 20 до 50 шт.), а количество мортир возросло на треть (с 20 до 30 шт.). Это свидетельствует о том, что джунгарское артиллерийское производство даже после отъезда И.Г. Рената продолжало оставаться быстро и достаточно эффективно развивающейся системой. Джунгарский артиллерийский парк по количеству орудий был вполне сопоставим с русской и цинской полевой артиллерией, сосредоточенной в южносибирском и центральноазиатском регионе (Бобров, Пастухов 2007: 170–247; Бобров, Худяков 2008: 223–256, 595–599).

Кроме основных литейных предприятий в Джунгарии было создано несколько более мелких баз, обслуживающих артиллерийское производство и занимающихся изготовлением пороха, ядер и бомб. Важной технологической проблемой была нехватка железа для изготовления боеприпасов, в первую очередь ядер. Джунгарские специалисты нашли изящный и эффективный выход из данной ситуации. Ядра стали изготавливать из олова, залежами которого был богат Восточный Туркестан. В результате при меньших затратах топлива и существенно меньших трудозатратах джунгарские артиллеристы получали вполне приемлемые по своим боевым качествам снаряды, лишь немного уступавшие чугунным ядрам по весу (Бобров, Пастухов 2007: 229).

Большая часть джунгарских пушек относилась (по европейской шкале) к легкой (легкой) артиллерии. Осадной артиллерии джунгары так и не создали. Эксперименты в данном направлении, проводившиеся пленными русскими мастерами, были прерваны междоусобной войной в Джунгарии. Тем не менее создание собственного артиллерийского производства в Джунгарии является уникальным для Центральной Азии примером адаптации кочевого этноса к стремительно меняющимся военно-политическим условиям. Необходимо подчеркнуть, что все основные противники Джунгарии в кочевом мире — казахи, киргизы, каракалпаки, халха-монголы — не только не создали собственное пушечное производство, но и вообще не обладали сколько-нибудь значительным артиллерийским парком (Бобров, Борисенко, Худяков 2010: 179).

Важным нововведением (хотя и не получившим широкого распространения) стало развитие суконного производства. Традиционно ткани поступали в Джунгарию извне — из России и Восточного Туркестана. Жители последнего даже платили алман готовой одеждой и головными уборами. В первой трети XVIII в. благодаря содействию пленных шведских специалистов (штык-юнкера И.Г. Рената, поручика Дебеша и др.) в Джунгарии было налажено суконное производство. Причем со временем в число суконщиков были включены и мастера ойратского происхождения. По отзывам российских современников, «ныне в контайшинных улусах немалое число из природных контайшинцов суконщики находятся».

Параллельно с организацией суконных производств предпринимались усилия по повышению качества обработки кожи. В улусах одного из джунгарских зайсанов силами пленнх иностранцев и местных мастеровых под руководством И. Билдяги во второй половине 40-х годов XVIII в. было организовано производство «красной юфти»²², которая поступала в государственные хранилища. Поначалу продукция имела низкое качество, но со временем ситуация благодаря стараниям Билдяги улучшилась: «...делает юфти красные. И хотя де прошлого году оное их мастерство и несостоятельно было, но ныне делают лутче. И те юфти отбираются в казну, а в народ еще отпуску не было» (Златкин 1983: 239–240).

²² Кожа комбинированного дубления с предварительной обработкой жиром, выделяемая из шкур крупного рогатого скота, свиней, лошадей. Характеризуется значительной толщиной и водостойкостью. Служила для изготовления верха рабочей обуви, шорно-седельных изделий.

По замечанию И.Я. Златкина, «промысловая деятельность в Джунгарском ханстве во второй четверти XVIII в. развивалась по трем направлениям: производство оружия и военного снаряжения, украшений и некоторых предметов быта, текстильное дело. Все известные нам „предприятия“ обслуживали ханский двор и высшую аристократию... В таких условиях социальное и экономическое значение промыслов было незначительным, база, на которой они возникали и развивались, была непрочной, их существование зависело от политической конъюнктуры» (Златкин 1983: 239–240). С данным мнением можно согласиться лишь отчасти. Действительно, основными потребителями украшений и некоторых предметов быта (например, медной посуды) были знатные и богатые ойраты. В то же время оружейное производство имело общенациональный масштаб. Потребителями защитного и наступательного вооружения (в том числе ружей) были не только представители «двора и высшей аристократии», но и широкие слои ойратского населения, приобретающие это оружие или получавшие его из государственных arsenалов. В то же время большинство промыслов являлись либо прямой государственной инициативой (то же производство оружия), либо зависело от государства (значительная часть серебряных и медных изделий изготавливалась из сырья, добытого на государственных рудниках). Неудивительно, что в этих условиях развитие производств напрямую зависело от политической воли, экономических и организационных возможностей центральных джунгарских властей.

В XVII в. Монголию охватил своеобразный «строительный бум». Формальным толчком для начала капитального строительства стало принятие ламаизма, предусматривавшее возведение многочисленных буддийских монастырей. Однако в условиях междоусобных войн монастыри выполняли не только функцию духовных центров, но и опорных пунктов-крепостей. Религиозные сооружения опоясывали высокие каменные стены с башнями. В случае необходимости в этих монастырях-крепостях могли укрыться князья со своими дружинами. За 300 лет, прошедших с эпохи Великих монгольских завоеваний, искусство ведения осад с использованием осадных машин было в Центральной Азии в значительной степени утеряно. Поэтому наличие на подконтрольной территории монастырей-крепостей не только повышало авторитет правителя, но и имело важное военно-стратегическое значение.

В первой половине XVII в. монастыри-крепости, а также «городки»-резиденции, в которых проживали ламы и переселенные мусульмане-землепашцы, строили многие ойратские правители. Значительную активность проявлял и чороский Батур-хунтайджи. В каменном «городке» Кубаксары (Хобугсаири), построенном «китайскими и мугальскими людьми», жил лама Уемчай и «пашенные бухарцы», занимавшиеся земледелием. Покой ламы оберегали четыре железные «пушечки» (Эрдниев 1993: 41). Указанный «городок» стал ядром чороских владений, в его окрестностях были построены три городка-«спутника» с пашнями. Сам Батур-хунтайджи кочевал в непосредственной близости от своих опорных «крепостиц»: «...ныне кочует у своих городов в Кубаке. А у Кон де тайши 3 го-

рода кирпичных: один белый, а четвертый город заводит внове. А от города де до города ездю по днищу. А в тех ево городах живут его контайшины Лабы и пахотные ево люди. А он де, контайша, кочует около тех своих городов» (там же: 27). Преемники Батур-хунтайджи продолжили активное строительство укрепленных пунктов и монастырей. Так, Галдан Бошокту-хан инициировал постройку трех монастырей (Чимитдоржиев 2002: 36), Галдан-Церен — двух (Куэрчжа и Хайнукэ).

Наряду с монастырями и «городками» джунгары развернули масштабное строительство сугубо военных оборонительных объектов. Опорными центрами джунгарских караулов на захваченных территориях и на границе были небольшие крепости *шибэ* (*сумэ, шибее*). Идея *шибэ* была воспринята джунгарами от их южносибирских соседей и вассалов, но воплощена в значительно больших масштабах. Если южносибирские *шибэ* (кыргызские *сивее, све*, алтайские *шибее*) обычно представляли собой насыпи из камней или земляные валы, за которыми укрывались местные воины, их семьи и скот, то джунгары стали строить настоящие крепости со стенами, башнями и валами. Иногда в качестве *шибэ* использовались развалины каменных укреплений прежних исторических эпох.

В архитектурном плане джунгарские шибее (*шибэ*) обычно представляли собой квадрат или прямоугольник. Стены (высотой до 2 м) клались из обтесанных камней или сырцового кирпича. Иногда насыпались высокие земляные валы, обнесенные рвом. Углы крепости могли снабжаться небольшими башнями. Внутренняя площадь *шибэ* обычно не застраивалась. В моменты опасности во внутренний двор сгонялся скот и сносился скарб воинов и членов их семей. Сами воины занимали свои посты внутри крепости у стен и вели стрельбу по противнику. Площадь *шибэ* могла сильно разниться. Одна из крупнейших *шибэ* — Калмактобе имеет площадь 2500 м² (длина каждой стены квадратного укрепления — 50 м). Благодаря тому что в непосредственной близости от *шибее* находились источники воды, воины имели шанс продержаться в осажденной крепости до прихода помощи (Бобров, Борисенко, Худяков 2010: 201–202).

Шибэ являлись опорными точками власти джунгар на вновь завоеванных степных территориях. Продвигаясь в глубь Казахстана, джунгары возводили здесь целую сеть *шибэ*, которые позволяли им закрепиться на оккупированных землях и одновременно прикрывали от казахских набегов внутренние земли метрополии. Только на территории Южного и Юго-Восточного Казахстана современные исследователи насчитали 19 джунгарских «караульных постов» (Аныракайский треугольник 2008. С. 40). Казахи не имели значительного опыта ведения осад, поэтому взятие *шибэ* нередко представляло собой непростую военную задачу. Ключевым событием крупных побед казахов у Буланты и под Аныракаем как раз и являлось взятие хорошо укрепленных джунгарских *шибэ*.

Давая оценку развитию инновационных (для кочевых обществ) отраслей и производств в Джунгарии, некоторые советские историки традиционно концентрировали внимание читателей на том, что инициаторами и первыми рабочими на этих предприятиях были иностранные мастера. Действительно, первоначально роль иноземных специалистов сложно переоценить. «Китайские и мугальские лю-

ди» строили каменные города, мусульмане («бухарцы») организовывали пашенное земледелие, западноевропейские и русские мастера создали в Западной Монголии суконное и пушечное дело. Однако еще большей ошибкой было бы признавать эти производства инородным элементом джунгарской экономики. В течение нескольких лет ойраты освоили практически все виды работ. В 40-х годах XVIII в. они уже самостоятельно занимались земледелием, делали сукно, лили пушки, изготавливали ружья и боеприпасы. Особо подчеркнем, что, в отличие от многих кочевых государств развитого средневековья, джунгары не сконцентрировали производственные мощности в старых ремесленных и оседло-земледельческих центрах, а развернули многие из них непосредственно в степных условиях на территории Ойратской метрополии (в бассейне р. Или, Тарбагатае, Монгольском Алтае и т.д.). Другими словами, ойратские мастера, опираясь на помощь своих европейских, мусульманских и китайских учителей, достаточно успешно инкорпорировали новые виды производств в традиционную кочевую экономику, резко повысив ее эффективность. Не стоит забывать и тот факт, что появление и развитие инновационных секторов джунгарской экономики (строительство, земледелие, производство огнестрельного оружия и пр.) являлись не исторической случайностью, а следствием целенаправленной политики джунгарских правителей, без последовательной поддержки которых проведение подобных преобразований было бы невозможно.

В целом, несмотря на ряд проблемных моментов, модернизацию джунгарской экономики следует признать успешной. К середине 40-х годов XVIII в. в Джунгарии имелась сеть пашен, снабжавших кочевников земледельческой продукцией, велась добыча черных и цветных металлов, функционировала система оружейного производства, а ружья и боеприпасы даже экспортировались за границу. Полной экономической автаркии добиться не удалось, но зависимость Джунгарии от соседних оседло-земледельческих государств резко снизилась. В случае необходимости недостающая продукция поступала с вассальных территорий или приобреталась в ходе торговых операций со среднеазиатскими и русскими купцами. В том же, что первоначальный импульс модернизации джунгарской экономики был дан иностранцами, нет ничего зазорного. Так, например, в России XVII — первой половины XVIII в. многие экономические новшества были также непосредственно связаны с деятельностью западноевропейских специалистов.

Главная слабость инновационных отраслей и производств в Джунгарии заключалась в том, что появление и эволюция большинства из них были связаны с прямым вмешательством государства. Без государственной поддержки они не могли развиваться самостоятельно. Как только центральная власть ослабла, производства стали закрываться одно за другим. Так, во второй половине 40-х годов XVIII в. многие шахты были заброшены ввиду высоких трудозатрат, потери мотивации и ослабления центральной власти. Еще при Галдан-Церене в связи с «разорением обывателей», падежом лошадей и отсутствием прибыли был остановлен медно-литейный завод в Яркенде. Продолжавшее функционировать медно-литейное предприятие в Урге (по р. Темерлик — притоке р. Или) прекратило ра-

ботать в период правления Цеван-Дорджи (1745–1750) (Моисеев 1984: 151). По данным современников, «заводы медные и серебряные, которые де были при Галдан-Чирине, ныне де брошены, ибо де прибыли нет, а труда весьма много было» (Златкин 1983: 240). С большими проблемами столкнулось и оружейное производство. В конце 40 — начале 50-х годов XVIII в. многие военные предприятия были закрыты, а защитное и наступательное вооружение стало закупаться в Мавераннахре («Большой Бухарии»). Хотя закупки и, возможно, производство оружия на заказ еще осуществлялись под контролем джунгарских мастеров, «порох, свинец, ружья, турки, сабли и панцири при прежнем владельце Галдан-Чирине делали. А ныне де оное получают из Большой Бухарии, где и мастера их, зенгорцы, имеются» (Златкин 1983: 240).

С другими кочевыми империями Джунгарское хунтайджийство роднит множество схожих черт в экономике, политике, в системе управления и военного дела. «Реформа анги» напоминает разделение монгольских племен на тумены в эпоху Чингис-хана. Как и первые Чингисиды, джунгарские хунтайджи жестко контролировали распределение пастбищных земель для кочевания. Строительство городов в степи силами пленных мастеров аналогично подобной практике в Великой Монгольской империи. Также как в свое время чингисидские мастера освоили производство и применение передовых для своего времени осадных орудий, так и джунгары начали массовый выпуск инновационного для Великой степи оружия — ружей и пушек. Широко применялась в Джунгарии и давняя степная практика переселения народов. Однако при внешней схожести эволюция хунтайджийства имеет ряд специфических черт, обусловленных не только внутренними, но и внешними причинами.

Как и другие кочевые империи, Джунгарское хунтайджийство с момента своего создания было нацелено на внешнюю экспансию. Однако политический ландшафт XVII–XVIII вв., представавший перед глазами хунтайджи, резко отличался от того, что видели хунские шаньюи, тюркские каганы и монгольские ханы. Мир изменился. Наступала эпоха великих колониальных империй, опирающихся на городскую промышленность, многочисленное оседлое население и регулярные армии, вооруженные огнестрельным оружием²³. Джунгария опоздала к разделу этого мира и была вынуждена вступить в борьбу за его передел. При этом исходные возможности Галдана Бошокту-хана и Чингис-хана отличались радикально. «Потрясатель Вселенной» к началу завоевания оседлых стран стоял во главе объединенной монгольской державы. Джунгарские хунтайджи могли рассчитывать только на собственные силы. Они контролировали лишь часть

²³ Именно развитие огнестрельного оружия, регулярных армий и фортификации нивелировало два основных военно-тактических преимущества кочевников: мобильность (за счет великолепной конницы) и превосходства в дистанционном бою (которое раньше обеспечивали мощные сложносоставные луки). Ружейный и пушечный огонь просто не давал коннице кочевников подойти на расстояние массированного лучного залпа по построениям противника. Джунгарские хунтайджи четко уловили данную военно-тактическую тенденцию. Использование огнестрельного оружия в войсках и обновление тактических схем способствовали победам джунгар в войнах с кочевыми и оседлыми соседями.

(причем меньшую) монгольского народа, в то время как основная масса монголоязычных (чахары, халхасцы, кочевники Кукунора) и тюркоязычных (казахи, киргизы, каракалпаки) кочевых племен Центральной и Средней Азии находилась в стане противников Джунгарии. В борьбе с переживающей политический и экономический кризис чжурчжэньской империей Цзинь Чингис-хан опирался на могущественных союзников: южнокитайскую империю Сун, тангутское государство Великое Ся, киданьскую и ханьскую оппозицию внутри чжурчжэньского государства. Джунгария лицом к лицу столкнулась с силами объединенного цинской династией Китая, Маньчжурии и Монголии. Цинская империя находилась на пике своего могущества. К началу первой джунгаро-цинской войны (1690–1697) маньчжурская династия подавила практически все массовые выступления китайских повстанцев, завершила военные действия против русских в Приамурье и могла сконцентрировать свои силы на борьбе с Джунгарией. Внутривнутриполитическая ситуация в империи была стабильной. Маньчжурская, монгольская и китайская знать сплотилась вокруг цинской монархии. Не было у Джунгарии и крепкого тыла. Кроме «восточного» (цинского) фронта джунгарские войска вели почти не прекращающиеся боевые действия на «западном» (казахском) фронте. Кроме того, существовала гипотетическая угроза военного конфликта с Россией. В этих условиях важнейшей задачей хунтайджийства являлись два геополитических проекта. Первый из них предусматривал захват Халхи и создание единого Монгольского государства. Вторым «проектом» являлось покорение Дешт-и Кипчак и формирование ойрато-тюркского государства во главе с чороской династией. Дважды (в 1688–1689 и 1732 гг.) хунтайджи были близки к реализации «монгольского проекта». В первой половине 40-х годов XVIII в. вполне реальной перспективой представлялось создание ойрато-казахской державы. Однако оба эти направления в конечном счете потерпели крах. И дело здесь не только в военной агрессии Цин и дипломатическом давлении России, но и в позиции монгольской и казахской элиты, которая предпочла жесткой власти хунтайджи казавшийся номинальным сюзеренитет оседло-земледельческих империй.

В середине 40-х годов XVIII в. Джунгария была одним из ключевых политических игроков в центральноазиатском регионе. С ее военной мощью были вынуждены считаться правители всех окрестных государств, в том числе Российская и Цинская империи. В чем же причина того, что через 13 лет Джунгария как государство перестала существовать, а джунгарские ойраты были практически полностью уничтожены? На наш взгляд, основных причин три:

1. Перенапряжение джунгарской экономики и западномонгольского общества в целом вследствие перманентных войн. Начало экономического кризиса в Джунгарии.

2. Раскол правящей элиты и междоусобная война в Ойратской метрополии.

3. Масштабная военная интервенция Цинской империи и казахских племен.

Особо подчеркнем, что каждая из этих причин по отдельности не представляла смертельной опасности для Джунгарии. Сложности в экономике и междо-

усобные столкновения периодически тревожили джунгарскую государственность на протяжении всего периода ее существования. Что же касается цинских и казахских нашествий, то их джунгары с успехом отбивали на протяжении всей первой половины XVIII в. Трагедия джунгарского общества заключалась в том, что все три проблемы возникли практически одновременно и наложились одна на другую.

Выдержать длительную войну на два, а то и на три фронта не может ни одно государство. Не стала исключением и Джунгария. Развивающаяся экономика хунтайджийства попросту надорвалась. Передовые производства стали закрываться одно за другим. Перманентные войны, тотальная мобилизация мужского населения, рост затрат на развитие инновационных технологий и производств привели к перенапряжению сил хунтайджийства. Длительное время оно отчасти компенсировалось богатой добычей, получаемой с захваченных территорий. Однако, по мере того как наступательный порыв джунгарских армий затихал и подвергшиеся агрессии народы переходили в контрнаступление, кризис обозначался все более отчетливо. Последовала цепная реакция. Кризис военной промышленности привел к перебоям военных поставок в армию. Ухудшилось снабжение войск боеприпасами, защитным вооружением, клинковым оружием и ружьями. В результате снизилась боеспособность джунгарской армии — главной опоры хунтайджийства.

Мирная передышка на границах и сильная центральная власть давали джунгарским властям шанс расставить экономические приоритеты, сохранить и усилить производственные мощности. Однако произошло прямо противоположное. На экономические проблемы крайне неудачно наложились внутренние усобицы. В условиях сильной авторитарной власти большую роль играла личность хунтайджи. Пока трон занимали наделенные управленческим талантом Цеван-Рабдан и Галдан-Церен, управленческая система функционировала эффективно. Однако, когда на трон взошел 13-летний Цеван-Дорджи, ситуация резко изменилась. Огромную роль в Урге стали играть придворные клики. Начался период дворцовых переворотов и последующих репрессий. В политические интриги втянулся центральный аппарат управления, военачальники, служивая знать и, наконец, местная аристократия — «малые тайджи». Вскоре выяснилось, что при ослаблении центральной власти местный аппарат управления ориентируется на своего непосредственного правителя (главу анги). В результате «малые тайджи» сумели опереться на подвластные им анги, и междоусобная борьба превратилась в междоусобную войну. Однако авторитет хунтайджи был еще высок, поэтому центральным властям удавалось наносить поражения удельным князьям²⁴. Однако последние обратились за помощью к внешним силам — казахам и Цинской империи. Первыми на призыв откликнулись казахские султаны, опустошившие западные районы Джунгарии.

²⁴ Рожденный от наложницы Лама-Доржи, несмотря на противодействие родовой аристократии, разгромил претендентов на престол, но был убит в ходе успешного набега на Ургу. Его победитель, Даваци, сумел разбить своего талантливого союзника (а затем соперника) — Амурсану.

В условиях междоусобной войны и экономического кризиса полномасштабная цинская интервенция, которую поддерживали ряд ойратских князей, оказалась роковой для Джунгарии. Вследствие раскола джунгарской правящей элиты ойратское население оказалось дезориентировано, и цинская армия практически без сопротивления оккупировала Джунгарию.

Однако даже разрозненные повстанческие отряды ойратов продолжали оставаться опасным врагом для цинских войск и неоднократно наносили поражения отдельным маньчжуро-монгольским корпусам в ходе восстаний 1755–1757 гг. «Джунгарский вопрос» был решен цинскими властями только после планомерного истребления и массового переселения жителей ханства. Большая часть западных монголов погибла в ходе геноцида и эпидемий, и лишь немногим удалось бежать в Россию и Казахстан. Коренные земли Ойратии вошли в состав Цинской империи и казахских жузов и до сего дня являются частью Синьцзян-Уйгурского автономного округа КНР и ряда областей Республики Казахстан. Подвластный Джунгарии Горный Алтай вошел в состав Российской империи. Фактически весь степной мир Центральной Азии и Южной Сибири оказался поделен между крупнейшими державами — Россией и Китаем. Кочевые народы и кочевые империи как самостоятельные субъекты мировой политики ушли в прошлое.

маньчжурия как самобытный историко-культурный регион была колыбелью многих народов и государств, сыгравших важную роль в истории Китая и Внутренней Азии (Барфилд 2009). Богатство ландшафтов определило разнообразие экологических зон, в которых возникла и специализировалась хозяйственная деятельность народов, издавна населявших эту обширную область. В наиболее общем плане ее географический облик определен равнинами и низменностями, находящимися в окружении горных массивов. С севера на юг протянулась Сунляо — самая большая равнина, которая выходит к Ляодунскому заливу. К западу от нее расположен горный хребет Большой Хинган, покрытый густыми хвойными и широколиственными лесами. На севере этот хребет смыкается с Малым Хинганом, который, постепенно снижаясь, на юго-востоке переходит к равнинной низменности Сунгари. На востоке тянутся маньчжуро-корейские горы. Климат, несмотря на относительную близость к побережью Тихого океана, подвержен значительным сезонным колебаниям, снежные зимы с низкими температурами сменяются засушливым жарким летом (Li, Cribb 2014).

Разнообразные природные условия и богатство ресурсов Северо-Восточного Китая предопределили его раннее хозяйственное освоение и стали базой для формирования особой цивилизации, пограничное положение которой позволяло взаимодействовать с оседлой китайской, кочевнической степной и охотничьей таежной культурами. Именно эта особенность придавала пульсирующую динамику историческому процессу: резкий рост военной активности сменялся относительным затишьем, а прогресс общественного развития и политической интеграции был явлением обратимым. И все же наибольшего развития народы, проживавшие на территории региона, достигли в начале нового времени, когда на политическую арену вышли маньчжуры, основавшие захватившую власть в Китае иноземную династию Цин.

Эпоха Цин в истории Китая занимает особое место. Именно в период существования маньчжурской династии был сформирован тот территориальный облик, который характерен для современного китайского государства. При этой иноземной династии в состав Китая были включены огромные территории с историко-культурной основой (Синьцзян, Тибет, Монголия), не характерной для так называемого Внутреннего Китая. Помимо этого, близость маньчжурской культуры к степной позволила династии Цин, в отличие от предшествующих династий, преодолеть исторически сложившиеся территориальные барьеры на западных границах Китая (Rawski 1996; Perdue 2009).

Негативные оценки цинского правления, господствовавшие как в китайской национальной историографии первой половины XX в., так и в мировой востоковедной науке, постепенно сменились попытками объективно осмыслить роль маньчжурского двора в истории Китая (Доронин 1996; 2002). Исследователями подчеркиваются успехи, достигнутые при цинских императорах: рост народонаселения, связанный с длительным периодом стабильности, освоение новых земель, развитие как собственно китайской культуры, так и культуры других народов, входивших в многонациональную империю (Непомнин 2005). С этой позиции одной из фундаментальных задач исторической науки становится выяснение всех обстоятельств, способствовавших как приходу к власти малочисленной народности маньчжуров, находившихся на самой ранней стадии образования государства, так и их длительному правлению в течение двух с половиной веков.

При решении этой сложной задачи представляется необходимым самым пристальным образом обратиться к истокам политогенеза маньчжурской общности, представленной первоначально разрозненными племенными объединениями под общим названием «чжурчжэни». Именно в ранний период становления новой династии Цин произошли события, последовательная реконструкция которых могла бы объяснить причины столь резкого усиления племени маньчжоу, в короткий исторический срок сумевших преодолеть племенной сепаратизм и консолидировать чжурчжэньские племена на новых принципах государственного устройства.

В конце XIV — начале XV в. наблюдались массовые перемещения чжурчжэньских вожеств, причиной которых послужили не только внутренние неурядицы, но и внешняя обстановка. Рухнувшая вместе с династией Юань пограничная система управления привела к политической дестабилизации региона. Монгольские кочевники стали притеснять чжурчжэней, которые в поисках защиты и порядка были вынуждены уходить на юг, к границам Минской империи (Huang 1990: 257).

Согласно описанию минских источников, в начале XVII в. чжурчжэньские общности делились на три большие группы: чжурчжэни Цзяньчжоу и Маолиня (Маньчжурское объединение), чжурчжэни Хайси (Хулуньское объединение) и «дикие чжурчжэни». Все они представляли собой вожества и племена, находившиеся на разных стадиях общественного развития (Мелихов 1974: 26).

Чжурчжэни Цзяньчжоу представляли собой крупную конфедерацию, на основе которой был создан приграничный округ. Чжурчжэни Хайси населяли земли к

северо-западу от племен Цзяньчжоу и севернее современного Шэньяня (Мукдена). Проживавшие в небольших городах и поселениях, они занимались земледелием, ремеслами и подсобными видами хозяйственной деятельности. Их владения были богаты природными ресурсами. Большим спросом на приграничных рынках пользовались добываемые на их территории жемчуг, яшма, соболиные меха, женьшень и т.д. Близость к границам Китая предопределила тесные торговые и политические связи этих групп чжурчжэньских племен с империей Мин (Li 2002).

Так называемые «дикие чжурчжэни», жившие севернее и, соответственно, дальше от границ Минской империи, были собирательным именем для многочисленных небольших племен, в этническом отношении представлявших народности эвенкийской и тунгусо-маньчжурской группы (чжурчжэни, солоны, нанайцы, эвенки, дауры, дючеры и др.). Практически для всех групп «диких чжурчжэней» был характерен подвижный образ жизни, связанный с их основными занятиями: охотой, рыболовством, собирательством (Мелихов 1974).

Дальнейшее развитие чжурчжэней было связано с усложнением политической системы. Стали появляться более сильные и влиятельные родовые группы, концентрирующие в своих руках общественные функции управления, военного дела, а также религиозные обязанности. Все это привело к острой борьбе и междоусобным войнам среди чжурчжэньских вожеств, в ходе которых между отдельными племенными группами и общинами возникали отношения зависимости и подчинения (там же).

В описании источников это выглядело следующим образом: «В те времена во всех землях царила смута. Маньчжурский народ состоял из племен, проживающих в районе рек Сугсухэ и Хуньхэ, племен ванцзя, дунъю, чжэчэн, нэинь и ялущян на Чанбайшане, воцзи, варка, хурха у Восточного моря, ула Хулуня, хада, ехэ, а также хойфа. Повсюду поднялись роем воры и грабители. Оспаривая старшинство, ханы, нойоны и сановники воевали меж собой во главе своих айлов и племен. Брат убивал брата, сильный угнетал слабого...» (DUMMD 2013: 1). Как можно видеть, картина является «среднестатистической» и была типична для народностей, находящихся на стадии формирования собственной государственности.

Близость от границ с Китаем не могла не отразиться на политическом и социально-экономическом развитии чжурчжэньских племен и вожеств. Политика династии Мин по отношению к чжурчжэням исходила из главной цели — обеспечить спокойствие на границах империи (Мелихов 1974; Мясников 1987). Ситуация межплеменной борьбы и межродовой разобщенности была выгодна китайскому государству, которое всячески поддерживало противоречия между различными группами чжурчжэней, стараясь не допустить усиления ни одной из них. К тому же небезосновательным представляется предположение о стремлении династии, подчинив чжурчжэней, во-первых, использовать давнее монголо-чжурчжэньское соперничество для контроля над монголами, во-вторых, укрепить связи с корейскими союзниками Мин (Бербанк, Купер 2015: 237).

Через создание специальных округов *вэй* также достигалось подчинение вождей чжурчжэней минскому двору. К периоду Вань-ли (1573–1620) число по-

добных округов достигло 384 (Мелихов 1970). Система округов взй, подкрепленная значительными торговыми привилегиями, данными племенной верхушке, подрывала процессы объединения чжурчжэней и удерживала существование у них многочисленных вожеств и племен.

Чжурчжэньские вожди, назначавшиеся на должности командующих округами, наделялись военными чинами и получали официальную печать, которая позволяла им вести торговлю как в приграничных крепостях, так и в столице империи. В их функции входили охрана границ, поддержание порядка и удержание местного населения от грабежей и нападений на жителей провинции Ляодун (Serguys 1955). Этими обязательствами и исчерпывалась вассальная служба чжурчжэньских вождей.

В такой обстановке стремление чжурчжэньских вождей стать «данниками» династии Мин выглядело вполне логичным, поскольку при показной внешней покорности они оставались самостоятельными в проведении своей внутренней политики. Обязанности, налагаемые на них должностью в системе приграничных караулов, не были обременительными, а выгоды, приносимые товарообменом в ходе ежегодных поездок с данью к китайскому двору, — вполне очевидными. В условиях племенных междоусобиц и постоянной необходимости утверждения власти среди родовичей наличие китайских должностей и чинов поднимало престиж и авторитет чжурчжэньских вождей и старшин внутри рода и племени, а также придавало им дополнительный статус в межплеменных отношениях. При этом чжурчжэньские старшины и вожди в борьбе со своими соперниками старались опереться на военные силы китайских наместников (Кузнецов 1980). Китайские власти, внимательно следившие за обстановкой в приграничных округах, время от времени принимали участие в этой борьбе, совершая карательные экспедиции, целью которых было не допустить объединения племен или усиления одного из них.

Консолидация чжурчжэньских племен была связана с деятельностью одного из племенных вождей — Нурхац. Род Айсинь Гиоро (Нингутабэйлэ), к которому принадлежал будущий основатель Цинской империи, входил в племенное объединение маньчжоу, которое в сравнении с остальными племенными общностями чжурчжэней не выделялось ни многочисленностью, ни военной силой, ни богатством (Мелихов 1966; Li 2002).

В одной из карательных экспедиций, осуществленной китайцами совместно с вождем суксэхэского племени Никан-Вайланом, погибли дед и отец Нурхац — Гиочанга Такши. После этого, однако, китайское правительство утвердило Нурхац в должности начальника пограничного округа, которую занимал его дед, тем самым сохранив за ним место вождя племени (DUMMD 2013).

Первое, с чего начал молодой вождь племени маньчжоу, была месть Никан-Вайлану. Принципиально важным был сам акт кровной мести, который показал бы родственникам Нурхац, что он способен быть главой своего рода (Кузнецов 1980: 49). До тех пор пока Никан-Вайлан был жив, Нурхац не мог пользоваться авторитетом среди своих родовичей. В обществе, где господствовали традиции

и обычаи родо-племенного строя, гибель деда и отца Нурхацы должна была восприниматься как обида, нанесенная всему роду. Тот факт, что при нападении на городок-крепость погибли сразу и дед и отец Нурхацы, лишь усугублял положение Никан-Вайлана. С точки зрения традиционного права в глазах общества Нурхацы не только имел право на кровную месть, но это было его прямой обязанностью. Поэтому неудивительно, что Никан-Вайланом предпринимались действия, чтобы нейтрализовать Нурхацы.

Из маньчжурских и китайских источников известно, что предпринимались неоднократные попытки покушения на жизнь молодого вождя. В «Маньчжоу шилу» есть упоминания о двух таких попытках, совершенных в 1584 г. Опуская детали подробного описания того, как Нурхацы удалось поймать убийц, мы хотели бы привести несколько выдержек из разных источников, характеризующих личные качества основателя маньчжурского государства. «Тайцзу (Нурхацы. — *Авт.*) повалил его на землю ударом рукоятки меча и громко приказал своим людям схватить и связать нападавшего. Слуга Лоохань и другие сказали: „Зачем связывать его? Он заслуживает смерти!“, Тайцзу шепотом ответил ему: „Негодяй может принадлежать какому-то вождю. Если я убью его, то хозяин обвинит нас в убийстве и со своими людьми нападет на нас. Насколько я знаю, у нас значительно меньше людей, чем у наших врагов“. Поэтому он притворно спросил: „Ты, наверное, пришел украсть корову?“ Тот ответил, что именно за этим и ни за чем другим. Лоохан опять сказал: „Этот человек хотел убить моего господина. Он врет, говоря, что пришел украсть корову. Мы должны убить его, чтобы проучить остальных“. Тайцзу ответил: „Этот человек действительно хотел только украсть, и ничего другого“. И он простил негодяя» (цит. по: Пан 2006: 44).

Приведенный отрывок достаточно показателен. Очевидно, что Нурхацы не хотел давать соседям повода для начала военных действий, поскольку не был уверен в своих силах. Существование института кровной мести, представлений о равном возмездии и принципа коллективной ответственности, характерных для традиционного общества, вполне могло служить оправданием для открытых военных действий соперников Нурхацы в случае казни преступника. В то же время решение отпустить последнего без наказания могло выглядеть в глазах соплеменников как слабость главы племени маньчжоу. В этом противоречивом моменте поступок Нурхацы выглядит более чем разумным.

Второй случай нападения, описанный в маньчжурских источниках, раскрывает ту сложную обстановку, в которой приходилось действовать Нурхацы. «Однажды ночью в 5-й лунный месяц Тайцзу был в своей спальне. Прислуживавшая ему девушка не спала и чем-то занималась на кухне при лампе. Вдруг свет стал ярче, а потом неожиданно погас. Тайцзу заметил это и заподозрил неладное. Надев легкую форму (кольчугу), под которой спрятал лук со стрелами, он сделал вид, что пошел по нужде в сторону наружной трубы дома. Внимательно осмотревшись, он увидел нечеткую фигуру человека. Неожиданный свет молнии осветил незнакомца совсем близко. Тайцзу пустил стрелу, которая попала в плечо разбойника, и тот побежал. Тогда Тайцзу выстрелил во второй раз, и стрела

пронзила обе ноги бежавшего. Затем Тайцзу ударил врага рукояткой меча и повалил его. Когда тот упал, его связали. Собравшиеся старшие и младшие братья и родственники сказали: „Нет смысла наказывать его, надо его убить!“ Тайцзу сказал: „Если я его убью, то его хозяин обвинит меня в убийстве, со своими людьми нападет на нас и заберет провизию. Если у меня будет мало продовольствия, то мои соплеменники будут голодать, выразят недовольство и разбегутся. Если наше племя разбредется и будет разбросано, враг обязательно использует мою слабость и атакует меня. Если у нас не будет хватать луков, стрел и другого оружия, как же мы будем обороняться? А еще я опасюсь, как бы другие племена не обвинили меня в убийстве и не начали войну. Будет разумнее, если мы простим его“. Поэтому негодяй был отпущен. Его имя было Ису» (цит. по: Пан 2006: 44–45).

Из рассматриваемого фрагмента маньчжурского источника видно, что авторитет вождя не в последнюю очередь держался на успешном выполнении им экономических обязанностей, а именно сохранении и распределении материальных благ. Довод о том, что враг может лишит племя запасов провизии, а это, в свою очередь, может вызвать недовольство властью вождя, был очень весомым. В условиях междоусобиц ослабление внутреннего единства племени грозило потерей политической самостоятельности. Косвенно это также подчеркивает зависимость власти вождя от способности организовать и обеспечить условия для торговли с Китаем. Вот почему Нурхаци стремился получить как можно больше разрешений на право торговли на приграничных рынках. Известно, что в ходе поездок в Китай для поднесения дани Нурхаци привозил в большом количестве даннические грамоты, подтверждающие права на получение «даров», которыми он награждал своих сподвижников.

Слова Нурхаци «как бы другие племена не обвинили меня в убийстве и не начали войну» свидетельствуют о том, что принадлежность присланного человека к чужому роду могла повлечь длинную цепочку ответственности, в ходе которой общности разного уровня, от рода до племени, могли воспользоваться правом для развязывания военных действий. В этой сложной системе кровнородственных отношений и в межплеменной борьбе формировались и оттачивались дипломатические приемы Нурхаци.

Т.А. Пан отмечает, что в более поздних текстах эта «внутриплеменная борьба сознательно не акцентировалась при создании образа первого маньчжурского правителя» (Пан 2006: 46). Это было обусловлено необходимостью поддержания единства в новообразованной маньчжурской общности и формирования ее идентичности. Данное обстоятельство, как уже было сказано, заставляет более критично относиться к документам на китайском языке и более пристально взглянуть на собственно маньчжурские источники, записи в которых велись одновременно с событиями наиболее раннего этапа развития маньчжурского государства.

Историографический анализ, который провели Т. Пан, Дж. Стари, М. Вайерс и другие ученые, показал, что в основе китайских текстов лежат ранние маньчжурские записи. Дополнительную ценность маньчжурскому архиву придает тот

факт, что маньчжурский язык использовался первыми правителями династии Цин в качестве секретного, дабы сохранить в тайне сообщения военного характера, сведения об отношениях с Монголией, Россией и Тибетом, а также информацию о делах внутри императорской семьи (Rawski 1998: xxi). О важности оригинальных маньчжурских источников говорят и представители направления «Новая история династии Цин». Усилиями таких представителей данного направления, как П.К. Кроссли (Crossley 2000), Э. Равски (Rawski 1996, 1998), М. Эллиот (Elliott 2001), Л. Хостеттлер (Hostetler 2001) и др., была преодолена длительное время господствовавшая точка зрения о том, что почти все маньчжурские документы являлись переводами с китайского языка.

Как пример неоднократных правок и редакций можно привести источниковедческое исследование известного литературного памятника «Священное учение Тай-цзу Нурхаци», проведенное Дж. Стари. Он проанализировал различные тексты источника, представленные в пяти версиях: наиболее ранний по происхождению — «Jiu Manzhou dang» (часть «Старого маньчжурского архива»); два текста, представленные в «шилу», — «Manzhou Shilu» («Manju-i yargiyankooli») и «Wuhuangdi Shilu» («Horonggo Enduringge Hūwangdi-i yargiyankooli»); две версии, подвергшиеся ревизии при Канси и Цяньлуэ. В результате ученый пришел к заключению, что при оценке аутентичности и исторической ценности «Священного учения Тай-цзу Нурхаци» с должной мерой надежности можно опираться только на маньчжурский источник «Jiu Manzhou dang». «Если мы хотим знать, — пишет Дж. Стари, — чему, по-видимому, действительно учил Нурхаци, мы должны обратиться к записям в „Jiu Manzhou dang“, которые во многих случаях показывают заметные отличия от „Учений“. В настоящее время только 22,5% „Учений“ можно считать оригинальными (и частью оригинальной маньчжурской литературы)» (Stary 2005: 66).

Далеко не последнюю роль в формировании личности Нурхаци сыграло его знакомство с китайской культурой. По сведениям некоторых китайских источников, он в 19 лет покинул отцовский дом из-за разлада с мачехой и несколько лет жил при дворе Ли Чэнляна (Stary 2015), минского наместника на Ляодунском полуострове, сопровождал его в официальных поездках, выучил китайский язык и получил некоторые знания в области китайской истории и военного дела (Swope 2014: 16). Как нам кажется, именно этим следует объяснить те нестандартные «инновационные» решения Нурхаци, которые резко контрастировали с методами и средствами племенной политики. Обладая незначительными ресурсами, Нурхаци приходилось рассчитывать не столько на военные методы, сколько на дипломатические средства.

После того как Нурхаци, имея всего 13 латников, все же сумел отомстить своему обидчику Никан-Вайлану, его авторитет резко возрос не только внутри своего, но и среди других чжурчжэньских объединений (Кузнецов 1980). Это способствовало добровольному переходу на сторону Нурхаци некоторых племенных вождей, сопровождавшемуся произнесением клятв и заключением договоров, в честь чего устраивались многодневные пиры (Мелихов 1966). Нурхаци

не только оказывал им всемерное уважение и почет, не скупился он и на щедрые подарки. Выбранная Нурхацци тактика находит аналогии с методами и средствами политики китайского двора в отношении «северных варваров», характерной чертой которой была церемония «дарения» и «отдаривания» племенных вождей (Мясников 1980).

Накопив силы, Нурхацци начал покорение малочисленных и слабых родственных племен. Конкретный механизм кооптации родов и племен был очень сложен, поскольку общность языка и быта была хотя и наиболее важным, но явно недостаточным условием. От картины, типичной для междоусобиц, с разорением хозяйств, уводом в плен и дальнейшим порабощением, политика, проводимая Нурхацци, явно отличалась. Большинство племен, покоренных маньчжурами, получали землю, скот, сельскохозяйственный инвентарь и благоприятные условия для обустройства на новом месте (Мелихов 1974). Племенная верхушка, старейшины и главы родов не были ущемлены в своем статусе, а органично встраивались в общую структуру управления.

Успехи Нурхацци, направленные на усиление цзяньчжоуского объединения в условиях даннической системы Мин, не могли не вызвать беспокойство у соседних племен. Округ Цзяньчжоу занимал выгодное политическое и экономическое положение, по территории этого округа пролегали торговые маршруты к приграничным рынкам Китая. Посредничество Нурхацци в отношениях с Китаем не отвечало интересам остальных племенных вождей. В 1593 г. коалиция из девяти племен во главе с племенем Ехэ напала на владения Нурхацци, но была разбита. Это подняло авторитет Нурхацци и значительно усилило его влияние на остальных чжурчжэней (Li 2002).

Дальнейшие действия Нурхацци, направленные на объединение всех чжурчжэньских племен, были обусловлены не только политическими, но и экономическими причинами. Увеличение собственной экономической базы всегда находилось в повестке зарождающегося государства. В первую очередь это касалось людских ресурсов, в которых постоянно испытывался недостаток (Барфилд 2009). Постепенно — с 1583 по 1626 г. — большинство чжурчжэньских племен были объединены под властью маньчжуров. Расширение и включение большого количества разноплеменного населения потребовало реорганизации системы управления. Попытки удержать власть и утвердить ее над племенами привели к тому, что прежний принцип конфедеративности был постепенно сменен системой централизации. Политическая организация чжурчжэньского общества усложнялась в сторону образования государства вместе с военными успехами и расширением территории (Кычанов 1992).

В 1601 г. Нурхацци провел реформу военного и административного управления, создав крупные соединения войск, так называемые *знамена*. Первоначально было четыре маньчжурских знамени (желтое, красное, белое и синее), в 1614 г. с созданием еще четырех так называемых пограничных знамен армия стала восьмизнаменной (Wakeman 1985; Elliot 2001). Главами этих знамен Нурхацци назначил своих сыновей Дайсая, Мангултая, Хунтайцзи и племянника Амина (второй

сын Шурхацци, младшего брата Нурхацци). Система знамен удачно совмещала в себе как военные, так и гражданские элементы управления. Как отмечает Г.В. Мелихов, «это была специфическая маньчжурская система, зачаток той системы государственного управления, которая позднее развилась у маньчжуров, уже при заимствовании определенных реалий у соседнего минского Китая» (Мелихов 1974: 40–41).

Основной единицей знаменной системы стали ниру, представлявшие собой сложную военно-хозяйственную организацию (Wen-shih 1981). Численность ниру составляла 300 солдат, к которым причислялись также члены их семей. Слово «ниру» в переводе с маньчжурского языка означает «стрела». Изначально это было названием группы людей, вооруженных луками и стрелами и задействованных при проведении облавной охоты. Из 15 ниру составлялся один *чжалан* (или полк), пять чжаланов образовывали знамя. Фактическое количество часто не совпадало с номинальным, временами существенно отличаясь (Lee 1970: 25). «В тот год под власть хана пришло много племен. Из 300 мужчин формировали одну роту, в каждой роте назначался командир. Испокон веков в нашем народе, отправляясь в поход или выступая на облавную охоту, привлекали все роды и семьи, независимо от количества людей. Во время облавной охоты каждый имел стрелы, над каждым десятью человеками назначался командующий, и каждый придерживался своей [роты]. Тот назначенный человек стал называться командиром роты, впоследствии это название закрепилось за командующим офицером» (DUMMD 2013: 3).

В отличие от Г.В. Мелихова, Д. Фаркуар (Farquhar 1971) подчеркивает, что в основе многих наиболее важных нововведений маньчжуров, связанных с их первоначальными завоеваниями, лежали монгольские институты XVI в. и более раннего времени, а вовсе не китайская культура управления. Он опровергает мнение о происхождении знаменной организации от минской приграничной оборонительной системы *вэйшу* и обращает внимание на сходство ключевых подразделений знаменных войск с монгольскими. Так, в ниру он видит аналогии с монгольским *хошуном* XIII–XIV вв. Слово «ниру» («стрела») как наименование для воинского подразделения не было известно в Восточной Азии, но у монгольских народов стрела является атрибутом власти и символом верности произнесенной клятве. Знамя же (*гуса*) по устройству может быть сопоставлено с монгольскими хошунами уже XVI в. Дело в том, что как знамя, так и хошун представляли собой неопределенное количество боеспособных мужчин родового коллектива. Точная численность воинов в знамени была установлена только к 1615 г. Как и глава знамени (*бэйлэ*), предводителем хошуна был назначаемый ханом ближайший родственник. Такие должности аппарата управления знамени, как *амбань*, *бэйдэши* и *бакши*, были смоделированы по монгольскому образцу и находили аналогии с существовавшими у монголов чинами *сайд*, *джаругачи* и *багши* соответственно (Farquhar 1971). По мнению Е.И. Кычанова, корни знаменной организации можно проследить еще в период иноземных династий Ляо и Цзинь (Кычанов 1992: 65).

К этому хотелось бы добавить широко практиковавшийся в военном и административном управлении принцип деления на две части, или на два крыла — правое и левое. Двукрыльная структура в устройстве Цинской империи отражает давнюю политическую традицию центральноазиатских народов степного пояса (Трепавлов 1993). Очевидно, что она была воспринята маньчжурами непосредственно от монголов в период их господства в Китае. Двучленное деление в это время пронизывало весь властный аппарат с самых его низов, распространяясь, в частности, на области Северо-Восточного Китая, где проживали чжурчжэньские народы.

Известно, что поначалу Нурхацци делил власть со своим младшим братом Шурхацци, который выступал в качестве его соправителя. Так, в записях корейского посланника Си Чунгила, в 1595 г. посетившего Нурхацци в его ставке Фе Ала, указано, что вначале он был принят Нурхацци, а затем с соблюдением того же церемониала побывал у Шурхацци. Ответное послание к корейскому правителю, подписанное Нурхацци, было скреплено печатью начальника «левого гарнизона Цзяньчжоу» (Stary 1996). Это означает, что правый гарнизон был в подчинении у Шурхацци. Идентичное сообщение о порядках при маньчжурском дворе оставлено корейским переводчиком Ха Сегуком (Okada 1996).

Действенность и жизнеспособность созданной Нурхацци знаменной системы заключалась в том, что в условиях племенной организации чжурчжэньского общества она снимала противоречия, возникавшие в процессе объединения. Она также заложила прочный фундамент для формирования маньчжурского этноса. Столкнувшись с проблемой объединения разрозненных племен, Нурхацци принял простое, но в то же время очень эффективное решение. Формирование знамен разрушало племя как крупную общественную структуру, что предотвращало племенной сепаратизм и выстраивало надплеменную систему. То, что более мелкое подразделение ниру состояло из членов кровнородственного коллектива, не нарушало единства клановой организации. Во главе ниру оставались вожди или старейшины завоеванных или присоединенных племен и родов (Барфилд 2009; Мелихов 1966). При этом племена, вошедшие в состав государства, как отмечалось выше, уравнивались в правах с маньчжурским населением.

В качестве примера можно привести племя Ехэ, все взрослое население которого составило 18 ниру. Эти ниру были распределены по разным знаменам (Мелихов 1974: 85). Таким образом, «ехэское» общество, раздробленное на мелкие единицы родственных групп, прекратило свое существование. Такая организация войск должна была, несомненно, сплотить разнородные в этническом и культурном плане племенные группы, предложив им объединиться вокруг общеполитической цели нового маньчжурского государства и, таким образом, снять имевшиеся среди племенных групп чжурчжэней противоречия.

В то же время восьмизнаменная организация населения стала базой для формирования новой коллективной идентичности (Elliot 2001). «Наряду с племенами маньчжурского сейма и хулуньского объединения в состав ниру восьми маньчжурских знамен включались другие группы населения — предки современных

нанайцев (гольдов), удэгэйцев и орочей. Маньчжурские ниру комплектовались также из близких к монголам неманьчжурских племенных групп, таких, как солонь, к которым с полным основанием можно отнести и сахарча, хуярча, хурхунь, людей из местности Чжань и др. Наконец, имеются прямые свидетельства о том, что в состав маньчжурских знамен входили ряд ниру, составленных из собственно монголов. Все эти элементы активно ассимилировались маньчжурами» (Мелихов 1966: 96).

В это же время были утверждены новые должности *амбань* и *бэйлэ*. Первыми амбанами (советниками) в 1613 г. были назначены зятья Нурхацы (Wakeman 1985: 54). Создание института амбаней преследовало цель ограничить власть бэйлэ — князей, командовавших знаменными войсками и рассматривавших эти войска как собственность, принадлежащую лично им, что представляло собой потенциальную угрозу власти хана. Случай с наследным принцем Цуенем, старшим сыном Нурхацы, подтвердил эти опасения, наглядно продемонстрировав реальность такой угрозы (Барфилд 2009).

При сохраняющихся родо-племенных традициях Нурхацы неизбежно должен был столкнуться с проблемой утверждения своей власти среди сородичей и других вожеств и племен, в то время находящихся на стадии военной демократии. Новая власть должна была дистанцироваться от общества, преодолев эгалитарность его характера.

В начальный период своей деятельности Нурхацы, как уже говорилось, правил вместе со своим младшим братом Шурхацы. Концентрация власти в одних руках по мере расширения владений маньчжурского государства создала оппозицию единоличному правлению Нурхацы. Открытое недовольство, выказываемое Шурхацы, привело к тому, что в 1611 г. он был казнен.

При реализации своих смелых замыслов, которые вступали в противоречие с узкими интересами племенной аристократии, Нурхацы должен был опираться на людей с новым мышлением, не обремененных грузом традиционных представлений о коллективной власти. Главными помощниками и наставниками в новом деле стали лама Эрдэни-бакши и Гагай-дзаргучи. Эти люди, родившиеся и выросшие на маньчжуро-монголо-китайском пограничье и являвшиеся носителями в равной мере трех разных культур, смогли осуществить сложный акт межкультурной адаптации и синтезировать основные элементы власти в маньчжурском обществе (Perdue 2009). Эрдэни-бакши и Гагай-дзаргучи были людьми, на долю которых выпали первые важные шаги в становлении маньчжурского государства; в частности, по заданию Нурхацы в 1599 г. они приспособили для записей маньчжурского языка старомонгольскую письменность. Именно эта деятельность сделала их уязвимыми для нападения со стороны соперничающих групп, позволив позже обвинить их в продвижении интересов чужой культуры. В 1623 г. Гагай был уволен с должности, Эрдэни казнен за недоказанные преступления. П. Пердью предположил, что, возможно, они стали жертвами ложных слухов, распространявшихся бэйлэ, возмущавшихся их близостью к возвышающемуся хану (Wakeman 1985; Perdue 2009: 111).

Расширение за пределы собственно чжурчжэньских территорий и рост могущества маньчжурской политики не могли не затронуть интересы соседних монгольских племен, в отношении которых мы можем наблюдать проведение той же гибкой политики Нурхацы. Следует заметить, что монгольский мир в XV–XVI вв. был разделен на три крупные области: Южная Монголия, Северная Монголия (Халха) и Джунгария. Каждая область была представлена крупными этнополитическими образованиями, которые, в свою очередь, состояли из племенных объединений, связанных между собой сетью иерархических связей (Монгол улсын туух 2003; Natsagdorj, Ochir 2010).

В постимперский период возросло политическое и военное значение ойратских племен, или так называемых западных монголов. Войдя в 1207 г. в состав империи Чингис-хана, ойраты сыграли большую роль в ее становлении. Представителей ойратских родов часто назначали на высокие посты в империи, между ойратской аристократией и правящим домом Чингисидов часто заключались дипломатические браки. С изгнанием юаньской династии из Китая политический порядок и установившаяся система подчинения были нарушены (Jamsran 2010), власть Чингисидов уже не могла использовать развитую экономическую базу земледельческих регионов, что нивелировало их политическое значение. Это позволило правителям ойратской конфедерации западных монголов вести более самостоятельную политику, бросив вызов единовластию императоров Северной Юани (Златкин 1964).

Первые правители династии Мин, пришедшей на смену Юань, проводили активную политику по подавлению кочевых объединений и децентрализации власти в степном мире. Глубинные рейды китайских войск, в том числе разорение Каракорума в 1388 г., окончательно ослабили восточных монголов. Своего наивысшего могущества ойраты достигли в правление Эсэн-хана, покорившего восточных монголов и распространившего свою власть на часть Маньчжурии (три урянхайских округа) и область Хами в Туркестане. Он даже вторгся в Северный Китай и в битве при Туму в 1449 г. захватил императора Мин Чжу Цичжэня (Инцзуна) (Покотилов 1886). Наконец, не довольствуясь положением тайши, он начал открытую вражду с великим ханом Монгольской империи Тохта-бугой. В 1453 г. Эсэн-тайши принял титул великого хана Юаня. Во второй половине XV в. противостояние западных и восточных монголов продолжалось вплоть до начала правления Чингисиды Даян-хана Бату-мунке (1480–1517?). Именно ему удалось преодолеть междоусобицу и возродить единое монгольское государство (Чимитдоржиев 2002: 171). Действуя согласно политическим традициям, Даян-хан разделил свою империю на правое (западное) и левое (восточное) крыло. В каждом крыле было три тумена номинальной численностью в 10 тыс. воинов каждый. В состав правого крыла вошли племена Ордос, Тумэт, Юэншиэбу, Асуд и Харчин, левого — Хорчин, Халха и Чахар (Natsagdorj, Ochir 2010: 521). Надо заметить, что по унаследованной традиции от времен Юаньской империи монгольские правители часто именовали свою политику как народ «сорока туменов», именно такое количество войска было представлено в период Монгольской империи.

После смерти Даян-хана Монголия, будучи разделенной между его многочисленными сыновьями, фактически распалась на ряд независимых владений (Монгол улсын туух 2003). Активизировались процессы дробления племен и децентрализации власти. Ярким примером тому служат появление новых титулов ханов и исчезновение из употребления термина «хаган» (Шара Туджи 1957: 189). Хотя потомки Чингис-хана сохранили за собой титул верховного хана, эта должность стала носить чисто символический характер. Фактическая власть была сосредоточена в руках степных лидеров, носивших титул *тайши*.

Один из сыновей Даян-хана, Барсболод, был назначен наместником правого (западного) крыла империи, а его сын Алтан-хан (1508–1582) унаследовал княжество Тумэт. Примерно с 1524 г. Алтан-хан начал серию успешных военных кампаний против минского Китая, целью которых было открытие приграничных обменных рынков (Афонина 2003). В результате власть Алтан-хана была признана великим ханом Дарайсуном, который присвоил ему титул хана (Нацагдорж 2008:19). Алтан-хан проводил политику привлечения китайцев, среди которых были, в частности, приверженцы преследуемой минскими властями организации «Белый лотос», и поощрял их переселение на территорию своего княжества Тумэт (Serryus 1959). В 1572 г. им был основан город Хух-Хото. Но более всего он вошел в историю как распространитель буддийской веры. В 1578 г. по приглашению Алтан-хана прибыл тибетский лама, представитель школы гелуг Сонам Гьяцо, приезд которого положил начало распространению буддизма. Примеру Алтан-хана последовали остальные монгольские правители, среди которых был Абатай-хан (1534–1586?), правивший Халхой, одним из трех восточных туменов (территория современной Монголии). Его имя связано с одной из последних попыток объединить восточных и западных монголов в рамках одного государства. Абатай-хан вел успешные войны против ойратов и ненадолго подчинил их своей власти. Он также пригласил тибетских лам для широкого распространения буддизма среди своего населения. Стремясь добиться большей легитимности своей власти, он, по примеру Алтан-хана, в 1585 г. начал строить буддийский монастырь Эрдэни-дзу на месте старой монгольской имперской столицы Каракорум (Atwood 2004: 1).

К началу XVII в., т.е. к периоду возвышения маньчжуров, верховная власть монгольского хагана распространялась только на его собственный удел. В 1604 г. на великоханский престол вззошел Лигдан, правитель чахаров. Объединив силы южномонгольских княжеств, он совершил ряд успешных походов против минского Китая, добившись ежегодных выплат в рамках даннической системы. Лигдан-хан покровительствовал буддийскому духовенству из школы сакья-па (красношапочники), в период его правления активно шло строительство буддийских храмов, был основан город Цаган-хот. Все это было направлено на восстановление имперской власти. Однако ему, в отличие от его предшественников, пришлось столкнуться с новым противником — зарождающимся государством чжурчжэней (Чимитдоржиев 2002).

Особое внимание маньчжуров к союзническим отношениям с соседними монгольскими племенами было вызвано их первостепенным значением в пока

еще набирающем силу процессе становления маньчжурского государства. Склонив монгольских вождей на свою сторону, маньчжуры усилили свою военную мощь, получив при этом безусловные стратегические преимущества. Первым монгольским племенем, с которым был заключен союз, были хорчины, ввиду этого получившие наибольшие привилегии и особое положение в знаменной системе. «Тогда же, в июне, на аудиенцию к маньчжурскому хану прибыл хорчинский бэйлэ Ууба. Прием его как „бэйлэ другого государства“ был обставлен с большой пышностью. Нурхаци лично выехал встречать хорчинского бэйлэ за десять ли. В честь Ууба при маньчжурском дворе неоднократно устраивались пиры, он получил щедрое пожалование; по его просьбе ему была дана в жены дочь тайджи Тулуна, и он получил титул хэшо эфу (императорский зять). После десятидневного пребывания при дворе хана Ууба, обменявшись с Нурхаци клятвой верности, выехал обратно. На берегу Хуанхэ он произнес клятву: Во веки веков не забуду милости. Если изменю союзу, да падут навечно все беды на мою голову» (Ермаченко 1974: 39). Исследователями подчеркивается распространенность в практике межплеменной дипломатии таких ее средств, как произнесение клятв и брачные союзы, особое значение которым придавалось Нурхаци при установлении политических союзов с вождями племен (Di Cosmo 2012; Ермаченко 1974; Мелихов 1974).

В 1616 г. Нурхаци провозгласил создание новой династии Поздняя Цзинь (Хоу Цзинь), присвоив себе титул хана. Он правил под девизом «Абкай фулинга» («Благословенный Небом»). В соответствии с общепринятой традицией был принят новый календарь, летосчисление в котором велось по годам правления императоров. Этот шаг придал ему новый статус и, конечно, способствовал утверждению принципа единовластия.

В 1621 г. маньчжурское государство стало именоваться «Да Цзинь» («Великое Золотое»). В этом же году Нурхаци перенес маньчжурскую столицу в завоеванный Ляоян. Весьма показательна дискуссия относительно новой столицы, в которой новое государственное и геополитическое видение правителя одержало верх над коллегиальной позицией приверженцев старины: «Хан собрал нойонов и сановников, чтобы посоветоваться: переселиться ли в дарованный Небом город Ляоян, вернуться ли в свои земли. Все нойоны и сановники изъявили желание вернуться назад. Тогда хан изрек: „Управление государством подразумевает управление землями и людьми. Если мы сейчас вернемся на наши земли, враг снова займет город Ляоян. Люди окрестностей разбегутся по горным ущельям и сгинут там. Если мы бросим новые земли и вернемся, то это станет хорошим залогом для повторного похода. Нам следует остаться жить на земле, пожалованной нам Небом. Это хорошая земля, находящаяся между тремя государствами: Мин, Кореей и Монголией“. Нойоны и сановники одобрили эти слова и послали человека за супругами» (DUMMD 2013:17).

Отношения маньчжуров с соседними монгольскими племенами сыграли решающую роль в укреплении Цинского государства с самого раннего периода. Родство и идеологическая близость связывали их самыми тесными узами. Чжурчжэньская культура в ходе длительных контактов, особенно в период правления

династии Юань, испытала значительное влияние монгольского элемента. Это проявилось, в частности, в монголизации родовой аристократии западных чжурчжэней (Евсюков 1980).

Сам Нурхацци ввел в широкую практику брачные союзы и обмен наложницами с главами монгольских владений (Ермаченко 1974; Di Cosmo 2007). В то же время монголы выступали в качестве конкурирующей силы, без подчинения которых завоевание Северного Китая представлялось невозможным. Объединенные силы монголов могли нанести серьезный урон маньчжурам, поэтому Нурхацци и его сын и наследник Хун Тайчжи старались не допустить объединения монголов. Для этого маньчжуры принимали деятельное участие на той или иной стороне в возникающих между монгольскими князьями спорах, оказывали помощь одним в борьбе против других, присваивали титулы, дарили дорогие подарки, заключали клятвенные союзы. Цель политики дробления монгольских сил была ясно выражена в словах Нурхацци: «Жизнь монголов стала подобна этой дождевой туче. Когда собираются тучи, идет дождь. Когда объединяются монголы, они выступают в поход. Роспуск их войска подобен тому, как тучи рассеиваются и дождь прекращается. После того как их объединенное войско разойдется, мы пойдем по его следам и захватим» (DUMMD 2013:19). Это стало одним из главных принципов дальнейшей политики маньчжуров в отношении монголов.

Вместе с тем интересы маньчжурского государства требовали не только защиты своих границ, но и привлечения дополнительных военных ресурсов, которые могли предоставить монголы. Эффективная дипломатия Нурхацци, заключающаяся в создании благоприятных условий интеграции новых владений и щедрых пожалований своим союзникам, привела к повышению его авторитета в степи, закреплению в титулах правления. Так, в 1605 г. хан щедро одарил сына предводителя баягудского отука халха-монголов Дархан-багатур-нойона — Энгэдэр-тайджи, прибывшего на поклон с данью. В ответ на это год спустя Энгэдэр-тайджи и послы нойонов пяти халхаских отуков доставили ко двору хана верблюдов и лошадей (DUMMD 2013). В знак поклонения они присвоили Нурхацци титул «хундулэн-хан», что означает «уважаемый хан». Этот титул отразил идеал многонационального правителя, или универсального хана.

После основания Нурхацци династии в монгольской правовой традиции за ним был закреплён титул «Тенгри-дэчэ-Джиягату» («Ниспосланный Небом»), служащий эквивалентом маньчжурского названия девиза правления «Абкай фу-линга» («Благословенный Небом»). Консолидация и усиление маньчжурской династии происходили в условиях господства в степи традиционных представлений о межплеменных отношениях, в связи с чем основным средством маньчжуро-монгольской дипломатии являлись клятвы, призванные обеспечить сакральный характер достигнутых договоренностей, хотя и часто нарушавшиеся. Как правило, подобные клятвы периода Нурхацци отражали ситуативную заинтересованность монгольских племен в консолидации с маньчжурским государством, регламентируя вопросы торговых отношений с другими племенами и Китаем, а также совместных военных действий (Ермаченко 1974).

Примером такой клятвы, которую мы хотели привести полностью, является договор о перемирии между Нурхаци и нойонами пяти халхаских отуков 1619 г.

«Затем, разложив по чашам водку, мясо, кровь, кости и землю, они поклялись перед Небом и Землей: „Отныне нойоны, управляющие десятью хошунами маньчжурского государства, и нойоны, управляющие пятью отуками монгольского государства, будут пребывать в мире по милости Неба и Земли. Вместе будем воевать против минского государства, с давних пор являющегося нашим заклятым врагом. Если когда-либо возникнет необходимость вступить в перемирие с Минским государством, то, обсудив этот вопрос, вместе присоединимся. Если Маньчжурское государство, нарушив клятву, без согласования с нойонами пяти отуков вступит в перемирие с Минским государством, если Минское государство подошлет тайно человека с целью внести раздор между нами, если мы не скажем об этом нойонам пяти отуков, пусть нас осудят Небо и Земля. Пусть станет короче жизнь нойонов, управляющих десятью маньчжурскими хошунами, подобно этой крови прольется их кровь, подобно этой земле их накроет землею, подобно этим костям кости их побелеют. Если же Минское государство пошлет человека к нойонам пяти отуков Монгольского государства с предложением перемирия, а нойоны об этом не доведут до сведения светлейшего хана маньчжурского государства, то нойоны пяти отуков: Дугурэн-хун-багатур, Ууба-дайчин, Эсан, Бабай, асудский Мангулдай, Эбугэдэй-тайджи, Убаши-Дугурэн, Гурбуши, Дай-дархан, Мангулдай-дайчин, Бидэнту, Елдэн, Чогэхур-дархан-багатур, Энгэдэр, Сангарджай, Буташи-дугурэн, Сангарджай, Баярту, Дорджи, Нэйчи, Уйджэн, Улджэйтү, Бурхату, Этэн, Элджигэ — будут наказаны Небом и Землей. Жизнь их укоротится, подобно этой крови кровь их прольется, подобно этой земле накроет их землей, подобно этим костям их кости побелеют. Если мы, два народа, будем придерживаться этой клятвы, то Небо и Земля будут к нам благосклонны, будем пить водку, как пьем сейчас эту водку, будем есть мясо, как едим сейчас это мясо. Жизнь нойонов наших государств удлинится, потомство наше будет размножаться на протяжении ста поколений и пребывать в течение десяти тысяч лет. Наши два народа будут как единое государство пребывать в мире и спокойствии“» (DUMMD 2013: 13).

Карательные санкции, обрушившиеся через несколько лет на халхаских князей, нарушивших этот договор, свидетельствовали о возросшей мощи маньчжурского государства, формирующего новые правила международных отношений в степи. В 1626 г. Нурхаци с нойонами, сановниками и большим войском выступил в поход на халха-монголов пяти отуков в ответ на нарушение клятвы последними: «Ранее хан с халхаскими нойонами пяти монгольских отуков принесли клятву Небу и Земле о том, что в случае нападения на государство Мин будут делать это вместе, в случае заключения мира — также вместе. Халхаские нойоны пяти монгольских отуков нарушили данную клятву, установив связь с Минским государством. Они убили людей из наших почтовых станций и, доставив в Минское государство их отрубленные головы, получили большое вознаграждение. Также они неоднократно отбирали скот и имущество у наших послов» (DUMMD 2013: 23).

В то же время во взаимоотношениях с минским Китаем политическая мудрость, проявленная Нурхаци, возвышалась над традициями степной политики опасного пограничья. Осторожная политика предполагала решение вопросов укрепления экономического положения государства до активных внешнеполитических действий по отношению к Поднебесной. Красноречивым подтверждением этому служит описание инцидента, произошедшего из-за решения выдать младшую сестру Буянгу-нойона из племени Ехэ, обещанную хану, за Мангулдая — сына халхаского предводителя Бага-дархан-нойона. Подобная несправедливость вызвала мгновенную реакцию со стороны аристократического окружения Нурхаци, призывавшего к немедленной отправке войск.

«Нойоны и сановники сказали: „Обещанную хану девушку, достигшую 33 лет и в течение 20 лет находившуюся в княжестве Ехэ под стражей войска Минской империи, ехэские Гинтайши и Буянгу, доверившись, отдали монголам. Нам следует выступить в поход на Минскую империю“... На это хан ответил: „Мне следовало бы собрать войско, поддавшись вашим уговорам. Но я четко представляю себе это дело, и у меня нет сомнений на этот счет. Хозяин — это тот, кто владеет целым народом. Если мы будем наказывать или защищать, не разбирая, кто прав, кто виноват, если мы будем зря применять силу, то пойдем наперекор воле Неба. Пусть они защищают отвергнутое Небом княжество Ехэ. Вы не торопитесь. Если мы сейчас пойдем на империю Мин, за наше правое дело Небо простит нас. Если Небо будет к нам благосклонно, мы одержим победу. Но поскольку у нас нет собранного зерна, нам нечем будет кормить пленных людей и захваченный скот. Если мы решим содержать их, наш народ будет обречен на страдания. Нам следует собрать свой народ, построить крепости для укрепления наших земель, засеять поля хлебом и собрать урожай“» (DUMMD 2013: 6).

Таким образом, можно утверждать, что синтез культур, возникший на пограничье северо-востока Китая, стал прочной основой для формирования маньчжурской государственности. Обстановка, сложившаяся на рубеже XVI — XVII вв. в Северо-Восточном Китае, способствовала консолидации чжурчжэньских племен. Минский Китай, охваченный чередой восстаний, не мог уделять должного внимания приграничным делам, разобщены были и монгольские княжества. Исторические условия благоприятствовали возвышению чжурчжэней. Вполне вероятным выглядело то, что острая борьба за власть среди чжурчжэньских вождей стала бы фактором образования крупного политического объединения. Нурхаци сумел придать этому процессу необратимый характер.

У Нурхаци было 16 сыновей, восемь из которых были рождены от его старших жен (*amba fujin*), что теоретически давало им равные права на трон (Okada 1979: 250). В своем завещании он не указал имя того, кому хотел бы передать власть (Wakeman 1985: 157), хотя впоследствии и ходили слухи, что Нурхаци выбрал наследником Доргоня, своего сына от императрицы Сяо-леу (Абахай). Вместо этого он решил создать коллективный орган управления — совет бэйлэ (князей): «Тот, кто меня сменяет, не должен быть тем, кто полагается на силу. Если такой человек станет правителем, я боюсь, что, полагаясь на силу своего

положения, он обидит Небеса. Кроме того, мудрость одного человека не может сравниться с мудростью многих. Вы, восемь человек, являетесь главами „Восьми знамен“, и если вы сможете управлять страной с общей целью, то ничего не будет потеряно» (цит. по: Kessler 1976: 8). Нурхаци установил, что совет из восьми бэйлэ будет поочередно возглавляться одним из них и что все решения будут приниматься только после общего обсуждения.

Возможно, данное решение являлось компромиссным, связанным со стремлением уравновесить силы и интересы потенциальных наследников. Назвав имя своего преемника, хан оттолкнул бы от него других, которые имели неменьшие заслуги и права на трон. Каждый из них принимал активное участие в военных кампаниях и управлении, решал ответственные задачи, возлагаемые их отцом Нурхаци.

Когда маньчжурское государство вступило в период борьбы за власть, в ней сразу же обозначились противоречивые тенденции, столь характерные для обществ, находящихся в процессе политической трансформации, на пути становления к государству с полноценным бюрократическим аппаратом. В первую очередь угрозу зарождающемуся государству представлял возврат к старым племенным формам правления. В случае отсутствия сильной единоличной власти бэйлэ превращались бы в самостоятельных правителей, что, безусловно, в дальнейшем предвещало распад созданного Нурхаци государства (Барфилд 2009).

Хун Тайчжи¹ (1592–1643), восьмой сын Нурхаци, был верным последователем централизации власти. Как командующий белым и белым с каймой знаменами, он имел решающее преимущество в борьбе за право на верховную власть (Wakeman 1985: 158). Действуя совместно со старшими бэйлэ, ему удалось упредить создание союза младших бэйлэ Доргоня, Додо и Ацзиге, сыновей Нурхаци от брака с Сяо-леу, каждый из которых по его завещанию должен был получить по знамени. В нарушение завещания Ацзиге не был поставлен во главе одного из знамен. Кроме того, Хун Тайчжи произвел замены знаменных корпусов, отдав два своих знамени Доргоню и Додо, вместо которых он получил знамена желтого и желтого с каймой. Последние ранее находились в подчинении у Нурхаци и, согласно его последнему слову, должны были перейти к Доргоню и Додо (Hummel 2010: 1). В ходе следующего этапа борьбы Хун Тайчжи удалось привлечь на свою сторону старшего бэйлэ Дайшаня и его сына Йото, которые согласились признать его ханом (Wakeman 1985: 160). Надо заметить, что и в дальнейшем, в период династийных кризисов, возникавших из-за разногласий относительно престолонаследия, знаменные войска приобретали большое значение. Количество знамен, поддерживавших того или иного претендента на власть, было решающим фактором (Барфилд 2009: 212).

¹ В отечественной историографии более известен под именем Абахай. Однако, как показано в работах Т.А. Пан и Дж. Стари, в действительности личное имя маньчжурского императора было Хун Тайчжи. Впервые на это обратили внимание китайские и японские ученые, указав на отсутствие употребления имени Абахай в маньчжурских и китайских источниках (см., например: Chen Chieh-hsien 1982: 188).

В 1627 г. Хун Тайчжи был провозглашен ханом (Bogd Sécén Khaan) династии Поздняя Цзинь. Но угроза его личной власти продолжала существовать, хотя и не выражалась открыто. Понимая это, Хун Тайчжи принял ряд мер. Он отстранил от руководства знаменами старших бэйлэ, а также отменил чередование бэйлэ на посту главы совета восьми князей. Затем он расправился с бэйлэ Амином, сыном младшего брата Нурхаци, арестовал своего единокровного брата Мангултая и добился обещания уступить всю полноту власти от бэйлэ Дайшаня (Li 2002). Таким образом, он удалил всех возможных претендентов на власть из числа племенной знати, но не устранил саму угрозу (Keliher 2017). Для того чтобы ослабить власть родо-племенной верхушки, он начал все более активно привлекать к управлению китайских чиновников. В 1631 г. была учреждена система так называемых Шести ведомств (по дворцовым делам, финансов, религии и ритуалов, юстиции, военное и ведомство по организации общественных работ), созданная, очевидно, по образцу минской бюрократической системы. Впрочем, и здесь прослеживается инерция родо-племенного мышления (Wakeman 1985: 167), поскольку первоначально Хун Тайчжи при назначении глав ведомств руководствовался старыми принципами организации управления, рассматривая их как своего рода уделы: главой каждого ведомства должен был быть один из его родственников, хотя его руководство было, очевидно, только номинальным (Farquhar 1971: 17).

Чтобы уравновесить военную мощь бэйлэ, Хун Тайчжи пошел на создание китайских знамен, подчинявшихся непосредственно императору (Perdue 2009). Вместе с тем Хун Тайчжи должен был восстанавливать свой авторитет среди отдельных вассальных иноплеменных князей, у которых, вероятно, господствовало представление о персонифицированном подданстве, характерном для раннего этапа кочевых империй, но ослабевшем со смертью Нурхаци. Подобная тенденция проявилась во взаимоотношениях Хун Тайчжи и хорчинского бэйлэ Уубы, возведенного предыдущим маньчжурским правителем в ранг тушэту-хана. В письме Хун Тайчжи порицались такие нарушения подданства, допущенные Уубой, как поддержка враждебного племени Ехэ, уклонение от исполнения обязанностей, нарушение клятвы, сношение с китайским двором без уведомления (DUMMD 2013: 43). После полного признания Уубой своей вины и принятия им обязательства выплатить соответствующие компенсации он был прощен Хун Тайчжи.

Укрепление маньчжурского государства было напрямую связано с дальнейшими военными успехами. Продолжив подчинение оставшихся чжурчжэньских племен, Хун Тайчжи одновременно с этим совершал походы в Китай и Корею, с помощью ряда военных кампаний добился вхождения монгольских племен в состав маньчжурского государства.

В 1635 г. путем объединения двух монгольских знамен так называемых «старых монголов»², находившихся в подчинении маньчжурских знамен, с племенем харачин (в их составе числилось около 8 тыс. воинов) была создана восьмизнаменная монгольская армия.

² Под «старыми монголами» имеются в виду два первых монгольских знамени, сформированные при Нурхаци.

Восьмизнаменная система организации населения действительно стала тем инструментом, который конструировал взамен племенной новую общность, сохраняя в своих низовых единицах родовую идентичность (Elliot 2001). Но она не могла решить проблему этнической интеграции. Хун Тайчжи, понимая назревшую необходимость формирования единой общности, в 1635 г. издал следующий указ: «В нашем государстве в прошлом были распространены такие названия, как маньчжоу, хада, ула, ехэ и хойфа. Раньше люди невежественные обычно называли [нас] чжушенями. [Однако] название чжушень [относилось] лишь к потомкам чаоморгеньских сибо и не имеет никакого отношения к нашему государству, которое основано под названием Маньчжоу и имеет длительную историю, а престол передавался из поколения в поколение. Отныне [приказываю], чтобы все люди называли наше государство только первоначальным названием — Маньчжоу. [Запрещается] впредь пользоваться неправильным названием» (цит. по: Мелихов 1974: 42). Как предполагает Э. Равски, этим шагом Хун Тайчжи заявил о «новой идентичности, которая могла бы переписать племенную принадлежность чжурчженей и других северо-восточных народностей» (Rawski 1998: 36).

В 1636 г. Хун Тайчжи был провозглашен императором новой династии Цин, объявив тем самым о маньчжурской «исторической миссии» управления народами. В то же время этим актом Хун Тайчжи открыто продемонстрировал разрыв преемственности нового государства с прежней династией Цзинь (1115–1234): «Мин не является потомком Сун, и я не являюсь потомком Цзинь; времена разные» (Oxnam 1975: 75). Провозглашение новой династии совпало с обретением яшмовой печати, легитимизирующей преемственность власти Хун Тайчжи от династии Юань и, шире, монгольской империи Чингис-хана. На съезде южно-монгольских князей решением 49 нойонов монгольских княжеств (хорчин, горлос, харачин, тумэт, аохань, баарин и др.) Хун Тайчжи был возведен на трон с титулом богдо-хан: «Хан объединил народы разных земель, стал обладателем драгоценной яшмовой печати. Это верный знак благоволения Неба. В соответствии с волей Неба и чаяниями людей жалую хану-владыке высший титул» (DUMMD 2013: 146). Этот съезд окончательно закрепил разделение Монголии, начавшееся уже в конце правления династии Мин, на внутреннюю (Нэй Мэнгу) и внешнюю (Вай Мэнгу). Пустыня Гоби стала естественной границей, которая пролегла между ними (Ермаченко 1974: 5).

Смерть Хун Тайчжи в 1643 г. вновь поставила империю перед опасностью возникновения междоусобных войн. Особый драматизм возникшей ситуации придавало то обстоятельство, что маньчжуры находились в разгаре военных действий с Китаем. Сразу же был созван совет князей, на котором четко обозначились две партии, представлявшие два различных подхода к передаче власти. На совете была предложена кандидатура Хаогэ, старшего сына Хун Тайчжи. Когда она была решительно отвергнута членами совета, была рассмотрена возможность наследования престола по боковой линии, а именно младшему брату императора Хун Тайчжи бэйлэ Доргоню. Он был наиболее сильным и могущественным претендентом.

В период правления Хун Тайчжи Доргонь заслужил славу искусного полководца и умелого управленца, участвуя во всех важных военных кампаниях против династии Мин (Hummel 2010: 216). Когда он отказался, было выработано компромиссное решение, и выбор пал на малолетнего сына Хун Тайчжи — Фулиня. В октябре 1643 г. он был провозглашен императором в пятилетнем возрасте с девизом правления Шунь-чжи. Советом князей были назначены два регента — Доргонь и Цзиргалан. Таким образом, Доргоню, четырнадцатому сыну Нурхаци, удалось сосредоточить в своих руках всю полноту власти (Hummel 2010; Wakeman 1985). При нем была практически решена главная задача — завоевание Китая.

В феврале 1651 г. было объявлено о прекращении регентства и полном переходе власти в руки Шуньчжи, которому на тот момент было 13 лет. В отличие от периода регентства, политика, проводимая Шуньчжи, была направлена на восстановление китайского влияния при дворе (Wakeman 1985). При нем были возрождены бюрократические учреждения китайской системы управления, упраздненные при Доргоне, вновь введены государственные экзамены. Он активно привлекал к управлению евнухов, на которых опирался в противостоянии с маньчжурской знатью. Для того чтобы упрочить власть императора, он вывел из подчинения бэйлэ три «верхних» знамени (желтое, желтое с каймой и белое) и поставил их под свой непосредственный контроль. Шуньчжи также живо интересовался конфуцианством, приглашал ко двору ученых, с которыми проводил время в беседах, увлекался каллиграфией (Dennerline 2002).

Со смертью Шуньчжи маятник снова качнулся в сторону маньчжурской знати. Согласно завещанию императора, при его малолетнем сыне назначались четыре регента, при которых вновь усилились позиции глав знамен и маньчжурских чиновников (Hummel 2010). Только позднее, когда императору Канси удалось сместить регентов, процесс централизации и абсолютизации власти в руках монарха стал необратимым (Барфилд 2009: 216).

При ретроспективном взгляде на ранний период истории маньчжурского государства предстает довольно связный ряд событий, в логичной последовательности вытекающих одно из другого. Вся деятельность Нурхаци в этом смысле есть осуществление целенаправленного плана. Такого мнения придерживается, в частности, известный кочевниковед и синолог Н. Ди Космо. Разбирая основные события ранних лет правления династии Цин, он приходит к выводу, что в целом маньчжурская стратегия, отнюдь не являвшаяся простым маневром, направленным на то, чтобы воспользоваться ситуацией, развивалась через сложную и длинную серию дипломатических шагов, политического выбора, военных интервенций и экономических выгод (Di Cosmo 2017).

Имеется и другая точка зрения, высказанная Т. Барфилдом, который полагает, что события могли развернуться самым неожиданным образом, а закономерности исторического развития лишь определяли наиболее общий ход этого процесса. То, что маньчжуры смогли овладеть Китаем и утвердить свою династию, по мнению Т. Барфилда, было цепью вынужденных жизненно важных мер, совпавших по времени с кризисом династии Мин. «Великая эпоха маньчжурских

завоеваний была результатом скорее экономической нестабильности, нежели четкого военного планирования» (Барфилд 2009: 387).

В вероятности исхода событий ключевую роль сыграл фактор личности. Необходимо отдать должное прирожденным качествам основателя маньчжурского государства Нурхацы. Именно благодаря его храбрости, проницательности, уму, незаурядным организаторским способностям и военному таланту племя маньчжоу встало на путь обретения государственности. Организация власти на новых принципах выразилась в постоянной борьбе между представителями племенной аристократии, возглавлявшими знамена и ратовавшими за автономию, и самим государством, где требовалось единство власти в руках императора. Острый характер эта борьба приобретала в период династийных кризисов, вызванных неустоявшимися принципами престолонаследия. Однако маньчжурским правителям удавалось сохранить баланс политических сил, необходимый для стабильного развития государства.

Расцвет кочевничества приходится на период существования кочевых империй (середина I тысячелетия до н.э. — середина II тысячелетия н.э.). При этом путь от появления скотоводства и кочевого образа жизни до окончательного завершения формирования номадизма, а затем и до создания комплексных скотоводческих обществ и кочевых империй растянулся более чем на тысячу лет. По мнению Л.Н. Коряковой (Koryakova 1996; 2002), в степной Евразии в бронзовом и раннем железном веке можно выделить несколько волн формирования сложных обществ. Первая волна (до 1600 г. до н.э.) — эпоха колесниц, время теократических вожеств и племенных конфедераций (Синташа, Петровка). Вторая волна (1600–500 гг. до н.э.) — эпоха пасторальных обществ, время простых вожеств (Андроново, Федорово). Третья волна (с 500 г. до н.э.) — образование кочевничества, это время сложных вожеств и номадных империй (Аржан, хунну).

Степные общества различаются по уровню своей сложности. Т. Барфилд, например, выделил четыре уровня обществ кочевников-скотоводов, которые не противоречат вышеизложенной периодизации: 1) акефальные общества, представленные, например, скотоводами Африки; 2) племенные сообщества численностью до нескольких десятков тысяч человек, возглавляемые неформальными лидерами; 3) надплеменные конфедерации численностью в 100 и более тысяч человек; 4) централизованные имперские конфедерации численностью до миллиона человек (Barfield 1993; 2003). При этом он выделяет две разные линии обществ номадов. Первая — кочевники Евразии, где при формировании надплеменной иерархии большое значение имела генеалогия родства. По этой причине религиозный фактор в этом регионе не играл высокой роли. Вторая — скотоводы Северной Африки и Ближнего Востока, у которых существовала эгалитарная социальная организация, а в складывании надплеменного единства важное значение имел ислам (Barfield 1995).

Кросс-культурные исследования подтверждают тезис о неразвитой общественной дифференциации у кочевников. Согласно статистическим данным по этноисторическим обществам, социальная структура кочевников в 18,8% случаев была эгалитарной, в 50% предполагала наличие наследственного рабства, в 25% — существование двух социальных групп, каст и/или рабства и только в 6,2% — наличие трех социальных классов (Mulder et al. 2010: 37, table 1). Даже с учетом того, что речь идет лишь о 16 скотоводческих обществах из общей выборки 186 обществ, понятно, что высокоразвитая социальная стратификация для обществ номадов не была характерна.

Дополнительные данные о 15 скотоводческих и кочевых обществах уже времени расцвета номадизма показывают наличие у кочевников трех–четырёх уровней социокультурной сложности. Самые простые — это сегментарные акефальные общества, не имеющие органов управления. Следующая ступень — это так называемые «вторичные» племена, конфедерации племен, простые вожества. Еще более развитую структуру имеют сложные и суперсложные общества. Последние представлены в наиболее масштабном виде кочевыми империями, а также квазиимперскими политиями несколько меньшего размера (подобно татарским ханствам после крушения Золотой Орды), независимыми и полунезависимыми ханствами нового времени (жузы казахов, ханство калмыков и др.). Самыми сложными являлись завоевательные кочевые империи, которые создавались посредством подчинения номадами оседло-земледельческого населения и создания ими аппарата контроля (Крадин 2004).

В настоящей главе нас интересует вопрос, который не ставился в публикациях, обсуждающих степень сложности обществ кочевников-скотоводов: насколько однотипны империи древних номадов империям средневековья и раннего нового времени? Напомним, что в советский период в большинстве работ этот вопрос рассматривался с марксистских позиций в рамках так называемой дискуссии о «кочевом феодализме» (подробнее см.: Крадин 1992; Васютин, Дашковский 2009). Предполагалось, что общества древних кочевников были первобытными или раннерабовладельческими (в трактовке ряда исследователей довоенного времени), тогда как общества средневековых и более поздних номадов относились к числу феодальных. При этом реальные факты нередко клялись на прокрустово ложе догматических схем. Так, крупные империи кочевников (киданей, монголов и др.) интерпретировались как «раннефеодальные» общества, тогда как номады нового времени (казахи, киргизы, туркмены) рассматривались как общества развитого феодализма.

Было бы неправильно отрицать динамику кочевых обществ. Конечно, одни стороны жизнедеятельности обществ номадов остались почти неизменными с эпохи доистории, однако другие претерпели глубокие изменения. Задача данной главы — показать характер динамики различных экономических, социальных, культурных и прочих реалий в древних и средневековых кочевых империях евразийских степей.

Как ни странно, основа экономики кочевых обществ — скотоводство мало изменилось с момента формирования кочевничества. Если сравнить видовой со-

став стад и процентное соотношение различных видов, протяженность и маршруты перекочевков по археологическим данным и сообщениям летописцев и путешественников с современными, то мы увидим, что они остались почти неизменными со времен древности. В самом начале своего «Повествования о *сюнну*», вошедшего в состав его знаменитого труда «Ши цзи», Сыма Цянь так пишет о северных соседях Китая: «Из домашнего скота у них больше всего лошадей, крупного рогатого скота и овец... Мальчики умеют ездить верхом на овцах, из лука стрелять птиц и мышей; постарше стреляют лисиц и зайцев, которых затем употребляют в пищу; все возмужавшие, которые в состоянии натянуть лук, становятся конными латниками... в мирное время все следуют за скотом и одновременно охотятся на птиц и зверей, поддерживая таким образом свое существование, а в тревожные годы каждый обучается военному делу для совершения нападений» (Материалы 1968: 34).

Подобную информацию о скотоводстве и охоте (включая облавную) можно найти в источниках и в отношении более поздних империй: сяньби по аналогии с ухуанями (Материалы 1984: 63; 70; Воробьев 1994: 222), жужаней (Материалы 1984: 267, 289, 290; Крадин 2007: 146–147), тюрков (Бичурин 1950: 227–230; Воробьев 1994: 312), уйгуров (Бичурин 1950: 301–302), киданей (Крадин, Ивлиев 2014: 122–125, 137–143). Нечто схожее увидел спустя полтора тысячелетия венецианский купец Марко Поло: «Зимою татары живут в равнинах, в теплых местах, где есть трава, пастбища для скота, а летом в местах прохладных, в горах да равнинах, где вода, рощи и есть пастбища. Дома у них деревянные, и покрывают они их веревками; они круглы; всюду с собой их переносят... Жены, скажу вам, и продают, и покупают все, что мужу нужно, и по домашнему хозяйству исполняют, мужа ни о чем не заботятся: воюют да с соколами охотятся на зверя и птицу» (Марко Поло 1956: 88). Фактически аналогичные описания содержатся и в отношении еще более поздних кочевников (Пржевальский 1875: 141; Майский 1921: 33–35; Калиновская, Марков 1987: 59–60; Радлов 1989: 130, 153–162, 168, 260, 335; и др.).

Интересно, что численность населения и количество скота у хунну вполне сопоставимы с численностью монголов начала XX в. и поголовьем их стад (Хазанов 1975: 264–265; Тортика и др. 1994; Крадин 2002: 71–79). Картографирование археологических памятников показывает, что локализация стоянок также может соотноситься с традиционными типами кочевания и современными маршрутами перекочевков на этой территории (Houle, Broderick 2011).

Кочевники Внутренней Азии продолжают разводить те же пять основных видов домашних животных (лошади, крупный рогатый скот, овцы, козы и верблюды). Значимость именно этих животных отражена в духовной культуре скотоводов (см., напр.: Содномпилова, Нанзатов 2013). Монголы называют данное явление «пять видов скота» («табан хошуу мал»). Количественно преобладали овцы, их в структуре стада было до 50%. Лошади и крупный рогатый скот составляли примерно по 15–20% от стада, оставшаяся доля приходилась на коз и верблюдов (Хазанов 1975; 2008; Марков 1976; Динесман, Болд 1992; Крадин

1992; 2002; Иванов, Васильев 1995; Масанов 1995; Тортика, Михеев 2001; Houle, Broderick 2011).

При этом из всех видов лошадь имела наиболее важное экономическое и военное значение. Не случайно именно там, где получило распространение так называемое «всадничество», т.е. использование животных для индивидуальной верховой езды, т.е. в Евразии и Северной Африке (где верблюд заменял лошадь), скотоводы получили значительное преимущество в мобильности перед своими оседлыми соседями. Это стало основой не только их военной и политической активности, но и политического доминирования на протяжении длительного исторического периода (Khazanov 1990; Першиц 1994: 154–155, 161–163).

Помимо скотоводства кочевники практиковали зачатки земледелия и собирательства. На этот счет имеются многочисленные этнографические свидетельства (Хазанов 1975: 11–12, 117; Марков 1976: 159, 162–167, 209–210, 215, 216, 243; Гаврилюк 1989: 35–37; Косарев 1991: 48–53; Di Cosmo 1994: 1092–1118; Масанов 1995: 73–76; и др.). При этом нужно помнить, что оседлость и земледелие в массовом масштабе возможны только там, где количество годовых атмосферных осадков составляет не менее 400 мм или имеется разветвленная речная сеть (Масанов 1995: 41). Большая часть территории современной Монголии, где некогда кочевали хунну, под эти условия не подпадает (Мурзаев 1952: 192, 207, 220–233), там пригодны для занятия земледелием всего 2,3% земель (Юнатов 1946).

Земледелие было известно уже древним скифам (Гаврилюк 2001). В Хуннской империи, скорее всего, земледелием занималось оседлое население поселений и городищ (Hayashi 1984; Давыдова 1985; Крадин 2002). О том, что кочевники также потребляли сельскохозяйственную продукцию, говорят следы земледелия на сезонных стоянках хунну (Wright et al. 2009). О важности продуктов земледелия в системе питания отдельных групп кочевников, возможно, косвенно свидетельствует развитый у них кариес (Эрдэнэ 2011).

Важно отметить, что на настоящий момент нет никакой археологической информации о поселениях сяньби, жуэней и тюрков. Однако о том, что у сяньби были оседлые поселения, жители которых занимались рыболовством, говорят нарративные данные (Материалы 1984: 80, 331). Можно также допустить, что сяньбийцы были знакомы с земледелием. Что касается уйгуров, то они были знакомы с урбанизацией (Данилов 2004: 56–66). По письменным источникам известно наличие сельскохозяйственной округи в окрестностях Карабалгасуна — столицы Уйгурского каганата (Minorsky 1948: 283). Эта информация подтверждается данными археологии (Bemmann et al. 2014). Достаточно высокоразвитое собственное земледелие имелось у киданей, что было обусловлено особенностями экологии Внутренней Монголии (Крадин, Ивлиев 2014: 131–137).

Согласно «Тайной истории монголов», ранние монголы также были знакомы с земледелием (Козин 1941: § 152, 177). В период империи Юань были приняты беспрецедентные меры для развития сельскохозяйственного хозяйства, в том числе и среди самих монголов (Далай 1983: 94–95). Однако предпринятых усилий оказа-

лось недостаточно. Политика насильственной седентеризации кочевников вообще обычно оказывалась неэффективной, в то время как основные факторы, вызывающие номуадизм, оставались с течением времени неизменными. Любая радикальная политика интенсификации сельскохозяйственной экономики в среде скотоводов является результативной лишь постольку, поскольку она поддерживается властью (Cribb 1991: 61).

К тому же отказ от пасторального образа жизни рассматривался номуадами как крайне нежелательная альтернатива. Кочевник психологически отрицательно относился к стационарности как оскорбляющей самолюбие свободного номуада. Поэтому, как показывают многочисленные этнографические данные, перешедшие к занятию земледелием кочевники рассматривали свое состояние как вынужденное и при первой же возможности возвращались к подвижному скотоводству (Марков 1976: 139–140, 163, 165, 243–244; Khazanov 1984: 83–84; Косарев 1991: 46–50; и др.).

Более удобным было использование ресурсов оседло-земледельческих обществ. Уже хунну занимались угоном китайского населения в степь, что подтверждается сведениями китайских источников (Крадин 2002: 96–97, 169). Помимо этого, у них было немало перебежчиков (Материалы 1973: 169). В наиболее масштабных размерах депортация жителей завоеванных стран с целью использования их в земледелии и ремесле применялась уже в средние века киданями и монголами (см. гл. 13 и 14). Аналогичным образом действовали джунгары (как это показано в гл. 18), которые переселяли в массовом порядке в долины Или и других рек оседлых жителей из Восточного Туркестана (так называемых «бухарцев»), заставляя их заниматься пашенным земледелием.

Традиционно принято считать, что кочевники рыболовством не занимались (см., напр.: Крадин 2002: 83). В то же время, судя по новым методам анализа археологических данных, кочевники хунну рыбу употребляли (Бросседер, Марсатолов 2010; Brosseder et al. 2011). Последнее справедливо в отношении жителей хуннского Иволгинского городища (Давыдова 1985: 73–74). Аналогичные сведения есть в нарративных источниках о кочевниках сяньби и зависимых от них оседлых иноэтничных группах (Материалы 1984: 70). Данных о рыболовстве у жуэней, тюрок и уйгуров нет, в то время как у киданей рыболовство было широко распространено (Крадин, Ивлиев 2014: 143–146). Судя по тому, что юэнь Темучжин был вынужден заниматься рыбной ловлей и даже убил из-за улова своего брата, монголы в той или иной степени были знакомы с данным видом деятельности (хотя бы через посредство киданей и чжурчжэней). Есть и другие косвенные свидетельства (Рашид ад-Дин 1952а: 169).

Несмотря на то что ранние скотоводы способствовали распространению металлургии на большей части территории Евразии, ремесло у кочевников в основном носило домашний характер. Это подтверждается многочисленными сведениями письменных источников от хунну и ухуаней вплоть до нового времени. Так, источники сообщают, что у ухуаней «женщины умеют вышивать по коже, делать узорчатые вышивки, ткать шерстяные ткани; мужчины умеют делать лу-

ки, стрелы, седла и уздечки, ковать оружие из металла и железа» (Материалы 1984: 64). У тюрков кочевник «делает все процессы ремесла сам, не просит помощи у товарища и не обращается за советом к другу» (Мандельштам 1956: 241). Подобно им средневековые монголы сами изготавливали «деревянные каркасы юрт, сёдла, уздечки, путы, волосяные веревки и другие предметы, необходимые в быту скотоводства, кувшины, ведра, корыта, ложки, бурдюки для кумыса и другую столовую и кухонную посуду, луки и стрелы, ножи, копыя, щиты и другие предметы вооружения» (Далай 1983: 97; ср.: Рубрук 1957: 101).

Ситуация не изменилась до рубежа новейшего времени включительно (Пржевальский 1875: 40; Певцов 1951: 120–121). По словам И.М. Майского, побывавшего в Монголии в 1918 г., каждая юрта являлась самостоятельной мастерской, но ремесленная специализация не выкристаллизовалась в сколько-нибудь значительные формы. «Кое-где в стране... имелись столяры, плотники, кузнецы, ювелиры, сапожники и т.д. Однако ремесленное производство было настолько слабым, что о его народнохозяйственном значении говорить трудно. Чрезвычайно характерно, что монгольский ремесленник обычно бывал мастером на все руки: он и плотник, и кузнец, и башмачник» (Майский 1921: 190).

При этом в разные периоды существовали и профессиональные кузнецы, и умельцы, обеспечивавшие высокий уровень художественных изделий, что подтверждается богатыми экспозициями музеев различных стран, в которых выставлены многочисленные коллекции, начиная от степных бронз, выполненных в зверином стиле, и заканчивая декоративно-прикладным искусством дореволюционных монголов. Однако в сравнении с оседло-земледельческими цивилизациями ремесло кочевников-скотоводов имело менее специализированный характер. К такому же выводу пришел Л.Б. Алаев, который провел крупномасштабное сравнительно-типологическое исследование средневековых обществ Востока и установил, что по степени развития массового ремесла среди шести регионов Востока кочевники оказались на последнем месте (Алаев 1982: 27).

Археология, правда, несколько корректирует тенденциозные данные письменных источников. На настоящий момент накопление массива данных еще не закончено, однако их уже достаточно, чтобы показать оригинальные истоки металлургии и металлообработки у кочевников Внутренней Азии. Так, хуннские металлурги подражали ханьским, но железные изделия не были импортированы из Китая (Park et al. 2010). Вместе с тем хуннское бронзолитейное производство развивалось в соответствии с собственными традициями (Park et al. 2017). Самобытные технологические приемы были характерны и для кочевников времен Монгольской империи (Park et al. 2019).

В целом нужно отметить, что материальная культура степных обществ и различные технологии развивались достаточно динамично. Если сравнить предметы быта кочевника хуннского времени с монгольским и уж тем более поздне-средневековым временем, то качественные изменения налицо. Так, у многих ранних номадов имелись собственные гончарные традиции. Кроме этого, скотоводы всегда изготавливали емкости для жидкостей из дерева и кожи (Руденко 1953: 82–

86; Вайнштейн 1991: 97–99, 106–110; и др.). С течением времени легко бьющаяся глиняная посуда вытесняется посудой из других материалов. Широкое распространение получают металлические котлы (сначала из бронзы, а затем из железа и чугуна), а также фарфоровая посуда для еды и питья, которая входила в число традиционно престижных для кочевников товаров. Серьезные и важные изменения связаны с совершенствованием конской упряжи. В III–IV вв. появляется стремя, примерно в VI в. — жесткое седло (Вайнштейн, Крюков 1984; Dien 1986; Вайнштейн 1991: 214–226). Однако это не только результат развития собственно кочевого общества, но и следствие общей диффузии технологических инноваций.

Для кочевых империй была характерна постоянная потребность в высокоразвитом ремесле, которое обеспечивало бы производство вооружения и престижных товаров. Подобная деятельность могла быть обеспечена только посредством седентеризации и создания специализированных поселений и городских центров. По этой причине наблюдалось постепенное кумулятивное увеличение количества оседлых поселений и городищ в империях, созданных кочевниками. Высокоразвитое ремесло предполагает оседлый образ жизни. Уже у скифов были поселения земледельцев и ремесленников, а также укрепленные городища (Высотская 1989; Гаврилюк 2001). Есть упоминания об оседлости, городищах и фортификации у сарматов (Яценко 2002: 129–131). Согласно описанию Приска (1948: кн. 3, 8), у гуннов имелись поселения и столица с дворцом Аттилы. В империи Хунну существовали поселения разных размеров, в том числе небольшие крепости и защищенные валами городища, жители которых занимались земледелием и ремеслом (Hayashi 1984; Данилов 2004). Самый известный из земледельческо-ремесленных центров хунну — Иволгинское городище, расположенное неподалеку от г. Улан-Удэ (Давыдова 1985; 1995). У сяньбийцев были поселения, население которых занималось рыболовством (Материалы 1984: 80, 331), а возможно и земледелием. У жуэней в начале VI в. каган Анагуй построил столицу — город Мумочэн (Таскин 1984: 290).

Тюрки проповедовали доктрину антиурбанизма, суть которой сводилась к тому, что мобильность кочевников является их главным стратегическим оружием (Бичурин 1950а: 274), хотя, по письменным источникам, в каганате было и земледельческое население (Бичурин 1950а: 256, 269). В годы расцвета Первого каганата тюрки также использовали для своих экономических потребностей потенциал городов Средней Азии.

От Уйгурского каганата до нас дошли городища в долинах Селенги и Орхона (Данилов 2004). Ряд уйгурских крепостей для защиты от кыргызов были сооружены на территории Тувы (Кызласов 1969). Там же находится городище Пор-Бажын, где в глухой тайге на острове располагался пышный дворец или храм (Arzhantseva et al. 2011). Уйгуры также воздвигли в долине Орхона огромный город Карабалгасун (Харбалгас, Ордубалык) — столицу каганата. Его площадь составляла более 30 кв. км (Hüttel, Erdenebat 2009), это был густонаселенный город с рынками и храмами, окруженный многочисленными сельскохозяйственными поселениями (Minorsky 1948: 283; Bemman et al. 2014). Расцвет столицы

был обусловлен синхронным подъемом в VIII в. раннесредневековой мир-системы (Chase-Dunn, Hall 1997: 219–220) и, возможно, танскими внешними и внутренними неудачами, позволившими степнякам расправить крылья (Уваров, Рябинин 2017: 94–97).

В киданьской империи Ляо, которая почти на 80% состояла из земледельческого населения (Wittfogel, Feng 1949: 58), происходила масштабная урбанизация. В стране существовало пять столиц, а также множество городов разных рангов и типов, включая запретные города около усыпальниц императоров, резиденции элиты и приграничные крепости (Ивлиев 1983; Steinhardt 1997; Lin 2009; Крадин и др. 2011; Крадин, Ивлиев 2014).

Пик седентеризационных процессов в доиндустриальную эпоху пришелся на монгольское время, когда в метрополию степной державы было согнано огромное количество пленных ремесленников из разных стран (Рашид ад-Дин 1952б: 208, 217; 1960: 40). В Монгольской империи существовали города нескольких типов: 1) имперские столичные мегаполисы — Каракорум, или Хархорин (Киселев 1965: 123–322; Bemmman et al. 2010), Шанду (Wei Jian 2008), Дадун (Chen Gao-hua 2015); 2) региональные административные центры — Аварга, или Аврага (Shiraishi 2005; 2006), Хирхир (Киселев 1965: 23–58; Крадин и др. 2019); 3) отдельно стоящие дворцовые и усадебные комплексы, например Кондуй, Алестуй и Нарсатуй (Киселев 1965: 325–369; Данилов 2004: 83–84; Крадин и др. 2016).

На рубеже нового времени, когда номады столкнулись с новыми технологиями, они были вынуждены приспосабливаться к иной ситуации. Джунгары, как это было показано в гл. 18, наладили добычу серебра и меди, при этом не только для производства денег, престижных и религиозных товаров, но и для литья медных пушек. Джунгары и ойраты строили монастыри для лам, «крепостцы» или «городки», которые являлись резиденциями местных правителей. Поблизости также концентрировались крестьяне и ремесленники. Кроме этого, джунгары строили небольшие крепости (*шибэз*, *шибее*, *сумэ*) для обороны от внезапного нападения, защиты населения и скота.

В Монголии с XVII в. начинается бурное строительство монастырей, обусловленное распространением там буддизма, что в немалой степени поощрялось империей Цин. Это послужило предпосылкой для развития седентеризации и формирования городов. Постепенно сформировалась целая сеть городских очагов в разных вариантах, среди которых были настоящие города, поселки при монастырях, резиденции ханов, вспомогательные поселения на караванных путях и трактах и т.д. (Майдар 1971; Ткачев 2009).

Наиболее динамичные изменения в степной среде были связаны с вооружением и военным делом. У ранних кочевников основной тактикой являлись маневренность и обстрел противника из лука на расстоянии на скаку, поскольку короткий меч, распространенный в древности, не мог эффективно использоваться в конном бою. Степняками была отработана целая технология, когда всадник разворачивал свое тело назад и пускал стрелу против хода лошади или перпендикулярно вдоль вражеского фронта. В исторической литературе эта техника полу-

чила название «парфянский выстрел». Помимо этого, кочевники отработали хитроумную тактику ложного отступления, а также кружения строем по кругу — кантабрийский круг, монгольская мельница и т.п.

Только с созданием тяжелой кавалерии всадник получил преимущество перед пехотинцем в бою. Первым этапом на этом пути стало появление удлинённого меча у хунну (Худяков 1986: 44). В сяньбийское время была создана панцирная кавалерия, вооружённая длинными копьями и длинными мечами (Никонов, Худяков 2004: 141–145; Горбунов 2019). Примерно в это же время в западной части евразийской степи появляются катафракты — тяжеловооружённые всадники (Симоненко 2010). Однако только изобретение стремя и жесткого деревянного седла (в сяньбийско-жужаньское время) привело к революционному перевороту в военном деле: на первое место вышла тяжёлая кавалерия, которая, начиная с данного времени и фактически почти до появления огнестрельного оружия, стала наиболее значимым родом войск (Khazanov 2013).

Привнеся стремя и сабельное вооружение в Европу, жужани-авары не только смогли подчинить Паннонию, но и, возможно, способствовали формированию тяжёлой рыцарской кавалерии и феодального сословия в Европе (White 1964). Основываясь на концепции У. Мак-Нила (2008) о значимости новых военных технологий для геополитического господства, С.А. Нефедов попытался использовать данные идеи применительно к древности и средневековью. Он описывает целую серию новаций в военном деле, которые давали на некоторое время преимущества тем или иным народам. Среди них было появление различных видов составного лука у кочевников в древности, а также стремени и жесткого седла на рубеже древности и средневековья, что привело к формированию тяжёлой кавалерии, вооружённой длинными копьями. Сельджуки в IX–X вв. достигли совершенства во владении саблями, что дало им огромное преимущество перед противником. Наконец, монгольский лук стал самым мощным луком эпохи средневековья, что, по мнению исследователя, послужило одним из важных факторов монгольских военных побед (Нефедов 2008).

Нужно добавить, что помимо этого монголы в совершенстве освоили осадное дело. Они переняли самые передовые военные технологии — строительство осадных башен, в том числе с катапультами, а также различных метательных орудий, стреляющих стрелами, камнями и пороховыми зарядами, стали проводить крупномасштабную артподготовку перед штурмом, осуществлять возведение плотин для затопления вражеского города, рытьё подкопов под вражеские стены и т.д. Для этих целей ими были привлечены специалисты из завоеванных земледельческих стран (Allsen 2002). Именно через посредство монголов в 1240–1241 гг. европейцы познакомились с применением пороха. Их первые пушки удивительно напоминают китайские тыквообразные орудия (Мак-Нил 2004: 647–648).

После гибели династии Юань монголы вернулись к классическим степным методам ведения войны. Однако к рубежу нового времени степные государства окончательно осознали важность использования огнестрельного оружия. Джун-

гары, как это было показано в гл. 18 Л.А. Бобровым, наладили производство меди, из которой лили пушки. Были созданы государственные оружейные мастерские, в которых производилось защитное и наступательное вооружение, включая производство пороха и зарядов. Для квалифицированного труда привлекались мастера из оседло-городских обществ — европейцы, россияне и др. (Бобров, Худяков 2008: 356).

История знакомства кочевников Центральной Азии с письменностью прошла несколько этапов. Древние кочевники (хунну и др.) не имели своей письменности и для ведения дипломатической переписки пользовались услугами китайских грамотеев (Материалы 1968: 47–48, 54–56). Подобное положение дел продолжалось, по всей видимости, до жужаней включительно (Материалы 1984: 294).

Тюрки первыми из кочевников создали собственное руническое письмо. В надгробных эпитафиях тюркских политических лидеров отражены история, различные стороны жизнедеятельности и идеологические представления номадов (Малов 1951; 1959; Кляшторный 2003; 2006). В уйгурское время помимо рунической также использовалась согдийская письменность (Кляшторный 2010). Однако в дипломатической переписке с Китаем степняки по-прежнему использовали китайский язык и привлекали людей, владевших иероглификой.

Кидани, завоевав Северный Китай, пошли по иному пути. Для управления покоренными территориями они использовали китайский язык, однако помимо этого создали свое собственное киданьское письмо: в 920 г. большое, а в 925 г. — малое. Это имело важное значение для укрепления государственной и этнической идентичности (Chinggeltei 2002).

В период, предшествовавший созданию империи Чингис-хана, элита некоторых монгольских вожеств уже была знакома с уйгурской письменностью. После разгрома найманов Чингис повелел научить своих детей уйгурскому письму. Затем монголы стали использовать для записей текстов на монгольском языке уйгурский алфавит, а потом создали на этой основе свое письмо (Мэн-да бэй-лу 1975: 52–54). Захватив большие территории Северного Китая, монголы стали уделять серьезное внимание подготовке квалифицированных переводчиков для управления подчиненными территориями. Они также использовали китайскую иероглифическую письменность (там же).

В 1269 г. при Хубилае тибетский лама Пагба создал так называемое квадратное письмо. Оно, впрочем, не имело длительной истории, и по возвращении монголов в степи после падения династии Юань они опять вернулись к уйгурскому письму (Зограф 1984). Это письмо использовалось также в Золотой Орде, где монгольская элита выдавала ярлыки, написанные на монгольском языке буквами уйгурского алфавита, до тех пор пока монгольский язык не оказался забытым (Григорьев 1978; 2004). В монгольских же степях со временем на основе уйгурского алфавита сформировалось монгольское письмо (Кара 1972).

Не менее важен вопрос о сходстве и преемственности социально-политической организации кочевых империй. При его рассмотрении выделяется ряд черт, которые можно проследить и в древних, и в степных государствах: деление

на левое и правое крыло, десятичная система, передача власти внутри одного царствующего рода, похожая система престолонаследия, съезды высшей аристократии (курултаи), однотипная внешняя политика в отношении земледельческих государств (так называемая «дистанционная», или гибридная, стратегия чередования набегов и вымогания подарков), ямская почтовая служба и т.д. (Крадин 1996; 2007; Rogers 2012; Biran 2015; Vasjutin 2019).

Уже у скифов существовала многоуровневая родо-племенная иерархия, включавшаяся в делении на три части (*басилеи*), которое одновременно было основой военной организации (Хазанов 1975: 122–123, 127–129). Классическая хуннская модель степной империи также включала деление на три части: центр, левое и правое крыло. Во главе степной империи находился шаньюй, ему подчинялись «темники», имевшие разное количество воинов. Ниже на иерархической лестнице располагались племенные вожди и старейшины. Все племена одновременно входили в десятичную систему военных должностей (Материалы 1968: 40). С течением времени триадное административное устройство сменилось дуальной крыльевой системой, появился институт соправительства, захирела десятичная система, а прямой порядок наследования сменился *удельно-лествическим* — от брата к брату и от дяди к племяннику (Крадин 2002: 201–232).

Несмотря на отсутствие прямых археологических доказательств связи между хунну и гуннами (Brosseder 2017), в Гуннской державе, как это было показано в гл. 6, существовали система крыльев, многоуровневая родо-племенная иерархия, лестничная система наследования власти, «дистанционная» стратегия вымогания подарков. Сяньбийская конфедерация была разделена Таньшихуаем на три части: центр, левое и правое крыло (Материалы 1984: 331). У жужаней были десятичная система (Материалы 1984: 269) и титул правителя — каган. Власть передавалась по наследству по прямой или боковой линии в рамках одного правящего рода.

Социальной истории тюркских каганатов посвящено много обобщающих исследований (Бернштам 1946; Кляшторный 1986; 2006; Golden 1992; Kürsat-Ahlers 1994; Тишин 2015; и др.). У тюрков существовали крыльевое деление (Клюкин 1932), институт соправительства (Трепавлов 1993: 135), иерархия и многоуровневая титулатура высших должностей (Бичурин 1950а: 229, 270), десятичная военно-иерархическая система (Бичурин 1950а: 232, 250), дружина (Бичурин 1950а: 229), лестничная система наследования, деление на элиту (беги) и народ (бодун).

В некоторой степени похожая система была зафиксирована в Уйгурском каганате (гл. 11; Камалов 2001). Здесь также существовали двухкрыльевое деление, многоуровневая иерархия элиты — каган, шады (ябгу), буюруки, тутуки. Есть сведения о десятичной системе (Малов 1959: 39, 41) и существовании титульных (девять огузов) и инкорпорированных в имперскую конфедерацию (басмылы и карлуки) племенах. Важную роль играли согдийские советники и торговцы.

Политическая система империй, имевших в своем подчинении оседло-земледельческие народы, была различной. Как показал в гл. 9 В.Ц. Головачев, у тобас-

цев за несколько десятилетий число китайцев на государственной службе возросло с 2% до 40%. В 495 г. была введена новая иерархия знатности, которая фактически уравнивала статус сяньбийской и китайской знати.

В доимперский период у киданей существовала конфедерация восьми племен (Материалы 1984: 156–157). С созданием империи и включением в ее состав значительных земледельческих территорий появилась потребность в создании дуального административного аппарата. В этой гибридной системе Северная администрация контролировала киданей и другие северные народы, а Южная, копиравшая бюрократическую систему Китая, управляла оседло-земледельческими территориями (Крадин, Ивлиев 2014).

Политическая система Монгольской империи изучена достаточно подробно (гл. 14; см. также: Крадин, Скрынникова 2006; и др.). Чингис-хан воссоздал десятичную систему, разделив свои отряды на десятки, сотни и тысячи. Важное место в структуре управления занимала дружина (*кешик*), которая стала основой гвардии, расширенной до целого тумена. Созданием настоящей бюрократии в Монгольском улусе занимался Елюй Чуцай, по совету которого была сформирована система налогообложения завоеванных территорий Китая, заменившая институт кормлений монгольских вождей с выделенной им территории. Именно этот сановник начал активно формировать государственный аппарат из числа бывших конфуцианских бюрократов (Мункуев 1965).

В империи Юань, как показано в гл. 15 А.Ш. Кадырбаевым, государственный аппарат возглавлялся двумя канцлерами (левый — *цзочэнсян* и правый — *ючэнсян*). Им подчинялся Государственный секретариат (*Чжуншуншэн*). Правый канцлер одновременно являлся главой правительства, в которое входили шесть *бу* (министерств, ведомств). Кроме этого, в центральный аппарат входили Главный военный (или Тайный) совет (*Шумиюань*) и Главный цензорат, или Контрольная палата (*Юйшитай*). Империя была разделена на 11 провинций (*шэн*), которые были поделены на административно-территориальные образования более низкого уровня — *лу*, *фу* и т.д. Параллельно существовало 22 военных округа (*дао*). Помимо этого, существовали различные ведомства, которые были ответственны за разные задачи (Farquhar 1981).

Нужно иметь в виду, что в реальности Китай под властью династии Юань был совсем не монолитен. Влияние правительственных учреждений затрагивало главным образом столичные районы, а многие территории имели широкую автономию. Как пишет Г. Франке, юаньское правительство отличалось поразительной хаотичностью организации управления. Племенные единицы продолжали играть видную роль. Нередко уделы Чингисидов были чем-то вроде феодальных вотчин — государствами в государстве со своими армиями и финансовыми центрами, собиравшими собственные налоги. Империя Юань больше похожа на совокупность отдельных областей, подчиняющихся региональным вассалам. Именно недостаток централизации и стал одной из важнейших причин постепенного распада государства, когда местные восстания и сепаратистские движения подрывали единство империи (Franke, Twitchett 1996: 26).

По-разному складывались отношения на других завоеванных монголами территориях. Трудность управления улусом Чагатаидов состояла в том, что его западную часть населяли говорившие на иранских языках мусульмане, тогда как на востоке проживали уйгуры, исповедовавшие в то время буддизм и несторианство. Положение дел усложнялось наличием кочевого и оседло-земледельческого компонентов. По этой причине среди правящей элиты улуса всегда противоборствовали две тенденции. Одна группа придерживалась активной военной доктрины, поддержания традиций кочевого образа жизни за счет грабежа и уничтожения земледельческого населения. Другая группа полагала необходимым сохранение земледельцев и горожан, активизацию седентеризационных процессов. В период правления Чагатая и его ближайших преемников доминировала первая тенденция, однако с начала XIV в. ситуация изменилась. Началось восстановление городов, земледелия и оросительных систем. В 40-е годы XIV в. ханство распалось на оседло-земледельческий Мавераннахр, где власть оказалась в руках тюрко-монгольских эмиров, и степной Могулистан, где продолжали править Чингисиды. Это было типичное полукочевое ханство, в котором правители претендовали на неограниченную власть, но баланс их власти был ограничен желаниями вождей кочевых племен (Караев 1995; Biran 1997).

Несколько иначе разворачивались процессы в завоеванном монголами Иране. Становление государства Хулагуидов было связано с решением курултая 1251 г. выделить в качестве улуса хану Хулагу территории Ближнего Востока. В 1258 г. был взят и разрушен Багдад. Экспансия монголов была остановлена только в знаменитой битве при Айн-Джалуте 3 сентября 1260 г. Правителей новой империи стали называть ильханами (тюрк. «хан страны»). Ильханы заимствовали административный аппарат от хорезмшахов — кабинет министров (*диван*) с *вазирем* во главе. Были сохранены основные типы землепользования, существовавшие до них, — государственные земли (*дивани*), церковные земли (*вакф*), владения правящей династии (*хассе*) и наделы, переданные в частное пользование (*мулк*). При этом они, с одной стороны, расширили фонд ханских и государственных земель за счет конфискаций, с другой — раздавали огромные владения степной аристократии и наделяли участками земли *икта* простых воинов (Петрушевский 1960; Boyle 1968; Lambton 1988; Lane 2003).

Чиновники («люди пера») постоянно конкурировали за власть с военной знатью («людьми меча»). Усиление «людей пера» не могло не вызвать серьезное недовольство «людей меча». Газан-хан был вынужден пойти на серьезные уступки кочевой знати. В 1303 г. был издан указ, который закреплял наследственное право на *икта*. Это значительно ослабило центральную власть. После смерти Газан-хана к власти пришли противники интеграционных процессов с местным земледельческим населением, перечеркнувшие все его реформы. Более того, после войн с Джучидами и Чагатаидами Хулагуиды утратили Предкавказье и среднеазиатские оазисы. После смерти ильхана Абу-Саида в 1335 г. в стране фактически не имелось единого правителя, и в 1353 г. государство распалось на несколько частей (Melville 1999).

Золотая Орда занимала огромную территорию примерно в 6–8 месяцах пути с запада на восток. Население Золотой Орды составляли различные народы и этнические группы. Условно его можно разбить на две большие группы — кочевые народы (кипчаки, монголы и др.) и жители оседлых территорий (Хорезм, Русь и др.). По этой причине в Золотой Орде, как показано в гл. 16 Р.Ю. Почекаевым, сложилась дуальная система управления кочевниками и земледельцами. Золотая Орда была разделена на левую, восточную — Кок-Орду (Синюю Орду) и правую, западную — Ак-Орду (Белую Орду). Левое крыло имело более высокий статус. Крылья делились на подкрылья, а на более низком уровне иерархии — на отдельные улусы («орды»), состоявшие из еще более мелких сегментов. Они возглавлялись *нойонами* (монг.) или *беками* (тюрк.). Параллельно действовала десятичная система — деление на тысячи, сотни и десятки воинов. В оседлом секторе административный аппарат включал должности *беклярибека* и *везира*. Беклярибек по сути являлся соправителем хана Ак-Орды и командовал западной частью (причерноморские степи), везир управлял оседло-городскими обществами. Ему подчинялся специальный аппарат чиновников — *диван*. У наместников областей и городов имелись свои канцелярии, секретари и переписчики. Известны названия различных должностных лиц: *битикчи* (писцы), *баскаки* (сборщики дани) и др. Одна часть этих терминов имела монгольские и тюркские корни, другая была связана с влиянием завоеванных оседло-городских народов. С принятием ислама помимо традиционного права тюрко-монгольских кочевников стал действовать шариат. Чиновниками чаще становились представители стран с развитой бюрократической системой — хорезмийцы, уйгуры и др.

Что касается наблюдаемого в целом сходства в социально-политической организации древних и средневековых империй, то существуют два разных варианта объяснения данного явления. По мнению одних авторов, это обусловлено особенностями экологии и спецификой адаптации кочевников к земледельческим цивилизациям (Хазанов 1975; Khazanov 1984; Крадин 2002; и др.). Как полагают другие исследователи, существовала историческая преемственность в социально-политической организации древних и средневековых номадов (Пэрлээ 1978; Трепавлов 1993; Rogers 2007; и др.). Скорее всего, рациональные аргументы имеются в обеих точках зрения. Аридные ландшафты степной Евразии накладывали печать на способы адаптации кочевников-скотоводов на всех уровнях — от экономики до мировоззрения и идеологии. В то же время народы региона не могли не учитывать исторический опыт своих предшественников, а также внимательно следили, что делается в оседло-земледельческом мире. Можно проследить кумулятивное накопление различных вариантов политических практик. Особенно масштабным влияние соседей стало с момента складывания капиталистической мир-системы. Стремясь не отстать от своих модернизирующихся конкурентов, номады и полукочевники старались впитывать все, что казалось им важным и значимым, как продемонстрировали в заключительных главах Л.А. Бобров (гл. 18), А.Д. Гомбожапов и Е.В. Нолев (гл. 19).

Не менее интересная картина прослеживается в восприятии номадами мировых религий (подробную историографию см.: Дашковский 2011). Если не брать религиозных представлений древних иранских номадов (Дюмезиль 1986), то динамика распространения мировых религий среди кочевников Внутренней Азии была обусловлена двумя факторами: непосредственным расстоянием между номадами и оседлыми цивилизациями и степенью вовлеченности степного общества в мир-системные процессы. Действительно, во-первых, можно говорить о трех разных ареалах этого обширного региона: монгольских степях, отделенных от Китая пустыней Гоби; Внутренней Монголии, где скотоводы и земледельцы жили бок о бок; периферийных горных, лесостепных и лесных районах (Алтай, Тува, Прибайкалье, Забайкалье). Наиболее благоприятной для диффузии религий оседлых обществ была Внутренняя Монголия (Nasan Bayar 2014).

Во-вторых, нужно напомнить, что отношения с Китаем ранних кочевых империй Внутренней Азии, располагавшихся в степном хартленде, основывались на «дистанционной» эксплуатации. Только с начала средневековья во Внутренней Монголии появились завоевательные кочевые империи — Северная Вэй и Ляо. В-третьих, важное значение для распространения мировых религий имело включение кочевых империй в мир-системные обмены (Великий Шелковый путь для тюрков и уйгуров, монгольская глобализация) и появление городских мегаполисов, где концентрировались носители крупных религий (уйгуры, кидани, монголы).

Древние и средневековые кочевники Центральной Азии в основном были шаманистами и поклонялись культу Вечного Неба (*Тенгри*). Это подтверждается сведениями письменных источников о хунну, ухуанях-сяньби, жужанях и тюрках (Материалы 1973: 120; Материалы 1984: 64, 290; Кляшторный 2006: 309–319). Хуннский шаньюй в источниках именуется «Небом и Землей рожденный, Солнцем и Луной поставленный великий шаньюй хунну» (Материалы 1968: 43, 45). Восточные соседи хунну, монголоязычные ухуани и сяньби, почитали «души умерших и духов, приносят жертвы Небу, Земле, солнцу, луне, звездам, созвездиям, горам, рекам и покойным старейшинам, прославившимся своими ратными подвигами. Для жертвоприношения используют крупный рогатый скот и овец, туши которых по окончании (церемонии) жертвоприношения сжигают» (Материалы 1984: 64). В Жужаньском каганате умели, «используя колдовство, приносить жертвы Небу и вызывать ветер со снегом» (там же: 240).

К началу средневековья в степь проникают мировые и другие крупные религии. Первыми на себе это почувствовали скотоводы Внутренней Монголии. В главе о Северной Вэй В.Ц. Головачев показал, что у тоба буддизм в острой и подчас жестокой борьбе с другими идеологическими системами постепенно вытеснил степной шаманизм и не дал развиваться китайским традиционным воззрениям — даосизму и конфуцианству. Он полагает, что принятие буддизма позволило вчерашним степнякам ощущать себя выше китайцев.

Сходная с хуннами система религиозных воззрений существовала в тюркских каганатах. В самой первой строке (16) надписи Кюль-тегина говорится: «Когда

было сотворено вверху голубое небо (и) внизу бурая земля, между (ними) обоими были сотворены сыны человеческие» (Малов 1951: 36). Чуть далее (10–116) формула мироздания сформулирована в уточненном виде: «Вверху Небо тюрок и священная Земля и Вода тюрок» (там же: 37). Тюрки, подобно хуннам, обладали «Небом дарованной харизмой» (Golden 1982), приносили жертвы духу Неба (Бичурин 1950а: 231). Подобные религиозные воззрения шаманистского толка с почитанием Неба с течением времени в науке стали именовать «тенгрианством» или «тенгризмом» (Bira 2004).

В Уйгурском каганате первоначально были распространены шаманизм и вера в Небо. По мере формирования связей с оседлыми цивилизациями, когда уйгуры стали посредниками на Шелковом пути, в монгольских степях на Орхоне возник огромный город Карабалгасун, основным населением которого были не кочевники. В 763 г. уйгурский Бёгю-каган провозгласил манихейство официальной религией (Кляшторный 2010: 265–275). Позднее в степи появилось несторианство (Гумилев 1970).

В начале X в. кидани создали на территории Внутренней Монголии империю Ляо, в которой древние религиозные воззрения правящей верхушки сосуществовали с религиозно-идеологическими воззрениями соседей. Кидани во главе с императором поклонялись Небу и Земле, Солнцу, Луне, священным горам Мые и Хэйшань. Большинство религиозных праздников в Ляо имело киданьское происхождение, как и церемонии возведения императора на престол, принесения в жертву черного быка, белого или желто-рыжего коня и барана (Е Лунли 1979: 315–316, 523–528). При этом киданьский двор сознательно развивал разнообразные религии (буддизм, даосизм) и идеологию (конфуцианство), чтобы привлечь на свою сторону их носителей. Это была мудрая политика умиротворения пленников, которая давала им возможность молиться своим богам. В 918 г. был издан декрет, согласно которому в Верхней столице должны быть воздвигнуты буддистские, даосские и конфуцианские храмы, при этом наиболее распространенной из мировых религий в Ляо являлся буддизм (Wittfogel, Feng 1949: 222–298; Пиков 1980).

Кочевники монгольских степей придерживались шаманизма, верили в культ «Вечного синего Неба» (*Тенгри*), почитали богиню Земли (*Этуген*) и духов огня, гадали по бараньим лопаткам (Rachewiltz 1973). Кереиты и найманы были знакомы с несторианством. Правда, Чингис-хан воспринимал Небо не как божественную данность, а как способ умножения своей личной харизмы. Монголы поощряли религиозное многообразие, что было обусловлено разными причинами: наличием у них представлений о Небесном мандате на завоевание мира, отсутствием стратегического интереса к мировым религиям, личными мотивами монгольских правителей, стремлением разобщить политические элиты различных вероисповеданий (Foltz 1999).

В период создания империи и великих завоеваний первых ханов монголы демонстрировали веротерпимость и покровительство всем религиям (Коллмар-Пауленц 2004; Мэй 2004; и др.). Духовенство завоеванных стран освобождалось

от налогов, а завоеватели без лишней необходимости старались не разрушать храмы и монастыри. Тем самым они стремились привлечь на свою сторону религиозные элиты, а также, возможно, обезопасить себя от вреда со стороны чужих богов. С течением времени на Ближнем Востоке, в Средней Азии и Золотой Орде монголы приняли ислам — религию воинов и торговцев (Fletcher 1986; De Wesse 1990), которая затем стала господствующей религией в Средней Азии. В самой Монголии с конца XVI в. распространился буддизм, что стало важным фактором примирения кочевников, решением извечной для китайцев степной проблемы (Скрынникова 1988).

* * *

Подводя итоги изложенному выше, следует отметить, что такие стороны жизнедеятельности кочевников, как, например, скотоводство и социальная организация, были детерминированы экологическими условиями. Вместе с тем существовала определенная динамика в таких компонентах культуры, как средства и технологии передвижения, вооружение и военное дело, урбанизация, письменность и т.п., обусловленная различными внешними и внутренними факторами. Наконец, многие культурные импульсы были восприняты из земледельческого мира посредством диффузии или заимствования (ряд технологий, мировые религии и пр.).

Очевидно, что восприятие технологических и информационных импульсов было ограничено возможностями экологии аридных зон, поскольку для масштабной технологической и экономической революции необходимо большое количество аграрных и людских ресурсов. Тем не менее степные общества кочевников-скотоводов сыграли весомую роль в мировом историческом процессе. Кочевники повлияли на такие эпохальные события, как распространение человечества по территории Старого Света и заселение Америки, domestикация лошади, появление колесниц и кавалерии, формирование древней металлургии, распространение индоевропейских языков, возникновение кочевых империй (Hanks 2010: 469, 471). Я бы добавил к этому списку Великое переселение народов и средневековую глобализацию.

Исходя из изложенного выше, целесообразно рассмотреть историю кочевых империй Евразии в более широком контексте, в рамках существующих периодизаций всемирной истории. Существует несколько разных периодизаций истории кочевников Внутренней Азии как наиболее значимой части Великой степи, откуда вышло большинство кочевых империй древности и средневековья (Wittfogel, Feng 1949; Tamura 1956; Barfield 1989; 1991; Shiraishi 2001; Di Cosmo 2002; etc.). При этом имеются три принципиально важных момента, которые касаются динамики степных политий. Во-первых, все кочевые империи, как отметил Дз. Тамура, четко разделяются на две большие группы: классические кочевые империи, основанные на «дистанционной» стратегии в отношении оседло-земледельческих цивилизаций (хунну, сяньби, тюрки, уйгуры), и завоевательные дина-

сти, происходившие из степной (кидани, монголы) или таежной (чжурчжэни, маньчжуры) зон и создавшие симбиотические государства (Tamura 1956).

Во-вторых, четко прослеживается исторический контекст постепенного включения обществ кочевников в сети глобальных товарных, политических, престижных и информационных связей с оседло-городскими обществами. Это привело к тому, что на смену древним (до 551 г.) империям кочевников, основанным на «дистанционной» эксплуатации, пришли раннесредневековые торгово-данические империи (551–907), а их сменили завоевательные империи (907–1259), которые были в той или иной степени интегрированы в жизнь земледельческих цивилизаций. Наконец, начиная с монгольского времени, в степи сформировались «зрелые» империи (1260–1796), технологические и политические практики которых мало чем отличались от соседних оседло-городских обществ конца средневековья — эпохи начала модернизации (Di Cosmo 1999: 26–39; Ди Космо 2008).

В-третьих, установлена устойчивая синхронная связь между ритмами подъема и упадка наиболее крупных империй Западной и Восточной Евразии (Chase-Dunn, Hall 1997; Chase-Dunn et al. 2010). Можно выделить три четко фиксируемых цикла: ханьско-римский (200 г. до н.э. — 200 г.); танско-византийско-исламский (500–900); монгольский (1200–1400). Каждый из этих циклов был связан с важными событиями в евразийских степях.

В доиндустриальных обществах самую важную роль играли сети обмена информацией (Korotayev 2005). Это следует из того, что в истории человечества выявлен ряд непонятных совпадений, которые трудно объяснить только синхронностью исторических процессов: появление в военном деле колесниц, в результате чего кочевничество стало важным фактором исторических процессов; так называемая «железная» революция, следствием которой было распространение черной металлургии от Пасифики до Атлантики; «осевое время», ставшее интеллектуальным переворотом последних веков до Рождества Христова и т.д. (McNeil 2000; McNeil, McNeil 2003).

Очевидно, что именно кочевникам принадлежала ведущая роль в распространении данных открытий в Старом Свете. С подобной точки зрения роль кочевников в мировой истории должна быть переосмыслена. Если в классических работах по философии истории их считали уничтожителями цивилизаций (в лучшем случае «санитарами истории»), то в контексте мир-системных процессов именно они на длительном отрезке времени являлись трансляторами информации между оседлыми цивилизациями. Одомашнивание лошади и распространение колесного транспорта способствовали ускорению темпов распространения информации и товаров престижного потребления. Несмотря на то что сами кочевники не очень сильно изменились с течением времени, они способствовали развитию торговых контактов, распространению религий и географических знаний, развитию информационных сетей и технологических обменов между различными цивилизациями (McNeil, McNeil 2003; Крадин 2007; Amitai, Biran 2015). При этом, хотя далеко не всегда, кочевники были катализаторами этих процессов и главными действующими лицами истории (Di Cosmo 1999: 4).

Как справедливо подметил Т. Оллсен, в этом обмене роль кочевников обычно сводится до положения простых посредников. Между тем нередко номады сами выступали инициаторами тех или иных заимствований. Культурный обмен между мусульманской Средней Азией и конфуцианским Дальним Востоком стал возможен не только потому, что после создания Монгольской державы возникли устойчивые и безопасные маршруты, но и из-за того, что так пожелала правящая элита степной империи. На протяжении более чем столетия кочевники выступали главными инициаторами, покровителями и трансляторами культурного обмена между цивилизациями Старого Света (Allsen 2001: 210–211).

В хуннское время (его можно было бы назвать *хуннской протоглобализацией*) сформировались основные маршруты Великого Шелкового пути. В результате римские модницы щеголяли в китайских шелках, а ханьцы получили для своей армии знаменитых лошадей «с кровавым потом». Кочевники, в свою очередь, заработали на посреднических услугах и получили доступ к новым технологиям и оружию. Помимо этого, торговые пути способствовали распространению религиозных воззрений, в особенности буддизма и манихейства (Бентли 2001: 187–188). Кроме положительных результатов установление контактов между цивилизациями Старого Света имело и отрицательные последствия. Распространение во II–III вв. патогенов привело к эпидемическим заболеваниям, которые стали причиной резкого сокращения численности населения и упадка цивилизаций древности (McNeil 1976: 106–147).

Существует много ярких археологических подтверждений контактов между Азией и Европой в указанное время. Так, в элитном кургане Ноин-Улинского могильника была обнаружена античная серебряная бляха с изображениями богини Артемиды и сатира (Полосьмак и др. 2011), а при раскопках другого хуннского могильника, Гол-Мод 2, нашли изящную чашечку из римского стекла (Erdenebaatar et al. 2011). В местечке Ваньери в Италии было раскопано бедное погребение человека, который, как установили генетики, происходил по материнской линии из Восточной Азии (Prowse et al. 2007). На другом конце континента, в Восточной Монголии, в элитном погребении хуннского могильника Дурлиг Нарс было открыто богатое воинское захоронение, в котором лежал воин-европеоид родом с Апеннин (Kim et al. 2010).

В эпоху тюркских каганатов кочевники установили контроль над трансконтинентальной торговлей шелком (Бичурин 1950а: 268–269; Liu Mau-tsai 1958: 160, 214–215, 252). Первый каганат тюрков стал первой настоящей евразийской империей, связав торговыми путями Китай, Византию, Западную Европу и исламский мир. Объем торговых операций, очевидно, намного превышал товарооборот древнего мира. Этот период можно было назвать *тюркской квазиглобализацией*.

После гибели Уйгурского каганата ядро китайской мир-экономики и товарные потоки постепенно сместились к югу, что вынудило северных соседей (киданей, чжурчжэней) основывать свои буферные империи на территории Северного Китая (Tabak 1996).

Создание империи Чингис-хана и монгольские завоевания XIII в. пришлось на новый период влажности в степях Внутренней Азии и Восточной Европы (Иванов, Васильев 1995: 205, табл. 25; Pederson et al. 2014), а также совпали с демографическим и экономическим подъемом во всех частях Старого Света. Монголы замкнули цепь международной торговли в единый комплекс сухопутных и морских путей. Впервые все крупные региональные ядра (Европа, исламский мир, Индия, сунский Китай, Золотая Орда) оказались объединенными в *первую средневековую мир-систему*. В степи подобно фантастическим миражам возникли гигантские города — центры политической власти, транзитной торговли, многонациональной культуры и идеологии (Каракорум, Сарай-Бату). С этого времени границы ойкумены значительно раздвинулись, политические и экономические изменения в одних частях света стали играть гораздо большую роль в истории других регионов мира (Abu-Lughod 1989; McNeil 2000). Данный период целесообразно называть *монгольской глобализацией*.

Монголы дали старт масштабным миграциям и насильственным переселениям людей и движению технологических идей на всей территории Евразии от Дальнего Востока до Европы. Монгольские завоевания привели к серьезным геополитическим последствиям в Старом Свете (Biran 2004: 354–355). В восточной части исламского мира центр сместился от Багдада к Тебризу, в Средней Азии — от Баласагуна к Алмалыку, в Восточной Европе — от Киева к Сараю и затем к Москве, в Китае — от Кайфэна к Пекину. Позиции Москвы и Пекина в Евразии остаются центральными до сих пор. Монголы снова объединили весь Китай в единое государство, а их административное деление действует до сих пор. Более того, они заложили фундамент для создания китайской государственности маньчжурами в современных границах, включая Тибет, Синьцзян, Внутреннюю Монголию и Маньчжурию. Сегодня китайская историография настойчиво подчеркивает многоэтничный символ юаньского общества как важнейший вклад в национальное строительство КНР. Для Японии победа над монгольским вторжением стала основой формирования имперской идеологии.

Монгольские завоевания способствовали началу масштабных миграционных процессов, новых культурных контактов, зарождению новых вкусов и моды, формированию космополитизма. Элементы китайской живописи и декоративного искусства вошли в среднеазиатское искусство так же, как среднеазиатская парча попала на Дальний Восток (Rossabi 2013). В Китае в юаньское время элита стала активным потребителем пищи из баранины, а рис был оттеснен на второй план (Buell, Anderson, Perry 2000). Лапша попала в Италию и стала там национальным блюдом. Китайское блюдо, представлявшее собой мясной фарш в тесте, сваренный в кипящей воде (*цзяо цзы*), вошло во многие культуры и стало там национальным блюдом: ныне это равиоли в Италии, хинкали на Кавказе, пельмени в России, манты в Средней Азии, бузы (позы) у бурят и монголов.

Первая средневековая мир-система оказалась недолговечной. Чума, быстро распространившаяся по Старому Свету не в последнюю очередь из-за развившейся системы торговых коммуникаций (McNeil 1976), а также изгнание монго-

лов из Китая и упадок Золотой Орды явились наиболее важными звеньями в цепи событий, приведших к ее гибели. Период с 1350 по 1450 г. отмечается синхронным экономическим и демографическим кризисом во всех основных субцентрах Афро-евразийской мир-системы, в начале XV в. распавшейся.

По иронии судьбы именно завоевания монголов способствовали последующему закату номадизма. Развитие в эпоху Монгольской империи связей между Западом и Востоком привело к распространению из Китая в Европу информации о взрывчатых веществах и примитивной артиллерии (Allsen 2002). Это стимулировало развитие аналогичных разработок в европейских странах и со временем явилось причиной отставания кочевников в военной области. Мощное огнестрельное вооружение могло производиться только в странах с промышленной экономикой, которой скотоводы не имели (Мак-Нил 2004: 647). Конечно, они могли выменивать или получать иными способами огнестрельное оружие из индустриально развитых стран, однако пулеметы, артиллерия, масштабные запасы боеприпасов были им недоступны.

С XVII в. складывается новая, объединившая уже весь земной шар капиталистическая мир-система. В это же время существенные геополитические изменения произошли и на территории Восточной Азии. Очередная волна завоевателей из Маньчжурии привела к созданию на территории Китая новой империи Цин (1644–1911). Маньчжуры, подобно их предкам чжурчжэням, были хорошими воинами и существенно расширили территорию Срединного государства, которое в предшествующие столетия нечасто выходило за пределы Великой стены. Завоевав Монголию и включив в состав империи на правах вассалов живших в ней кочевников, победители взяли курс на умиротворение агрессивной природы степняков посредством активного внедрения в их общество буддизма. Со временем это дало свои результаты.

Библиография

Список сокращений

- БНЦ СО РАН — Бурятский научный центр Сибирского отделения РАН
ВДИ — Вестник древней истории. М.
ГАИМК — Государственная Академия истории материальной культуры. М.; Л.
ИАЭТ СО РАН — Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук
ИИМК РАН — Институт истории материальной культуры РАН
ИИФиФ СО АН СССР — Институт истории, филологии и философии Сибирского отделения Академии наук СССР
КемГУ — Кемеровский государственный университет
КНИИЯЛИ — Калмыцкий научно-исследовательский институт языка, литературы и истории при Совете министров Калмыцкой АССР. Элиста
МАЭ РАН — Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого Российской академии наук (Кунсткамера)
НАА — Народы Азии и Африки. История, экономика, культура. М.
НАВ — Нижневолжский археологический вестник. Волгоград
НГУ — Новосибирский государственный университет
НИЦ ОИГТМ СО РАН — Научно-издательский центр Объединенного института геологии, геофизики и минералогии Сибирского отделения Российской академии наук
НК ОГК — Научная конференция «Общество и государство в Китае». М.
ПВ — Проблемы востоковедения. М.
СА — Советская археология. М.
СПБНЦ РАН — Санкт-Петербургский научный центр Российской академии наук
СТ — Советская тюркология. Баку
СЭ — Советская этнография. М.; Л., М.
ТВОРАО — Труды Восточного отделения императорского Русского археологического общества
ЦЦИРИ РАН — Центр цивилизационных и региональных исследований Российской академии наук
ЭО — Этнографическое обозрение. М.

Список литературы и источников

- Абаев 1981 — *Абаев В.И.* Геродотовские SKYTHAI GEORGOI // Вопросы языкознания. 1981. № 2. С. 74–76.
Абрамова 1993 — *Абрамова М.П.* Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н.э. — IV в. н.э.). М.: Ин-т археологии РАН, 1993.

- Абуль-Гази 1996 — *Абуль-Гази-Бахадур-хан*. Родословное древо тюрков / Пер. и предисл. Г.С. Саблукова // *Абуль-Гази-Бахадур-хан*. Родословное древо тюрков. *Иоакимф*. История первых четырех ханов дома Чингисова. *Лэн-Пуль Стэнли*. Мусульманские династии. Москва; Ташкент; Бишкек, 1996. С. 3–186.
- Авакьянц 1987 — *Авакьянц Г.С.* Киданьские тексты как историко-культурный источник: (Этносемиотический анализ киданьских текстов): Автореф. канд. дис. Л., 1987.
- Агбунов 1984 — *Агбунов М.В.* Проблемы и перспективы изучения античных авторов о Причерноморье // *Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования*, 1982 г. / Отв. ред. В.Т. Пашуто. М.: Наука, 1984. С. 239–246.
- Айбабин 1999 — *Айбабин А.И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь: ДАР, 1999.
- Алаев 1982 — *Алаев Л.Б.* Опыт типологии средневековых обществ Азии // *Типы общественных отношений на Востоке в средние века*. М.: Наука, ГРВЛ, 1982.
- Алексеев 2003 — *Алексеев А.Ю.* Хронография Европейской Скифии VII–IV веков до н.э. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003.
- Аликберов 2010 — *Аликберов А.К.* Ранние хазары (до 652/653 г.), тюрки и Хазарский каганат // *Хазары: миф и история* / Ред.-сост. Е.Э. Носенко-Штейн, В.Я. Петрухин. Москва: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2010. С. 43–65.
- Андрух 1995 — *Андрух С.И.* Нижнедунайская Скифия в VI — начале I в. до н.э. (Этнополитический аспект). Запорожье: ЗГУ, 1995.
- Аникеева 2002 — *Аникеева Т.А.* Волшебный камень «яда» и обряд вызывания дождя у тюрков Центральной Азии // *Мир Центральной Азии*. Т. I. Археология. Этнология. Улан-Удэ, 2002. С. 80–85.
- Анохин 1965 — *Анохин В.А.* Монеты скифского царя Атея // *Нумизматика и сфрагистика*. 1965. № 2. С. 3–15.
- Аныракайский треугольник 2008 — *Аныракайский треугольник*. Историко-географический ареал и хроника Великого сражения. Алматы: Дайк-Пресс, 2008.
- Артамонов 1962; 2001 — *Артамонов М.И.* История хазар / Под ред. и с примеч. Л.Н. Гумилева. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962; СПб.: Лань, 2001 (2-е изд.).
- Артамонов 1974 — *Артамонов М.И.* Киммерийцы и скифы (От появления на исторической арене до конца IV в. до н.э.). Л.: ЛГУ, 1974.
- Асадов 1993 — *Асадов Ф.М.* Арабские источники о тюрках в раннее средневековье. Баку: Элм, 1993.
- Афоница 2003 — *Афоница Е.Н.* К оценке политики тумэтского Алтан-хана (1507–1581) // *Mongolica-VI*. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003. С. 39–47.
- Багалец 1909 — *Багалец Д.И.* Русская история. Харьков, 1909.
- Базаров, Крадин, Скрынникова 2004–2008 — *Базаров Б.В., Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д.* (ред.). Монгольская империя и кочевой мир. Кн. 1–3. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2004–2008.
- Базаров, Сундуева, Цыренов, Нолев 2018 — *Базаров Б.В., Сундуева Е.В., Цыренов Ц.Ц., Нолев Е.В.* «Открылось то, что хранится в золотом сундуке...»: к вопросу об источниках и о назначении «Правдивых записей о династии Цин» // *Вестник архивиста*. 2018. № 1. С. 11–23.
- Базаров, Цыренов, Нолев 2018 — *Базаров Б.В., Цыренов Ц.Ц., Нолев Е.В.* Правители маньчжурской династии Китая в традиции летописания «Цин ши лу» // *Вестник Восточно-Сибирского гос. ин-та культуры*. 2018. № 4. С. 5–15.
- Байпаков 2012–2016 — *Байпаков К.М.* Древняя и средневековая урбанизация Казахстана. Кн. 1–3. Алматы, 2012–2016.
- Бакаева 2003 — *Бакаева Э.П.* Добуддийские верования калмыков. Элиста: АПП «Джангар», 2003.
- ал-Бакри 1878 — *Куник А.А., Розен В.Р.* Известия аль-Бекри и других арабских авторов о Руси и славянах. Ч. I. СПб., 1878.
- ал-Бакри 1992 — *Kitab al-Masalik wa-l-Mamalik d'Abu Ubaid al-Bakri* / Edition critique avec introduction et indices A.P. Van Leeuwen et A. Ferre. Tunis, 1992. T. I.

- ал-Балазури 1866 — *Liber expugnationis regionum, auctore Imámo Ahmed ibn Jahja ibn Djábir al-Beladorsi, quem e codice leidensi et codice Musei Britannici* / M.J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1866.
- Балахванцев 2012 — *Балахванцев А.С.* Арамейская надпись из Рысайкино (к вопросу о скифских походах в Переднюю Азию) // *Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями*. Кн. 2. СПб.: ИИМК РАН; «Периферия», 2012. С. 358–362.
- Банников 1953 — *Банников А.Г.* Млекопитающие Монгольской Народной Республики. М.: Изд-во АН СССР, 1953.
- Баранов 1990 — *Баранов И.А.* Таврика в эпоху раннего Средневековья. Киев: Наукова думка, 1990.
- Барбаро 1971 — *Барбаро И.* Путешествие в Тану // *Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в.* / Вступ. ст., подгот. текста, пер. и коммент. Е.Ч. Скржинской. М., 1971. С. 136–187.
- Бартольд 1963 — *Бартольд В.В.* Киргизы // *Бартольд В.В. Сочинения*. Т. II. Ч. 1. Общие работы по истории Средней Азии. Работы по истории Кавказа и Восточной Европы. М.: Изд-во восточной литературы, 1963. С. 471–544.
- Бартольд 1968а — *Бартольд В.В.* Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии // *Бартольд В.В. Сочинения*. Т. V. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. М.: Наука, ГРВЛ, 1968. С. 19–192.
- Бартольд 2002 — *Бартольд В.В.* Хакан // *Работы по истории и филологии тюркских народов*. М.: Вост. лит., 2002.
- Барфилд 2002 — *Барфилд Т.* Мир кочевников-скотоводов // *Кочевая альтернатива социальной эволюции* / Отв. ред. Н.Н. Крадин и Д.М. Бондаренко. М.: Ин-т археологии РАН; ЦЦИРИ, 2002 (Цивилизационное измерение. Т. 6). С. 59–85.
- Барфилд 2004 — *Барфилд Т.* Монгольская модель кочевой империи // *Монгольская империя и кочевой мир*. Кн. 1. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2004. С. 254–269.
- Барфилд 2006 — *Барфилд Т.* Мир кочевников-скотоводов // *Раннее государство, его альтернативы и аналоги* / Отв. ред. Л.Е. Гринин, Д.М. Бондаренко, А.В. Коротаев. Волгоград: «Учитель», 2006. С. 415–441.
- Барфилд 2008 — *Барфилд Т.* Теневые империи: формирование империй на границе Китая и кочевников // *Монгольская империя и кочевой мир*. Кн. 3. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2008. С. 14–57.
- Барфилд 2009 — *Барфилд Т.Дж.* Опасная граница: кочевые империи и Китай (221 г. до н.э. — 1757 г. н.э.) / Пер. с англ. Д.В. Рухлядева и В.Б. Кузнецова. СПб., 2009.
- Баялиева 2016 — *Баялиева Е.Ф.* Денежное обращение в империи Юань // *История Китая с древнейших времен до начала XXI века: в 10 т.* Т. V. Династии Юань и Мин (1279–1344) / Е.Ф. Баялиева, А.А. Бокщанин, В.Ц. Головачев и др.; гл. ред. С.Л. Тихвинский, отв. ред. А.Ш. Кадырбаев, А.А. Бокщанин. М.: Наука – Вост. лит., 2016.
- Беляев 1850 — *Беляев И.Д.* О монгольских чиновниках, упоминаемых в ханских ярлыках // *Архив историко-юридических сведений, относящихся до России*. Кн. I. М., 1850. С. 97–110.
- Бентли 2001 — *Бентли Дж.* Межкультурные взаимодействия и периодизация Всемирной истории // *Время мира*. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. Вып. 2.
- Бербэнк, Купер 2015 — *Бербэнк Д., Купер Ф.* Взлет и падение великих империй. М.: АСТ, 2015.
- Березин 1864 — *Березин И.Н.* Очерк внутреннего устройства улуса Джучиева. СПб., 1864.
- Березкин 1995 — *Березкин Ю.Е.* Вождества и акефальные сложные общества: данные археологии и этнографические параллели // *Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности* / Отв. ред. В.А. Попов. М.: Вост. лит., 1995. С. 165–187.
- Березуцкий 1995 — *Березуцкий В.Д.* Курганы скифского времени лесостепного Дона (к реконструкции социальных отношений). Воронеж: Изд-во Воронежского гос. пед. ин-та (ВГПИ), 1995.
- Береснева 2006 — *Береснева И.А.* Климаты аридной зоны Азии. М.: Наука, 2006.
- Бернштам 1935 — *Бернштам А.Н.* Социально-экономический строй древнетурецкого общества VI–VIII вв. н.э. // *Турки в Монголии*. Тезисы канд. дис. Л.: Изд-во ГАИМК, 1935.

- Бернштам 1946 — *Бернштам А.Н.* Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI–VIII вв. М.; Л., 1946.
- Беспалов 1951 — *Беспалов Н.Д.* Почвы Монгольской Народной Республики. М.: Изд-во АН СССР, 1951.
- Бессонова 1983 — *Бессонова С.С.* Религиозные представления скифов. Киев: Наукова думка, 1983.
- Бешевлиев, 1992 — *Бешевлиев В.* Първобългарски надписи. София: Изд-во на Българската Академия на науките, 1992.
- Бира 1978 — *Бира Ш.* Монгольская историография (XIII–XVII вв.). М.: Наука, ГРВЛ, 1978.
- ал-Бируни 1878 — *Chronologie orientalischer Völker von Alberuni / Dr. E. Sachau.* Leipzig, 1878.
- ал-Бируни 1957 — *аль-Бируни, Абу-Рейхан-Мухаммед ибн-Ахмед.* Избранные произведения. Т. 1. Памятники минувших поколений / Пер. и примеч. М.А. Салье; вступ. статьи С.П. Толстова, В.П. Щеглова. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1957.
- Бичурин 1829 — *Бичурин И.Я.* История первых четырех ханов из Дома Чингисова. СПб., 1829.
- Бичурин 1950а, б — *Бичурин Н.Я. (Иакинф).* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I–II. М., 1950.
- Бичурин 1953 — *Бичурин Н.Я. (Иакинф).* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. III. Приложения. М.; Л., 1953.
- Бичурин 1991 — *Бичурин Н.Я.* Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. Элиста: Калмыцкое книжное изд-во, 1991.
- Блок 2003 — *Блок М.* Феодалное общество. М., 2003.
- Бобров 2009 — *Бобров Л.А.* «И напали на них с копья жестоко...». Сражение на р. Аягуз (1717): предпосылки, ход, результаты // *Para-Bellum.* СПб., 2009. № 31. С. 67–104.
- Бобров и др. 2010 — *Бобров Л.А., Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С.* Взаимодействие тюркских и монгольских народов с русскими в Сибири в военном деле в позднее Средневековье и Новое время. Учебное пособие. Новосибирск: НГУ, 2010.
- Бобров, Пастухов 2007 — *Бобров Л.А., Пастухов, А.М.* Ойратская артиллерия XVII–XVIII вв.: вопросы происхождения, конструкции и боевого применения // *Вооружение и военное дело кочевников Сибири и Центральной Азии.* Новосибирск: НГУ, 2007. С. 170–247.
- Бобров, Худяков 2005 — *Бобров Л.А., Худяков Ю.С.* Военное дело сяньбийских государств северного Китая IV–VI вв. н.э. // *Военное дело номадов Центральной Азии в сяньбийскую эпоху / Под ред. Ю.С. Худякова, С.Г. Скобелева.* Новосибирск, 2005.
- Бобров, Худяков 2006 — *Бобров Л.А., Худяков Ю.С.* Монгольское влияние на военное дело тибетцев в позднее Средневековье и начале Нового времени // *Вестник НГУ.* Новосибирск, 2006. Т. 5. Вып. 3 (Приложение 2). С. 188–234.
- Бобров, Худяков 2008 — *Бобров Л.А., Худяков Ю.С.* Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и Нового времени (XV — первая половина XVIII вв.). СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2008.
- Богаченко 2017 — *Богаченко Т.В.* Исторические основы сказаний о женщинах-воительницах южнорусских степей. Ростов-на-Дону; Таганрог: Изд-во Южного федерального ун-та, 2017.
- Богораз 1939 — *Богораз В.Г.* Чукотка. Т. 2. Религия. Л.: Изд-во Главсевморпути, 1939.
- Болтрик 2013 — *Болтрик Ю.В.* Территориальные центры Скифии // *Причерноморье в античное и раннесредневековое время. Сб. науч. трудов, посвященных 65-летию профессора В.П. Копылова / Отв. ред. А.Н. Коваленко.* Ростов-на-Дону, 2013. С. 193–202.
- Бонгард-Левин, Ильин 1985 — *Бонгард-Левин Г.М., Ильин Г.Ф.* Индия в древности. М.: Наука, 1985.
- Бондаренко 1995 — *Бондаренко Д.М.* Бенин накануне первых контактов с европейцами. Человечество. Власть. М.: Ин-т Африки РАН, 1995.
- Бондаренко 2005 — *Бондаренко Д.М.* Доколониальный Бенин при династии оба: траектория сакрализации верховной власти // *Сакрализация власти в истории цивилизаций.* М.: ЦПРИ РАН, 2005. С. 197–216.
- Боровкова 1971 — *Боровкова Л.А.* Восстание «Красных войск» в Китае. М.: Наука, ГРВЛ, 1971.

- Боровкова 1992 — *Боровкова Л.А.* Проблема местоположения царства Гаочан (по китайским историям). М.: Наука, ГРВЛ, 1992.
- Боровкова 2001 — *Боровкова Л.А.* Царства «Западного края» во II–I веках до н.э. (Восточный Туркестан и Средняя Азия по сведениям из «Ши цзи» и «Хань шу»). М.: ИВ РАН, Крафт+, 2001.
- Боронин 2001 — *Боронин О.В.* Енисейские кыргызы в русско-монгольских отношениях во второй половине XVII в. // Россия и международные отношения в Центральной Азии (региональный аспект). Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2001. С. 27–47.
- Бродель 1986 — *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. I. Структуры повседневности: возможное и невозможное. М.: Прогресс, 1986.
- Броссесдер, Марсадалов 2010 — *Броссесдер У., Марсадалов Л.С.* Новые радиоуглеродные даты для Иволгинского археологического комплекса объектов в Забайкалье (предварительные результаты) // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Материалы Международной научной конференции. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2010.
- Бруяко 2005–2009 — *Бруяко И.В.* От Скифии к Сарматии: десять лет спустя // *Stratum plus*. 2005–2009. № 3.
- Буйнов, Окатенко 2013 — *Буйнов Ю.В., Окатенко В.Н.* К вопросу о социальной структуре населения северскондонской лесостепи V–IV вв. до н.э. // Древности. Харьковский историко-археологический ежегодник. Харьков: ООО «НТМТ», 2013. Вып. 12. С. 123–136.
- Бунятян 1985 — *Бунятян Е.П.* Методика социальных реконструкций в археологии. На материалах скифских могильников IV–III вв. до н.э. Киев: Наукова думка, 1985.
- Буровский 1995 — *Буровский А.М.* Степная скотоводческая цивилизация: критерии описания, анализа и сопоставления // Цивилизации. М.: Наука, 1995. Вып. 3. С. 151–164.
- Бутанаев, Абдыкалыков 1995 — *Бутанаев В.Я., Абдыкалыков А.* Материалы по истории Хакасии XVII — начала XVIII в. Абакан: Хакассский гос. ун-т, 1995.
- Бутанаев, Худяков 2000 — *Бутанаев В.Я., Худяков Ю. С.* История енисейских кыргызов. Абакан: Изд-во Хакассского гос. ун-та им. Н.Ф. Катанова, 2000.
- Быков 1974 — *Быков А.А.* Из истории денежного обращения Хазарии в VIII и IX вв. // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. М.: Наука, 1974. Вып. 3.
- Вайнштейн 1991 — *Вайнштейн С.И.* Мир кочевников центра Азии. М.: Наука, 1991.
- Вайнштейн, Крюков 1984 — *Вайнштейн С.И., Крюков М.В.* Седло и стремя // СЭ. 1984. № 6.
- Ван Чэнли 1984 — *Ван Чэнли.* Бохай цзянь ши [Краткая история Бохая]. Харбин, 1984 (на кит. яз.).
- Васильев 1859 — *Васильев В.П.* Записка о монголо-татарах (Мэн-да-бэйлу) // ТВОРАО. Ч. IV. СПб., 1859.
- Васильев 1927 — *Васильев А.А.* Готы в Крыму // Известия ГАИМК. Ч. 5. Л., 1927.
- Васютин 2007 — *Васютин С.А.* Основные этапы трансформации политических структур «дофеодалных варварских обществ» в эпоху Великого переселения народов и раннее средневековье // Средние века. Исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени. М.: Наука, 2007. Вып. 68. № 4. С. 34–65.
- Васютин 2009 — *Васютин С.А., Даиковский П.К.* Социально-политическая организация кочевников Центральной Азии поздней древности и раннего средневековья (отечественная историография и современные исследования). Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2009.
- Васютин 2010 — *Васютин С.А.* Кочевые империи Центральной Азии: неоконченный диспут // Вестник НГУ. Сер. «История, филология». Новосибирск, 2010. Т. 9. № 1. С. 33–40.
- Васютин 2011a — *Васютин С.А.* Антропология верховной власти в кочевых империях (по материалам эпохи Тюркских каганатов) // Средние века. Исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени. М.: Наука, 2011. Вып. 72. № 1–2. С. 306–329.
- Васютин 2011b — *Васютин С.А.* К вопросу о взаимодействии Первого Тюркского каганата и Китая в свете концепции «биполярного мира» Т. Барфилда // Вестник НГУ. Сер. «История, филология». Новосибирск: Изд-во НГУ, 2011. Т. 10. Вып. 1. С. 34–39.

- Васютин 2014 — *Васютин С.А.* «...тогда я привел в смятение тюркский эль, тогда я его погубил». Падение тюркских каганатов: факторы и механизмы // Вестник КемГУ. Т. 2. № 3 (59). Кемерово: Изд-во КемГУ. 2014. С. 61–66.
- Васютин 2017 — *Васютин С.А.* Власть и социум в кочевых империях Центральной Азии VI — начала XII в. Дис. ... д-ра ист. наук. Улан-Удэ, 2017.
- Васютин, Дашковский 2009 — *Васютин С.А., Дашковский П.К.* Социально-политическая организация кочевников Центральной Азии поздней древности и раннего средневековья (отечественная историография и современные исследования). Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2009.
- Васютин, Пугачев 2009 — *Васютин С.А., Пугачев А.Ю.* Тюрко-болгары, Византия и славяне в конце VII — VIII в.: модель военно-политической адаптации кочевников в полупериферийной зоне земледельческой цивилизации // Славяноведение. 2009. № 4. С. 3–16.
- Вдовченков 2013 — *Вдовченков Е.В.* Проблема существования мужских союзов у сарматов // Ранние формы потестарных систем / Отв. ред. В.А. Попов. СПб.: МАЭ РАН, 2013. С. 182–201.
- Вдовченков 2016 — *Вдовченков Е.В.* Кочевнические жертвенно-поминальные комплексы («странные комплексы») III–I вв. до н.э.: социальная интерпретация явления // *Stratum plus*. 2016. № 3. С. 197–215.
- Вдовченков 2016а — *Вдовченков Е.В.* Потестарная организация сарматского общества // Ранние формы потестарной организации / Отв. ред. В.А. Попов. СПб.: СПбНЦ РАН, 2016. С. 107–129.
- Вдовченков 2018 — *Вдовченков Е.В.* Социальная история сарматов Нижнего Подонья / Под общ. ред. С.А. Яценко. М.: Аквилон, 2018.
- Вернадский 1997. — *Вернадский Г.В.* Монголы и Русь. Тверь-Москва, 1997.
- Вернадский 1999 — *Вернадский Г.В.* О составе Великой Ясы Чингисхана. С приложением главы о Ясе из истории Джувейни // *Вернадский Г.В.* История права. СПб., 1999. С. 112–140.
- Веселовский 1922 — *Веселовский Н.И.* Хан из темников Золотой Орды Ногай и его время. Пг., 1922.
- Викторова 1980 — *Викторова Л.Л.* Монголы. Происхождение народа и истоки культуры. М.: Наука, 1980.
- Винников, Синюк 2003 — *Винников А.З., Синюк А.Т.* Дорогами тысячелетий: Археологи о древней истории Воронежского края. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2003.
- Виноградов 1975 — *Виноградов В.Б.* Описание Северного Кавказа в «Географии» Страбона (XI, V, 1-8) // Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Сер. обществ. наук. Ростов-на-Дону, 1975.
- Виноградов 1994 — *Виноградов Ю.Г.* Очерк военно-политической истории сарматов в I в. н.э. // ВДИ. 1994. № 2.
- Виноградов 1997 — *Виноградов Ю.Г.* Херсонесский декрет о «несении Дионисия» IOSPE I2 343 и вторжение сарматов в Скифию // ВДИ. 1997. № 3.
- Виноградов, Марченко 1991 — *Виноградов Ю.А., Марченко К.К.* Северное Причерноморье в скифскую эпоху. Опыт периодизации истории // СА. 1991. № 1. С. 145–155.
- Виноградов, Марченко, Рогов 1997 — *Виноградов Ю.А., Марченко К.К., Рогов Е.Я.* Сарматы и гибель «Великой Скифии» // ВДИ. 1997. № 3.
- Владимирцов 1934 — *Владимирцов Б.Я.* Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. М.; Л., 1934.
- Войтов 1987 — *Войтов В.Е.* Каменные изваяния из Унгету // Центральная Азия: Новые памятники письменности и искусства / Отв. ред. Б.Б. Пиотровский. М.: Наука, ГРВЛ, 1987.
- Войтов 1996 — *Войтов В.Е.* Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культово-поминальных памятниках Монголии VI–VIII вв. М.: Изд-во Государственного музея Востока (ГМВ), 1996.
- Воробьев 1975 — *Воробьев М. В.* Чжурчжэни и государство Цзинь (X в. — 1234 г.). М.: Наука, ГРВЛ, 1975.

- Воробьев 1994 — *Воробьев М.В.* Маньчжурия и Восточная Внутренняя Монголия (с древнейших времен до IX в. включительно). Владивосток: Дальнаука, 1994.
- Востокова и др. 1995 — *Востокова Е.А., Гунин П.Д., Рачковская Е.И.* и др. Экосистемы Монголии: Распространение и современное состояние. М.: Наука, 1995.
- Восточный Туркестан 1988 — Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Очерки истории. М.: Наука, ГРВЛ, 1988.
- ВШ — Вэй шу (История династии Вэй). Пекин, 1974. Т. 1–8 (на кит. яз.).
- Высотская 1989 — *Высотская Т.Н.* Скифские городища. 2-е изд., доп. Симферополь: Таврия, 1989.
- Вяткин 1947 — *Вяткин М.П.* Батыр Срым (Освободительное движение в Казахстане в конце XVIII в.). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947.
- Габуев 1999 — *Габуев Т.А.* Ранняя история алан. Владикавказ: Иростон, 1999.
- Гаврилюк 1989 — *Гаврилюк Н.А.* Домашнее производство и быт степных скифов. Киев: Наукова думка, 1989.
- Гаврилюк 1995 — *Гаврилюк Н.А.* Скотоводство Степной Скифии (препринт). Киев, 1995.
- Гаврилюк 1999 — *Гаврилюк Н.А.* История экономики Степной Скифии. Киев, 1999.
- Гаврилюк 2005 — *Гаврилюк Н.А.* Степная Скифия: палеоэкономический подход // Социальная структура ранних кочевников Евразии: монография / Под ред. Н.Н. Крадина, А.А. Тишкина, А.В. Харинского. Иркутск: Изд-во Иркутского гос. технического ун-та, 2005. С. 88–106.
- Гадло 1979 — *Гадло А.В.* Этническая история Северного Кавказа. Л., 1979.
- Гардизи 1973 — *Бартольд В.В.* Извлечение из сочинения Гардизи «Зайн ал-ахбар» // *Бартольд В.В.* Сочинения. Т. VIII. М., 1973. С. 23–62.
- Георги 1776 — *Георги И.Г.* Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей. Часть вторая о народах татарского племени. СПб., 1776.
- Гмыря 1995 — *Гмыря Л.Б.* Страна гуннов у Каспийских ворот. Махачкала: Даг. книжное изд-во, 1995.
- Годелье 2007 — *Годелье М.* Загадка дара / Пер. с франц., примеч., указ. А.Б. Щербаковой; статья и коммент. А.А. Белика. М.: Вост. лит., 2007.
- Голб, Прицак 1997 — *Голб Н., Прицак О.* Хазарско-еврейские документы X века. Москва; Иерусалим, 1997.
- Голден 1993 — *Голден П.Б.* Государство и государственность у хазар: власть хазарских каганов // Феномен восточного деспотизма: Структура управления и власти. М.: Вост. лит., 1993. С. 211–233.
- Голден 2004 — *Голден П.Б.* Кипчаки средневековой Евразии: пример негосударственной адаптации в степи // Монгольская империя и кочевой мир. Кн. 1. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2004. С. 103–134.
- Головачев 1990 — *Головачев В.Ц.* Об особенностях политической оппозиции в Северном Вэй // XXI НК ОГК. М., 1990. С. 49–54.
- Головачев 1990а — *Головачев В.Ц.* К проблеме китайско-сяньбийского культурного взаимодействия (перевод на рус. яз. и анализ надписи из пещеры Гасяньтун) // Вестник МГУ. Сер. 13. «Востоковедение». М., 1990. № 1. С. 24–32.
- Головачев 1991 — *Головачев В.Ц.* Не настало ли время «заново произвести оценку реформ Сяо Вэнь-ди»? // XXII НК ОГК. М., 1991. Т. 1. С. 124–128.
- Головачев 1992 — *Головачев В.Ц.* Некоторые особенности тобийско-китайских отношений в ранний период Северного Вэй // XXIII НК ОГК. М., 1992. Т. 1. С. 193–197.
- Головачев 1993 — *Головачев В.Ц.* Искусство «умерения инстинктов»: управление этническими меньшинствами в Северном Вэй // XXIV НК ОГК. М., 1993. С. 64–66.
- Головачев 1994 — *Головачев В.Ц.* Антиреформистский заговор и попытка государственного переворота 496 г. в Северном Вэй // XXV НК ОГК. М., 1994. С. 99–104.
- Головачев 1996 — *Головачев В.Ц.* Стела с Центрального священного пика, горы Суншань, как исторический источник периода династии Северное Вэй (386–534) // Вестник МГУ. Сер. 13. «Востоковедение». М., 1996. № 1. С. 3–10.

- Головачев 1996а — Головачев В.Ц. Происхождение Тоба-сяньбийцев по версии династийной истории (Вэй шу) // XXVII НК ОГК. М., 1996. С. 204–207.
- Головачев 2002 — Головачев В.Ц. Проблемы престолонаследия в сяньбийском обществе IV в. // Вестник МГУ. Сер. 13. «Востоковедение». М., 2002. № 3. С. 3–22.
- Гончаров 1997 — Гончаров Е.Ю. Медные монеты XIV в. города Хаджи-Тархан // Восточное историческое источниковедение и вспомогательные исторические дисциплины. Вып. 5. М., 1997. С. 177–188.
- Горбунов 2019 — Горбунов В.В. Латная конница хунну и сяньби (реконструкция вооружения и снаряжения) // Stratum Plus. 2019. № 4. С. 39–50.
- Грайворонский 2007 — Грайворонский В.В. Реформы в социальной сфере Монголии. М.: ИВ РАН, 2007.
- Граков 1954 — Граков Б.Н. Каменское городище на Днепре. М., 1954 (Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. 36).
- Граков 1971 — Граков Б.Н. Скифы: Научно-популярный очерк. М.: МГУ, 1971.
- Грантовский 1960 — Грантовский Э.А. Индо-иранские касты у скифов. XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1960.
- Грантовский 1980 — Грантовский Э.А. Проблемы изучения общественного строя скифов // ВДИ. 1980. № 4. С. 128–154.
- Грантовский 1981 — Грантовский Э.А. О некоторых материалах по общественному строю скифов // Кавказ и Средняя Азия в древности и Средневековье / Отв. ред. Б.А. Литвинский. М.: Наука, 1981. С. 59–79.
- Грантовский, Иванчик 1995 — Грантовский Э.А., Иванчик А.И. «Вестники» при дворах иранских царей // ВДИ. 1995. № 2. С. 162–169.
- Грацианская 1988 — Грацианская Л.И. «География» Страбона. Проблемы источниковедения // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1986 год. М.: Наука, 1988. С. 6–175.
- Греки и варвары 2005 — Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху СПб.: Алетейя, 2005.
- Греков, Якубовский 1998 — Греков Б. Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М., 1998.
- Гречко 2012 — Гречко Д.С. К вопросу о смене культур кочевников на юге Восточной Европы в VI в. до н.э. // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Кн. 2. СПб.: ИИМК РАН; «Периферия», 2012. С. 350–357.
- Григорьев 1876 — Григорьев В.В. О двойственности верховной власти у Хазаров // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. III. СПб., 1834.
- Григорьев 1978 — Григорьев А.П. Монгольская дипломатика XIII–XIV вв.: Чингизидские жалованные грамоты. Л.: Изд-во ЛГУ, 1978.
- Григорьев 1978 — Григорьев А.П. Монгольская дипломатика XIII–XV вв.: Чингизидские жалованные грамоты. Л., 1978.
- Григорьев 1985 — Григорьев А.П. Шибаниды на золотоордынском престоле // Востоковедение. Вып. 11. М., 1985. С. 160–182.
- Григорьев 1987 — Григорьев А.П. Время написания «ярлыка» Ахмата // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. 10. М., 1987. С. 28–89.
- Григорьев 2004 — Григорьев А.П. Сборник ханских ярлыков русским митрополитам: Источниковедческий анализ золотоордынских документов. СПб., 2004.
- Григорьев 2012 — Григорьев А.В. Население междуречья Днепра и Дона в VIII — первой половине XI в. // Древнейшие государства Восточной Европы: 2010 год. Предпосылки и пути образования Древнерусского государства / Отв. ред. серии Е.А. Мельникова. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2012.
- Григорьев, Григорьев 2002 — Григорьев А.П., Григорьев В.П. Коллекция золотоордынских документов XIV века из Венеции: Источниковедческое исследование. СПб., 2002.

- Григорьев, Фролова 1999 — *Григорьев А.П., Фролова О.Б.* Географическое описание Золотой Орды в Энциклопедии ал-Калкашанди // Тюркологический сборник 2001: Золотая Орда и ее наследие. М.: Вост. лит., 2002. С. 261–302.
- Григорьев, Ярцов 1844 — *Григорьев В.В., Ярцов Я.О.* Ярлыки Тохтамыша и Сеадет-Гирея // Записки Одесского общества истории и древностей. 1844. № 1. С. 1–16.
- Грумм-Гржимайло 1926 — *Грумм-Гржимайло Г.Е.* Западная Монголия и Урянхайский край. Т. 2. Л., 1926.
- Гуляев 2006 — *Гуляев В.И.* Скифы: расцвет и падение великого царства. М.: Алетей, 2006.
- Гуляев 2008 — *Гуляев В.И.* «Престижные вещи» из среднедонских курганов скифского времени и проблема единой Скифии // Проблемы современной археологии. Сборник памяти В.А. Башилова. М.: Таус, 2008. С. 155–172.
- Гумилев 1959 — *Гумилев Л.Н.* Удельно-лестничная система у тюрков в VI–VIII вв. (к вопросу о ранних формах государственности) // СЭ. 1959. № 3. С. 11–25.
- Гумилев 1961 — *Гумилев Л.Н.* Орды и племена у древних тюрков и уйгуров // Материалы по отделению этнографии Географического общества СССР. Ч. I. Доклады за 1958–1961 гг. Л.: Изд-во ГО СССР, 1961. С. 15–26.
- Гумилев 1966 — *Гумилев Л.Н.* Истоки ритма кочевой культуры Срединной Азии (опыт историко-географического синтеза) // НАА. 1966. № 4. С. 85–94.
- Гумилев 1967 — *Гумилев Л.Н.* Древние тюрки. М.; Л.: Наука, 1967.
- Гумилев 1970 — *Гумилев Л.Н.* Поиски вымышленного царства. М.: Наука, ГРВЛ, 1970.
- Гумилев 1974 — *Гумилев Л.Н.* Хунны в Китае. М.: Наука, ГРВЛ, 1974.
- Гумилев 1993 — *Гумилев Л.Н.* Ритмы Евразии. М.: Экопрос, 1993.
- Гумилев 1994 — *Гумилев Л.Н.* Хунны в Китае. СПб.: Абрис, 1994. С. 29.
- Гумилев 2002 — *Гумилев Л.Н.* Открытие Хазарии: работы 1966–1988 гг. СПб.: Изд. Дом «Кристалл», 2002.
- Гунин и др. 1998 — *Гунин П.Д., Востокова Е.А., Матюшкин Е.Н.* Охрана экосистем Внутренней Азии. М.: Наука, 1998.
- Гуревич 1970 — *Гуревич А.Я.* Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М.: Высшая школа, 1970.
- Гуревич 1999 — *Гуревич А.Я.* От пира к лену // Одиссей. Человек в истории. Трапеза 1999. М., 1999. С. 7–13.
- Гуревич 2006 — *Гуревич А.Я.* Избранные труды. Крестьянство средневековой Норвегии. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006.
- Гутнов 2001 — *Гутнов Ф.Х.* Ранние аланы. Проблемы этносоциальной истории. Владикавказ: Ир, 2001.
- Гущина, Засецкая 1994 — *Гущина И.И., Засецкая И.П.* «Золотое кладбище» Римской эпохи в Прикубанье. СПб.: Фан, 1994.
- Давыдова 1985 — *Давыдова А.В.* Иволгинский комплекс (городище и могильник) — памятник хунну в Забайкалье. Л.: Изд-во ЛГУ, 1985.
- Давыдова 1995 — *Давыдова А.В.* Иволгинский археологический комплекс. Т. I. Иволгинское городище. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1995.
- Далай 1983 — *Далай Ч.* Монголия в XIII–XIV веках. М.: Наука, ГРВЛ, 1983.
- Данилов 2004 — *Данилов С.В.* Города в кочевых обществах Центральной Азии. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2004.
- Данилов 2005 — *Данилов С.В.* К вопросу о традициях градостроительства кочевников Центральной Азии // Монгольская империя и кочевой мир. Кн. 2. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005. С. 182–192.
- Даньшин 2006 — *Даньшин А.В.* Государство и право киданьской империи Великое Ляо. Кемерово, 2006.
- Дашковский 2011 — *Дашковский П.К.* Мировоззрение кочевников Саяно-Алтая и сопредельных территорий поздней древности и раннего средневековья (отечественная историография и современные исследования). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2011.

- Дашковский 2019 — *Дашковский П.К.* Отечественная историческая наука о религиях и государственной религиозной политике у кочевых народов Саяно-Алтая и сопредельных регионов. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та 2019
- Демкин и др. 2012 — *Демкин В.А., Скрипкин А.С., Ельцов М.В., Золотарева Б.Н., Демкина Т.С., Хомутова Т.Э., Кузнецова Т.В., Удальцов С.Н., Каширская Н.Н., Плеханова Л.Н.* Природная среда волго-уральских степей в савромато-сарматскую эпоху (VI в. до н.э. — IV в. н.э.) / Отв. ред. С.В. Губин. Пушкино: Ин-т физ.-хим. и биол. проблем почвоведения РАН, 2012.
- Десятчиков 1977 — *Десятчиков Ю.М.* Арифарн, царь сираков // История и культура античного мира. М.: Наука, 1977.
- Джувеини 2004 — *Ата-Метик Джувеини ата-ад-дин.* Чингисхан: История Завоевателя Мира, записанная Ала-ад-Дином Ата-Меликом Джувеини. М., 2004.
- Джуманалиев 2005 — *Джуманалиев Т.* Эволюция политической власти кочевников Притянь-шанья (II в. до н.э. — XII в.). Бишкек, 2005.
- Дзиговский 2003 — *Дзиговский А.Н.* Очерки истории сарматов Карпато-Днепровских земель. Одесса: Гермес, 2003.
- Ди Космо 2008 — *Ди Космо Н.* Образование государства и периодизация истории внутренней Азии // Монгольская империя и кочевой мир. Кн. 3. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2008. С. 181–226.
- Дигар 1989 — *Дигар Ж.П.* Отношения между кочевниками и оседлыми племенами на Среднем Востоке // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций / Отв. ред. В.М. Мас-сон. Алма-Ата: Наука, 1989. С. 33–54.
- ад-Димашки 1866 — *Cosmographie de Chems ed-din Abou Abdallah Mohammed ed-Dimichqi.* Texte arabe, publié d'après l'édition commencée par M. Fraehn et d'après les manuscrits de St.-Petersbourg, de Paris, de Leyde et de Copenhague par A.W.F. Mehren. St.-Petersbourg, 1866.
- Динесман и др. 1989 — *Динесман Л.Г., Киселева Н.К., Князев А.В.* История степных экосистем Монгольской Народной республики. М.: Наука, 1989.
- Динесман, Болд 1992 — *Динесман Л.Г., Болд Г.* История выпаса скота и развития пастбищной дигрессии в степях Монголии // Историческая экология диких и домашних копытных: История пастбищных экосистем. М.: Наука, 1992.
- Длужневская 2013 — *Длужневская Г.В.* Древние тюрки в Саянском каньоне Енисея // Древние тюрки в Центральной Туве (по материалам работ Саяно-Тувинской экспедиции): коллективная монография. СПб.: ЭлекСис, 2013. С. 173–186.
- Дмитриев 2000 — *Дмитриев С.В.* Историко-этнографические аспекты политической культуры тюрко-монгольских кочевников. Автореф. канд. дис. СПб., 2000.
- Дмитриев 2012 — *Дмитриев С.В.* Столицы Монгольской империи как показатель монгольско-китайской культурной интерференции // XLII НК ОГК. Т. XLII. Ч. 3. М.: ИВ РАН, 2012 (Ученые записки отдела Китая. Вып. 7). С. 97–121
- Доронин 1988 — *Доронин Б.Г.* Китай XVII–XVIII вв.: проблемы историографии и источниковедения. Л.: ЛГУ, 1988.
- Доронин 1996 — *Доронин Б.Г.* Китай и мир в XVIII в. // Восток. 1996. № 5. С. 168–190.
- Доронин 2002 — *Доронин Б.Г.* Историография императорского Китая XVII–XVIII вв. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2002.
- Дорофеюк, Гунин 2000 — *Дорофеюк Н.И., Гунин П.Д.* Библиографический указатель литературы по результатам исследований Совместной Российско-Монгольской комплексной биологической экспедиции РАН и АНМ (1967–1995 гг.). М.: Биоинформсервис, 2000.
- Дорофеюк, Гунин 2019 — *Дорофеюк Н.И., Гунин П.Д.* Библиография научных трудов по результатам исследований СРМКБЭ РАН и АНМ (1995–2018 гг.). Ярославль: Филигрань, 2019.
- Древнейшие государства 1999 — *Древнейшие государства Восточной Европы. 1996–1997 гг. Северное Причерноморье в античности: Вопросы источниковедения* / Отв. ред. А.В. Подосинов. М.: Вост. лит., 1999.

- Древнейшие источники 1976–1980 — Древнейшие источники по истории народов СССР. Тематика и состав выпусков по Европейскому региону / Отв. ред. В.Т. Пашуто, Я.Н. Щапова. Части I–II. М., 1976–1980.
- Древнемонгольские города 1965 — Древнемонгольские города / Отв. ред. С.В. Киселев. М.: Наука, 1965.
- Древнетюркский словарь 1969 — Древнетюркский словарь. Л.: Наука, 1969.
- Древности 1982 — Древности степной Скифии. Киев: Наукова думка, 1982.
- Дробышев 2014 — *Дробышев Ю.И.* Человек и природа в кочевых обществах Центральной Азии (III в до н.э. — XIV в. н.э.) / Отв. ред. Д.Д. Васильев; науч. ред. Л.И. Лебедева; Ин-т востоковедения РАН. М.: (МБА), 2014.
- Дробышев 2018 — *Дробышев Ю.И.* Климат и ханы: Роль климатического фактора в политической истории Центральной Азии. М.: ИВ РАН, 2018.
- ДТС 1969 — Древнетюркский словарь. Л.: Наука, 1969.
- Думан 1966 — *Думан Л.И.* Завоевание Цинской империи Джунгарии и Восточного Туркестана // Маньчжурское владычество в Китае. М.: Наука, ГРВЛ, 1966. С. 264–288.
- Думан 1955 — *Думан Л.И.* К истории государств Тоба Вэй и Ляо и их связей с Китаем // Уч. зап. Ин-та востоковедения. Т. IX. М., 1955. С. 3–36.
- Дюмезиль 1986 — *Дюмезиль Ж.* Верховные боги индоевропейцев / Пер. с франц. Т.В. Цивьян. М.: Наука, ГРВЛ, 1986 (Исследования по фольклору и мифологии Востока).
- Дюмезиль 1990 — *Дюмезиль Ж.* Скифы и нарты / Сокр. пер. с фр. А.З. Алмазовой. М.: Наука, 1990.
- Дюмон 2001 — *Дюмон Л.* Homo Hierarchicus. Опыт описания системы каст. СПб.: Издательская группа «Евразия», 2001.
- Е Лун-ли 1979 — *Е Лун-ли.* История государства киданей (Цидань го чжи) / Пер. с кит., введ., коммент., прилож. В.С. Таскин. М.: Наука, ГРВЛ, 1979.
- Евсюков 1980 — *Евсюков В.В.* К этнической истории чжурчжэней // Дальний Восток и соседние территории в средние века. История и культура Азии / Отв. ред. Е.И. Деревянко. Новосибирск: Наука, 1980 (История и культура востока Азии). С. 149–150.
- Егоров 1985 — *Егоров В.Л.* Историческая география Золотой Орды. М., 1985.
- Елагина 1963 — *Елагина Н.Г.* О родоплеменной структуре скифского общества по материалам четвертой книги Геродота // СЭ. 1963. № 3. С. 76–82.
- Ельницкий 1977 — *Ельницкий Л.А.* Скифия евразийских степей. Историко-археологический очерк. Новосибирск: Наука, 1977.
- Ермаченко 1974 — *Ермаченко И.С.* Политика маньчжурской династии Цин в Южной и Северной Монголии в XVII в. М.: Наука, ГРВЛ, 1974.
- Жебелев 1953 — *Жебелев С.А.* Северное Причерноморье. Исследования и статьи по истории Северного Причерноморья античной эпохи. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953.
- Железняков 1992 — *Железняков А.С.* Об одном стереотипе восприятия монгольской кочевой цивилизации // VI Международный конгресс монголоведов (Улан-Батор, август 1992 г.). Доклады российской делегации. Т. I. М., 1992. С. 84–90.
- Железняков 2016 — *Железняков А.С.* Монгольская цивилизация. История и современность. М.: Весь мир, 2016.
- Жумаганбетов 2008 — *Жумаганбетов Т.С.* Власть кагана в древнетюркской государственной организации // Вестник Челябинского гос. ун-та. Сер. «История». 2008. Вып. 27. № 34 (135). С. 14–19.
- Зайцев 2004 — *Зайцев И.В.* Между Москвой и Стамбулом: Джучидские государства, Москва и Османская империя (начало XV — первая половина XVI вв.). М., 2004.
- Зайцев 2013 — *Зайцев Ю.П.* Неаполь Скифский — Ак-Кая — Пантикапей: варвары Крыма и Боспор в III–I вв. до н.э. // Боспорский феномен. Греки и варвары на евразийском перекрестке. Материалы Международной научной конференции (Санкт-Петербург, 19–22 ноября 2013 г.) / Отв. ред. В.Ю. Зуев. СПб., 2013. С. 499–506.
- Зайцев 2017 — *Зайцев И.В.* Надгробие Худайкула (Петра) в Московском Кремле // Археология евразийских степей. 2017. № 6. Нумизматика и эпиграфика. С. 196–199.

- Заходер 1962 — *Заходер Б.Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Ч. I. М.: Изд-во вост. лит., 1962.
- Зимин 1955 — *Зимин А.А.* Ярлыки татарских ханов московским митрополитам // Памятники русского права. Вып. 3: Памятники права периода образования русского централизованного государства. XIV–XV вв. / Под ред. Л.В. Черепнина. М., 1955. С. 461–491.
- Златкин 1964. — *Златкин И.Я.* История Джунгарского ханства (1635–1758 гг.). М.: Наука, 1964.
- Златкин 1983 — *Златкин И.Я.* История Джунгарского ханства (1635–1758). 2-е изд. М.: Наука, 1983.
- Зограф 1984 — *Зограф И.Т.* Монголо-китайская интерференция (язык монгольской канцелярии в Китае) / Отв. ред. С.Е. Яхонтов. М.: Наука, ГРВЛ, 1984.
- Зориктуев 2003 — *Зориктуев Б.Р.* К вопросу о местонахождении Эргунэ-куна и времени пребывания там предков монголов // Монголоведные исследования. Улан-Удэ, 2003. Вып. 4.
- Зориктуев 2011 — *Зориктуев Б.Р.* Актуальные проблемы этнической истории монголов и бурят. М.: Вост. лит., 2011.
- Зубарь 1998 — *Зубарь В.М.* Северный Понт и Римская империя. Киев: Ин-т археологии Национальной академии наук Украины, 1998.
- Зуев 1998 — *Зуев Ю.А.* Древнетюркская социальная терминология в китайском тексте VIII в. // Вопросы археологии Казахстана. Москва; Алматы: Гылым, 1998. Вып. 2. С. 153–161.
- Зуев 2002 — *Зуев Ю.А.* Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. Алматы: Дайк-пресс, 2002.
- Ибн А'сам ал-Куфи 1974 — *Kitabu'l Futuh by Abu Muhammad Ahmad ibn A'tham al-Kufi* (D. about 314 A.H./926 A.D.). Vol. VIII. Hyderabad, 1394 A.H./1974 A.D.
- Ибн А'сам ал-Куфи 1991 — *Ибн А'сам ал-Куфи.* Книга завоевания стран. Бейрут, 1991.
- Ибн ал-Асир 1851 — *Ibn-el-Athiri Chronicon quod perfectissimum inscribitur* / C. Tornberg. Vol. I. Upsaliae et Lugduni Batavorum, 1851.
- Ибн Русте 1892 — *Kitab al-A'lak an-nafisa VII auctore Abu Ali Ahmed ibn Omar Ibn Rosteh...* / M.J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1892.
- Ибн Фадлан 1939 — *Togan Zeki Validi A. Ibn Fadlan's Reisebericht.* Leipzig. 1939.
- Ибн Фадлан 1939а — Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. Перевод и комментарий / Под редакцией акад. И.Ю. Крачковского. М.; Л., 1939.
- Ибн Фадлан 1956 — *Ковалевский А.П.* Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков, 1956.
- Ибн Хаукал 1939 — *Opus geographicum auctore Ibn Haukal (Abū'l-Kāsim ibn Haukal al-Nasībī)... «Liber imaginis terrae»* / J.H. Kramers. Lugduni Batavorum, 1938–1939.
- Ибн Хаукал 2000 — [Большаков О.Г.] Арабские географы и путешественники о Волжской Булгарии. Истахри–Ибн Хаукаль // История татар с древнейших времен в семи томах. Т. II. Волжская Булгария и Великая Степь. Казань, 2006.
- Ибн Хордадбех 1889 — *Kitāb al-Masālik wa'l-Mamālik (Liber viarum et regnorum) auctore Abu'l-Kāsim 'Obaidallah ibn 'Abdallah Ibn Khordādhbeh...* / M.J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1889.
- Ибн Хордадбех 1986 — *Ибн Хордадбех.* Книга путей и стран / Пер. с арабского, комментарии, исследование, указатели и карты Н. Велихановой. Бак, 1986.
- Ибрагимов 1988 — *Ибрагимов Н.* Ибн Баттута и его путешествия по Средней Азии. М., 1988.
- Иванов, Васильев 1995 — *Иванов И.В., Васильев И.Б.* Человек, природа и почвы Рыно-песков Волго-Уральского междуречья в голоцене. М.: Интеллект, 1995.
- Иванова 2002 — *Иванова Ю.В.* Социальное старшинство в традиционном обществе (в связи со статьей Б.Х. Бгажнокова) // ЭО. 2002. № 4. С. 25–28.
- Иванчик 1988 — *Иванчик А.И.* Мужские союзы и скифские вторжения в Переднюю Азию // СЭ. 1988. № 5. С. 38–48.
- Иванчик 2001 — *Иванчик А.И.* Киммерийцы и скифы. Культурно-исторические и хронологические проблемы археологии восточноевропейских степей и Кавказа пред- и раннескифского времени. Москва; Берлин: Палеограф, 2001.

- Иванчик 2005 — *Иванчик А.И.* Накануне колонизации. Северное Причерноморье и степные кочевники VIII–VII вв. до н.э. в античной литературной традиции: фольклор, литература и история. Москва; Берлин: Палеограф, 2005.
- Иванчик 2009 — *Иванчик А.И.* К вопросу о скифском языке // ВДИ. 2009. № 2. С. 62–88.
- Ивлиев 1983 — *Ивлиев А.Л.* Городища киданей // Материалы по древней и средневековой археологии юга Дальнего Востока СССР и смежных территорий. Владивосток, 1983.
- Ивлиев 1986 — *Ивлиев А.Л.* Хозяйство и материальная культура киданей времени империи Ляо (по материалам археологических исследований): Дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 1986.
- Ивлиев 1988 — *Ивлиев А.Л.* Кидани и население Восточной Маньчжурии и Приморья в средние века (к проблеме контактов) // Материалы по этнокультурным связям народов Дальнего Востока в средние века. Владивосток, 1988. С. 6–15.
- Ильинская 1968 — *Ильинская В.А.* Скифы Днепровского лесостепного Левобережья. Киев: Наукова думка, 1968.
- Ильинская, Тереножкин 1983 — *Ильинская В.А., Тереножкин А.И.* Скифия VII–IV вв. до н.э. Киев: Наукова думка, 1983.
- Илюшин 2009 — *Илюшин А.М.* К вопросу о восточной границе Золотой Орды // Форум «Идель — Алтай». Материалы научно-практической конференции «Идель — Алтай: истоки евразийской цивилизации» I Международного конгресса средневековой археологии евразийских степей. Тезисы докладов. Казань, 2009. С. 109–111.
- Исаев 1996 — *Исаев И.А.* История государства и права России. М., 1996.
- ал-Истахри 1879 — *Viae regnorum... Descriptio ditionis moslemicae auctore Abu Ishák al-Fárisí al-Istakhrí / M. de Goeje.* Leiden, 1870.
- История Калмыкии 2009 — *История Калмыкии с древнейших времен до наших дней.* Т. 1. Элиста: ГУ Изд. Дом «Герел», 2009.
- Исхаков, Измайлов 2007 — *Исхаков Д.М., Измайлов И.Л.* Клановая структура Улуса Джучи // История и культура Улуса Джучи. Казань, 2007. С. 108–143.
- Их Цааз 1981 — Их-Цааз («Великое уложение»). Памятник монгольского феодального права XVII в. // Транслитерация, пер., введ. и коммент. С.Д. Далькова. М.: Наука, 1981.
- ал-Йа'куби 1883 — *Ibn Wadhih qui dicitur al-Ja'qûbi.* Historiae / M.Th. Houtsma. Leiden, 1883. Т. I.
- Йакут 1866, 1869 — *Jacut's geographische Wörterbuch...* / F. Wüstenfeld. Leipzig, 1866. Bd. I; 1869. Bd. III.
- Кабо 1986 — *Кабо В.Р.* Первобытная доземледельческая община. М.: Наука, 1986.
- Кадырбаев 1990 — *Кадырбаев А.Ш.* Тюрки и иранцы в Китае и Центральной Азии. XIII–XIV вв. Алма-Ата: Гылым, 1990.
- Кадырбаев 1993 — *Кадырбаев А.Ш.* Очерки истории средневековых уйгуров, джалаилов, найманов и керитов. Алматы: Рауан; Демеу, 1993.
- Кайдарова, Ускенбай 2004 — *Кайдарова А.А.-А., Ускенбай К.З.* Ибн Халдун о пребывании Урус-хана в золотоордынском Поволжье в 70-е гг. XIV века // Вопросы истории Казахстана. Вып. V. Алматы, 2004. С. 74–84.
- Калинина 2001 — *Калинина Т.М.* Меха́вая торговля в Приволжском бассейне по данным арабских ученых IX–X вв. // Великий Волжский путь. Материалы Круглого стола и Международного научного семинара. Казань, 28–29 августа 2000 г. Казань: МастерЛайн, 2001. С. 194–198.
- Калинина 2005 — *Калинина Т.М.* Ал-хазар и ат-турк в произведениях средневековых арабо-персидских ученых // Хазары. Евреи и славяне. Т. 16 / Ред. кол: В. Петрухин, В. Москович, А. Федорчук, А. Кулик, Д. Шапира. Москва: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2005. С. 101–110.
- Калинина 2009 — *Калинина Т.М.* Восприятие времени и пространства арабским ученым X в. Ал-Мас'уди // Древнейшие государства Восточной Европы. 2006 год: Пространство и время в средневековых текстах. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2009. С. 396–417.

- Калинина 2010 — *Калинина Т.М.* Три стадии существования и падение Хазарского каганата // Хазары. Миф и История. Сб. статей. Москва: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2010.
- Калиновская 1989 — *Калиновская К.П.* Скотоводы Восточной Африки М.: Наука, 1989.
- Калиновская 1996 — *Калиновская К.П.* О кочевничестве в связи с книгой В.В. Матвеева «Средневековая Северная Африка» // Восток. 1996. № 4. С. 153–158.
- Калиновская, Марков 1987 — *Калиновская К.П., Марков Г.Е.* Общественное разделение труда у скотоводческих народов Азии и Африки // Вестник МГУ. Сер. 8. «История». М., 1987. № 6.
- Каллистов 1969 — *Каллистов Д.П.* Свидетельство Страбона о скифском царе Атее // ВДИ. 1969. № 1. С. 124–130.
- Камалов 1990 — *Камалов А.К.* Генеалогия уйгурских каганов первой половины IX века // Маловские чтения. Алма-Аты: Гылым, 1990. С. 155–163.
- Камалов 2001 — *Камалов А.К.* Древние уйгуры. VIII–IX вв. Алматы: Наш мир, 2001.
- Камалов 2004 — *Камалов А.К.* Эпитафия согдийца Кан А-и Кюль-таркана // Историко-культурные взаимосвязи Ирана и Дешт-и Кипчака. Алматы: Дайк-пресс, 2004. С. 158–174.
- Камалов 2017 — *Камалов А.К.* Тюрки и иранцы в Танской империи. Алматы: ИД «Мир», 2017.
- Кара 1972 — *Кара Д.* Книги монгольских кочевников (семь веков монгольской письменности) / Отв. ред. С.Г. Кляшторный. М.: Наука, ГРВЛ, 1972.
- Караев 1995 — *Караев О.* Чагатайский улус. Государство Хайду. Могулистан. Образование кыргызского народа. Бишкек: Кыргызстан, 1995.
- Карышковский 1982 — *Карышковский П.О.* О монетах царя Фарзоя // Археологические памятники Северо-Западного Причерноморья. Киев: Наукова думка, 1982.
- Кашовская, Кашаев 2004 — *Кашовская Н., Кашаев С.* Иудаизм на Боспоре — археологический контекст // Материалы XI ежегодной Международной междисциплинарной конференции по иудаике. Ч. 1. М.: Пробел-2000, 2004 (Академическая серия. Вып. 16).
- Кашовская, Кашаев 2010 — *Кашовская Н.В., Кашаев С.В.* Иудаизм на Боспоре: археологический контекст // Хазары: миф и история / Ред.-сост. Е.Э. Носенко-Штейн, В.Я. Петрухин. Москва: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2010. С. 283–306.
- Керефов 1988 — *Керефов Б.М.* Памятники сарматского времени Кабардино-Балкарии. Нальчик: Эльбрус, 1988.
- Киселев 1965 — *Древнемонгольские города* / Отв. ред. С.В. Киселев. М.: Наука, 1965.
- Классен 2002 — *Классен Х.Дж.М.* Сфера действия центра: Проблемы управления и коммуникации в ранних государствах // *Ethnologica Africana*. М., 2002.
- Классен 2005 — *Классен Х.Й.М.* Сакральное королевство в Полинезии. Сакрализация власти в истории цивилизаций. М.: Ин-т Африки РАН, 2005.
- Клейн 1979 — *Клейн Л.С.* О характере римского импорта в богатых курганах сарматского времени на Дону // Античный мир и археология. Межвузовский научный сборник. Изд-во Саратовского гос. ун-та, 1979. Вып. 4.
- Клепиков 2002 — *Клепиков В.М.* Нижнее Поволжье в IV–III вв. до н.э. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2002.
- Клепиков, Скрипкин 1997 — *Клепиков В.М., Скрипкин А.С.* Ранние сарматы в контексте событий Восточной Европы // Сарматы и Скифия. Сб. науч. докладов III Международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории. Азов, 1997.
- Клименко 1998 — *Клименко В.В.* Высокие культуры: климат и история // Восток. 1998. № 4. С. 5–24.
- Клименко 2003 — *Клименко В.В.* Климат и история в средние века // Восток. 2003. № 1. С. 5–41.
- Клюкин 1932 — *Клюкин И.А.* Новые данные о племени тардуш'ей и толис'ов // Вестник Дальневост. отд-ния АН СССР. 1932. № 1–2. С. 19–32.
- Кляшторный 1959 — *Кляшторный С. Г.* Историко-культурное значение Суджинской надписи // ПВ. 1959. С. 162–169.
- Кляшторный 1964 — *Кляшторный С.Г.* Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М.: Наука, 1964.

- Кляшторный 1980 — *Кляшторный С.Г.* Терхинская надпись. Предварительная публикация // СТ. 1980. № 3. С. 82–95.
- Кляшторный 1985 — *Кляшторный С.Г.* Рабы и рабыни в древнетюркской общине (по материалам рунической письменности Монголии) // Древние культуры Монголии. Новосибирск: Наука, 1985.
- Кляшторный 1986а — *Кляшторный С.Г.* Основные черты социальной структуры древнетюркских государств Центральной Азии (VI–X вв.) // Классы и сословия в докапиталистических обществах Азии: проблема социальной мобильности. М.: Наука, ГРВЛ, 1986. С. 217–228.
- Кляшторный 1987 — *Кляшторный С.Г.* Надпись уйгурского Бёгю-кагана в Северо-Западной Монголии // Центральная Азия. Новые памятники письменности и искусства. М.: ГРВЛ, 1987. С. 19–37.
- Кляшторный 1986б — *Кляшторный С.Г.* Формы социальной зависимости в государствах кочевников Центральной Азии (конец I тысячелетия до н.э. — I тыс. н.э.) // Рабство в странах Востока в средние века. М.: Наука, ГРВЛ, 1986. С. 312–339.
- Кляшторный 1995 — *Кляшторный С.Г.* Второй Тюркский каганат // История Востока. Т. 2: Восток в средние века. М.: Вост. лит., 1995. С. 151–155.
- Кляшторный 2001 — *Кляшторный С.Г.* Центральная Азия в раннее средневековье // История Казахстана и Центральной Азии. Аламаты: Дайк-Пресс, 2001. С. 74–158.
- Кляшторный 2003 — *Кляшторный С.Г.* История Центральной Азии и памятники рунического письма. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003.
- Кляшторный 2006 — *Кляшторный С.Г.* Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии. СПб.: Наука, 2006 (Восток: общество, культура, религия).
- Кляшторный 2010 — *Кляшторный С.Г.* Рунические памятники уйгурского каганата и история евразийских степей. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2010.
- Кляшторный 2012 — *Кляшторный С.Г.* Степные империи древних кочевников Центральной Азии (этапы политогенеза) // Древнейшие государства Восточной Европы: 2010 год. Предпосылки и пути образования Древнерусского государства / Отв. ред. серии Е.А. Мельникова. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2012.
- Кляшторный 2012а — *Кляшторный С.Г.* Основные этапы политогенеза у древних и средневековых кочевников Центральной Азии // Научный Татарстан. 2012. № 2. С. 74–84.
- Кляшторный, Колесников 1988 — *Кляшторный С.Г., Колесников А.Г.* Восточный Туркестан глазами русских путешественников (вторая половина XIX в.). Алма-Ата: Наука КазССР, 1988.
- Кляшторный, Лившиц 1971 — *Кляшторный С.Г., Лившиц В.А.* Сэврэйский камень // СТ. 1971. № 3. С. 106–112.
- Кляшторный, Савинов 1994 — *Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г.* Степные империи Евразии. СПб.: Фан, 1994.
- Кляшторный, Савинов 2005 — *Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г.* Степные империи Евразии. 2-е изд. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005.
- Кляшторный, Султанов 2000 — *Кляшторный С.Г., Султанов Т.И.* Государства и народы евразийских степей. Древность и средневековье. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2000.
- Кляшторный, Султанов 2004 — *Кляшторный С.Г., Султанов Т.И.* Государства и народы Евразийских степей. Древность и средневековье. 2-е изд. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004.
- Князев 1990 — *Князев А.В.* История пастбищных экосистем горных степей и пустынь Монголии. Автореф. канд. дис. М., 1990.
- Кобищанов 1995 — *Кобищанов Ю.М.* Полюрье: явление отечественной и всемирной истории цивилизаций. М.: РОССПЭН, 1995.
- Ковалевская 1975 — *Ковалевская В.Б.* Скифы, Мидия, Иран во взаимоотношениях с Закавказьем по данным Леонти Мровели // Вестник АН ГрузССР. Серия истории, археологии, этнографии и истории искусств. 1975. № 3.

- Ковалевская 2005 — *Ковалевская В.Б.* Кавказ — скифы, сарматы, аланы I тыс. до н.э. — I тыс. н.э. М., 2005.
- Ковычев 2012 — *Ковычев Е.И.* К истории ранних монголов в Забайкалье // *Известия лаборатории древних технологий.* 2012. Вып. 9. С. 129–146.
- Ковычев и др. 2018 — *Ковычев Е.В., Харинский А.В., Крадин Н.Н.* Шивэйское городище Проезжая 1 на реке Шилке // *Известия лаборатории древних технологий.* 2018. № 4. С. 78–102.
- Коган 1981 — *Коган Л.С.* Проблемы социально-экономического строя кочевых обществ в историко-экономической литературе (на примере дореволюционного Казахстана): Автореф. канд. дис. М., 1981.
- Козин 1935 — *Козин С.А.* К вопросу о дешифровании дипломатических документов монгольских ильханов // *Известия АН СССР. Сер. истории и философии.* № 7. 1935. С. 645–655.
- Козин 1941 — *Козин С.А.* Сокровенное сказание: Монгольская хроника 1240 г. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941.
- Коковцов 1932 — *Коковцов П.К.* Еврейско-хазарская переписка. Л., 1932.
- Колесник 1997 — *Колесник В.И.* Демографическая история калмыков в XVII–XIX вв.: Учеб. пособие. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 1997.
- Колесник 2003 — *Колесник В.И.* Последнее великое кочевье. М.: Вост. лит., 2003.
- Коллмар-Пауленц 2004 — *Коллмар-Пауленц К.* Новый взгляд на религиозную идентичность монголов // *Монгольская империя и кочевой мир.* Кн. 1. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2004.
- Комар 2006 — *Комар А.В.* Перещепинский комплекс в контексте основных проблем истории и культуры кочевников Восточной Европы VII — нач. VIII в. // *Степи Европы в эпоху средневековья.* Т. 5. Донецк: Изд-во ДонНУ (Донецкий национальный ун-т), 2006.
- Комиссаров 1996 — *Комиссаров С.А.* Сяньбэйский могильник Лаохэшэнь // XXVII НК ОГК. М., 1996.
- Коновалова 2003 — *Коновалова И.Г.* Падение Хазарии в исторической памяти разных народов // *Древнейшие государства Восточной Европы.* 2001 год. Историческая память и формы ее воплощения / Отв. ред. Е.А. Мельникова. М.: Вост. лит., 2003.
- Константин Багрянородный 1991 — *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. 2-е изд. М., 1999.
- Коротаяев и др. 2007 — *Коротаяев А.В., Малков А.С., Халтурина Д.А.* Законы истории: Вековые циклы и тысячелетние тренды. Демография, экономика, войны. 2-е изд. М., 2007.
- Коротаяев, Оболенков 1989 — *Коротаяев А.В., Оболенков А.А.* Родовая организация в социально-экономической структуре классовых обществ // *СЭ.* 1989. № 2. С. 36–45.
- Косарев 1991 — *Косарев М.Ф.* Древняя история Западной Сибири: Человек и природная среда. М.: Наука, 1991.
- Костюков 2009 — *Костюков В.П.* Буддизм в культуре Золотой Орды // *Тюркологический сборник 2007–2008.* М.: Вост. лит., 2009. С. 189–236.
- Кочевая альтернатива 2002 — *Кочевая альтернатива социальной эволюции* / Отв. ред. Н.Н. Крадин, Д.М. Бондаренко. М.: Центр цивилизационных и региональных исследований РАН, 2002.
- Крадин 1987 — *Крадин Н.Н.* Социально-экономические отношения у кочевников в советской исторической литературе. Владивосток, 1987. Деп. в ИНИОН АН СССР № 29892.
- Крадин 1992 — *Крадин Н.Н.* Кочевые общества. Владивосток: Дальнаука, 1992.
- Крадин 1993 — *Крадин Н.Н.* Этническая группа шивэй: характеристика социальной организации и социальной структуры // *Этническая история народов Южной Сибири и Центральной Азии* / Отв. ред. Б.Р. Зориктуев. Новосибирск, 1993. С. 113–121.
- Крадин 1994 — *Крадин Н.Н.* Социальный строй сяньбийской державы // *Медиевистские исследования на Дальнем Востоке России.* Владивосток: Дальнаука, 1994.
- Крадин 1996 — *Крадин Н.Н.* Империя хунну. Владивосток: Дальнаука, 1996.

- Крадин 2000 — *Крадин Н.Н.* Общественный строй Жужаньского каганата // История и археология Дальнего Востока: К 70-летию Э.В. Шавкунова. Владивосток: Дальневосточный гос. ун-т, 2000.
- Крадин 2000a — *Крадин Н.Н.* Имперская конфедерация хунну: социальная организация суперсложного вожества // Ранние формы социальной организации: генезис, функция, историческая динамика / Отв. ред. В.А. Попов. СПб.: МАЭ РАН, 2000. С. 195–223.
- Крадин 2000b — *Крадин Н.Н.* Кочевники и земледельческий мир: хуннская модель в исторической перспективе // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2000. № 3. С. 5–16.
- Крадин 2000в — *Крадин Н.Н.* Кочевники, мир-империи и социальная эволюция // Альтернативные пути к цивилизации / Отв. ред. Н.Н. Крадин, А.В. Коротаев, Д.М. Бондаренко и В.А. Лыньш. М.: Логос, 2000. С. 314–336.
- Крадин 2001a — *Крадин Н.Н.* Кочевые империи: генезис, расцвет, упадок // Восток. 2001. № 5. С. 21–32.
- Крадин 2001б — *Крадин Н.Н.* Империя Хунну. 2-е изд. М.: Логос, 2001.
- Крадин 2002 — *Крадин Н.Н.* Империя Хунну. 2-е изд. М., 2002.
- Крадин 2004 — *Крадин Н.Н.* Комплексные общества кочевников в кросс-культурной перспективе // Монгольская империя и кочевой мир. Кн. 1. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2004. С. 20–49.
- Крадин 2007 — *Крадин Н.Н.* Кочевники Евразии. Алматы: Дайк-Пресс, 2007.
- Крадин 2011 — *Крадин Н.Н.* Города в средневековых кочевых империях монгольских степей // Средние века. 2011. Т. 72. № 1–2. С. 330–351.
- Крадин 2016 — *Крадин Н.Н.* Актуальные проблемы истории Монгольской империи // Труды Отделения историко-филологических наук РАН. 2015. М., 2016.
- Крадин 2018 — *Крадин Н.Н.* (ред.). Города средневековых империй Дальнего Востока. М.: Изд-во восточной литературы, 2018.
- Крадин и др. 2016 — *Крадин Н.Н., Бакшеева С.Е., Ковычев Е.В., Прокопец С.Д., Харинский А.В.* Археология империи Чингис-хана в Монголии и Забайкалье // Stratum Plus. Археология и культурная антропология. 2016. № 6. С. 17–43.
- Крадин и др. 2017 — *Крадин Н.Н., Ивлиев А.Л., Харинский А.В., Очир А., Васютин С.А., Ковычев Е.В., Эрдэнэболд Л.* Раскопки городища Тэрэлжийн-Дурвулжин и некоторые итоги изучения хуннской урбанизации // Актуальные вопросы археологии и этнологии Центральной Азии. Материалы II Международной научной конференции. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2017. С. 163–175.
- Крадин и др. 2019 — *Крадин Н.Н., Бакшеева С.Е., Ковычев Е.В., Прокопец С.Д., Харинский А.В.* Раскопки Хирхиринского городища в Юго-Восточном Забайкалье // Генуэзская Газария и Золотая Орда. Т. 2 / Отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдииков. Казань; Кишинев: Stratum plus, 2019. С. 107–130.
- Крадин, Бондаренко 2002 — *Крадин Н.Н., Бондаренко Д.М.* (ред.). Кочевая альтернатива социальной эволюции. М.: Ин-т Африки РАН, 2002.
- Крадин, Ивлиев 2014 — *Крадин Н.Н., Ивлиев А.Л.* История киданьской империи Ляо (907–1125). М.: Наука – Вост. лит., 2014.
- Крадин, Ивлиев и др. 2011 — *Крадин Н.Н., Ивлиев А.Л., Очир А., Васютин С.А., Данилов С.В., Никитин Ю.Г., Эрдэнэболд Л.* Киданьский город Чинтолгай-балгас. М.: Вост. лит., 2011.
- Крадин, Скрынникова 2006 — *Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д.* Империя Чингис-хана. М.: Вост. лит., 2006.
- Крамаровский 2003 — *Крамаровский М.Г.* Великая Орда Златая (Улус Джучи как цивилизация) // Родина. 2003. № 11. С. 66–74.
- Крамаровский 2005 — *Крамаровский М.Г.* Золотая Орда как цивилизация // Золотая Орда. История и культура. СПб.: Славия, 2005. С. 13–171.
- Крачковский 1957 — *Крачковский И.Ю.* Арабская географическая литература // *Крачковский И.Ю.* Избранные сочинения. Т. IV. М., 1957.

- Кривов 2002 — *Кривов М.В.* Византия и арабы в раннем средневековье. СПб.: Алетейя, 2002.
- Круглый стол 2008 — Стенографический отчет круглого стола, посвященного проблеме цивилизационного подхода к изучению истории Золотой Орды / Под ред. И.М. Миргалеева // Золотоордынская цивилизация. Сб. статей. Вып. 1. Казань, 2008. С. 154–173.
- Крымская Скифия 2017 — Крымская Скифия в системе культурных связей между Востоком и Западом (III в. до н.э. — VII в. н.э.): колл. монография // Под ред. А.И. Иванчика и В.И. Мордвинцевой. Москва; Симферополь: ИП Т.В. Зуева, 2017.
- Крюков и др. 1979 — *Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В.* Китайский этнос на пороге средних веков. М.: Наука, ГРВЛ, 1979.
- Крюков и др. 1987 — *Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В.* Этническая история китайцев на рубеже средневековья и нового времени. М.: Наука, ГРВЛ, 1987.
- Кубарев 2002 — *Кубарев Г.В.* Доспех древнетюркского знатного воина из Балык-Сёёк // Материалы по военной археологии Алтая и сопредельной территории. Барнаул: АлтГУ, 2002. С. 88–111.
- Кубарев 2005 — *Кубарев Г.В.* Культура древних тюрков Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2005.
- Кубарев, Кубарев 2003 — *Кубарев Г.В., Кубарев В.Д.* Погребение знатного тюрка из Балык-Соока (Центральный Алтай) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2003. № 4. С. 64–82.
- Кудрявцев 1992 — *Кудрявцев М.К.* Кастровая система в Индии. М.: Вост. лит., 1992.
- Кудряшов 1948 — *Кудряшов К.В.* Половецкая степь. М., 1948.
- Кузнецов 1974 — *Кузнецов В.С.* К вопросу о владычестве Джунгарского ханства над Восточным Туркестаном // Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск: Наука, 1974. С. 275–282.
- Кузнецов 1980 — *Кузнецов В.С.* Нурхаци — основатель маньчжурского государства // Дальний Восток и соседние территории в средние века / Отв. ред. Е.И. Деревянко. Новосибирск: Наука, 1980 (История и культура востока Азии). С. 48–53.
- Кузнецова 2008 — *Кузнецова Т.М.* Социальные индикаторы в погребальном обряде скифов (бронзовые котлы). Проблемы современной археологии. Сборник памяти В.А. Башилова. М.: Таус, 2008. С. 173–198.
- Куклина 1985 — *Куклина И.В.* Этногеография Скифии по античным источникам. Л.: Наука, 1985.
- Кулаковский 2002 — *Кулаковский Ю.А.* Прошлое Тавриды / Изд. подгот. Л.В. Матвеева. Киев: Стилюс, 2002 (2-е изд.).
- Кулланда 2008 — *Кулланда С.В.* *Scythica obsoleta* (По поводу книги А.И. Иванчика «Накануне колонизации. Северное Причерноморье и степные кочевники VIII–VII вв. до н.э. в античной литературной традиции: фольклор, литература и история». Москва; Берлин: Палеограф, 2005) // ВДИ. 2008. № 1. С. 204–210.
- Кулланда 2016 — *Кулланда С.В.* Скифы: язык и этногенез. М.: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2016.
- Кулланда 2018 — *Кулланда С.В.* Происхождение варн. М.: ИВ РАН, 2018.
- Кульпин 2004 — *Кульпин Э.С.* Спор о цивилизациях // Золотоордынская цивилизация. Вып. 1. Казань, 2008.
- Кульпин 2008 — *Кульпин Э.С.* Спор о цивилизациях // Золотоордынская цивилизация. Вып. 1. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2008. С. 7–13.
- Кумек 1972 — *Кумек Б.Е.* Государство кимаков IX–XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата: Наука, 1972.
- Курганы 1991 — Курганы степной Скифии. Киев: Наукова думка, 1991.
- Куценков 1983 — *Куценков А.А.* Эволюция индийской касты. М.: Наука, ГРВЛ, 1983.
- Кушкумбаев 2008 — *Кушкумбаев А.К.* Военно-управленческий состав в Улусе Джучи // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2008. № 2. С. 27–52.
- Кушкумбаев 2009 — *Кушкумбаев А.К.* Крыльевая система в управлении и военной организации Улуса Джучи // Золотоордынское наследие. Материалы Международной научной кон-

- ференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII–XV вв.)». 17 марта 2009 г. Сб. ст. Вып. 1. Казань, 2009. С. 80–104.
- Кызласов 1992 — *Кызласов Л.* Очерки по истории Сибири и Центральной Азии. Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1992.
- Кычанов 1980 — *Кычанов Е.И.* Монголы в VI — первой половине XII в. // Дальний Восток и соседние территории в средние века / Отв. ред. Е.И. Деревянко. Новосибирск: Наука, 1980 (История и культура востока Азии). С. 136–148.
- Кычанов 1986 — *Кычанов Е.И.* Собственность на людей в киданьском государстве Ляо (916–1124 гг.) // Рабство на Востоке в средние века. М., 1986. С. 185–192.
- Кычанов 1987 — *Кычанов Е.И.* Государство жуаньжуаней // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XXI годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР (доклады и сообщения). 1987 г. Ч. 1. М.: Наука, ГРВЛ, 1987. С. 109–115.
- Кычанов 1992 — *Кычанов Е.И.* Формы ранней государственности у народов Центральной Азии // Северная Азия и соседние территории в средние века: Сб. науч. трудов. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1992 (История и культура востока Азии). С. 44–67.
- Кычанов 1997 — *Кычанов Е.И.* Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М.: Вост. лит., 1997.
- Кычанов 2002 — *Кычанов Е.И.* Сведения из «Истории династии Юань» («Юань ши») о Золотой Орде // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223–1556. Казань, 2002. С. 30–42.
- Кычанов 2010 — *Кычанов Е.И.* История приграничных с Китаем древних и средневековых государств (от гуннов до маньчжуров). СПб.: Петербургское лингвистическое общество, 2010 (2-е изд., испр. и доп.).
- Лаппо-Данилевский 1887 — *Лаппо-Данилевский А.С.* Скифские древности // Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества. IV. 1887.
- Ларичев, Тюрюмина 1975 — *Ларичев В.Е., Тюрюмина Л.В.* Военное дело у киданей (по сведениям из «Ляо ши») // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. Новосибирск, 1975. С. 99–112.
- Ле Гофф 1992 — *Ле Гофф Ж.* Цивилизация средневекового Запада. М., 1992.
- Легран 2019 — *Легран Ж.* Пасторальный номадизм и его роль в истории // Россия и АТР. 2019. № 1. С. 135–143.
- Ли 2000 — *Ли Пин.* Бэй Вэй Пинчэн шидай (Северное Вэй в эпоху пребывания [столицы] в Пинчэне) [北魏平城时代. 李凭著]. Пекин, 2000 (на кит. яз.).
- Лим и др. 1990 — *Лим В.Д., Храмцов В.Н., Дмитриев П.П., Маркелова Р.С., Керженцева В.В.* Экологическая оценка состояния почвенного покрова Восточной Монголии // Методологические вопросы оценки состояния природной среды МНР. Пушкино, 1990. С. 44–45.
- Лубсан Данзан 1973 — *Лубсан Данзан.* Алтан тобчи («Золотое сказание») / Пер. с монг., введ., коммент. и прил. Н.П. Шастиной. М.: Наука, 1973.
- Лхагвасурен 2015 — *Лхагвасурен Х.* Монгольские погребения периода Чингис хана. Улан-Батор: Адмонпринтинг, 2015.
- ЛШ — Ляо ши (История династии Ляо). Пекин, 1958 (на кит. яз.).
- Лысенко 2002 — *Лысенко Н.Н.* Аланский поход Нерона // НАВ. Волгоград, 2002. Вып. 5.
- Майдар 1971 — *Майдар Д.* Архитектура и градостроительство Монголии. М.: Стройиздат, 1971.
- Майский 1921 — *Майский И.М.* Современная Монголия. Иркутск: Гос. типография, 1921.
- Мак-Нил 2004 — *Мак-Нил У.* Восхождение Запада: История человеческого сообщества. Киев: Ника-Центр; Москва: Старклайт, 2004.
- Мак-Нил 2008 — *Мак-Нил У.* В погоне за мощью. Технология, вооруженная сила и общество в XI–XX веках. М.: Территория будущего, 2008.
- Максименко 2003 — *Максименко В.Е.* К вопросу о времени появления сарматов к западу от Дона // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского педагогического ун-та, 2003.
- Максимов 1997 — *Максимов А.Н.* Превращение пола // *Максимов А.Н.* Избранные труды. М.: Вост. лит., 1997.

- Малов 1947 — *Малов С.Е.* Шаманский камень яда у тюрков Западного Китая // *СЭ.* 1947. № 1. С. 151–160.
- Малов 1951 — *Малов С.Е.* Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951.
- Малов 1959 — *Малов С.Е.* Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959.
- Малаявкин 1974 — *Малаявкин А.Г.* Материалы по истории уйгуров в IX–XII вв. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1974 (История и культура востока Азии. Т. II).
- Малаявкин 1980 — *Малаявкин А.Г.* Тактика Танского государства в борьбе за гегемонию в восточной части Центральной Азии // *Дальний Восток и соседние территории в средние века* / Отв. ред. Е.И. Деревянко. Новосибирск: Наука, 1980 (История и культура востока Азии). С. 103–126.
- Малаявкин 1981 — *Малаявкин А.Г.* Историческая география Центральной Азии (материалы и исследования) / Отв. ред. Ю.М. Бутин. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1981.
- Малаявкин 1989 — *Малаявкин А.Г.* Танские хроники о государствах Центральной Азии: тексты и исследования / Отв. ред. Ю.М. Бутин. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1989.
- Мандельштам 1956 — *Мандельштам А.Н.* Характеристика тюрков IX в. в «Послании Фахту ибн Хакану» ал-Джахиза // *Труды ин-та истории и этнографии АН КазССР.* Т. 1. Алма-Ата, 1956.
- Ал-Марвази 1942 — Sharaf al-Zaman Tahir Marvazi on China, the Turks and India. Arabic text (circa A.D. 1120) with an English Translation and Commentary by V. Minorsky. London, 1942.
- Марко Поло 1956 — Книга Марко Поло / Пер. старофранцузского текста И.П. Минаева; ред. и вступит. статья И.П. Магидовича. М.: Гос. изд-во географич. лит-ры, 1956.
- Марко Поло 1997 — Книга Марко Поло / Пер. старофр. текста И.П. Минаева, вступит. ст., коммент. М.Б. Горнунга // *Путешествия в восточные страны.* М., 1997. С. 190–380.
- Марков 1967 — *Марков Г.Е.* Кочевники Азии (Хозяйственная и общественная структура скотоводческих народов Азии в эпохи возникновения, расцвета и заката кочевничества). Автореф. докт. дис. М., 1967.
- Марков 1976 — *Марков Г.Е.* Кочевники Азии: структура хозяйства и общественной организации. М.: Изд-во МГУ, 1976.
- Марков 1989 — *Марков Г.Е.* Теоретические проблемы номадизма в советской этнографической литературе // *Историкогеография этнографического изучения народов СССР и зарубежных стран* / Отв. ред. Г.Е. Марков. М.: Изд-во МГУ, 1989. С. 54–75.
- Марков 1998 — *Марков Г.Е.* Из истории изучения номадизма в отечественной литературе: вопросы теории // *Восток.* 1998. № 6. С. 110–123.
- Марков, Масанов 1985 — *Марков Г.Е., Масанов Н.Э.* Значение относительной концентрации и дисперсности в хозяйственной и общественной организации кочевых народов // *Вестник МГУ.* Сер. 8. «История». 1985. № 4. С. 86–96.
- Мартынов 1972 — *Мартынов А.С.* Представления о природе и мироустроительных функциях власти китайских императоров в официальной традиции // *НАА.* 1972. № 5. С. 73–82.
- Мартынов 1972 — *Мартынов А.С.* Статус Тибета в XVII–XVIII вв. в традиционной китайской системе политических представлений / Отв. ред. К.В. Васильев. М.: Наука, 1978.
- Марченко 1996 — *Марченко И.И.* Сираки Кубани (По материалам курган. погребений Ниж. Кубани). Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 1996.
- Масанов 1984 — *Масанов Н.Э.* Проблемы социально-экономической истории Казахстана на рубеже XVIII–XIX вв. Алма-Ата: Наука, 1984.
- Масанов 1986 — *Масанов Н.Э.* Элементы структуры социальной организации кочевников Евразии // *Этнические культуры Сибири. Проблемы эволюции и контактов.* Новосибирск: ИИФиФ СО АН СССР, 1986. С. 20–26.
- Масанов 1995 — *Масанов Н.Э.* Кочевая цивилизация казахов (основы жизнедеятельности номадного общества). Алматы: Социнвест; Москва: Горизонт, 1995.
- ал-Мас'уди 1863, 1864 — *Maçoudi.* Les Prairies d'or / Texte et traduction par C. Barbier de Meynard et Pavet de Courteille. Paris, 1863, 1864. Т. II, III.

- Ал-Мас'уди 2002 — *Ал-Мас'уди*. Золотые копи и россыпи самоцветов (История Аббасидской династии: 749–947 гг.) / Сост., пер. с арабского, примеч., коммент. и указ. Д.В. Микульского. М.: Наталис, 2002.
- ал-Масуди 1894 — *Kitab at-tanbih wa'l-ischraf auctore al-Masûdi...* / M.J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1894.
- Материалы 1968 — Материалы по истории сюнну (по китайским источникам) / Предисл., пер. и коммент. В.С. Таскина. М.: Наука, 1968. Вып. 1.
- Материалы 1973 — Материалы по истории сюнну (по китайским источникам) / Предисл., пер. и коммент. В.С. Таскина. М.: Наука, 1973. Вып. 2.
- Материалы 1984 — Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху / Введ., пер. и коммент. В.С. Таскина. М.: Наука, 1984.
- Мацусита 2006 — *Мацусита Кэнъити*. Бэй Вэй Дай жэнь цзитуань каолюэ (Оценка группировки «людей Дай» в Северном Вэй) // Вэй Цзинь Нань Бэй чао луньвэнь цзи (Сборник статей по Вэй, Цзинь, Южным и Северным династиям). Чэнду, 2006. С. 314–318 (на кит. яз.).
- Мачинский 1971 — *Мачинский Д.А.* О времени первого активного выступления сарматов в Поднепровье по свидетельствам античных письменных источников // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л., 1971. Вып. 13.
- Медведев 1999 — *Медведев А.П.* Исследования по археологии и этногеографии лесостепной Скифии. Воронеж: ВГУ, 1999.
- Медведев 1999 — *Медведев А.П.* Ранний железный век лесостепного Подонья. Археология и этнокультурная история I тысячелетия до н.э. М.: Наука, 1999.
- Медведев 2003 — *Медведев А.П.* О возникновении иерархических социальных структур в обществах эпохи бронзы и раннего железного века на юге Восточной Европы (диахронный анализ) // Фундаментальные исследования в области гуманитарных наук. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2003. С. 45–48.
- Медведская 1994 — *Медведская И.Н.* Заключение по дискуссии // Российская археология. 1994. № 1. С. 123–133.
- Меликсет-Бек 1960 — *Меликсет-Бек Л.М.* Хазары по древнеармянским источникам в связи с проблемой Моисея Хоренского // Исследования по истории культуры народов Востока. Сборник в честь акад. И.А. Орбели. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960.
- Мелиоранский 1899 — *Мелиоранский П.И.* Памятник в честь Кюль-тегина // Записки Восточного Отделения Русского археологического общества. СПб., 1899. Вып. II–III. С. 1–114.
- Мелихов 1966 — *Мелихов Г.В.* Некоторые вопросы консолидации маньчжурской народности при Нурхаци и Абахае (1591–1644 гг.) // Маньчжурское владычество в Китае. М.: Наука, ГРВЛ, 1966. С. 111–116.
- Мелихов 1970 — *Мелихов Г.В.* Политика Минской империи в отношении чжурчженей (1402–1413 гг.) // Китай и соседи в древности и средневековье. М.: Наука, ГРВЛ, 1970. С. 251–271.
- Мелихов 1974 — *Мелихов Г.В.* Маньчжуры на Северо-Востоке (XVII в.). М.: Наука, 1974.
- Мелихов 1977 — *Мелихов Г.В.* Установление власти монгольских феодалов в Северо-Восточном Китае // Татаро-монголы в Азии и Европе. 2-е изд. М.: Наука, 1977. С. 62–84.
- Менандр 1860 — *Менандр*. История // Византийские историки: Дексипп, Эвнапий, Олимпиодор, Малх, Петр Магистр, Менандр, Кандид Исавр, Ноннос и Феофан Византиец / Пер. Г.С. Дестуниса. СПб.: Типография Леонида Демиса, 1860. С. 312–470. URL: http://krotov.info/acts/05/marsel/ist_viz_06.htm (дата обращения 12.10.2015).
- Менандр Византиец 1860 — *Менандр Византиец*. История // Византийские историки: Дексипп, Эвнапий, Олимпиодор, Малх, Петр Магистр, Менандр, Кандид Исавр, Ноннос и Феофан Византиец / Пер. Г.С. Дестуниса. СПб., 1860.
- Миллер 1887 — *Миллер В.Ф.* Осетинские этюды. Исследования. М., 1887. Ч. 3.
- Миллер 2005 — *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т. 2. М.: Вост. лит., 2005. С. 690.
- Минорский 1948 — *Minorsky V.F.* Tamim ibn Bahr's Journey to the Uyghurs // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. University of London, 1948. Vol. XII. Pt. 2.

- Миняев 1998 — *Миняев С.С.* Дырестуйский могильник. СПб.: Европейский Дом, 1998.
- Миняев, Сахаровская 2007 — *Миняев С.С., Сахаровская Л.М.* Элитный комплекс захоронений сунну в пади Царам // Российская археология. 2007. № 1. С. 194–201.
- Миргалиев 2014 — *Миргалиев И.М.* Сколько лет Золотоордынской цивилизации? // Вестник Казанского гос. ун-та культуры и искусств. 2014. № 1. С. 118.
- Михайлов 1980 — *Михайлов Т.И.* Из истории бурятского шаманизма (с древнейших времен по XVIII в.). Новосибирск: Наука, 1980.
- Михеев 1985 — *Михеев В.К.* Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков: Вища Школа, 1985.
- Мишин 2002 — *Мишин Д.Е.* Сакалиба (славяне) в исламском мире в раннее средневековье. М.: ИВ РАН; Крафт+, 2002.
- Мишин 2009 — *Мишин Д.Е.* Джайхани и его «Книга путей и государств» // Восток (Oriens). 2009. № 1.
- Мо 1986 — *Мо Цзююй.* Бэй Вэй цянъ ци чжэнчжи чжун дэ минцзувэньти хэ Цуй Хао чжи чжу (Этнические проблемы в политике Северного Вэй раннего периода и казнь Цуй Хао) // Вэй Цзинь Нань Бэй чао ши яньцзю (Исследования истории Вэй, Цзинь, Южных и Северных династий). Чэнду, 1986.
- Мовсес Каланкатвацци 1984 — *Мовсес Каланкатвацци.* История агван. Ереван, 1984.
- Мовсес Хоренаци 1990 — *Мовсес Хоренаци.* История Армении / Пер. с древнеарм. языка, введение и примеч. Г. Саркисяна. Ереван, 1990.
- Могаричев, Сазанов, Шапошников 2007 — *Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Шапошников А.К.* Житие Иоанна Готского в контексте истории Крыма «хазарского периода». Симферополь: АнтикВА, 2007.
- Модоров 1996 — *Модоров Н.С.* Россия и Горный Алтай: политические, социально-экономические и культурные отношения (XVII–XIX вв.). Горно-Алтайск: РИО «Универ-Принт» ГАГУ, 1996.
- Мозолевский 1979 — *Мозолевский Б.Н.* Товста могила. Киев: Наукова думка, 1979.
- Моисеев 1975 — *Моисеев В.А.* К вопросу об историческом статусе Джунгарского ханства // VI НК ОГК. Ч. 1. М., 1975. С. 175–178.
- Моисеев 1984 — *Моисеев В.А.* Русские архивные материалы о положении Джунгарского ханства в 1745–1749 гг. // XV НК ОГК. Ч. 2. М., 1984. С. 145–152.
- Монгол улсын туух 2003 — Монгол улсын туух (История Монголии) / Ред. А. Очир, Б. Энхтувшин. Улаанбаатар, 2003. 4 боть (на монг. яз.).
- Мори 1967 — *Мори М.* Кодай торуко миндзоку си кэнкю (Исследование по истории древних тюрков). Т. 1. Токио, 1967 (на яп. яз.).
- Мосс 1996 — *Мосс М.* Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии / Сост., пер. с фр., предисл., вступит. ст., коммен. А.Б. Гофмана. М.: Вост. лит., 1996.
- Мровели Леонти 1979 — *Мровели Леонти.* Жизнь картлийских царей. Извлечение сведений об абхазах, народах Северного Кавказа и Дагестана / Пер. с древнегруз., предисл. и коммен. Г. Цулая. М., 1979.
- ал-Мукаддаси 1877 — *Descriptio Imperii Moslemici auctore... Schamso'd-dîn Abû 'Abdollâh Mohammed ibn Ahmed ibn Abî Bekr al-Bannâ' al-Bashschârî al-Mokaddasî* / M.J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1877.
- ал-Мукаддаси 1994 — *Ал-Мукаддаси.* Ахсан ат-такасим фи ма'рифат ал-акалим («Лучшее разделение для познания климатов»). Ад-Дайлам и ар-Рихаб. Пер. с арабского под ред. В.М. Бейлиса, введение, комментариев, указатели, карты, таблица Н.И. Серикова // Восточное историческое источниковедение и специальные исторические дисциплины. Сб. ст. М., 1994. Вып. 2. Приложение.
- Мункуев 1965 — *Мункуев Н.Ц.* Китайский источник о первых монгольских ханах. Надгробная надпись на могиле Елюй Чу-цая. М.: Наука, 1965.
- Мункуев 1970 — *Мункуев Н.Ц.* Некоторые проблемы истории монголов XIII в. по новым материалам. Исследование южносунских источников: Автореф. докт. дис. М., 1970.

- Мурзаев 1948 — *Мурзаев Э.М.* Монгольская Народная Республика. Физико-географическое описание. М.: Географгиз, 1948.
- Мурзаев 1952 — *Мурзаев Э.М.* Монгольская Народная Республика. Физико-географическое описание. 2-е изд. М.: Географгиз, 1952.
- Мурзин 1984 — *Мурзин В.Ю.* Скифская архаика Северного Причерноморья. Киев: Наукова думка, 1984.
- Мурзин 1990 — *Мурзин В.Ю.* Происхождение скифов: Основные этапы формирования скифского этноса. Киев: Наукова думка, 1990.
- Мурзин 2014 — *Мурзин В.Ю.* Скифская проблема глазами автора. Киев: Видавець Олег Філюк, 2014.
- Мурзин, Павленко 1989 — *Мурзин В.Ю., Павленко Ю.В.* Формирование раннеклассового общества на территории Украины. Киев: Наукова думка, 1989.
- Мурзин, Ролле 1999 — *Мурзин В.Ю., Ролле Р.* Гибель Великой Скифии и царь Атей // Скифы Северного Причерноморья в VII–IV вв. до н.э. (проблемы палеоэкологии, антропологии и археологии) / Тезисы докладов Международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Б.Н. Гракова. М.: Ин-т археологии РАН, 1999. С. 101–102.
- Мухамадиев 2005 — *Мухамадиев А.Г.* Древние монеты Казани. Казань, 2005.
- Мэй 2004 — *Мэй Т.* Монголы и мировые религии в XIII веке // Монгольская империя и кочевой мир. Кн. 1. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2004.
- Мэн-да бэй-лу 1975 — Мэн-да бэй-лу (Полное описание монголо-татар) / Пер., коммент. Н.Ц. Мункуева. М.: Наука, ГРВЛ, 1975.
- Мэнэс 1993 — *Мэнэс Г.* О соотношении одного погребального обряда хунну и дунху в свете археологических и этнографических данных // Этническая история народов Южной Сибири и Центральной Азии / Отв. ред. Б.Р. Зориктуев. Новосибирск, 1993. С. 29–46.
- Мясников 1987 — *Мясников В.С.* Империя Цин и Русское государство в XVII в. Хабаровск: Книжное изд-во, 1987 (2-е изд., доп.).
- Нагель 1997 — *Нагель Т.* Тимур-завоеватель и исламский мир позднего средневековья. Ростов-на-Дону: Феникс, 1997.
- Наглер, Чипирова 1985 — *Наглер А.О., Чипирова Л.А.* К вопросу о развитии хозяйственных типов в древних обществах // Античность и варварский мир (сб. науч. трудов) / Отв. ред. А.В. Исаенко. Орджоникидзе: Северо-Осетинский гос. ун-т, 1985.
- Назаренко 2001 — *Назаренко А.В.* Древняя Русь на международных путях. М.: Языки русской культуры, 2001.
- Намжилова, Тулохонов 2000 — *Намжилова Л.Г., Тулохонов А.К.* Эволюция аграрного природопользования в Забайкалье. Новосибирск: НИЦ ОИГГМ СО РАН, 2000.
- Нанзатов 2008 — *Нанзатов Б.З.* Расселение и племенной состав кочевников Центральной Азии в предчингисовское и чингисовское время (по данным летописей Рашид ад-Дина) // Монгольская империя и кочевой мир. Т. 3. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2008. С. 377–443.
- Науменко 2004 — *Науменко В.Е.* К вопросу об образовании Хазарского каганата // Хазарский альманах. Т. 2. Харьков, 2004.
- Непомнин 2005 — *Непомнин О.Е.* История Китая: Эпоха Цин XVII — начало XX века. М.: Вост. лит., 2005.
- Нефёдкин 2003 — *Нефёдкин А.К.* Военное дело чукчей (середина XVII — начало XX в.). СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003.
- Нефедов 1999 — *Нефедов С.А.* О демографических циклах в средневековой истории Китая. Рукопись депонирована в ИНИОН РАН. 28.09.1999. № 54932 [Электронный ресурс] // Сайт «Всемирная история». Автор Сергей Нефедов. Ин-т истории и археологии УРО РАН // URL: <http://hist1.narod.ru/Science/China/China.html> (дата обращения 03.12.2017).
- Нефедов 2008 — *Нефедов С.А.* Факторный анализ исторического процесса. История Востока. М.: Территория будущего, 2008.
- Никоноров, Худяков 2004 — *Никоноров В.П., Худяков Ю.С.* «Свистящие стрелы» Маодуня и «Марсов меч» Аттилы. Военное дело азиатских хунну и европейских гуннов. СПб.: Петербургское Востоковедение; М.: Филомэнтис, 2004.

- Новосельцев 1990 — *Новосельцев А.П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М.: Наука, 1990.
- Новосельцев 2000 — *Новосельцев А.П.* К вопросу об одном из древнейших титулов русского князя // Древнейшие государства на территории Восточной Европы. 1998. М.: Вост. лит., 2000.
- НПЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.
- Обручев 1951 — *Обручев В.А.* Избранные работы по географии Азии. М.: Географгиз, 1951. Т. I–III.
- Овдиенко 1954 — *Овдиенко И.Х.* Внутренняя Монголия: Экономико-географический очерк. М.: Географгиз, 1954.
- Овчинникова 2013 — *Овчинникова Б.Б.* Памятники древнетюркской эпохи могильника Аймырлыг // Древние тюрки в Центральной Туве (по материалам работ Саяно-Тувинской экспедиции): коллективная монография. СПб.: ЭлекСис, 2013. С. 115–138.
- Овчинникова 2013а — *Овчинникова Б.Б.* Погребально-поминальный комплекс древних тюрок на могильнике Даг-Аразы // Древние тюрки в Центральной Туве (по материалам работ Саяно-Тувинской экспедиции): коллективная монография. СПб.: ЭлекСис, 2013. С. 138–172.
- Ольговский 1987 — *Ольговский С.Я.* Социально-экономическая роль Каменского городища // Скифы Северного Причерноморья. Киев: Наукова думка, 1987. С. 48–53.
- Ольховский 1997 — *Ольховский В.С.* Скифская триада // Памятники предскифского и скифского времени на юге Восточной Европы / Отв. ред. Р.М. Мунчаев, В.С. Ольховский. М.: Ин-т археологии РАН, 1997 (Материалы и исследования по археологии России. № 1). С. 85–96.
- Орехова 2003 — *Орехова Н.А.* Социально-политический статус скифского общества Северного Причерноморья в контексте полигенеза кочевых социумов Евразии. Дис. ... к.и.н. Волгоград, 2003.
- Палладий 1867 — *Палладий.* Путевые записки китайца Чжан Дэ Хой во время путешествия его в Монголию в первой половине XIII столетия // Записки Сибирского отдела Императорского Русского ГИ. Кн. 9–10. Иркутск, 1867. С. 582–591.
- Пан 2006 — *Пан Т.А.* Маньчжурские письменные памятники по истории и культуре империи Цин XVII–XVIII вв. / Отв. ред. Е.И. Кычанов. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006 (Orientalia).
- Певцов 1951 — *Певцов М.В.* Путешествия по Китаю и Монголии. М.: Географгиз, 1951.
- Першиц 1961 — *Першиц А.И.* Хозяйство и общественно-политический строй Северной Аравии в XIX — первой трети XX в. М.: Изд-во АН СССР, 1961.
- Першиц 1994 — *Першиц А.И.* Война и мир на пороге цивилизации. Кочевые скотоводы // Война и мир в ранней истории человечества. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1994.
- Петров 2006 — *Петров М.А.* Концепция раннеклассового общества и современное состояние вопроса о переходном этапе от первобытности к цивилизации // *Cogito* 1. Ростов-на-Дону, 2006. С. 53–70.
- Петров 2016 — *Петров М.А.* Проблемы социально-политической организации скифского общества в VI–IV вв. до н.э. Ростов-на-Дону: Изд-во Южного федерального ун-та, 2016.
- Петрухин 2001 — *Петрухин В.Я.* К вопросу о сакральном статусе хазарского кагана: традиция и реальность // Славяне и их соседи: Славяне и кочевой мир. М., 2001. Вып. 10.
- Петрухин 2005 — *Петрухин В.Я.* Хазарская дань и славяне: к истории тюрко-славянских отношений в Восточной Европе IX в. // Тюркологический сборник. 2003–2004: Тюркские народы в древности и средневековье. М., 2005.
- Петрухин 2011 — *Петрухин В.Я.* Мог ли хазарский хакан быть иудеем? // Научные труды по иудаике. Материалы XVIII Международной ежегодной конференции по иудаике. Т. II. М.: Центр научных работников и преподавателей иудаики в вузах «Сэфер», 2011 (Академическая серия. Вып. 35).
- Петрушевский 1960 — *Петрушевский И.П.* Землевладение и аграрные отношения в Иране XIII–XIV веков М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960.
- Пигулевская 2000 — *Пигулевская Н.В.* Сирийская средневековая историография. Исследования и переводы. СПб.: ИВР РАН, 2000.

- Пиков 1980 — *Пиков Г.Г.* Буддизм в государстве киданей // Известия СО АН СССР. № 1. Сер. обществ. наук. 1980. Вып. 1.
- Пиков 1986 — *Пиков Г.Г.* Рабство в империи киданей // Социальные группы традиционных обществ Востока. Ч. 1. М., 1986.
- Пиков 1989 — *Пиков Г.Г.* Западные кидани. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1989.
- Пиков 2009 — *Пиков Г.Г.* О «кочевой цивилизации» и «кочевой империи». Статья первая: «кочевая цивилизация» // Вестник НГУ. Сер. «История, филология». Новосибирск, 2009. Т. 8. № 1. С. 4–10.
- Пиков 2010 — *Пиков Г.Г.* О «кочевой цивилизации» и «кочевой империи». Статья вторая: «кочевая империя» // Вестник НГУ. Сер. «История, филология». Новосибирск, 2010. Т. 9. № 1. С. 19–32.
- Плано Карпини 1997 — *Плано Карпини.* История монгалов, именуемых нами татарами. М., 1997.
- Плетнева 1967 — *Плетнева С.М.* От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. М.: Наука, 1967.
- Плетнева 1982 — *Плетнева С.А.* Кочевники средневековья: поиск исторических закономерностей. М.: Наука, 1982.
- Плетнева 1986 — *Плетнева С.А.* Хазары. М.: Наука, 1986 (2-е изд., доп.).
- Плетнева 1999 — *Плетнева С.А.* Очерки хазарской археологии. Москва: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 1999 (Современные исследования, № 164).
- Погребова, Раевский 1992 — *Погребова М.Н., Раевский Д.С.* Ранние скифы и Древний Восток. К истории становления скифской культуры. М.: Наука, ГРВЛ, 1992.
- Подосинов 1988 — *Подосинов А.В.* Дакия и Сарматия на карте мира Марка Випсания Агриппы // Международный семинар «Античная балканистика 6». Этногенез народов Юго-Восточной Европы. Этнолингвистические и культурно-исторические взаимодействия Балкан и Циркумпонтийской зоны. М., 1988.
- Покотилов 1886 — *Покотилов Д.Д.* История восточных монголов во время династии Мин. СПб., 1886.
- Полин 1992 — *Полин С.В.* От Скифии к Сарматии. Киев: [б.и.], 1992.
- Полосьмак и др. 2011 — *Полосьмак Н.В., Богданов Е.С., Цвэндорж Д.* Двадцатый ноин-улинский курган. Новосибирск: ИНФОЛИО, 2011.
- Полудье 2009 — Полудье: всемирно-историческое явление / Под общ. ред. Ю.М. Кобищанова. М.: РОССПЭН, 2009.
- Пономарев 2002 — *Пономарев А.Л.* Деньги Золотой Орды и Трапезундской империи. М., 2002.
- Попов 1986 — *Попов А.В.* Теория «кочевого феодализма» академика Б.Я. Владимирцова и современная дискуссия об общественном строе кочевников // Mongolica. Памяти академика Б.Я. Владимирцова 1884–1931 / Отв. ред. А.Н. Кононов. М., 1986. С. 183–189.
- Почекаев 2004 — *Почекаев Р.Ю.* Эволюция төре в системе монгольского средневекового права // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ, 2004. С. 530–543.
- Почекаев 2006 — *Почекаев Р.Ю.* Батый. Хан, который не был ханом. М.; СПб., 2006.
- Почекаев 2009 — *Почекаев Р.Ю.* Право Золотой Орды. Казань, 2009.
- Почекаев 2010 — *Почекаев Р.Ю.* Мамай. История «антигероя» в истории. СПб., 2010.
- Почекаев 2012 — *Почекаев Р.Ю.* Цари ордынские. Биографии ханов и правителей Золотой Орды. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2010.
- Почекаев 2015 — *Почекаев Р.Ю.* Правовая культура Золотой Орды (историко-правовые очерки). М., 2015.
- Пржевальский 1875 — *Пржевальский Н.М.* Монголия и страна тангутов. Т. I. СПб., 1875.
- Приск 1948 — *Приск Панийский.* Готская история // ВДИ. 1948. № 4.
- Проблемы 1994 — Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Тезисы докладов Международной конференции, посвященной 95-летию со дня рождения проф. Б.Н. Гракова. Запорожье: Запорожский гос. ун-т, 1994.
- ПСРЛ 1 — Полное собрание русских летописей. Т. I. Лаврентьевская летопись. М., 1962.

- ПСРЛ 1863 — Полное собрание русских летописей. Т. XV. Летописный сборник, именуемый Тверской летописью. СПб., 1863.
- ПСРЛ 1949 — Полное собрание русских летописей. Т. 25. Московский летописный свод конца XV в. М.; Л., 1949.
- Пьянков 1975 — *Пьянков И.В.* Общественный строй ранних кочевников Средней Азии по данным античных авторов. Ранние кочевники Средней Азии и Казахстана / Отв. ред. В.М. Мас-сон. Л., 1975. С. 84–91.
- Пьянков 2005 — *Пьянков И.В.* Аристей: путешествие к исседонам // Исседон: альманах по древней истории и культуре. Т. 3 / Отв. ред. А.В. Зайков, В.Т. Звиревич. Екатеринбург: Уральский гос. ун-т, 2005. С. 15–35.
- Пэн Да-я, Сюй Тин 1960 — *Пэн Да-я, Сюй Тин.* «Краткие сведения о черных татарах» Пэн Да-я и Сюй Тина / Пер. Линь Кюн-и и Н.Ц. Мункуева // ПВ. 1960. № 5. С. 133–158.
- Пэрлээ 1978 — *Пэрлээ Х.* Некоторые вопросы истории кочевой цивилизации древних монголов: Автореф. докт. дис. Улан-Батор, 1978.
- Радлов 1989 — *Радлов В.В.* Из Сибири: страницы дневника. М.: Наука, ГРВЛ, 1989.
- Радлов, Мелиоранский 1897 — *Радлов В.В., Мелиоранский П.М.* Древне-Тюркские памятники в Кошо-Цайдамъ // Сборник трудов орхонской экспедиции. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1897. Вып. IV. С. 1–35.
- Раевский 1977 — *Раевский Д.С.* Очерки идеологии скифо-сакских племен: Опыт реконструкции скифской мифологии. М.: Наука, ГРВЛ, 1977.
- Раевский 1995 — *Раевский Д.С.* Ранние скифы: среда обитания и хозяйственно-культурный тип // ВДИ. 1995. № 4. С. 87–96.
- Раевский 2006 — *Раевский Д.С.* Мир скифской культуры. М.: Языки славянских культур, 2006.
- Рашид-ад-дин 1946 — *Рашид-ад-дин.* Сборник летописей. Т. III / Пер. А.К. Арендса. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946.
- Рашид-ад-дин 1952а, б — *Рашид-ад-дин.* Сборник летописей. Т. I. Кн. 1 / Пер. с персидского Л.А. Хетагурова; ред. и примеч. А.А. Семенова. Кн. 2 / Пер. с перс. О.И. Смирновой; ред. А.А. Семенова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952.
- Рашид-ад-дин 1960 — *Рашид-ад-дин.* Сборник летописей. Т. II / Пер. с персидского Ю.П. Верховского; ред. И.П. Петрушевского. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960.
- Рашковский 2011 — *Рашковский Б.* Вновь о поиске следов хазарского иудаизма в письменных источниках // Научные труды по иудаике. Материалы XVIII Международной ежегодной конференции по иудаике. Т. II. М.: Центр научных работников и преподавателей иудаики в вузах «Сэфер», 2011 (Академическая серия. Вып. 35).
- Рейснер 1954 — *Рейснер И.М.* Развитие феодализма и образование государства у афганцев. М.: Изд-во АН СССР, 1954.
- Рерих 2004 — *Рерих Ю.Н.* История Средней Азии. Т. I. М.: Международный Центр Рерихов, 2004.
- Рогачевский 2002 — *Рогачевский А.Л.* Кульмская грамота — памятник права Пруссии XIII в. СПб., 2002.
- Роджерс 2008 — *Роджерс Д.* Причины формирования государств в восточной внутренней Азии // Монгольская империя и кочевой мир. Кн. 3. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2008.
- Ромашов 2005 — *Ромашов С.А.* От тюрок к хазарам: Северный Кавказ в VI–VII вв. // Тюркологический сборник. 2003–2004. Тюркские народы в древности и средневековье. М.: Вост. лит., 2005.
- Ростовцев 1925 — *Ростовцев М.И.* Скифия и Боспор. Л., 1925.
- Рубрук 1957 — *Рубрук Г.* Путешествие в восточные страны // Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М.: Гос. изд-во геогр. лит-ры, 1957.
- Рудаков 1999 — *Рудаков В.Г.* Вопрос о существовании двух Сараев и проблема локализации Гюлистана // Ученые записки («Гыйльми язмалар») Татарского государственного гуманитарного университета. Вып. 7. Казань, 1999. С. 92–120.
- Рудаков 2000 — *Рудаков В.Г.* К вопросу о двух столицах в Золотой Орде и местоположении города Гюлистана // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археоло-

- гии Волго-Камья. Материалы научной конференции. М., 2000. С. 305–323 (Труды Государственного Исторического музея. Вып. 122).
- Рудая и др. 2008 — *Рудая Н.А., Тарасов П.Е., Дорофеюк Н.И., Калугин И.А., Андреев А.А., Дикман Б., Дарьин А.В.* Динамика природной среды Монгольского Алтая в голоцене // Археология, этнография и антропология Евразии. 2008. № 4 (36). С. 2–14.
- Руденко 1953 — *Руденко С.И.* Культара населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л.: АН СССР, 1953.
- Рудов 1963 — *Рудов Л.Н.* Проблемы киданьской письменности // СЭ. 1963, № 3. С. 89–98.
- Рыгдыллон 1957 — *Рыгдыллон Э.* Китайские знаки и надписи на археологических предметах с Селенги // Зап. Бур.-Монг. НИИ культуры. Улан-Удэ, 1957. Вып. XXIII.
- Савинов 1979 — *Савинов Д.Г.* Об этническом аспекте образования раннеклассовых государств Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху раннего средневековья // Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. Омск: Изд-во ОмГУ, 1979. С. 41–45.
- Савинов 1988 — *Савинов Д.Г.* Система социально-этнического подчинения как фактор развития раннесредневековых обществ Центральной Азии и Южной Сибири // Историография и источники изучения исторического опыта освоения Сибири. Тезисы доклада Всесоюзной научной конференции. Новосибирск: ИИФиФ СО АН СССР, 1988. Вып. 1. С. 83–84.
- Савинов 2005 — *Савинов Д.Г.* Система социально-этнического подчинения в истории кочевников Центральной Азии и Южной Сибири // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005. Кн. 2. С. 31–43.
- Салинз 1999 — *Салинз М.* Экономика каменного века / Пер. с англ. О.Ю. Артемовой, Ю.А. Огородновой, Л.И. Огородного; науч. ред. и примеч. О.Ю. Артемовой; предисл. А.В. Коротаева. М.: Объединенное гуманитарное изд-во (ОГИ), 1999.
- Санчиоров 1990 — *Санчиоров В.П.* «Илэтхэл шастир» как источник по истории ойратов. М.: Наука, ГРВЛ, 1990.
- Сафаргалиев 1996 — *Сафаргалиев М.Г.* Распад Золотой Орды // На стыке континентов и цивилизаций: Из опыта образования и распада империй X–XVI вв. М., 1996. С. 277–526.
- Семенов 2009 — *Семенов И.Г.* Происхождение и значение титула «хазар-эльтебер» // Вопросы истории. 2009. № 9.
- Семенов 2010 — *Семенов И.Г.* О происхождении династии хазарских каганов и времени образования Хазарского каганата // Восток (Oriens). Афро-азиатские общества: история и современность. 2010. № 5.
- Семёнов 1993 — *Семёнов Ю.И.* Переход от первобытного общества к классовому: пути и варианты развития. Ч. I // ЭО. 1993. № 1. С. 52–70.
- Семёнов 1996 — *Семёнов Ю.И.* Общество, страны, народы // ЭО. 1996. № 2. С. 3–18.
- Серегин, Тишин, 2017 — *Серегин Н.Н., Тишин В.В.* Социальная история тюрков Центральной Азии (вторая половина I тыс. н. э.). Ч. I. Очерки социальной структуры (по письменным и археологическим источникам). Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2017.
- Си Ю Цзи 1995 — *Си Ю Цзи*, или Описание путешествия на Запад даосского монаха Чан Чуна // Пер. с кит. П. Кафарова // Арабески истории. Альманах. М.: ДИ ДИК Танаис, 1995. Вып. 2.
- Симада Масао 1952 — *Симада Масао.* Рёдай сянай си кэнкю (Исследование социальной истории Ляо). Киото, 1952 (на яп. яз.).
- Симаков 2001 — *Симаков Г.Н.* Процесс оседания и культура кочевников Средней Азии и Казахстана в XVIII–XIX вв. (к постановке вопроса) // Евразия: этнос, ландшафт, культура. СПб.: Европейский Дом, 2001. С. 326–361.
- Симоненко 1992 — *Симоненко А.В.* Фарзой и Инисмей — аорсы или аланы? // ВДИ. 1992. № 3.
- Симоненко 1993 — *Симоненко А.В.* Сарматы Таврии. Киев: Наукова думка, 1993.
- Симоненко 1999 — *Симоненко О.В.* Сармати Північного Причорномор'я. Хронологія, періодизація та етно-політична історія. Автореф. докт. дис. Київ, 1999.
- Симоненко 2010 — *Симоненко А.В.* Сарматские всадники Северного Причерноморья. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ; Нестор-История, 2010.

- Симоненко, Лобай 1991 — *Симоненко А.В., Лобай Б.И.* Сарматы Северо-Западного Причерноморья в I в. н.э. Киев: Наукова думка, 1991.
- Симуков 1933 — *Симуков А.Д.* Хотоны // Современная Монголия. 1933. № 3. С. 19–32.
- Синицын 1959 — *Синицын В.М.* Центральная Азия. М.: Гос. изд-во геогр. лит-ры, 1959.
- Скаков, Эрлих 2005 — *Скаков А.Ю., Эрлих В.* Еще раз о хронологии «кimmerийских» и раннескифских древностей // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья. Памяти Валерия Сергеевича Ольховского. Сб. статей / Гл. ред. В.И. Гуляев. М., 2005: Ин-т археологии РАН. С. 201–227.
- Скифы 1987 — Скифы Северного Причерноморья. Киев: Наукова думка, 1987.
- Скржинская 1989 — *Скржинская М.В.* О степени достоверности числовых данных в Скифском рассказе Геродота // ВДИ. 1989. № 4. С. 79–91.
- Скржинская 1998 — *Скржинская М.В.* Скифия глазами эллинов. СПб.: Алетейя, 1998.
- Скрипкин 1990 — *Скрипкин А.С.* Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов: Изд-во СГУ, 1990.
- Скрипкин 1995 — *Скрипкин А.С.* О географическом положении Азиатской Сарматии и ее населении // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Материалы конференции. Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 1995. Ч. V. Кн. 2.
- Скрипкин 1996 — *Скрипкин А.С.* К вопросу этнической истории сарматов первых веков нашей эры // ВДИ. 1996. № 1.
- Скрипкин 2000а — *Скрипкин А.С.* Новые аспекты в изучении истории материальной культуры сарматов // НАВ. Волгоград, 2000. Вып. 3.
- Скрипкин 2000б — *Скрипкин А.С.* К дискуссии о взаимоотношениях сарматов и скифов // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1998 г. Азов: Изд-во Азовского музея-заповедника, 2000. Вып. 16.
- Скрипкин 2009а — *Скрипкин А.С.* Проблемы этнической истории Нижнего Дона в IV в. до н.э. и некоторые вопросы ранней истории сарматов // НАВ. Волгоград, 2009. Вып. 10.
- Скрипкин 2009б — *Скрипкин А.С.* Об определении территории ранней Сарматии // Пятая Кубанская археологическая конференция. Материалы конференции. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2009.
- Скрипкин 2009в — *Скрипкин А.С.* Савроматы Геродота // Гунны, готы и сарматы между Волгой и Дунаем. Сб. науч. статей. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009.
- Скрынникова 1988 — *Скрынникова Т.Д.* Ламаистская церковь и государство. Внешняя Монголия XVI — начало XX века. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1988.
- Скрынникова 1997 — *Скрынникова Т.Д.* Харизма и власть в эпоху Чингис-хана. М.: Вост. лит., 1997.
- Скрынникова 2000 — *Скрынникова Т.Д.* Монгольское кочевое общество периода империи // Альтернативные пути к цивилизации / Отв. ред. Н.Н. Крадин, А.В. Коротаев, Д.М. Бондаренко, В.А. Лынша. М.: Логос, 2000. С. 344–355.
- Скрынникова 2002 — *Скрынникова Т.Д.* Сакральное право средневековых монголов // Россия и Монголия в свете диалога евразийских цивилизаций. Материалы международной научной конференции. Звенигород, 2–5 июня 2001 г. М., 2002. С. 143–146.
- Скрынникова 2002 — *Скрынникова Т.Д.* Структура власти монгольских кочевников эпохи Чингис-хана // Кочевая альтернатива социальной эволюции / Отв. ред. Н.Н. Крадин, Д.М. Бондаренко. М.: Ин-т Африки РАН, 2002. С. 204–219.
- Скрынникова 2013 — *Скрынникова Т.Д.* Харизма и власть в эпоху Чингис-хана. СПб., 2013 (2-е изд., переработанное, доп. и испр.).
- СМИЗО 2005 — История Казахстана в арабских источниках. Т. I: Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечения из сочинений арабских / Подгот. нов. изд., введ., доп. и коммент. Б.Е. Кумекова, А.К. Муминова. Алматы, 2005.
- СМИЗО 2006 — История Казахстана в персидских источниках. Т. IV: Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузеном и обработанные А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным / Подг. нов. изд., введ., пер., коммент. М.Х. Абусеитовой, Ж.М. Тулибаевой. Алматы, 2006.

- Смирнов 1934 — *Смирнов А.П.* Рабовладельческий строй у скифов-кочевников. М.: Изд-во Государственный исторический музей (ГИМ), 1934.
- Смирнов 1966 — *Смирнов А.П.* Скифы. М.: Наука, 1966.
- Смирнов 1984 — *Смирнов К.Ф.* Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М.: Наука, 1984.
- Снесарев 1963 — *Снесарев Г.П.* Традиция мужских союзов в ее позднейшем варианте у народов Средней Азии // *Материалы Хорезмской экспедиции. 7: Полевые исследования Хорезмской экспедиции в 1958–1961 гг.* М.: АН СССР, 1963. С. 155–205.
- Содномпилова, Нанзатов 2013 — *Содномпилова М.М., Нанзатов Б.З.* «Табан хошуу мал»: верблюды в традиционных представлениях монгольских народов // *Вестник БНЦ СО РАН.* 2013. № 4. С. 34–44.
- Сорочан 2005 — *Сорочан С.Б.* Византийский Херсонес. Очерки истории и культуры. Харьков, 2005. Ч.1.
- Сорочан 2007 — *Сорочан С.Б.* Еще раз о тудуне Херсона и статусе Боспора и Фанагории в начале VIII в. // *Хазарский альманах.* Т. 6. Киев; Харьков, 2007.
- Старинное китайское сказание 1877 — Старинное китайское сказание о Чингисхане. 1877 / Пер. с кит. архимандрита Палладия // *Восточный сборник.* Т. 1. СПб., 1877. С. 147–202.
- Степанов 2005 — *Степанов Ц.* Развитие концепции сакрального царя у хазар и болгар эпохи раннего средневековья // *Хазары. Евреи и славяне.* Т. 16 / Ред. кол.: В. Петрухин, В. Москвич, А. Федорчук, А. Кулик, Д. Шапира. Москва: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2005. С. 317–325.
- Степи 1989 — *Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время.* М.: Наука, 1989.
- Стурлусон 1980 — *Стурлусон С.* Круг Земной. М.: Наука, 1980.
- СТШ — Синь Тан шу (Новая история [династии] Тан) / Сост. Оуян Сю. Шанхай, 1936 (на кит. яз.).
- Су 1964 — *Су Циньпинь.* Юань Вэй бэй Ци Бэй Чжоу чжэнчжи ся хань жэнь шили туй и (Сдвиги в положении ханьцев под властью Юань, Вэй, Северного Ци и Северного Чжоу) // *Синья сюэюбао* (жур. «Новая Азия»). Т. 6. № 2. 1964. С. 63–161.
- Султанов 1975 — *Султанов Т.И.* Письмо золотоордынского хана Улуг-Мухаммада турецкому султану Мураду II // *Тюркологический сборник 1973.* М., 1975. С. 53–61.
- Султанов 2006 — *Султанов Т.И.* Чингиз-хан и Чингизиды. Судьба и власть. М., 2006.
- Сун шу 1974 — *Шэнь Юэ.* Сун шу (История южной династии Сун). Пекин, 1974.
- Суриков 2007 — *Суриков И.Е.* «Несовременный» Геродот (Эпический прозаик между логографами и Фукидидом) // *ВДИ.* 2007. № 1. С. 143–151.
- Суриков 2009 — *Суриков И.Е.* Геродот. М.: Молодая гвардия, 2009.
- Сухбаатар 1975 — *Сухбаатар Г.* К вопросу об этнической связи между хунну и сяньби // *Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века.* Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1975 (История и культура востока Азии).
- Сухбаатар 1978 — *Сухбаатар Г.* К вопросу о распространении буддизма среди ранних кочевников Монголии // *Археология и этнография Монголии.* Новосибирск: Наука, 1978.
- Сухбаатар 2001 — *Сухбаатар Г.* Сяньби нарын угсаа гарвал, соёл, аж ахуй, нийгмийн байгуулад. Улаанбаатар, 2001.
- Сыма Цянь 2002 — *Сыма Цянь.* Исторические записки (Ши цзи). Т. VIII / Пер. с кит. Р.В. Вяткина и А.М. Карапетянца. М.: Вост. лит., 2002.
- Сыма Цянь 2010 — *Сыма Цянь.* Исторические записки (Ши цзи). Т. IX / Пер. с кит. под ред. А.Р. Вяткина. М.: Вост. лит., 2010.
- Сэр-Оджав 1971 — *Сэр-Оджав Н.* Древняя история Монголии (XIV в. до н.э. — XII в. н.э.): Автореф. докт. дис. Новосибирск, 1971.
- Сюкияйнен 1986 — *Сюкияйнен Л.Р.* Мусульманское право. М., 1986.
- ат-Табари 1879, 1881, 1892, 1901 — *Annales quos scripsit Abu Djafar Mohammed ibn Djarir at-Tabari cum aliis edidit M.J. de Goeje.* Lugduni Batavorum, 1879 (Ser. 1); 1879–1889 (Ser. 2); 1889–1990 (Ser. 3).
- Таиров 2003 — *Таиров А.Д.* Изменения климата степей и лесостепей Центральной Евразии во II–I тыс. до н.э.: материалы к историческим реконструкциям. Челябинск: Рифей, 2003.

- Таиров, Гуцалов 2006 — *Таиров А.Д., Гуцалов С.Ю.* Этнокультурные процессы на Южном Урале в VII–II вв. до н.э. // Археология Южного Урала. Степь (проблемы культурогенеза). Челябинск: ООО ЦИКР «Рифей», 2006 (Этногенез уральских народов).
- Тан 1955 — *Тан Чанжу.* Тоба цзу ды ханьхуа гочэн (Процесс синизации тобйцев) // Вэй Цзинь Нань Бэй чао ши луныцун (Сб. статей по истории Вэй, Цзинь, Южный и Северных династий). Пекин, 1955 (на кит. яз.).
- Таскин 1980 — *Таскин В.С.* Материалы по истории ухуаней и сяньби // Дальний Восток и соседние территории в средние века / Отв. ред. Е.И. Деревянко. Новосибирск: Наука, 1980 (История и культура востока Азии).
- Таскин, 1984 — *Таскин В.С.* Введение. Значение китайских источников в изучении древней истории монголов // Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху. М.: Наука, ГРВЛ, 1984.
- Таскин 1986 — *Таскин В.С.* О титулах шаньюй и каган // *Mongolica: Памяти академика Б.Я. Владимирцова (1884–1931).* М.: Наука, ГРВЛ, 1986.
- Таскин 1990 — *Таскин В.С.* Введение // Материалы по истории кочевых народов в Китае III–V вв. Вып. 2. Цзе / Пер. В.С. Таскина. М.: Наука, ГРВЛ, 1990.
- Тельнов и др. 2012 — *Тельнов Н.П., Четвериков И.А., Синика В.С.* Скифский могильник III–II вв. до н.э. у с. Глиное на левобережье Нижнего Днестра (предварительные итоги исследования) // Древности Северного Причерноморья III–II вв. до н.э. / Отв. ред. Н.П. Тельнов. Тирасполь: Приднестр. гос. ун-т им. Т.Г. Шевченко, 2012. С. 5–15.
- Тельнов и др. 2016 — *Тельнов Н.П., Четвериков И.А., Синика В.С.* Скифский могильник III–II вв. до н.э. у с. Глиное. Тирасполь: Stratum plus, 2016.
- Темирханов 1984 — *Темирханов Л.* Восточные пуштуны в Новое время (этносоциальная характеристика) М.: Наука, 1984.
- Тереножкин 1966 — *Тереножкин А.И.* Об общественном строе скифов // СА. 1966. № 2. С. 33–49.
- Тереножкин, Мозолевский 1988 — *Тереножкин А.И., Мозолевский Б.Н.* Мелитопольский курган. Киев: Наукова думка, 1988.
- Тетерин 1999 — *Тетерин Ю.В.* Погребение знатного тюрка на Среднем Енисее // Памятники культуры древних тюрков Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: НГУ, 1999. С. 113–128.
- Тиваненко 1994 — *Тиваненко А.В.* Древние святилища Восточной Сибири в эпоху раннего средневековья. Новосибирск: Наука, 1994.
- Тизенгаузен 1941 — *Тизенгаузен В.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. М.; Л., 1941.
- Тишин 2012 — *Тишин В.В.* Порядок престолонаследия у древних тюрков VI–VIII вв. (по китайским источникам) // XLII НК ОГК. Т. XLII. Ч. 2. М.: ИВ РАН, 2012 (Ученые записки отдела Китая. Вып. 7). С. 226–232.
- Тишин 2014 — *Тишин В.В.* К вопросу о двоевластии в Тюркском каганате // Восток (Oriens). 2014. № 2. С. 23–33.
- Тишин 2015 — *Тишин В.В.* Историография социальной истории Тюркского каганата VI–VIII вв. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2015.
- Ткачев 2009 — *Ткачев В.Н.* История монгольской архитектуры. М.: Московский гос. строительный ун-т (МГСУ), Изд-во Ассоц. строит. вузов, 2009.
- Токарев 1958 — *Токарев С.А.* Происхождение общественных классов на островах Тонга // СЭ. 1958. № 1. С. 120–152.
- Толстов 1934 — *Толстов С.П.* Генезис феодализма в кочевых скотоводческих обществах // Известия ГАИМК. 1934. Вып. 103. С. 165–199.
- Толыбеков 1971 — *Толыбеков С.Е.* Кочевое общество казахов в XVII — начале XX века (Политико-экономический анализ). Алма-Ата: Изд-во «Наука» Казахской ССР, 1971.
- Топоров 1980 — *Топоров В.Н.* Варуна // Мифы народов мира. М., 1980.
- Тортика 2006 — *Тортика А.А.* Северо-Западная Хазария в контексте истории Восточной Европы (вторая половина VII — третья четверть X в.). Харьков: Харьковская гос. академия культуры (ХГАК), 2006.

- Тортика и др. 1994 — *Тортика А.А., Михеев В.К., Куртиев Р.И.* Некоторые эколого-демографические и социальные аспекты истории кочевых обществ // ЭО. 1994. № 1.
- Тортика, Михеев 2001 — *Тортика А.А., Михеев В.К.* Методика эколого-демографического исследования традиционных кочевых обществ Евразии // Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 15. Средневековые древности евразийских степей. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2001.
- Тохтасьев 2008 — *Тохтасьев С.* [Рец. на:] *Иванчик А.И.* Накануне колонизации. Северное Причерноморье и степные кочевники VIII–VII вв. до н.э. в античной литературной традиции: фольклор, литература и история. Москва; Берлин: Палеограф, 2005 (*Pontus septentrionalis III*) // ВДИ. 2008. № 1. С. 193–204.
- Тревер 1947 — *Тревер К.В.* Древнеиранский термин «рагна» (к вопросу о социально-возрастных группах) // Известия АН СССР. Серия истории и философии. 1947. № 1. С. 73–84.
- Трепавлов 1989 — *Трепавлов В.В.* Алтайский героический эпос как источник по истории ранней государственности // Фольклорное наследие Горного Алтая. Горно-Алтайск: Горно-Алт. НИИ ист., яз. и лит., 1989. С. 125–171.
- Трепавлов 1993 — *Трепавлов В.В.* Государственный строй Монгольской империи XIII в. Проблема исторической преемственности. М.: Вост. лит., 1993.
- Трепавлов 1994 — *Трепавлов В.В.* Россия и кочевые степи: к проблеме восточных заимствований в российской государственности // Восток (Oriens). 1994. № 2. С. 49–62.
- Трепавлов 2001 — *Трепавлов В.В.* История Ногайской Орды. М., 2001.
- Трепавлов 2004 — *Трепавлов В.В.* Тюркские народы Поволжья и Приуралья: от Золотой Орды к Московскому царству (проблема адаптации) // Die Geschichte Russlands im 16. und 17. Jahrhundert aus der Perspektive seiner Regionen / Hrsg. von Andreas Kappeler. Wiesbaden, 2004. S. 279–292.
- Трепавлов 2008 — *Трепавлов В. В.* Царские ярлыки. Наследие монгольской государственности в Московской Руси // Вклад кочевников в развитие мировой цивилизации. Сборник материалов Международной научной конференции. Алматы, 21–23 ноября 2007 г. Алматы, 2008. С. 104–113.
- Туаллагов 1997 — *Туаллагов А.А.* К вопросу о происхождении ранних алан // STRATUM+Петербургский археологический вестник. Сб. статей к 60-летию Д.А. Мачинского и М.Б. Щукина / Под общ. ред. М.Ю. Вахтиной и Ю.А. Виноградова. СПб.; Кишинев, 1997. С. 147–153.
- Туаллагов 1999 — *Туаллагов А.А.* Сирматы // НАВ. Волгоград, 1999. Вып. 2.
- Турчин 2007 — *Турчин П.В.* Историческая динамика. На пути к теоретической истории. М., 2007.
- ТХЯ — Тан хуэй яо (Свод важнейших событий [династии] Тан) / Сост. Ван Пу. Пекин, 1955 (на кит. яз.).
- Тюрюмина 2007 — История великой железной империи (Дайляо гуруни судури) / Пер. Л.В. Тюрюминой // История железной империи. Новосибирск, 2007. С. 41–137.
- Тянь 2003 — *Тянь Юйцин.* Тоба ши тань (Изыскания по истории тоба) [拓跋史探. 田余庆著]. Пекин, 2003 (на кит. яз.).
- У Хань 1980 — *У Хань.* Жизнеописание Чжу Юаньчжана. М.: Прогресс, 1980.
- Уваров, Рябинин 2017 — *Уваров П.Ю., Рябинин А.Л.* Китай в средневековом мире. СПб.: Наука, 2017.
- Уманский 2001 — *Уманский А.П.* Борьба телеутов против ига джунгарских феодалов в 50-х гг. XVII века // Россия и международные отношения в Центральной Азии: (региональный аспект). Барнаул, 2001. С. 5–18.
- Ускенбай 2002 — *Ускенбай К.З.* Восточный Дашт-и Кыпчак в составе Улуса Джучи в XIII — первой трети XV века. Аспекты политической истории Ак-Орды. Канд. дис. Алматы, 2002.
- Ускенбай 2008 — *Ускенбай К.З.* Держава Урус-хана. Военно-политические аспекты усиления Ак-Орды в 1360–1370-е годы // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2008. № 2. С. 103–144.
- Успенская 2010 — *Успенская Е.Н.* Антропология индийской касты. СПб.: Наука, 2010.
- Утемиш-хаджи 2017 — *Утемиш-хаджи.* Кара таварих / Пер. И.М. Миргалеева, Э.Г. Сайфетдиновой; ред. И.М. Миргалеева. Казань, 2017.
- Ушакин 2012 — *Ушакин С.* О людях пути: номадизм сегодня // Ab Imperio. 2012. No 2. С. 53–81.

- Фарзалиев 2008 — *Фарзалиев С.* Распространение иудаизма на Кавказе: исторический очерк // Кавказ и глобализация. 2008. Т. 2. Вып. 4. С. 168–178.
- Федоров-Давыдов 1973 — *Федоров-Давыдов Г.А.* Общественный строй Золотой Орды. М., 1973.
- Федоров-Давыдов 2003 — *Федоров-Давыдов Г.А.* Денежное дело Золотой Орды. М., 2003.
- Фиалко 2005 — *Фиалко Е.Е.* Скифские амазонки по письменным и археологическим источникам // Боспорский феномен / Отв. ред. В.Ю. Зуев. СПб., 2005. С. 242–247.
- Фиалко 2010 — *Фиалко Е.Е.* Погребения амазонок из могильника Мамай-Гора // *Stratum plus*. 2010. № 3. С. 187–196.
- Флёров 1996 — *Флёров В.С.* Раннесредневековые юртообразные жилища Восточной Европы. М., 1996.
- Флёров 2011 — *Флёров В.С.* «Города» и «замки» Хазарского каганата. Археологическая реальность. Москва: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2011.
- Флёров, Флёрова 2005 — *Флёров В.С., Флёрова В.Е.* Иудаизм в степной и лесостепной Хазарии: проблема идентификации археологических источников // Хазары. Евреи и славяне. Т. 16 / Редкол.: В. Петрухин, В. Москович, А. Федорчук, А. Кулик, Д. Шапира. Москва: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2005. С. 185–206.
- Флетчер 2004 — *Флетчер Дж.* Средневековые монголы: экологические и социальные перспективы // Монгольская империя и кочевой мир. Кн. 1. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2004.
- Фомин 1988 — *Фомин А.В.* Подражательный дирхем «ард-ал-хазар» IX в. // Восточная Европа в древности и средневековье. Юбилейные чтения, посвященные 70-летию со дня рождения В.Т. Пашуто. Тезисы докладов. М., 1988.
- Хазанов 1970 — *Хазанов А.М.* Материнский род у сарматов // ВДИ. 1970. № 2. С. 138–148.
- Хазанов 1973 — *Хазанов А.М.* Характерные черты кочевых обществ евразийских степей // IX Международный конгресс антропологических и этнографических наук (Чикаго, сентябрь 1973). Доклады советской делегации. М., 1973.
- Хазанов 1974 — *Хазанов А.М.* Сармато-калмыцкие параллели (к вопросу о закономерностях кочевого хозяйства в однотипной экологической обстановке) // Проблемы алтаистики и монголоведения. Материалы Всесоюзной конференции. Элиста, 17–19 мая 1972 года. Вып. I (серия литературы, фольклора и истории). Элиста: КНИИЯЛИ, 1974.
- Хазанов 1975 — *Хазанов А.М.* Социальная история скифов. Основные проблемы развития древних кочевников евразийских степей. М.: Наука, 1975.
- Хазанов 2000 — *Хазанов А.М.* Кочевники и внешний мир. Алматы: Дайк-Пресс, 2000.
- Хазанов 2002 — *Хазанов А.М.* Кочевники евразийских степей в исторической ретроспективе // Кочевая альтернатива социальной эволюции / Отв. ред. Н.Н. Крадин и Д.М. Бондаренко. М.: Ин-т археологии РАН; ЦЦИРИ, 2002 (Цивилизационное измерение. Т. 6). С. 37–58.
- Хазанов 2002 — *Хазанов А.М.* Кочевники и внешний мир. 3-е изд. Алматы: Дайк-Пресс, 2002.
- Хазанов 2004 — *Хазанов А.М.* Мухаммед и Чингис-хан в сравнении: роль религиозного фактора в создании мировых империй // Монгольская империя и кочевой мир. Кн. 1. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2004.
- Хазанов 2008 — *Хазанов А.М.* Кочевники и внешний мир. 4-е изд. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008.
- Халидов 1985 — *Халидов А.Б.* Арабские рукописи и арабская рукописная традиция. М.: Наука, ГРВЛ, 1985.
- Халидов 2001 — *Халидов А.Б.* Перечни товаров Волжского пути в арабских источниках IX — начала XIII в. // Великий Волжский путь. Материалы Круглого стола и Международного научного семинара. Казань, 28–29 августа 2000 г. Казань: МастерЛайн, 2001. С. 189–193.
- Халилов 1971 — *Халилов Дж.А.* Археологические находки «скифского» облика и вопрос о «скифском царстве» на территории Азербайджана. Материалы по археологии Северного Причерноморья // Проблемы скифской археологии / Отв. ред. П.Д. Либеров, В.И. Гуляев. М., 1971. С. 183–187.
- Халиль 1983 — *Халиль Исмаил.* Исследование хозяйства и общественных отношений кочевников Азии (включая Южную Сибирь) в советской литературе 50–80 гг. Автореф. канд. дис. М., 1983.

- Халифа ибн Хаййат 1967 — Халифа ибн Хаййат. Та'рих. Ан-Наджаф, 1386/1967.
- Хандсурэн 1993 — *Хандсурэн Ц.* Жужаньское ханство // Этническая история народов Южной Сибири и Центральной Азии / Отв. ред. Б.Р. Зориктуев. Новосибирск: Наука, 1993.
- Ханеда 1957 — *Ханеда Тору.* Тодай кайкоцу син но кэнкю (Исследование уйгуров в танскую эпоху) // Ханеда хакасэ сигаку ромбун сю. 1. Рэкиси хан (Собрание трудов проф. Ханеда Тору. Т. 1. Исторические работы). Киото, 1957 (на яп. яз.).
- Хейвуд 2001 — *Хейвуд К.* Некоторые проблемы нумизматического доказательства правлений хана Ногая и Джеки // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223–1556. Казань, 2001. С. 129–145.
- ал-Хорезми 1895 — *Ал-Хваризми Абу Абдаллах Мухаммад ибн Йусуф.* Китаб мафатих ал-улум. Лейден, 1895.
- Храпачевский 2005 — *Храпачевский Р.П.* Военная держава Чингисхана. М., 2005.
- Христианский мир 2002 — Христианский мир и «Великая Монгольская империя»: Материалы францисканской миссии 1245 года. «История Тартар» брата Ц. де Бридиа / Критический текст, перевод с латыни С.В. Аксёнова и А.Г. Юрченко. Экспозиция, исследование и указатели А.Г. Юрченко. СПб.: Евразия, 2002.
- Худуд ал-'Алам 1937 — *Hudud al-'Alam.* "The Regions of the World". A Persian Geography 372 A.H.–982 A.D. / Translated and explained by V. Minorsky. With the preface by V.V. Barthold transl. from the Russian. London, 1937.
- Худяков 1980 — *Худяков Ю.С.* Типология погребений VI–XII вв. в Минусинской котловине // Археологический поиск (Северная Азия). Новосибирск: Наука, 1980. С. 193–205.
- Худяков 1986 — *Худяков Ю.С.* Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1986.
- Худяков 1989 — *Худяков Ю.С.* Структура военной организации у хуннов. Сложение десятичной системы деления войска и народа у азиатских кочевников // Проблемы археологии скифо-сибирского мира (социальная структура и общественные отношения). Тезисы докладов Всесоюзной археологической конференции. Ч. I. Кемерово: Изд-во КемГУ, 1989. С. 117–119.
- Худяков 1994 — *Худяков Ю.С.* Тюрки и уйгуры в Минусинской котловине // Этнокультурные процессы в Южной Сибири и Центральной Азии в I–II тысячелетие н.э. Кемерово: Изд-во КемГУ, 1994. С. 85–95.
- Худяков 2004 — *Худяков Ю.С.* Военное дело номадов Центральной Азии в сяньбийский период // XXXVII ICANAS (International Conference on Advances in Natural and Applied Science): Тезисы. Т. II. М., 2004.
- Худяков 2004 — *Худяков Ю.С.* Древние тюрки на Енисее. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2004.
- Худяков, Юй Су-Хуа 2005 — *Худяков Ю.С., Юй Су-Хуа.* Новые материалы по оружию дистанционного боя сяньби // Военное дело номадов Центральной Азии в сяньбийскую эпоху. Новосибирск: Новосибирский гос. ун-т, 2005.
- Цай Мэйбяо 1964 — *Цай Мэйбяо.* Племенная организация и образование государства у киданей // Лиши яньцзю. 1964. № 5–6 (на кит. яз.).
- Цаценкин, Юнатов 1951 — *Цаценкин И.А., Юнатов А.А.* Естественные кормовые ресурсы Монгольской Народной Республики. Восточная часть Гоби. М.: Изд-во АН СССР, 1951.
- ЦТШ — Цзю Тан шу (Старая история [династии] Тан) / Сост. Лю Сюй. Шанхай, 1936 (на кит. яз.).
- Цукерман 2002 — *Цукерман К.* О происхождении двоевластия у хазар и обстоятельства их обращения в иудаизм // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь, 2002. Вып. 9.
- ЦФЮГ — Цэфу юаньгуй (Сокровищница древней мудрости) / Сост. Ван Циньжо. Пекин, 1936 (на кит. яз.).
- ЦЧТЦ — Цзычжи тунцзянь (Всеобщее зеркало, управлению помогающее) / Сост. Сыма Гуан. Пекин, 1956 (на кит. яз.).
- Черикбаев 1990 — *Черикбаев Э.* История развития военного дела и физической подготовки киргизов (с древних времен до начала XX в.). Автореф. канд. дис. Фрунзе, 1990.

- Черненко 1981 — *Черненко Е.В.* Скифские лучники. Киев: Наукова думка, 1981.
- Черненко 1984 — *Черненко Е.В.* Скифо-персидская война. Киев: Наукова думка, 1984.
- Черненко и др. 1986 — *Черненко Е.В., Бессонова С.С., Болтрик Ю.В.* и др. Скифские погребальные памятники степей Северного Причерноморья. Киев: Наукова думка, 1986.
- Чернышев 1982 — *Чернышев А.И.* К характеристике административного управления в Джунгарском ханстве // XIV НКОГК. М., 1982. С. 86–96.
- Чернышев 1990 — *Чернышев А.И.* Общественное и государственное развитие ойратов в XVIII в. М.: Наука, 1990.
- Чернышев 2007 — *Чернышев А.Н.* К вопросу о формировании античного цикла легенд об амазонках // Боспорский феномен / Отв. ред. В.Ю. Зуев. СПб., 2007. С. 213–220.
- Чжан 2003 — *Чжан Цзихао.* Цун Тоба дао Бэй Вэй — Бэй Вэй ванчао чуанцзянь лиши дэ као-ча (От Тоба до Северного Вэй. Изучение истории основания северовэйской династии) [從拓跋到北魏 — 北魏王朝創建歷史的考察. 张继昊著]. Тайбэй, 2003 (на кит. яз.).
- Чжан Чжэмин 1979 — *Чжан Чжэмин.* Цидань шилуэ (Очерк истории киданей). Пекин, 1979 (на кит. яз.).
- Чибилёв 2016 — *Чибилёв А.А.* Степная Евразия. Москва; Оренбург: Институт степи РАН; РГО, 2016.
- Чимитдоржиев 2002 — *Чимитдоржиев Ш.Б.* Национально-освободительное движение монгольского народа в XVII–XVIII вв. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2002.
- Чичуров 1980 — *Чичуров И.С.* Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феодана, «Бревиарий» Никифора. Тексты, перевод, комментарий. М., 1980.
- Чойсамба 2006 — *Чойсамба Ч.* Завоевательные походы Бату-хана. М., 2006.
- Чулуунбаатар 2000 — *Чулуунбаатар Л.* Письменность монгольских народов и ее культурно-историческое значение. Автореф. канд. дис. Улан-Удэ, 2000.
- Чурас 1976 — *Чурас Шах Махмуд.* Хроника. М.: Наука, ГРБЛ, 1976.
- Чэнь 1964 — *Ch'en Kenneth.* Buddhism in China. A Historical Survey. Princeton (N.J.): Princeton University Press, 1964.
- Чэнь 1987 — *Чэнь Инькэ.* Вэй Цзинь Нань Бэй чао цзянь янь лу (Записи лекций по истории Вэй, Цзинь, Южных и Северных династий). Аньхой, 1987 (на кит. яз.).
- Шавкунов 1968 — *Шавкунов Э.В.* Государство Бохай и памятники его культуры в Приморье. Л.: Наука, 1968.
- Шапшал 1953 — *Шапшал С.М.* К вопросу о тарханских ярлыках // Академику В.А. Гордлевскому к его семидесятилетию. Сб. статей. М., 1953. С. 304–316.
- Шираиси 2008 — *Шираиси Н.* Этапы кочевых государств монгольских степей // Монгольская империя и кочевой мир. Кн. 3. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2008. С. 239–251.
- Шираиси 2015 — *Шираиси Н.* Исследование процесса образования монгольской империи с точки зрения социальной эволюции // Средневековые древности Приморья. Владивосток: Дальнаука, 2015. Вып. 3. С. 422–428.
- Шрамко 1971 — *Шрамко Б.А.* К вопросу о значении культурно-хозяйственных особенностей степной и лесостепной Скифии // Материалы и исследования по археологии СССР / Отв. ред. П.Д. Либеров, В.И. Гуляев. М., 1971. С. 92–102.
- ШТ 1957 — Шара Туджи. Монгольская летопись XVII в. // Сводный текст, пер., коммент. и примеч. Н.П. Шастиной. М.; Л. 1957.
- Штемплер 2011 — *Штемплер Ш.* Были ли хазары иудеями? // Научные труды по иудаике. Материалы XVIII Международной ежегодной конференции по иудаике. Т. II. М.: Центр научных работников и преподавателей иудаики в вузах «Сэфер», 2011 (Академическая серия. Вып. 35).
- Штернберг 1936 — *Штернберг Л.Я.* Первобытная религия в свете этнографии. Л., 1936.
- Щеглов 2010 — *Щеглов Д.А.* Аристей из Проконнеса: факты и интерпретации // Аристей: Классическая филология и античная история. 1 / Отв. ред. А.В. Подосинов. М.: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2010. С. 9–34.
- Щербак 1997 — *Щербак А.М.* Ранние тюркско-монгольские языковые связи (VIII–XIV вв.) / Рос. акад. наук. Ин-т лингвистич. исследований. СПб.: ИЛИ РАН, 1997.

- Щукин 1992 — *Щукин М.Б.* Некоторые замечания к вопросу о хронологии Zubовско-Воздвижинской группы и проблема ранних аланов // Античная цивилизация и варварский мир (Материалы III археологического семинара). Новочеркасск: Новочерк. музей истории донского казачества, 1992. Ч. I.
- Щукин 1994 — *Щукин М.* На рубеже эр. Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в. до н.э. — I в. н.э. в Восточной и Центральной Европе. СПб.: ФАРН, 1994.
- Щукин 1995 — *Щукин М.Б.* Две реплики о Фарзое и надписи из Мангула, о царе Артавазде и погребении в Косике // ВДИ. 1995. № 4.
- Щукин 2005 — *Щукин М.Б.* Готский путь (готы, Рим и черняховская культура). СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005.
- Эванс-Причард 1985 — *Эванс-Причард Э.* Нуэры. М.: Наука, 1985.
- Элиаде 1999 — *Элиаде М.* Очерки сравнительного религиоведения. М.: Ладомир, 1999.
- Энгельс 1934 — *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства. М.: Партиздат, 1934.
- Эрдниев 1993 — *Эрдниев У.Э.* Историческая судьба ойратов. Элиста: Калм. книжное изд-во, 1993.
- Эрдэнэ 2011 — *Эрдэнэ М.* Палеопатологии хунну Центральной Монголии // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Материалы Международной научной конференции. Иркутск, 2011.
- Эрман 1980 — *Эрман В.Г.* Индийская мифология // Мифы народов мира. М., 1980.
- Юнатов 1946 — *Юнатов А.А.* Изучение растительности Монголии за 25 лет // Труды Комитета наук МНР. Т. 2. Улан-Батор, 1946.
- Юнатов 1950 — *Юнатов А.А.* Основные черты растительного покрова Монгольской Народной Республики. М.: Изд-во АН СССР, 1950.
- Юрченко 2002 — *Юрченко А.Г.* Яса Чингис-хана: нерасшифрованные запреты // Altaica VI. М., 2002. С. 160–190.
- Юсупова 2006 — *Юсупова Т.И.* Монгольская комиссия Академии наук. История создания и деятельности (1925–1953 гг.). СПб.: Нестор-История, 2006.
- ЮШ — Юань ши (История [династии] Юань) // Соинь бона бэнь, Эр-ши-сы ши (24 династийные истории) [元史. 索引博纳本, 二十四史]. Шанхай; Пекин, 1958. Т. 1.
- Юшков 1961 — *Юшков С.В.* История государства и права СССР. I. М.: Госюриздат, 1961.
- Яблонский 2006 — *Яблонский Л.Т.* Этногенез кочевников Южного Приуралья в начале раннего железного века // Археология Южного Урала. Степь (проблемы культурогенеза). Челябинск: Рифей, 2006 (Этногенез уральских народов).
- Яблонский 2008а — *Яблонский Л.Т.* Сарматы Южного Приуралья // Сокровища сарматских вождей (Материалы раскопок Филипповских курганов). Оренбург: Печатный Дом «Димур», 2008.
- Яблонский 2008б — *Яблонский Л.Т.* Коллекция из Филипповского могильника (раскопки 2004–2007) // Сокровища сарматских вождей (Материалы раскопок Филипповских курганов). Оренбург: Печатный Дом «Димур», 2008.
- Яйленко 2006 — *Яйленко В.П.* Очерки этнической истории Скифии в IV в. до н.э. // Античная цивилизация и варвары / Отв. ред. Л.П. Маринович. М.: Наука, 2006. С. 149–170.
- Якобсон 1964 — *Якобсон А.Л.* Средневековый Крым. М.; Л.: Наука, 1964.
- Ямсков 1991 — *Ямсков А.Н.* Традиционное скотоводство и природная среда: культурно-экологические аспекты взаимодействия // Этническая экология. М.: Наука, 1991. С. 287–303.
- Янаи Ватар 1932 — *Янаи Ватару.* Мэнгу-ши яньцзю (Исследования по истории монголов). Шанхай, 1932.
- Яценко 1959 — *Яценко И.В.* Скифия VII–V вв. до н.э. // Труды Государственного исторического музея. М., 1959. Вып. 36.
- Яценко 2002 — *Яценко С.А.* Особенности общественного развития сармато-аланов и их восприятие в других культурах // Кочевая альтернатива социальной эволюции / Отв. ред. Н.Н. Крадин, Д.М. Бондаренко. М.: Ин-т Африки РАН, 2002. С. 126–135.

- Abramowski 1976 — *Abramowski W.* Die chinesische Annalen von Ögödei und Güyük. Übersetzung des 2. Kapitels des Yüan-shih // Zentralasiatische Studien des Seminars für Sprach- und Kulturwissenschaft Zentralasiens der Universität Bonn. Bd. 10, 1976.
- Abramowski 1979 — *Abramowski W.* Die chinesische Annalen des Möngke. Übersetzung des 3. Kapitels des Yüan-shih // Zentralasiatische Studien des Seminars für Sprach- und Kulturwissenschaft Zentralasiens der Universität Bonn. Bd. 13.
- Abu-Lughod 1989 — *Abu-Lughod J.* Before European Hegemony: The World-System A.D. 1250–1350. New York: Oxford University Press, 1989.
- After Collapse 2006 — *After Collapse: The Regeneration of Complex Societies* / Ed. by G.M. Schwartz, J.J. Nichols. Tuscon: University of Arizona Press, 2006.
- Aigle 2004 — *Aigle D.* Le grand yasa de Gengis Khan. L'empire, la culture mongole et la charia // Journal of the Economic and Social History of the Orient. 2004. Vol. 47. No 1. P. 31–79.
- Allsen 1976 — *Allsen T.* The Mongols in East Asia, Twelfth-Fourteenth Centuries: A Preliminary Bibliography of Book and Articles in Western Languages. Philadelphia, 1976.
- Allsen 2001 — *Allsen T.* Culture and Conquest in Mongol Eurasia. Cambridge University Press, 2001.
- Allsen 2002 — *Allsen T.* The Circulation of Military Technology in the Mongolian Empire // Warfare in Inner Asian History (500–1800) / Ed. by N. Di Cosmo. Leiden; Boston: Brill, 2002.
- Altheim 1951 — *Altheim F.* Das Auftreten der Hunnen in Europa // Acta Archaeologica Scientiarum Hungaricae. 1951. Vol. 2. P. 269–276.
- Altheim 1960–1962 — *Altheim F.* Geschichte der Hunnen IV. Berlin: de Gruyter, 1960–1962.
- D'Altroy, Earle 1985 — *D'Altroy T.N., Earle T.K.* Staple Finance, Wealth Finance, and Storage in the Inka Political Economy // Current Anthropology. 1985. 26(2). P. 187–206.
- Amitai, Biran 2015 — *Amitai R., Biran M.* (eds). Nomads as Agents of Cultural Change. Honolulu: Hawaii University Press, 2015.
- Andrén 1998 — *Andrén A.* Between Artifacts and Texts: Historical Archaeology in Global Perspective / Tr. A. Crozier. New York: Plenum Press, 1998.
- Appadurai 1990 — *Appadurai A.* Disjuncture and Difference in the Global Cultural Economy // Public Culture. 1990. 2(2). P. 1–24.
- Arban buyantu nom 1981 — *Arban buyantu nom-un tsagaan teuke* / Ed. by Liu Jin Fu. Huhhot: Inner Mongolia Peoples Press, 1981.
- Archaic State 2010 — *Archaic State Interaction: The Eastern Mediterranean in the Bronze Age* / Ed. by W.A. Parkinson, M.L. Galaty. Santa Fe: School for Advanced Research Press, 2010.
- D'Arrigo et al. 2000 — *D'Arrigo R.D., Jacoby G.C., Frank D., Pederson N., Cook E., Buckley B., Nachin B., Mijiddorj R., Dugarjav Ch.* 1738 Years of Mongolian Temperature Variability // Scientific Journal. Biology. Ulaanbaatar, 2000. № 11 (164). P. 10–15.
- Arzhantseva et al 2011 — *Arzhantseva I., Inevatkina O., Zav'yalov V., Panin A., Modin I., Ruzanova S., Härke H.* Por-Bajin: An Enigmatic Site of the Uighurs in Southern Siberia // The European Archaeologist. 2011. Vol. 35. P. 6–11.
- AT 1955 — *The Mongol Chronicle Altan Tobci* / Text, Translation and Critical Notes by Ch. Bawden. Wiesbaden: Harrassowitz, 1955.
- Atwood 2004 — *Atwood C.P.* Encyclopedia of Mongolia and the Mongol Empire. Bloomington: Indiana University, 2004.
- Atwood 2013 — *Atwood Ch.* Banner, Otog, Thousand: Appanage Communities as the Basic Unit of Traditional Mongolian Society // Mongolian Studies. 2013. 34. P. 1–76.
- Ayalon 1971–1973 — *Ayalon D.* The Great Yasa of Chinggis Khan. A Reexamination (Part's A, B, C, C2) // Studia Islamica. 1971. Vol. 33. P. 97–140; 1971. Vol. 34. P. 151–180; 1972. Vol. 36. P. 113–158; 1973. Vol. 38. P. 7–156.
- Baines, Norman 1998 — *Baines J., Yoffee N.* Order, Legitimacy, and Wealth in Ancient Egypt and Mesopotamia // Archaic States / Ed. by G.M. Feinman, J. Marcus. Santa Fe (NM): School of American Research Press, 1998. P. 199–260.
- Bang 2009 — *Bang P.F.* Commanding and Consuming the World. Empire, Tribute, and Trade in Roman and Chinese History // Rome and China. Comparative Perspectives on Ancient World Empires / Ed. by W. Scheidel. Oxford: Oxford University Press, 2009. P. 100–120.

- Barfield 1981 — *Barfield Th.J.* The Hsiung-nu Imperial Confederacy: Organization and Foreign Policy // *Journal of Asian Studies*. 1981. 41(1). P. 45–61.
- Barfield 1989 — *Barfield Th.J.* The Perilous Frontier. Nomadic Empires and China. Cambridge: Blackwell, 1989.
- Barfield 1992 — *Barfield Th.J.* The Perilous Frontier: Nomadic Empires and China, 221 BC to AD 1757. 2nd ed. Cambridge: John Wiley & Sons, 1992.
- Barfield 1993 — *Barfield Th.J.* The Nomadic Alternative. Englewood Cliffs: Prentice Hall, 1993.
- Barfield 1995 — *Barfield Th.J.* Explaining Crisis and Collapse: Comparative Succession Systems in Nomadic Empires // *Etnohistorische Wege und Lehrjahre eines Philosophen. Festschrift für Lawrence Krader zum 75. Geburtstag* / Hrsg. D. Schorkowitz. Frankfurt am Main etc.: Peter Lang, 1995. S. 187–209.
- Barfield 2001 — *Barfield T.* The Shadow Empires: Imperial State Formation along the Chinese-Nomad Frontier // *Empires*. Cambridge University Press, 2000. P. 10–41.
- Barfield 2003 — *Barfield T.J.* Conclusion // *Nomadic Pathways in Social Evolution* / Ed. by N.N. Kradin, D.M. Bondarenko, T. Barfield. Moscow: Center for Civilizational and Regional Studies of the Russian Academy of Sciences, 2003. P. 172–179.
- Barfield 2011 — *Barfield T.* Something New under the Sun: The Mongol Empire's Innovations in Steppe Political Organisations and Military Strategy // *Nomadic*. 2011.
- Barth 1961 — *Barth F.* Nomads of South Persia. Boston, MA: Little, Brown, 1961.
- Beck 1980 — *Beck L.* Herd Owners and Hired Shepherds: The Qashqa'i of Iran // *Ethnology*. 1980. Vol. 19. No 3. P. 327–351.
- Beck 1980 — *Beck L.* The Qashqa'i of Iran. New Haven: Yale University Press, 1986.
- Beckwith 2009 — *Beckwith C.* Empires of the Silk Road: A History of Central Eurasia from the Bronze Age to the Present. Princeton: Princeton University Press, 2009.
- Beffa, Hamayon 1995 — *Beffa M.-L., Hamayon R.* The Concept of tanggari in the Secret History of the Mongols // *Mongolyn Nuuts Tovchoo-ny 750 jiliin oid zoriulsan olon ulsyn бага хурал* / Ed. by Sh. Bira. Ulaanbaatar, 1995. Vol 1. P. 185–194.
- Bemmann et al. 2010 — *Bemmann J., Erdenebat U., Pohl E.* (eds). Mongolian-German Karakorum Expedition. Vol. 1. Excavations in the Craftsmen Quarter at the Main Road. Wiesbaden: Reichert Verlag, 2010.
- Bemmann et al. 2014 — *Bemmann J., Lehdorff E., Klinger R., Linzen S., Munkhbayer L., Oczipka O., Piezonka H., Reichert S.* Biomarkers in Archaeology — Land Use around the Uyghur Capital Karabalgasun, Orkhon Valley, Mongolia // *Præhistorische Zeitschrift*. 2014. Bd. 89. No 2.
- Benite, Geroulanos, Jerr 2017 — *Benite Z.B.D., Geroulanos S., Jerr N.* (eds). The Scaffolding of Sovereignty: Global and Aesthetic Perspectives on the History of a Concept. New York: Columbia University Press, 2017.
- Berezkin 1995 — *Berezkin Yu.E.* Alternative Models of the Middle Range Society. 'Individualistic' Asia vs. 'Collectivistic' America? // *Alternative Pathways to Early State*. Vladivostok: Dalnauka, 1995. P. 75–92.
- Berezkin 2000 — *Berezkin Yu.E.* Once Again on Horizontal and Vertical Links in Structure of the Middle Range Societies // *Alternatives of Social Evolution*. Vladivostok: Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, 2000. P. 220–224.
- Berman 2000 — *Berman M.* Wandering God. A Study in Nomadic Spirituality. New York: State University of New York Press, 2000.
- Bidez 1996 — *Bidez J.* Sozomen. Histoire Ecclésiastique. Paris: Cerf, 1996.
- Bielenstein 1967 — *Bielenstein H.* The Restoration of the Han Dynasty. Vol. III: The People // *Bulletin of the Museum of Far Eastern Antiquities*. 1967. 39.
- Bira 2004 — *Bira Sh.* Mongolian Tenggerism and Modern Globalism. A Retrospective Outlook on Globalisation // *Journal of the Royal Asiatic Society*. 2004. Vol. 14. No 1. P. 3–12.
- Biran 1997 — *Biran M.* Qaidu and the Rise of the Independent Mongol State in Central Asia. Richmond: Curzon, 1997.
- Biran 2004 — *Biran M.* The Mongol Transformation: From the Steppe to Eurasian Empire // *Eurasian Transformations, Tenth to Thirteenth Centuries*. Leiden: Brill, 2004.

- Biran 2013 — *Biran M.* The Mongol Empire in World History: The State of the Field // *History Compass*. 2013. Vol. 11. P. 1021–1033.
- Black-Michaud 1972 — *Black-Michaud J.* Tyranny as a Strategy for Survival in an 'Egalitarian' Society: Luri Facts versus an Anthropological Mystique // *Man*. 1972. Vol. 7. P. 614–634.
- Blanton 1998 — *Blanton R.E.* Beyond Centralization: Steps toward a Theory of Egalitarian Behavior in Archaic States // *Archaic States* / Ed. by G.M. Feinman, J. Marcus. Santa Fe: School of American Research, 1998. P. 135–172.
- Blanton et al. 1996 — *Blanton R., Feinman G., Kowalewski S., Peregrine P.* A Dual-processual Theory for the Evolution of Mesoamerican Civilization // *Current Anthropology*. 1996. Vol. 37. No 1. P. 1–14, 73–86.
- Blockley 1981 — *Blockley R.C.* The Fragmentary Classicising Historians of the Later Roman Empire. Eunapius, Olympiodorus, Priscus and Malchus. Liverpool: Francis Cairns, 1981.
- Blockley 1983 — *Blockley R.C.* The Fragmentary Classicising Historians of the Later Roman Empire. Eunapius, Olympiodorus, Priscus and Malchus. Text, Translation and Historiographical Notes. Liverpool: Francis Cairns, 1983.
- Bo, Shelachl 2014 — *Bo Ch., Shelachl G.* Fortified Settlements and the Settlement System in the Northern Zone of the Han Empire // *Antiquity*. 2014. Vol. 88. No 339. P. 222–240.
- Bold 2001 — *Bold B.-O.* Mongolian Nomadic Society: A Reconstruction of the "Medieval" History of Mongolia. Richmond, Surrey [England]: Curson, 2001.
- Bona 1991 — *Bona I.* Das Hunnenreich. Stuttgart: Theiss, 1991.
- Bondarenko 2006 — *Bondarenko D.M.* Homoarchy: A Principle of Culture's Organization. The 13th–19th Centuries Benin Kingdom as a Non-State Supercomplex Society. Moscow: KomKniga, 2006.
- Bondarenko, Korotayev 2000 — *Bondarenko D.M., Korotayev A.V.* (eds). Civilizational Models of Politogenesis. Moscow: Center for Civilizational and Regional Studies of the Russian Academy of Sciences, 2000.
- Bonte 1981 — *Bonte P.* Marxist Theory and Anthropological Analysis: The Study of Nomadic Pastoralist Societies // *The Anthropology of Precapitalist Societies*. London; Basingstoke: The Macmillan Press, 1981. P. 22–55.
- Bonte 1990 — *Bonte P.* French Marxist Perspectives on Nomadic Societies // *Nomads in a Changing World*. Naples: Istituto Iniversitario Orientale, 1990. P. 49–101.
- Boodberg 1939 — *Boodberg P.A.* Marginalia to the Histories of the Northern Dynasties // *Harvard Journal of Asian Studies*. 1939. Vol. 4.
- Boyle 1968 — *Boyle J.A.* (ed.). The Cambridge History of Iran. Vol. 5. The Saljuq and Mongol Periods. Cambridge University Press, 1968.
- Bradburd 1982 — *Bradburd D.* Volatility of Animal Wealth among Southwest Asian Pastoralists // *Human Ecology*. 1982. Vol. 10. No 1. P. 85–106.
- Bradburd 1984 — *Bradburd D.* Marxism and the Study of Pastoralists // *Nomadic peoples*. 1984. No 16. P. 3–14.
- Bradburd 1989 — *Bradburd D.* Producing their Fates: Why Poor Basseri Settled but Poor Komachi and Yomut did not // *American Ethnologist*. 1989. Vol. 16. P. 502–518.
- Brosseder 2007 — *Brosseder U.* Les Xiongnu et Leurs Relations Internationales // *Mongolie, les Xiongnu de l'Arkhangai* / Ed. by J.-P. Desroches, A. Guilheme. Ulaanbaatar: ADMON Press, 2007. P. 82–84.
- Brosseder 2009 — *Brosseder U.* Xiongnu Terrace Tombs and Their Interpretation as Elite Burials // *Current Archaeological Research in Mongolia*. Bonn: Vor- und Frühgeschichtliche Archäologie, Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn, 2009. P. 247–280.
- Brosseder 2011 — *Brosseder U.* Belt Plaques as an Indicator of East-West Relations in the Eurasian Steppe at the Turn of the Millennia // *Xiongnu Archaeology: Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia* / Ed. by U. Brosseder, B.K. Miller. Bonn: Vor- und Frühgeschichtliche Archäologie, Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn, 2011 (Bonn Contributions to Asian Archaeology. Vol. 5). P. 349–424.
- Brosseder 2012 — *Brosseder U.* Dynamics of Communication and Exchange along the "Steppe Highway" in the Centuries around the Turn of the Era // *The Complexity of Interaction along the*

- Eurasian Steppe Zone in the First Millenium AD. Empires, Cities, Nomads, Farmers. Bonn, February 9–11, 2012. Bonn: Bonn University Press, 2012.
- Brosseder 2017 — *Brosseder U.* Xiongnu and Huns: Archaeological Perspectives on a Centuries-Old Debate about Identity and Mongation // *Empires and Exchanges in Eurasian Late Antiquity: Rome, China, Iran, and the Steppe*, ca. 250–750 / Ed. by N. Di Cosmo, M. Maas. Cambridge University Press, 2017. P. 176–188.
- Brosseder et al. 2011 — *Brosseder U., Yeruul-Erdene Ch. with Tseveendorj D., Amartuvshin Ch., Turbat Ts., Amgalantugs Ts. and a contribution by Machicek M.L.* Twelve ams-radiocarbon Dates from Xiongnu Period Sites in Mongolia and the Problem of Chronology // *Археологийн судлал*. Т. XXXI. Ulaanbaatar, 2011.
- Brumfiel 2000 — *Brumfiel E.* The Politics of High Culture: Issues of Worth and Rank // *Order, Legitimacy, and Wealth in Ancient States* / Ed. by J. Richards, M. van Buren. Cambridge University Press, 2000. P. 131–139.
- Brumfiel, Fox 1994. — *Brumfiel E., Fox J.* (eds). *Factional Competition and Political Development in the New World*. Cambridge University Press, 1994.
- Buell 2003a — *Buell P.D.* Age of Mongolian Empire: A Bibliographical Essay // *The Silk Road*. 2003. Vol. 1. No 1.
- Buell 2003b — *Buell P.D.* *Historical Dictionary of the Mongol World Empire*. Oxford etc.: The Scarecrow Press, Inc., 2003.
- Buell, Anderson, Perry 2000 — *Buell P.D., Anderson E., Perry Ch.* *A Soup for the Qan: Chinese Dietary Medicine of the Mongol Era as Seen in Hu Szu-hui's Yin-shan Cheng-yao* / Introduction, Translation, Commentary, and Chinese Text. London; New York: Kegan Paul International, 2000 (Sir Henry Wellcome Asian Series).
- Caldwell 1964 — *Caldwell J.* Interaction Spheres in Prehistory // *Hopewellian Studies*. Springfield: Illinois State Museum, 1964. P. 133–143.
- The Cambridge History 1990 — *The Cambridge History of Early Inner Asia* / Ed. by D. Sinor. Cambridge etc.: Cambridge University Press, 1990.
- Carneiro, Grinin, Korotayev 2017 — *Carneiro R., Grinin L., Korotayev A.* (eds). *Chiefdoms: Yesterday and Today*. New York: Eliot Werner Publications, Inc., 2017.
- Ch'en 1964 — *Ch'en K.* *Buddhism in China. A Historical Survey*. Princeton: Princeton University Press, 1964.
- Ch'en 1966 — *Ch'en Yuan.* *Western and Central Asians in China under the Mongols* // *Monumenta Serica*. Los Angeles: University of California, 1966.
- Chacon, Mendoza 2017 — *Chacon R., Mendoza R.* (eds). *Feast, Famine or Fighting? Multiple Pathways to Social Complexity*. New York: Springer, 2017.
- Chambers 1988 — *Chambers J.* *The Devil's Horsemen: The Mongol Invasion of Europe*. 2nd ed. London: Cassel, 1988.
- Chang 2012 — *Chang C.* *Lines of Power: Equality or Hierarchy Among the Iron Age Agro-Pastoralists of Southeastern Kazakhstan* // *The Archaeology of Power and Politics in Eurasia: Regimes and Revolutions*. Cambridge University Press, 2012.
- Chase-Dunn et al. 2010 — *Chase-Dunn Ch., Hall T., Niemeyer R., et al.* *Middlemen and Marcher States in Central Asia and East / West Empire Synchrony* // *Social Evolution & History*. 2010. Vol. 9. № 1.
- Chase-Dunn, Hall 1997 — *Chase-Dunn Ch., Hall T.* *Rise and Demise: Comparing World-Systems*. Boulder: Westview Press, 1997.
- Chen Chieh-hsien 1982 — *Chen Chieh-hsien.* *A Study of the Manchu Posthumous Titles of the Ch'ing Emperors* // *Central Asiatic Journal*. 1982. Vol. 26. No 3–4. P. 187–192.
- Chen Gaohua 2015 — *Chen Gaohua.* *The Capital of the Yuan Dynasty*. Honolulu: Silkroad Press, 2015.
- Chernykh 2017 — *Chernykh E.* *Nomadic Cultures in the Mega-Structure of the Eurasian World*. Boston: Academic Studies Press, 2017.
- Chieh-hsien 1982 — *Chieh-hsien C.* *A Study of the Manchu Posthumous Titles of the Ch'ing Emperors* // *Central Asiatic Journal*. 1982. Vol. 26. № 3–4. P. 187–192.

- Chinggeltei 2002 — *Chinggeltei*. On the Problems of Reading Kitan Characters // *Acta Orientalia Hungaricae*. 2002. Vol. 55. No 1–3.
- Christian 1998 — *Christian D.* A History of Russia, Central Asia and Mongolia. Vol. I: Inner Eurasia from Prehistory to the Mongol Empire. Malden: Blackwell Publishing, 1998.
- Cioffi-Revilla et al. 2011 — *Cioffi-Revilla C.R.J., Daniel W., Steven P., Jai A.* Computing the Steps: Data Analysis for Agent-Based Models of Politics in Inner Asia // *Xiongnu Archaeology: Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia* / Ed. by U. Brosseder, B.K. Miller. Bonn: Vor- und Frühgeschichtliche Archäologie, Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn, 2011 (Bonn Contributions to Asian Archaeology. Vol. 5). P. 97–110.
- Claessen, Skalnik 1978 — *Claessen H.J.M., Skalnik P.* (eds). The Early State. The Hague: Mouton, 1978.
- Cohen 1981 — *Cohen A.* The Politics of Elite Culture. Explorations in the Dramaturgy of Power in a Modern African Society. Berkeley: University of California Press, 1981.
- Collins 1991 — *Collins L.* On the Alleged “Destruction” of the Great Horde Manzikert to Lepanto // The Byzantine World and the Turks, 1071–1571 / Ed. by A. Bryer, M. Ursinus. Amsterdam, 1991 (Byzantinische Forschungen. Bd. XVI). P. 361–399.
- Cooper 1973 — *Cooper L.* Patterns of Mutual Assistance in the Mongolian Pastoral Economy // *Nomadic Peoples*. 1993. Vol. 33. P. 153–162.
- Crespigny 1984 — *Crespigny R. de.* Northern Frontier. The Policies and Strategy of the Later Han Empire. Canberra: Australian National University Faculty of Asian Studies, 1984 (Faculty of Asian Studies Monographs. New Series. No 4).
- Cribb 1991 — *Cribb R.* Nomads in Archaeology. Cambridge etc.: Cambridge University Press, 1991.
- Crossley 2000 — *Crossley P.K.* A Translucent Mirror: History and Identity in Qing Imperial Ideology. Berkely: University of California Press, 2000.
- Crumley 1995 — *Crumley C.* Heterarchy and the Analysis of Complex Societies // *Heterarchy and the Analysis of Complex Societies*. Washington, D. C.: American Anthropological Association, 1995. P. 1–5.
- Crumley 2001 — *Crumley C.* Communication, Holism, and the Evolution of Sociopolitical Complexity // *From Leaders to Rulers*. New York: Kluwer Academic. 2001. P. 19–36.
- Czeglédy 1960 — *Czeglédy K.* Khazar Raids in Transcaucasia in 762–764 D.A. // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1960. T. XI. Fasc. 1–3.
- Dalton 1975 — *Dalton G.* Karl Polanyi’s Analysis of Long-Distance Trade and His Wider Paradigm // *Ancient Civilization and Trade* / Ed. by J.A. Sabloff, C.C. Lamberg-Karlovsky. Albuquerque: University of New Mexico Press, 1975. P. 63–132.
- Dankoff 1982 — *Dankoff R.* Makhmud al-Kasgari. Compendium of the Turkic Dialects. Cambridge (MA): Harvard University, 1982.
- Dardess 1973 — *Dardess J.W.* Conquerors and Confucians: Aspects of Political Change in Late Yuan China. New York; London: Columbia University Press, 1973.
- Deleuze et al. 2010 — *Deleuze G., Guattari F.* Nomadology. The War Machine. Seattle: Wormwood Distribution, 2010.
- DeMarrais et al. 1996 — *DeMarrais E., Castillo L.J., Earle T.* Ideology, Materialization, and Power Strategies // *Current Anthropology*. 1996. Vol 37. No 1. P. 15–31.
- Dennerline 2002 — *Dennerline J.* The Shun-Chih Reign // *The Cambridge History of China*. Cambridge University Press, 2002. Vol. 9. P. 73–112.
- Dewey 1988 — *Dewey H.W.* Russia’s Debt to the Mongols in Suretyship and Collective Responsibility // *Comparative Studies in Society and History*. 1988. Vol. 30. No. 2.
- Di Cosmo 1994 — *Di Cosmo N.* Ancient Inner Asian Nomads: Their Economic Basis and Its Significance in Chinese History // *Journal of Asian Studies*. 1994. Vol. 53. No 4. P. 1092–1126.
- Di Cosmo 1999 — *Di Cosmo N.* State Formation and Periodization in Inner Asian History // *Journal of World History*. 1999. Vol. 10. No 1. P. 1–40.
- Di Cosmo 2002 — *Di Cosmo N.* Ancient China and Its Enemies: The Rise of Nomadic Power in East Asian History. Cambridge University Press, 2002.

- Di Cosmo 2007 — *Di Cosmo N.* Marital Politics on the Manchu-Mongol Frontier // *The Chinese State at the Borders* / Ed. by D. Lary. Vancouver etc.: University of British Columbia Press (UBC Press), 2007. P. 57–73.
- Di Cosmo 2011 — *Di Cosmo N.* Ethnogenesis, Coevolution and Political Morphology of the Earliest Steppe Empire: The Xiongnu Question Revisited // *Xiongnu Archaeology: Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia* / Ed. by U. Brosseder, B.K. Miller. Bonn: Vor- und Frühgeschichtliche Archäologie, Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn, 2011 (Bonn Contributions to Asian Archaeology. Vol. 5). P. 35–48.
- Di Cosmo 2012 — *Di Cosmo N.* From Alliance to Tutelage: A Historical Analysis of Manchu-Mongol Relations before the Qing Conquest // *Frontiers of History in China*. 2012. № 2. P. 175–197.
- Di Cosmo 2013 — *Di Cosmo N.* Aristocratic Elites in the Xiongnu Empire as Seen from Historical and Archaeological Evidence // *Nomad Aristocrats in a World of Empires*. Weisbaden: Dr. Lüd-wig Reichert Verlag, 2013. P. 23–53.
- Di Cosmo 2015 — *Di Cosmo N.* China-Steppe Relations in Historical Perspective // *Complexity of Interaction along the Eurasian Steppe Zone in the first Millennium CE* / Ed. by J. Bemmann, M. Schmauder. Bonn: Vor- und Frühgeschichtliche Archäologie, Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn, 2015 (Bonn Contributions to Asian Archaeology. Vol. 7). P. 49–72.
- Di Cosmo 2017 — *Di Cosmo N.* Nurhaci's Gambit: Sovereignty as Concept and Praxis in the Rise of the Manchus // *The Scaffolding of Sovereignty: Global and Aesthetic Perspectives on the History of a Concept* / Ed. by Zvi Ben-Dor Benite, S. Geroulanos, N. Jerr. New York: Columbia University Press, 2017. P. 102–123.
- Dien 1986 — *Dien A.E.* The Stirrup and Its Effect on Chinese Military History // *Ars Orientalis*. 1986. Vol. 16.
- Doerfer 1963 — *Doerfer E.* Zur Datierung der Geheime Geschichte der Mongolen // *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*. 1963. Bd. 113. No. 1.
- Doerfer 1967 — *Doerfer G.* Türkische und Mongolische Elemente im Neupersischen. Bd. III. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag, 1967.
- Doerfer 1975 — *Doerfer G.* Türkische und Mongolische Elemente im Neupersischen. Bd. IV. Wiesbaden, 1975.
- Drompp 1989 — *Drompp M.* Centrifugal Forces in the Inner Asian “Heartland”: History versus Geography // *Journal of Asian History*. 1989. Vol. 23. No 2. P. 134–168.
- Drompp 1991 — *Drompp M.* Supernumery Sovereigns: Superfluity and Mutability in the Elite Power Structure of the Early Turks // *Rulers from the Steppe: State Formation on the Eurasian Periphery*. Los Angeles: Ethnographics Press, 1991. P. 92–115.
- Drompp 2005 — *Drompp M.* Imperial State Formation in Inner Asia: The Early Turkic Empires (6th to 9th Centuries) // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 2005. Vol. 58. No 1. P. 101–111.
- Drompp 2005 — *Drompp M.R.* Tang China and the Collapse of the Uighur Empire. A Documentary Story. Leiden; Boston: Brill, 2005.
- DUMMD 2013 — Daičing ulus-un mongγul-un mayad qauli (True Records of the Mongols of the Qing Empire). Vol. 1. Hohhot, 2013 (in Mongolian).
- Dunlop 1954 — *Dunlop D.M.* The History of the Jewish Khazars. Princeton: Princeton University Press, 1954.
- Dyson-Hadson 1980 — *Dyson-Hadson R., Dyson-Hadson N.* Nomadic Pastoralism // *Annual Review of Anthropology*. 1980. Vol. 9. P. 15–61.
- Earle, Kristiansen 2010 — *Earle T., Kristiansen K.* (eds). 2010. Organizing Bronze Age Society. Cambridge University Press.
- Eberhard 1949 — *Eberhard W.* Das Toba-Reich Nordchinas. Eine soziologische Untersuchung. Leiden: E.J. Brill, 1949.
- Eberhard 1965 — *Eberhard W.* Conquerors and Rulers. Social Forces in Medieval China. Leiden: E.J. Brill, 1965.
- Eberhard 1977 — *Eberhard W.* A History of China. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1977.

- Ecology of Rule 2014 — Ecology of Rule: Territorial Governance and the Politics of Change in Rural Mongolia // *Anthropological Quarterly*. 2014. 87(3).
- Ecsedy 1965 — *Ecsedy H.* Old Turkic Titles of Chinese Origin // *Acta Orientalia Hungaricae*. 1965. T. XVIII. P. 83–91.
- Ecsedy 1980 — *Ecsedy H.A.* Contribution to the History of Karlucs in the T'ang Period // *Acta Orientalia Hungaricae*. 1980. T. XXXIV. P. 23–37.
- Eisenstadt 1963 — *Eisenstadt Sh.* The Political Systems of Empires. New York: Free Press, 1963.
- Elliott 2001 — *Elliott M.C.* The Manchu Way: The Eight Banners and Ethnic Identity in Late Imperial China. Stanford: Stanford University Press, 2001.
- Enkhtuvshin 2003 — *Enkhtuvshin B.* Nomadic Society and Some Aspects of Civilizations Studies // Chinggis Khaan and Contemporary Era. Ulaanbaatar, 2003. P. 65–90.
- Ensminger 1992 — *Ensminger J.* Making a Market: The Institutional Transformation of an African Society. Cambridge University Press, 1992.
- Erdemt 2002 — *Erdemt Ts.* Төрийн туhait Mongol onol: мүүh, философи, huuliin eshi [Mongol Theory of State: Historical, Philosophical and Legal Origin]. Ulaanbaatar: Choijal Publishers, 2002.
- Erdenebaatar et al. 2011 — *Erdenebaatar D., Iderkhangai T.-O., Galbadrakh B., Minzhiddorzh E., Orgilbaier S.* Excavations of Satellite Burial 30, Tomb 1 Complex, Gol Mod 2 Necropolis // *Xiongnu Archaeology: Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia* / Ed. by U. Brosseder, B.K. Miller. Bonn: Vor- und Frühgeschichtliche Archäologie, Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn, 2011 (Bonn Contributions to Asian Archaeology. Vol. 5). P. 303–314.
- Erickson et al. 2010 — *Erickson S.E., Yi Sōng-mi, Nylan M.* The Archaeology of the Outlying Lands // China's Early Empires. A Re-appraisal. Cambridge University Press, 2010. P. 135–168.
- ET 1990 — *Sazang Secen.* Erdeni-yin tobči ("Precious Summary"). A Mongolian Chronicle of 1662 / The Urga Text Transcribed and Edited by M. Goo, I. de Rachewiltz, J.R. Krueger, B. Ulaan. Canberra: The Australian National University Faculty of Asian Studies, 1990 (Faculty of Asian Studies Monographs. New Series. No 15).
- ETNS 2001 — *Kollmar-Paulenz, Karenina.* Erdeni tunumal neretü sudur. Die Biographie des Altan qayan der Tümed-Mongolen // Ein Beitrag zur Geschichte der religionspolitischen Beziehungen zwischen der Mongolei und Tibet im ausgehenden 16. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2001.
- Evans-Pritchard 1940 — *Evans-Pritchard E.* The Nuer: A Description of the Modes of Livelihood and Political Institutions of a Nilotic People. London: Oxford University Press, 1940.
- Factional Competition 1994 — Factional Competition and Political Development in the New World. Cambridge University Press, 1994.
- Falkenhuasen 2006 — *Falkenhuasen L. von.* Chinese Society in the Age of Confucius (1000-250 BC): The Archaeological Evidence. Los Angeles: Cotsen Institute of Archaeology, 2006.
- Farquhar 1971 — *Farquhar D.M.* Mongolian Versus Chinese Elements in the Early Manchu State // *Ch'ing-shih wen-t'i*. 1971. Vol. 2. № 6. P. 11–23.
- Farquhar 1981 — *Farquhar D.M.* Structure and Function in Yüan Imperial Government // *China under Mongol Rule*. Princeton: Princeton University Press, 1981.
- Fernández-Giménez 1999 — *Fernández-Giménez M.E.* Reconsidering the Role of Absentee Herd Owners: A View from Mongolia // *Human Ecology*. 1999. Vol. 27. No 1. P. 1–27.
- Fitzhugh, Rossabi, Honeychurch 2009 — *Fitzhugh W., Rossabi M., Honeychurch W.* (eds). Genghis Khan and the Mongol empire. Santa-Barbara (CA): Perpetua Press, 2009.
- Flannery 1972 — *Flannery K.V.* The Cultural Evolution of Civilizations // *Annual Review of Ecology and Systematics*. 1972. Vol. 3. P. 399–426.
- Fletcher 1986 — *Fletcher J.* The Mongols: Ecological and Social Perspectives // *Harvard Journal of Asiatic Studies*. 1986. Vol. 46. No. 1. P. 11–50.
- Foltz 1999 — *Foltz R.* Ecumenical Mischief under the Mongols // *Central Asiatic Journal*. 1999. Vol. 43. No 1. P. 42–69.
- Franke 1990 — *Franke H.* The forest peoples of Manchuria: Kitans and Jurchens // *Cambridge History of Early Inner Asia*. Cambridge, 1990. P. 400–422.

- Franke, Twitchett 1996 — *Franke H., Twitchett D.* The Cambridge History of China. Vol. 6. Alien regimes and border states, 907–1368. Cambridge University Press, 1994. P. 1–42.
- Fratkin, Roth 1990 — *Fratkin E., Roth E.A.* Drought and Economic Differentiation among Ariaal Pastoralists of Kenya // *Human Ecology* 1990. № 18. P. 385–402.
- Freydank et al. 1978 — *Freydank H., Reineke W.F., Schetelich M., Tilo Th.* Der Alte Orient in Stichworten. Leipzig: Koehler&Asselang, 1978.
- Gabain 1973 — *Gabain A. von.* Das Leben im uigurischen Königreich von Qočo (850–1250). Textband. Wiesbaden: In Kommission bei Otto Harrassowitz, 1973.
- Ganbaatar 2011 — *Ganbaatar Yadmaagiin.* Khünnügiin tүүkh, soyol. 2nd ed. Ulaanbaatar, 2011.
- Gardiner, Crespigny 1977 — *Gardiner K.H.J., Crespigny R.R.C. de.* T'an-shih-huai and the Hsien-pi of the Second Century A.D. // Paper on Far Eastern History. Canberra: Department of Far Eastern History, Australian National University, 1977. Vol. 15.
- Gellner 1988 — *Gellner E.* State and Society in Soviet Thought. Oxford: Basil Blackwell, 1988.
- Giele 2011a — *Giele Eo.* The Hsiung-nu, Memoir 50 // The Grand Scribe's Records. Vol. 9. The Memoirs of Han China. Pt 2. Bloomington (Ind.): Indiana University Press, 2011. P. 237–310.
- Giele 2011b — *Giele Enno.* Evidence for the Xiongnu in Chinese Wooden Documents from the Han Period // *Xiongnu Archaeology: Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia* / Ed. by U. Brosseder, B.K. Miller. Bonn: Vor- und Frühgeschichtliche Archäologie, Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn, 2011 (Bonn Contributions to Asian Archaeology. Vol. 5). P. 49–75.
- Gil 2010 — *Gil M.* Ha-hazarim lo hitgayyeru [Хазары не принимали иудаизм]. Zion, 2010.
- Goeckjan, Zimonyi 2001 — *Goeckjan H., Zimonyi I.* Orientalische Berichte über die Völker Osteuropas und Zentralasiens im Mittelalter. Die Ġayhani-Tradition (Ibn Rusta, Gardizi, Hudud al-'Alam, al-Bakri und al-Marwazi). Wiesbaden: Harrassowitz, 2001.
- Golden 1980 — *Golden P.* Khazar Studies. An Historic-philological Inquiry into the Origins of the Khazars. Vol. I. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1980.
- Golden 1982 — *Golden P.B.* Imperial Ideology and the Sources of Political Unity amongst the Pre-Činggisid Nomads of Western Eurasia // *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. 1982. Vol. II. P. 37–76.
- Golden 1983 — *Golden P.B.* Khazaria and Judaism // *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. 1983. Vol. III.
- Golden 1992 — *Golden P.* An Introduction to the History of the Turkic Peoples: Ethnogenesis and State-Formation in Medieval and Early Modern Eurasia and the Middle East. Wiesbaden: O. Harrassowitz, 1992.
- Golden 1999 — *Golden P.B.* The Conversion of the Khazars to Judaism // *The World of the Khazars. New Perspectives. Selected Papers from the Jerusalem*. 1999.
- Golden 2001 — *Golden P.B.* Ethnicity and State Formation in Pre-Činggisid Turkic Eurasia. Bloomington: Indiana University Press, 2001.
- Golden 2011 — *Golden P.B.* Central Asia in World History. Oxford: Oxford University Press, 2011.
- Golden 2011 — *Golden P.B.* Studies on the Peoples and Cultures of the Eurasian Steppes / Ed. by C. Hriban. Bucurest: Editura Academiei Române; Brăila: Editura Istros a Muzeului Brăilei, 2011.
- The Golden Deer 2000 — *The Golden Deer of Eurasia: Scythian and Sarmatian Treasures from the Russian Steppes*. New York: The Metropolitan Museum of Art, 2000.
- Goldschmidt 1974 — *Goldschmidt W.* The Economics of Brideprice among the Sebei in East Africa // *Ethnology*. 1974. Vol. 13. P. 311–331.
- Goldstone, Haldon 2009 — *Goldstone J.A., Haldon J.F.* Ancient States, Empires, and Exploitation // *The Dynamics of Ancient Empires: State Power from Assyria to Byzantium*. Oxford: Oxford University Press, 2009. P. 3–29.
- Golovachev 2002 — *Golovachev V.C.* Matricide among the Tuoba-Xianbei and Its Transformation during the Northern Wei // *Early Medieval China*. 2002. Vol. 8. P. 1–41.
- Gonda 1966 — *Gonda J.* Ancient Indian Kingship from the Religious Point of View. Leiden: E.J. Brill, 1966.
- Graff 2002 — *Graff D.A.* Medieval Chinese Warfare, 300–900. London; New York: Routledge, 2002.
- Grinin et al. 2004 — *Grinin L.E., Carneiro R.L., Bondarenko D.M., Kradin N.N., Korotayev A.V.* (eds). The Early State, Its Alternatives and Analogues. Volgograd: Uchitel, 2004.

- Grousset 1970 — *Grousset R.* The Empire of the Steppes — A History of Central Asia. New Brunswick: Rutgers University Press, 1970.
- Guignes 1756–1758 — *Guignes J. de.* Histoire générale des Huns, des Turcs, des Mongols et des autres Tartares occidentaux avant et depuis Jésus Christ jusqu'à présent. Vol. I–IV. Paris, 1756–1758.
- Gulliver 1955 — *Gulliver P.H.* The Family Herds: A Study of Two Pastoral Tribes in East Africa the Jie and Turkana. London: Routledge & Kegan Paul, 1955.
- Györffy 1960 — *Györffy G.* Die Rolle des buiruc in der altturkischen Gesellschaft // *Acta Orientalia Hungaricae*. 1960. T. XI. P. 169–179.
- Haas 2001 — *Haas J.* (ed.). From Leaders to Rulers. New York: Kluwer Academic/Plenum Publishers, 2001.
- Hamilton 1955 — *Hamilton J. R.* Les Ouïghours à l'époque des Cinq dynasties d'après les documents Chinois. Paris: Collège de France, 1955.
- Harmatta 1951 — *Harmatta J.* The Golden Bow of the Huns // *Acta Archaeologica Scientiarum Hungaricae*. 1951. Vol. 1. P. 107–149.
- Harmatta 1952 — *Harmatta J.* The Dissolution of the Hun Empire. Hunnic Society of the Age of Attila // *Acta Archaeologica Scientiarum Hungaricae*. 1952. Vol. 2. P. 277–304.
- Hayashi 1984 — *Hayashi T.* Agriculture and Settlements in the Hsiung-nu // *Bulletin of the Ancient Orient Museum*. Tokyo, 1984. Vol. 6.
- Hayden, Schulting 1997 — *Hayden B., Schulting R.* The Plateau Interaction Sphere and Late Prehistoric Cultural Complexity // *American Antiquity*. 1997. Vol. 62. No 1. P. 51–85.
- Heather 1995 — *Heather P.* The Huns and the End of the Roman Empire in Western Europe // *English Historical Review*. 1995. Vol. CX. P. 4–41.
- Heather 1996 — *Heather P.* Afterword // *Thompson E.A.* The Huns. Oxford: Blackwell, 1996. P. 238–264.
- Heather 2005 — *Heather P.* The Fall of the Roman Empire. London: Pan Books, 2005.
- Heissig 1980 — *Heissig W.* The Religions of Mongolia. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1980.
- Helms 1993 — *Helms M.W.* Craft and the Kingly Ideal: Art, Trade, and Power. Austin: University of Texas Press, 1993.
- Holmgren 1995 — *Holmgren J.* Race and Class in Fifth Century China: The Emperor Kao-Tsu's Marriage Reform // *Early Medieval China*. Vol. 2. 1995–96. P. 86–117.
- Holotová-Szinek 2011 — *Holotová-Szinek J.* Preliminary Research on the Spatial Organization of the Xiongnu Territories in Mongolia // *Xiongnu Archaeology: Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia* / Ed. by U. Brosseder, B.K. Miller. Bonn: Vor- und Frühgeschichtliche Archäologie, Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn, 2011 (Bonn Contributions to Asian Archaeology. Vol. 5). P. 425–440.
- Homeyer 1951 — *Homeyer H.* Der Hunnenkönig von seinen Zeitgenossen dargestellt. Berlin: de Gruyter, 1951.
- Honey 1992 — *Honey D.B.* Stripping off Felt and Fur: An Essay on Nomadic Sinicization. Bloomington: Indiana University, 1992.
- Honeychurch 2013 — *Honeychurch W.* The Nomad as State Builder: Historical Theory and Material Evidence from Mongolia // *Journal of World Prehistory*. 2013. Vol. 26. No 4. P. 283–321.
- Honeychurch 2014 — *Honeychurch W.* Alternative Complexities: The Archaeology of Pastoral Nomadic States // *Journal of Archaeological Research*. 2014. Vol. 22. P. 277–326.
- Honeychurch 2015 — *Honeychurch W.* Inner Asia and the Spatial Politics of Empire: Archaeology, Mobility, and Culture Contact. New York: Springer, 2015.
- Honeychurch 2017 — *Honeychurch W.* The Development of Cultural and Social Complexity in Mongolia // *Handbook of East and Southeast Asian Archaeology*. New York: Springer, 2017. P. 513–532.
- Honeychurch, Amartuvshin 2006 — *Honeychurch W., Amartuvshin Ch.* States on Horseback: The Rise of Inner Asian Confederations and Empires // *Archaeology of Asia*. Oxford: Blackwell Publishing Ltd, 2006. P. 255–278.

- Hostetler 2001 — *Hostetler L.* Qing Colonial Enterprise: Ethnography and Cartography in Early Modern China. Chicago; London: University of Chicago Press, 2001.
- Houle, Broderick 2011 — *Houle J.-L., Broderick L.G.* Settlement Patterns and Domestic Economy of the Xiongnu in Khanui Valley, Mongolia // *Xiongnu Archaeology: Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia* / Ed. by U. Brosseder, B.K. Miller. Bonn: Vor- und Frühgeschichtliche Archäologie, Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn, 2011 (Bonn Contributions to Asian Archaeology. Vol. 5). P. 137–152.
- Hsiao Ch'i-ch'ing 1978 — *Hsiao Ch'i-ch'ing.* The Military Establishment of the Yuan Dynasty. Campridge (Mass.), etc.: Council on East Asian Studies, Harvard University, 1978.
- Huang 1990 — *Huang P.* New Light of the Origins of the Manchus // *Harvard Journal of Asiatic Studies.* 1990. Vol. 50. № 1. P. 239–282.
- Hummel 2010 — *Hummel A.W.* (ed.). Eminent Chinese of the Ch'ing Period, 1644–1912. Folkestone, Kent: Global Oriental, 2010. Vol. 1.
- Humphrey, Sneath 1999 — *Humphrey C., Sneath D.* The End of Nomadism? Durham NC: Duke University Press, 1999.
- Hüttel, Erdenebat 2009 — *Hüttel H.-G., Erdenebat U.* Karabalgasun und Karakorum — Zwei spaaat-nomadische Stadtsiedlungen im Orchon-Tal. Ulaanbaatar, 2009.
- Interaction Spheres 1964 — *Interaction Spheres in Prehistory* // *Hopewellian Studies* / Ed. by J.R. Caldwell, R.L. Hall. Springfield: Illinois State Museum, 1964. P. 133–143.
- Irons 1975 — *Irons W.* The Yomut Turkmen: A Study of Social Organization among Central Asian Turkic-Speaking Population. Ann Arbor: University of Michigan, 1975.
- Irons 1979 — *Irons W.* Political Stratification among Pastoral Nomads // *Pastoral Production and Society.* Cambridge University Press, 1979. P. 361–374.
- Irons 1994 — *Irons W.* Why are the Yomut not More Stratified? // *Pastoralists at the Periphery: Herders in a Capitalist World.* Tucson: University of Arizona Press, 1994. P. 175–196.
- Isayev 2006 — *Isayev E.* Archaeology ≠ Object as History ≠ Text: Nudging the Special Relationship into Thepost-ironic // *World Archaeology.* 2006. Vol. 38. Issue 4: Debates in World Archaeology. P. 599–610.
- Jackson 2000 — *Jackson P.* The State of Research The Mongol Empire, 1986–1999 // *Journal of Mediaeval History.* 2000. Vol. 26. No 2. P. 189–210.
- Jagchid 1991 — *Jagchid S.* The Historical Interaction between the Nomadic Peoples in Mongolia and the Sedentary Chinese // *Rulers from the Steppe: State Formation on the Inner Eurasian Periphery.* Los Angeles: Ethnographics Press, 1991. P. 63–91.
- Jagchid, Symons 1989 — *Jagchid S., Symons V.J.* Peace, War, and Trade along the Great Wall: Nomadic-Chinese Interaction through Two Millennia. Bloomington: Indiana University Press, 1989.
- Jamsran 2010 — *Jamsran L.* The Crisis of the Forty and the Four // *The History of Mongolia* / Ed. by D. Sneath & C. Kaplonski. Folkestone: Global Oriental, 2010. P. 497–507.
- Jenkins 1974 — *Jenkins G.* A Note on Climatic Cycles and the Rise of Chinggis Khan // *Central Asiatic Journal.* 1974. Vol. 18. № 4.
- Jenner 1981 — *Jenner W.F.J.* Memories of Loyang. Yang Hsuan-chih and the Lost Capital (493–534). Oxford: Oxford University Press, 1981.
- Jia Yi 1994 — *Jia Yi.* Xinshu // *A Concordance to the Jia Yi Xinshu.* Hong Kong: Chinese University of Hong Kong Institute of Chinese Studies the ICS Ancient Chinese Texts Concordance Series, 1994 (Philosophical works. No 13).
- Jones 1997 — *Jones S.* The Archaeology of Ethnicity: Constructing Identities in the Past and Present. London: Routledge, 1997.
- Jordanes — *Jordanes.* De summa temporum vel origine actibusque gentis / Ed. Mommsen. 1882.
- Juvaini 1958 — *The History of the World-Conqueror* by 'Ala ad-Din 'Ata-Malik Juvaini / Transl. by J.A. Boyle. Vol. I–II. Cambridge, 1958.
- Juvaini 1997 — *Genghis Khan. The History of the World-Conqueror* by 'Ala ad-Din 'Ata-Malik Juvaini / Tr. by J.A. Boyle. Manchester, 1997.

- Kamalov 2003 — *Kamalov A.* The Moghon Shine Usu Inscription as the Earliest Uighur Historical Annals // *Central Asiatic Journal*. 2003. Vol. 47. No 1. P. 77–90.
- Kamalov 2005 — *Kamalov A.* Sino-Uighurica: Revisiting the Uighur Runic Inscriptions and the T'ang Sources // *Bolor-un Gerel. Crystal-splendour. Essays Presented in Honour of Professor Kara Gyorgy's 70th Birthday*. Volume 1 / Ed. by A. Birtlan, A. Rakos. Budapest: Eotvos Lorand University, Hungarian Academy of Sciences, 2005. P. 385–391.
- Keliher 2017 — *Keliher M.* The Problem of Imperial Relatives in Early Modern Empires and the Making of Qing China // *The American Historical Review*. 2017. Vol. 122. № 4. P. 1001–1037.
- Kelly 2008 — *Kelly C.* Attila the Hun. Barbarian Terror and the Fall of the Roman Empire. London: The Bodley Head, 2008.
- Kepecs 2003 — *Kepecs S.M.* Salt Sources and Production // *The Postclassic Mesoamerican World*. Salt Lake City: University of Utah Press, 2003. P. 126–130.
- Kessler 1976 — *Kessler L.D.* K'ang-Hsi and the Consolidation of Ch'ing Rule, 1661–1684. Chicago: University of Chicago Press, 1976.
- Khazanov 1984 — *Khazanov A.M.* Nomads and the Outside World. Cambridge University Press, 1984.
- Khazanov 1990 — *Khazanov A.M.* Ecological Limitations of Nomadism in the Eurasian Steppes and Their Social and Cultural Implications // *Asian and African Studies*. 1990. Vol. 24. P. 1–15.
- Khazanov 1990 — *Khazanov A.M.* Pastoral Nomads in the Past, Present and Future: A Comparative View // *Olson P.A.* (ed.). *The Struggle for Land: Indigenous Insight and Industrial Empire in the Semiarid World*. Lincoln; London: University of Nebraska Press, 1990. P. 81–98.
- Khazanov 2003 — *Khazanov A.M.* Nomads of the Eurasian Steppes in Historical Retrospective // *Nomadic Pathways in Social Evolution*. Moscow: Center for Civilizational Studies, Russian Academy of Sciences, 2003. P. 25–49.
- Khazanov 2013 — *Khazanov A.M.* The Eurasian Steppe Nomads in World Military History // *Nomad Aristocrats in a World of Empires*. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag, 2013. P. 187–207.
- Kim 2013 — *Kim H.J.* The Huns, Rome and the Birth of Europe. Cambridge University Press, 2013.
- Kim 2016 — *Kim H.J.* The Huns. New York etc.: Routledge, 2016.
- Kim 2017 — *Kim H.J.* The Xiongnu // *Oxford Research Encyclopedia of Asian History*. Oxford University Press, 2017. P. 1–28.
- Kim et al. 2010 — *Kim K., Brenner Ch.H., Mai V.H., et al.* A Western Eurasian Male is Found in 2000-Year-Old Elite Xiongnu Cemetery in Northeast Mongolia // *American Journal of Physical Anthropology*. 2010. Vol. 142. No 3. P. 429–440.
- Klyashtorny 1982 — *Klyashtorny S.G.* The Terkhin Inscription // *Acta Orientalia Hungaricae*. 1982. T. XXXVI. Nos. 1–3. P. 335–366.
- Klyashtorny 1997 — *Klyashtorny S.G.* About one Khazar Title in Ibn Fadlan // *Manuscripta Orientalia*. 1997. Vol. 3. No 3. P. 22–23.
- Klyashtorny, Livshits 1972 — *Klyashtorny S.G., Livshits V.A.* The Sogdian Inscription of Bugut Revisited // *Acta Orientalia Hungaricae*. 1972. Vol. 26. No 1. P. 69–102.
- Konovalov 2008 — *Konovalov P.B.* The Burial Vault of a Xiongnu Prince at Suzha (Il'movaia pad', Transbaikalia) / Ed. by J. Bemmann. Bonn: Vor- und Frühgeschichtliche Archäologie Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn, 2008 (Bonn Contributions to Asian Archaeology. Vol. 3).
- Korotayev 1995 — *Korotayev A.V.* Mountains and Democracy: An Introduction // *Alternative Pathways to Early State*. Vladivostok: Dalnauka, 1995. P. 60–74.
- Korotayev 2005 — *Korotayev A.* A Compact Macromodel of World-System Evolution // *Journal of World-System Research*. 2005. Vol. 11. No 1. P. 79–93.
- Koryakova 1996 — *Koryakova L.* Social Trends in Temperate Eurasia during the Second and First Millennia BC // *Journal of European Archaeology*. Vol. 4. 1996. No 1. P. 243–280.
- Koryakova 2002 — *Koryakova L.N.* Social Landscape of Central Eurasia in the Bronze and Iron Ages: Tendencies, Factors and Limits of Transformation // *Jones-Bley K., Zdanovich D.* (eds). *Complex Societies of Central Eurasia from the 3rd to the 1st Millennium BC: Regional Specifics in Light of Global Models*. Washington D.C.: Institute for Study of Man, 2002. P. 97–118.
- Koryakova, Epimakhov 2007 — *Koryakova L., Epimakhov A.* The Ural and Western Siberia in the Bronze and Iron Ages. Cambridge University Press, 2007.

- Kovalev 2005 — *Kovalev R.K.* Creating Khazar Identity through Coins: The Special Issue Dirhams of 837/838 // East Central and Eastern Europe in the Early Middle Ages. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2005.
- Krader 1955 — *Krader L.* The Ecology of Central Asian Pastoralism // Southwestern Journal of Anthropology. 1955. No 11. P. 301–326.
- Krader 1963 — *Krader L.* Social Organization of the Mongol-Turkic Pastoral Nomads. The Hague, 1963.
- Kradin 2000 — *Kradin N.N.* Nomadic Empires in Evolutionary Perspective // Kradin N.N., Korotayev A.V., et al. (eds). Alternatives of Social Evolution. Vladivostok: Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, 2000. P. 274–288.
- Kradin 2002 — *Kradin N.N.* Nomadism, Evolution and World-systems: Pastoral Societies in Theories of Historical Development // Journal of World-System Research. 2002. Vol. 8. No 1. P. 368–388.
- Kradin 2003 — *Kradin N.N.* Nomadic Empires: Origins, Rise, Decline // Nomadic Pathways in Social Evolution / Ed. by N.N. Kradin, D.M. Bondarenko, T. Barfield. Moscow: Center for Civilizational and Regional Studies of the Russian Academy of Sciences, 2003. P. 73–87.
- Kradin 2005 — *Kradin N.N.* From Tribal Confederation to Empire: The Evolution of the Rouran Society // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. 2005. Vol. 58. № 2.
- Kradin 2006 — *Kradin N.N.* Cultural Complexity of Pastoral Nomads // World Cultures. 2006. 15. P. 171–189.
- Kradin 2008 — *Kradin N.N.* Early State Theory and the Evolution of Pastoral Nomads // Social Evolution & History. 2008. Vol. 7. No 1. P. 107–130.
- Kradin 2008a — *Kradin N.N.* Structure of Power in Nomadic Empires of Inner Asia: Anthropological Approach // Hierarchy and Power in the History of Civilizations: Ancient and Medieval Cultures / Ed. by L.E. Grinin, D.D. Beliaev, A.V. Korotayev. Moscow: URSS, 2008. P. 98–125.
- Kradin 2009 — *Kradin N.N.* State Origins in Anthropological Thought // Social Evolution & History. 2009. Vol. 8. No 1. P. 25–51.
- Kradin 2010 — *Kradin N.N.* Structure of Society and Power in the Ancient Inner Asian Nomadic Empires: Xiongnu and Xianbei // Representing Power in Ancient Inner Asia: Legitimacy, Transmission and the Sacred / Ed. by I. Charleux, G. Delaplace, R. Hamayon, S. Pearce. Bellingham (WA): Center for East Asian Studies, Western Washington University, 2010. P. 307–341.
- Kradin 2011 — *Kradin N.N.* Stateless Empire: The Structure of the Xiongnu Nomadic Super-Complex Chiefdom // Xiongnu Archaeology: Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia / Ed. by U. Brosseder, B.K. Miller. Bonn: Vor- und Frühgeschichtliche Archäologie, Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn, 2011 (Bonn Contributions to Asian Archaeology. Vol. 5). P. 77–96.
- Kradin 2014 — *Kradin N.N.* Nomads of Inner Asia in Transition. Moscow: URSS, 2014.
- Kradin 2015 — *Kradin N.N.* Nomadic Empires in Inner Asia // Complexity of Interaction along the Eurasian Steppe Zone in the First Millennium CE / Ed. by J. Bemann, M. Schmauder. Bonn: Vor- und Frühgeschichtliche Archäologie Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn, 2015 (Bonn Contributions to Asian Archaeology. Vol. 7). P. 11–48.
- Kradin 2018a — *Kradin N.N.* Nomads and the Theory of Civilizations // Anthropology and Civilizational Analysis. Eurasian Explorations / Ed. by J.P. Arnason, C. Hann. Albany: State University of New York Press, 2018. P. 303–322.
- Kradin 2018b — *Kradin N.N.* Who Was the Builder of Mongol Towns in Transbaikalia? // Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review. 2018. Vol. 6. No 2. P. 224–237.
- Kradin 2019 — *Kradin N.N.* Social Complexity in Slab Graves Culture // Nomadic Empires of Eurasia in Archaeological and Interdisciplinary Studies: Volume of the IV International Congress of Medieval Archeology of the Eurasian Steppes, Dedicated to the 100th Anniversary of the Russian Academic Archeology (Ulan-Ude, September 16–21, 2019). In 2 vol. Vol. 2 / Ed. by B.V. Bazarov, N.N. Kradin. Ulan-Ude: Publishing House of BSC SB RAS, 2019. P. 46–48.

- Kradin et al. 2000 — *Kradin N.N., Korotayev A.V., Bondarenko D.M., de Munck V., Wason P.K.* (eds). *Alternatives of Social Evolution*. Vladivostok: Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, 2000.
- Kradin, Skrynnikova 2009 — *Kradin N.N., Skrynnikova T.D.* "Stateless Head": Notes on Revisionism in the Studies of Nomadic Societies // *Ab Imperio*. 2009. No 4. P. 117–128.
- Kristiansen 1998 — *Kristiansen K.* *Europe before History*. Cambridge University Press, 1998.
- Kürsat-Ahlers 1994 — *Kürsat-Ahlers E.* Zur frühen Staatenbildung von Steppenvölkern: Über die Sozio- und Psychogenese der eurasischen Nomadenreiche am Beispiel der Hsiung-Nu und Gök-türken mit einem xkurs über die Skythen. Berlin: Duncker & Humblot, 1994.
- Kürsat-Ahlers 1996 — *Kürsat-Ahlers E.* Aspects of State Formation Processes among the Ancient Eurasian Nomads // XIII International Congress of Prehistoric and Protohistoric Sciences. Forli, 1996. P. 25–48.
- Kwanten 1979 — *Kwanten L.* *Imperial Nomads: A History of Central Asia, 500–1500*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1979.
- La Livre 1830 — *La Livre du Grant Caan*, extraite du manuscrit de la Biblioteque du Roi, par M. Jaquet // *Journal Asiatique*. 1830. T. VI. P. 57–72.
- Lambton 1988 — *Lambton A.K.S.* *Continuity and Change in Medieval Persia: Aspects of Administrative, Economic and Social History. 11th–14th Century*. New York; London, 1988.
- Lane 2003 — *Lane G.* *Early Mongol Rule in Thirteenth-century Iran: A Persian Renaissance*. London: RoutledgeCurzon, 2003.
- Langlois 1981 — *China under Mongol Rule* / Ed. by J.D. Langlois. Princeton, 1981.
- Lattimore 1940 — *Lattimore O.* *Inner Asian Frontiers of China*. New York; London, 1940.
- Laurence 2004 — *Laurence R.* The Uneasy Dialogue between Ancient History and Archaeology // *Archaeology and Ancient History. Breaking Down the Boundaries*. New York: Routledge, 2004. P. 99–113.
- Le Coq 1912 — *Le Coq A. von.* Ein manichäisches Buchfragment aus Chotscho // *Festschrift für V. Thomsen*. Leipzig, 1912. P. 145–154.
- Lee 1970 — *Lee R.H.G.* *The Manchurian Frontier in Ch'ing History*. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1970.
- Legrand 2011 — *Legrand J.* *Mongols et Nomades: Société, Histoire, Culture. Textes, communications, articles 1973–2011*. Ulaanbaatar, 2011.
- Leus 2011 — *Leus P.M.* New Finds from the Xiongnu Period in Central Tuva. Preliminary Communication // *Xiongnu Archaeology: Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia* / Ed. by U. Brosseder, B.K. Miller. Bonn: Vor- und Frühgeschichtliche Archäologie, Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn, 2011 (Bonn Contributions to Asian Archaeology. Vol. 5). P. 515–536.
- Levy 1960 — *Levy H.S.* *Biography of An Lushan*. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1960.
- Lewicki 1956 — *Lewicki T.* *Źródła arabskie do dziejów słowiańszczyzny*. T. I. Wrocław; Kraków, 1956.
- Lewicki 1958 — *Lewicki T.* *Źródła arabskie i hebrajskie do dziejów Słowian w okresie wczesnego średniowiecza* // *Studia Źródłoznawcze*. Poznań, 1958. T. 3.
- Lewicki 1977 — *Lewicki T.* *Źródła arabskie do dziejów słowiańszczyzny*. T. II. Cz. 2. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1977.
- Li 2002 — *Li G.R.* State Building Before 1644 // *The Cambridge History of China*. Vol. 9. Pt 1. Cambridge University Press, 2002. P. 9–72.
- Li Fanq Kuei 1980 — *Li Fanq Kuei.* A Problem in the Sino-Tibetan Treaty Inscription // *Acta Orientalia Hungaricae*. 1980. T. XXXI. No 1–3. P. 121–124.
- Li, Cribb 2014 — *Li N., Cribb R.* *Historical Atlas of Northeast Asia, 1590–201: Korea, Manchuria, Mongolia, Eastern Siberia*. New York: Columbia University Press, 2014.
- Lieberman 2009 — *Lieberman V.* *Strange Parallels: Southeast Asia in Global Context, C. 800–1830*. Vol. 2. *Mainland Mirrors: Europe, Japan, China, South Asia, and the Islands*. Cambridge University Press, 2009.

- Lin 1985 — *Lin Gan*. Xiongnu tongshi. Beijing: Renmin, 1985.
- Linduff 2008 — *Linduff K.M.* The Gender of Luxury and Power among the Xiongnu // Are All Warriors Male? Gender Roles on the Ancient Eurasian Steppe. Lanham: AltaMira Press, 2008. P. 175–212.
- Little 1985 — *Little P.D.* Absentee Herdowners and Part-Time Pastoralists: The Political Economy of Resource Use in Northern Kenya // Human Ecology. 1985. Vol. 13. P. 131–151.
- Liu Chia-chü 1981 — *Liu Chia-chü*. The Creation of the Chinese Banners in the Early Ch'ing // Chinese Studies in History. 1981. Vol. 14. № 4. P. 47–75.
- Liu Mau-tsai 1958 — *Liu Mau-tsai*. Die Chinesische Nachrichten zur Geschichte der Ost-Turken (Tukue). Bd. I. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1958.
- Ludwig 1982 — *Ludwig D.* Struktur und Gesellschaft des Chazaren-Reiches im Licht den schriftlichen Quellen. Münster, 1982.
- Ma 2005 — *Ma Liqing*. Yuan xiongnu // Xiongnu: lishi yu wenhua de kaoguxue tansuo. Hoh-hot, 2005 (in Chinese).
- Mackerras 1968 — *Mackerras C.* The Uighur Empire (744–840) according to the T'ang Dynastic Histories. Canberra: Australian National University Centre of Oriental Studies, 1968.
- Maekawa 2006 — *Maekawa K.* New Perspectives on the Study of the Mongol Empire // Transactions of the International Conference of Eastern Studies. No 51. Tokyo, 2006. P. 128–133.
- Maenchen-Helfen 1973 — *Maenchen-Helfen O.J.* The World of the Huns / Ed. by M. Knight. Berkeley, University of California Press, 1973.
- Makarewicz 2011 — *Makarewicz Ch.* Xiongnu Pastoral Systems: Integrating Economies of Subsistence and Scale // Xiongnu Archaeology: Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia / Ed. by U. Brosseder, B.K. Miller. Bonn: Vor- und Frühgeschichtliche Archäologie, Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn, 2011 (Bonn Contributions to Asian Archaeology. Vol. 5). P. 181–192.
- Mann 1986 — *Mann M.* The Sources of Social Power. Vol. 1. A History of Power from the Beginning to A.D. 1760. Cambridge University Press, 1986.
- Marcus 1998 — *Marcus J.* The Peaks and Valleys of Ancient States: An Extension of the Dynamics Model // Archaic States / Ed. by G.M. Feinman, J. Marcus. Santa Fe: School of American Research, 1998. P. 59–94.
- Marquart 1903 — *Marquart J.* Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. Leipzig, 1903.
- May 2011 — *May T.* The Mongol Conquests in World History. London: Reaktion Books, 2011.
- May 2017 — *May T.* (ed.). The Mongol Empire: A Historical Encyclopedia. Vols. 1–2. Santa-Barbara, 2017.
- McGovern 1939 — *McGovern W.M.* The Early Empires of Central Asia. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1939.
- McNeil 1976 — *McNeill W.* Plagues and Peoples. New York: Anchor, 1976.
- McNeil 2000 — *McNeill W.* Information and Transportation Nets in World History // World System History: The Social Science of Long-Term Change. London: Routledge, 2000.
- McNeil, McNeil 2003 — *McNeil J.R., McNeil W.* The Human Web: A Bird's-Eye View of World History. New York; London: W.W. Norton & Co., 2003.
- Melville 1999 — *Melville Ch.* The Fall of Amir Chupan and the Decline of the Ilkhanate. 1327–1337. A Decade of Discord in Mongol Iran. Bloomington (Ind.): Indiana University, Research Institute for Inner Asian Studies, 1999.
- Mierow 1960 — *Mierow C.C.* (transl.). The Gothic History of Jordanes in English Version with an Introduction and a Commentary. Cambridge: Speculum Historiale, 1960.
- Miller 2011 — *Miller B.K.* Permutations of Peripheries in the Xiongnu Empire // Xiongnu Archaeology: Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia / Ed. by U. Brosseder, B.K. Miller. Bonn: Vor- und Frühgeschichtliche Archäologie, Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn, 2011 (Bonn Contributions to Asian Archaeology. Vol. 5). P. 559–578.
- Miller 2014 — *Miller B.K.* Xiongnu “Kings” and the Political Order of the Steppe Empire // Journal of the Economic and Social History of the Orient. 2014. Vol. 57. No 1. P. 1–43.

- Miller 2015 — *Miller B.K.* The Southern Xiongnu in Northern China: Navigating and Negotiating the Middle Ground // Complexity of Interaction along the Eurasian Steppe Zone in the First Millennium CE / Ed. by J. Bemmann, M. Schmauder. Bonn: Vor- und Frühgeschichtliche Archäologie, Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn, 2015 (Bonn Contributions to Asian Archaeology. Vol. 7). P. 127–198.
- Miller et al. 2009 — *Miller B.K., Baiarsaikhan Z., Egiimaa Ts., Konovalov P.B., Logan J.* Elite Xiongnu Burials at the Periphery: Tomb Complexes at Takhiltyn-khotgor, Mongolian Altai // Current Archaeological Research in Mongolia. Papers from the First International Conference on “Archaeological Research in Mongolia” Held in Ulaanbaatar, August 19th–23rd, 2007 / Ed. by J. Bemmann, H. Parzinger, E. Pohl, D. Tseveendorzh. Bonn: Vor- und Frühgeschichtliche Archäologie, Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn, 2009 (Bonn Contributions to Asian Archaeology. Vol. 4). P. 301–314.
- Miller et al. 2011 — *Miller B.K., Baiarsaikhan Z., Egiimaa Ts., Konovalov P.B., Johannesson E., Machicek M., Logan J., Claire N.* Shombuuzyn Belchir dekh Khünnügiin dursgal // Nüüdelchdiin öv sudlal. 2011. Vol. 11. P. 156–183.
- Miller, Brosseder 2013 — *Miller B.K., Brosseder U.* Beasts of the North: Global and Local Dynamics as Seen in Horse Ornaments of the Steppe Elite // Asian Archaeology. 2013. Vol. 1. P. 94–112.
- Miller, Brosseder 2017 — *Miller B., Brosseder U.* Global Dynamics in Local Processes of Iron Age Inner Asia // The Routledge Handbook of Archaeology and Globalization / Ed. by T. Hodos. New York Routledge, 2017. P. 470–487.
- Minorsky 1948 — *Minorsky V.* Tamīm ibn Bahr’s Journey to the Uyghurs // Bulletin of School of the Oriental and African Studies. 1948. Vol. 12. No 2. P. 275–305.
- Miquel 1967 — *Miquel A.* La géographie humaine du monde musulman jusqu’au milieu du XI siècle. Paris: Éditions de l’École des hautes études en sciences sociales, 1967.
- Mongolian-German Karakorum-Expedition 2009 — Mongolian-German Karakorum-Expedition. Vol. 1. Excavations in the Craftsmen-Quarter at the Main Road / Ed. by J. Bemmann, U. Erdenibat, E. Pohl. Wiesbaden: Reichert Verlag, 2009 (Forschungen zur Archäologie Außereuropäischer Kulturen. Vol. 8).
- Morgan 1986 — *Morgan D.* The “Great Yasa” of Chingiz Khan and Mongol Law in the Ilkhanate // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. 1986. Vol. 49. No 1. P. 163–176.
- Morgan 2005 — *Morgan D.* The “Great Yasa of Chinggis Khan” Revisited // Mongols, Turks, and Others: Eurasian Nomads and the Sedentary World. Leiden; Boston: Brill, 2005.
- Mori Masao 1950 — *Mori Masao.* Kyōdo no kokka // Shigaku Zasshi. 1950. Vol. 59. No 5. P. 1–21.
- Mori Masao 1973 — *Mori Masao.* Reconsideration of the Hsiung-nu State: Response to Professor O. Pritsak’s Criticism // Acta Asiatica. 1973. Vol. 24. P. 20–34.
- Morris 2006 — *Morris E.* Lo, Nobles Lament, The Poor Rejoice: State Formation in the Wake of Social Flux // After Collapse: The Regeneration of Complex Societies. Tuscon: University of Arizona Press, 2006. P. 58–71.
- Mulder et al. 2010 — *Mulder B., Fazio I., Irons W., McElreath R.L., Bowles S., Bell A., Hertz T., Hazzah L.* Pastoralism and Wealth Inequality Revisiting an Old Question by Monique // Current Anthropology. 2010. Vol. 51. No 1. P. 35–48.
- Murphy 2011 — *Murphy D.* Reviving the Khoroo: The Re-Emergence of Collective Mobility among Mongolian Pastoralists. Paper Presented on Examining Traces of Human Mobility across Spatio-temporal Scales Panel (Mark Moritz, Julia Gibling) at American Anthropological Association Meeting in Montréal, 2011.
- Nasan Bayar 2014 — *Nasan Bayar.* A Discourse of Civilization/Culture and Nation/Ethnicity from the Perspective of Inner Mongolia, China // Asian Ethnicity. 2014. Vol. 15. No 4. P. 439–457.
- Natsagdorj, Ochir 2010 — *Natsagdorj Sh., Ochir A.* Six Tümen // The History of Mongolia. Folkestone: Global Oriental, 2010. P. 521–526.
- Noonan 1995–1997 — *Noonan Th.* The Khazar Economy // Archivum Eurasiae Medii Aevi. 1995–1997. T. 9. P. 253–318.
- Noonan 2007 — *Noonan Th.S.* Some Observations on the Economy of the Khazar Khaganate // The World of the Khazars. Leiden; Boston: Brill, 2007. P. 207–244.

- Odbaatar 2011 — *Odbaatar T.* Khünnü naryn бүс [Xiongnu Belts] // Khünnüгийн өв: Нүүдэлчдийн анхны төр-Khünnü гүрний соёл [Treasures of the Xiongnu: The First Nomadic Empire in Mongolia]. Ulaanbaatar, 2011. P. 130–141.
- Okada 1979 — *Okada H.* How Hong Taiji Came to The Throne // *Central Asiatic Journal*. 1979. Vol. 23. № 3–4. P. 250–259.
- Oxnam 1975 — *Oxnam R.B.* Ruling from Horseback: Manchu Politics in the Oboi Regency: 1661–1669. Chicago: University of Chicago Press, 1975.
- Park et al. 2010 — *Park J.-S., Gelegdorj E., Chimiddorj Y.-E.* Technological Traditions Inferred from Iron Artefacts of the Xiongnu Empire in Mongolia // *Journal of Archaeological Science*. 2010. Vol. 37. No 11. P. 2689–2697.
- Park et al. 2017 — *Park J.-S., Erdenebaatar D., Eregzen G.* Evolution of Mongolian Bronze Technology with the Rise of the Xiongnu State // *Archaeological and Anthropological Sciences*. 2017. Vol. 9. No 5. P. 789–798.
- Park et al. 2019 — *Park J.-S., Honeychurch W., Amartuvshin Ch.* Iron Technology and Medieval Nomadic Communities of East Mongolia // *Archaeological and Anthropological Sciences*. 2019. Vol. 11. No 2. P. 555–565.
- Parkinson, Galaty 2010 — *Parkinson W., Galaty M.* (eds). Archaic State Interaction: The Eastern Mediterranean in the Bronze Age. Santa Fe: School for Advanced Research, 2010.
- Patterson 2000 — *Patterson T.* Bridging the Gap Between Archaeology and History // *The Entangled Past: Integrating History and Archaeology*. Alberta: The Archaeological Association of the University of Calgary, 2000. P. 12–18.
- Pauketat 2007 — *Pauketat T.* Chiefdoms and Others Archaeological Delusions. New York etc.: AltaMira, 2007.
- Pederson et al. 2014 — *Pederson N., Hessel A., Baatarbileg N., Kevin J. Anchukaitis K., Di Cosmo N.* Pluvials, Droughts, the Mongol Empire, and Modern Mongolia // *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America (PNAS)*. 2014. Vol. 111. No 12. P. 4375–4379.
- Peer Polity 1986 — *Peer Polity Interaction and Socio-Political Change*. Cambridge University Press, 1986.
- Perdue 2009 — *Perdue P.C.* China Marches West: The Qing Conquest of Central Eurasia. Cambridge (MA): Harvard University Press, 2009.
- Petrukhin 2004 — *Petrukhin V.* A Note on the Sacral Status of the Khazarian Khagan: Tradition and Reality // *Monotheistic Kingship. The Medieval Variants*. Budapest; New York: Central European University Press 2004 (Central European University (CEU) medievalia. Vol. 6).
- Pinks 1968 — *Pinks E.* Die Uiguren von Kanchou in den frühen Sung-zeit (960–1028) // *Asiatische forschungen*. Wiesbaden, 1968. Bd. XXIV.
- Pohl 2003 — *Pohl W.* A Non-Roman Empire in Central Europe: The Avars // *Regna and Gentes. The Relationship between Late Antique and Early Medieval Peoples and Kingdoms in the Transformation of the Roman World*. Leiden; Boston: Brill, 2003. P. 571–596.
- Pohl 2018 — *Pohl W.* The Avars: A Steppe Empire in Central Europe, 567–822. London: Cornell University Press, 2018.
- Polosmak 2008 — *Polosmak N.V., Bogdanov E.S., Tseveendorj D., Erdene-Ochir N.* The Burial Construction of Noin Ula Mound 20, Mongolia // *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*. 2008. No 34 (2). P. 77–87.
- Price, Feinman 2010 — *Price D., Feinman G.* (eds). Pathways to Power: New Perspectives on the Emergence of Social Inequality. New York: Springer, 2010.
- Priscus — *Priscus. Fragmenta* // *Blockley C.* (transl.). The Fragmentary Classicising Historians of the Later Roman Empire. Eunapius, Olympiodorus, Priscus and Malchus. Text, Translation and Historiographical Notes. Liverpool: Francis Cairns, 1983.
- Prosper Tiro — *Prosper Tiro. Epitoma chronicon* // *Walsh G.G.* (transl.). The Fathers of the Church: a New Translation. Vol. 7. Washington: The Catholic University of American Press, 1970.

- Prowse et al. 2007 — *Prowse T.L., Schwarcz H.P., Garnsey P., et al.* Isotopic Evidence for Age-related Immigration to Imperial Rome // *American Journal of Physical Anthropology*. 2007. Vol. 132. P. 510–519.
- Psarras 2004 — *Psarras S.-K.* Han and Xiongnu: A Reexamination of Cultural and Political Relations (II) // *Monumenta Serica*. 2004. Vol. 52. P. 37–93.
- Pulleyblank 1955 — *Pulleyblank E.G.* The Background of the Rebellion of An Lu-shan. London; New York: Oxford University Press, 1955.
- Rachewiltz 1972 — *Rachewiltz I. de.* Index to the Secret History of the Mongols. Bloomington: Indiana University Publications, 1972.
- Rachewiltz 1978 — *Rachewiltz I. de.* The Role of Turks in China under Mongols. A Preliminary Investigation of Turco-mongol Relations in East Asia 10–13 Centuries // Conference under the Sponsorship of the American Council of Learned Societies. Ossaquach; Washington, July, 1978. № 9–14.
- Rachewiltz 1993 — *Rachewiltz I. de.* Some Reflection on Činggis Qan's *Yasay* // *East Asian History*. 1993. Vol. 6. P. 91–104.
- Rachewiltz 2004 — *Rachewiltz I. de.* The Secret History of the Mongols. A Mongolian Epic Chronicle of the Thirteenth Century / Transl. with a Historical and Philological Commentary by Igor de Rachewiltz. Leiden; Boston: Brill, 2004.
- Radloff 1897 — *Radloff W.* Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. L. II. Neue Folge. St. Petersburg, 1897.
- Ratchnevsky 1974 — *Ratchnevsky P.* Die Yasa (Jasaq) Cinggis-khans und ihre Problematik // *Schriften zur Geschichte und Kultur des alten Orients*. Bd. 5 (Sprache, Geschichte und Kultur der altaischen Völker). Berlin: Akademie-Verlag, 1974. S. 164–172.
- Ratchnevsky 1983 — *Ratchnevsky P.* Cinggis-khan: Sein Leben und Wirken. Wiesbaden, 1983.
- Rawski 1996 — *Rawski E.S.* Reenvisioning the Qing: The Significance of the Qing Period in Chinese History // *Journal of Asian Studies*. 1996. Vol. 55. No 4. P. 829–850.
- Rawski 1998 — *Rawski E.S.* The Last Emperors: A Social History of Qing Imperial Institutions. Berkeley: University of California Press, 1998.
- Renfrew, Cherry 1986 — *Renfrew C., Cherry J.* (eds). Peer Polity Interaction and Socio-Political Change. Cambridge University Press, 1986.
- Rintchen 1959 — *Rintchen B.* Les matériaux pour l'étude du chamanisme mongol. T. 1. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1959.
- Rogers 2007 — *Rogers J.D.* The Contingencies of State Formation in Eastern Inner Asia // *Asian Perspectives*. 2007. Vol. 46. No 2. P. 249–274.
- Rogers 2012 — *Rogers J.D.* Inner Asian States and Empires: Theories and Synthesis // *Journal of Archaeological Research*. 2012. Vol. 20. No 3. P. 205–256.
- Rossabi 1988 — *Rossabi M.* Khubilai Khan. His Life and Times. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 1988.
- Rossabi 2013 — *Rossabi M.* (ed.). Eurasian Influence on Yuan China. Singapore: ISEAS Publishing, 2013.
- Roth 1996 — *Roth E.A.* Traditional Pastoral Strategies in a Modern World: An Example from Northern Kenya // *Human Organization*. 1996. Vol. 55. P. 219–224.
- Rotours 1962 — *Rotours R.* des. Histoire de Ngan-Lou-chan. Paris: Presses universitaires de France, 1962.
- Routledge 2014 — *Routledge B.* Archaeology and State Theory. New York etc.: Bloomsbury, 2014.
- Sagaster 1976 — *Sagaster K.* Die Weisse Geschichte (Čayan Teüke). Wiesbaden: Otto Harrasowitz, 1976.
- Salzman 2002 — *Salzman P.C.* Pastoral Nomads: Some General Observations Based on Research in Iran // *Journal of Anthropological Research*. 2002. Vol. 58. No 2. P. 245–264.
- Schamiloglu 1984 — *Schamiloglu U.* The Qaraçi Beys of the Later Golden Horde: Notes on the Organization of the Mongol World Empire // *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. 1984. Vol. 4. P. 283–297.

- Scheidel 2010 — *Scheidel W.* The Xiongnu and the Comparative Study of Empire. Stanford, 2010. Available at SSRN: [http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.1663558].
- Scheidel 2011 — *Scheidel W.* The Xiongnu and the Comparative Study of Empire // *Xiongnu Archaeology: Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia* / Ed. by U. Brosseder, B.K. Miller. Bonn: Vor- und Frühgeschichtliche Archäologie, Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn, 2011 (Bonn Contributions to Asian Archaeology. Vol. 5). P. 111–120.
- Schmauder 2009 — *Schmauder M.* Die Hunnen. Ein Reitervolk in Europa. Darmstadt: Primus, 2009.
- Schortman 1989 — *Schortman E.* Interregional Interaction in Prehistory: The Need for a New Perspective // *American Antiquity*. 1989. Vol. 54. No 1. P. 52–65.
- Schreiber 1976 — *Schreiber H.* Die Hunnen: Attila probt die Welt Untergang. Wien: Econ, 1976.
- Schurmann 1956 — *Schurmann H.F.* The Economic Structure of the Yuan Dynasty. Cambridge, Mass., 1956.
- Schwartz, Nichols 2006 — *Schwartz G., Nichols J.* (eds). After Collapse: The Regeneration of Complex Societies. Tucson: University of Arizona Press, 2006.
- Serruys 1955 — *Serruys H.* Sino-jürced Relations during the Yung-lo Period, 1403–1424. Wiesbaden: O. Harrassowitz, 1955 (Göttinger Asiatische Forschungen).
- Shan 2009 — *Shan Yueying.* Xiongnu muzang yanjiu // *Kaogu xuebao*. 2009. No 1. P. 35–68.
- Shiraishi 2001 — *Shiraishi N.* Chingisu-kan no Kōkogaku (Archaeology of Chinggis Khan). Tokyo, 2001.
- Shiraishi 2002 — *Shiraishi N.* Mongory Teikoku shi kōkogaku-teki kenkyū. Tokyo, 2002.
- Shiraishi 2005 — *Shiraishi N.* Results of Excavations by the New Century Project at Avraga Site // The Avraga Site. Preliminary Report of the Excavations of the Palace of Genghis Khan in Mongolia 2001–2004. Niigata, 2005.
- Shiraishi 2006 — *Shiraishi N.* Avraga Site: The “Great Ordu” Of Genghis Khan // *Beyond the Legacy of Genghis Khan*. Leiden; Boston: Brill, 2006. P. 94–110.
- Sinor 1990 — *Sinor D.* The Establishment and Dissolution of the Türk Empire // *The Cambridge History of Early Inner Asia* / Ed. by D. Sinor. Cambridge University Press, 1990. P. 285–316.
- Sinor 1990a — *Sinor D.* (ed.). *Cambridge History of Early Inner Asia*. Cambridge University Press, 1990.
- Skaff 2012 — *Skaff J.* Sui-Tang China and Its Turko-Mongol Neighbors: Culture, Power, and Connections, 580–800. Oxford University Press.
- Skripkin 1994 — *Skripkin A.S.* Sarmatian Phenomenon // *The Archaeology of the Steppes Method and Strategies: Papers from the International Symposium Held in Naples, 9–12 November 1992* / Ed. by B. Genito. Napoli: Istituto Universitario Orientale, Dipartimento di Studi Asiatici, 1994.
- Skrynnikova 2003 — *Skrynnikova T.D.* Power among Mongol Nomads in Chinggis Khan’s Epoch // *Nomadic Pathways in Social Evolution* / Ed. by N.N. Kradin, D.M. Bondarenko, T. Barfield. Moscow: Center for Civilizational and Regional Studies of the Russian Academy of Sciences, 2003. P. 135–147.
- Smith 1975 — *Smith J.M.* Mongol Manpower and Persian Population // *Journal of Economical and Social History*. 1975. Vol. 18. No 3.
- Smith 1984 — *Smith J.M.* Ayn’Jalut: Mamluck Success or Mongol Failure? // *Harvard Journal of Asiatic Studies*. 1984. Vol. 44. No 2. P. 307–346.
- Smith 2003 — *Smith A.* The Political Landscape: Constellations of Authority in Early Complex Polities. Berkeley: University of California Press, 2003.
- Smith 2011 — *Smith A.T.* Archaeologies of Sovereignty // *Annual Review of Anthropology*. 2011. Vol. 40. P. 415–32.
- Sneath 2007 — *Sneath D.* The Headless State: Aristocratic Orders, Kinship Society, and Misrepresentations of Nomadic Inner Asia. New York: Columbia University Press, 2007.
- Sneath 2009 — *Sneath D.* Tribe, Ethnos, Nation: Rethinking Evolutionist Social Theory and Representations of Nomadic Inner Asia // *Ab Imperio*. 2009. No 4. P. 80–110.
- Sneath 2013 — *Sneath D.* Ayimag, uymaq and baylik: Re-examining Notions of the Nomadic Tribe and State // *Nomad Aristocrats in a World of Empire*. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag, 2013. P. 161–186.

- Sozomen — *Sozomen*. Historia ecclesiastica // Bidez J. (ed.). Histoire ecclésiastique. Paris: Cerf, 1996.
- Spencer 1973 — *Spencer P.* Nomads in Alliance: Symbiosis and Growth among the Rendille and Samburu of Kenya. London, UK: Oxford University Press, 1973.
- Spuler 1943 — *Spuler B.* Die Goldene Horde: die Mongolen in Rutland, 1223–1502. Lpz, 1943.
- Stark 2008 — *Stark S.* Die Alturkenzeit in Mittel- und Zentralasien. Archaeologische und historische Studien. Wiesbaden, 2008: Dr. Ludwig Reichert Verlag.
- Stark, Chance 2012 — *Stark B., Chance J.* The Strategies of Provincials in Empires // The Comparative Archaeology of Complex Societies. Cambridge University Press, 2012. P. 192–237.
- Stary 1984 — *Stary G.* The Manchu Emperor “Abahai”: Analysis of an Historiographic Mistake // Central Asiatic Journal. 1984. Vol. 28. № 3–4. P. 296–299.
- Stary 2015 — *Stary G.* From “Clan-Rule” to “Khan-Rule”: Some Considerations about the Relations between Nurhaci and Šurhaci // Central Asiatic Journal. 2015. Vol. 58. № 1–2. P. 149–154.
- Stenhardt 1990 — *Stenhardt N.S.* Chinese Imperial City Planning. Honolulu: University of Hawaii Press, 1990.
- Stickler 2007 — *Stickler T.* Die Hunnen. München: C.H. Beck Verlag, 2007.
- Swope 2014 — *Swope K.M.* The Military Collapse of China’s Ming Dynasty, 1618–1644. London etc.: Routledge, 2014.
- Tamura 1956 — *Tamura Jitsuzo.* 北アジア世界における國家の類型 (Types of Nations in the World of North Asia) // Memoirs of the Faculty of Letters, Kyoto University. Vol. 4. Kyoto, 1956. P. 475–492.
- Thapar 1981 — *Thapar R.* The State as Empire // The Study of the State. The Hague: Mouton Publishers, 1981.
- Thompson 2000 — *Thompson E.A.* The Huns / Revised and with an Afterword by P. Heather. Oxford: Wiley-Blackwell, 2000.
- Thomsen 1896 — *Thomsen V.* Inscriptions de l’Orchon. Helsingfors: Impr. de la Société de littérature finnoise, 1896.
- Thurstion 2012 — *Thurstion T.* Bitter Arrows and Generous Gifts: What Was a “King” in the European Iron Age? // Pathways to Power: New Perspectives on the Emergence of Social Inequality. New York: Springer, 2012. P. 193–254.
- Togan 1998 — *Togan I.* Flexibility and Limitation in Steppe Formations: The Kerait Khanate and Chinggis Khan. Leiden etc.: E.J. Brill, 1998.
- Törbat 2004 — *Törbat Ts.* Khünnügiin jirin irgediin bulsh. Ulaanbaatar, 2004.
- Törbat et al. 2003 — *Törbat Ts., Amartivshin Ch., Erdenbat U.* Egiin Golyn sav nutag dakh’ arheologiin dursgaluud. Ulaanbaatar, 2003.
- Trever 1932 — *Trever C.* Excavations in Northern Mongolia (1924–1925). Leningrad, 1932 (Memoirs of the Academy of History of Material Culture. Vol. 3).
- Turchin 2009 — *Turchin P.* A Theory for Formation of Large Empires // Journal of Global History. 2009. Vol. 4. No 2. P. 191–217.
- Twitchett, Tietze 1994 — *Twitchett D., Tietze K.-P.* The Liao // The Cambridge History of China. Vol. 6. Alien regimes and border states, 907–1368 / Ed. by H.Franke and D.Twitchett. Cambridge, 1994. P. 43–153.
- Uchida Ginpū 1953 — *Uchida Ginpū.* Kyōdo-shi Kenkyū. Ōsaka: Sōgen, 1953.
- Vasari 1978 — *Vasari I.* The Origin of the Institution of Basqaqs // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. 1978. Vol. 23.
- Vasary 1982 — *Vasary I.* A Contract of Crimean Khan Mangli Giray and the Inhabitants of Qirq-yer from 1478/79 // Central Asiatic Journal. 1982. Vol. 26. P. 289–301.
- Vasjutin 2019 — *Vasjutin S.A.* Political Complexity in Nomadic Empires of Inner Asia // Social Evolution and History. 2019. No 2. P. 91–113.
- Wakeman 1985 — *Wakeman F.E.* The Great Enterprise: The Manchu Reconstruction of Imperial Order in Seventeenth Century China. Vol. 1–2. Berkeley etc.: University of California Press, 1985.
- Weatherford 2004 — *Weatherford J.* Genghis Khan and the Making of the Modern World. New York: Crown Publishers; Three River Press, 2004.

- Weatherford 2010 — *Weatherford J.* Secret History of Mongolian Queens: How the Daughters of Genghis Khan Rescued His Empire. New York: Crown Publishing Group, 2010.
- Weber 1922 — *Weber M.* Wirtschaft und Gesellschaft. Tübingen: Verlag von J.C.B. Mohr, 1922.
- Wei Jian 2008 — *Wei Jian.* Shangdu Site of the Yuan Dynasty. Vol. I–II. Beijing, 2008 (in Chinese).
- Weiers 1987 — *Weiers M.* Konkordanz zum Aktenmaterial der Chiu man-chou tang und Man wen lao tang, Jahrgänge 1620–1630 // *Aetas Manjurica*. Bd. 1. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1987. S. 166–479.
- Werner 1956 — *Werner J.* Beiträge zur Archäologie des Attilareiches. München: Verlag der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, 1956.
- White 1964 — *White L.Jr.* Medieval Technology and Socieal Change. London: Oxford University Press, 1964.
- Wirth 1999 — *Wirth G.* Attila. Das Hunnenreich und Europa. Stuttgart; Berlin; Köln: Kohlhammer, 1999.
- Wittfogel, Feng 1949 — *Wittfogel K.A., Feng Chia-Sheng.* History of Chinese Society. Liao (907–1125). Philadelphia: The American Philosophical Society, 1949 (Transactions of the American Philosophical Society. New Series, 36).
- Wright 1995 — *Wright D.* Wealth and War in Sino-nomadic Relations // *The Tsing Hua Journal of Chinese Studies*. New Series. 1995. Vol. 25. No 3. P. 295–308.
- Wright 2014 — *Wright Joshua* Landscapes of Inequality? A Critique of Monumental Hierarchy in the Mongolian Bronze Age // *Asian Perspectives*. 2014. Vol. 51. No 2. P. 139–163.
- Wright 2019 — *Wright J.* Against the Mane: How Barbaric Was the “The Golden Age of Barbarians”? // *Cambridge Archaeological Journal*. 2019. Vol. 29. No 4. P. 712–714.
- Wright et al. 2009 — *Wright J., Honeychurch W., Amartuvshin C.* The Xiongnu Settlements of Egiin Gol, Mongolia // *Antiquity*. 2009. Vol. 83. P. 372–387.
- Wu’En 2007 — *Wu’En Yuesitu.* Beifang caoyuan kaoguxue wenhua yanjiu — qingtong shidai zhi zaoqi tieqi shidai. Beijing, 2007.
- Xie 1969 — *Xie Jian.* Xiongnu zhengzhi zhidu de yanjiu // *Bulletin of the Institute of History and Philology*. 1969. Vol. 41. No 2. P. 231–272.
- Xiongnu Archaeology 2011 — *Xiongnu Archaeology: Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia* / Ed. by U. Brosseder, B.K. Miller. Bonn: Vor- und Frühgeschichtliche Archäologie, Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn, 2011 (Bonn Contributions to Asian Archaeology. Vol. 5).
- Yikezhaomeng 1980 — *Yikezhaomeng wenwu gongzuozhan and Nei Menggu wenwu gongzuodui* 1980 Xigoupan Xiongnu mu // *Wenwu*, 1980. No 7. P. 1–10.
- Yoffee 2005 — *Yoffee N.* Myth of the Archaic State: Evolution of the Earliest Cities, States, and Civilizations. Cambridge University Press, 2005.
- Yu 1967 — *Yu Ying-shih.* Trade and Expansion in Han China. A Study in the Structure of Sino-Barbarian Economic Relations. Berkeley: University of California Press, 1967.
- Yu 1990 — *Yu Ying-shih.* The Hsiung-nu // *The Cambridge History of Early Inner Asia* / Ed. by D. Sinor. Cambridge University Press, 1990. P. 118–150.
- Zajączkowski 1947 — *Zajączkowski A.* Ze studiów nad zagadnieniem chazarskim. Kraków: Nakładem Polskiej Akademii Umiejętności, 1947.

Summary

Nomadic empires of Eurasia: features of historical dynamics.

Ed. by B.V. Bazarov and N.N. Kradin.

Moscow: Nauka — Vostochnaya literatura, 2019.

In this volume, the 17 large polities from the territory of Eurasia are discussed. The first chapter summarizes the results of the discussion on the origins of large steppe polities and nomadic empires. For many years, scholars have interpreted the large polities of pastoral nomads of Inner Asia as having different levels of complexity (pre-state, early state, feudal society, nomadic civilization, etc.). The chapter discusses the debates of recent decades within the post-Marxist and postmodern approaches as well as the polemics about the relation between internal and external factors, about hierarchy and heterarchy, periodization and complexity levels. In the second chapter, the ecology of Eurasian steppes is described. In chapters 3–19, the features of economy, social structure, power institutions, political structure of 17 large nomadic and semi-nomadic polities are consistently described: the Scythians (ch. 3), the Xiongnu (ch. 4), the Sarmatians (ch. 5), the Huns (ch. 6), the Xianbei (ch. 7), the Rouran (ch. 8), the Northern Wei dynasty (ch. 9), the Turks (ch. 10), the Uighur (ch. 11) and Khazar (ch. 12) khaganates, the Liao dynasty (ch. 13), Chinggis Khan's empire (ch. 14), the Yuan empire (ch. 15), the Golden Horde (ch. 16), the Mongols in the 17 century (ch. 17), the Dzungars (ch. 18), and the Manchurians (ch. 19).

Ch. 20 discusses the problem of the historical dynamics and succession of the ancient and medieval nomadic empires. In the Soviet period, this question was considered in most papers from the Marxist perspective. Some researchers were of the opinion that the ancient nomads have stayed at a primitive or slaver stage of society, while the medieval nomads were at a feudal one. It was a curious thought because the great empires of nomads (Khitan, Mongols and so on) were interpreted as early feudal societies whereas the nomads of the Early Modern time (the Kazakhs, the Kirghiz, the Turkmen) were considered to be at the stage of developed feudalism.

It is not correct to deny the dynamics of nomadic societies. Some aspects of the subsistence strategies of the nomadic societies have suffered profound changes from the prehistoric times while others remained nearly unchanged. For example, the basis of nomadic economy — pastoralism — has changed only slightly since the formation of nomadism. According to the archaeological data and reports of chroniclers and travelers, the species composition of the herd as well as routes of migrations and their length remained practically unchanged from the prehistoric times. Comparable descriptions concerning nomads are visible in the studies from the 19th to the early 20th century.

At the same time, it would be incorrect to deny the technological development. If the everyday implements of the Xiongnu times nomads are compared with those of the later-medieval period, then the dynamics are evident (substitution of ceramics with metal kitchens, the emergence of the hard saddle, improvements in harness etc.). However, it is not wholly the result of an independent development of nomadic handicrafts but also a consequence of the general diffusion of technological innovations.

One can trace the gradual cumulative expansion in the number of sedentary sites and settlements in Mongolia beginning from late prehistory. The earliest settlements and sites there were established in the era of the Xiongnu Empire. According to the Turks, nomads preached a doctrine of anti-urbanism. A cumulative expansion of town-building on the territory of Mongolia is a characteristic of the Uighur and Khitan times. The difference in the urbanisation processes in the Khitan society was caused by the fact that a large part of the Liao Empire's population was formed by conquered farmers. These tendencies evolved in the period of the Mongolian Empire. Karakorum became a true megalopolis — a city where different cultural traditions of the East and West converged and mixed. However, a true construction boom bringing new cities and monasteries fell on the times when the Mongols were subjects of the Manchurian Empire.

The biggest changes in the steppe environment were related to arms and military arts. The appearance of the wooden saddle in the late antiquity and of the stirrup in the 4th–5th centuries (Northern Korea?) has contributed to a shift in the role of cavalry. The light archers have formed the basis of troops of ancient nomads and the basic tactics of nomads consisted in maneuverability and shooting at the enemy at a distance. In the armies of agrarian societies, the cavalry was in fact of secondary importance. With the appearance of heavy cavalry, attack of horsemen bearing spears in tight formation became the principal tactical manoeuvre. The Rouran-Avars arrived in Europe furnished with iron harness and saddle, which gave them an advantage over the local people. During the First Turkic Khaganate, the nomads adopted new tactical operational weapons — heavy cavalry armed with long spears. In the 9th–10th centuries, the Seljuks achieved perfection in sabre mastering. Finally, the Mongolian bow was the most powerful bow of the Middle Ages. The Mongols subsequently mastered siege tactics perfectly. They adopted advanced military technologies: the construction of siege towers including those with catapults, as well as different devices shooting arrows, stones and propellant powders, which were used to make powerful artillery preparation before

the attack proper; they also raised dams to flood the enemy's cities and dug saps under the walls of forts.

The question of the similarity and succession of the socio-political organization of nomadic empires occupies a highly important place. In terms of the dynamics of social and political organisation, one can suggest that it has slightly changed at the root since the Xiongnu times. The following features were characteristic of all nomadic empires: (1) a multi-stage hierarchical character of the social organisation riddled at all levels with tribal and supratribal genealogical loyalties; (2) the dual (two wings) or threefold (two wings and the centre) principle of administrative division of the empire; (3) the military-hierarchical nature of the organisation of nomads, most commonly, on the decimal principle, which coexisted in parallel with the tribal structure; (4) the postal service (*yam*) as a specific way of organisation of the administrative infrastructure; (5) the specific system of power succession (the empire is a heritage of all having the khan's blood, the institution of co-government, *quriltai*); (6) distant hybrid war and exploitation as a specific way of relations with the agricultural world. Nevertheless, there was a certain variability of each of the identified indicators. For example, the threefold structure was characteristic of the Xiongnu in its formative stages; it later transformed into the wing structure. There is some evidence of the existence of the postal "governmental" communication system (*yam*) even in the Xiongnu polity but it flourished most in the Mongolian empire.

An interesting dynamic is traced in regard to the perception by nomads of the world religions. The ancient and medieval nomads of the Inner Asia were generally shamanists and worshipped the Eternal Sky (Tenggeri). It is confirmed by the data of written sources and runic inscriptions of the ancient Turks. Nevertheless, there are traces of penetration of different religions into the steppe. Hence, the Uighur elite accepted Manicheanism. Later on, Nestorianism became known in the steppe. Mongols encouraged religious diversity. Over time, the Mongols in the Middle East, Central Asia and the Golden Horde converted to Islam — the religion of fighters and merchants. In Mongolia, Buddhism expanded from the end of the 14th century. It became an important factor in the conciliation of nomads, when the Chinese solved the steppe problem for good.

To summarize, on the one hand, some aspects of the nomadic subsistence patterns were determined by environmental conditions, such as cattle breeding or social organization. On the other hand, it is evident that certain dynamics in other components of culture of the steppe societies (the means and technology of transport, weapon and military arts, urbanization, writing system, etc.) were defined by different external and internal factors. Finally, many cultural impulses were accepted from the agricultural world by way of diffusion or assimilation (a number of technologies, world religions etc.).

Contents

Preface (B.V. Bazarov and N.N. Kradin)	5
Chapter 1	
Introduction to the Problems (N.N. Kradin)	9
Chapter 2	
Ecology of Great steppe (Yu.I. Drobyshev)	22
Chapter 3	
Scythian polity (M.A. Petrov, E.V. Vdovchenkov)	48
Chapter 4	
Xiongnu empire (B. Miller)	75
Chapter 5	
Sarmatians (A.S. Skripkin)	93
Chapter 6	
Huns power (P. Kuosmanen)	112
Chapter 7	
Xianbei polity (Yu.I. Drobyshev)	127
Chapter 8	
Rouran khaganate (Yu.I. Drobyshev)	133
Chapter 9	
Northern Wei dynasty (V.Ts. Golovachev)	143
Chapter 10	
Era of Turkic khaganates (S.A. Vasyutin)	166
Chapter 11	
Uighur khaganate in Mongolia (A. Kamalov)	200
Chapter 12	
Khazar khaganate (T.M. Kalinina)	214

Chapter 13	
Liao empire (N.N. Kradin, A.L. Ivliev)	233
Chapter 14	
Chinggis Khan empire (N.N. Kradin, T.D. Skrynnikova)	252
Chapter 15	
Yuan empire (A.Sh. Kadyrbaev)	279
Chapter 16	
Golden Horde (R. Yu. Pochekaev)	300
Chapter 17	
Mongols in 17th century (T.D. Skrynnikova)	331
Chapter 18	
Dzungar — the last nomadic empire (L.A. Bobrov)	364
Chapter 19	
Steppe origins of the Manchurian empire (A.D. Gombozhapov, Ye.V. Nolev) ...	399
Chapter 20	
Nomadic empires dynamic (N.N. Kradin)	421
Bibliography	442
Summary	497

Содержание

Предисловие (Б.В. Базаров, Н.Н. Крадин)	5
Глава 1	
Введение в проблематику (Н.Н. Крадин)	9
Глава 2	
Экология Великой степи (Ю.И. Дробышев)	22
Глава 3	
Скифская держава (М.А. Петров, Е.В. Вдовченков)	48
Глава 4	
Империя Хунну (Б. Миллер)	75
Глава 5	
Сарматы (А.С. Скрипкин)	93
Глава 6	
Гуннская держава (П. Куосманен)	112
Глава 7	
Сяньбийская держава (Ю.И. Дробышев)	127
Глава 8	
Жужаньский каганат (Ю.И. Дробышев)	133
Глава 9	
«Завоевательная династия» Северная Вэй (В.Ц. Головачев)	143
Глава 10	
Эпоха тюркских каганатов (С.А. Васютин)	166
Глава 11	
Уйгурский каганат (А. Камалов)	200
Глава 12	
Хазарский каганат (Т.М. Калинина)	214

Глава 13	
Империя Ляо (Н.Н. Крадин, А.Л. Ивлиев)	233
Глава 14	
Держава Чингис-хана (Н.Н. Крадин, Т.Д. Скрынникова)	252
Глава 15	
Империя Юань (А.Ш. Кадырбаев)	279
Глава 16	
Золотая Орда (Р.Ю. Почекаев)	300
Глава 17	
Монголы в XVII в. (Т.Д. Скрынникова)	331
Глава 18	
Джунгары — последняя кочевая империя (Л.А. Бобров)	364
Глава 19	
Степные истоки империи маньчжуров (А.Д. Гомбожапов, Е.В. Нолев)	399
Глава 20	
Динамика кочевых империй (Н.Н. Крадин)	421
Библиография	442
Summary	497

Научное издание

Кочевые империи Евразии:

особенности исторической динамики

*Утверждено к печати Ученым советом
Федерального государственного бюджетного учреждения науки
«Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
Сибирского отделения РАН»*

Редактор *Н.Н. Щигорева*
Корректор *А.Е. Танчарова*
Компьютерная верстка *О.В. Волкова*

Подписано к печати 17.12.2019
Формат 70×100¹/₁₆. Печать офсетная.
Усл. п.л. 40,6. Усл. кр.-отт. 41,2. Уч.-изд. л. 40,0
Тираж 300 экз.

ФГУП «Издательство «Наука»
121099 г. Москва, Шубинский пер., 6, стр. 1
тел.: +7(495)276-77-35, e-mail: info@naukaran.com
<https://naukapublishers.ru>
<https://naukabooks.ru>

Издательская фирма «Восточная литература»
ФГУП «Издательство «Наука»
121099 г. Москва, Шубинский пер., 6, стр. 1
тел.: +7(499)241-02-52, e-mail: vostlit@gmail.com
www.vostlit.ru

Отпечатано в ФГУП «Издательство «Наука»
(Типография «Наука»)
121099, Москва Г-99, Шубинский пер., 6